Мф К-1
23607

38. 11.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

VI.

МОСКВА.
Типо литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^{0}. Пименовская ул., соб. д.
1904.

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ХОМЯКОВА.
VI.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

Алексѣя Степановича

ХОМЯКОВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^0**, Пименовская ул., соб. домъ.
1904.

ЗАПИСКИ

О ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТАГО ТОМА.

Стр.

Первыя историческія свѣдѣнія о человѣкѣ.—Преданія Израиля 1
Израильская хронологія 3
Какому племени принадлежатъ первыя преданія человѣчества 11
Преданія о разселеніи народовъ 16
Первыя кушитскія государства. Вавилонъ. Египетъ. Южная Индія и Кашмиръ 21
Историческая дѣятельность Кушитовъ. Жрецы. Касты 25
Паденіе власти жрецовъ 28
Иранцы. Борьба ихъ съ Кушитами. Нинъ, Джемшидъ и Семирамида . . . 37
Общественная и умственная жизнь Кушитовъ, ихъ вліяніе на Иранцевъ. Астрономія, письмена 50
Миграціи Семитовъ и Иранцевъ.—Древняя торговля.—Финикіяне 59
Миграціи Авраама. Переселеніе Евреевъ въ Египетъ. Гиксосы 65
Реакція кушитской стихіи въ Египтѣ 69
Индія. Внутреннее ея развитіе 73
Начало развитія Китая 78
Дальнѣйшая исторія Ассиріи. Земли иранскія. Персія 103
Малая Азія. Троя и ея борьба съ Греціей 106
Вліяніе Египта и Финикіи на Грецію, Критъ и Ѳивы 115
Пелазги и Эллины 117
Внутренній характеръ эллинской жизни. Религія Эллиновъ 123
Политическая жизнь Греція. Эра Олимпіадъ 131
Египетъ послѣ освобожденія отъ Гиксосовъ. Эпоха его величія и завоеваній 132
Паденіе Египетской державы. Разложеніе египетской державы 135
Финикія. Ея мореплаваніе. Религіозный характеръ Финикіи 142
Израиль. Его исторія въ эпоху судей и царей 148

Стр.

Упадокъ Израиля.—Эпоха пророковъ 161
Движеніе народовъ на Сѣверѣ: Киммеріи, Скиѳы, Сарматы-Азы 164
Индустанъ.—Развитіе Вишнуизма.—Буддаизмъ 169
Китай.—Его процвѣтаніе.—Лао-тсеу, Конфуцій 177
Паденіе Ассиріи.—Освобожденіе Вавилона.—Его значеніе 190
Навуходоносоръ.—Паденіе Египта.—Плѣненіе царства іудейскаго 194
Земли малоазійскія.—Лидія 209
Борьба Лидіи съ мидійскимъ царствомъ 213
Персія.—Паденіе Мидіи 216
Киръ.—Торжество Ирана надъ землями кушитскими 220
Внутренній характеръ персидской державы 224
Освобожденіе Израильтянъ 227
Камбизъ 228
Дарій. Его завоеванія. Походъ противъ Скиѳовъ 230
Столкновеніе Персовъ съ Греціей 235
Развитіе эллинской жизни.—Спарта и Аѳины 240
Величіе Аѳинъ и начало упадка 246
Умственное развитіе Эллады.—Религія, искусства, философія 248
Паденіе Эллады. Македонія и Филиппъ 257
Александръ.—Его завоеванія и отношеніе къ покореннымъ 261
Преемники Александра.—Египетъ при Птоломеяхъ.—Селевкиды.—индо-бактрійское царство 266
Царство парѳянское 279
Индія. Ея исторія. Характеристика ея развитія. Ея вліяніе въ человѣчествѣ 281
Китай.—Введеніе Буддаизма и другія западныя вліянія 297
Народы средней и сѣверной Азіи.—Ихъ движенія 303
Древнѣйшая исторія Италіи 306
Оски. Латины 322
Троянскія колоніи въ Италіи.—Альба 325
Начало Рима 328
Второй періодъ Рима 334
Сабинская стихія . . . . . —
Патриціи и плебеи 338
Стихія этрусская.—Тарквиній Древній 339
Вліяніе эллинское.—Греки въ Италіи 342
Царствованіе Сервія.—Тарквиній Гордый 346
Изгнаніе царей 347
Борьба съ Этрусками 351

Стр.
Борьба плебеевъ съ патриціями.—Ея результаты 354
Война Рима съ сосѣдними племенами Лаціума 359
Движеніе Кельтовъ на Западъ.—Вторженіе въ Италію 361
Разореніе Рима Галлами.—Войны и покореніе Италіи 367
Характеръ Карѳагена.—Борьба его съ Римомъ 368
Завоеванія Рима на Востокѣ.—Паденіе Македоніи, Греціи, царства Сирійскаго 377
Внутренній характеръ Рима послѣ его завоеваній.—Гракхи 381
Движеніе на Сѣверо-Востокъ.—Походъ Кимвровъ и Тевтоновъ.—Марій . . 384
Митридатъ и Силла 388
Паденіе республики.—Основа государственной силы Рима 390
Помпей и Юлій Кесарь 392
Завоеваніе Галліи.—Походы въ Британію и Германію 393
Торжество Кесаря надъ Помпеемъ 396
Октавіанъ-Августъ.—Начало имперіи 397
Религіозное состояніе Рима.—Значеніе права 400
Религіозное состояніе Эллады.—Философскія школы 404
Религіозное состояніе Израиля.—Мессіанизмъ 406
Состояніе міра при Августѣ 408
Явленіе Мессіи 409
Мѣсто, принадлежащее христіанству въ историческомъ развитіи міра . . . 410
Связь христіанской эпохи съ прежнею 412
Держава Августа.—Его завоеванія; борьба съ Германцами 413
Первые преемники Августа.—Маркоманны.—Покореніе Британніи 419
Паденіе Іудеи 425
Характеристика эпохи первыхъ Кесарей 428
Движеніе народовъ въ сѣверо-восточней Европѣ.—Роксоланы и Готы . . 432
Траянъ.—Его значеніе 436
Преемники Траяна.—Вторженіе Германцевъ 439
Пробужденіе восточныхъ народовъ. Сарацины. Царство пальмирское. Сассаниды 446
Римское государство въ III вѣкѣ.—Его внутреннее состояніе.—Характеръ философскихъ школъ 448
Борьба римскаго государства съ христіанствомъ 456
Китай и Средняя Азія въ первые вѣка по Р. Х. 459
Гунны.—Ихъ славянская стихія.—Ихъ борьба съ Германцами 462
Эрманарикъ и Аттила 464
Освобожденіе славянскихъ племенъ 470
Распаденіе Римской имперіи.—Діоклетіанъ и Константинъ. 473

Стр.

Обращенiе Константина.—Свойство онаго 475

Церковныя распри.—Арiанство.—Его послѣдствiя 477

Юлiанъ 480

Θеодосiй: христiанство, какъ государственная религiя Рима 483

Разрушенiе римской имперiи на Западѣ.—Гунны и Готы 486

Живучесть восточной имперiи и безсилiе западной; причины этого различiя 495

Германцы-завоеватели Запада. — Θеодорикъ. — Царство Готовъ и Лонгобардовъ въ Италiи 503

Примѣчанiя издателя 505

Первыя историческія свѣдѣнія о человѣкѣ.—Преданія Израиля.

Первое появленіе человѣка на землѣ есть историческое начало человѣчества. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ и дѣйствуетъ: съ тѣхъ поръ уже оно имѣетъ исторію.

Общій ходъ этой исторіи намъ извѣстенъ по даннымъ нарѣчій, вѣръ и племенъ; но подробности ея и послѣдовательность останутся навсегда неопредѣленными за недостаткомъ современныхъ повѣствователей. Первый періодъ жизни человѣческой, возсозданный разумомъ, а не разсказанный преданіемъ, называемъ мы до-историческимъ.

Собственно же историческій періодъ начинается съ первою повѣстью о жизни и судьбѣ отдѣльныхъ народовъ.

Большая часть племенъ человѣческихъ молчитъ, и только весьма немногія оставили намъ разсказъ о своихъ раннихъ судьбахъ. Эти немногія содержатъ въ себѣ начало опредѣлительнаго знанія и свѣта. Въ ихъ лучахъ живутъ и движутся для насъ другіе народы, болѣе или менѣе освѣщенные по мѣрѣ своего бóльшаго или меньшаго разстоянія отъ лучезарныхъ средоточій.

Самый тѣсный, но зато и самый древній, свѣтовой кругъ принадлежитъ семьѣ Израиля. Ея сказаніями начинается исторія.

Крохоборная и щепетильная критика нашего времени объявила споръ противъ древности книгъ, приписанныхъ преданіемъ законодателю народа еврейскаго. Безполезно бы было разбирать, какими тайными страстями руководились германскіе ученые и до какой степени нападеніе ихъ объясняется и оправдывается направленіемъ, даннымъ протестантству его первыми основателями. Нѣтъ и быть не можетъ неоспоримаго свидѣтельства для грубаго формализма, утратившаго чувство внутренней истины человѣческой, а такова ученость всего современнаго Запада; но для безпристрастнаго и просвѣщеннаго взгляда признаки несомнѣнной древности книгъ моисеевыхъ ясны и неоспоримы. Опредѣленіе вѣка, въ которомъ онѣ писаны, выходитъ изъ ихъ сравненія съ другими памятниками письменности еврейской. Такъ, напр., онѣ содержатся уже какъ существующій и всему народу извѣстный уставъ вѣры и жизни въ книгахъ царей, а достаточно трехъ свидѣтельствъ (I царств. гл. 8, ст. 8; II царств. гл. 13, ст. 23 и гл. 14, ст. 27), чтобы убѣдиться въ древности сказанія о царяхъ Израиля. Еще древнѣе книги Самуила. Смѣшно разбирать въ нихъ число халдеизмовъ, отыскивать въ нихъ новые обороты слова и новыя слова, указывающія на поздніе вѣка, и на измѣненіе чисто-еврейской рѣчи. Во-первыхъ, сами Евреи раздѣлялись на нѣсколько нарѣчій (это извѣстно изъ свидѣтельствъ о колѣнѣ ефраимовомъ) *), и многія разницы въ языкѣ писанія могутъ относиться къ разницѣ частныхъ нарѣчій, по мѣсту рожденія или образованія писателей. Во-вторыхъ, чѣмъ древнѣе памятникъ (если это памятникъ живого закона и живыхъ преданій), тѣмъ вѣроятнѣе найдутся въ немъ совершенно новыя слова. Языкъ живетъ и измѣняется. Нѣтъ нужды перемѣнять рѣчь, недавно записанную и слѣдовательно еще понятную; но есть явная необходимость замѣнять выраженіями новыми слова глубокой древности, утратившія смыслъ свой и право гражданства. Такова причина пересмотра священныхъ книгъ въ Россіи. Таково же вѣроятное объясненіе многихъ халдеизмовъ въ Пятикнижіи, замѣченныхъ микроскопомъ учености. Бѣдная ученость! Она вооружила глазъ свой стеклами и трубами и забыла, что, хотя микроскопъ видитъ цѣлую гору въ пещинкѣ и телескопъ приближаетъ все далекое и невидимое, одинъ только невооруженный глазъ человѣческій можетъ обнять вдругъ небо и землю и великолѣпное согласіе Божьяго міра. Въ книгахъ Самуила дышетъ истина старины; въ нихъ слышно біеніе сердца, подъ которое нельзя поддѣлаться. Вся исторія народа еврейскаго, всѣ его надежды обвились около дома давидова. Давидъ и Соломонъ окружили себя лучами величія, передъ которыми исчезаютъ всѣ остальныя преданія Израиля, передъ которыми благоговѣлъ и благоговѣетъ міръ восточный. Еще прежде, чѣмъ Коранъ и его поклонники распространили славу двухъ царей колѣна іудова, уже ходили поэтическія сказки про чудеса іерусалимскаго храма, про его основателя и про вдохновеннаго вождя, положившаго начало святому Сіону. Книги Самуила, грустный переходъ отъ богоправленія къ человѣческой государственности, полны скорбныхъ воспоминаній, а не великихъ надеждъ на будущее. Пусть будетъ это поддѣлка жрецовъ или пророковъ, жалѣющихъ объ утраченной власти; но то, чего поддѣлать нельзя, чего придумать было нельзя, это глубокая горесть Самуила, это человѣческое чувство любви, которое привязываетъ сѣдовласаго пророка къ цвѣтущей юности, къ богатырской силѣ, ко всей наружной красотѣ Саула *). Исполняя ли высшія велѣнія, повинуясь ли расчетамъ глубокаго разума, Самуилъ призываетъ на царство молодого Давида. Но Давидъ, это лицо, можетъ быть, самое поэтическое и прекрасное во всѣхъ сказаніяхъ человѣческихъ, навсегда остался чужимъ для стараго Самуила. Сердце пророка было съ Сауломъ, и короткій разсказъ объ этой любви, короткія слова глубокаго огорченія, содержатъ въ себѣ свидѣтельство неподдѣльной древности, понятное для всѣхъ людей, кромѣ ученыхъ. А книги Самуила полны отзвука Пятикнижія. Здравая критика могла бы прослѣдить эти признаки древности еще далѣе и до самыхъ временъ Навина; но начало писаной исторіи у Евреевъ уже явно относится къ первымъ вѣкамъ богоправленія израильскаго и становится безспорно древнѣйшимъ памятникомъ исторической письменности.

Израильская хронологія.

Относительно къ намъ или къ нашему лѣтосчисленію, первое явленіе чисто-историческое, лѣтопись дома израилева опредѣляется довольно ясно. Оно современно или почти современно появленію Евреевъ въ видѣ народа, живущаго отдѣльно отъ другихъ народовъ подъ однимъ уставомъ духовнымъ и гражданскимъ, т.-е. исходу Израиля изъ земли египетской въ XVI-мъ или, по другимъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Но лѣтопись, писанная вскорѣ послѣ переселенія Евреевъ въ южные предѣлы Палестины, уже получаетъ твердое историческое основаніе съ отдѣленіемъ семьи Авраама отъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ семей, т.-е. съ XIX-го или XXIII-го вѣка до Р. Хр.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, кромѣ сказанія еврейскаго, нѣтъ ни одного въ цѣломъ мірѣ, которое возводило бы народъ до его семейнаго зародыша.

Слѣдуетъ опредѣлить древность этой лѣтописи въ отношеніи къ человѣчеству вообще, или къ ея собственнымъ показаніямъ о младенчествѣ рода человѣческаго. Въ ней описаны двѣ главныя эры до Авраама: первая, твореніе человѣка; вторая, всеобщій потопъ и возобновленіе рода человѣческаго отъ одной избранной семьи. Періодъ между первою эрою и второю, важный въ смыслѣ религіозномъ и философскомъ, не имѣетъ полнаго значенія историческаго. Духовно связанный съ послѣдующимъ періодомъ, вещественно онъ отъ него оторванъ, и человѣчество, заключенное снова въ одномъ семействѣ, развивается въ форму племенъ, народовъ и общинъ, не отъ Адама, а отъ ноевой эры. Въ отношеніи къ ней и должно опредѣлить время Авраама, т.-е. начало истинной исторіи. Тутъ представляются великое затрудненіе и несогласіе между лѣтосчислителями.

Для приведенія въ ясность разногласящихъ исчисленій, надобно сперва сравнить показаніе еврейскаго текста и Вульгаты съ показаніемъ греческаго перевода, приписаннаго 70-ти толковникамъ.

По тексту еврейскому *Арфаксадъ* родился послѣ потопа черезъ два года, сынъ его *Салахъ* черезъ 37 лѣтъ; сынъ Салаха *Эверъ* черезъ 67 лѣтъ; сынъ Эвера *Фалекъ* черезъ 101 годъ; сынъ Фалека *Рагавъ* черезъ 131 годъ; сынъ Рагава, *Серухъ* черезъ 163 года; сынъ Серуха *Нахоръ* черезъ 193 года; сынъ Нахора *Ѳарра* черезъ 222 года; старшій сынъ Ѳарры черезъ 292 года, и Авраамъ, второй или третій сынъ Ѳарры, немного спустя послѣ этого времени или около 300 лѣтъ послѣ потопа или послѣ рожденія Арфаксада, сына симова и родоначальника дома израилева. Приводя годы ихъ рожденія и лѣта жизни въ таблицу, выходитъ слѣдующее:

Умеръ послѣ потопа.

Ной 350

Симъ жилъ послѣ рожденія Арфаксада 500 л., слѣд. . 502

Родился послѣ потопа.

Арфаксадъ	2	жилъ 438	440
Салахъ	37	жилъ 433	470
Эверъ	67	жилъ 464	531

	Родился послѣ потопа.		*Умеръ послѣ потопа.*
Фалекъ	101	жилъ 239	340
Рагавъ	131	жилъ 239	370
Серухъ	163	жилъ 230	393
Нахоръ	193	жилъ 148	341
Ѳарра	222	жилъ 205	427
Авраамъ	около 300	жилъ 175	около 475.

Итакъ, Авраамъ видѣлъ всѣхъ своихъ предковъ отъ перваго до послѣдняго, не исключая самого Ноя, и умеръ лѣтъ двадцать семь прежде Сима и около шестидесяти лѣтъ прежде Эвера, а во всемъ жизнеописаніи Авраамовомъ нѣтъ ни слова объ этихъ предкахъ, и земля уже раздѣлена точь-въ-точь какъ въ наше время; народы воюютъ, люди другъ друга не понимаютъ, и цари царствуютъ еще при жизни Сима, сына его, внука и правнука и едва ли не при жизни самого Ноя! Прибавимъ еще, что земля, по словамъ Пророка, была раздѣлена при Фалекѣ, слѣдовательно безспорно при самомъ возобновителѣ рода человѣческаго: ибо Ной пережилъ Фалека 10-ю годами. И это называется лѣтосчисленіемъ!

Гораздо вѣроятнѣе и согласнѣе съ здравымъ смысломъ показаніе греческаго перевода 70-ти толковниковъ. Таблица, составленная по ихъ лѣтосчисленію, не представляетъ никакихъ явныхъ несообразностей. Годы смерти Авраама и его предковъ распредѣляются въ ней слѣдующимъ порядкомъ:

Ной умираетъ послѣ потопа черезъ	350 лѣтъ.
Симъ	502 —
Арфаксадъ	467 —
Кайнанъ	597 —
Салахъ	727 —
Эверъ	901 —
Фалекъ	870 —
Рагавъ	1000 —
Серухъ	1123 —
Нахоръ	1131 —
Ѳарра	1207 —
Авраамъ	1247 или около 1250 послѣ потопа.

Все это показаніе имѣетъ характеръ чисто-историческій. Включеніе Кайнана въ число прородителей Израиля вполнѣ согласно съ позднѣйшими преданіями еврейскими, засвидѣтельствованными евангелистомъ Лукою въ его родословномъ спискѣ. Но нельзя не замѣтить нѣсколькихъ обстоятельствъ, ослабляющихъ вѣроятность восточнаго лѣтоисчисленія. Во-первыхъ, у всѣхъ предковъ Авраама родятся сыновья при возрастѣ совершенно одинаковомъ: у Арфаксада, когда ему сто тридцать пять лѣтъ; у Кайнана, когда ему сто тридцать; у Салаха тоже, у Эвера, когда ему сто тридцать четыре года; у Фалека, когда ему сто тридцать лѣтъ; у Рагава, когда ему сто тридцать два года; наконецъ, у Серуха, когда ему сто тридцать лѣтъ. Такое однообразіе въ началѣ поколѣній не можетъ не казаться весьма подозрительнымъ, особенно когда мы сравнимъ его съ родосчисленіемъ допотопнымъ. По тексту еврейскому возрастъ Нахора, когда родится Ѳарра, двадцать девять лѣтъ; возрастъ Арфаксада, когда родится Сала, тридцать пять лѣтъ; прочія поколѣнія начинаются при возрастѣ среднемъ между этими двумя крайними предѣлами. Тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и постоянная приставка сотни годовъ къ этимъ числамъ указываетъ на какую-то произвольную догадку ученыхъ переводчиковъ, замѣтившихъ все безобразіе лѣтосчисленія, сохраненнаго въ Вульгатѣ, и предположившихъ, при каждомъ поколѣніи, пропускъ сотеннаго знака. Во-вторыхъ, самое долголѣтіе предковъ авраамовыхъ не совсѣмъ согласно съ показаніемъ книги Бытія (гл. VI, ст. 3) о среднемъ возрастѣ человѣческомъ, установленномъ въ сто двадцать лѣтъ, кажется, для людей послѣпотопныхъ. Можно допустить исключеніе для Ноя и Сима, рожденныхъ до потопа; но мы не имѣемъ права исключить остальныхъ родоначальниковъ дома израилева изъ общаго закона. Это возраженіе падаетъ и на греческій переводъ, и на Вульгату; но въ греческомъ переводѣ разногласія еще разительнѣе, чѣмъ въ текстѣ еврейскомъ, ибо самыя поколѣнія начинаются при возрастѣ, превышающемъ установленную долготу средней жизни.

Вульгата, кромѣ неизвинительнаго пропуска цѣлаго поколѣнія (Кайнана), тутъ явно беретъ преимущество передъ переводомъ 70-ти толковниковъ; но превосходство текста нисколько не оправдываетъ лѣтосчисленія. Въ глубокомысленномъ законодателѣ народа еврейскаго здравая критика не имѣетъ права предположить дѣтскую ошибку, которой не позволилъ бы себѣ самый жалкій сборщикъ. Разрѣшенія же загадки должно искать въ объясненіи лѣтъ, приписанныхъ каждому поколѣнію отъ Сима до Авраама.

Во-первыхъ, мы должны замѣтить, что книга Бытія не содержитъ въ себѣ ученой исторіи, но представляетъ характеръ записанныхъ преданій; во-вторыхъ, что существованіе этихъ преданій прежде ихъ письменнаго утвержденія доказывается обстоятельствомъ, мало замѣченнымъ до сихъ поръ. Священное названіе народа еврейскаго, то названіе, подъ которымъ онъ получаетъ обѣщаніе и законъ, есть *Израиль*. Цѣль пятикнижія чисто-духовная, и Моисей не обращаетъ никакого вниманія на дѣла, имѣющія только историческое значеніе. Бытовое же имя народа, то имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ иноземцамъ, есть—народъ *еврейскій*. Моисей упоминаетъ объ *Эверѣ* слегка, не объясняя нисколько его важности для дома израилева. Только при имени сына его Фалека онъ говоритъ, что ему было дано имя *Фалека* отъ современнаго ему раздѣленія земли. Смыслъ этихъ словъ ясенъ: при отцѣ его Эверѣ произошло смѣшеніе языковъ и раздѣленіе ихъ. Отецъ далъ сыну имя, обозначающее *раздѣлъ* въ память великаго происшествія. Другого объясненія нельзя предполагать. Эверъ былъ главою семьи во время переворота, разорвавшаго связь симова племени. Слова Моисея содержатъ намекъ на преданіе; слѣдовательно, преданіе это существовало живо въ народѣ, также какъ и многіе другіе, вѣроятно, какъ и всѣ преданія, записанныя въ духовномъ уставѣ ветхаго завѣта. Но отъ преданія должно требовать только того, что возможно преданію: сохраненія памяти о происшествіяхъ, облеченной уже въ формы народныхъ понятій. Понятія восточныя (какъ всѣмъ извѣстно) сливаютъ весь родъ съ родоначальникомъ. Такъ для Библіи Ассирійцы—Ассуръ и Еѳіопляне—Кушъ; такъ Израильтяне—Израиль. Послѣ родоначальника потомство его дѣлится на колѣна, носящія имя дѣтей его и такъ далѣе; но общность рода, живущаго подъ однимъ уставомъ духовнымъ и гражданскимъ, представляетъ въ себѣ лицо неумирающаго родоначальника. Раздѣлъ общины вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ или внѣшняго напора перемѣняетъ отношенія ея къ ея основателю. Отдѣлившееся колѣно уже не имѣетъ права носить великое имя общаго источника всѣхъ братскихъ колѣнъ. Евреи могутъ называться Израилемъ, но не могутъ называться ни Авраамомъ, по отдѣленіи Измаилитовъ, ни Исаакомъ, по отдѣленіи поколенія Исава. Царство Ровоама по отпаденіи десяти колѣнъ уже не можетъ назвать себя Израилемъ, но принимиетъ имя колѣна іудова, поглотившаго въ себя малозначительнаго Веньямина. Отпавшія колѣна продолжаютъ называть себя Израилемъ или потому, что ни одно колѣно не преобладало въ нихъ, или по злоупотребленію и измѣненію древнихъ обычаевъ*). И такъ, можно положить за общее правило, что родоначальникъ считался живымъ до тѣхъ поръ, покуда все его потомство составляло одно гражданское цѣлое и покуда одно изъ колѣнъ не выступало на поприще отдѣльной дѣятельности: тогда умиралъ родоначальникъ, а сынъ его, давшій имя своему колѣну, начиналъ свою жизнь.

Менѣе доказательствъ положительныхъ, но весьма много вѣроятностей найдемъ мы въ пользу другого положенія, именно: что глава отдѣлившейся семьи принималъ имя родоначальника не всей общины, но того колѣна, которое начинало особую и самобытную жизнь. Ровоамъ, по этому правилу, долженъ бы былъ, какъ начальникъ дома Іудова, принять имя Іуды, какъ собственное, и сынъ его уже былъ бы не сыномъ Ровоама, но сыномъ Іуды. При второмъ раздѣленіи колѣно отдѣляющееся приняло бы уже не имя Іуды, но имя сына Іуды, Ровоама. Исторія застаетъ уже родъ человѣческій въ эпоху слишкомъ далекую отъ первобытной простоты; но Персія и другія восточныя земли представляютъ много примѣровъ царей, основавшихъ новую династію и принявшихъ по восшествіи на престолъ имя, прославленное уже основаніемъ династіи древнѣйшей. Это остатокъ забытой старины. Тѣсная же связь родоначальника съ родомъ, происходящимъ отъ него, или колѣноначальника съ своимъ колѣномъ засвидѣтельствована для насъ неоспоримо закономъ Евреевъ о возстановленіи сѣмени бездѣтнаго брата. Мнимый отецъ даетъ имя потомству, а не братъ, принявшій на себя обязанность возстановить угасшее колѣно.

Вотъ тѣ положенія, по которымъ должно возсоздать лѣтосчисленіе отъ потопа до Авраама. Обозначеніе возраста, на которомъ рождаются дѣти, давшія впослѣдствіи названіе свое новымъ поколѣніямъ, нужно было только для показанія, что эти новые родоначальники были дѣйствительно потомками прежнихъ, и что обычаи хранились неизмѣнными, какъ и преданія. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что лица, считаемыя предками Авраама отъ самаго потопа, не имѣютъ той рѣшительной личности, которая приписана праотцтмъ допотопнымъ. О тѣхъ, которые жили послѣ Ноя, говорится только: «Такой-то, будучи такихъ-то лѣтъ, родилъ такого-то и послѣ того еще жилъ столько-то и родилъ еще сыновей и дочерей». О допотопныхъ говорится: «Такой-то, будучи такихъ-то лѣтъ, родилъ такого-то и послѣ того жилъ еще столько-то, а всего столько-то и потомъ умеръ». Очевидно, первое выраженіе не представляетъ той опредѣленной личности, которая замѣтна во второмъ.

Итакъ, мы имѣемъ полное право считать имена предковъ авраамовыхъ отъ Сима до Нахора за имена родовыхъ общинъ; вѣкъ ихъ—за періодъ нераздѣльности, а смерть каждаго изъ нихъ за начало отдѣльной общины, которой старшина, вступая въ свои новыя права, принималъ имя давно умершаго колѣноначальника. Чѣмъ болѣе удаляется родъ человѣческій отъ своего младенчества, не вступая еще въ новую эпоху искусственнаго гражданства, тѣмъ короче періоды нераздѣльности и тѣмъ скорѣе распадаются семьи. Такъ, напр., отъ Нахора съ каждымъ поколѣніемъ перемѣняется имя рода потому, что съ каждымъ поколѣніемъ начинается новый раздѣлъ, покуда община не скрѣпилась снова въ Израилѣ общимъ духовнымъ и гражданскимъ уставомъ великаго законодателя. Названіе же Евреевъ или семьи эверовой, памятникъ о великомъ событіи и грустной эпохѣ, въ которую утратилось чувство человѣческаго братства, имѣетъ значеніе чисто-историческое, не подлежитъ общему закону о родовыхъ названіяхъ и принадлежитъ болѣе иноземцамъ, знавшимъ Евреевъ подъ этимъ именемъ, чѣмъ самимъ Евреямъ.

Таблица, составленная вслѣдствіе этихъ законовъ по показанію ново-еврейскаго текста со включеніемъ Каинана по 70-ти толковникамъ и съ исключеніемъ Ноя, котораго личность опредѣлена согласно формѣ допотопныхъ праотцевъ, была бы слѣдующая:

	Года послѣ потопа.
Родъ Сима подъ именемъ *Симъ* кончается	502.
Колѣно, взявшее имя Арфаксада и котораго первый старшина названъ Арфаксадомъ и имѣлъ сына Каинана нераздѣльно 438 лѣтъ, кончается	940.
Колѣно, отдѣлившееся подъ именемъ Каинана и котораго первый старшина, принявъ имя Каинана, имѣлъ сына Салаха нераздѣльно 460 лѣтъ, кончается	1400.
Колѣно второго Салаха, котораго первый старшина имѣлъ сына Эвера, живетъ нераздѣльно 433 года и кончается	1833.
Колѣно второго Эвера, котораго первый старѣйшина имѣлъ сѣна Фалека нераздѣльно 464 года; въ это время рожденіе Фалека и раздоръ народовъ (Вавилонская башня)	1867.
оно кончается	2267.
Колѣно второго Фалека такимъ же образомъ кончается	2506.
Колѣно второго Рагава кончается и начинается колѣно Серуха	2845.

Начинаются личности еще при жизни рода серухова рожденіемъ Нахора . . . . . . 2875.
рожденіемъ Ѳарры . . . . 2904.
и рожденіемъ Авраама около . . . 2974.
Колѣно серуха кончается . . . . 3075.
Ѳарра умираетъ . . . . 3109.
Авраамъ умираетъ около . . . . 3149.
или около 3400 лѣтъ послѣ потопа, если Нахора сочтемъ родовымъ преемникомъ, а не сыномъ Серуха.

Итакъ мы видимъ, что преданія Евреевъ составляютъ великій просторъ доисторическоту періоду и не хвалятся глубокою древностію. Тридцативѣковое младенчество рода человѣческаго, не оставившее никакихъ письменныхъ памятниковъ, обнимаетъ собою то время, въ которое развивались характеры отдѣльныхъ племенъ и народовъ, въ которое разрастались и гибли сѣмена просвѣщенія, въ которое, наконецъ, происходили всѣ великія явленія внутренней жизни человѣческой, засвидѣтельствованныя составомъ нарѣчій и разнообразіемъ исповѣданій; Кельтъ, Иверецъ, Германецъ, Славянинъ, Монголъ и Финнъ уже отдѣлялись почти также рѣзко другъ отъ друга, при Авраамѣ, какъ и 18 вѣковъ послѣ Р. Хр., т.-е. около 40 вѣковъ послѣ Авраама или 35 вѣковъ послѣ перваго лѣтописца Моисея. Поэзія Индустана, которой первыя произведенія относятся безспорно ко второму тысячелѣтію до Р. Х., и современныя ей надписи на несокрушимыхъ гранитахъ Египта знаютъ уже про Скиѳовъ и Мидійцевъ, про Саковъ и чернолицыхъ, курчавыхъ варваровъ, враговъ иранскаго Брахмана. Народы прирѣчія евфратскаго и приморья палестинскаго раздробились на множество враждебныхъ семей, и весь міръ безспорно уже представлялъ тѣ же явленія войны и раздоровъ, которыя описаны древнѣйшимъ изъ всѣхъ историковъ въ тѣсной области Семитовъ на юго-западѣ Азіи.

Какому племени принадлежатъ первыя преданія человѣчества.

Опредѣливъ эпоху письменныхъ сказаній дома израилева по собственному ихъ свидѣтельству и признавъ въ нихъ характеръ преданія, мы должны разсмотрѣть вопросъ о томъ, которому изъ великихъ племенъ человѣческихъ принадлежатъ преданія, записанныя въ Пятикнижіи.

Законодатель Евреевъ представляетъ народъ свой одною изъ младшихъ отраслей человѣчества и возводитъ ее до второго, если не младшаго сына Ноева Сема (по славянскому правописанію *Сима*). Для него начало общины не восходитъ въ глубокую древность; вчера еще вся она заключалась въ одномъ лицѣ Авраама, переселенца съ сѣвера на югъ, изъ родины въ землю чужую, въ землю не пустынную, но уже населенную родомъ Ханаана (таковъ смыслъ гл. XII, ст. 6 въ книгѣ Бытія). Въ новыхъ жилищахъ своихъ онъ вступаетъ въ дружественныя отношенія съ туземцами, не чуждаясь ни политическихъ, ни духовныхъ, ни брачныхъ союзовъ съ ними, хотя памятъ о родовой общинѣ и заставляетъ его искать невѣсты для сына въ колыбели рода своего, въ сѣверномъ междурѣчіи, въ странѣ около истоковъ Тигра и Евфрата. Позднѣйшія преданія показываютъ намъ горную преграду между чашею Каспія и системою южно океанскою во власти племени иранскаго и не какъ землю, завоеванную имъ, но какъ исконное его владѣніе. Тутъ земля святая, первозданная, благословенный Иранъ (*Эріене*, *Гиланъ*), въ которой примыкаетъ великій Иранъ зендскій (*Ма-зэнд-еранъ*), тутъ столица Азовъ (*Азбурзъ*, *Азбургъ*) *), тутъ корень Халдеи, которая представляетъ множество точекъ соприкосновенія словеснаго и духовнаго съ странами иранскими; тутъ наконецъ, встрѣча Арамейцевъ съ племенемъ иранскимъ (¹). Книга Пророка не содержитъ въ себѣ явныхъ доказательствъ неизмѣнности языка въ семьѣ авраамовой. Окруженная чужеземцами (ибо они *Хананиты*, т.-е. *Хамиды*, а не *Семиты*), со-

---

[1] Должно помнить, что авторъ подъ именемъ *Ирана*, племени *иранскаго* разумѣетъ, какъ видно изъ первой части этого сочиненія, землю *арійскую*, племя *арійское* или *индо-европейское* вообще, а не только то, что въ настоящее время принято называть иранскимъ племенемъ, т.-е. въ частности Персовъ съ ближайшими къ нимъ азіатскими вѣтвями арійскаго поколѣнія. *Изд.*

хранила ли она свое нарѣчіе? Моисей, не разрѣшая филологическаго вопроса, представляетъ намъ одинъ только намекъ, но намекъ рѣшительный на перемѣну нарѣчія у потомковъ избраннаго родоначальника. Когда Израиль ставилъ холмъ въ память братскаго союза съ родственникомъ своимъ Лабаномъ, холмъ свидѣтельства вѣчнаго для будущихъ поколѣній, онъ назвалъ его *Галедъ*; а Лабанъ, никогда не оставлявшій своей родины, вѣроятно не измѣнявшій языка ихъ общихъ предковъ, назвалъ тотъ же холмъ въ томъ же смыслѣ *Егаръ-Сагадуѳа*. Имя, данное Іаковомъ, принадлежитъ явно къ такъ называемымъ нарѣчіямъ семитическимъ, т.-е. сиро-аравійскимъ; имя, данное Лабаномъ, въ формахъ своихъ и въ составѣ носитъ характеръ, совершенно чуждый имъ. Разложеніе его представляетъ намъ корни чисто-иранскіе: именно *гаръ* (слав. *гора*, зенд. *гайри*, санск. *гири*), соединительный префиксъ *са*, *со* (санскритскій и славянскій, перешедшій въ германское *ge*) и корень *гад* (слав. *вѣдать*, санск. *вид*, герм. *wit*, грч. *εἰδεναι*), корень чисто-иранскій, принявшій по закону западно-иранскихъ нарѣчій придыханіе *г* (*h*) вмѣсто начальной буквы *в* *). Такимъ образомъ убѣжденные въ измѣненіи языка израильскаго, мы имѣемъ полное право предположить въ немъ начало общее съ языками Ирана и самую семью Авраама или Эвера приписать къ великой общинѣ при-каспійской, къ кореннымъ жителямъ его родины, цѣпи арарато-демавендской. Нарѣчіе же нынѣ извѣстное подъ именемъ *еврейскаго* должно признать за заемное отъ племени Хамидовъ ханаанскихъ *), съ которымъ Моисей отрицаетъ всякое кровное родство, несмотря на тождество словеснаго начала. Этому нарѣчію слѣдуетъ дать имя израильскаго, а не еврейскаго.

Итакъ, сравненіе сказаній, заключенныхъ въ Пятикнижіи, съ данными, почерпнутыми изъ преданій и памятниковъ другихъ народовъ, даетъ ясное и удовлетворительное разрѣшеніе загадки, до сихъ поръ не объясненной, сходства между преданіями еврейскими и миѳами индо-персидскими и рѣзкаго несходства тѣхъ же преданій съ миѳами египто-сирійскими. Языкъ семьи Авраама измѣнился и замѣненъ былъ нарѣчіемъ окружныхъ племенъ палестинскихъ; но духовное ученіе и память о прошломъ остались неизмѣннымъ сокровищемъ дома израилева, несмотря на соблазны вещественнаго богопоклоненія, на долгое рабство въ землѣ чужой и на безпрестанныя сношенія съ великолѣпнымъ міромъ идолопоклонниковъ Кушитовъ. Смѣшно искать въ Индустанѣ первообраза библейскихъ преданій или думать, что Израиль занялъ свою вѣру отъ послѣдователей Зенд-Авесты; но не должно, вопреки здравому смыслу, допускать и вліянія Мозаизма на прибережья Инда и Ганга или предполагать, съ однимъ изъ лучшихъ историковъ современной Германіи, что ученіе Заратуштры (Зороастра) развилось въ послѣдствіе плѣненія Евреевъ царями вавилонскими. Израиль, мелкая вѣтвь Ирана, пересаженная въ чужую землю, не утратилъ своего коренного характера. Онъ хранилъ свято и ненарушимо великія преданія великой семьи, искони поклонявшейся творчеству свободнаго духа, и передалъ потомству глубокомысленное ученіе общихъ предковъ Ирана. Брахма, творецъ, и Ману, возобновитель рода человѣческаго, спасенный Богомъ отъ общаго потопа, и весь родъ человѣческій, происходящій отъ одного родоначальника, суть явные отголоски древняго Иранства въ многосложномъ и нестройномъ синкретизмѣ индустанской религіи. Змѣй Агримана, разсказы о *Мешія* и *Мешіане* *), память о древнемъ учителѣ *Хаомо* (не *Семъ* ли, по переходѣ *с* въ придыханіе?), весь составъ, вся духовная основа зендской вѣры еще яснѣе свидѣтельствуютъ объ одномъ началѣ съ боговѣдѣніемъ еврейскимъ. Одной только близорукой и крохоборной критикѣ нашего времени можно было сомнѣваться въ глубокой древности мессіаническаго ожиданія, когда уже искони Индустанъ ждалъ грозно-спасительнаго Калки-Аватара *), когда Мидо-Бактрія надѣялась на пришествіе святого Сесіоша, и Эллины помнили о будущемъ сынѣ *Метэ*, царѣ правды и разума. Одно начало племени иранскаго, одно начало языка, утраченнаго семьею Авраама, одно начало вѣры, ею одною сохраненное въ чистотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи она заимствовала много символовъ отъ сосѣдей, что нѣкоторые обряды, съ которыми былъ связанъ смыслъ духовный, перешли къ ней отъ народовъ палестинскихъ; но въ смыслѣ и духѣ она всегда была Ираномъ, и единственно Ираномъ, съ его духопоклоненіемъ, съ его понятіемъ о творческой свободѣ, съ его прозрачными символами и съ его памятью объ обще-человѣческомъ братствѣ. Ни берега Средиземнаго моря, ни долина Нила не имѣютъ ничего общаго съ сказаніями пророка. Ассирія, граница двухъ племенныхъ областей, помнила еще о потопѣ, о Ксисуөрѣ, спасенномъ властью бога Хона *). Это можно заключить не только изъ поздняго и сомнительнаго Бероза, но изъ нѣсколькихъ изображеній, открытыхъ въ развалинахъ Вавилона; но Вавилонъ и Ниневія, вся Халдея и междурѣчіе Тигра и Евфрата были столько же подъ вліяніемъ Сѣверо-Востока, сколько и Юго-Запада. Языкъ ихъ носитъ и носилъ издревле (вѣроятно еще прежде Авраама) двойной характеръ. Вѣра ихъ колебалась между грубою вещественностью Кушитовъ и духовностью Иранцевъ (особенно въ отношеніи къ идолопоклонству). Явное и окончательное торжество юго-западнаго начала не изгладило всѣхъ преданій восточныхъ, но уничтожило смыслъ ихъ и разорвало связь съ религіею. Египетъ, менѣе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ подверженный дѣйствію иранскаго ученія, не имѣетъ совершенно ничего общаго съ Евреями въ преданіяхъ о космогоніи, или о братствѣ человѣческомъ, или о потопѣ. Уже давно замѣчено, что разсказъ о Өивахъ, которыя однѣ высились надъ волнами, покрывавшими землю *), разсказъ нелѣпый по низменности ихъ мѣстоположенія, взятъ хвастливыми Египтянами изъ еврейскаго сказанія, въ которомъ имя ковчега было *Өебахъ*, и включенъ безъ толка и связи въ баснословную исторію царства при-нильскаго. Палестина также чужда преданіямъ моисеевымъ, какъ и Египетъ. Чѣмъ чище начало иранское (какъ въ Мидо-Бактріи), тѣмъ ближе духъ вѣры и смыслъ преданій къ вѣрѣ и преданію Израиля. Писаная на языкѣ Семитовъ, книга Бытія, изъ которой истекаетъ древнѣйшій свѣтовой кругъ для исторіи, есть память, сохраненная духопоклоннымъ Ираномъ о первомъ младенчествѣ рода человѣческаго, о первыхъ историческихъ судьбахъ его.

Преданія о разселеніи народовъ.

Воды схлынули съ земли. На скатахъ снѣгового Арарата ступилъ возобновитель рода человѣческаго на новую сушу и возблагодарилъ Бога.

Мѣстность перваго населенія опредѣлена уже сравненіемъ преданій ирано-индостанскихъ и ирано-мидійскихъ. Священная гора, свѣтлый Аль-Борузи *), принадлежитъ западному берегу Каспійскаго моря.

Жизнь семьи ноевой была трудовая, хлѣбопашественная (Быт. гл. XI, ст. 20).

Очевидно, преданія эти принадлежатъ племени осѣдлому, и переселеніе Авраама въ страну южныхъ Эламитовъ одно только дало кочевое направленіе быту его потомковъ, хотя нельзя отвергать наклонность многихъ отраслей иранскихъ къ жизни пастушеской (это видно изъ сказаній допотопныхъ); впрочемъ, скотоводство и землепашество, первоначально соединенныя, распались вслѣдствіе увеличившагося народонаселенія и вслѣдствіе личнаго характера отдѣлившихся семей.

Недолго продолжалось житье молодой общины въ единствѣ духовнаго братства. Первыя поколѣнія еще не кончили земного поприща, какъ уже развратъ мысли оторвалъ цѣлое племя отъ святого союза и бросилъ сѣмена будущихъ раздоровъ. Родоначальникъ и представитель своего рода (по понятіямъ Востока), Хамъ въ наглой насмѣшкѣ выражаетъ признаніе органической необходимости за вѣчное начало всего сущаго; и потомки его воздаютъ грубое поклоненіе обоготворенному ея символу. Эти потомки названы: *Кушъ* (Эѳіопія), кажется, признанный за старшаго; *Мицраимъ* (Египетъ), *Путъ* (юго-западная Африка, по многимъ даннымъ и особенно по вѣроятному чтенію надписей египетскихъ) и *Ханаанъ.* Въ этой отрасли человѣческаго рода преданіе исчезаетъ, ибо преданіе неразрывно связано съ воззрѣніемъ на общее начало вѣры, выражающейся въ преданіи, или принимаетъ смыслъ, совершенно противоположный первоначальному (какъ въ поклоненіи змѣѣ). Тутъ же развивается односторонность вещественнаго просвѣщенія, убивающая всякое словесное и духовное стремленіе, возможное только для духа, поклоняющагося свободно-творящему духу.

Южныя страны сдѣлались жилищемъ Хамидовъ; великія торжества увѣнчали ихъ первоначальные труды; великая слава была наградою за ихъ страстно-вещественную односторонность; но свѣтлое сознаніе Ирана наложило проклятіе на ихъ условную вѣру и грубые символы; гордое сознаніе духовныхъ силъ Ирана изрекло пророчество рабства на ихъ вещественную силу: и пророчество сбылось.

Смѣшны усилія близорукой науки, когда она стремится объяснить всѣ явленія исторіи изъ законовъ разумной необходимости. Многое въ жизни есть прямое проявленіе произвола и случайности или совокупныхъ дѣйствій свободы человѣческой и воли всемірной, которой не разгадалъ и не разгадаетъ человѣкъ. Всякая логическая философія разбивается о *Zufälligkeit* (случайность), которая невозможна въ саморазвивающихся формулахъ и необходима для проявленія этихъ самыхъ формулъ. Поэтому невозможно сказать утвердительно, какія побужденія управляли первыми переселеніями людей по лицу пустынной земли; но если есть какая-нибудь скрытая гармонія между строемъ мысли человѣческой и характеромъ климатовъ, то понятно стремленіе вещественнаго Хамида къ странамъ буйно-вещественнаго Юга, къ его роскошной растительности и знойному небу. Климатъ и внутреннія страсти человѣка, произвольно избравшаго себѣ жилища, должны были развить племенную особенность и проявить ее въ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, видахъ. Отдѣльное дѣйствіе климата ничтожно, но оно безконечно-сильно, когда вызываетъ наружу силы сокровенныя, но живущія уже въ растеніи или животномъ.

Племя симово осталось въ средней полосѣ, племя яфетово подвинулось къ сѣверу; но такъ какъ духовный союзъ не былъ расторгнутъ, трудно положить между ними ясные предѣлы. По всей вѣроятности, многіе потомки Сима жили между Яфетидами и много Яфетидовъ между Семитами, или по словамъ писаннаго преданія: «Яфетъ вселялся въ селеніяхъ Сима». Впрочемъ, эти слова наводятъ на предположеніе о большей осѣдлости Семитовъ.

Свободно и легко расходились племена по простору привѣтливой земли, но сношенія дружбы и братства не были еще забыты. «Одни уста были у всей земли и одинъ языкъ у всѣхъ»*), по живому и глубоко-поэтическому выраженію Ветхаго Завѣта. Но сѣмена духовнаго раздора уже были брошены отступничествомъ Хамидовъ отъ общаго преданія. Внутренній союзъ потерялъ свою силу; прибѣгли къ союзу внѣшнему, условному, къ попыткѣ одного государственнаго устройства для всего рода человѣческаго, съ одною правительственною или религіозною столицею. Мѣсто ей было выбрано въ равнинахъ сеннаарскихъ, и общимъ трудомъ положены основанія великолѣпнаго зданія, передъ которымъ долго благоговѣли народы, безсильные подражать ему, и о которомъ разсказы, самые несомнѣнные, кажутся сказкою для вѣковъ, усовершенствовавшихъ всѣ практическія науки.

Таковъ явный смыслъ преданій о вавилонской башнѣ. Ее строили люди, чтобы не разсѣяться; и только ученымъ, никогда не выходящимъ изъ своихъ ученыхъ темницъ, могла придти въ голову мысль принять эту башню за путеуказательный маякъ въ пустынѣ. Спросите у Калмыка или у американскаго Сіуса, нужны ли маяки тому, кто видитъ солнце днемъ, а звѣзды ночью! Хоть бы съ русскимъ казакомъ побесѣдовали ученые!

Не благословенъ былъ трудъ строителей въ равнинѣ сеннарской. Условный союзъ и условная община невозможны при внутреннемъ разладѣ убѣжденій. Попытка искусственнаго соединенія кончилась, какъ должна была кончиться, раздоромъ. То, что̀ должно было скрѣпить слабѣющія узы дружбы между племенами, разорвало ихъ навсегда. Давно хладѣющее чувство братства замѣнилось явною и прямою ненавистью; загорѣлась вражда народовъ и перешла въ тяжкое наслѣдство, отъ котораго человѣчество откажется только тогда, когда единство убѣжденія возобновитъ общій внутренній союзъ.

Невозможно опредѣлить прямыхъ поводовъ къ раздору. Много было причинъ къ нему: или въ спорѣ о первенствѣ родовъ или въ разногласіи вѣръ. Какъ бы то ни было, памятникъ которымъ люди думали прославить имя свое и увѣковѣчить свидѣтельство о древнемъ союзѣ своемъ, остался недоконченнымъ. Мѣсто его теперь обозначено громадными холмами кирпичей, которые мало-по-малу исчезаютъ въ глубинѣ приевфратскихъ болотъ. Народы разсѣялись по лицу всей земли, забывая другъ про друга или вспоминая другъ о другѣ только для взаимной ненависти, и каждая семья, преданная своему личному произволу, окончательно исказила общее достояніе: единство слова, нѣкогда выражавшее единство мысли.

Эпоха строенія вавилонскаго опредѣляется въ преданіи рожденіемъ Фалека, слѣд., относится къ половинѣ IV-го тысячелѣтія до Р. Хр. Колѣно, къ которому принадлежала семья израильская, носило тогда имя Эвера, своего колѣноначальника: имя, сдѣлавшееся впослѣдствіи бытовымъ названіемъ Авраама и его потомковъ.

Кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода; кончились взаимныя сношенія и развитіе просвѣщенія синтетическаго и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ раннемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря, и не вѣря ему, назвалъ его Золотымъ Вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка героическіе.

Югъ, какъ мы сказали, принадлежалъ Хамидамъ. Безполезно было бы входить въ разсмотрѣніе всѣхъ семейныхъ именъ, подъ которыми они извѣстны въ европейскомъ преданіи. Должно только замѣтить, что къ нимъ принадлежали многіе народы, носящіе имя *Себа* и *Шева*, весьма важное по своему значенію въ исторіи просвѣщенія и миѳологіи. Къ Хамидамъ принадлежали и всѣ первоначальные жители Ханаапа, и Филистимляне, и Финикійцы, которыхъ древнѣйшій городъ, по указанію Ветхаго Завѣта, также какъ и по другимъ свидѣтельствамъ, и былъ Сидонъ, и жители нѣкоторыхъ острововъ въ Средиземномъ морѣ (какъ напр. Кипра), и Лудимъ, которыхъ находимъ еще и теперь въ южныхъ границахъ Марока и въ оазисѣ Гуалата подъ именемъ Шелуховъ или Лудая и Лудамаръ. Очевидно, понятіе о родствѣ народовъ основано было не на тождествѣ языковъ; иначе Евреямъ должно было бы приписать себя къ Хамову племени по сродству нарѣчій израильскаго и финикійскаго.

Колѣна семитическія населили страну, ближайшую къ горной системѣ араратской. Къ нимъ причислены Эламиты сѣверной Аравіи, Арамейцы сирійскіе, Ассирія и двое племенъ, которыхъ невозможно опредѣлить, Арфаксадъ, отъ котораго Евреи вели свое начало, и Лудъ, безъ всякой причины принятый за Лидійцевъ. Должно замѣтить, что многія отрасли семитическія носятъ названія, повторенныя въ родословной Хамидовъ: таковы *Ассуръ*, *Себа*, *Гавила* и *Лудъ*. Это, кажется, намекъ на смѣсь поколѣній.

Колѣна яфетическія показаны самыми многочисленными изо всѣхъ. О нихъ въ особенности употреблено выраженіе: «отъ нихъ раздѣлились острова народовъ», которое не повторяется ни о Хамидахъ, ни о Семитахъ. Вѣроятно имъ приписывалось большое разселеніе и, можетъ быть, какой-то особенный почетъ, высказанный въ признаніи ихъ за старшее племя въ родѣ человѣческомъ. Къ нимъ принадлежатъ многіе народы, живущіе или жившіе на сѣверныхъ скалахъ Арарата и на кавказскомъ пригорьѣ, какъ *Месехъ* (вѣроятно Мосхи) и *Тубалъ* (кажется, Иверцы), многіе, которыхъ жилища были еще далѣе на сѣверъ, какъ *Гомеръ*, *Рифаѳъ*, *Тирасъ*, *Ѳогарма* и *Магогъ*, и наконецъ другіе, которые явно входятъ въ составъ иранскаго племени, именно *Доданимъ* (быть можетъ, Пелазги *); во всякомъ случаѣ народъ западный), *Мадаи* (безъ сомнѣнія Мидійцы) и *Яванъ*, которыхъ угодно книжникамъ считать Іонійцами или Эллинами, но которые, вѣроятно, суть не что иное, какъ система сармато-славянская или Аза-Ваны (по крайней мѣрѣ въ словесности санскритской царь Кала-Явана и Яваны вообще явно принадлежатъ Бактріи и Афганистану) *). Съ именемъ Яванъ соединены, какъ и слѣдовало, имена, напоминающія міръ эллино-пелазгическій.

Безполезно бы было слѣдить и разбирать критически названія племенъ по библейскому указанію. Всѣ источники, которыми можно бы было пользоваться для сличенія, слишкомъ поздни въ сравненіи съ этими первобытными преданіями; самыя имена слишкомъ неопредѣленны, и разгулявшійся произволъ критика можетъ легко впадать въ смѣшныя догадки, основанныя единственно на случайномъ сходствѣ народныхъ прозвищъ. Очевидно только то, что въ этнографіи Моисея черное племя признано за Хамидовъ и сѣверо-восточное, желтое, отнесено къ Яфетидамъ. Бѣлое, включенное отчасти въ потомство Яфета и отчасти въ потомство Сима, безъ явнаго раздѣленія, слѣдуетъ опредѣлить по другому признаку, именно по общему началу просвѣщенія, и оставить ему названіе иранскаго по странѣ, сохранившей съ наибольшей чистотой достояніе мысли и слова.

Первыя кушитскія государства: Вавилонъ, Египетъ, Южная Индія и Кашмиръ.

Первая община, которою начинается исторія, *Вавилонъ*. Первое лицо, которое вводитъ насъ въ вѣка героическіе, *Нимвродъ* *). Простодушное преданіе сохранило память о первомъ завоевателѣ, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о счастливомъ невѣжествѣ людей, не знавшихъ, какъ назвать новое, грустно-великое явленіе. Были убійства частныя и имена для убійцы. Но война и завоеваніе, этотъ итогъ безконечныхъ убійствъ, безстрастныхъ и безкорыстныхъ, это исполинское преступленіе всѣхъ законовъ человѣческихъ, эта мерзость, сопряженная съ очаровательнымъ величіемъ и съ соблазномъ себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей; одно только было на нее похоже: ловитва въ большихъ размѣрахъ. Первый завоеватель, Нимвродъ, названъ былъ исполиномъ-ловцомъ, котораго судитъ Богъ, а не люди («исполинъ - ловецъ передъ Богомъ»).

Когда возникъ раздоръ семей и вражда обратилась въ борьбу за первенство, племена, сохранившія простоту семейнаго быта и безискусственность синтетическаго просвѣщенія, должны были сдѣлаться жертвою переворота, къ которому они не были готовы. Племена, оторвавшіяся отъ древней семейной простоты, развившія односторонность свою въ изученіи вещественныхъ силъ природы, въ свободномъ анализѣ, не связанномъ никакимъ преданіемъ, и въ условномъ порядкѣ государственности, основанной на общемъ согласіи для частной выгоды каждаго, эти племена должны были одержать верхъ надъ безсильнымъ сопротивленіемъ народовъ, младенчески простодушныхъ. Владычество міра въ его новомъ искаженіи принадлежало Хамидамъ. Столица общечеловѣческая осталась въ рукахъ племени кушитскаго и подъ властью кушитскаго просвѣщенія.

Изъ вавилонскаго средоточія подвинулись непобѣдимыя дружины на сѣверъ: возникли новые города въ области иранской, вдоль быстрыхъ волнъ Тигра и Евфрата, покоренныхъ искусствомъ Хамидовъ, закованныхъ въ гранитные берега и перехваченныхъ гранитными оплотами. Въ колыбели симова племени, около предгорій при-каспійскихъ цѣпей, возстало, по словамъ писанія, воинственное великолѣпіе Ниневіи и Калахъ, и Резенъ, и Аккадъ, и Кальнъ и другіе, полные роскоши, богатства и силы, полные славы, теперь уже давно позабытой, и художественнаго величія, отъ котораго не осталось слѣдовъ.

Черты, отличающія дѣятельность Кушитовъ въ преданіи иранскомъ, очевидно, тѣ же самыя, которыя выводятся изъ другихъ данныхъ. Это все то же племя, легко смыкающееся въ государственныя формы *), строющее роскошныя жилища и безмолвно движущее гранитными массами въ какой-то восторженной борьбѣ съ вещественною природою. Молодость человѣческая представляетъ явленія, которыя повторяются въ нашъ вѣкъ подъ вліяніемъ умственнаго направленія, не совсѣмъ чуждаго древнему Кушитству. Условно-разумныя начала, очевидно, преобладаютъ въ современномъ просвѣщеніи, несмотря на его многосторонность.

Такимъ образомъ развилось въ Месопотаміи могущество южнаго завоевательнаго племени передъ глазами Иранцевъ, оставившихъ намъ свидѣтельство о немъ *). Между тѣмъ, вдали отъ перваго свѣтового круга историческаго, на берегахъ Нила въ Африкѣ и на Югѣ отъ Нербудды и Маганадди, въ индійскомъ полуостровѣ, возникали сильныя царства, которыхъ существованіе и историческую жизнь мы можемъ только угадывать изъ памятниковъ зодчества и ваянія, изъ поэтическихъ сказокъ враждебнаго Ирана и изъ бѣдныхъ преданій сохраненныхъ позднѣйшими Эллинами. Нѣсколько словъ Ветхаго Завѣта о Фараонахъ Египта въ вѣкъ Авраама, слѣдовательно около 2000 лѣтъ до Р. Хр., указываютъ на давнее существованіе государства въ нильской долинѣ. Скорое и легкое сообщеніе Евреевъ со столицею Египта, также какъ и всѣ преданія, опредѣляютъ мѣстность этой столицы въ средней трети Египта, по всей вѣроятности въ Мемфисѣ; но Мемфисъ есть безспорно только преемникъ величія древнихъ Ѳивъ. И такъ преданіе, согласно съ геологическимъ изслѣдованіемъ ѳивской почвы, относитъ эпоху перваго государства въ Египтѣ къ началу третьяго тысячалѣтія до Р. Хр. Самъ же Египетъ, какъ по характеру зодчества и по духу своихъ учрежденій, такъ и по самымъ преданіямъ и по двойственности племени, населявшаго нильскую долину на сѣверъ отъ границъ Эѳіопіи, является наслѣдникомъ просвѣщенія, рожденнаго на Югѣ, на первозданной твердынѣ абиссинскихъ горъ.

Еще темнѣе показанія объ Индіи. Дѣйствительная исторія не бросаетъ ни одного свѣтлаго луча на дальній Востокъ.

Поэзія и художества однѣ остаются намъ свидѣтелями въ существованіи кушитскихъ государствъ между мысомъ Коморинскимъ и сѣвернымъ, собственно такъ называемымъ Индустаномъ. Свидѣтельства ихъ неоспоримы, но не представляютъ ни точности, ни подробности, ни опредѣлительности исторической. Характеръ строеній, начинающихся эллорскими подземными храмами, остаткомъ троглодитства, не свойственнаго Индустану, и выдвигающихся мало-по-малу на поверхность земли въ видѣ рукозданныхъ горъ Эллоры и Магабалипурама, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ чужеземствѣ зодчества въ Индіи и о его западномъ началѣ. Но въ то же время могучій и величественный стиль этихъ строеній показываетъ уже не первый возрастъ художества и ставитъ начала южно-индійской государственности, основанной Кушитами, въ эпоху позднѣйшую абиссинскаго и вѣроятно южноегипетскаго царства.

Весьма поздняя и темная лѣтопись Кашмира недостаточна бы была для утвержденія, что тѣ же самыя племена, которыя владычествовали въ Вавилоніи, Абиссиніи и Деканѣ (*Дакшина-двипа*, т.-е. правая сторона, южная Индія по Брахманамъ), проникли на сѣверъ по Инду и его притокамъ и основали сильное царство въ нѣдрахъ снѣговаго Гималая. Между тѣмъ многіе доводы подтверждаютъ эту догадку. Пещерное жительство и особенно пещерные храмы довольно обыкновенны на скатахъ и въ долинахъ Инду-кху, хотя всѣ эти памятники принадлежатъ не къ глубокой древности. Шиво-Буддаизмъ, неотъемлемая принадлежность чистыхъ Кушитовъ, есть безспорно первая религія Кашмира; народы его всегда представляются какъ бы подъ особымъ покровительствомъ Шивы и въ войнахъ часто противоборствуютъ иранскимъ Вишнуитамъ и Брахманамъ. Особенное поклоненіе змѣямъ отличаетъ древнихъ жителей кашмирской долины, также какъ южныхъ Деканцевъ. Наконецъ, самое имя всего края въ прежней письменности санскритской — *Кушъ-двипа* (земля Куша) и имена ея округовъ *Кашъ-миръ* и *Кашъ-гаръ* (море Куша и гора Куша) весьма понятная, ибо долина Кашъ-мира была нѣкогда безспорно озеромъ, — имена, въ которыхъ узнается тотъ же звукъ Кушъ съ измѣненіемъ *у* въ глухое *а*, указываютъ на то, что названіе Кушитъ было дано не одними Евреями, но всѣми древними Иранцами ихъ смуглымъ противникамъ, сынамъ Юга и поклонникамъ Шивы. При общемъ началѣ иранскаго преданія это весьма вѣроятно и вполнѣ согласно съ древнею религіею Кашмира, засвидѣтельствованной памятниками и самою лѣтописью края.

Должно замѣтить, что производство отъ *кас* (блистательный) не можетъ быть допущено, потому что не имѣетъ ничего общаго съ формою *Кушъ-двипа*, а производство отъ племени *Кхасъ* невѣроятно по отсутствію придыханія во всѣхъ формахъ.

При весьма сомнительномъ лѣтосчисленіи замѣтно, что Кашмиръ возводитъ свою древность не далѣе трехъ тысячъ лѣтъ до Р. Хр. На вѣрность такого показанія нельзя нисколко полагаться: самая простота исторіи и скудность баснословной примѣси указываютъ только на вліяніе Буддаизма, враждебнаго по духу своему всякому поэтическому вымыслу. Существованіе Гонарды І-го и большей части его преемниковъ не должно обращать на себя вниманіе историковъ; но самое царство съ своей несомнѣнной древностью, съ своимъ шиво-буддаистическимъ началомъ съ своими преданіями о гидравлическихъ работахъ, обратившихъ озеро въ сушу и даровавшихъ человѣку одно изъ его лучшихъ жилищъ на землѣ, не подвержено никакому сомнѣнію. Оно связывнется съ южною системою и показываетъ намъ Кушитовъ владѣльцами индскаго прибрежья въ самое время величайшаго развитія купитскаго могущества.

Всѣ эти государства погибли безъ слѣдовъ: они не дожили до полнаго проявленія историческаго духа. Одинъ только Египетъ уцѣлѣлъ до пробужденія Греціи, и черезъ него сохранились нѣсколько положительныя извѣстія объ Эѳіопіи и о древнемъ Мероэ *). Трудно опредѣлить ихъ истинный характеръ, и наука должна довольствоваться догадками, основанными на тѣхъ же даннымъ, посредствомъ которыхъ возсоздала она понятіе о доисторическихъ временахъ.

Историческая дѣятельность Кушитовъ. Жрецы. Касты.

Древній міръ дѣлится на двѣ общественныя формы: на государства съ кастами и государства безъ кастъ. Въ этомъ отношеніи нельзя положить предѣла между Ираномъ и Кушемъ. Выходцы изъ восточнаго Ирана, Славяне, и выходцы изъ западнаго Ирана, Эллино-Пелазги и Германцы, не представляютъ никакого слѣда раздѣленія на касты; но то же самое замѣтно и въ черныхъ племенахъ кушитскихъ. Даже остатки ихъ, южные Шиваиты, въ Индіи, гораздо менѣе склонны къ общественному быту, основанному на понятіи о кастахъ, чѣмъ чистые Брахманы сѣвера. Египетъ представляетъ самое подробное дробленіе на наслѣдственныя сословія, и по всѣмъ вѣроятіямъ царство въ Мероэ было основано на тѣхъ же началахъ. Съ другой стороны, Друиды составляютъ отдѣльную касту въ иранскихъ Кельтахъ, и Брахманы Индустана, переселенцы изъ земли бактрійской, утвердили на берегахъ Ганга такое строгое, такое безчеловѣчное устройство кастъ, какого мы не видимъ въ самомъ Египтѣ. Очевидно, что у нихъ это устройство не заемное, но коренное, ибо оно соотвѣтствуетъ раздѣленію мидійскому, съ тою только разницею, что двѣ низшія касты первобытныя соединились въ одну, чтобы не измѣнить священнаго числа четырехъ, при введеніи новой касты, черныхъ, покоренныхъ Судрасовъ. Древнее преданіе даже приписывало египетское раздѣленіе народа желанію подражать восточному индійскому образцу. Можно бы предположить, что Иранъ былъ настоящею колыбелью общины, раздробленной на касты; но и здѣсь встрѣчается великое затрудненіе *).

Память о Кушитахъ сохранилась не въ памятникахъ слова, создаваемыхъ свободною личностью мыслящаго человѣка, но въ памятникахъ зодчества, требующихъ совкупнаго дѣйстія общественныхъ силъ. Памятники эти, кромѣ тѣхъ, которые обращены къ общеполезной цѣли, какъ каналы и искусственныя озера въ Египтѣ, гранитныя плотины и водохранилища подлѣ Вавилона, въ Цейлонѣ и южной Индіи, или гидравлическія работы въ Кашмирѣ, представляютъ характеръ религіозный. Они созданы волею народною, но они возможны только подъ властію жреческой касты, сосредоточивавшей народную силу и дававшей ей цѣль и направленіе, освященныя религіозною мыслію. Итакъ, первобытное существованіе жреческаго сословія, сословія наслѣдственнаго, у Кушитовъ не подвержено никакому сомнѣнію. Государства, основанныя ими, были богоправленіями, въ которыхъ божественная воля изображалась кастою жрецовъ, а народъ исполнитель этой волѣ, имѣлъ представителя въ царѣ.

Нѣмецкіе ученые назвали довольно вѣрно первую государственную эпоху эпохою жреческихъ обществъ, *die Priesterstaate*. Ее можно прослѣдить отъ скатовъ абиссинской твердыни до Японіи и Мексики.

Чтобы понять вполнѣ характеръ Кушитскихъ царствъ, должно снова обратиться къ самому смыслу вѣры у Хамидовъ.

Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за вѣчное начало вѣчно-сущаго міра разрѣшается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не повинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежнихъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполнѣ забытыхъ, облекаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутѣшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религіи, во всебожіе. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ новосозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе человѣка; въ немъ проявляется двойственность мысли и формы или разума и вещества. Въ самыхъ нѣдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цѣпями, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. Этому божеству посвящены служеніе народное и жизнь жрецовъ, повторяющихъ въ частной общинѣ вѣчные законы вселенной. Наука открываетъ тайны вещественнаго міра: жрецы должны быть мудрецами, т.-е. учеными, безпрестанными служителями науки. Но только тотъ можетъ проявить законъ въ обществѣ, кто позналъ этотъ законъ. Они должны быть правителями. Итакъ, древнія государства Кушитовъ были собственно государствами вещественныхъ мудрецовъ. Вотъ объясненіе тѣхъ громадныхъ зданій, которыхъ неразрушимая твердыня посмѣялась вѣкамъ, и тѣхъ общеполезныхъ работъ, которыхъ описанію нельзя вѣрить и слѣдамъ которыхъ нельзя не вѣрить, и тѣхъ торжествъ Куша надъ Ираномъ, которыми начинаются историческіе вѣка.

Это божество, созданное воображеніемъ въ мірѣ чисто-разсудочномъ, этотъ законъ, олицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной носило въ себѣ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ внѣшней необходимости, и было совершенно чуждо всякой свободы. Религія при такомъ воззрѣніи кажется невозможною. Но также какъ человѣкъ, несмотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготѣющихъ на всей вселенной, можетъ дѣйствовать на видимую природу, измѣнять ея видъ и ея отношенія, давать рѣкамъ новое русло и направленіе и создавать или срывать каменныя твердыни, точно также онъ можетъ вещественными или, по крайней мѣрѣ, внѣшними орудіями подвигнуть самый центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмѣченныхъ или угаданныхъ имъ, овладѣть божествомъ, рабомъ-владыкою міра. Вѣра была трансцендентальною физикою. Вотъ смыслъ всѣхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи кушитской и всего великолѣпія ея храмовъ. Безполезно бы было слѣдить за всѣми чуждыми стихіями, которыя въ теченіе вѣковъ были примѣшаны страхомъ, надеждою или воображеніемъ къ основѣ купитской. Начало оставалось всегда одно и то же, именно необходимость, выраженная посредствомъ органической полярноси и представленная въ символѣ вещественнаго рожденія или въ символѣ самобытной жизни, змѣи. Буддаизмъ, безкорыстное поклоненіе невозможной свободѣ, безполезное признаніе духа, всегда упадающаго въ оковы вещества при всякомъ своемъ проявленіи и всегда стремящагося къ самоуничтоженію, т.-е. къ освобожденію себя отъ своихъ же проявленій, Буддаизмъ оставался тайною, сокрытою въ самомъ глубокомъ, въ самомъ сокровенномъ святилищѣ храма. Онъ не существовалъ для толпы и не двигалъ судьбами народовъ.

Паденіе власти жрецовъ.

Отдѣльное сословіе жрецовъ повлекло за собою составленіе другихъ наслѣдственныхъ кастъ, какъ слѣдствіе необходимое. Весьма легко замѣтить, что онѣ составились не вдругъ, а постепенно, и не имѣли глубокаго значенія государственнаго. Одна только каста священнослужителей, аристократія мудрости земной и небесной, жила жизнью отдѣльною и органическою, сосредоточивая въ себѣ всѣ права и весь смыслъ государства. Царь, представитель рабствующаго и темнаго народа, имѣлъ только власть исполнительную. Но исполнитель всегда стремится къ верховной, законодательной власти. Техническія познанія, пріобрѣтенныя ремесленникомъ, внушаютъ ему гордое довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и уничтожаютъ призракъ святыни, въ которой онъ первоначально облекалъ отвлеченную науку и ея служителей.

Это явленіе вѣчно повторяется. Вокансонъ грозилъ академіи автоматомъ-геометромъ, нашъ вѣкъ готовъ ставить Уатта и Фультона на ряду первоклассныхъ геніевъ, Ньютона или Лейбница.

Наконецъ, человѣкъ дѣйствующій и страдающій, борецъ жизни, невольно питаетъ какое-то презрѣніе къ борцу мысли, труженику и затворнику своей тихой кельи. Народъ, представляемый царями, вырвался изъ-подъ власти жрецовъ и низвелъ ихъ на вторую степень въ государствѣ. Никогда не могъ онъ и не хотѣлъ совершенно уничтожить своихъ прежнихъ властителей: онъ продолжалъ уважать въ нихъ посредниковъ между землею и небомъ, хранителей тайнъ науки, властвующей надъ веществомъ, и другой науки высшей, властвующей надъ самими богами. Но, сохраняя ихъ отдѣльное существованіе, онъ подчинилъ ихъ себѣ, и обычай Египта, вѣроятно, весьма древній, приводилъ ежегодно начальника религіи къ стопамъ начальника народа, увѣковѣчивая такимъ образомъ память о древнемъ владычествѣ жрецовъ и о переворотѣ, сокрушившемъ это владычество.

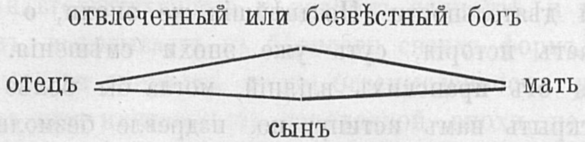
Освобожденіе народной стихіи произошло, вѣроятно, не единовременно во всѣхъ земляхъ кушитскихъ. Въ Ѳіопіи, родинѣ и первоначальномъ средоточіи южнаго просвѣщенія, власть касты священнослужителей продолжалась весьма долго и пала уже во времена положительной исторіи; въ Египтѣ этотъ переворотъ относится безспорно къ третьему тысячелѣтію до Р. Х. или къ перенесенію столицы изъ древнихъ Ѳивъ въ новый Мемфисъ. Невозможно опредѣлить его настоящую эпоху, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ измѣнилъ характеръ самаго Египта и сблизилъ его съ системою народовъ азіатскихъ. Памятники Мемфиса и средняго Египта вообще бѣдны въ сравненіи съ памятниками прежней ѳеократической столицы. Слабый кирпичъ замѣнилъ неразрушимую крѣпость гранита и порфира, храмы бѣдны, и даже громада пирамидъ, зданія, свидѣтельствующаго о чудномъ единствѣ и напряженности силъ, выказываетъ въ бѣдности своихъ формъ, въ безъискусственности очерковъ и въ безсмысленности растраченнаго труда всю ничтожность переходной эпохи, не утратившей техники, но потерявшей значеніе и духъ первоначальнаго просвѣщенія. Мемфисъ совершенно удалился отъ характера религіознаго, и все величіе его ограничивается великолѣпными предпріятіями для вещественной пользы и для усовершенствованія житейскаго быта. Все болѣе и болѣе притягивалъ онъ стихію азіатскую на берега Нила; и Египетъ воскресъ во всемъ величіи своемъ только тогда, когда возникло противодѣйствіе изъ стовратыхъ Ѳивъ и когда XVIII-я династія возвела на престолъ цѣлый рядъ великихъ людей, основавшихъ свое могущество на мѣстныхъ и религіозныхъ стихіяхъ.

На берегахъ Евфрата преобладаніе жрецовъ продолжалось еще менѣе; ибо, кромѣ храма велова, воздвигнутаго соединенными силами всѣхъ семей человѣческихъ, Вавилонъ не славился ни однимъ памятникомъ религіознымъ. Поэтому мы имѣемъ полное право предполагать, что основаніе этого царственнаго города относится къ эпохѣ довольно поздней, въ сравненіи съ первыми созданіями кушитскаго художества въ Эѳіопіи и въ южномъ Египтѣ, и что многія развалины и пещерные храмы въ долинѣ верхняго Нила принадлежатъ началу IV-го или даже концу V-го тысячелѣтія до Р. Хр. *).

Общій смыслъ религій кушитскихъ извѣстенъ; подробности ихъ въ различныхъ земляхъ не могутъ быть опредѣлены. Письмена символическія (іероглифы), принадлежащія просвѣщенію африканскому, еще не были открыты. Они принадлежатъ времени позднѣйшему, т.-е. полному развитію Египта, и отъ этого ни древне-эѳіопскіе памятники, ни Индустанъ не представляютъ никакихъ слѣдовъ іероглифическихъ надписей. Сомнительно существованіе письменности гласовой въ эти отдаленныя времена, и сверхъ того, какъ принадлежность Ирана, она ни въ какомъ случаѣ не могла сохраниться въ земляхъ кушитскихъ и въ періодѣ чисто кушитской дѣятельности. Позднѣйшія же эпохи, о которыхъ яснѣе знаетъ исторія, суть уже эпохи смѣшенія. Ѳѳіопія, отдаленная отъ иранскихъ вліяній, могла бы болѣе другихъ странъ открыть намъ истину; но, издревле безмолвная, она уже не можетъ теперь высказать свои древнія тайны. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Шева или Сива было общимъ именемъ верховнаго божества во всѣхъ системахъ кушитскихъ; оно вездѣ уцѣлѣло въ разныхъ формахъ: то въ именахъ боговъ, какъ въ Индіи и въ Египтѣ, гдѣ Севъ или Севекъ съ главою крокодила былъ признанъ эллино-римлянами за хроноса-хатурна; то въ именахъ мѣстностей, какъ въ Египтѣ, гдѣ главный и древнѣйшій городъ Ѳивы (Діосполисъ) отъ него получилъ свое названіе, или въ Ѳѳіопіи, гдѣ Мероэ назывался также Себахъ, и, можетъ быть, въ Абиссиніи, которой имя *Хабешъ* есть не что иное, какъ обратное *Шебахъ*; то въ древнѣйшихъ преданіяхъ народа еврейскаго, давшаго имя *Себа* многимъ колѣнамъ Хамидовъ.

Преданія эти заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что они совпадаютъ съ остатками письменности кушитской въ Египтѣ. Такъ, напр., іероглифы намъ представляютъ имя *Путъ* для внутренней Африки, *Куши* для Ѳѳіопіи и *Хеме* или *Кеме* (Хамъ) для самаго Египта.

Такъ какъ первоначальная религія африканской системы была ничто иное, какъ пантеистскій анализъ, имена боговъ не представляютъ большой важности. Позднѣе они дѣлаются историческимъ свидѣтельствомъ; но сначала идея чисто-философская, еще свѣтлая и прозрачная, принимала, не измѣняясь, всякое выраженіе, смотря по свойству нарѣчій. Общая же форма ея развитія при переходѣ въ религію была тріада. Міръ-божество, еще отвлеченный, разлагается на органическую полярность и воспроизводитъ самъ себя въ дѣйствительности. Онъ воплощается разложеніемъ своихъ двухъ внутреннихъ началъ. Вотъ основа Кушитства въ религіи; формула его слѣдующая:



Такъ какъ самая идея дѣйствительности еще носитъ въ себѣ характеръ отвлеченности, то разложеніе и воспроизведеніе можетъ повторяться безконечно и ограничиваться только прихотью, воображеніемъ или системою науки, для насъ уже утраченною. Очевидно, ни система, ни формула не измѣняются, какія бы ни были измѣненія именъ. Религія остается та же при первоначальномъ Велѣ въ Вавилоніи или Кнефѣ въ Египтѣ, какая она была при первоначальномъ Шивѣ. Тріады тѣмъ болѣе дѣлаются земными, чѣмъ далѣе онѣ отходятъ въ этой родословной отъ своего источника. Послѣднее звено цѣпи представляетъ міръ дѣйствительно вещественный. Въ развитіи же этихъ формулъ всегда встрѣчается одна тріада, съ которой связывается наука человѣческая посредствомъ божественнаго посредника, Тауѳа или Хона. Въ Индіи, гдѣ Брахманство сѣверное одолѣло южное Кушитство, посредникъ этотъ исчезъ; но, кажется, можно угадывать его въ Ганешѣ.

Тріада представляетъ дробленіе идеи отвлеченной на полярность органическую. Рожденіе было признано символомъ совокупнаго дѣйствія полюсовъ. Этотъ символъ, весьма ясно обозначающій первую мысль, долженъ былъ дать самимъ полюсамъ тѣлесный характеръ мужскаго и женскаго, подъ которыи наука понимала силу и воспріемлемость. Но сила дѣйствующая измѣняется вѣчно; воспріемлемость страдательная и безхарактерная остается неизмѣнною. Отъ того, хотя во всякой тріадѣ женское начало носитъ особое имя, всѣ богини дѣйствительно сливаются въ одну, и у Египтянъ *Буто*, *Бубастисъ*, *Нейѳъ* и другія соединяются въ одной Изидѣ. Такимъ образомъ легко понять, почему подруга Озириса дѣлается подругою Горуса, сына своего. Переходъ идеи философскорелигіозной въ обрядъ бытовой, слѣдствіе позднѣйшаго невѣжества, ввелъ у Маговъ вавилонскихъ *) нелѣпый и безнравственный обычай кровосмѣшенія, о которомъ свидѣтельствуютъ древніе бытописатели.

Божество пантеистовъ, обоготворенный міръ, имѣетъ въ себѣ характеръ гармоніи и блага въ общемъ объемѣ; но въ то же время онъ представляетъ двойственность добра и зла въ частныхъ явленіяхъ. Отъ этого самое божество не имѣетъ никакой нравственной опредѣленности: оно соединяетъ въ себѣ качества духа благаго и враждебнаго, Тифона и Озириса. Въ Шивѣ индустанскомъ этотъ характеръ сохранился неизмѣннымъ; въ Египтѣ лицо раздвоилось по своимъ нравственнымъ качествамъ отъ вліянія иранскаго и ложнаго развитія, пробужденнаго борьбою съ системою религіи сѣверной.

Вообще весь смыслъ древняго Египта и системъ кушитскихъ можно узнать отъ ихъ прямыхъ преемниковъ, Гностиковъ, старавшихся возвратить древнюю религію къ ея первобытной философіи и замѣнившихъ формулу рожденія формулою эманацій, но въ то же время сохранившихъ свою коренную вражду противъ Ирана.

Признаніе необходимости за основной законъ всего сущаго и слѣдовательно отсутствіе нравственнаго начала должно бы вести общество человѣческое къ совершенному упадку духовному; но въ самомъ отсутствіи чистаго закона духовнаго человѣкъ спасается признаніемъ закона гармоніи (какъ въ Китаѣ), и общественныя добродѣтели становятся на мѣсто высшихъ добродѣтелей человѣческихъ. Оттого осужденіе первобытныхъ Кушитовъ въ отношеніи къ ихъ нравственности было бы опрометчивостью. Далекая Эѳіопія славилась у Эллиновъ землею праведныхъ. Это видно изъ Гомера и отчасти изъ Геродота. Преданія Финикіи называютъ *Садика* *) (т.-е. праведнаго) братомъ *Мизора* (т.-е. еврейскаго Мизраима, Египта), и имя это явно выражаетъ ту же страну, которую Евреи и Египтяне называли Кушъ. Наконецъ, самое учрежденіе эѳіопскаго завоевателя Сабакона объ отмѣнѣ смертной казни въ покоренномъ Египтѣ,—учрежденіе, внушенное отчасти мудрымъ расчетомъ, указываетъ въ то же время на какую-то кротость нравовъ, чуждую юго-западной Азіи. Начало блага, врожденное въ сердцѣ человѣческомъ, сохраняло свое владычество, несмотря на развратъ разума и на ложь мысли. Борьба системъ и племенъ, войны и опьяняющая кровь заглушили въ душѣ человѣческой голосъ братолюбія и истребили въ ней всѣ благія стремленія одно за однимъ.

Торжествующіе Кушиты овладѣли мѣстомъ, назначеннымъ для всемірной столицы на берегахъ Евфрата. Первый успѣхъ позвалъ ихъ къ новымъ завоеваніямъ, и они двинулись на сѣверъ, основывая новыя государства; но тутъ ожидало ихъ противодѣйствіе Семитовъ и духа иранскаго. Первая возстала въ силѣ и въ общественномъ значеніи семья Семитовъ-Ассирійцевъ. Показаніе Ветхаго Завѣта, древнѣйшаго памятника иранскаго, очень ясно представляетъ намъ этотъ историческій переворотъ.

Смѣшеніе племенъ происходило издревле. Народы еще не становились другъ противъ друга въ явной враждѣ. Египетъ въ своемъ названіи *Мисраимъ* *) или *Мизоръ* (смѣшеніе) представляетъ доказательство этой истины. Въ памятникахъ еврейскихъ есть, какъ кажется, указаніе на то же въ сходствѣ именъ, приписанныхъ къ потомству Хама, и именъ Симовой семьи. Но объ Ассиріи выражается пророкъ иначе. Ассуръ принадлежитъ собственно вѣтви семитской; между тѣмъ въ описаніи царства, основаннаго первымъ завоевателемъ, Нимвродомъ, сказано: оттуда вышелъ Ассуръ и построилъ такіе-то и такіе-то города. Смыслъ показанія очень простъ. Племенное начало Ассиріи было семитское, государственное было кушитское. Вавилонъ принадлежалъ вполнѣ системѣ южной—и по основателямъ своимъ, какъ показываетъ Моисей, и по просвѣщенію, какъ видно изъ мѣстнаго преданія объ Оаннесѣ, полу-человѣкѣ, полу-рыбѣ, приплывавшемъ ежедневно съ Южнаго океана; и по торговлѣ своей *), если новѣйшіе путешественники не ошиблись въ остаткахъ балокъ, признанныхъ ими за тековое дерево. Ассуръ семитскій, обращенный въ царство силою Вавилона, возстаетъ противъ утѣснителей и побѣждаетъ ихъ могуществомъ духа, живущаго въ Иранѣ. Ассирія является первымъ иранскимъ государствомъ и завоевываетъ Вавилонъ, столицу своихъ древнихъ владыкъ. Въ Ниневіи первая встрѣча библейскаго показанія съ свѣтовымъ кругомъ Эллады: ибо самое древнее извѣстіе Эллиновъ объ Египтѣ относится ко-временамъ Мериса или къ XV-му вѣку до Р. Х., а сказаніе ихъ объ Нинѣ относится къ XVII-му вѣку *).

Въ простомъ и добросовѣстномъ разборѣ словъ Пятикнижія находится объясненіе темнаго вопроса, на который ученые обращали до сихъ поръ мало вниманія. Всѣ преданія Востока, весь міръ поэзіи и всѣ сказанія историческія окружаютъ Вавилонъ баснословнымъ блескомъ, передъ которымъ исчезаютъ всѣ другіе города юго-западной Азіи. Незапамятная, безначальная древность и Вавилонъ однозначительны, а о древнемъ царствѣ Вавилона нѣтъ и помина. Ассирія и Ниневія первыя являются на сценѣ исторіи. Это противорѣчіе объясняется просто: кушитское царство, покоренное и забытое, исчезло въ бытописаніяхъ перваго царства Иранскаго.

Во время Моисея Ниневія уже была градомъ великимъ; Ассирія составляла царство отдѣльное и, очевидно, не новое. Основатель же государства, баснословный Нинъ, связанъ именемъ своимъ съ самимъ городомъ, слѣдовательно представляетъ въ себѣ первую ступень государственнаго развитія. Время его безспорно относится къ третьему тысячелѣтію до Р. Хр. Ошибка историковъ, назначившихъ ему гораздо позднѣйшую эпоху, объясняется очень просто. Нинъ въ сказочныхъ преданіяхъ представленъ отцемъ Ниніаса, великимъ завоевателемъ, передавшимъ царство свое слабому преемнику; но между царствованіями отца и сына вставлено владычество чужеземной рабыни, Семирамиды. Власть Нина обнимала всю юго-западную Азію. Оружіе его покорило далекую Бактрію, и оттуда возвратилась съ нимъ плѣнница, которой судьба назначила престолъ Ассиріи и Вавилона и мѣсто между богами.

Мы уже показали явную связь миѳическаго лица Семирамиды съ чисто-Славянскимъ почтеніемъ къ голубю, съ Ванскимъ озеромъ въ Арменіи, съ ванскою родиною, Бактріею и Пріею, богинею Славянъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы тогда уже отдѣлилась славянская семья отъ другихъ. Она составляла часть Ирана, семью Вановъ или Вендовъ, многочисленнѣйшую изо всѣхъ его семей, менѣе всѣхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевателями Хамидами и отъ этого долѣе всѣхъ сохранявшую черты первоначальнаго быта. Прежде всѣхъ выслала она колоніи свои на сѣверозападъ; сильнѣе всѣхъ дѣйствовала она на древнемъ Востокѣ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдѣльною жизнію, а только какъ членъ великаго семейнаго союза. Отдѣльная жизнь ея проявилась не отъ внутренняго построенія славянской общины, а отъ искаженія другихъ, подчинившихся чуждому началу и принявшихъ дикій бытъ воинственныхъ народовъ. Этимъ объясняется параллельное движеніе Вановъ и Азовъ, родныхъ братьевъ и древнихъ союзниковъ, но разрозненныхъ одичаніемъ мидо-азской семьи.

Ассирія, побѣдивъ Вавилонъ и поглотивъ въ себѣ старое кушитское царство, двинула силы свои на востокъ. Развратъ войны и военной славы скоро проникъ въ души, огражденныя отъ зла только сохраненіемъ старыхъ обычаевъ, а не глубокимъ сознаніемъ блага истины. Иранцы-Ассиріяне обратились войною на своихъ иранскихъ братьевъ.

Царство ниневійское составилось возстаніемъ туземцевъ противъ чуждаго ига, которому они долго были покорены. Нравы покоренныхъ уже получили неизгладимую печать, наложенную побѣдителями. Соединеніе людей въ искусственную форму государства, форму чисто-внѣшнюю (покуда она не сознана какъ выраженіе глубокой мысли человѣческой, лежащей искони въ душѣ человѣка, а это время еще не наступило даже въ XIX вѣкъ послѣ Р. Хр.), это соединеніе было чуждо иранскому духу. Оно было принято, какъ необходимость внѣшняя (фактъ часто повторявшійся въ позднѣйшее время въ земляхъ славянскихъ), какъ средство отпора противъ совокупности силъ кушитскихъ, и слѣдовательно составилось въ образахъ чуждыхъ, со всѣми признаками рабскаго подражанія. Развращенная владычествомъ Куша, искаженная подражаніемъ формамъ кушитскимъ, Ассирія утратила всѣ иранскія начала, кромѣ памяти о духовной свободѣ божества. Характеръ государства былъ южный, т. е. союзъ, имѣющій цѣлью выгоду каждаго частнаго лица, освященный идеею всеобщей гармоніи. Форма была южная, и каста жрецовъ отдѣлилась отъ народа. Эта же форма распространялась далѣе и далѣе, по мѣрѣ возникновенія новыхъ иранскихъ державъ, но постоянно слабѣла и изчезала, по мѣрѣ удаленія изъ прямого вліянія кушитовъ.

Иранцы. Борьба ихъ съ Кушитами. Нинъ. Джемшидъ и Семирамида.

Настоящая колыбель Семито-Яфетидовъ, Иранцевъ, была заключена между скатами Гиммалаи и Инду-кху и индусскою системою съ одной стороны и скатами арарато-таврскихъ цѣпей и Евфратомъ съ другой. Главнѣйшія точки прикосновенія съ страною Кушитовъ были на берегахъ Евфрата въ странѣ ассирійской и на границѣ Кашмира и Бактріи; но въ Ассиріи встрѣча была бурная и воинственная по отсутствію всѣхъ естественныхъ преградъ, а на границахъ Кашмира мирная и дружная. Иранъ былъ сильнѣе, а Кушъ слабѣе на востокѣ, и грозныя скалы средне-азійской твердыни отдѣляли другъ отъ друга оба враждебныя начала. И такъ строй южной мысли и южнаго ученія съ двухъ сторонъ проникалъ въ міръ сѣверный; но тамъ, гдѣ онъ явился съ оружіемъ и насильствомъ, гдѣ кипѣли враждебныя страсти, отпоръ Ирана былъ сопровождаемъ ожесточеніемъ его собственнаго направленія. Около Евфрата горѣлъ фанатизмъ религіозный, свирѣпѣли сердца человѣческія, и вѣрованія искажались подъ вліяніемъ быта воинственнаго, налагающаго свою печать на обѣ борющіяся системы. Иранъ, презиравшій міръ вещественный, принималъ характеръ кровожадности; Кушъ—поклонникъ вещества—погружался глубже и глубже въ сладострастіе. Когда наступилъ вѣкъ смѣшенія и синкретизма, составилась эта кровавая грязь сиро-финикійскихъ религій, постыдныхъ для человѣчества и оправдывающихъ вполнѣ удары судьбы, разразившіеся впослѣдствіи надъ юго-западомъ Азіи. Въ то же время тихимъ соблазномъ разума вливалась въ восточный Иранъ логическая форма необходимости, ученіе объ органической полярности. Безъ боя и сопротивленія была привѣтствована чуждая, строгая мысль добродушною довѣренностью бактрійскихъ семей. Религія принимала твердые очерки и опредѣленные образы, но переходила въ поэтическое сказаніе; полярность органическая облекалась въ форму человѣкообразія; но въ этой формѣ, выбранной невольнымъ внутреннимъ чувствомъ, а не разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смѣшивались,—такъ же, какъ въ самомъ человѣкѣ,—свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслѣдствіе человѣкообразія, мало-по-малу весь бытъ человѣческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествѣ. Такъ родилась и составилась полная система антропоморфизма, свѣтлаго и кроткаго, но безсмысленнаго, и черезъ цѣпь поселеній вано-славянскихъ перешла въ Европу, гдѣ при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смѣшеніями она образовала всѣ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Но прежде, чѣмъ восточный Иранъ утратилъ смыслъ своей первобытной духовности, великая миграція Бактрійцевъ, вѣроятно современная ихъ разселенію на Западъ, быть можетъ даже древнѣйшая, проникла чрезъ ущелія Инду-кху въ междурѣчіе Ганга и Инда. Тамъ начала она новую жизнь, новое развитіе мыслящаго разума; тамъ воздвигла она величественнѣйшіе памятники человѣческаго слова и подверглась, при встрѣчѣ съ южными завоевателями, Кушитами, такому же искаженію, какъ и на Евфратѣ. Но прежде, чѣмъ наступило для нея время борьбы и синкретизма, мысль успѣла уже окрѣпнуть, сознавъ себя и свое достоинство, сознать всю силу и значеніе слова-хранителя мысли; и никогда уже Индустанъ не могъ низойти до гнуснаго безсмыслія сирійскихъ областей.

Законы природы органической мало извѣстны. Часть семей хамитическихъ, подъ вліяніемъ вещественно-страстной организаціи и жгучаго солнца Африки, составила черное племя, отдѣляясь отъ братьевъ цвѣтомъ кожи и въ то же время свидѣтельствуя о братствѣ характеромъ языка и религіи, какъ наприм. Іолофы, у которыхъ божество или добрый духъ носитъ имя Саґабахъ *), какъ древнее божество Кушитовъ; такъ точно часть Яфетидовъ, отдѣлившаяся отъ общенія центральнаго, составила племя желтое и распространилась по восточной Азіи. Но время для ея исторіи еще не наступило. Разбросанныя семьи безъ общественной связи, безъ духовнаго стремленія, утраченнаго въ пустынной жизни, проникли въ Индустанъ прежде Кушитовъ и бѣлоликихъ Иранцевъ и были загнаны въ горы, гдѣ продолжали влачить свою кочевую жизнь и дичали въ бытѣ бездомныхъ звѣролововъ. Они ничтожны для исторіи и представляютъ нѣкоторую важность только какъ вспомогательныя войска, служившія сѣвернымъ Брахманамъ въ войнѣ противъ деканскихъ Шиваитовъ, или какъ племенная стихія, вошедшая въ составъ мѣшаныхъ населеній Индіи, въ землѣ Тамуловъ и въ мірѣ океаническихъ острововъ.

Нинъ, великій завоеватель, основавшій державу ассирійскихъ Иранцевъ, отдѣляется, какъ мы сказали, отъ своего ничтожнаго преемника Ниніаса царствованіемъ чуждой Семирамиды. Лицо отдѣльное, безсвязное, онъ носитъ имя города, въ которомъ властвовалъ, но не представляетъ никакого характера миѳологическаго. Миѳологія Ассиріи явно пропадаетъ въ значеніи великаго Вавилона, котораго она была колоніею, и восходитъ до Бела. Нинъ есть сказочный образъ, данный чисто-исторической династіи туземныхъ царей, династіи прерванной напоромъ съ Востока и воскрешенной не въ смыслѣ родовъ, но въ смыслѣ туземства, Наніасомъ, основателемъ втораго ассирійскаго царства. Нинъ, какъ лицо, принадлежитъ еще сказкѣ, между тѣмъ какъ онъ принадлежитъ исторіи, какъ воплощеніе въ одинъ образъ цѣлой могучей династіи. При ней происходилъ переворотъ, двинувшій силу Ирана на Кушъ и бросившій Семитовъ и Яфетидовъ на западъ и юго-западъ. Отъ этого-то и замѣтно сходство всѣхъ миѳовъ и сказокъ ассирійскихъ и мало-азійскихъ, перелившихся отчасти въ Элладу. Тутъ истинное значеніе Ираклова миѳа, переходящаго въ сагу. Упрямая, безпощадная борьба длилась цѣлые вѣка на огромномъ пространствѣ между Евфратомъ и моремъ Эгейскимъ, между Тавромъ и Ниломъ. Наступило время утомленія, смѣси и синкретизма, который вездѣ принялъ одинакія формы и одинакій смыслъ, только подъ разными именами.

Для мыслящаго критика *Ваалъ*, *Молохъ*, *Мелехъ*, *Камосъ*, *Кейванъ*, *Комбабъ*, *Кроносъ* и другіе, *Милитта*, *Тиргата*, *Саламбо*, *Ваальтисъ*, *Беруѳъ*, *Деркето*, *Кивела* и другія совершенно одно и то же: въ нихъ представляется, какъ мы уже сказали, соединеніе двухъ религіозныхъ системъ несоединимыхъ, но искаженныхъ и слитыхъ невѣжествомъ. Высокое значеніе творческаго духа проявляется во многихъ, особенно въ богахъ, почти никогда въ богиняхъ, въ которыхъ (такъ какъ онѣ совершенно чужды Ирану) кушитское начало преобладаетъ. Общая черта въ богахъ — кровожадность, требующая уничтоженія жизни вещественной, череповъ, человѣческихъ жертвъ и плача сожигаемыхъ младенцевъ; общая черта въ богиняхъ — сладострастіе, окруженное всею мерзостью разврата и чувственныхъ наслажденій, обращенныхъ въ религіозный обрядъ. Впрочемъ иногда боги принимаютъ характеръ богинь, а богини характеръ боговъ: всякая прихоть воображенія понятна въ религіи, основанной на сдѣлкахъ и взаимныхъ уступкахъ безъ всякаго логическаго начала.

Не только самая религія, но и полу-миѳическія, полуисторическія сказанія всей юго-западной Азіи отъ Ассиріи до Лидіи обличаютъ одно и то же начало; можно замѣтить разительныя сходства между Иракломъ, Ниномъ и Кандауломъ. Вездѣ чувствительно присутствіе одинакихъ стихій не только въ вѣрованіи, но и въ преданіи. За всѣмъ тѣмъ коренныя основы племени и его первобытный характеръ нигдѣ не исчезаютъ совершенно. Такъ напр. при кажущемся тождествѣ Діонизоса и Ираклa-Сандана развязка миѳа указываетъ на ту духовную почву, на которой онъ выросъ. Сладостраетный Діонизосъ торжествуетъ въ своемъ нравственномъ униженіи; Ираклъ-Санданъ, памятуя свою древнюю духовность, восходитъ на очистительный костеръ. Вообще примѣты Ирана выдаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ далѣе народы живутъ отъ прямаго вліянія Кушитовъ. При всемъ своемъ искаженіи, Ассирія и Вавилонія долго враждовали противъ кумировъ и священныхъ рощъ сиро-финикійскихъ народовъ. Преемники ихъ Мидо-Персіяне еще сильнѣе продолжали преслѣдованіе идолопоклонства.

Наука не должна терять изъ виду художественную общность системъ религіозныхъ и семей человѣческихъ. Сравненіе отдѣльныхъ миѳовъ, обрядовъ и обычаевъ имѣетъ только второстепенную важность. Все живо въ живомъ человѣкѣ. Всякую мысль, всякое направленіе, принятое имъ случайно, измѣняетъ онъ сообразно сокровенному строю своей внутренней жизни. Наука, разбирающая отдѣльныя черты и не соединяющая ихъ въ полныя физіономіи, наука, обращающаяся съ человѣкомъ, какъ съ ископаемымъ, сама себя осуждаетъ на смерть.

Трудно опредѣлить, какъ далеко на югъ и юго-западъ проникло движеніе Иранцевъ и ихъ торжественное противодѣйствіе африканскому міру. Ворвались ли они въ нильскую долину и владѣли ли древнимъ достояніемъ Куша? Имя Мисраимъ указываетъ на смѣсь; но смѣсь племенъ или только вѣтвей одного племени? Наложеніе двухъ слоевъ народонаселенія безспорно. Муміи благородныхъ представляютъ очерки семьи берберской, что-то среднее между черноликимъ Африканцемъ и бѣлоликимъ Семитомъ. Низшіе классы, по словамъ умныхъ наблюдателей древности, приближались къ семьямъ негритянскимъ, по курчавости волосъ и колченогости. Что-то кроткое и спокойное, что-то дѣтское въ несомнѣнныхъ изображеніяхъ царей 18-й династіи, явно южной, ѳивской, указываетъ на стихію нубійскую, и въ то же время нельзя въ общей физіономіи Египтянъ не узнать многихъ признаковъ полукровнаго мулата; но все это не рѣшаетъ еще вопроса: ибо часть Хамидовъ, Хананеи, Берберы и Финикійцы принадлежатъ къ племени бѣлоликому, и не нужно еще предполагать примѣсь иранскую.

Другія данныя нѣсколько приближаютъ насъ къ истинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что около начала 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Египетъ находился подъ властью династіи, оставившей по себѣ тяжкія воспоминанія. Нельзя сказать, чтобы она была чужеземною по своему происхожденію, но безспорно она была чужеземною по духу. Всѣ извѣстія объ ней, объ этихъ загадочныхъ Гиксосахъ, царяхъ-пастыряхъ, такъ сбивчивы и недостаточны, что невозможно вывести никакого твердаго заключенія изъ прямыхъ словъ древнихъ писателей. Гиксосы были противны жрецамъ, были поклонники Тифона, божества, привитаго духомъ иранскимъ къ стройному міру кушитской религіи: это указываетъ на пришествіе съ сѣверо-востока въ Египетъ; но было ли это нашествіе народа или мысли? Поклоненіе духу, презирающему плоть и уничтожающему ее по системѣ Ирана въ эпоху его ожесточенія, могло проникнуть въ Египетъ и дать отдѣльное миѳологическое существованіе Шивѣ - разрушителю, Тифону, въ противоположность Шивѣ-хранителю, Озирису. Мысль о Тифонѣ возбуждена понятіемъ о высокомъ духѣ, которому поклонялся весь Иранъ и память о которомъ сохранена Израилемъ, но плодъ этой мысли могъ родиться и развиться въ самомъ Египтѣ безъ примѣси внѣшнихъ народныхъ стихій. Разрушеніе древнихъ памятниковъ, упомянутое Манеѳономъ, теперь доказано безспорно ученымъ изслѣдованіемъ остатковъ зодчества египетскаго. На сѣверъ отъ нубійской границы, кромѣ неразрушимой громады пирамидъ и геліопилисскаго обелиска, вѣроятно, низвергнутаго во прахъ и снова воздвигнутаго возстановителями свободы египетской, ничего не нашли полнаго и цѣлаго, что̀ бы принадлежало къ династіямъ предшествовавшихъ Гиксосамъ, между тѣмъ какъ многіе обломки, вставленные въ сравнительно новыя зданія, свидѣтельствуютъ о прежнемъ художественномъ богатствѣ. Это стремленіе къ уничтоженію старой славы народной и ея великихъ памятниковъ указываетъ на чужеплеменниковъ, поработившихъ при-нильскую державу, и нельзя не признать завоеванія Египта пришельцами съ сѣверо-востока древнѣйшимъ изо всѣхъ великихъ народныхъ движеній, о которыхъ сохранилось намъ положительное свидѣтельство. Но первые ли Гиксосы нашли путь въ средоточіе кушитской власти? Это весьма сомнительно. Порывъ Семитовъ, освободившихся отъ ига вавилонскаго и бросившихся на западъ, и сильное движеніе племенъ, ворвавшихся въ наслѣдственное жилище Ханаанитовъ и далѣе на югъ до самой оконечности аравійскаго полуострова, вѣроятно не разъ колебали державу Мисраима. Столица Фараоновъ, выдвинувшись на сѣверъ изъ Ѳивъ въ Мемфисъ и скинувъ съ себя иго жрецовъ, вѣроятно приглашала азіатскую стихію, и народонаселеніе, также какъ и религія, подверглись многимъ примѣсямъ, не теряя однако же своей коренной основы. Быть можетъ, бѣгство побѣжденныхъ Хамидовъ и торжественное преслѣдованіе Семитовъ-Иранцевъ скрывается подъ миѳомъ о бѣгствѣ боговъ, побѣжденныхъ Тифономъ *) и нашедшихъ убѣжище въ болотахъ нильскаго разлива.

Какъ бы то ни было, начало второго тысячелѣтія до Р. Хр. представляетъ два великія явленія: владычество азіатскихъ пришельцевъ въ Египтѣ и восточно-иранской династіи на берегахъ Евфрата. Первое было разрушено около 1800 лѣтъ до Р. Хр. и началось почти въ концѣ предшествовавшаго тысячелѣтія; второе кончилось около 1600 лѣтъ до Р. Хр., начало же его не извѣстно, но кажется должно относиться къ половинѣ предшествовавшаго тысячелѣтія, если принять въ соображеніе преданіе о тысячелѣтнемъ владычествѣ Скиѳовъ (*Скіѳо*, Сако-Гетовъ) въ Азіи. Конечно, было бы смѣшно основывать лѣтосчисленіе на такомъ шаткомъ показаніи, но во всякомъ случаѣ ничтожность исторіи ассирійской до Семирамиды (олицетворенной династіи) и сжатіе всего туземнаго царственнаго рода въ одно лицо Нина указываютъ на долгій перерывъ въ свободѣ ассиро-вавилонской области и на цѣлые вѣка, изгладившіе въ народѣ ясное воспоминаніе о древней его исторіи.

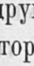
Ассирійцы, побѣдители и упоенные своею побѣдою, двинулись на востокъ и завоевали своихъ иранскихъ братій до самой снѣговой твердыни гиммалайской. Но послѣ рабства подъ игомъ торжествующихъ Семитовъ, восточные Иранцы мало-по-малу пріобрѣли перевѣсъ въ государствѣ, освободились и наложили ярмо на своихъ побѣдителей. Бактрія повторила въ отношеніи къ Ниневіи то же самое движеніе, которымъ началась самобытная жизнь Ассиріи, освободившейся отъ Вавилона. Это выражено въ сказаніи о рабствѣ Семирамиды, прельстившей и умертвившей Нина. Въ числѣ ополченія восточно-иранскаго стояла многочисленнѣйшая изъ всѣхъ общинъ, бактрійскій союзъ Великихъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ. Она даетъ имя свое и характеръ всему перевороту и всѣмъ его памятникамъ. Словесныя преданія, весьма поздно утвержденныя письменностью, называютъ эпоху восточно-иранской династіи на берегахъ Евфрата временемъ владычества *Скиѳовъ* (т.-е. Сако-Гетовъ); память о Семирамидѣ до сихъ поръ связана съ озеромъ Ванъ (Вановъ); длинныя насыпи и курганы, особенно свойственные семьѣ славянской, сохранили имя валовъ Семирамиды; сама сказочная царица представляется подъ чисто-славянскою эмблемою голубицы и очевидно тождественна съ богинею Танаисъ (Донская). Прибавимъ къ этому еще темное сказаніе о владычицѣ Саковъ, обворожившей всѣхъ красотою своею и потомъ губившей соблазненныхъ ею юношей. Это сказаніе совершенно совпадаетъ съ преданіями о Семирамидѣ, но имя владычицы Саковъ говоритъ яснымъ языкомъ о своемъ славянскомъ происхожденіи. Это имя—*Царина*.

Семьи восточнаго Ирана еще не сомкнулись въ отдѣльныя государства. Азы мидійскіе и Ваны бактрійскіе стояли братски за одно дѣло; но гордые и крутые Азы, болѣе воинственные и сильнѣе дѣйствовавшіе на западные народы, дали имя свое всему Ирану въ преданіяхъ Эллинно-Пелазговъ. Союзъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ (т.-е. Бактрія), болѣе многочисленный и просвѣщенный, одинъ сохранился въ памяти восточныхъ народовъ. Горные Азы, отстоявшіе свою вольность въ ущеліяхъ демавендской цѣпи отъ перваго натиска при-евфратскихъ завоевателей и слишкомъ удаленные отъ индскаго прибрежья, чтобы подвергнуться соблазну Кушитовъ Пенджаба (Пятирѣчія), сохранили съ большею чистотою, чѣмъ Бактрійцы, религіозное начало Ирана. Но время владычества ихъ еще не наступило. Тогда на первой ступени стояли образованныя общины Востока, сохранившіяся въ сказаніяхъ Персіи подъ именемъ династіи Пишдадіевъ и святого царя-землепашца Джемшида. Его эмблемы, золотая чаша обилія и золотой кинжалъ-сошникъ, представляютъ въ немъ кроткое владычество осѣдлаго и мирнаго племени. Побѣжденный Дзогакомъ*) (олицетвореннымъ племенемъ при-евфратскимъ, въ которомъ преобладаетъ типъ Кушита-змѣепоклонника), Джемшидъ бѣжитъ въ Бактрію и гибнетъ подъ совокупными ударами юго-западныхъ и юго-восточныхъ народовъ.

Между тѣмъ какъ Хамидъ, не признававшій никакого другого закона, кромѣ необходимости, олицетворялъ вѣчное начало всемірной жизни въ формѣ органической полярности, Иранъ, всегда поклонявшійся божеству своихъ предковъ, свободно-творящему духу, облекалъ силы творенія въ два вещественные символа—огня и воды, подчиненные единству божественной воли. Сами символы, не получавшіе никогда отдѣльнаго и независимаго значенія, были издревле предметами глубокаго почтенія. Въ нихъ воплощался для Иранца видимый образъ невидимаго духа. Нераздѣльное поклоненіе обоимъ символамъ отзывается во всѣхъ иносказаніяхъ древней религіи и можетъ быть легко примѣчено въ первоначальныхъ системахъ философіи эллинской; но первенство было приписано то одной, то другой стихіи въ частномъ развитіи понятій у разныхъ племенъ. Такъ западные Иранцы, Мидяне, Персіяне и братья ихъ Азы поклонялись преимущественно огню; такъ Бактрійцы и семьи, вышедшія изъ Бактріи, Ваны славянскіе, заселившіе Европу, и Ваны, внесшіе Вишнуизмъ въ Индустанъ, признавали первенство воды. Вслѣдствіе исконнаго преданія, голубь былъ соединенъ съ понятіемъ о стихіи водяной, какъ эмблема воздуха и суши; но воздухъ самый находится въ зависимости у первобытной воды въ религіи племенъ, признавшихъ ея первенство въ мірѣ Божьяго творенія. Когда соблазнъ кушитскаго ученія проникъ въ Бактрію, и новое ложно-религіозное понятіе человѣкообразія примѣшалось къ прежнему духо-поклоненію, тогда водопоклонники (водные, *Венды*) стали воздавать божественныя почести воздуху и сушѣ, олицетвореннымъ въ свѣтлой богинѣ *Астартѣ*, дочери водъ, сопровождаемой таинственною голубицею. Новое поклоненіе и его эмблема стали эмблемами владычествующей династіи Вановъ восточно-иранскихъ и сохранились въ сказочной исторіи подъ именемъ Семирамиды или Земирами (голубицы земной).

Что́ дѣйствительно восточная Бактрія примѣшала человѣкообразіе къ первоначальной чистой религіи, объ этомъ явно свидѣтельствуетъ самая Зендавеста, въ которой уже является Астарта *), какъ богиня, и именно въ связи съ примѣтами, принадлежащими крайнему иранскому Востоку. Поклоненіе этой новой богинѣ и ея имя распространилось въ Европѣ, и всѣ ученые знаютъ свѣтлую Остару (санскр. *вастар*, рано), принятую Германцами отъ Славянъ, по собственному признанію критиковъ Германскихъ. Не нужно повторять, что *Остара-Астарта*, *Лада*, *Лакшми*, *Прія* и пр. суть разныя имена и прозвища одной и той же богини и что онѣ всѣ находятся въ прямой зависимости отъ великаго божества, преимущественно избраженнаго въ стихіи водяной, хотя не чуждаго всѣмъ другимъ; ибо въ немъ сохранялась мысль о творческомъ всемогуществѣ, при всей примѣси сказочнаго, отчасти художественнаго, но въ смыслѣ философскомъ безсмысленнаго человѣкообразія.

Власть Восточно-Иранцевъ въ Ассиріи кончилась около 16-ти вѣковъ и по всей вѣроятности началась около 25-ти вѣковъ до Р. Хр. Тысячелѣтнее царствованіе Джемшида и тысячелѣтнее владычество Скиѳовъ приводятъ къ одинакимъ выводамъ. Поэтому мы съ полною увѣренность можемъ отнести первую миграцію Иранцевъ, прорвавшихся черезъ горную преграду въ сѣверный Индустанъ, къ началу третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. или еще ранѣе, когда человѣкообразіе, положивши свое клеймо на династію вано-ассирійскую, не проникло еще въ Бактрію. Точно то же можно сказать съ вѣроятностью и о первомъ распространеніи Вендовъ въ западной Европѣ, ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ поклоненія богинямъ въ бѣдныхъ сказаніяхъ объ этихъ погибшихъ семьяхъ.

Индустанъ сохранилъ намъ чудный памятникъ своей древней вѣры въ Ведахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и онѣ уже содержатъ ученіе, далеко отходящее отъ первобытной простоты и истины; но искаженная старина вездѣ проглядываетъ сквозь безсмысленный наплывъ позднѣйшихъ символовъ. Впрочемъ, нелѣпо было бы относить самую редакцію Ведъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ достались критикѣ XIX вѣка, къ вѣкамъ слишкомъ отдаленнымъ. Самый языкъ, которымъ онѣ писаны, представляетъ свидѣтельство позднѣйшей обработки. Вездѣ замѣтенъ переходъ первоначальныхъ формъ на *л* въ новыя формы на *р*, какъ въ нарѣчіяхъ зендскихъ. (Такъ, напр., славянская *слава*, отъ глагола *слытъ*, котораго чистота засвидѣтельствована всѣми другими языками иранскаго корня, соотвѣтствуетъ въ Ведахъ *шравас* или *сравас*). Точно также видна безпрестанная замѣна буквы *д* буквою *л*: этотъ законъ соотвѣтствуетъ латинскому измѣненію *Odysseus* въ *Ulysses*, *devir* въ *levir* и пр. Языкъ Ведъ носитъ характеръ отдѣльнаго санскритскаго нарѣчія, менѣе чистаго, чѣмъ главный источникъ, но утвержденнаго письменностью въ эпоху древнѣйшую, чѣмъ чистое санскритское слово. Въ немъ замѣтенъ произволъ частной семьи человѣческой; но за то онъ еще свободенъ отъ искаженій и развитій, которыя вкрадываются съ вѣками, и поэтому сохраняетъ болѣе сродства съ другими иранскими языками, въ особенности съ славянскимъ, съ которымъ онъ имѣетъ, кажется, общій *л* грубый*), означенный знакомъ , но неизвѣстный по звуку своему въ теперешнемъ Индустанѣ.

Итакъ, распространеніе Брахмановъ на берегахъ Ганга и первыя борьбы съ Шиваитами должны были предшествовать эпохѣ величайшаго развитія бактрійскаго могущества; а такъ какъ великолѣпныя произведенія художества въ Деканѣ относятся безспорно къ тому времени, когда еще Вишнуиты не помогали Брахманамъ въ ихъ борьбѣ съ Хамидами, то мы получаемъ данную хронологическую, опредѣляющую древность пещерныхъ храмовъ въ Сальсеттѣ и Карли и рукозданныхъ горъ Эллоры и Магавалипурама. Ни одна изъ этихъ громадъ не можетъ быть моложе четырехъ тысячъ лѣтъ, древнѣйшія принадлежатъ вѣроятно началу третьяго или концу четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр., а великолѣпнѣйшія, свидѣтельствующія о полномъ цвѣтеніи южныхъ царствъ, созданы около середины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр., когда побѣжденные Брахманы были принуждены прибѣгнуть къ помощи своихъ бактрійскихъ братьевъ.

Редакція Ведъ далеко не восходитъ въ эту раннюю эпоху. Въ то время, когда изъ нихъ составился религіозный кадексъ, народъ уже поклонялся Вишну и Шивѣ (это видно изъ самыхъ Ведъ) *); но чистѣйшіе Брахманы были еще не заражены примѣсью чуждыхъ религій, или кодексъ былъ писанъ въ области, сохранившей нѣкоторую духовную независимость.

Восточные Иранцы владѣли Ассиріею и соединяли въ одно могущее цѣлое всѣ страны отъ береговъ Инда до Евфрата и до Малой Азіи. Духъ человѣческій, которому не измѣняла Бактрія, несмотря на религіозное искаженіе, выражался въ ея кроткой и мирной власти. Караваны тянулись отъ Ганга до Средиземнаго моря, размѣнивая товары далекихъ земель; обильныя жатвы золотились надъ безконечнымъ просторомъ полей; эдемы садовъ выростали въ глуши пустынь и въ ущельяхъ горъ. Таково царство бактрійскаго Джемшида или ванской Семирамиды. Художество, созданное Хамидами, было охотно принято ихъ побѣдителями, склонными ко всякому усовершенствованію. Земля прорѣзывалась каналами, спасающими земледѣліе отъ палящаго солнца иранскаго; водопроводы переливали свѣжесть горныхъ высотъ въ нѣдра безводныхъ степей; безчисленные города возникали на берегахъ рѣкъ и на торговыхъ перепутьяхъ; Ниневія и

Вавилонъ, основанные Хамидами, украшенные побѣдителями ихъ Семитами ассирійскими, росли и красовались подъ властью новыхъ восточныхъ владыкъ. Громадныя зданія храмовъ и дворцовъ, легкія и смѣлыя, вырвавшіяся изъ оковъ тяжелаго зодчества Кушитовъ, гордо возвышались въ вольную высоту безоблачнаго неба, и роскошь царей поднимала тѣнистую прохладу садовъ выше дворцовъ и башенъ на хребтѣ горъ, созданныхъ искусствомъ среди необозримыхъ равнинъ Месопотаміи. Чуденъ былъ блескъ царства и незабвенно его величіе. Оно пало. Наступило время дробленія, мелкихъ распрей и мелкой жизни; но слѣды его не могли погибнуть вполнѣ, и добросовѣстная критика понимаетъ, какъ впослѣдствіи дикіе Персіяне еще могли измѣнять теченіе судоходныхъ рѣкъ и исполнять съ успѣхомъ такія предпріятія, предъ которыми задумалась бы усовершенствованная механика нашихъ современниковъ.

Но не даромъ далось Ирану художество Кушитовъ. Побѣдительное племя купило духовнымъ развратомъ право на вещественное благоденствіе. Семирамида соединяетъ въ себѣ державное величіе съ наглымъ безстыдствомъ нравовъ. Джемшидъ заслуживаетъ свое паденіе отступничествомъ отъ того свѣтлаго начала, которому поклонялись его предки. Покоренная Месопотамія привлекла къ себѣ своихъ побѣдителей и была истинною главою бактрійскаго царства.

Кушиты были учителями Ирана въ искусствахъ, они же были его учителями и въ созданіи условныхъ общинъ или государствъ. Примѣръ жреческой касты въ Ассиріи создалъ жреческую касту во всей юго-западной Азіи; но новые народы, призванные къ политической дѣятельности, не могли ограничиться этимъ однимъ учрежденіемъ. Имъ жрецы не были нужны такъ, какъ Кушитамъ; у нихъ эта каста возникла не изъ внутренней жизни, но изъ подражанія чуждому примѣру. Въ жизни жрецовъ они видѣли трудъ общественный и государственный. Принявъ одну касту, они должны были, вслѣдствіе своей простодушной логики, раздѣлить все поле общественнаго труда и создать другія касты. Явились воины, ремесленники и землепашцы. Это раздѣленіе предшествуетъ бактро-ассирійской династіи, ибо перенесено Брахманами въ Индустанъ, гдѣ четвертая каста впослѣдствіи соединена съ третьею и замѣнена кастою черныхъ и презрѣнныхъ рабовъ, остаткомъ побѣжденныхъ Кушитовъ и желтоликихъ туземцевъ. Но выселеніе Вановъ въ Европу еще древнѣе, ибо нѣтъ ни малѣйшаго слѣда кастъ въ славянскихъ обычаяхъ. Въ позднѣйшіе вѣка при-донскія и при-дунайскія семьи, долго сохранявшія дружескія сношенія и духовное общеніе съ своею восточною родиною, приняли отъ нея заразу человѣкообразной вѣры со всѣмъ ея безуміемъ, но не принимали условно-общиннаго быта и, оставаясь при родовомъ устройствѣ, не могли никогда раздѣляться на касты. Движеніе Пелазговъ изъ Азіи въ южную полосу Европы и Германцевъ, отдѣлившихся отъ нихъ, къ сѣверу, также предшествуетъ введенію кастъ въ Иранъ; но друидизмъ Кельтовъ и ихъ аристократизмъ доказываютъ, что они еще въ Азіи подверглись вполнѣ вліянію Хамидовъ.

Впрочемъ, можетъ быть миграція Пелазговъ и Германцевъ была не ранѣе кельтской. Горный и одичалый народъ, они могли еще жить въ западномъ Иранѣ и мало подвергнуться измѣненіямъ отъ чуждаго просвѣщенія, точно такъ же, какъ и коренные жители Парсистана до ихъ владычества въ Азіи. Этого нельзя предположить на счетъ Вендовъ, во-первыхъ, потому, что ихъ пребываніе въ Европѣ относится, какъ мы уже показали, къ эпохѣ раньшей, чѣмъ миграціи кельтская и германская; во-вторыхъ, потому, что они были искони народъ образованный, осѣдлый и градостроительный и что колыбель ихъ Бактрія была средоточіемъ просвѣщенія иранскаго; слѣдовательно, они должны бы были принять устройство общины кастами, если бы не выселились прежде введенія этого условнаго начала.

Общественная и умственная жизнь Кушитовъ, ихъ вліяніе на Иранцевъ. Астрономія. Письмена.

Государственная форма ассирійской и вано-ассирійской династіи (царствованія Нина и Семирамиды) была основана на раздѣленіи кастъ точно такъ же, какъ и позднѣйшее царство Мидійцевъ; но оно не имѣло нисколько того безчеловѣчнаго характера, который развивался естественно въ странахъ кушитскихъ и который привился къ Брахманамъ индустанскимъ вслѣдствіе ихъ враждебныхъ отношеній къ туземцамъ. Признаніе одного сословія, въ которомъ достоинство человѣческое было попрано ногами, такого сословія, которое не смѣло бы дыханіемъ или взглядомъ своимъ осквернять своихъ благороднѣйшихъ братьевъ, вносило начало дикости во всѣ части общины и должно было дать раздѣленію всѣхъ кастъ рѣзкость, совершенно чуждую Ирану, заключавшему въ себѣ одно начало племенное. Впрочемъ, и въ Индустанѣ это измѣненіе происходило мало-по-малу. Первыя сказки историческія еще представляютъ возможность перехода изъ касты въ касту, и кромѣ царей, т.-е. воиновъ, кажется даже другія сословія могли возвыситься до Брахманства (какъ, наприм., въ преданіи о Какшивантѣ *). Настоящая же колыбель Ирана никогда не подвергалась искаженію: касты въ ней представляли всегда простодушное раздѣленіе государственныхъ работъ. Каждая имѣла своего представителя, главу или царя, подчиненнаго общему представителю, главѣ государства. Не было ни презрѣнія, ни вражды между сословіями, и кожаный передникъ кузнеца *Кава* *), усыпанный алмазами, былъ славою мидо-персидскихъ царей и предводилъ ихъ завоевательныя дружины.

Просвѣщеніе Хамидовъ проникло, какъ мы уже сказали, въ самое сердце Ирана, внося въ одно время начала усовершенствованія и искаженія. Восточныя области характеромъ своимъ рознились отъ западныхъ, отдѣляясь отъ нихъ, въ смыслѣ религіозномъ, преимущественнымъ поклоненіемъ водѣ. Было ли это отличіе кореннымъ или привитымъ отъ ихъ сосѣдей, Кушитовъ индусской долины?—трудно опредѣлить. Оно могло быть слѣдствіемъ быта земледѣльческаго въ странахъ, бѣдныхъ водами, оно могло быть занято отъ жителей долинъ Гиммалая и Инду-Кху, у которыхъ особенно царствовало поклоненіе рѣкамъ, олицетвореннымъ въ видѣ змѣй, и царь этихъ благодѣтельныхъ змѣй носилъ имя *Нила* *), напоминающее царственную рѣку африканских Кушитовъ. Какъ бы то ни было, восточный Иранъ представлялъ особенно развитіе улучшеній бытовыхъ, хотя выходцы его, Брахманы, воздвигли въ Индустанѣ безсмертный памятникъ философскаго труда, духовный памятникъ, величіемъ своимъ равняющійся несокрушимымъ громадамъ кушитскихъ пирамидъ. Иное было вліяніе новаго просвѣщенія на западный Иранъ. Занятое у Кушитовъ, оно пробудило дремлющія силы разума въ благородномъ племени и получило новый и высшій характеръ. Огонь, которому поклонялись горные Азы и Мидійцы, какъ будто бы очищалъ ихъ помыслы. Земля, изъ которой избранный родоначальникъ Израиля вынесъ свѣтильникъ неугасаемой истины и древнихъ, святыхъ преданій, долго хранила чистоту вѣры и духовнаго богопознанія, переданную ею сынамъ своимъ — Пелазгамъ и Германцамъ и возобновленную въ ней самой собирателями или сочинителями позднѣйшей Зендавесты. Умъ, пробужденный южнымъ стремленіемъ къ наукѣ, скоро оторвался отъ изученія земныхъ явленій и обратился къ небесамъ, въ которыхъ невольное, дѣтское чувство видитъ жилище духовнаго творца міровъ. Халдея и прибрежье Каспія усовершенствовали астрономію. Древніе циклы, разочтенные съ вѣрностію, свидѣтельствующею о наблюденіяхъ постоянныхъ и точныхъ, превосходнѣе позднѣйшаго гиппархова. Свѣтлый, безоблачный, прозрачный воздухъ, смѣлыя и высокія зданія или вершины горъ, съ которыхъ глазъ обнималъ пространные горизонты, и поклоненіе огню, какъ чистѣйшему символу божества: таковы были побудительныя причины и пособія, подвинувшія впередъ науку небознанія. Топографія созвѣздій, которая, какъ уже сказано, приняла живую форму разсказа вмѣсто мертвой формы описанія, явно указываетъ на иранскій источникъ: сказка, заключенная въ ней, принадлежитъ народамъ, враждующимъ противъ змѣепоклоненія. Преданія древности, согласно съ выводами науки, приписываютъ Халдеѣ и ея пастырямъ глубочайшія знанія астрономическія. Сосѣди Халдеи, горные Азы, независимые братья Мидійцевъ, изобрѣли около того же времени науку гласовыхъ письменъ. По преданіямъ Персіи, Тахмураспъ, одинъ изъ Пишдадіевъ, т.-е. изъ династіи олицетворенной въ Джемшидѣ или Семирамидѣ, воевалъ противъ Дэвовъ (прозвище данное Азамъ) и, побѣдивъ ихъ, принялъ отъ нихъ мудрость чтенія и письма.

Изъ этого сказанія можно предположить, что въ самомъ Иранѣ были временные раздоры и что жители Мизендерана и Каспійскихъ береговъ хранили свою независимость во время царства бактроассирійскаго.

Должно однако замѣтить, что хотя многіе доводы подтверждаютъ преданія Персіи, но весьма сомнительно, чтобы дѣйствительно существовали уже въ то время враждебныя отношенія между Мидіей и при-каспійскою страною. Прозвище Тахмураспа, *Дивбендъ* и *Рибавендъ*, указывающія на побѣду надъ Азами и Ванами, не могли принадлежать царю ванской династіи и вѣроятно перенесены на него съ котораго нибудь изъ преемниковъ Феридуна, т.-е. изъ позднѣйшихъ царей мидійскаго поколенія. Эллинскій алфавитъ, котораго характеръ принадлежитъ къ полной гласовой системѣ, заимствованъ по большей части изъ шаткихъ и полугласовыхъ системъ приморской Сиріи. Сродство многихъ буквъ эллинскихъ съ финикійскими не подвержено сомнѣнію; преданіе о финикійскомъ началѣ письменности въ Элладѣ, само по себѣ вѣроятное, какъ преданіе древнее, вполнѣ подтверждается сравнительною критикою. Но не должно искать одного начала въ какой бы то ни было отрасли образованности или жизни такой страны, которая всѣ свои стихіи какъ племеннаго состава, такъ и духовнаго развитія получила изъ двухъ разнородныхъ источниковъ. Грамотность и образованность мало-азійская, безспорно связанная съ чисто-иранскими и вѣроятно съ восточно-иранскими первообразами, имѣла сильное вліяніе на Элладу. Вообще горная страна демавендской цѣпи и ея отроговъ выказывается явнымъ средоточіемъ во многихъ отрасляхъ жизни умственной и религіозной. Между прочимъ должно замѣтить, что прибрежье Тигра, премыкающее къ области древнихъ Азовъ, представляетъ столкновеніе двухъ формъ письменности гласовой, именно справа налѣво и слѣва направо. Обѣ формы соединены въ страны, получившей всю жизнь свою отъ нашествія Аза-Врановъ, въ Скандинавіи, подъ названіемъ *рунъ простыхъ* и *рунъ обратныхъ*. Клинообразныя же надписи, принадлежащія той же области при-тигрской, представляютъ разительное, но кажется еще незамѣченное сходство съ третью, самою таинственною формою письменности скандинавской, со счетными Рунами (*Цаль-рунаръ*). Избраніе этой формы для надписей объясняется легко святостью предмета и особеннымъ удобствомъ ея для насѣчки на камнѣ; а отклоненія отъ простого закона счетныхъ рунъ принадлежатъ времени и введенію многосложныхъ и искуственныхъ правилъ. Дальнѣйшее искаженіе ихъ и большая искусственность проявляется на берегахъ Евфрата, на кирпичахъ древняго Вавилона.

Небознаніе, новая наука, вещественный плодъ духовнаго стремленія, получило въ одно время характеръ сказки и характеръ таинства. Въ обоихъ видахъ она проникла въ религію и жизнь народовъ. Сказка обратилась въ миѳъ, а съ другой стороны тѣ таинственныя значенія, которыя были приписаны ходу небесныхъ свѣтилъ, перешли въ сказку. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ сбивчивости древнихъ миѳологій и пустыхъ толковъ позднѣйшей учености, часто находившей и вездѣ искавшей астрономіи въ религіи, тогда какъ уже первая звѣздная сказканоситъ на себѣ примѣты предшествовавшаго религіознаго раздора между поклоненіемъ жизни—змѣѣ и свободному духу—огню.

Къ родинѣ астрономіи примыкаютъ народы, дѣйствительно приносившіе свои моленія звѣздамъ небеснымъ (или воямъ небеснымъ), послѣдователи Цабеизма. Чище и яснѣе всѣхъ держались этого мнѣнія выходцы страны при-араратской, семитская семья Геламитовъ, увлеченная торжественнымъ движеніемъ Ирана на Югъ въ кушитскую Аравію, гдѣ она пришла въ соприкосновенія и столкновенія, часто враждебныя, съ Аравитянами,—Хамидами, поклонявшимися Шивѣ-Діонизосу. Впослѣдствіи оба племени смѣшались болѣе или менѣе въ разныхъ округахъ; но типъ африканскій исчезъ не вездѣ, не смотря на побѣды Геламитовъ. Свѣтопоклоненіе, принимая все болѣе и болѣе характеръ исключительнаго огнепоклонства, стало рѣзче отдѣлять средній Иранъ отъ восточнаго. Распря религіозная вѣроятно усилила бытовыя различія между Азами и Ванами и дала поводъ къ долгой и жестокой борьбѣ.

Замѣчательно, что въ сумеркахъ боговъ Аза-Торъ противопоставляется *водяной* змѣѣ, а Ванъ Фрейръ *огненному* Суртуру. Давно уже народы разошлись, и вѣковыя вражды замѣнили древнее братство. Тысячелѣтіе протекло въ кровавыхъ распряхъ племенъ; но жизнь еще не размельчала, семьи не совсѣмъ разрознились, и какая-то память стараго, кровнаго союза и старыхъ дружескихъ сношеній еще жила въ униженномъ человѣчествѣ. Племена дѣйствовали великими массами, и мысль ходила просторно по землѣ. Открытіе, сдѣланное на одной точкѣ земного шара, могло легко распространиться во всѣ концы его, и наблюденія, сдѣланныя халдейскими пастырями, перешли, въ видѣ науки или сказки, ко всѣмъ народамъ, принимая вездѣ особенные образы и характеръ. Хамиды, давшіе первое ученое движеніе иранскому племени, заняли отъ него новое, таинственное занятіе, измѣняя многіе символы его и присвоивая себѣ несправедливо славу самаго изобрѣтенія. Кажется, собственно Кушитамъ принадлежитъ новое раздѣленіе года на шесть двухмѣсячій и на три четырехмѣсячья. Оно находится болѣе или менѣе ясно въ Египтѣ, Индустанѣ, Китаѣ и даже Мексикѣ въ связи съ символами Шиво-Буддаизма, между тѣмъ какъ собственно иранскимъ землямъ болѣе свойственно было раздѣленіе года на четыре трехмѣсячныя времени. Впрочемъ нѣкоторыя познанія астрономическія были древнѣе новаго развитія науки. Вѣрная оріентація пирамидъ и другихъ памятниковъ свидѣтельствуетъ о древнихъ наблюденіяхъ, общихъ всѣмъ племенамъ и предшествовавшихъ ихъ раздѣлу, хотя самая форма пирамидъ, безвкусіе ихъ постройки, отсутствіе религіознаго характера и ненависть Египтянъ къ ихъ строителямъ указываютъ уже на вліяніе Ирана, на эпоху смѣшенія, и на царственную династію, высвободившуюся изъ-подъ ига односторонняго направленія чисто-кушитской мысли, хранившейся у касты жрецовъ, представителей вещественной мудрости Хамидовъ.

Наука гласовыхъ письменъ, нѣсколько позднѣйшая астрономіи и менѣе заманчивая для воображенія, распространилась не такъ скоро и не такъ далеко. Сказка астрономическая проникла въ пустыны, переносилась изъ края въ край кочующими народами и радовала созерцательную склонность даже одинокихъ семей. Для письменности нужны были общительность и постоянныя сношенія или стремленіе къ наукѣ; но тамъ, куда проникла новая стихія просвѣщенія, являлся вслѣдъ за нею цѣлый рядъ великихъ измѣненій. Главнѣйшими изъ нихъ были большая твердость науки, возможность кодификацій и неизмѣнность языка въ тѣхъ странахъ, гдѣ самый характеръ просвѣщенія и жизни (какъ у Хамидовъ) не служилъ достаточнымъ огражденіемъ для слова. Письменность символическая или іероглифъ мысли въ Египтѣ и Китаѣ, какъ уже сказано, заковывалъ мысль въ данныя системы, но оставлялъ языку полную свободу искажаться. Письменность гласовая оставляла свободу мысли и заковывала слово. Она совершенно самостоятельна, между тѣмъ какъ іероглифъ въ началѣ своемъ есть только бытовое примѣненіе искусства. Іероглифъ мысли перешелъ, какъ извѣстно, въ іероглифъ звука, т.-е. въ письменность гласовую, но сохранилъ навсегда слѣдъ своего первобытнаго образованія. Очень вѣроятно, что самый этотъ переходъ произошелъ въ кастѣ жреческой, но уже подъ вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Дальнѣйше развитіе письменности гласовой, іератическая и демотическая, суть уже просто займы, сдѣланные Кушитами у Иранцевъ съ разными измѣненіями. Тѣ страны, въ которыхъ побѣда скоро осталась за Ираномъ въ борьбѣ съ его южнымъ противникомъ, не знаютъ іероглифа. Другія, въ которыхъ, какъ въ Индустанѣ, борьба была продолжительна и въ которыхъ однако же нѣтъ примѣтъ символическаго письма, свидѣтельствуютъ о колонизаціи, предшествовавшей еще изобрѣтенію іероглифа и уже не принявшей письменности кушитской по явному превосходству системы иранской. Не въ Египтѣ, но въ колыбели его образованности, въ Ѳеіопіи начало деканскаго населенія и деканскаго художества. Китай, болѣе отдаленный и позднѣе колонизированный или по крайней мѣрѣ просвѣщенный, стоитъ въ большей зависимости отъ Египта. Письменность его имѣетъ очевидно одно и то же начало, какъ и іероглифы: символизацію мысли. Бóльшая простота зависитъ, вѣроятно, отъ первоначальнаго преобладанія Буддаизма, который связанъ неразрывно съ Шиваизмомъ какъ его внутреннее прямое отрицаніе, но въ то же время представляетъ въ сравненіи съ нимъ характеръ совершенной простоты, безыскусственности, такъ сказать, трезвости и положительной пользы.

Отрицаніе прямое никогда не выноситъ мысли человѣческой изъ той области, въ которой оно застаетъ ее. Отрицательное число есть число безконечное; какъ отрицаніе конечное, оно живетъ въ мірѣ конечности; отрицательный плюсъ находится въ прямой зависимости отъ своего положительнаго плюса, и протестантство истомляется въ безплодной борьбѣ на почвѣ, созданной римскимъ католицизмомъ. Таково всегда и вездѣ отношеніе Буддаизма къ Шиваизму. Онъ вѣчно стремится къ освобожденію духа и въ то же время принимаетъ молча начало необходимости во всѣхъ проявленіяхъ, слѣдовательно, не можетъ нигдѣ достигнуть свободы. Логическіе законы неумолимы, и раціонализмъ, одинъ разъ овладѣвъ какою бы то ни было областью мысли, не можетъ уже быть изгнанъ изъ нея. Его ничтожество въ смыслѣ жизненномъ узнается по его безплодности, и только тотъ можетъ отъ нея освободиться, кто, постигнувъ его односторонность и ставъ внѣ его, нашелъ для разума своего опору живую и независимую отъ формальности. Впрочемъ, раціонализмъ, несмотря на свою внутреннюю слабость, часто напрягалъ духовныя силы человѣка и былъ началомъ великихъ явленій въ жизни разумной, общественной и всемірной исторіи.

Порядокъ первой гласовой азбуки, вѣроятно, останется въ числѣ неразгаданныхъ тайнъ. То же можно сказать и о формѣ буквъ. Деванагари имѣетъ также мало притязаній на первобытность, какъ и англійскій или французскій алфавитъ. Древнѣйшій порядокъ могъ бы быть угаданъ по клинообразнымъ надписямъ, въ которыхъ явно счетное начало; но счетная азбука скоро вступаетъ въ общую колею и подвергается тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и простая, а тѣ надписи, которыя сохранились до нашего времени, представляютъ уже азбуку искаженную и распространенную по законамъ совершенно произвольнымъ.

Напр., *а* носовой представляетъ составной знакъ изъ *н* и указанія на гласную; *э* длинное тоже ясно составное изъ знака придыханія и *i* или *е* краткаго; *о* длинное также. Невозможно отдѣлить первоначальныхъ стихій *), но если (какъ вѣроятно) угольникъ означаетъ десятокъ, то можно предположить, что число буквъ не далеко превосходило два десятка и что буква *х* была окончательная. Быть можетъ, найдутся еще древнѣйшія надписи и приблизятъ ученыхъ къ разрѣшенію этого вопроса.

Впрочемъ, сомнѣнія на счетъ порядка и формы буквъ не относятся къ самой системѣ азбуки. Сличеніе Деванагари, клинообразныхъ письменъ и славянской азбуки приводитъ къ одному и тому же результату, именно: что каждая согласная заключала въ себѣ краткую гласную неопредѣленнаго звука, *а* краткое, среднее между *а* и *о* въ Индіи, среднее между *о* и *а* у Славянъ и среднее между *а* и *е* у Персіянъ.

Это не подвержено никакому сомнѣнію въ санскритскомъ, явно въ славянскомъ по употребленію знака безгласія, не только въ концѣ словъ, но и между связными согласными; и едва ли подвержено еще спору въ надписяхъ персеполитанскихъ.

Такая система основана на самомъ простомъ и безыскусственномъ началѣ, на необходимости краткой гласной при согласной для складовъ, и слѣдъ ея сохранился въ странѣ, которая была колыбелью самой письменности. Всѣ три формы письменъ, прямыхъ, обратныхъ и таинственныхъ счетныхъ встрѣчаются на прибрежьѣ Тигра. Чистый Иранъ избралъ простыя письмена; Семиты предпочли обратное направленіе. Мѣшанное письмо или бустрофедонъ составился по всей вѣроятности отъ вліянія южной іероглифической письменности по своему происхожденію изъ живописи, равнодушной къ направленію знаковъ; а счетная азбука осталась достояніемъ маговъ или жрецовъ, въ позднѣйшіе вѣка перенесшихъ ея тайну, хотя съ другими законами, до скандинавскаго Сѣвера.

Благодѣянія грамотности уже признаны: отъ нея начинается новая эпоха жизни человѣчества. Но вмѣстѣ съ улучшеніями бытовыми, съ большею опредѣленностью понятій, съ большею твердостью нарѣчій и съ возможностью кодификацій, вошли бо́льшая искусственность въ сношеніяхъ людей между собою, упадокъ обычаевъ въ смыслѣ законовъ, презрѣнье ученаго сословія къ неученому, излишняя важность всего писаннаго, утрата преданія неписаннаго, и вслѣдствіе всего этого отдѣльное умствованіе, развитіе чисто логическаго начала и преобладаніе анализа въ нѣдрахъ Ирана, хранившаго до тѣхъ поръ развитіе синтетическое, связанное съ обычаемъ и преданіемъ.

По всѣмъ вѣроятностямъ, освобожденіе науки отъ вещественой полезности и начало астрономіи принадлежатъ династіи халдео-ассирійской; посвященіе науки въ служеніе слову, т.-е. начало письменности, относится ко времени династіи восточно-иранской, т.-е. вано-ассирійской. Еще позднѣе самое слово сдѣлалось предметомъ науки у Иранцевъ индустанскихъ, но этотъ новый успѣхъ мысли, спасшій для насъ важнѣйшее свидѣтельство объ общемъ первоначальномъ языкѣ, не распространялся никогда далѣе Ганга на Востокъ и Инда на Западъ.

Миграціи Семитовъ и Иранцевъ.—Древняя торговля.—Финикіяне.

Много было общаго между племенемъ преобладающимъ на берегахъ Евфрата и туземцами; но много было и различій. Вліяніе Кушитовъ уже потрясло и исказило весь міръ семитическихъ народовъ; завоеваніе Бактріи Ассирійцами и Ассиріи Бактрійцами оставило по себѣ слѣдъ вражды и взаимной ненависти. Часть побѣжденныхъ (таковъ, кажется, смыслъ преданій армянскихъ) удалились въ горы на сѣверо-западъ и продолжали борьбу съ новыми владѣтелями Ниневіи. Между тѣмъ сами побѣдители, прельщенные роскошью и вещественною красотою страны месопотамской, оторвались отъ своей родины, утратили свою силу и приготовили свое паденіе глубокимъ развратомъ нравовъ и совершенною утратою всякаго духовнаго значенія. Около XVI вѣка до Р. Хр. возмущеніе при-евфратскихъ Семитовъ и напоръ горцевъ, Халдеевъ, уничтожили власть Семирамиды, по Ассирійцамъ, или откинули Джемшида въ Бактрію, по преданіямъ персидскимъ. Возстала новая туземная династія *Нингіасъ*, признанная за продолженіе первой династіи (*Нинуса*) и царствовала долго въ силѣ, славѣ и богатствѣ, гремя далеко оружіемъ, созидая чудные памятники, но уже много уступая во всѣхъ отношеніяхъ своимъ великимъ предшественникамъ.

Еще не упала держава Семирамиды, и народы, жившіе на западъ отъ Евфрата, не скинули съ себя власти восточной, какъ отдѣльныя вѣтви ихъ стали выселяться далѣе и далѣе отъ границы вано-ассирійскаго государства. Къ этому времени принадлежатъ, вѣроятно, многія миграціи, внесшія семитическую стихію глубоко въ Малую Азію (между прочимъ Левко-Сиріевъ), точно также, какъ невольное движеніе Пелазговъ и Германцевъ принадлежитъ еще времени преобладанія кушитскаго; а первая миграція Кельтовъ съ ихъ священною кастою относится къ династіи чисто-ассирійской. Ходъ Пелазговъ и медленное движеніе Германцевъ направлены были черезъ Геллеспонтъ. Миграція Кельтовъ была обширнѣе и совершалась иными путями. Главное ея направленіе было на сѣверъ, черезъ снѣговой Кавказъ въ междурѣчіе Волги и Дона, въ разрѣзъ вендскихъ населеній и оттуда прямо на западъ. Часть кельтской отрасли, Иберцы, были брошены на югъ во время крутой борьбы, уничтожившей преобладаніе Кушитовъ на Евфратѣ, и въ смѣси съ Семитами перекинулись по берегамъ Средиземнаго моря въ дальній запиренейскій полуостровъ, гдѣ имъ суждено было встрѣтиться враждебно съ своею сѣверною братьею, Кельтами. Это движеніе Иберцевъ въ соединеніи и въ смѣси съ Семитами открыло торговый путь Финикіи до береговъ Океана и до

Зеленаго острова, населеннаго Кельтами, въ его сѣверныхъ пучинахъ. Оно олицетворено въ преданіяхъ въ лицѣ Иракла тирскаго, сѣвернаго господина карталинскаго (*Мелехъ Картлъ*, сокращено *Мелькартъ*). На берегахъ Финикіи, которой южную часть древніе называли Эѳіопіей*), произошли многія столкновенія племенъ*). Хамиды боролись съ Семитами. Древній Тиръ палъ въ борьбѣ съ Сидономъ и снова возстановленъ колоніею побѣдителей. Въ этомъ заключается примиреніе преданія о стародавности Тира и въ то же время объ его довольно позднемъ построеніи Сидономъ. Смѣшанныя племена, слившись въ одно цѣлое, боролись снова съ Югомъ и Сѣверомъ, но отстояли свое отдѣльное существованіе или, по миѳамъ бейрутскимъ, мѣстный богъ Посейдонъ одержалъ конечную побѣду надъ сѣвернымъ Зевесомъ и южнымъ Діонизосомъ. Но племенныя начала, ожесточенныя взаимною враждою, никогда не утрачивали вполнѣ своего значенія. Сидонъ кушитскій въ своей основѣ представлялъ большую мягкость нрава и безуміе сладострастія. Тигръ иранскій въ своемъ началѣ отличался предпріимчивостью, смѣявшеюся надъ бурею невѣдомыхъ Океановъ и кровожадностью, проливавшею потоки крови въ обрядахъ одичалой вѣры.

Время величайшихъ народныхъ движеній относится къ вѣкамъ глубочайшей древности. Кельты, Пелазги и Германцы, двинувшіеся въ Европу около 30 вѣковъ до Р. Хр., встрѣтили или разрѣзали сѣть вандо-славянскихъ первожителей; Иберцы примкнули къ ней съ юга. Но время династіи Вано-ассирійской представляетъ, кажется, величайшее развитіе торговли и отъ того главное средоточіе мировой жизни. Вавилонъ и Ниневія, въ сказаніяхъ древнихъ народовъ, сверкаютъ золотомъ и дорогими камнями, облекаются въ пурпуръ и цвѣтныя ткани и окружаются облакомъ благоуханныхъ куреній. Паденіе чисто-ассирійской династіи, двинувшей силу Ирана на землю Кушитовъ и потомъ распавшейся отъ столкновенія съ восточнымъ Ираномъ, оставило страны между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ въ броженіи, лишенномъ государственнаго единства. Тогда мало-по-малу образовался міръ народовъ семитическихъ, смѣсь Семитовъ съ Хамидами, и міръ вѣрованій, смѣшанныхъ изъ двухъ враждебныхъ началъ. Въ этой области, гдѣ свирѣпствовали самыя частыя и жестокія столкновенія, религія достигла своего крайняго ожесточенія, сохранившагося потомъ въ безсмысленномъ и гнусномъ синкретизмѣ; но народы развили въ себѣ энергію, давшую имъ важность несоразмѣрную съ ихъ многочисленностью. Въ эпоху династіи вано-ассирійской улеглись внутреннія бури юго-западной Азіи, и разноначальное приморіе Финикіи соединилось въ одинъ государственный союзъ. Это время обозначается колонизаціею Тира изъ Сидона. Финикія расцвѣла торговлею. Караваны, проходя широкую область ассирійскаго царства отъ Инда до Евфрата, передавали свои богатства караванамъ Сиріи и Палестины, и веселый путь народныхъ сношеній кончался въ пристаняхъ Финикіи, изъ которыхъ смѣлые паруса Тира и Сидона летѣли за новыми богатствами на край обитаемой земли.

Древняя торговля представляетъ особенную черту, на которую до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Направленіе купеческаго мореплаванія не опредѣляется законами удобства и близости. Финикійцы охватываютъ Грецію и Италію, оплываютъ сѣверный берегъ Африки и достигаютъ дальнихъ острововъ Атлантическаго океана, между тѣмъ какъ они рѣдко посѣщаютъ глубь Эгейскаго моря и не смѣютъ проникнуть въ Эвксинъ. Безстрашные моряки Венеты не отдѣляются отъ сѣверныхъ береговъ Адріатики и, охватывая берега Германіи и Галліи, не спускаются на югъ въ Испанію. Корабли Эллады ограничиваютъ кругъ своего плаванія тѣми морями, на которыхъ основались ихъ колоніи, и судоходство Египта, ничтожное въ Средиземномъ морѣ, было развито въ большихъ размѣрахъ на океанѣ Индійскомъ. Таковы показанія древнихъ и свидѣтельства памятниковъ. Взглядъ на эти данныя и сравненіе съ торговлею даже позднѣйшихъ народовъ опредѣляютъ законъ древней морской торговли. Общая его формула слѣдующая: мореплаваніе служило только для сообщеній между родиной и колоніями или между кровными братьями, помнящими свое родство. Торговые пути опредѣлялись тождествомъ вѣрованій или сочувствіемъ родовымъ.

Вмѣсто прежняго правила: «въ такой-то странѣ замѣтно языковое или религіозное сходство съ Финикіею, потому что къ ней приставали купцы финикійскіе»,—правила ничего незначащаго и ничего не объясняющаго, должно принять правило: «купцы финикійскіе приставали къ такой-то странѣ, потому что между ею и Финикіею было языковое или религіозное сходство». Въ позднѣйшее время естественное сродство было замѣнено исскуственымъ, основаннымъ на системѣ вооруженныхъ колоній. Это относится въ особенности къ Элладѣ.

Въ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. развитіе торговли, одностороннее у каждаго племени, въ общемь своемъ итогѣ обнимало большую часть обитаемой земли. Система вендская, охватывая сѣверъ Германіи и Франціи, связывала восточное прибрежье Балтики съ Атлантическимъ океаномъ. Система Вендовъ лигурскихъ, Вендовъ адріатическихъ, Саковъ евксинскихъ огибала большую часть сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря и проникла во всѣ великіе заливы его и въ три моря, подчиненныхъ ему. Система Финикіи, по ея семитической стихіи, т.-е. тирская, заключала въ себѣ все сѣверное поморье Африки, Пиринейскій полуостровъ и часть Атлантическаго океана, соединяя кельто-иберскую Ирландію съ восточною оконечностью Средиземнаго моря; та же система по ея кушитской стихіи, т.-е. Сидонская, захватывала прибрежье Персидскаго залива, Аравійскій полуостровъ и богатства неизвѣстнаго Офира, вѣроятно востокъ Африки. Наконецъ система Египта, въ своихъ братскихъ сношеніяхъ съ восточными колоніями Куша, соединяла долину Нила съ устьями Инда, съ западомъ и югомъ Декана, съ роскошнымъ Цейлономъ и съ торговымъ движеніемъ всей юговосточной Азіи и острововъ, разсѣянныхъ въ безконечности океана.

Дѣятельность мореходцевъ пополнялась путями караванными. Атлантическое море должно было соединяться съ Средиземнымъ цѣпью вендо-лигурскихъ поселеній по Лигеру и Родану (*Эриданъ*, ярый Донъ). Венды балтійскіе, собиравшіе янтарь у устьевъ сѣвернаго *Эридана* *), мѣняли его на произведенія земли Вендовъ адріатическихъ, жителей прибережья *Эридана* италійскаго, направляя путь своихъ конныхъ и лодейныхъ каравановъ черезъ страны Славянъ-Ляховъ, Вудиновъ и Дако-Гетовъ. Эпиръ и юго-западная Эллада, колонизированная Иверцами и Финикійцами, принимали богатства Сѣвера отъ своихъ иллирійскихъ сосѣдей; Финикія отъ своихъ пристаней высылала караваны къ Черному морю, къ Персидскому заливу, къ границамъ Ассиріи, по странамъ Семитовъ и Хамидовъ. Сухопутное сообщеніе по землямъ иранскимъ связывало Евфратъ съ Индомъ и Гангомъ; а отъ Инду-Кху, отъ подошвы громаднаго Девалагири, отправлялись новые торговые обозы на сѣверъ черезъ ванскую Бактрію, черезъ земли Гетовъ и Даковъ, охватывая Каспійское море по общинамъ Карповъ и Валовъ, подымаясь вверхъ по Волгѣ и кончая путь свой въ мірѣ *Вендовъ*, Вановъ европейскихъ. Сверхъ того мелкій, но постоянный торгъ шелъ по всѣмъ границамъ народовъ осѣдлыхъ и мирныхъ, дополняя собою сѣть человѣческихъ сношеній; и тѣ же Ваны бактрійскіе, которые своими выселками и караванами связывали Индустанъ съ Балтикою и Атлантическимъ океаномъ, пріучали мало-помалу своихъ восточныхъ сосѣдей принимать торговыхъ гостей, для которыхъ Китай разводилъ виноградъ (*по-то*) и сѣялъ зерновой хлѣбъ (*мо-со*).

Торговля не создана a priori; она не дѣло расчета и умозрѣнія, но безыскуственный плодъ общительной жизни. Первый купецъ былъ *гость*, весело посѣщающій, радушно принимаемый; первый торгъ былъ подарокъ и отдарокъ, размѣнъ. Исторія торговли теряется въ исторіи ранней общительности. Со временемъ; естественно, гость сдѣлался купцомъ, общительность перешла въ эгоистическій расчетъ; но раздѣлять ихъ искони—значитъ быть слѣпымъ въ смыслѣ простоты человѣческой.

Нажимъ Ассиріи, въ которой средоточилась государственная сила Ирана, выдвигалъ кочевыя, горныя и нестройныя семьи изъ ихъ прежнихъ предѣловъ. Такъ остатокъ кельтскаго племени, вѣроятно, около этого времени, перешелъ, подъ именемъ Кумри, черезъ Кавказъ; занялъ междурѣчье Дона и Волги и разрѣзалъ славянскія поселенія на восточныя и западныя. Дикіе и малообщительные Кумри пришли въ непріязненное столкновеніе съ Вендами и прервали или, по крайней мѣрѣ, весьма стѣснили торговлю бактро-европейскую. Большее сродство духовное соединило ихъ съ сѣверными Яфетидами, Финно-Турками, и сообщило нравамъ ихъ и языку сходство съ нравами и языкомъ этой одичалой семьи. Съ юга заняли ихъ мѣсто горные Мидійцы, и на хребтѣ Кавказской стѣны завязалась тѣ вѣковая борьба между Азами, Сарматами и Кимврами-Іотунами, которая наложила свою печать на всю миѳологію Скандинавіи.

Миграція Авраама. Переселеніе Евреевъ въ Египетъ. Гиксосы.

Кромѣ семей одичалыхъ, безъ сомнѣнія выселялись и лучшія семьи западнаго Ирана, готовыя къ общительности и къ братству человѣческому, но не склонныя къ оковамъ условной гражданственности, или возмущенныя религіознымъ развратомъ, сопровождавшимъ развитіе вещественныхъ силъ Ирана. Одна изъ нихъ, еще въ концѣ III-го тысячелѣтія до Р. Х. оставивъ родину свою, горныя пажити арарато-демавендской цѣпи, перенесла свои подвижныя богатства, кущи и стада въ землю Ханаанитовъ и Геламитовъ, въ сосѣдствѣ Финикіи и древняго Египта. Этой семьѣ, заключенной еще въ лицѣ Авраама, была поручена духовная судьба человѣчества, и ей обязаны мы первою его лѣтописью.

Оставляя свою родину и переселяясь въ новую страну, будущее владѣніе его потомковъ—Израиля, Авраамъ слѣдовалъ движенію, данному уже Ирану, со всѣхъ сторонъ надвигавшемуся на Кушитовъ. Онъ нашелъ землю уже населенную и въ которой природные Ханааниты еще не потеряли своего первенства. Таковъ смыслъ словъ пророка: «въ то время жили Ханааниты въ той странѣ» (Быт. 13.6). Въ послѣдующіе вѣка, особенно во время плѣненія египетскаго, сѣверные Семиты-

Геламиты и смѣшавшіеся съ ними Измаэлиты и Аммониты, отрасли рода Авраамова, получили совершенный перевѣсъ надъ туземцами.

Авраамъ поселился, какъ домовитый пастырь, въ странѣ еще слабо населенной землепашцами - градостроителями, ибо частое населеніе еще толпилось только около великихъ средоточій человѣчества. Память о подвижной кущѣ и о свободномъ привольѣ пустыни никогда не покидала выходцевъ изъ западнаго и средняго Ирана. Поселившись добромъ или силою въ области каменосѣчцевъ Кушитовъ, они вездѣ учреждали праздникъ *сѣни* или *Сакей* *). Родъ авраамовъ представляетъ въ этомъ отношеніи сходство съ Ассиріею и Мидіею.—Движеніе сѣверовосточныхъ народовъ на юго-западъ усиливалось. При жизни Авраама Сирія высылала воинственныя дружины въ Палестину, и мирный гость Ханаана, Авраамъ, помогалъ своимъ дружелюбнымъ сосѣдямъ противъ враждебнаго нашествія родственныхъ ему Семитовъ *). Голодъ заставилъ его искать временнаго убѣжища въ Мисраимѣ (Египтѣ), и тутъ нашелъ уже онъ давно царствующихъ Фараоновъ, давно цвѣтущее государство. Нѣсколько позднѣе и по той же причинѣ потомство его переселилось на берега Нила, гдѣ ему было суждено умножиться, окрѣпнуть и страдать.

Переселеніе Израиля въ Египетъ въ самомъ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. сопровождается первымъ важнымъ происшествіемъ въ жизни государственной, о которомъ исторія сохранила ясную и опредѣленную память, именно переходомъ частной недвижимости въ царскую, т.-е. государственную собственность. Совѣтъ, данный Іосифомъ, долженъ былъ во многомъ измѣнить весь бытъ и всѣ отношенія народа къ правительству, обративъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ невольныхъ арендаторовъ, въ бездомниковъ, трудящихся на чужой землѣ *).

Дружескій пріемъ, сдѣланный семьѣ Авраамовой, и послѣдовавшее затѣмъ угнетеніе при новомъ Фараонѣ, навело многихъ на мысль, что Евреи и *Гиксосы* или цари-пастухи, завоевавшіе Египетъ, были одно и то же. Позднѣйшій изъ еврейскихъ лѣтописцевъ, Іосифъ, очевидно, раздѣлялъ это мнѣніе. Зато многіе ученые совершенно отвергали весь разсказъ о Гиксосахъ, какъ пустую сказку. Ни то, ни другое мнѣніе не заслуживаетъ вѣры.

Великое значеніе Израиля въ Египтѣ указываетъ на какое-то братское чувство царствующей династіи къ сѣверо-восточнымъ пришельцамъ. Нелюбовь народа къ пастухамъ основана не на историческомъ началѣ, но на мѣстныхъ требованіяхъ землепашества въ узкой долинѣ Нила и на необходимости удалять стада изъ средины области къ краямъ пустыни. Это было слѣдствіемъ условій географическихъ: радушіе Фараоновъ къ чужеземцамъ, Аврааму и его потомству, было слѣдствіемъ духовнаго сочувствія. Перенесеніе столицы съ юга на сѣверъ и основаніе Мемфиса, или возвышеніе его въ столицу, было сопровождаемо переворотомъ общественнымъ. Власть царей-воиновъ скинула тогда, какъ уже сказано, оковы власти жреческой. Средоточіе африканскаго просвѣщенія и африканской системы открыло объятія свои торжествующему началу Ирана. Съ этимъ вмѣстѣ начались скрытная борьба и смѣшенія, а за ними временное преобладаніе Азіи въ самомъ Египтѣ. Семиты, приглашенные гости и союзники царской власти, все болѣе и болѣе усиливались въ царствѣ мемфисскомъ, измѣняя характеръ религіи, обычаи и, можетъ быть, наружный видъ высшихъ сословій; ибо мы имѣемъ древнія свидѣтельства о томъ, что низшія касты отличались отъ высшихъ примѣтами физическими *).

Быть можетъ даже, это смѣшеніе продолжалось еще далѣе по сѣверному берегу Африки; эта догадка подтверждается отчасти изученіемъ Сѣверно-Африканскаго племени и многими преданіями о колонизаціи нѣкоторыхъ частей Ливіи изъ Палестины.

Наступило время, когда пришельцы, вкравшіеся во весь государственный составъ и чувствуя свое могущество и слабость туземцевъ, потребовали полной власти въ слишкомъ гостепріимной землѣ. Не должно вполнѣ вѣрить словамъ Манеѳона, но нѣтъ и причины оставлять ихъ безъ всякаго вниманія. Манеѳонъ знаетъ про кровопролитную борьбу и изгнаніе Гиксосовъ; но Манеѳонъ ничего не знаетъ о войнѣ, въ которой Гиксосы торжествовали. Они, очевидно, не были завоевателями въ полномъ смыслѣ слова: они были насильниками туземцевъ, съ которыми давно уже жили и сжились во многомъ.

Это отношеніе варваровъ-союзниковъ къ Риму: поздняя исторія должна насъ учить понимать раннюю.

Выходцы изъ Азіи сдѣлались царями въ Египтѣ до самыхъ границъ Нубіи, не смотря на сопротивленіе стихіи туземной на югѣ. Изъ нихъ составилась семнадцатая династія, враждебная народной славѣ, народнымъ обычаямъ и народной религіи, но дружественная къ семьямъ Семитскимъ, съ которыми связывало ее кровное, незабытое родство. Отъ того-то разрушеніе памятниковъ, кровавое поклоненіе Тифону (искаженному духу, владыкѣ Ирана), пріемъ Авраама, власть Іосифа и отведеніе прекраснаго края въ жилище Израилю. Книги, вошедшія въ еврейскій канонъ, не содержатъ никакихъ подробностей о пребываніи народа въ землѣ чужой; но въ преданіяхъ жили имена и дѣла великихъ людей, прославившихъ племя авраамово на берегахъ Нила и, вѣроятно, продолжавшихъ политическую дѣятельность Іосифа.

Преданія исчезли, но книга царей сохранила намъ нѣсколько именъ вѣроятно важнѣйшихъ: *Эѳанъ*, *Геманъ*, *Хальколъ* и *Дардахъ* *). Хотя въ разныхъ текстахъ эти имена читаются разно, значеніе ихъ въ памяти народной очень ясно.

Около XVIII вѣка до Р. Хр. произошелъ новый переворотъ въ судьбѣ Египта. Гиксосы были побѣждены и изгнаны изъ его предѣловъ династіею туземною, южною, возросшею и окрѣпшею въ землѣ древне-кушитской святыни, въ области стовратныхъ жреческихъ Ѳивъ. Война была упорна и продолжительна. Побѣжденный народъ удалился неизвѣстно куда, но, вѣроятно, на свою старую родину, къ сѣверо-востоку. Изгнанная династія носила въ сказаніяхъ египетскихъ прозвище пастырей; характера же пастушескаго въ ней не обличаютъ ни слова Манеѳона, ни разсказъ ветхо-завѣтный. Очень вѣроятно, что это прозвище, очевидно враждебное и ругательное, было дано ей не по ея собственному происхожденію и обычаямъ, а по отличительной примѣтѣ того народа, который пользовался довѣренностью царей и управлялъ внутреннею жизнью государства. *Цари Гиксосы* значитъ только *Цари Евреи*. Великая власть рода израилева объясняетъ и ожесточеніе Египтянъ противъ него и мщеніе царей XVIII-й династіи. Если, сверхъ того, приписывали Евреямъ самое разрушеніе памятниковъ, то понятно, почему именно на нихъ-то и возложена была вся тяжесть возсозданія.

Реакція кушитской стихіи въ Египтѣ.

Возстановленіе народности въ Египтѣ началось съ юга. Тамъ, на границахъ Нубіи, въ то время, какъ чужеземцы владѣли всею сѣверною долиною Нила, царствовала туземная династія, лишенная всѣхъ почти своихъ областей, но не вполнѣ побѣжденная. Тамъ крѣпла она въ постоянной борьбѣ, распространяя власть свою въ южныхъ странахъ и собирая новыя силы противъ своихъ утѣснителей. Мало-помалу стала она отодвигать Семитовъ къ Сѣверу, возвратила себѣ Ѳивы, столицу святыни и просвѣщенія, и наконецъ, около XVIII-ти вѣковъ до Р. Хр.. изгнавъ азіатскихъ пришельцевъ, возвратила Египту его утраченное значеніе въ мірѣ. Между династіями XVII-й и XVIII-й не видать перерыва *): Аменофисъ, I-й царь XVIII-й династіи, кажется, былъ сыномъ Ахмозиса *), послѣдняго царя XVII-й. Новая слава царства дала Аменофису и его потомкамъ право считать себя новымъ родомъ, и этотъ родъ назвалъ себя Ѳивскимъ, чтобы связать свое правленіе и характеръ своей дѣятельности съ началами религіи и преданіями жреческой старины Кушитовъ. Цѣлый рядъ великихъ царей, возстановившихъ народную славу, завоевавшихъ страны сѣверныя и проникнувшихъ едва ли не въ самое сердце Ирана, обозначилъ вѣрность системы, основанной на стихіяхъ туземныхъ. Безсмертные памятники зодчества, согласно съ писаными преданіями, увѣковѣчили имена многихъ преемниковъ Аменофиса; имъ принадлежатъ, за исключеніемъ древнѣйшихъ пирамидъ, почти всѣ громадные остатки художества, всѣ героическія воспоминанія Египта и окончательное утвержденіе народности въ ея отличительныхъ чертахъ и религіи, въ ея спутанномъ синкретизмѣ, на днѣ котораго явно лежитъ чистое начало кушитской вѣры. Но надъ всѣми этими великими владыками возвышаются колоссальные размѣры Рамезеса III-го, Сезостриса завоевателя. Мало именъ такъ громко звучатъ въ исторіи міра, и нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного царственнаго лица, котораго очерки были бы такъ живо и свѣжо сохранены искусствомъ для позднѣйшаго потомства. Куда ни взглянешь въ Египтѣ, въ Нубіи, во дворцахъ государей европейскихъ, на мраморѣ, на базальтѣ и гранитѣ, вездѣ взглядъ останавливается невольно этими чудными чертами, полными дѣтской кротости и силы, думы и жизни.—Время самаго могучаго развитія XVIII-й династіи, около XVI-го вѣка до Р. Х., совпадаетъ съ изгнаніемъ вано-ассирійской династіи изъ Ниневіи и съ уменьшеніемъ значенія страны при-евфратской.

Ветхо-завѣтный пророкъ обозначаетъ перемѣну въ владыкахъ египетскихъ очень коротко: «Возсталъ иной царь, который не зналъ Іосифа». Это выраженіе вполнѣ согласно со всѣмъ духомъ книгъ Моисея. Ему не важны еще отдѣльныя лица: ему, въ его высокой простотѣ, видны только роды и жизненные характеры. Для него народъ — лицо: не Кумри, не Мосхи, не Ассирійцы; но Гомеръ, Мешехъ, Ассуръ. Для него родъ—лицо, какъ видно въ родословной Авраама. Точно такъ одинъ былъ Фараонъ, благопріятствовавшій Израилю, и одинъ Фараонъ новый, врагъ Израиля. Болѣе отъ него требовать нельзя, точно такъ же какъ отъ него требовать смѣшно математической точности въ словахъ: «который не зналъ Іосифа». Довольно того, что перемѣна въ судьбѣ Евреевъ совпадаетъ съ перемѣною династіи въ Египтѣ. Тутъ Пятикнижіе подтверждаетъ разсказъ Манеѳона. Но Іосифъ или, по крайней мѣрѣ, его правительственныя распоряженія, не были забыты. Между тѣмъ какъ Египетъ вообще предавалъ проклятію враждебныхъ Гиксосовъ, памятникъ временъ Сезостриса упоминаетъ съ похвалою объ Апофисѣ *), Гиксосѣ, современномъ Іосифу. Не смотря на вражду народную противъ чужеземцевъ и религіозную противъ поклонниковъ Тифона, цари помнили съ благодарностью имя царя, обратившаго частныя земли въ государственную собственность. Они знали Іосифа и, не смотря на кажущееся противорѣчіе, тутъ рукопись іератическая служитъ повѣркою и подтвержденіемъ сказанію ветхо-завѣтному.

Возобновленіе кушитскаго начала въ Египтѣ принадлежитъ XIX-му вѣку до Р. Хр. Полное развитіе его государственныхъ силъ относится къ XVII-му и XVI-му вѣку до Р. Хр., или къ первому столѣтію послѣ паденія восточной династіи въ Ниневіи. Но прежде этой эпохи, и даже прежде востанія иноземцевъ, царствовавшихъ подъ именемъ пастырей, держава мемфисская стояла уже на высокой степени могущества и славы. Имена Озимандіаса (если это имя не искаженное) и Озортазена, строителя Геліополисскаго обелиска *), соединены съ преданіями о трудахъ въ пользу просвѣщенія и о побѣдахъ Египтянъ въ странахъ далекихъ. Оба царя принадлежатъ къ концу XV-й или къ XVI-й династіи, т.-е. къ тому времени, когда стихіи чуждыя уже принимались гостепріимно, но не присвоили себѣ положительной власти на берегахъ Нила. Процвѣтаніе астрономіи при Озимандіасѣ *), указываетъ на вліяніе сѣверо-восточное.

Эта истина доказывается не только самыми знаками астрономическими, но убѣжденіемъ самихъ Египтянъ, приписавшихъ (хотя несправедливо) усовершенствованіе гражданскаго года одному изъ Гиксосовъ. Очевидно, что въ мысли народной наука еще была связана съ своею сѣверо-восточною колыбелью.

Еще болѣе замѣтно дѣйствіе мысли иранской во введеніи гласовой азбуки въ самую родину письменности символической. Нѣтъ сомнѣнія, что грамота демотическая по своимъ знакамъ вышла изъ іероглифа; но по системѣ своей она принадлежитъ Ирану.

Опущеніе гласныхъ отдѣляетъ полугласовыя, неполныя азбуки (къ которымъ принадлежитъ и демотическая) отъ гласовыхъ полныхъ. Азбука семитическая даетъ буквамъ названія, указывающія на ихъ іероглифическое начало и въ этомъ отношеніи объясняетъ вполнѣ одну изъ системъ звуковыхъ іероглифовъ, вышедшихъ изъ первоначальной системы іероглифовъ мысли; но въ то же самое время она не поясняетъ опущенія гласныхъ въ письмѣ. Очевидно, древняя система иранская, сохранившаяся въ Индустанѣ и на клинообразныхъ надписяхъ, по тому самому могла опускать краткую гласную, что она согласнымъ именъ не давала, а произносила ихъ съ помощью краткой гласной. Слогъ, составленный изъ этихъ двухъ звуковъ, согласной и гласной, служилъ самымъ именемъ буквы и входилъ въ склады безъ измѣненія. Арабскій языкъ своимъ знакомъ безгласія (который, впрочемъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ санскрито-славянскому) облегчаетъ систему древне-иранской азбуки и доказываетъ, что имена, данныя впослѣдствіи буквамъ, были нововведеніемъ и займомъ, сдѣланнымъ Семитами у своихъ же учениковъ, египетскихъ Кушитовъ.

Между тѣмъ преданія, разсказами своими о побѣдахъ Фараоновъ надъ Азіатцами, доказываютъ, что все иранское въ тогдашнемъ Египтѣ до Гиксосовъ было только произвольнымъ подражаніемъ, а не слѣдствіемъ насилія. Ясное понятіе о значеніи Семирамиды въ исторіи Ассиріи примиряетъ свидѣтельство древности о войнахъ Озимандіаса *) и другихъ владыкъ мемфисскихъ противъ Бактровъ и Сако-Гетовъ (Схето) съ несомнѣннымъ существованіемъ великаго царства ассирійскаго. Очевидно, невозможно бы было Фараону побѣждать восточный Иранъ, не завоевавъ Вавилона и Ниневіи, о чемъ, однакоже, нѣтъ ни малѣйшаго намека у древнихъ писателей; но все затрудненіе исчезаетъ, когда мы знаемъ, что именно во время XVI-й и отчасти XV-й династіи, Ваны, т.-е. Бактрійцы и Сако-Геты, были владыками евфратскаго прибрежья.

Этимъ самымъ подтверждается догадка о почти тысячелѣтнемъ ихъ державствѣ: ибо возстановленіе чисто-ассирійскаго царства (Ниніаса) относится къ концу XVIII или началу XVII вѣка до Р. Хр., а Озортазенъ*) и Озимандіасъ принадлежатъ XXIV вѣку до Р. Хр. Позднѣйшій Сезострисъ, пользуясь ослабленіемъ Вавилоніи и Ассиріи, могъ временнымъ набѣгомъ проникнуть и въ самую глубь Ирана; но такой фактъ не могъ повторяться часто и былъ совершенно невозможенъ во время полнаго расцвѣта Месопотаміи.

Индія. Внутреннее ея развитіе.

Жизнь Египта въ концѣ III и началѣ II тысячелѣтія до Р. Хр. состояла въ борьбѣ мѣстнаго начала кушитскаго съ вліяніемъ чуждаго Ирана и въ окончательномъ торжествѣ южной стихіи, спасенной политическимъ возвышеніемъ южнаго Египта. Въ древней колыбели своего народа почерпали Фараоны силы для отраженія сѣверо-восточнаго нажима. Въ продолженіе той же эпохи жизнь Индустана слѣдовала тѣмъ же законамъ, но въ противоположномъ направленіи. Около середины третьяго тысячелѣтія напоръ народовъ Декана, выраженный въ миѳахъ побѣдами Шивы надъ Брахмою и непреодолимымъ могуществомъ Ассура *Равана*, преодолѣлъ сопротивленіе Брахмановъ при-гангесскихъ. Иранская стихія почерпнула новыя силы изъ своего источника, и Бактрія выслала воинственныя толпы водопоклонниковъ черезъ преграду Гиммалаи. Мало-по-малу Кушиты-завоеватели были вытѣснены изъ сѣверной Индіи и отодвинуты къ ея южной оконечности. Цейлонъ былъ ихъ послѣднимъ убѣжищемъ, но и царство островное не надолго сохранило свою независимость. Ланка и царь ея Равана пали подъ ударами Рамы, миѳической эмблемы всего Вишнуизма. Торжествующая стихія Сѣвера наполнила весь Югъ своими колоніями. Парасу-Рама отодвинулъ волны морскія, чтобы дать просторъ богоизбранному народу Брахмановъ. Религія Ирана и священный языкъ Кави проникли въ безконечную область океаническихъ острововъ. Опустѣли вѣковыя святыни кушитскихъ Деканцевъ. Заглохли пути къ пещернымъ храмамъ Карли, Элефанты и Сальсетты, первенцамъ африканскаго зодчества на землѣ азійской; прибои океана врѣзались въ покинутый Мавалипурамъ, и недовершенныя чудеса Эллоры въ своемъ одинокомъ величіи остались, какъ краснорѣчивое свидѣтельство быстраго переворота общественнаго. Проклятье Иранскихъ побѣдителей легко на памятникахъ побѣжденныхъ Кушитовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что еще прежде торжества Вишнуитовъ религіозный синкретизмъ сталъ вкрадываться въ вѣрованія Юга и Сѣвера. Самые остатки древняго зодчества служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Капища были покинуты не какъ святыня враждебной вѣры, но какъ святыня враждебнаго племени, какъ произведенія чуждаго начала и какъ зданія, которыхъ основа не была благословлена богоизбранною кастою Брахмановъ. Сѣверное Брахманство, несмотря на свою строгую исключительность и на соединеніе духовности съ высокимъ развитіемъ философскаго мышленія, точно также, какъ и южный Буддо-Шиваизмъ, не избѣгло смѣшенія. Напоръ съ юга торжествующихъ Деканцевъ, заложившихъ даже въ Индустанѣ капища своей вещественной вѣры, и прикосновеніе къ сѣверо-западнымъ Шиваитамъ въ Пенджабѣ ввели въ философско-религіозную систему Индустана многія стихіи религіи необходимости и поклоненіе Шивѣ съ его органическою двойственностью. Вашнуизмъ довершилъ давно начавшееся смѣшеніе. Движеніе новой сѣверной колонизаціи не было налетомъ горнаго потока, прорвавшаго свои преграды, но медленнымъ наплывомъ воды, переполнившей свои озерные берега и выливающейся мало-по-малу въ сосѣднія равнины. Бактрійцы (вѣроятно во время своего державства въ землѣ иранской) подали помощь своимъ угнетеннымъ братьямъ Брахманамъ противъ южныхъ утѣснителей. Пришлые союзники смѣшались съ туземцами и поселились на роскошныхъ берегахъ Гангеса. Сперва отодвинувъ, потомъ вполнѣ сокрушивъ государство деканское, Вишнуизмъ началъ междоусобную брань съ Брахманствомъ и одержалъ побѣду надъ своимъ духовнымъ соперникомъ. Признаки позднѣйшаго нашествія Вишнуитовъ ясны: они замѣтны въ самомъ человѣкообразии религии и въ наплывѣ словесныхъ стихій, уже носящихъ клеймо вано-славянскаго развитія. Во то же время можно убѣдиться изъ божественныхъ принадлежностей Вишну, что восточный Иранъ, несмотря на свое водопоклонство, еще не совсѣмъ расторгъ союзъ съ западнымъ Ираномъ-огнепоклонникомъ. Поясъ и булава индустанскаго бога вполнѣ напоминаютъ *Миѳру (Великій Ѳра)* и Аза-Тора сарматскаго. Точно то же видно и изъ самаго лица Вишну въ его первоначальномъ значеніи. Это не то, что Брахма, творецъ, или Шива, воплощенная идея вѣчной и необходимой жизни, но это посредникъ между видимымъ міромъ и невидимымъ Богомъ, вооруженный и чистый защитникъ чистаго творенія отъ нечистой силы враждебныхъ духовъ. Его характеръ, ничтожный въ смыслѣ религіи истинной и въ мірѣ философскихъ отвлеченностей, долженъ былъ своимъ человѣкообразіемъ, своею близостью къ человѣческой природѣ дать Вишнуизму первенство и передъ высоко-духовнымъ Брахмою, и передъ грубо-вещественнымъ Шивою. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Всѣ вѣроятности или, лучше сказать, всѣ доводы здравой критики указываютъ на сѣверо-западную колыбель вишнуитскаго антропоморфизма. Поэтому не безъ удивленія можно замѣтить, что вообще поэмы индійскія помѣщаютъ на сѣверо-западѣ царей, покровительствуемыхъ *Мага-девою*. Объясненіе этого затрудненія весьма легко. Когда пала Бактрія и остатки одичалыхъ Бактрійцевъ, Сако-Геты, смѣшанные съ чуждыми началами финно-турецкими и средне-азійскими, стали въ враждебномъ отношеніи ко всѣмъ окружнымъ племенамъ, память о прежнемъ союзѣ и единствѣ вѣры исчезла. Индустанъ, мало и темно знавшій про непріязненный Западъ, перенесъ на него вѣрованія своихъ ближайшихъ сѣверо-западныхъ сосѣдей, Шиваитовъ сѣвернаго Пятирѣчія и Кашмира. Ошибка была тѣмъ простительнѣе, что Иранъ уже перешелъ изъ-подъ владычества водопоклонниковъ въ руки огнеслужителей Азо-Мидійцевъ и что между пятью стихіями, признанными индустанскою ученостью, огонь былъ въ ообенности посвященъ грозному Шивѣ. Уже сказано, что это похищеніе одной стихіи изъ области Брамы выражается въ миѳахъ усѣченіемъ одной изъ пяти головъ Брахмы *чаркою* Рудры, въ которой нельзя не узнать священнаго оружія кушитскихъ боговъ, *гарпе* (или серпъ).

Синкретизмъ начался уже давно. Особенныя свойства Вишнуизма ускорили его ходъ и способствовали совершенному смѣшенію всѣхъ религіозныхъ началъ. Съ одной стороны, принявъ въ человѣкообразіи стихію организма вещественнаго и слѣдовательно полярную двойственность, онъ легко соединялся и мирился съ религіями необходимости и со всѣми ихъ выводами и символами. Съ другой стороны, будучи утвержденъ на основѣ иранской и облекши идею о вѣчной производительности въ образъ волющаго человѣка, онъ сохранилъ характеръ свободы и творчества и не расторгъ союза съ чистѣйшимъ вѣрованіемъ племени иранскаго. Такимъ образомъ въ немъ существовала сила, примиряющая крайности Шиваизма и Брахманства, и слѣдовательно въ немъ были уже всѣ стихіи для окончательнаго искаженія того и другого. Изъ Вишнуизма развилась вся позднѣйшая безсмыслица индійской миѳологіи, со всею ея мнимою и искусственною полнотою.

Отвлеченная религія Брахмы заключалась въ философскомъ словѣ и мысли. Вещественный Шиваизмъ ограничивался стройною и художественною борьбою силы и разума человѣческаго съ буйною силою неразумнаго вещества. Вишнуизмъ, среднiй между ними, низвелъ мысль и слово изъ области высокихъ отвлеченностей философіи и въ то же время вырвалъ человѣка изъ оковъ грубо-чувственнаго міра. Въ нѣдрахъ его родилось и выросло искусство слова и пѣсни. Поэзія Индустана, чудный цвѣтъ при-гангесской стороны, свѣжій и благоухающій, какъ позднѣйшіе цвѣты поэтической Эллады, вся безъ исключенія заключена въ Вишнуизмѣ. Секты Шиваитскія, такъ же какъ и строгое Брахманство, подражали ему, но безъ успѣха. Груба, натянута, безсмысленна пѣснь Шиваита; суха и холодна мысль Брахмана, заключенная поневолѣ въ чуждыя ей формы пѣвучаго слова.

Эллада, такъ же какъ и Индустанъ, получила свою поэзію вмѣстѣ съ сказочнымъ направленіемъ человѣкообразнаго вѣрованія изъ одного и того же источника; но это самое сказочное направленіе, давшее въ обѣихъ земляхъ начало высокой поэзіи, никогда не достигало въ своей родинѣ до того всемірнаго значенія, до котораго оно возвысилось на берегахъ Гангеса и Эгейскаго моря. Нужно было соединеніе чисто-иранской, отвлеченной, философствующей мысли съ религіозно-вещественнымъ Кушитствомъ, чтобы мелочность бытовой сказки выросла до великихъ явленій поэзіи. Нужна была почва, глубоко воздѣланная борьбою враждебныхъ силъ, нужны были сердца, прокипѣвшія бурями жизни и мысли, чтобы сѣмя словеснаго искусства принесло богатые плоды свои. Греція, въ которой страсти не разгорались съ своимъ первоначальнымъ ожесточеніемъ и въ которой стихіи Ирана и Куша встрѣчались уже отчасти примиренными, дала міру поэтической сказки большую стройность и красоту. Ладъ Эллинской мысли исполненъ гармоніи и спокойствія. Бурная исторія древней Индіи и свирѣпыя войны двухъ враждебныхъ племенъ и религій запечатлѣли свои слѣды въ самой поэзіи. Никогда антропоморфизмъ не могъ развится, никогда идея спокойной красоты не могла осуществиться вполнѣ. Мысль, вѣчно обуреваемая, вѣчно раздвоенная и страждущая въ самой себѣ, всегда слышна сквозь величавые звуки пѣсни индустанской. Отдавая справедливость чудному совершенству гомерическаго искусства, духъ новыхъ поколѣній глубже сочувствуетъ величію и широкимъ размѣрамъ Вальмики и Вьясы. Со временемъ, когда Европа короче познакомится съ письменными памятниками санскритскаго языка, она лучше оцѣнитъ ихъ значеніе въ исторіи просвѣщенія человѣческаго и во многомъ признаетъ ихъ преимущество даже передъ произведеніями Эллады. Въ этомъ ручаются *Багаватъ-гита* и нѣсколько отрывковъ изъ Рамаяны.

Эпоха введенія и торжества Вишнуизма (т.-е. первые вѣка отъ половины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр.) есть начало чисто-индустанской самобытности. Брахманизмъ принадлежалъ вполнѣ Ирану, Шиваизмъ вполнѣ африканской системѣ. Синкретизмъ, послѣдовавшій за покореніемъ Декана, получилъ совершенно мѣстный характеръ. Брахма и Шива, помиренные новымъ посредникомъ, подчинились ему и утратили ясность своего отдѣльнаго значенія въ безцвѣтности человѣкообразной религіи; но и Вишну измѣнился, принимая поочередно то вещественность кушитскую, то чистую духовность Брахмы; хотя должно замѣтить, что въ самой духовности своей онъ никогда не доходитъ до свободнаго творчества, а остается на степени эманаціоннаго начала. Законъ религіозный остался брахманскимъ, и никогда никакая изъ значительныхъ сектъ не отрицала этого факта. Священныя книги изображаются въ рукахъ древняго бога индустанскаго даже тогда, когда онъ представленъ какъ проявленіе Вишну, или какъ цвѣтъ его внутренняго бытія. Веды и уставъ Ману принадлежатъ кроткому и свѣтлому началу Ирана. Но жизнь и законъ скоро раздвоились. Сказочный Вишнуизмъ сдѣлался вѣрою народа и только по временамъ или мѣстностямъ уступалъ свои права вещественному Шиваизму. Брахма остался божествомъ ученаго сословія духовнаго и спасенъ отъ совершеннаго забвенія искусственнымъ созданіемъ отвлеченнаго первообраза Пара-Брахмы, безсмысленнаго и безличнаго, но свидѣтельствующаго о древнемъ единодержавіи Иранскаго божества и о тщетныхъ усиліяхъ для сохраненія его первенства.

Форма *Пара-Брахма* напоминаетъ Славянину о формѣ *Пра-Богъ*, до сихъ поръ употребляемой западными славянами *), точно такъ же, какъ и самый санскритскій языкъ находитъ себѣ параллельное явленіе въ церковно-славянскомъ. Видно желаніе оторвать слово духовное отъ случайностей жизни, въ то же время не отчуждая его отъ жизни. Въ послѣднюю крайность впала церковь римская, избравшая мертвую Латынь для богослуженія, которому слѣдуетъ быть живымъ и животворящимъ.

Вишнуизмъ, являясь посредникомъ между всѣми противоположными вѣрованіями, не долженъ былъ исключать ни одного изъ нихъ. Такимъ образомъ, удѣливъ престолъ Брахмѣ и Магадевѣ, они протянулъ дружскую руку тайной религіи шиваитскихъ жрецовъ, Буддаизму. Эта вѣра, внутреннее кушитское отрицаніе кушитскаго же поклоненія видимому міру, оставалась заключенною въ самыхъ глубокихъ святилищахъ храмовъ, недоступныхъ черни и открытыхъ только священнослужителямъ. Онѣ не проявлялась въ бытѣ народномъ, не объявляла притязанія на преобладаніе, но жила какъ гордая тайна ученаго сословія, презирающаго вещественный міръ, предметъ народнаго поклоненія. Когда пали деканскія государства, когда отдѣльный Шиваизмъ, низверженный съ своей высоты и потомъ принятый побѣдителями, слился съ вѣрованіями Сѣвера въ одинъ безобразный синкретизмъ, Буддаизмъ продолжалъ свое темное, тихое существованіе, равнодушный къ случайному міру и внутреннимъ своимъ сознаніемъ поставленный высоко надъ нимъ. Покуда кипѣли войны и великія государственныя явленія смѣнялись одно другимъ, онъ не высказывался, не распространялся, но тихо и неслышно вкрадывался въ системы ученыхъ и въ чудно-фантастическій пантеизмъ религіозныхъ сектъ. Онъ не могъ соединиться ни съ Брахмою, на челѣ котораго никогда не погасали лучи свободно-творческой славы, онъ не могъ сродниться съ Шиваизмомъ, которому онъ служилъ религіознымъ отрицаніемъ (не смотря на филосовское тождество); но онъ вливался мало-по-малу въ экектфическій Вишнуизмъ, съ которымъ легко соединялся безцвѣтною системою эманацій, не полагающихъ и въ то же время не отрицающихъ необходимости: *Багаватъ-гита* уже вся проникнута характеромъ Буддаизма. Когда улеглись народныя волненія и сравнительно мирные вѣка дали большій просторъ духовному развитію, древнее духовное ученіе Куша стало пробиваться въ жизнь и въ бытовыя явленія. Вишнуизмъ принялъ подъ свой покровъ возникающую религію и старался овладѣть ею, признавъ Будду за *аватаръ* Вишну. Но не подъ силу было мелко-сказочному человѣкообразію или бѣдному и безсвязному эклектизму сковать и подчинить великое и самобытное ученіе о необходимости и высокую восторженность духа, предпочитающаго свободу въ ничтожествѣ рабству въ проявленіяхъ. Буддаизмъ продолжалъ выситься и расширяться до конца второго или начала перваго тысячелѣтія, т.-е. до той эпохи, когда Шакія-Муни, или Готама, или другіе проповѣдники возстали, какъ смѣлые противники всѣхъ брахманскихъ сектъ и какъ возстановители жреческихъ тайнъ, скрывавшихся въ древнемъ Кушитствѣ. Мнимый же аватаръ Вишну въ Буддѣ, жалкая попытка Вишнуитовъ, остался неразвитымъ и безплоднымъ. Въ немъ проглядываетъ политическая хитрость, годная для мелочныхъ интересовъ жизни, но безсильная въ столкновеніи съ могуществомъ религіознаго духа и съ его всемірными требованіями. Вишну-Будда былъ ничтоженъ въ области философіи.

Переворотъ въ религіи былъ слѣдствіемъ переворота въ жизни общественной, т.-е. окончательнымъ торжествомъ сѣвернаго племени; но такъ какъ Вишнуизмъ по своему свойству не былъ исключителенъ, а народъ, рѣшившій судьбу Индустана (Ваны бактрійскіе), не былъ склоненъ къ народнымъ ненавистямъ, самое завоеваніе Декана не было сопряжено съ уничтоженіемъ или совершеннымъ угнетеніемъ побѣжденныхъ. Это было уже дѣло позднѣйшей эпохи. Три главные представителя торжествующаго Вишнуизма носятъ имя *Рамы (Чандра, Бала* и *Парасу-Рама*).

Зная единство началъ вано-ассирійской династіи и бактро-индскихъ основателей Вишнуизма, можно, не безъ причины, обратить вниманіе на совпаденіе слова *Рама* и второй половины имени *Семирамиды*. Кажется, въ обоихъ случаяхъ слышенъ одинъ и тотъ же корень, сохранившійся въ санскритскомъ *рам* (наслаждаться) и перешедшій своею причастною формою въ славянское *радъ* (радующійся). Этотъ корень отзывается еще, какъ уже сказано, въ словѣ *Бхрамъ* (бытію радующійся) и въ искаженномъ изъ него *Брахмъ*.

Древнѣйшій Рама представляетъ весь характеръ чисто историческаго лица или историческаго событія. Имъ начинается рядъ воплощеній Вишну въ человѣчествѣ, слѣдовательно, рядъ сказаній. Древнѣйшія же воплощенія принадлежатъ миѳу или идеямъ религіозно-космогоническимъ, хотя съ ними могутъ быть связаны и идеи о борьбахъ народныхъ (напр., въ именахъ *Магду* или *Гиранья-Касипу*, отзывающихся именемъ Мидійцевъ и Ирана). Завоеваніе южной Индіи и Цейлона племенемъ сѣвернымъ есть явно событіе историческое, относящееся по всѣмъ вѣроятностямъ къ срединѣ III-го тысячелѣтія до Р. Хр. Имя побѣдоноснаго вождя скрылось подъ миѳическимъ именемъ Рамы; но существованіе его, какъ лица историческаго, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ, священное прозвище, данное народною благодарностью, вытѣснило собственное имя царя; но какое бы ни было его названіе, явны кроткій характеръ его власти и союзъ съ горными туземцами, угнетенными прежнею властью деканскихъ Кушитовъ. Во всякомъ случаѣ, *Рамаяна*, воспѣвающая его славу, должна уже считаться памятникомъ историческимъ, позднимъ по составленію, но весьма древнимъ по предмету своему. Въ немъ отзывается первая эпоха дѣятельности Вишнуитовъ въ Индустанѣ.

Парасу-Рама относится въ порядкѣ миѳовъ къ вѣкамъ, предшествовавшимъ Рама-Чандрѣ. Онъ какъ будто составляетъ переходъ отъ космогоническихъ воплощеній къ историческимъ; но едва ли здравая критика можетъ допустить очередь *аватаровъ* [1]), утвержденную греческимъ произволомъ. Завоеваніе южныхъ державъ предполагаетъ совокупное дѣйствіе сѣвернаго племени и отсутствіе внутреннихъ раздоровъ. Сверхъ того, въ Рамаянѣ и въ Мага-Баратѣ нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ борьбы между кастами и совершившагося переворота: Брахманъ и Кшатрія еще идутъ дружно къ общей цѣли съ полнымъ сознаніемъ своего значенія земнаго и небеснаго. Въ Мага-Баратѣ уже замѣтно стремленіе воиновъ оспорить преимущество жреца, уже есть оправданіе убіенія Брахмана и недружелюбныя вспышки гордости въ обѣихъ первенствующихъ кастахъ; но дѣло не дошло до разрыва. Помина нѣтъ еще о бѣгствѣ изгнанныхъ Кшатрій и объ удаленіи ихъ отъ средоточій Индустана въ горныя области или на прибрежье Пятирѣчья. Когда Карна (въ Мага-Баратѣ) упрекаетъ жителей сѣверо-западной стороны въ нечистотѣ и развратѣ нравовъ, онъ ни однимъ словомъ не указываетъ на ихъ происхожденіе отъ воиновъ и только упоминаетъ о смѣшеніи кастъ; въ этомъ попрекѣ, кажется, можно уже угадать Буддаизмъ, который дѣйствительно, какъ сказано, былъ съ Шиваизмомъ древнею религіею кушитскихъ колоній (въ *Кушъ-мерѣ*, *Кушъ-гарѣ* и *Кушъ-Двипѣ* вообще).

---

[1]) Т.-е. воплощеній. *Изд.*

Нельзя вѣрить безусловно древности Мага-Бараты въ ея теперешнемъ видѣ, но безъ нужды не должно предполагать вставокъ и измѣненій. Общее мнѣніе, что слово *Явана* вездѣ указываетъ на позднѣйшую эпоху (именно эллинскую въ Азіи), основано на ложномъ толкованіи слова, которое болѣе относится къ *Язъ-ванамъ*, чѣмъ къ Іонійцамъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, чтобы имя *Яваны* не означало часто у Индустанцевъ всѣхъ западныхъ народовъ, т.-е. и Эллиновъ, и даже иногда Аравитянъ. Астрономическія же знанія, приписанныя Яванамъ въ поэзіи Индіи *), могутъ точно также относиться къ древней славѣ аза-ванскаго Ирана, какъ и къ позднѣйшей эллино-александрійской системѣ.

Кажется, въ лицѣ *Парасу-Рамы*, аватара, которому весьма мало поклоняются, смѣшаны два миѳа или, лучше сказать, миѳъ географическій, мѣстный (слѣд., не столь древній, какъ космогоническіе или обще-міровые), о сотвореніи южной Индіи съ позднѣйшею сагою о царѣ, отвергшемъ дружбу военной касты и прилѣпившемся къ жрецамъ Брахманамъ. Эта сага, соединенная уже съ завоеваніемъ области деканской, но съ основаніемъ жреческихъ колоній на южномъ приморьѣ, принадлежитъ времени несравненно позднѣйшему и слита съ споромъ между воинами и Брахманами о правахъ духовныхъ. Миѳическое выраженіе духовныхъ притязаній со стороны Кшатрій (похищеніе священной коровы) находится въ сказаніи о Парасу-Рамѣ такъ же, какъ и въ разсказѣ о Вайсиштѣ и Висвамитрѣ. Брахманы, оставшіеся одними хранителями всѣхъ началъ просвѣщенія, для собственныхъ выгодъ приписали глубочайшую древность своему политическому торжеству. Итакъ, если Парасу-Рама можетъ быть признанъ за лицо историческое, то онъ относится къ вѣкамъ, протекшимъ между войною, воспѣтою въ Магѣ-Баратѣ, и возстаніемъ Буддизма при Готамѣ и Шакья-Муни. Но, кажется, согласнѣе было бы съ просвѣщенною критикою отвергнуть вообще историческое содержаніе въ Парасу-Рамѣ и признать его за изобрѣтеніе Брахмановъ, связавшихъ съ древнимъ миѳомъ вымышленное торжество свое надъ Кшатріями. Цѣль выдумки была ясная: надобно было въ самомъ Вишнуизмѣ освятить преимущество Брахмановъ, такъ же какъ оно уже было освящено кореннымъ Брахманствомъ Истинное же торжество Брахмановъ было не послѣдствіемъ одного какого-нибудь переворота или войны, но медленнаго развитія религіозныхъ началъ, взявшихъ перевѣсъ надъ государственными и бытовыми.

Желаніе не раздражать воиновъ и не слишкомъ глубоко оскорблять ихъ самолюбіе выражается въ изгнаніи Парасу-Рамы тѣми самыми Брахманами, которымъ онъ доставилъ торжество.

Историческое содержаніе Кришны, какъ лица, также подвержено сомнѣнію. Поэма, посвященная его прославленію, не приписываетъ ему никакой прямой дѣятельности. Очевидно, дѣло идетъ о владычествѣ въ Индустанѣ. Царь Кришна при Пандуитахъ не имѣетъ никакого смысла. Онъ окруженъ призракомъ жизни политической, но истинная его дѣятельность ограничивается духовнымъ управленіемъ всѣми явленіями міра. Кришна является часто въ сказаніяхъ, кромѣ Мага-Бараты, и жизнь его обнимаетъ множество вѣковъ и государственныхъ переворотовъ. Историческаго зерна въ ней нельзя найти. Наконецъ онъ представляетъ всѣ признаки олицетворенія, а не лицà, и его должно признать олицетвореніемъ самаго Индустана въ эпоху его цвѣтенія подъ духовнымъ руководствомъ Вишнуизма, или, еще лучше, олицетвореніемъ самаго Вишнуизма, какъ духовной жизни Индустана. Таковъ онъ въ междоусобіяхъ и въ войнѣ противъ Шиваитовъ (Куруидовъ); таковъ же въ разсказѣ о торжествахъ и гибели Кала-Яваны, побѣдившаго Кришну, но спасеннаго гнѣвнымъ взоромъ воскресшаго *Мучукунды*, т.-е. въ новомъ нашествіи сѣверо-западныхъ Бактрійцевъ, завоевавшихъ Индустанъ, но павшихъ передъ воскресшею силою древняго начала духовнаго. Таковъ же онъ въ своей темной и насильственной смерти, указывающей на безславныя междоусобія, прекратившія государственное благоденствіе Индустана.—Болѣе историческими лицами можно считать Бала-Раму и братьевъ Пандуидовъ, особенно же *Юдиштиру* и *Арджуну*, съ которымъ связано множество историческихъ сказаній во всемъ Индустанѣ и, кажется, даже на Зундскихъ островахъ. По всей вѣроятности это имена царей, соединившихъ весь полуостровъ въ одну государственную систему и окончившихъ великое дѣло, начатое Чандра-Рамою, т.-е. утвержденіе одних общественныхъ началъ отъ Гималаи до Коморинскаго мыса. Въ самомъ же Кришнѣ нельзя видѣть никакого смысла, кромѣ чисто-религіознаго и, можетъ быть, еще изображенія духовнаго первенства, присвоеннаго одною изъ областей индустанскихъ и признаннаго всѣми другими.

Многія историческія подробности, скрывающіяся подъ полумиѳическими сказаніями, объяснятся со временемъ. Связь Индустана съ Ираномъ представится яснѣе; но уже теперь можно смѣло утверждать, что время его позднѣйшаго цвѣта началось съ послѣдней половины III-го тысячелѣтія и продолжалось до возстанія Буддаизма въ силѣ около конца II-го или начала I-го тысячелѣтія до Р. Хр. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти вѣка, лучшіе въ исторіи Индустана, были свидѣтелями многихъ нашествій съ сѣвера. Неукротимая сила народовъ иранскихъ и загорныхъ часто врывалась въ области при-гангесскія и налагала оковы на развитіе туземныхъ государствъ. Кришна и отецъ его Васудева не разъ преклоняли главу свою и бѣжали передъ утѣснителями; но главная борьба, борьба съ Югомъ, уже не возобновлялась. Государства кушитскія были сокрушены, Деканъ пріобщенъ къ системѣ индустанской, заселенъ сѣверными кастами, въ особенности Брахманами, доселѣ гордящимися чистотою своего происхожденія, и весь полуостровъ, несмотря на разнообразіе своихъ племенныхъ началъ, принялъ видъ однороднаго цѣлаго. Впрочемъ, жизнь государственная никогда не проявлялась въ широкихъ размѣрахъ на югъ отъ Нербудды, точно такъ же какъ жизнь религіозная и поэтическая. Деканъ прозябалъ, раздѣленный на мелкія государства и общины и только изрѣдка (напр., при Пандуидахъ) соединялся въ плотную массу съ сѣверомъ. Племена и понятія смѣшались, но ничего могучаго и самостоятельнаго не возникало изъ этого безсмысленнаго смѣшенія.

Вишнуизмъ, какъ уже сказано, былъ основою государственной системы и религіознаго синкретизма въ Индіи. Онъ былъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія, владыкою всего полуострова. Его характеръ бытовой, кроткій и поэтическій былъ чуждъ нетерпимости въ вѣрованіяхъ и ненавистей народныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при немъ самыя касты не были раздѣлены между собою съ тою безчеловѣчною строгостью, которую мы находимъ въ позднѣйшее время и которая утверждена духовною гордостью Брахмановъ. Вишнуизмъ былъ собственно религіею воиновъ или дворянства. Можно замѣтить въ Индустанѣ, въ эпоху, обозначенную Кришною, существованіе какого-то благороднаго рыцарства, нелишеннаго даровъ духовныхъ и не слишкомъ подчиненнаго власти жреческой. До сихъ поръ праздникъ *Джагарната* (или *Джагарнаута*) соединяетъ въ себѣ всѣ касты, очищаетъ всякое оскверненіе, происходящее отъ нарушенія внѣшнихъ обрядовъ, точно такъ же какъ самъ Вишну—Джагарнаутъ соединяетъ все твореніе въ одно святое цѣлое и вмѣщаетъ въ своемъ тройственномъ образѣ всѣ три формы — Вишну Брахму и Шиву. Жестокія гоненія кастъ начинаются уже послѣ паденія Вишнуизма, снова вытѣсненнаго или отброшеннаго на низшую степень Брахманизмомъ и Шиваизмомъ, древними врагами, которыхъ онъ же помирилъ. Совершенное торжество Вишну утвердило бы, вѣроятно, государственное единство въ Индіи; но онъ не могъ преодолѣть своихъ противниковъ, точно такъ же какъ самая государственная стихія (выражаемая исторіею) не могла сдѣлаться преобладающею въ странѣ, получившей изъ своихъ началъ стремленіе къ отвлеченности духовной и философской. Все бытовое, среднее, ничтожно въ глазахъ Индустанца, какъ временная случайность. Онъ пользуется временною жизнью, но не преклоняется предъ нею. Великое же видитъ онъ только въ вѣчномъ, будь оно вещественное, какъ въ Шиваизмѣ, или мысленное, какъ въ Брахманствѣ. Возвышенность первоначальныхъ и коренныхъ стремленій уничтожаетъ возможность исторіи въ Индустанѣ.

Торговое благоденствіе было необходимымъ слѣдствіемъ водворенія Бактрійцевъ Вишнуитовъ на берегахъ Гангеса. Ихъ единоплеменность съ современною династіею вано-ассирійскою на прирѣчьѣ Евфрата и съ торговыми Ванами Европы должна была дать просторъ дружескимъ сношеніямъ, на которыхъ основывается возможность размѣновъ.

Изученіе памятниковъ древней санскритской письменности покажетъ, вѣроятно, всю важность караванныхъ путей сѣверо-западныхъ, т.-е. бактрійскихъ, и даже самые товары, которые перевозились по нимъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ изъ ученыхъ Германцевъ (кажется Геренъ) удивляется, находя въ числѣ предметовъ, получаемыхъ съ сѣвера, орѣхи подъ названіемъ *арекъ*. Онъ замѣчаетъ весьма остроумно, что *арекъ* принадлежитъ къ произведеніямъ тропическаго Юга, и не понимаетъ ошибки Индусовъ только потому, что тутъ ошибки совсѣмъ нѣтъ и явно обозначена торговля *орѣхами* простыми или кедровыми, ввозимыми изъ Сѣвера въ Индустанъ ванскими купцами.

Усиленіе сношеній съ Сѣверомъ въ огромномъ размѣрѣ и процвѣтаніе областей между Индомъ и Гангесомъ сопровождалось, безъ сомнѣнія, упадкомъ торговли въ областяхъ южныхъ. Побѣжденные Кушиты деканскіе потеряли свое государственное значеніе, и этотъ переворотъ долженъ былъ отозваться въ центрахъ африканскихъ. Оттого корабли Египта, привыкшіе къ путямъ Южнаго океана, уже не могли приставать къ западному берегу Индіи, какъ желанные гости, и картины, сохраненныя намъ отъ династій, царствовавшихъ въ началѣ II тысячелѣтія до Р. Хр., представляютъ намъ только свидѣтельство о столкновеніяхъ непріязненныхъ. Морская сила Египта не могла упасть внезапно; но по мѣрѣ усиленія сѣверной стихіи въ странѣ нѣкогда кушитской, кругъ его торговли стѣснялся болѣе и болѣе. Когда въ позднѣйшее время строгая исключительность Брахманства взяла верхъ надъ Вишнуизмомъ, всѣ сношенія Африки съ старинными ея колоніями должны были прекратиться. и безполезныя суда сгнили въ пристаняхъ, изъ которыхъ некуда уже было имъ отплывать. Таково объясненіе ничтожности египетской торговли и въ то же время памяти о прежнемъ судоходствѣ и могучихъ флотахъ. Смѣлые Финикійцы, которыхъ характеръ не такъ рѣзко носилъ на себѣ отпечатокъ южнаго начала, замѣнили Египтянъ даже на водахъ океана Индійскаго. Но нѣтъ сомнѣній, что величайшій блескъ торговли, такъ же какъ и политической жизни, въ настоящемъ Индустанѣ относится къ эпохѣ преобладанія Вишнуитовъ, т.-е. къ концу III или къ началу или половинѣ II тысячелѣтія до Р. Хр.

Начало развитія Китая.

Въ то же самое время создавалось на дальнемъ Востокѣ обширное царство, котораго долговѣчность изумляетъ историка и содержитъ великіе уроки для государственной науки. Все темно въ Китаѣ до конца III тысячелѣтія. Исторія начинается, по собственному признанію его ученыхъ (см. *Шу-кингъ*, около XXXIII-го вѣка до Р. Хр. Прежде этого слышны только слабые отзвуки преданій, смѣшанныхъ съ миѳами, и *Гоангъ-ти*, такъ же какъ и *Ти-ко*, заслуживаютъ столь же мало вниманія, какъ и *Фо-ги* или его баснословная сестра. *Яо* открываетъ рядъ историческихъ сказаній. Нѣтъ, конечно, достаточныхъ причинъ для признанія его за лицо дѣйствительно жившее и царствовавшее; нѣтъ, вообще, ясныхъ свидѣтельствъ о государяхъ, предшествовавшихъ *Ву-вангу*. Смѣшно было бы основывать какую-нибудь систему на мнимыхъ астрономическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ будто бы въ концѣ III тысячелѣтія. Критика историческая не можетъ признать отдѣльнаго показанія объ одномъ затменіи, разочтенномъ Китайскими учеными, тогда какъ послѣ него всѣ наблюденія прекращаются и возобновляются съ нѣкоторою послѣдовательностью только въ VII вѣкѣ до Р. Хр., т.-е. около астрономической эры ассирійскаго Набонассара. Но, отвергая *Яо* и его ближайшихъ преемниковъ, какъ лицъ историческихъ, здравая критика должна въ общемъ характерѣ сказаній китайскихъ принять существованіе самаго государства. Имена *Яо*, *Хунъ* и *Ю* могутъ быть вымышленными, точно такъ же, какъ и самыя происшествія ихъ царствованій; но безпристрастный и просвѣщенный читатель чувствуетъ въ самомъ началѣ *Шукинга* атмосферу историческую и государственную почву. Общество очевидно уже сомкнулось и приняло опредѣленный образъ *).

Кроткая и созерцательная религія отзывается въ сказаніяхъ о дѣтствѣ китайской державы. *Фо-ги*, лицо совершенно миѳологическое, воплощенный духъ стройности міровой, владыка пятиструнной арфы и повелитель пяти стихій, представляетъ разительное сходство съ финскимъ богомъ *Вейна-мейна*. Трудно не признать тождества этихъ религіозныхъ началъ; но въ то же время нельзя въ борьбѣ благой и хранительной богини *Ніу-ва* съ *Конгъ-конгомъ* истребителемъ не замѣтить отзвуковъ миѳа индустанскаго о войнѣ между богами и Асурами. Въ смѣшеніи стихій еще можно распознать основные и коренные ихъ характеры.

Просвѣщеніе Китая истекало не изъ туземнаго начала; оно шло съ сѣверо-запада, изъ горной твердыни Тибета. Этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію. Хранители просвѣщенія были иноземцы: объ этотъ свидѣтельствуетъ самое имя *ста семей*, подъ которымъ являются очевидно не родоначальники племени, но основатели государства. Просвѣтители смѣшались съ народомъ туземнымъ и исчезли въ немъ. Не было ни войны, ни сопротивленія. Борьба, которую видимъ въ вѣкахъ позднѣйшихъ, относится уже къ непріязненной встрѣчѣ жителей Сѣвера, племени средне-азійскаго, съ черным племенемъ южнаго Китая, съ одичавшими потомками прежнихъ владѣтелей всего Юга, теперь загнанными въ неприступныя отрасли Гиммалаи. Первая колонизація была мирная и распространялась по берегамъ священной раки *Гоанго*, оспаривая землю у дикихъ волнъ, у дикихъ звѣрей, у безконечно роскошной растительности, и собирая мало-по-малу въ единое цѣлое мелкія и кроткія семьи, издавна спустившіяся съ высотъ Тибета въ восточныя равнины. Касты жрецовъ и жреческой эпохи не знала земля китайская; въ этомъ она отличается отъ государствъ кушитскихъ, основанныхъ на Шиваизмѣ и отъ царствъ иранскихъ, принявшихъ форму кушитскую. Она не знала собственно касты аристократической; ибо эпоха мнимаго феодализма, предшествовавшая Ву-вангу, имѣетъ характеръ болѣе удѣльнаго періода въ Россіи, чѣмъ преобладанія начала аристократическаго, совершенно чуждаго Китаю. Не слава битвъ, не вѣка дикаго геройства окружаютъ колыбель Восточной державы, но слава мирныхъ изобрѣтеній, побѣдъ надъ непокорными силами природы и нравственной мысли въ безпрестанномъ приложеніи къ быту государственному. Истинно-человѣческое величіе отражается во всѣхъ сказаніяхъ, во всѣхъ отрывкахъ древней поэзіи, во всѣхъ воспоминаніяхъ о младенчествѣ государства, а свирѣпыя страсти людей и безуміе государей, ослѣпленныхъ своимъ самовластіемъ, являются только какъ временныя и случайныя нарушенія признанныхъ законовъ, слившихся съ самою жизнью народа.

Власть свѣтская и власть духовная соединены въ лицѣ правителя; онъ явленіе божества (это выражено въ прозвищѣ *Ти*). Онъ изображеніе правителя всемірнаго, который отличается отъ земного владыки только названіемъ Верховнаго; въ этомъ уже видно несходство съ державами юго-западной Азіи, никогда не соединявшими духовной власти съ свѣтскою.

Духъ отшельничества, созерцательной мудрости и отчужденія отъ міра, слышенъ въ разсказахъ о первыхъ баснословныхъ государяхъ.

Такъ, напр., о Шин-конгѣ сказано: «міръ давалъ ему всѣ свои блага, но онъ отъ міра не требовалъ ничего».

Всѣ эти признаки, совершенно соотвѣтствующіе характеру Буддаизма, никогда не знавшаго кастъ или раздѣленія власти, подтверждаются многими другими примѣтами. Таково названіе дверей храмовъ (*дверь горы*), свидѣтельствующее о пещерномъ поклоненіи божеству; таковъ непонятный разсказъ о рожденіи *Фо-ги*, котораго мать наступила, по словамъ лѣтописцевъ, на *слѣдъ великаго человѣка*, — разсказъ, очевидно, совпадающій съ позднѣйшимъ поклоненіемъ слѣду Будды; такова же въ особенности самая неопредѣленность лица божественнаго, сжатаго въ нравственную отвлеченность, не имѣющую ни образа, ни отдѣльнаго бытія. Самая легкость, съ которою въ позднѣйшее время возобновленный Буддаизмъ распространился на Востокѣ Азіи, и стремленіе китайскихъ ученыхъ посѣщать Индустанъ, его мнимую колыбель, указываютъ, можетъ быть, на древнее духовное сожитіе и на воспоминаніе о колыбели первоначальнаго просвѣщенія. Признаніе основателей державы за колонію Буддаистовъ подъ предводительствомъ первосвященника объясняетъ самую отвѣтственность государя за всѣ случайныя несчастія государства. Воплощенный Будда, святящій землю своимъ присутствіемъ, онъ долженъ отвѣчать за ея страданія, послѣдствіе его несовершенства. Съ этимъ соединяется и возможность избирательнаго престолонаслѣдія, существовавшаго въ началѣ китайскаго государства и рѣзко отдѣляющаго его отъ всѣхъ другихъ. Не сынъ наслѣдуетъ отцу и не народъ выбираетъ его преемника, но самъ правитель назначаетъ своего наслѣдника, достойнаго быть владыкою и воплощеніемъ верховнаго начала. Такимъ образомъ всѣ подробности соединяются въ одно цѣлое и убѣдительное доказательство первоначальнаго Буддаизма въ Китаѣ.

Колоніи Кушитовъ проникли въ горы на востокъ отъ Бактріи. Кашмиръ и Кашгаръ были ими населены. Напоръ побѣдителей Брахмановъ и Вишнуитовъ долженъ былъ ихъ загнать еще далѣе на сѣверъ. Гранитныя громады снѣжныхъ цѣпей, примыкающихъ къ неприступному Девалагири и Чамулари, преграждали путь на Востокъ. Должно было выходцамъ изъ Кашмира дойти почти до границъ Сибири, чтобы найти отдохновеніе и убѣжище. Берега Голубого озера (Коконоръ), истоки Гоанго и кроткое народонаселеніе приняли гостепріимно мирныхъ просвѣтителей. Начало исторіи китайской и основаніе государства по времени своему соотвѣтствуетъ торжеству Ирана на югѣ и юго-востокѣ, и это совпаденіе едва ли можетъ считаться случайнымъ.

Буддаисты отдѣлились отъ своего корня, отъ религіи шиваитской въ ея индустанской формѣ; но отдѣленіе не могло быть такъ совершенно, чтобы не сохранились нѣкоторые признаки прежняго соединенія. Такъ, напр., нельзя не узнать миѳа о побѣдѣ Дурги надъ великимъ Асуромъ въ разсказѣ объ Ніувѣ и въ войнѣ Гоанг-ти противъ злого Чи-іеу *).

Тутъ особенно замѣчательно удаленіе Гоанг-ти на священную гору и очевидное свидѣтельство объ отшельничествѣ, давшемъ ему побѣду надъ врагомъ. Это явный остатокъ миѳологіи индустанской.

Впрочемъ, всѣ миѳы Шиваизма потеряли совершенно свое значеніе и обращены позднѣйшими лѣтописцами въ историческія сказанія, безсмысленныя и безсвязныя. Въ то же самое время Буддаизмъ привился уже къ существующей религіи, темной и безобразной, но основанной на иранскомъ началѣ поклоненія единому свободному духу. Эта религія въ Средней Азіи уже приняла свои особенныя формы, отъ которыхъ вѣроятно зависитъ сходство между китайскимъ *Фо-ги* и финскимъ *Вейна-Мейне*.

Впрочемъ, весьма многія причины заставляютъ предполагать, что и Финны не остались совершенно свободными отъ кушитскаго вліянія и что Буддизмъ выслалъ своихъ проповѣдниковъ въ глубочайшій Сѣверъ. Примѣсь его во многомъ замѣтна, но не должно приписывать ей исключительной важности.

Такимъ образомъ изъ смѣшенія разныхъ религіозныхъ стихій составился въ Китаѣ какой-то призракъ вѣры, не имѣющій никакихъ опредѣленныхъ очерковъ, но представляющій блѣдный оттѣнокъ иранскаго единобожія, смѣшаннаго съ Буддаизмомъ, т.-е. поклоненіемъ безсильному духу, вѣчно вырывающемуся изъ оковъ необходимости, но освобождающемуся только посредствомъ самоуничтоженія. Въ этой смѣси не могло быть истиннаго догматизма; его и нѣтъ. Трудно опредѣлить отношеніе отвлеченнаго божества къ дѣйствительному міру: можно только съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что идея о твореніи отзывалась иногда, хотя весьма слабо, идея о рожденіи никогда. Кажется болѣе всего преобладала система эманацій, отъ которой Буддаизмъ никогда не отрывался и оторваться не можетъ; но эманаціи въ древнемъ китайскомъ вѣрованіи не носятъ на себѣ рѣзкаго характера и не представляются, какъ паденіе духа въ оковы необходимости, владычицы всѣхъ проявленій.

Религія, составившаяся изъ соединенія иранскаго начала съ Буддаизмомъ, должна была, въ отсутствіи высокихъ догматовъ, обратить всѣ силы человѣческаго разума на развитіе нравственныхъ законовъ. Такъ и было. Поклоненіе идеѣ добра: таково преобладающее стремленіе всей китайской мудрости искони. Но вмѣсто любви къ добру, чувства горячаго и плодотворнаго, стройно расширяющаго сердце и волнующаго его вдохновеніемъ дивной поэзіи (какъ въ Іудеѣ и въ чистомъ Иранѣ), подъ мертвящимъ дыханіемъ Буддаизма развилось понятіе о красотѣ холоднаго безстрастія, покоряющаго своимъ вѣрнымъ законамъ страстную природу, но не наслаждающагося самимъ собою. Нѣтъ утѣшенія въ небѣ, холодно взирающемъ на землю; нѣтъ утѣшенія во внутренней жизни, презирающей свою собственною личность (ибо личность облогораживается только понятіемъ о личности въ самомъ божествѣ). Силы духовныя, не умирающія въ душѣ человѣка, создали въ Китаѣ цѣлый міръ внѣшней дѣятельности ко благу. Тутъ опять представляется жизнь областей кушитскихъ въ ея лучшемъ проявленіи. Но Шиваизмъ, полный страсти и огня, поклонникъ вещественнаго міра, влюбленный въ образы видимые и видимую красоту, обращалъ всѣ помыслы къ внѣшней и художественной стройности. Трезвый и безстрастный Буддаизмъ долженъ былъ (тамъ гдѣ онъ не дичалъ въ пустыняхъ и не падалъ до фетишизма) обратить всѣ совокупныя силы общества къ цѣли полезной и къ устроенію жизни въ математическихъ размѣрахъ взаимной выгоды и всеобщаго покоя. Философія утратила стремленіе къ отвлеченностямъ, вѣчно тревожащимъ, но въ то же время возвышающимъ разумъ; искусство, потерявъ свое самобытное значеніе и чувство красоты, ограничилось безсмысленнымъ торжествомъ надъ дикими силами природы (таковъ весь смыслъ художества китайскаго, особенно замѣтный въ прихотливомъ садоводствѣ); всѣ помыслы, все могущество великихъ умовъ, которыми Восточная Азія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ, сосредоточились въ разрѣшеніи одной великой задачи: *основаніе стройнаго государства, развивающагося изъ нравственныхъ началъ*. Условное преобладаетъ въ Китаѣ, какъ во всемъ, что̀ ни создано духомъ Кушитовъ: ибо все свободное и живое возможно только тамъ, гдѣ свободный духъ поклоняется своему свободно-творческому источнику. Но великій трудъ надъ великою задачею остался не безплоднымъ. Китай униженный, окаменѣлый, полумертвый, утратившій свое древнее значеніе, замѣнившій приличіемъ великую идею миротворнаго закона, стоитъ еще неколебимъ послѣ сорокавѣковаго существованія, въ посмѣяніе скоро-преходящихъ державъ и въ великое наставленіе міру.

Скажемъ мимоходомъ, что его мертвенность показываетъ всю нелѣпость формализма, что его стойкость показываетъ все могущество нравственныхъ началъ даже въ ихъ искаженіи. Напрасно считаютъ

Китай патріархальнымъ государствомъ, основаннымъ на подражаніи семьѣ. Семья въ Китаѣ есть, напротивъ того, учрежденіе чисто-государственное и условное. Оно основано на тождествѣ именъ, на законахъ приличія и полезной подчиненности. Любви и въ поминѣ нѣтъ тамъ, гдѣ право забрасывать дѣтей существуетъ вполнѣ и гдѣ всѣ отношенія внутренняго быта опредѣлены кодексомъ. Буддаизмъ при первомъ взглядѣ кажется неспособнымъ къ развитію государственному и общественному, въ немъ дѣйствительно преобладаетъ стремленіе къ отшельничеству, но всѣ историческія явленія Буддаизма несогласны съ этимъ выводомъ. Полнѣйшее его изученіе оправдываетъ исторію и объясняетъ мнимое противорѣчіе. Буддаизмъ есть самоумерщвленіе духа, отрывающагося отъ всѣхъ, даже внутреннихъ, проявленій своей дѣятельности. Самоумерщвленіе духа не есть самоубійство тѣлесное и не убійство вещества вообще. Жизнь физическая продолжается силою своею, не зависящею отъ личной воли человѣка. Внутренній человѣкъ погибаетъ въ безумномъ стремленіи къ отвлеченности, къ бытію безъ страстей, воли и проявленій; но внѣшняя жизнь сохраняетъ свои права, основанныя на присущей въ ней необходимости, и въ то же время теряетъ свой характеръ жизни, т.-е. свободы, и обращается въ мертвый законъ. Поэтому очевидно Буддаизмъ, отнимая у общества возможность живого и сильнаго развитія, въ то же время налагаетъ на него характеръ грубо-государственный, математическую правильность мертваго кристалла.

Законъ, какъ высшее и совершеннѣйшее, какъ единственный предметъ, достойный поклоненія, присутствуетъ при самомъ началѣ китайскихъ сказаній и составляетъ весь ихъ смыслъ отъ Яо до нашихъ дней. Его всегдашнимъ присутствіемъ великъ и его исключительною формальностію ничтоженъ Китай.

Полнѣйшее его олицетвореніе не въ государяхъ, которыхъ дѣятельность зависитъ болѣе или менѣе отъ случайностей историческихъ, но въ мыслителяхъ, особенно же въ *Мені-цеу* и *Куні-цеу* (или *Коні-фу-цеу*). *Лао-цеу* имѣмъ болѣе собственной личности, свободной отъ мѣстныхъ стихій и былъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ иноземной, западной или индустанской философіи. Но Кунгъ-цеу (извѣстный подъ именемъ *Конфуція)*, исполинъ тѣломъ и духомъ, полный дѣтской вѣры во всесильность закона надъ душею человѣка, полный глубокой поэзіи, которую онъ самъ въ себѣ подавлялъ, безкорыстный и безстрастный труженикъ общества, идеалъ всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, мыслитель, способный обнять всю полноту человѣческаго знанія и въ то же время добровольнымъ условіемъ убивавшій лучшую часть своей души, стремленіе къ своему божественному началу, лицо величавое по преобладанію одной великой идеи и почти смѣшное по своей односторонности: вотъ Китай въ его лучшемъ и совершеннѣйшемъ проявленіи. Едва ли какая-нибудь другая страна имѣла прекраснѣйшаго представителя. Платонъ въ своей республикѣ напоминаетъ Кунгъ-цсеу; но Платонъ мечталъ и наслаждался своею мечтою; Конфуцій жилъ, вѣрилъ и страдалъ. Китаю, при его покорности внѣшнему, безосновному закону, недостаетъ сознанія внутренняго закона любви. Благословенна та страна, которой суждено будетъ открыть ему этотъ источникъ всякаго человѣческаго блага! Англія, вмѣсто просвѣщенія, доставляетъ Китайцамъ опіумъ. Честь и слава Англіи! Дай Богъ, чтобы не переполнилась ея уже полная чаша.

Исторія государства начинается, какъ и во всѣхъ областяхъ, принявшихъ кушитское направленіе и особенно въ тѣхъ, въ которыхъ преобладалъ Буддаизмъ, огромными трудами общеполезными и работами гидравлическими. Царствованіе *Яо* ознаменовано борьбою противъ гибельныхъ разливовъ Желтой рѣки, точно такъ же, какъ исторія Кашмира открывается осушеніемъ озеръ, какъ Египетъ съ первыхъ вѣковъ своего существованія представляетъ усиліе народа, покоряющаго себѣ благодать нильскихъ водъ, какъ Цейлонъ издревле покрывается водохранилищами, и въ самой Элладѣ можно узнать присутствіе египетскихъ колоній по гидравлическимъ работамъ около озера Копаиса. Самая борьба государства съ разрушительною силою Гоанго показываетъ уже и существованіе, и могущество его.

Распаденіе Китая на мелкія области, соединенныя въ одно цѣлое желѣзною волею *Ву-ванга*, заставляетъ многихъ критиковъ сомнѣваться въ древнемъ единствѣ всей державы. Въ этомъ сомнѣніи, какъ и въ другихъ, замѣтна сухая и кропотливая мелочность современной науки. Легкое соединеніе государства при *Ву-ванѣ*, совершенное единство обычаевъ, общее согласіе всѣхъ преданій, духъ, живущій во всѣхъ твореніяхъ позднѣйшихъ мыслителей и историковъ, память величія и особенный характеръ величія во всѣхъ сказаніяхъ, всѣ эти признаки безсомнѣнные и краснорѣчивые свидѣтельствуютъ о глубокомъ и живомъ убѣжденіи народа. Очевидно, что Китай, уже при своемъ началѣ, представлялъ огромные размѣры и что всѣ независимыя области, на которыя онъ долго былъ раздѣленъ, были только остатками раздробленнаго царства, хотя нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что древній Китай занималъ только малую сѣверо-западную часть теперешняго.

Эпоха *Яо*, *Хунъ* и *Ю*, т.-е. конецъ III-го тысячелѣтія до Р. Хр., есть эпоха процвѣтанія, за которымъ послѣдовали темные вѣка паденій. Колыбель просвѣщенія была, какъ уже сказано, на берегахъ *Коко-нора* и на истокахъ Желтой рѣки. Будущіе путешественники, вѣроятно, отыщутъ въ этой странѣ яснѣйшіе признаки первобытнаго Буддаизма; но владычество *Яо* уже было не въ горахъ Тибета, а въ богатыхъ долинахъ Китая.

Имена самыхъ царей сомнительны. Преданія, вѣрныя въ общихъ своихъ чертахъ, не представляютъ ручательства въ истинѣ подробностей. Молитва царя *Ю*, высѣченная на скалѣ, хотя бы и была не произведеніемъ народнаго самолюбія, поддѣлывающаго себѣ небывалую старину (черта, общая Китайцамъ съ ирландскими Кельтоманами), не могла бы считаться памятникомъ историческимъ, ибо не содержитъ въ себѣ никакого опредѣлительнаго показанія, утверждающаго хронологію ея или объясняющаго состояніе государства*). Точно такъ же и соединеніе именъ первыхъ императоровъ съ огромными работами, которыхъ остатки сохранились до нашего времени, нисколько не доказываетъ, чтобы самыя имена не перешли изъ сказаній миѳическихъ въ сказанія историческія.

Индійцы вездѣ помѣщаютъ *Кришну*, *Раму* или *Арджуну*; Магометане—*Сулеймана* или *Юсуфа*; Кельты—*Финна* и *Голя*; Шотландцы *Михаила Скота*. Это доказываетъ только славу имени, но не опредѣляетъ его значенія. Оно равно можетъ быть дѣйствительнымъ и миѳическимъ.

Новѣйшія розысканія уже показали, какъ нелѣпо было прежнее мнѣніе о совершенномъ отчужденіи Китая отъ умственнаго и политическаго сообщества съ остальнымъ свѣтомъ. Западъ былъ извѣстенъ жителямъ этого дальняго Востока; науки астрономическія были воскрешены въ немъ пришельцами изъ Индустана; имперія римская, прозванная *Тацинъ* (великимъ Китаемъ), гремѣла славою, несмотря на безконечное разстояніе, отдѣляющее Тибръ отъ Гоанго. Ученые искали на Западѣ мудрости, которая могла бы удовлетворить ихъ высокимъ стремленіямъ, точно такъ же какъ торговцы отправлялись на границу Персіи за товарами (напр., кровными лошадьми), которыхъ Китай не могъ производить. Великое міровое движеніе проникало со всѣхъ сторонъ въ нѣдра могучей державы, владычицы Востока. Быть можетъ, и это весьма вѣроятно, самая религія западныхъ народовъ смѣшалась во многомъ съ первоначальными вѣрованіями буддаистскаго Китая, точно такъ же, какъ съ ними смѣшались миѳы индустанскаго Шиваизма. Нѣтъ сомнѣнія, что такое предположеніе основано на догадкѣ; но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что имена трехъ государей, заключающихъ въ себѣ всю эпоху древняго китайскаго величія, *Яо*, *Хунъ* и *Ю*, соотвѣтствуютъ именамъ боговъ: Финикійскаго *Яо*, Ассирійскаго *Хонъ* *) и финскаго *Ю* (извѣстнаго подъ именемъ *Ю - мала*, т.-е. *Ю - свѣтъ*, какъ у Римлянъ *Юпитеръ* значитъ собственно *Ю-отецъ*). Какъ бы то ни было, но утвердительно можно сказать, что процвѣтаніе державы китайской началась въ концѣ III-го тысячелѣтія и едва захватило начало II-го тысячелѣтія до Р. Хр. *). Несчастная политика императоровъ, отдававшихъ области въ наслѣдственное управленіе своимъ родственникамъ (политика, засвидѣтельствованная позднѣйшими лѣтописцами въ разсказѣ о спорѣ книжниковъ съ императоромъ Тсин-ши-гоангти), положила основаніе множеству отдѣльныхъ и независимыхъ царствъ, рѣдко признававшихъ верховную власть императоровъ. Впрочемъ, никогда ни пропадала память о цѣлости государства, и постоянное стремленіе къ новому соединенію продолжало жить въ мелкихъ областяхъ. Въ концѣ II-го тысячелѣтія *Ву-ванъ* *) воскресилъ древнюю державу и принялъ титулъ *Ти* (божественный), который его предшественники не смѣли себѣ присвоить, считая себя недостойными такого громкаго прозвища при такой ограниченной власти.—Эпоху государственнаго раздѣленія признавали многіе эпохою феодализма; но называть феодализмомъ дробленіе державы на независимыя княжества, безъ всякой примѣси аристократической касты, было бы злоупотребленіемъ слова, и Китай скорѣе представляетъ, отъ *Ю* до *Ву-ванга* нѣчто похоже на времена удѣловъ въ Россіи, съ тою только разницею, что царствующіе дома не принадлежали къ одной и той же династіи и не имѣли никакого притязанія на власть единоправителей всего государства.

Время процвѣтанія кончилось для Китая при самомъ началѣ династіи *Гіа*, которой мнимый родоначальникъ *Ю* послѣдній обозначенъ въ лѣтописяхъ прозвищемъ *Ти*. Съ нимъ вмѣстѣ прекращается и право или обычай избирательнаго престолонаслѣдія. Уже одно это обстоятельство, такъ же какъ и отсутствіе прозвища божественнаго при имени его сына, несмотря на то, что онъ получилъ въ наслѣдство всю полноту государства, указываетъ на неисторическій характеръ предыдущихъ царей, хотя самое царство уже вступило въ историческій возрастъ. Темныя времена до Ву-ванга не представляютъ происшествій совершенно достовѣрныхъ; но духъ, создавшій имперію, продолжалъ жить и въ ея разорванныхъ членахъ. Каждое мелкое княжество повторяло въ себѣ явленія всего государства, ни одно не развивало изъ себя ничего самобытнаго и не думало создавать особенную какую-нибудь систему правленія и религіи. Бѣдствія первенствующей области (ибо иначе нельзя назвать область, въ которой жили императоры) внушали глубокое участіе другимъ и считались бѣдствіемъ общимъ, которое слѣдовало устранить общими силами. Таковъ характеръ возстанія *Чинг-тганга* противъ *Кіе* въ первой половинѣ и возстанія *Ву-ванга* противъ *Шеу-сина* во второй половинѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. Конечно, нельзя вполнѣ полагаться ни на разсказы самой лѣтописи китайской, *Шу-кинга*, о происшествіяхъ, случившихся за пять и за десять столѣтій до ея составленія, ни на самый текстъ этой лѣтописи, которая была уничтожена вмѣстѣ со всѣми другими во время преслѣдованія ученыхъ (лѣтъ за 200 съ небольшимъ до Р. Х.); но нѣтъ и причинъ сомнѣваться въ общемъ смыслѣ преданій, которыя во многомъ подтверждаются остатками древней поэзіи, легко сохранившейся въ памяти на зло систематическому гоненію, тѣмъ болѣе что изощреніе памяти составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ китайскаго воспитанія.

Государство даже во времена *Ву-ванга* не простиралась на Югъ далѣе Великой Рѣки (извѣстной подъ именемъ *Кіанг-го*). Была, безъ сомнѣнія, колонизація сѣверная, проникшая мало-по-малу далѣе къ Югу. Это доказывается бѣгствомъ послѣдняго императора изъ династіи *Гіа* и удаленіемъ нѣсколькихъ князей во время императора *Цу-кія* и старшаго брата *Ву-ванга* за Великую Рѣку; но государственная система еще не обнимала южныхъ областей. Колонизація приготовляла мало-по-малу борьбу Сѣвера и Юга и окончательное ихъ соединеніе. За *Кіанг-го* жило другое племя, чуждое языку, вѣрованіямъ и просвѣщенію Сѣвера. Напоръ съ сѣвера мало-по-малу откидывалъ туземцевъ въ горныя ущелья и вытѣснялъ ихъ изъ плодородныхъ равнинъ. Исторія не имѣетъ данныхъ для опредѣленія постепенности этого завоеванія; но когда государство переступило черезъ Великую Рѣку, оно нашло уже народъ, готовый подчиниться его законамъ и обычаямъ. *Міао* (таково названіе туземныхъ дикарей у Китайцевъ) были заключены въ горныхъ округахъ и тамъ защищали свою независимость, не совсѣмъ утраченную до нашего времени. Очевидно, завоеванiе всей южной области было дѣломъ частныхъ переселенцевъ, удалявшихся изъ сѣверной родины, переполненной жителями или взволнованной внутренними раздорами.

Это явленiе повторялось въ меньшихъ размѣрахъ въ Валлiйскомъ герцогствѣ, въ Ирландiи, и повторяется въ наше время на зпааднонъ берегу Мешасебе и въ Техасѣ.

Китайцы, въ своемъ благородномъ презрѣнiи къ дикарямъ, не позаботились объ описанiи побѣжденнаго племени. Черный цвѣтъ его указываетъ на происхожденiе кушитское, а обычай нарѣзки на лбу представляетъ черту шиваитской религiи и, вѣроятно, связывается съ изображенiемъ третьяго глаза у главнаго божества индiйскихъ Деканцевъ *). Трудно опредѣлить путь южной колонизацiи, но смѣшно бы было отрицать сильное и никогда не прерывавшееся движенiе народовъ около юго-восточныхъ оконечностей Азiи. По этому пути проникла въ Китай позднѣйшая реформа Буддаизма, по немъ же приходили уже въ глубокой древности корабли изъ дальнихъ морей: таково свидѣтельство китайскихъ лѣтописей.

Изученiе языковъ юго-восточной Азiи подтвердитъ со временемъ эту догадку; но во всякомъ случаѣ наружный видъ южныхъ Мiао *), ихъ цвѣтъ, складъ, нравы и древнiй обычай, о которомъ уже говорено и который былъ, безъ сомнѣнiя, слѣдствiемъ религiознаго обряда, связываютъ ихъ съ Югомъ Индiи и съ системою африканской.

Побѣда надъ Мiао и ихъ изгнанiе были, безъ сомнѣнiя, сопряжены съ смѣшенiемъ двухъ племенъ. Отъ этого смѣшенiя зависитъ различiе сѣверныхъ и южныхъ нарѣчiй и замѣченная многими путешественниками разница въ тѣлосложенiи и въ очеркахъ лица.

До владычества династіи *Чеу* (начинавшейся въ концѣ II-го тысячелѣтія до Р. Х.) однѣ только сѣверныя области составляли державу китайскую; но и въ этихъ границахъ она уже представляла исполинскую силу по народонаселенію и пространству, силу, превосходящую всѣ государства юго-западной и южной Азіи и сѣверо-восточной Африки. Китай не былъ запертъ для иноземцевъ. Еще гораздо послѣ они были радушно принимаемы и допускаемы къ правамъ гражданства и даже къ должностямъ государственнымъ. Сношенія съ Западомъ, кромѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ средне-азійскихъ (т.-е. финно-турецкихъ и монгольскихъ) были основаны на старой памяти братства. Около середины II-го тысячелѣтія до Р. Хр. посольства приходили изъ земель иранскихъ просить у Восточнаго государства защиты и помощи противъ насилія враговъ. Торговцы бактрійскіе (ванскіе, изъ земли Великихъ Вановъ, *Та-ванъ)* переходили степь и горныя преграды для размѣна своихъ произведеній на произведснія береговъ Гоангго; гостиницы строились по путямъ каравановъ, и виноградъ *(по-то)* разводился около гостиницъ для западныхъ гостей, любившихъ, какъ и всѣ ванскія племена, дружескую трапезу и разгулъ застольной чаши. Быстрые кони каспійскихъ береговъ были украшеніемъ и роскошью двора императорскаго и, кажется, плясуны и скоморохи индійскіе забавляли праздность и лѣнь богачей. Китай жилъ въ согласіи со всею внѣшнею жизнію міра *).

Трудно опредѣлить, до какой степени онъ участвовалъ въ его внутренней и духовной жизни; но съ полною увѣренностью можно утверждать, что общеніе мысли было сильнѣе общенія торговаго. Много нужно каравановъ, чтобы лѣтописецъ обратилъ вниманіе на торговый путь. Одинъ человѣкъ мыслящій измѣняетъ или обновляетъ своимъ ученіемъ цѣлый народъ, а Китайцы были жадны къ наукѣ и знанію. Около начала I-го тысячелѣтія до Р. Хр. царь *Му-вангъ* посвятилъ многіе годы своей жизни странствованію на западѣ, для пріобрѣтенія познаній; и трудно предположить, чтобы никто ему не подалъ примѣра или не послѣдовалъ его примѣру. За многіе вѣка до него общеніе понятій было, безъ сомнѣнія, живѣе, чѣмъ при немъ. Это правило относится не къ одному Китаю. Міръ не былъ еще тогда такъ раздробленъ, какъ впослѣдствіи. Средняя Азія не волновалась безумнымъ волненіемъ дикихъ семей, и Восточная держава не думала себя ограждать отъ невидимой грозы чужаго ума.

Поставивъ главною задачею своего существованія полнѣйшее развитіе государственности, Китай былъ въ древности способенъ и къ свободному развитію духовной жизни. Государственность поглотила мало-по-малу всѣ прочія части просвѣщенія человѣческаго и довела государство до того мертвеннаго оцѣпенѣнія, въ которомъ оно представляется въ наше время. Великая стѣна, символъ отчужденія, была воздвигнута уже династіею *Тсинъ*, но и тогда еще чужеземцы были допускаемы ко всѣмъ должностямъ государственнымъ. Великая задача—логическое развитіе нравственныхъ началъ общества—долго жила въ благородномъ Китаѣ, и одни только нашествія дикарей, Монголовъ и Манжуровъ, могли ее вполнѣ исказить. Китай былъ, какъ всѣ державы кушитскія, основанъ на условныхъ данныхъ, но не такъ, какъ другія державы, на грубой идеѣ выгоды или художественной идеѣ стройности. Его начàла были высшія, какія только человѣкъ могъ положить; условность ихъ была только послѣдствіемъ шаткости, неизбѣжной тамъ, гдѣ нѣтъ духовнаго преданія, гдѣ нѣтъ живой вѣры, неизбѣжной вездѣ, кромѣ одного Христіанства. Несмотря на будаическое ученіе просвѣтителей Китая, Иранъ своею человѣческою мудростью, своею свободною духовностью оживлялъ и согрѣвалъ его могучую молодость. Это очевидно изо всѣхъ отзвуковъ этой дальней старины, любившей и славившей имя неизвѣстнаго бога, и самое процвѣтаніе державы, совершенно совпадающее съ вѣками торжества иранскихъ началъ въ Индустанѣ при Вишнуитахъ, въ Иранѣ при Вано-Ассирійцахъ и въ Египтѣ при Гиксосахъ (т.-е. около конца III-го тысячелѣтія до Р. Х.), вѣроятно, не должно быть приписано слѣпому случаю. Духъ человѣческій пробудился и бодрствовалъ. Въ половинѣ же II-го тысячелѣтія эти силы утомились, и распадающійся Китай опять соотвѣтствуетъ повсемѣстному паденію Ирана и съ нимъ человѣческихъ началъ во всемъ мірѣ.

Объ южномъ Китаѣ у насъ слишкомъ мало остается данныхъ. Паденіе Кушитовъ деканскихъ должно было разорвать связь кушитскаго міра: въ этомъ заключается важность вишнуитскаго завоеванія. Но, по всей вѣроятности, слѣды сношеній между Египтомъ и прибрежьемъ Великой Рѣки принадлежатъ южной племенной, а не сѣверной государственной системѣ. Точно то же должны мы сказать о письменности. Нѣтъ видимой связи между письменами Китая—іероглифами мысли, и письменами Египта,—іероглифами слова; но явно, что въ Египтѣ іероглифъ слова вышелъ изъ іероглифа мысли посредствомъ иранскаго вліянія, и ни одинъ человѣкъ разсудительный не повѣритъ, чтобы іероглифъ китайскій, котораго ключи имѣютъ теперь форму совершенно произвольную, былъ дѣйствительно основанъ на произволѣ. Его начало, для насъ утраченное, было, безъ всякаго сомнѣнія, простое подражаніе предмету выражаемому. Теперешній знакъ есть только курсивное упрощеніе знака первоначальнаго, точно такъ же, какъ узловыя письмена, общія Китаю и средней Америкѣ *), были только приспособленіемъ тѣхъ же знаковъ къ потребностямъ жизни кочевой и къ мореплаванію. Такимъ образомъ Китай своею письменностью, такъ же какъ и началомъ государственнымъ, племеннымъ характеромъ Юга и просвѣщеніемъ Сѣвера, соединяется съ міромъ Африки и съ системою шиво-буддаистской. Будущіе изслѣдователи опредѣлятъ съ большею точностію вліяніе областей, лежащихъ за Великой Рѣкою, на весь бытъ Китая. Теперь его можно только угадывать.

Дальнѣйшая исторія Ассиріи. Земли Иранскія. Персія.

Прекратилась на берегахъ Евфрата династія царей бактрійскихъ. Изнѣженные роскошью, развращенные упоеніемъ тысячелѣтняго владычества, утративъ первобытную чистоту нравовъ и наслѣдственныя доблести, Ваны были изгнаны изъ Ниневіи возстаніемъ туземцевъ и напоромъ горной семьи Халдеевъ. Новые властители связали права свои на царство съ древнею ассирійскою исторіею. На языкѣ миѳовъ Ниніасъ, сынъ великаго Нина, свергнулъ съ престола незаконно царствующую Семирамиду. Иранъ раздробился; могучая держава, связывавшая его концы, разрушилась и никогда уже не возстановлялась въ прежней полнотѣ. Бактрія, Индія, Месопотамія, сѣверо-восточная и средняя Европа, соединенныя въ одну торговую систему, въ одно общее братство единствомъ владычествующаго племени Бактрійцевъ, распались навсегда въ мелкую областную жизнь, изъ которой со временемъ возникли совершенное отчужденіе другъ отъ друга и кровавая вражда. Исторія стала яснѣе, но утратила свои широкіе размѣры и великолѣпіе своихъ первыхъ явленій. Позднѣйшіе народы, уже не понимающіе прежней эпохи и всемірнаго значенія племени иранскаго, накинули темный покровъ на величавую старину. Преданія утонули въ сказкѣ.

Развратная династія, забывшая свое духовное достояніе въ искушеніяхъ вещественнаго міра и потерявшая права на первенство между народами, была свергнута; но человѣчество не подвинулось впередъ. Сѣмена порока, посѣянныя вездѣ, продолжали давать ростъ и плодъ: преемники Вановъ, Ассирійцы и Халдеи, вступили въ тотъ же путь, по которому шли ихъ предшественники, и искаженный Иранъ присоединилъ только къ прежнему злу, развратившему нравы, новое зло разъединенія, придавшее имъ новую свирѣпость. Вторая династія *) туземныхъ царей ассирійскихъ приняла вліяніе кушитскаго міра, поклоненіе веществу или необходимости въ образахъ органической полярности, безумную гордость личности, презрѣніе къ началамъ духовнымъ и стремленіе къ завоеваніямъ; но она, сверхъ того, получила отъ горцевъ, основавшихъ ее, характеръ необщительной дикости. Никогда власть ея не распространялась такъ далеко, какъ власть Вано-Ассирійцевъ, никогда она не была окружена такимъ блескомъ: Ниніасъ представляетъ лицо блѣдное и безцвѣтное въ сравненіи съ Семирамидою и Ниномъ. Бактрійскій Востокъ не былъ ей подчиненъ вполнѣ, хотя страдалъ отъ ея набѣговъ; берега Инда были ей недоступны. Точно то же можно сказать и о Малой Азіи, по крайней мѣрѣ о ея западной оконечности, о горныхъ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю и объ областяхъ Финикіи и Палестины. Нѣтъ сомнѣнія, что держава Вано-Ассирійцевъ также недалеко распространялась на Западъ отъ Евфрата, но она связывалась съ поморьемъ торговымъ характеромъ, котораго позднѣйшіе Ассирійцы уже не имѣли. Лѣтопись ихъ первенства въ юго-западной Азіи, безплодная для человѣчества, безплодная для наукъ историческихъ, представляетъ только темный рядъ царей, дико властвовавшихъ мечомъ или безсмысленно утопавшихъ въ наслажденіяхъ безславной роскоши. Истинное паденіе Ассиріи относится къ VIII вѣку до Р. Хр., когда съ одной стороны Азы мидійскіе, съ другой богатое низовье Евфрата и Вавилонъ достигли отдѣльной самостоятельности. Въ продолженіе 8-ми или 9-ти вѣковъ отъ изгнанія Бактрійцевъ до возстанія Мидіи, область ниневійская подверглась многимъ измѣненіямъ; но она все еще первенствовала надъ всѣми сосѣдними народами. По преданію персидскому, южный *Дзогакъ*, поклонникъ злыхъ духовъ, котораго кушитскій характеръ легко узнается по эмблемѣ змѣи, побѣдилъ и изгналъ нѣкогда святого, но впослѣдствіи согрѣшившаго царя-землепашца, сына страны бактрійской, *Джемшида*. Побѣжденный не нашелъ убѣжища въ своей родинѣ: враги преслѣдовали его по пятамъ и убили въ Индустанѣ, куда онъ отъ нихъ бѣжалъ. Итакъ, Ассирія не разъ еще завоевывала Востокъ; но по другимъ преданіямъ, относящимся къ тому же времени, также какъ и по молчанію Зенд-авесты, кажется, можно предполагать, что власть ея была не постоянная и не уничтожала свободы бактрійскаго племени и странъ, прилегающихъ къ Инду. На юго-западъ отъ Ниневіи мелкія области соединились въ государство сирійское, не всегда повиновавшееся ей, но никогда не сопротивлявшееся ей съ значительнымъ успѣхомъ.

Малая Азія. Троя и ея борьба съ Греціей.

Вліяніе переворота въ царствѣ ассирійскомъ сильнѣе подѣйствовало на сѣверо-западъ; между тѣмъ какъ, по сказанію персидскому, *Джемшидъ* бѣжалъ на востокъ, другія преданія западныя разсказываютъ о бѣгствѣ Семирамиды (другое названіе той же ванской династіи) на западъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ темны и неопредѣленны и что удаленіе Семирамиды въ Кипръ можетъ легко относиться къ распространенію поклоненія бактрійской Венерѣ; но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на то, что паденіе ванскаго владычества на берегахъ Тигра и Евфрата по времени своему соотвѣтствуетъ усиленію, если не появленію, Вановъ на западной оконечности Малой Азіи. По крайней мѣрѣ, кажется, по всѣмъ хронологическимъ даннымъ, что Ниніасъ, т.-е. начало мѣстной династіи въ Ниневіи, принадлежитъ къ XVII, а основаніе Трои, торговаго и общественнаго средоточія ванскихъ семей, относится къ XVI столѣтію до Р. Хр. Всѣ историческія данныя для этихъ полубаснословныхъ вѣковъ довольно шатки, но ошибки значительной быть не можетъ. Мы знаемъ, что въ позднѣйшее время Хвалисы (Халибсы Грековъ), Саки или Гуны клинообразныхъ надписей тянулись отъ самой Арменіи по пригорію Тавра и южному берегу Чернаго моря до самой Троады. Сѣверная Троя (*Пергамъ* или *Прага*) не одна славилась своею силою и богатствомъ. Она первенствовала въ союзѣ мало-азійскихъ Вендовъ (*Генеты*); но въ одно время съ нею процвѣтала и пережила ее другая Троя въ *Ликіи* *) (землѣ *Венедовъ Великихъ*). Тамъ же протекахъ и другой *Ксанѳъ* (эллинское имя, значащее свѣтло-желтый, блестящій, пламенный; собственное же имя было *Арна*, *Ярный*, отъ славянскаго корня *ярый*, имѣющій то же значеніе, что эллинское Ксанѳъ. Замѣчательно имя *Арный* [1]), главной рѣки у Разеновъ въ Этруріи). Связь Ликіи, т.-е. южной Троады, съ сѣверною Троадою очень ясна. Одни други и недруги, одни обычаи, одни боги-покровители, Аполлонъ и Венера; наконецъ, одни имена рѣкъ и городовъ. Ликія, завоеванная, затопленная иноплеменниками, утратившая своихъ коренныхъ жителей въ кровавыхъ бояхъ и въ геройскихъ самоубійствахъ цѣлыхъ городовъ (по словамъ Геродота), утратившая языкъ свой въ смѣшеніи съ другими, чуждыми ей нарѣчіями, Ликія все еще уцѣлѣла въ памятникахъ искусства и въ письменахъ, нарѣзанныхъ на ея каменныхъ гробницахъ. Художество ея самобытно, по крайней мѣрѣ въ зодчествѣ. Оно возникло не изъ греческаго, оно представляетъ переходныя степени и младенческій возрастъ, которыхъ Эллада не знаетъ (напр., деревянные, бревенчатые накаты и брусья, деревянные костыли, закрѣпы, высѣченные изъ мрамора и пр.), такъ что скорѣе можно предположить ея вліяніе на Элладу, чѣмъ обратно. Письменность ея, заимствованная съ Востока, самобытна въ отношеніи къ эллинской, ибо представляетъ буквы, которыя не извѣстны Эллинамъ, а встрѣчаются у Разенъ италійскихъ, на берегахъ рѣки, одноименной съ Ксанѳомъ ликійскимъ *(Арный)*. Символы ея религіи самобытны и во многихъ подробностяхъ сходны съ украшеніями, найденными въ гробахъ крымскаго полуострова; обряды ея (по крайней мѣрѣ обычай высѣкать гробницы въ горахъ) чужды Элладѣ и принадлежатъ въ одно время Востоку иранскому (какъ гробницы царей персидскихъ) и Этруріи съ ея пещерами. Вліяніе кушитской системы замѣтно, но южное вѣрованіе привилось къ началу иранскому. Лицо человѣка возвышено до божественности *), и сказочное человѣкообразіе въ религіи выразилось въ художествѣ, такъ же какъ въ Греціи, но независимо отъ Греціи.

---

[1] Арно. Изд.

Должно замѣтить, что главное и самое обыкновенное изъ символическихъ изображеній на памятникахъ ликійскихъ есть битва льва съ быкомъ. Разсказъ о битвѣ Сарпедона ликійскаго съ Патрокломъ въ Иліадѣ кончается этимъ сравненіемъ. Едва ли тутъ простой случай.

Надписи ликійскія свидѣтельствуютъ о славянскомъ корнѣ народонаселенія. Слова *лада* (въ смыслѣ жены), *тедіе* (въ смыслѣ *чадо*, ибо окончаніе на *ме*, *тедіеме*, встрѣчается не всегда), *егове* (въ смыслѣ мѣстоименія притяжательнаго) и многія другія особенности служатъ тому доказательствомъ неоспоримымъ. Отсутствіе знака беззвучія въ письменности, и слѣдовательно отсутствіе краткой гласной *а*, *о* или *е* во всякой согласной, оскудѣніе грамматическихъ измѣненій въ окончаніи словъ, прибавка слога *ме* къ словамъ, которыя не имѣютъ этого окончанія въ славянскомъ, и присутствіе звука *ф* ничего не доказываютъ. Ликія была рано оторвана отъ своей вендской братіи и сильно подвержена вліянію чужеплеменниковъ, особенно южныхъ народовъ; она должна была измѣниться въ нарѣчіи, въ обычаяхъ и въ обрядахъ религіи; но признаки кореннаго ея характера существуютъ еще такъ ясно, что критика ошибаться не можетъ или не должна.

Должно замѣтить, что въ иныхъ случаяхъ (какъ, напр., въ имени города *Фегсерд*), кажется, есть неписанная краткая гласная*). Точно такъ же и въ склоненіяхъ замѣтны слѣды старыхъ формъ, измѣненныхъ новыми прикладами (суффиксами). Такъ, напр., слово *тедіе* (чадо), которое по большей части находится въ формѣ *тедіеме*, представляетъ форму множественнаго *тедесаме*. Склоненіе произошло въ предпослѣднемъ слогѣ и совершенно согласно съ древне-славянскимъ (*чудо—чудеса*, *небо—небеса*, *око—очеса* и т. д.). Кажется, окончаніе творительнаго падежа на *м* вообще вытѣснило окончаніе именительнаго.

Чище и неприкосновеннѣе были вѣроятно сѣверныя семьи, хотя и въ нихъ, долго жившихъ среди западнаго Ирана, не могло быть той письменной и словесной чистоты, которая могла принадлежать только выходцамъ изъ Бактріи, заселившимъ пустыни или по крайней мѣрѣ мало приходившимъ въ соприкосновеніе съ иноплеменниками.

Невольно было движеніе Вендовъ, Саковъ и Гуновъ, заселившихъ поморье Малой Азіи. Оно не слѣдовало общему закону переселенія Вендовъ на Западъ. Возстаніе туземнаго начала въ Ассиріи вытѣснило ихъ въ страны, которыя уже были заселены другими семьями, выходцами изъ западнаго Ирана. Они не могли распространяться свободно по лицу пустыни, но были принуждены пробиваться черезъ горы до береговъ морскихъ и повѣрять прихотямъ вѣтра и волнъ свою дальнѣйшую колонизацію. Путь морской былъ не страшенъ вендскому племени, вездѣ склонному къ судоходству, и поэтому колоніи ихъ раскинулись далеко и обогнули весь Западъ Малой Азіи.

Саки служили на корабляхъ персидскихъ во времена Ксеркса *). Очевидно, это Сако-Гуны при-евксинскіе, а не бактрійскіе; но во всякомъ случаѣ смѣшно въ нихъ предполагать финно-турецкое племя, вѣчно чуждое мореходству.

На самой сѣверо-западной оконечности полуострова, почти у встрѣчи двухъ морей, Евксинскаго и Эгейскаго, противъ области своей ѳракійской братьи, основали новые пришельцы государство, которому суждены были недолгое существованіе и долгая память въ поэтическихъ преданіяхъ. Около XVI-го столѣтія до Р. Х. возникла Троя, и скоро по своей счастливой мѣстности стала высоко надъ всѣми сосѣдними странами. Трудно сказать, не нашли ли пришельцы съ Востока прежнихъ родственныхъ колоній, пришедшихъ изъ Ѳракіи; на это есть вѣроятности, но нѣтъ твердыхъ свидѣтельствъ. Такъ же трудно сказать, не сохранилась ли въ имени миѳическаго Ассарака *), память объ Ассиріи, откуда изгнаны были ванскіе властители: этимологія именъ шатка и произвольна; сходство обманчиво, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они безпрестанно повторяются цѣлыми группами (какъ *Донъ*, *Ярый Донъ*, *Венеты*, *Саки*, *Геты* и пр.). Во всякомъ случаѣ понятно скорое величіе Трои, поставленной на перепутіи двухъ материковъ и двухъ морей и опиравшей свою торговую дѣятельность на братскомъ союзѣ со всѣмъ поморьемъ Эвксина и отчасти Архипелага и съ многочисленными семьями, населявшими безконечное пространство отъ границъ Ѳессаліи и цвѣтущихъ береговъ *Струменя* и ѳракійскаго *Вепря* (Гебръ) до глубины донскихъ степей.

Не долго цвѣла и властвовала Троя. Окрѣпнувшая Эллада, смѣсь просвѣщенія южнаго и восточнаго, смѣсь племени западно-иранскаго *(Пелазговъ)* и славянскаго, вошедшаго въ составъ эллинской семьи, Эллада свергла съ себя власть южныхъ народовъ (въ сказаніяхъ объ Ираклѣ и Тезеѣ) и потомъ стала отодвигать безпокойное сосѣдство сѣвернаго племени. Таковъ смыслъ сказокъ о Кентаврахъ, Амазонкахъ, побѣжденныхъ также Иракломъ и Тезеемъ, и о походѣ Аргонавтовъ, въ которомъ участвовала вся Греція. Были уже распри съ Троянами, какъ видно изъ разсказовъ о Лаомедонѣ *); были, вѣроятно, причины къ враждѣ, ибо многіе властители Эллады (напр., домъ Тантала) были вытѣснены изъ Малой Азіи около времени основанія вендскихъ поселеній *). Случайная ссора повлекла за собою многолѣтнюю войну. Одна за одной были разрушены колоніи троянскія; одинъ за однимъ были побѣждены ея союзники: она должна была пасть. Ея могучія стѣны были выстроены Посейдономъ (эмблемой морской торговли) и Аполлономъ *(Беленомъ Великимъ*, покровителемъ вендскаго племени *)); богатства ея были неистощимы, войска многочисленны; но область ея была мала, союзники далеки и не соединены въ формахъ государственныхъ, войска составлены изъ наемниковъ. Дружная сила воинственной Эллады восторжествовала.

Замѣчательно, что внутреннія области Малой Азіи остались совершенно равнодушными къ борьбѣ Трои съ Греками. Не было ни кровнаго союза съ иноплеменниками, ни торговаго съ дикарями.

Чудное величіе поэзіи окружило паденіе Пергама. Преданія собрали около него и западныхъ Ѳракійцевъ и сѣверныхъ Амазонокъ, и Мемнона, сына восточной зори. Чудная красота семейной жизни дышитъ во всемъ, что̀ преданіе передало Гомеру, во всемъ, что̀ Гомеръ передалъ вѣкамъ о враждебной Троѣ. Передъ человѣческими лицами Пріама, Гекубы и ихъ дѣтей, Гектора и Андромахи, ничтожны и гнусны всѣ царственные домы Эллады, отвратительны сказанія объ Атреѣ и его потомствѣ, обо всѣхъ этихъ герояхъ, полныхъ силы и воинственнаго огня, но заклейменныхъ дикостью и развратомъ.

Эллада, поклонница красоты, достигла впослѣдствіи до идеи о красотѣ духовной; великія, вѣчно-памятныя имена блестятъ въ лѣтописяхъ ея славы; но никогда ничего похожаго на семью не знавала Грецiя. Пусть назовутъ хоть одну; а Трояне, по мнѣнію великихъ критиковъ, должны быть Грекамъ сродни. О буквенная ученость!

Падающая Троя является въ сумракѣ древности, какъ послѣдній поэтическій образъ семейнаго быта, гибнувшаго передъ дружиннымъ насиліемъ. Въ ней слышенъ духъ кроткаго восточнаго Ирана.

Въ самомъ Гомерѣ, поющемъ торжество Эллады, часто плачетъ сердце, увлеченное невольною любовью. Нѣтъ сомнѣнія, что не даромъ блистала Троя въ сосѣдствѣ съ Іоніею. Ея нравы и бытовое просвѣщеніе должны были смягчить суровость мало-азійскихъ Эллиновъ. Многое въ Иліадѣ обличаетъ знакомство съ миѳами, принадлежащими славянскому міру. Свѣтловласый Аполлонъ, стрѣлометатель, благодѣтель міра, никогда не являлся съ такимъ величіемъ у другихъ поэтовъ Греціи. Можно угадать близость Троады и Ликіи отъ родины Гомера. Даже имя его Беленъ было извѣстно по темному преданію; но оно приняло форму элленскую (придыханіе) и придано вдохновенному жрецу, любимцу Аполлона. Еще разительнѣе миѳъ о поясѣ Венеры. Его чудная сила часто *) воспѣвается въ Иліадѣ; но въ описаніи его есть (не смотря на истинную красоту и дѣтское поклоненіе критиковъ) затѣйливость и натянутая иносказательность, совершенно чуждыя первобытной поэзіи и еще болѣе первобытной миѳологіи. Тутъ явно былъ миѳъ, но онъ забытъ и замѣненъ произвольнымъ остроуміемъ. Этотъ поясъ былъ нѣкогда богинею-Радугою, живымъ поясомъ великой *Пріи-Лаймы* (то же, что *Пріа-Лакими* у индустанскихъ Вишнуитовъ), богини Сѣвера, о которой и теперь еще помнятъ западные Славяне *). Ирида вытѣснила Радугу; но память о чудномъ поясѣ сохранилась, и простодушіе древняго миѳа скрылось въ затѣяхъ поэтической фантазіи.

Съ паденіемъ Трои, около XII-ти вѣковъ до Р. Х., расторгся союзъ Вендовъ мало-азійскихъ. Они были истреблены или поглощены мало-по-малу напоромъ другихъ народовъ, Долѣе всѣхъ сопротивлялась Ликія, но и та переполнилась чуждыми стихіями и мало сохранила характера первобытнаго. Быть можетъ, странный обычай называть сына не по имени отца, а по имени матери (нигдѣ, впрочемъ, не встрѣчаемый у Славянъ) остался свидѣтельствомъ о важности женщины въ древней славянской общинѣ и объясняетъ, почему такъ часто другіе народы олицетворяли племя бактрійское въ видѣ царицы (*Томирисъ*, *Семирамида*, *Царина* и др.) или Амазонки.

Мы уже сказали, что одни только Славяне имѣютъ свои преданія о владычествѣ женщинъ. *Власта* и *Любуша* чешскихъ сказокъ, царьдѣвица и разъѣзжая дѣвица русскихъ сказокъ совершенно самобытны.

Но Ликія въ позднѣйшее время также погибла безъ слѣдовъ, оставивъ только память о себѣ въ рѣзныхъ гробницахъ, да въ Эзопѣ, рабѣ-поэтѣ, полномъ мудрости бытовой и отзвуковъ дальняго Востока *). Переселеніе Вановъ ассирійскихъ имѣло, вѣроятно, большее вліяніе на Сѣверъ, гдѣ многіе миѳы, быть можетъ, перенесенные ими, срослись съ народною вѣрою, но все еще указываютъ на колыбель свою, междурѣчіе Тигра и Евфрата (таково, между прочимъ, поклоненіе пѣтуху, изображеніе бога войны). Величіе Трои отозвалось во всѣ семьи западныхъ Славянъ, гордившихся родствомъ съ нею, а паденіе ея перекинуло колонію бѣглецовъ къ берегамъ Тибра, гдѣ они выстроили Бѣлый городъ *(Альба Лонга)* и зародили будущій Римъ.

Послѣ побѣды надъ вендскими семьями, эллинскіе колонисты заняли ихъ прекрасную область, поморье Архипелага, и положили начало новому просвѣщенію, которое добромъ и зломъ отозвалось во всей послѣдующей исторіи человѣчества. Варварскіе народы, одичавшія семьи западнаго Ирана и колоніи кушитскія, изгладили слѣды славянскихъ поселеній на южномъ прибережьѣ Евксина; но это завоеваніе осталось безплоднымъ, и развѣ въ позднѣйшее время нѣкоторое родство племенное отозвалось въ союзѣ при-донскихъ Скиѳовъ (Славянъ) съ царствомъ Митридата понтійскаго. Не такова была встрѣча благородной семьи эллинской съ представителями восточнаго Ирана, принесшими съ собою начала кроткаго человѣческаго быта и человѣческаго чувства и стремленіе къ просвѣщенію, но принесшими въ то же время и сказочное человѣкообразіе въ вѣрѣ и сѣмена разврата, полученныя ими въ областяхъ при-евфратскихъ. На той землѣ, гдѣ Эллины встрѣтились въ восточными пришельцами, зачалась будущая Эллада. Уже давно съ Юга проникли въ нее начала религіи кушитской, то темной и заклинательной, то буйновещественной, то художественной и строительной; давно съ Востока былъ приливъ огнепоклонства и духовности (олицетворенныхъ особенно въ миѳахъ о Персеѣ и его темносвѣтломъ конѣ и о ерсеевомъ потомкѣ Ираклѣ); давно отъ Ѳракіи и пѣвучихъ береговъ славянскаго Гебра и Стримона звуки поэзіи (въ Орфеѣ и Линѣ) стали пробуждать дремлющую искру словесныхъ искусствъ въ груди воинственныхъ народовъ Греціи: полное ея развитіе, стройное, могучее, плодотворное началось въ незавоеванныхъ ею странахъ, на западномъ берегу Малой Азіи. Подъ вѣчно-яснымъ небомъ Іоніи Гомеръ или Гомериды возвели сказку и преданіе до величія эпоса; въ Милетѣ родились философія и исторія.

Споръ о Гомерѣ и Гомеридахъ давно уже рѣшенъ внутреннимъ сознаніемъ художниковъ. Для нихъ явно единство духа въ Иліадѣ, явно въ Одиссеѣ, хотя тождество сочинителей обѣихъ поэмъ весьма и весьма сомнительно. Трудно, даже невозможно, чтобы пѣвецъ Иліады не сказалъ въ Одиссеѣ хоть слово любви о герояхъ своей бурной молодости; трудно, чтобы онъ не оглянулся на великіе образы, начертанные имъ въ дикомъ Ахиллѣ, типѣ Греціи до ея умственнаго просвѣтлѣнія, или въ чудномъ сынѣ Пріама, которому въ позднѣйшее время такъ живо сочувствовалъ рыцарскій Западъ Европы. Каждая изъ этихъ поэмъ очевидно создана въ полнотѣ своей однимъ творцомъ. Рапсоды много измѣнили, много исказили. Крохоборной критикѣ не удастся, къ несчастію, возстановить древняго подлинника; но онъ живетъ и высится въ душѣ поэтически настроеннаго читателя.

Никто изъ ученыхъ не замѣтилъ *) обстоятельства, достойнаго замѣчанія: включенія Скиѳа Анахарсиса въ число греческихъ мудрецовъ. Ни одинъ народъ, кромѣ Скиѳовъ, не далъ представителя своего въ греческую нравственную науку. Конечно, эта случайность, точно такая же, какъ основаніе главныхъ святилищъ богу-просвѣтителю (Аполлону) гиперборейцами, какъ ѳракійское происхожденіе Орфея, какъ ликійская родина Эзопа, или путешествіе Скиѳа Абариса *) на золотой стрѣлѣ, данной Аполлономъ, или развитіе греческаго искусства въ Малой Азіи, въ земляхъ полу-венедскихъ. Не мѣшаетъ тоже замѣтить, что древнѣйшая эллинская философія, школа Ѳалеса, низвела высшій символъ восточнаго Ирана на степень перваго космогоническаго начала или главнаго философскаго, полумистическаго символа.

Вліяніе Египта и Финикіи на Грецію, Критъ и Ѳивы.

Около того времени, какъ падало царство вано-ассиріское и вліяніе Ирана на Африку *) прекращено было возстаніемъ новой династіи, основанной въ древнихъ Ѳивахъ, пробужденныя силы племенъ кушитскихъ стали дѣйствовать на юго-восточную Европу. Почти въ одно время колонія съ береговъ Нила пристала къ Пелопонесу и выходцы изъ Финикіи принесли въ Беотію и на юго-западные берега свое просвѣщеніе, свою религію и свою полугласовую письменность. Еще прежде отозвалось ихъ вліяніе въ горномъ Критѣ, принадлежащемъ по своему населенію однимъ и тѣмъ же началамъ съ Элладою; но въ скоромъ времени мѣстное племя, принявъ въ себя южное просвѣщеніе, освободилось отъ чужеземнаго ига и распространило свою власть на берега Эллады, вступая въ частыя и счастливыя борьбы съ туземцами и съ колоніями Финикіи. Первые шаги Кушитовъ обозначились художественно-строительнымъ направленіемъ, смѣлыми трудами гидравлики, темными обрядами пещерныхъ таинствъ и введеніемъ вещественно-символической религіи. Быть можетъ, еще грознѣе, кровожаднѣе и таинственнѣе была религія критскихъ выходцевъ; но въ то же время въ ней болѣе было склонности къ человѣкообразію, развившемуся въ позднѣйшее время отъ сказочнаго характера сѣверныхъ религій, и болѣе было стремленій къ началу духовному и просвѣтлѣнію мысли. Финикія во многомъ запечатлѣла слѣдъ свой въ Критѣ, въ преданіи о лабиринтѣ замѣтно нѣкоторое вліяніе Египта; но еще сильнѣе и важнѣе сродство критянъ съ жителями Малой Азіи, иранцами, принявшими въ глубокой древности кушитское искаженіе, но не вполнѣ забывшими духовное начало Ирана, несмотря на свирѣпость вѣры, слѣдствіе упорной борьбы, и на вкравшееся поклоненіе органической природѣ. Не въ Критѣ зародилась Эллада, но что-то похожее на духъ ея будущаго развитія вылетѣло съ Дедаломъ изъ темнаго плѣна критскаго лабиринта *).

Изъ областей греческихъ первая выступаетъ на историческое поприще Веотія. Много сказаній передано намъ древними писателями о Пелопонесѣ, Аттикѣ и Ѳессаліи; но средоточіе древней миѳической исторіи было въ Ѳивахъ, городѣ, получившемъ свое начало и имя отъ чистыхъ Кушитовъ Египта, перешедшемъ впослѣдствіи въ руки финикійскихъ колонистовъ и основавшемъ свое раннее значеніе на синкретизмѣ вѣры, на вещественномъ образованіи и на большой строгости государственнаго устройства.

Преданія о Ѳивахъ соединяютъ въ себѣ память о великихъ зданіяхъ, о крѣпостяхъ, о стройной жизни, объ искусствахъ въ ихъ низшемъ, вещественномъ значеніи и о царяхъ, носящихъ на себѣ полужреческій характеръ Востока, а не патріархальный характеръ другихъ греческихъ царей. Лаій и Эдипъ не то, что Тезей или Кодръ. Въ нихъ виденъ не *анаксъ*, а *тираннось*. Исторія Ѳивъ до сихъ поръ не совсѣмъ понята въ наукѣ.

Вліяніе Ѳивъ было весьма сильно; изъ нихъ истекла большая часть чисто-кушитскихъ стремленій въ Элладѣ; около нихъ движется вся лѣтопись ея сказочныхъ временъ отъ Кадма до Тезея, съ которымъ начинается новая эра жизни. Побѣда Тезея надъ Ѳивами, какъ его же побѣда надъ Минотавромъ, опредѣляетъ освобожденіе Греціи отъ египто-финикійскаго міра и отъ перевѣса предпріимчивыхъ критянъ. Имъ открываются историческіе вѣка эллинской самостоятельности и кончается исключительное преобладаніе южной стихіи, воплотившейся въ Ѳивахъ.

Колонія финикійская (*Кадмъ*) не основала веотійской столицы, но заняла городъ, уже основанный Египтянами и носящій имя кушитскаго бога (*Шива*, перешедшее въ *т* съ придыханіемъ и соотвѣтствующее по самимъ Эллинамъ имени Юпитера: *Ѳивы-Діосполисъ* *); Финикійцы же основали крѣпость, извѣстную подъ именемъ Кадмеи, основали твердое государство и возвысили политическое значеніе города. Названія городскихъ воротъ указывали даже и въ позднѣйшее время на свое восточное происхожденіе, между прочимъ имя воротъ *Онки* никогда не было измѣнено Эллинами.

Онка, богиня сирійскаго поморья, едва ли не та самая, которая впослѣдствіи смѣшалась въ одно цѣлое съ *Нейѳъ* египетскою и названа была Эллинами *Аѳиною Тритонійскою*. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Минервы этрусской, кажется, можно разобрать слово *Онка*. Съ другой стороны, также Минерва представляется съ дельфиномъ на щитѣ и этимъ напоминаетъ *Деркето* финикійскую. Очевидно, что многобожіе составилось изъ разнообразныхъ изображеній и символовъ двухъ полярныхъ силъ, мужской и женской, а позднѣйшее невѣжество приняло всякое изображеніе и имя за нѣчто отдѣльное и божественное. Потомъ эти отдѣльныя божества снова слились одно съ другимъ въ эпоху устроенія синкретизма и чиноположенія народныхъ пантеоновъ. Безполезно бы было слѣдить за ходомъ кушитскихъ религій; но должно замѣтить, что вездѣ онѣ сопровождались борьбою между поклонниками силы мужской, живительной, и женской, воспріемлющей. Это же самое можно отчасти замѣтить въ миѳѣ о Тирезіѣ, рѣшающемъ споръ между Юпитеромъ и Герою; но Греція склонилась въ пользу болѣе духовнаго, мужского начала, и темная казуистика съ эллинскимъ воззрѣніемъ на этотъ вопросъ отзывается въ тяжбѣ между истцомъ—*Эринніями* и отвѣтчикомъ—*Орестомъ*.

Пелазги и Эллины.

Не безплодную пустыню нашли южные колонисты въ странѣ веотійской. Главное населеніе Эллады состояло изъ Пелазговъ, семьи западно-иранской; но имена многихъ мѣстностей, преданія о приходѣ сѣверныхъ семей на югъ и разсказы о движеніи племенъ, не принадлежащихъ къ Пелазгамъ и предшествовавшихъ эллинскому нашествію, заставляютъ думать, что между Пелазгами уже жили колонисты ѳракійскіе, принадлежащіе восточно-иранской вѣтви народовъ.

Съ ними соединяются сказки о *Вакхѣ*, сынѣ *Семелы* (земля), о Семелѣ ѳеотійской, богинѣ земли, и другія тому подобныя. Должно замѣтить, что Персефона (иначе Просерпина) принадлежитъ тѣмъ же земледѣльческимъ полу-сказкамъ, полу-загадкамъ и что она представляетъ то пшеницу (*Просерпина*—прозябающая), то самую землю и въ этомъ смыслѣ называется матерью Вакха аѳинскаго *). Должно строго отличать сказочнаго Вакха (вино) отъ Вакха-Діонизоса чисто-космогоническаго. Послѣдній принадлежитъ одной и той же системѣ съ Эрміемъ, а первый относится къ системѣ Ареса и Аполлона, враговъ Эрмія. Колонисты восточно-иранскіе далеко проникали на югъ Эллады, и древнѣйшее до-эллинское поклоненіе Аполлону-Ликію, названіе Геликонъ и пр. относятся къ нимъ.

Сильное броженіе племенъ началось во всѣхъ приморскихъ областяхъ греческихъ отъ встрѣчи туземцевъ съ ихъ южными просвѣтителями. Нестройная борьба и кочевая жизнь обозначила пробужденіе испуганныхъ Пелазговъ и ихъ мирныхъ сосѣдей, сѣверныхъ переселенцевъ. Впрочемъ Финикійцы и Критяне вообще поступали жесточе, чѣмъ Египтяне, и встрѣчали большее сопротивленіе. Аѳины, принявшія имя свое отъ саисской богини, никогда не поминали зломъ своихъ основателей. По всей вѣроятности земля уже была заселена выходцами изъ Ѳракіи, водопоклонниками; они, какъ видно изъ спора Посейдона съ Аѳиною, мирно уступили первенство просвѣщеннѣйшимъ Кушитамъ, поклонникамъ *Нейѳъ* и *Ѳѳа (Аѳины* и *Ифеста)*, и тѣ кротко пользовались мирно пріобрѣтенными правами. Поклоненіе женскому началу преобладало въ Аттикѣ. Его первенство выражается уничиженіемъ Ифеста и его грубою, презрѣнною любовью къ Аѳинѣ. Критяне впослѣдствіи поработили Аттику*); но не долго продолжалось ихъ свирѣпое владычество. Между тѣмъ начало полнаго синкретизма религіознаго приготовлялось смѣшеніемъ племенъ. Сѣверный Вакхъ и эпирскій Ираклъ завоевали себѣ мѣсто въ Олимпѣ веотійскомъ. Изгнанныя съ юга семьи выжимали сѣверныя семьи изъ Ѳессаліи, и сѣверныя снова завоевывали себѣ мѣсто на югѣ; но для гармоніи, для единства и для жизни народной недоставало одного первенствующаго племени.

Около XVI-го столѣтія до Р. Х. поднялась воинственная семья Эллиновъ. Она по всѣмъ сказаніямъ была въ сродствѣ съ сѣверными ѳракійскими семьями. Съ сѣвера шли они на южную Грецію, были поклонниками Аполлона (отъ этого назывался онъ *Патроосъ*), принадлежали къ племени бѣлокурому, не имѣли далекихъ и отдѣльныхъ преданій, точно такъ же какъ и особаго характера религіознаго. У нихъ не было искони средоточія, изъ котораго истекали бы ихъ переселенія, или бытоваго единства, которое свидѣтельствовало бы объ единствѣ кореннаго начала. Все въ ихъ первоначальномъ появленіи, въ ихъ завоевательномъ движеніи и въ ихъ почти вездѣ двойственныхъ сказаніяхъ, указываетъ на племя пограничное и мѣщаное. Собственныя жилища, въ которыхъ мы позднѣе находимъ одноименную съ ними семью Гелловъ (или Селловъ), точно такъ же какъ область, изъ которой тронулись завоеватели, по сказаніямъ ихъ же лѣтописцевъ, — сѣверная Ѳессалія, составляла границу, на которой встрѣчалось восточное вендское племя съ западно-иранскими Пелазгами. Обѣ стихіи соединились въ эллинской семьѣ. Пограничная жизнь придала имъ воинственность; сильное броженіе южной Греціи пробудило ихъ дѣятельность; вліяніе иноземное и послѣдовавшій за нимъ союзъ доставили имъ повсемѣстное торжество.

Лице Геллена, мнимаго колѣноначальника, исчезаетъ передъ здравою критикою. Имя народа останется всегда загадочнымъ.

Быть можетъ, въ немъ есть нѣкоторое сродство съ прозвищемъ Аполлона у Славянъ, *Беленъ*, по эллинскому придыханію *Геленъ*; и тогда *Патроосъ* относилось бы къ патронимическому имени, что довольно вѣроятно.

Сильнѣе выдаются лица отца его *Девкаліона* и его родоначальника *Прометея.* Это имя рѣшительно обозначаетъ иранское начало, въ смыслѣ племенномъ и религіозномъ (по характеру духовному, возстанію противъ законовъ необходимости и мессіаническимъ обѣщаніямъ). Впрочемъ имя Прометея не объясняетъ вполнѣ родины Эллиновъ, хотя указываетъ на горныя западно-азійскія страны и даже, кажется, не имѣетъ никакаго прямого отношенія къ ихъ родовому началу. Имя его внука, *Амфиктіона*, имѣетъ большую опредѣлительность историческую, по его значенію въ послѣдовавшемъ союзѣ Эллады.

Съ самаго начала семья Эллиновъ является раздѣленною на нѣсколько отраслей, но ихъ всѣхъ можно соединить подъ великими именами—западныхъ, *Дорійцевъ*, отличавшихся дикою воинственностію и создавшихъ силу Лакедемона, и восточныхъ, *Іонійцевъ*, принявшихъ уже начала человѣческаго просвѣщенія и основавшихъ всю лучшую, художественную и духовную славу Эллады. Другія отрасли представляютъ только большее или меньшее уклоненіе отъ этихъ двухъ рѣзкихъ характеровъ. Прибытіе иноземной дружины, къ которой примкнули Эллины, положило основаніе союзу.

Свидѣтельство о томъ, что Амфиктіонъ привелъ съ собою Куретовъ и Лелеговъ *), принадлежитъ довольно позднимъ писателямъ; но поздніе весьма часто черпали изъ древнѣйшихъ или изъ сказаній народныхъ, и ихъ показанія не должны быть отвергнуты, когда они согласуются съ общностію историческаго развитія.

Соединенныя силы племени двинулись къ югу. Была мѣстная борьба, былъ въ иныхъ мѣстахъ удачный отпоръ, но вообще торжество было полное. Съ этимъ торжествомъ начинается Эллада, но Эллада не просвѣтленная, а только готовящаяся къ просвѣтленію.

Союзъ эллинскихъ народовъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ формъ. Взаимныя ихъ обязанности не были ясно обозначены; не было общаго суда или собранія ихъ представителей. По крайней мѣрѣ ничего подобнаго не находимъ въ вѣкахъ историческихъ. Союзъ существовалъ только въ сознаніи единства племеннаго, въ тождествѣ вѣры, которая впрочемъ была уже не что иное, какъ безсмысленный синкретизмъ, и въ единствѣ политическихъ выгодъ. Судъ Амфиктіоновъ, который безспорно имѣлъ въ своемъ основаніи болѣе государственное значеніе, не долго сохранялъ свою важность. Онъ существуетъ болѣе какъ многозначительное преданіе объ условномъ и правильномъ союзѣ, чѣмъ какъ фактъ историческій. Самобытная жизнь отдѣльныхъ областей скоро изгладила всѣ слѣды обще-государственнаго устройства. Эллины остались связанными между собою только слабымъ союзомъ кровнаго братства, который встрѣчаемъ мы въ позднѣйшее время у при-балтійскихъ Славянъ въ ихъ борьбѣ съ Германіей, или у американскихъ туземцевъ въ ихъ войнахъ противъ англійскихъ колонистовъ. Такая разъединенность способствовала, можетъ быть, умственному развитію народовъ эллинскихъ, но не могла дать Элладѣ долгаго владычества надъ иноземными племенами. Впрочемъ должно признать, что чувство кровнаго родства сильнѣе связываетъ между собою семьи завоевательныя, чѣмъ осѣдлыя и мирныя. Злыя страсти въ душѣ человѣческой ведутъ къ мудрости житейской и государственной (въ ея вещественномъ значеніи) скорѣе, чѣмъ добрыя. Побѣдители становятся надъ побѣжденными, какъ существа высшія предъ низшими, и цѣлый народъ принимаетъ характеръ аристократіи, сомкнутой въ одно цѣлое чувствомъ глубокаго презрѣнія ко всему инокровному и гордаго поклоненія самой себѣ. Оттого-то Эллины признавали въ мірѣ только одно раздѣленіе на Эллиновъ и варваровъ; оттого-то они соединялись легко и скоро для отпора чужеземцамъ или для мщенія за общую обиду. Впрочемъ, такое чувство кровнаго и естественнаго превосходства предъ всѣми другими племенами, противное разуму и человѣчеству, даетъ народу чудныя силы для достиженія высокихъ цѣлей и украшаетъ его блескомъ ложнаго величія, хотя оно въ то же время искажаетъ его внутреннюю природу.

Въ этомъ ходѣ мысли и страсти заключается значеніе германскихъ племенъ и ихъ историческое всемірное величіе; но простота человѣческая выше всякаго случайнаго напряженія, возбужденнаго гордыми и своекорыстными страстями; въ ней одной живетъ возможность развитія безконечнаго. Грецiя, принявшая всесильное Христіанство, погибла отъ того же начала, которому обязана была своимъ древнимъ величіемъ. Византіецъ не могъ вырваться изъ тѣсныхъ оковъ своей мѣстной гордости и освободиться отъ гибельнаго наслѣдства Эллады и Рима. Правый судъ совершился надъ Византіею.

Веотія, издавна принявшая государственныя формы, стала мало-по-малу упадать, по мѣрѣ укрѣпленія другихъ греческихъ областей. Пелопонесъ получилъ новыя силы и новую жизнь отъ прилива стихіи мало-азійской, принесшей съ собою богатства и образованность. Домъ танталовъ, изъ семьи западно-иранской, по своему племенному началу не совсѣмъ чуждой Эллинамъ и Пелазгамъ, но получившій уже отъ кушитскаго и ассирійскаго міра высшее просвѣщеніе, переселился въ Арголиду и далъ ей временный перевѣсъ надъ всѣми сосѣдями. Темная и кровожадная вѣра, возникшая изъ борьбы Кушитовъ и Иранцевъ, положила свою печать на потомковъ Пелопса. Въ нихъ слышны отзывы Сиріи и Финикіи и горныхъ племенъ мало-азійскихъ. Солнце Эллады отступало, глядя на ихъ мерзостные пиры. Но съ другой стороны, народы юго-западной Азіи, развращенные вѣковыми войнами и смѣшеніемъ съ Кушитами, далеко превосходили своихъ одичавшихъ европейскихъ братій во всѣхъ отрасляхъ вещественнаго знанія, въ искусствахъ и въ навыкѣ къ государственному быту. Ѳивы померкли предъ Аргосомъ, но еще выдержали одну успѣшную борьбу въ войнѣ о наслѣдствѣ Эдипа. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ имъ аттическими Іонійцами. Впрочемъ оба нападенія на Ѳивы носятъ на себѣ характеръ двоякій: суда всего племени надъ отдѣльною семьею и спора между двумя народными стихіями.

По всѣмъ примѣтамъ Веотія была еще не вполнѣ эллинизована, но принята въ союзъ Эллиновъ, не осилившихъ ея первоначальнаго сопротивленія.

Тезей въ отрасли іонійской представляетъ лицо почти столько же важное, какъ Иракль въ отрасли дорійской, но имѣетъ характеръ гораздо болѣе историческій. Мы уже сказали, что его вѣкъ есть вѣкъ освобожденія отъ напора сѣвернаго и отъ преобладанія Ѳивъ; съ нимъ связываются уже споры Аттики съ Пелопонесомъ и стремленіе Іонійцевъ къ равенству съ ихъ дорійскою братьею *). Аѳины, мирно принявшія южное просвѣщеніе, приняли безъ сопротивленія эллинское населеніе, и родъ древнихъ царей (змѣеногаго Кекропса) замѣняется новымъ, болѣе воинственнымъ. Впрочемъ вмѣстѣ съ Эллинами входятъ въ Аттику и ѳракійскія семьи, хлѣбопашественныя, съ которыми отчасти связаны таинства элевзинскія *) и, можетъ быть, самый бытъ страны, менѣе дикой, чѣмъ вся остальная Эллада, и болѣе склонной принять словесное просвѣщеніе и сказочную поэзію полу-вендскаго берега Малой Азіи.

Внутренній характеръ эллинской жизни. Религія Эллиновъ.

Эллада основана дружиною, и вся ея исторія, все ея законодательство запечатлѣны этимъ кореннымъ началомъ. Ея высшее таинство, высшій и чистѣйшій символъ ея единства были не въ храмѣ, не въ судѣ, не въ совѣтѣ, но въ воинственныхъ играхъ. Первобытный характеръ Эллиновъ обличается весь въ святынѣ олимпійскихъ боговъ.

Объ нихъ много писано, и археологи немало рылись въ благородной пыли древняго ристалища, одного не отрыли—значенія самыхъ игръ. Они, кажется, и не видятъ, что онѣ нигдѣ не существовали кромѣ Эллады, и что это что-нибудь да значитъ.

Дружинное устройство замѣтно во всѣхъ эллинскихъ областяхъ; но оно болѣе преобладаетъ въ области дорійской, чѣмъ въ Іонійцахъ, отъ того ли что Іонійцы приняли большую смѣсь чисто-славянскихъ, т. е. ѳракійскихъ и малоазійскихъ стихій, или отъ того, что они поселились въ странѣ, уже населенной народами образованными (Аттикѣ и Іоніи). Развитіе религіознаго начала, искаженнаго синкретизмомъ въ самой основѣ своей, происходило безсмысленно и безпорядочно. Космогонія не имѣла никакого притязанія на объясненіе міровой загадки. *Ураносъ* и *Кроносъ* (быть можетъ, пространство и время, если только можно дать какой-нибудь смыслъ миѳамъ, утратившимъ свое первобытное значеніе) уступаютъ свое мѣсто человѣкообразному Зевсу, въ которомъ олицетворяется не воля разумная, но произволъ человѣческій. Впрочемъ самъ Зевесъ, владыка видимаго міра, подчиненъ другому, высшему закону необходимости. Такимъ образомъ кушитское поклоненіе легло въ основу эллинской религіи, и отсутствіе религіозной поэзіи въ поэтической Элладѣ объясняется само по себѣ. Молитва была заклинаніемъ и ничѣмъ инымъ быть не могла.

Это доказывается словами Аякса въ Иліадѣ. Онъ говоритъ: «молитесь тихо, чтобы Трояне не подслушали и не переняли вашей молитвы». Душевнаго голоса, изливающагося въ духовной молитвѣ, Эллада не знала *).

По всей вѣроятности, первоначальный союзъ былъ связанъ единствомъ религіознымъ. Амфиктіоны, главы его, утратили со временемъ всю свою политическую важность и сохранили значеніе свое только какъ судьи по дѣламъ храмовъ и ихъ собственности. Священныя войны, начавшіяся по приговору древняго судилища, обличаютъ первобытную основу, скоро потерявшую важность свою передъ губительнымъ вліяніемъ синкретизма. Но самыя составныя части эллинскаго синкретизма были таковы, что онъ не могъ сохранить мыслительной глубины синкретизма индустанскаго. Кушитство было уже не чистое, ибо оно распространилось въ Греціи послѣ предварительной борьбы и смѣшенія въ Финикіи, Сиріи и самомъ Египтѣ. Иранство, выражающееся отчасти въ Персеѣ и рѣзко высказывающееся въ кавказскомъ Прометеѣ, пророкѣ свободы человѣческой и нравственнаго закона, имѣющаго восторжествовать надъ смѣсью необходимости и произвола, олицетвореннаго въ эллинскомъ Олимпѣ, проникло весьма слабо въ Элладу. Главная же стихія религіи было уже Иранство, искаженное въ сказочное человѣкообразіе и принесенное изъ Ѳракіи и изъ земель славянскихъ. Изъ его смѣшенія съ искаженнымъ Кушитствомъ составился пантеонъ Греціи, въ которомъ художество пластическое (Куша) и сказочный характеръ славянскихъ народовъ развилъ начало поэзіи во всѣхъ ея формахъ, словесныхъ и вещественныхъ.

Трудно и почти невозможно отдѣлить первобытные миѳы Эллиновъ отъ прививныхъ, полученныхъ ими съ Юга. Одно только не подвергается сомнѣнію: это то, что *Эрмій*, *Вулканъ*, *Діонизосъ*, *Ира* и особенно *Аѳина* (истинная владычица позднѣйшей Эллады) *) не принадлежали вѣрѣ первыхъ выходцевъ Илліріи и Ѳессаліи. *Аполлонъ*, *Діана*, *Аресъ*, *Океанъ* были божествами Сѣвера и первыми предметами поклоненія воинственныхъ пришельцевъ. Всѣ они были вытѣснены началомъ южнымъ, точно такъ же какъ и грамотность сѣверная была вытѣснена южною, оставивъ только слабые слѣды въ сходствѣ съ буквами Ликіи и Этруріи и въ направленіи письменъ слѣва направо.—*Афродита* и *Зевсъ* принадлежали равно ѳракійскому и южному началу, хотя Афродита болѣе Зевса сохранила свои первоначальныя примѣты. Водопоклоненіе положило печать свою на всѣ стихіи, происходящія отъ Сѣвера. Правда, что южный Посейдонъ изгналъ древнѣйшую форму—Океана *); но лицо Океана высится надъ миѳами первобытными и обнимаетъ ихъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ. Самъ Зевесъ по своему сѣверному началу находится въ какой-то зависимости отъ Океана *). Аполлонъ и Діана (солнце и мѣсяцъ, дѣти *Лѣта*, т.-е. года) родятся на островѣ; Венера выходитъ изъ морской волны. Миѳологія первобытная, не воскресимая въ своихъ подробностяхъ, возстаетъ въ своемъ общемъ объемѣ: это поклоненіе *Дію*, богу всемирному, живущему въ небесахъ, владыкѣ всѣхъ стихій, прообразуемому особенно водою, и *Діонѣ-Афродитѣ*, его дочери подругѣ, поклоненіе *Аполлону*, *Белену* великому, котораго главный символъ солнце, и *Діанѣ* трехцарственной, изображаемой луною, наконецъ, *Океану* всеводному, отцу рѣкъ и морей.

Аполлонъ есть очевидно не высшій богъ, но посредникъ и хранитель міра. Онъ соотвѣтствуетъ *Митрѣ*, *Тору*, второму *Велу* (Ваалу) и несправедливо отдѣленъ отъ *Геліоса* (отъ корня *велій*, такъ же какъ и Велъ), который, какъ солнце, былъ его эмблемою. *Діана* трехцарственная была также божествомъ первостепеннымъ, хотя никогда не оспаривала первенства у бога всемірнаго. Ея значеніе, какъ богини подземной, находится въ самой ея эмблемѣ (лунѣ), не только по измѣнчивости свѣтила, но по его двурогой формѣ. Это обстоятельство, до сихъ поръ непонятое ни древними, ни новыми критиками, объясняется вполнѣ памятниками ликійскими. Гробницы вершатся рогами быка (не мѣсяца, ибо видны уши и клокъ шерсти между роговъ). Съ другой стороны, на храмахъ часто представляется бой льва съ быкомъ. Символъ ясенъ. Левъ, начало небесное, пожираетъ быка, эмблему земного. Трофей — рога, оставшіеся отъ побѣжденнаго быка, обозначаетъ побѣду небеснаго и истребленію земного вещества. Вотъ одна изъ причинъ, почему Діана должна быть тождественною съ Гекатою, и вотъ смыслъ, до сихъ поръ незамѣченный, быка въ религіяхъ иранскихъ. Въ немъ соединены покорность и безсмысліе всего вещественнаго, чисто-земного, и его смерть есть во всякомъ случаѣ торжество духа. Глубокая мудрость древняго Ирана еще слышится въ искаженныхъ вѣрованіяхъ позднѣйшаго времени; но она уже переплелась съ веселою, дѣтскою сказкою и утратила смыслъ свой для отупѣвшихъ народовъ. Истинная же колыбель сказочнаго міра есть область славянская, и всѣ миѳы чисто-эллинскіе носятъ ея характеръ. Такъ въ Вакхѣ, сынѣ *Дія* и *Семелы* (земли) *), видѣли мы загадку Вендовъ-винодѣлателей; такъ въ разсказѣ о *Ніобѣ* видимъ такую же сказку о небѣ (по произношенію нѣкоторыхъ славянскихъ семей ніобо) и о множествѣ дѣтей его—звѣздъ: пронзенныя стрѣлами солнца и мѣсяца, т.-е. пригвожденныя къ мѣсту, онѣ лишились свободнаго, отдѣльнаго движенія — жизни, и мать, наказанная за гордость, льетъ потоки дождей и слезы росы.

Такова древняя религія сѣверныхъ пришельцевъ-Эллиновъ. Она средоточится, въ отношеніи къ миѳу, около славяно-иранскаго *Аполлона*, *Белена* прародительскаго *(патроосъ)*, великаго *(ликіосъ)* или веліяго *(геліосъ)*, бога пѣсенъ и врага змѣи *(пиѳіосъ)*, а въ отношеніи въ внѣшнему обряду и къ общественному союзу—около древняго храма Аполлона у подножія горы великой (Геликонъ). Вотъ истинный слѣдъ первобытной Эллады.

Едва ли слово *Дельфы* не имѣетъ одного корня съ словомъ *адельфосъ* и не значитъ братовщина. Прибавимъ, что, несмотря на сказочность, религія Аполлона чисто-иранская. Съ нею вѣроятно связывалось въ древности сказаніе о Персеѣ. По крайней мѣрѣ общая у нихъ принадлежность—крылатый *Пегазъ* (отъ *пѣгой*), темно-свѣтлый конь, эмблема видимаго міра, раздѣленнаго между днемъ и ночью, и невидимаго, раздѣленнаго между зломъ и добромъ. Этотъ миѳъ принадлежалъ безъ сомнѣнія Вендамъ ликійскимъ, у которыхъ два города носятъ названіе *Пегаза* (или Педаза), *Фегазгердъ* (Пегазградъ*)). Какъ принадлежность бога пѣсенъ, не имѣетъ ли онъ чего общаго съ общимъ началомъ всѣхъ русскихъ сказокъ: «начинается сказка отъ сивка отъ бурка и проч.»; «поднимается конь выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго?» и т. д. Это введеніе въ сказку весьма загадочно и явно кроетъ свой источникъ въ мірѣ до христіанскомъ.

Не надолго уцѣлѣло вѣрованіе, принесенное Эллинами изъ своей родины. Критскій *Зевсъ*, перородокъ изъ Шивы кушитскаго, скоро слился съ высшимъ богомъ *Діемъ; Аѳина* (*Нейфъ* египетская, *Онка* сирійская) откинула на вторую степень Аполлона, покровителя предковъ; великая мать, *Кивела* мало - азійская, *Ира*, *Эрмій*, *Ифестъ* и другія божества, которыя никогда не имѣли поклонниковъ на Сѣверѣ и даже по сказаніямъ о рожденіи принадлежатъ исключительно Югу, составили новый безчисленный Олимпъ. Наконецъ Кушитство высказалось вполнѣ въ Діонизосѣ, котораго миѳы слились съ чуждыми ему сказками о ѳракійскомъ Вакхѣ. Синкретизмъ образовался во всей своей полнотѣ. Космогоническое ученіе, нравственный и философскій миѳъ, астрономическая сказка, преданіе, затѣйливая загадка, все смѣшалось и перепуталось. Древнее, кажется, чистое и духовное вѣрованіе Пелазга, глубокомысленное, но вещественное ученіе Кушитовъ, человѣкообразная, младенческая религія Славянъ слились въ одно. Начало кушитское торжествовало (ибо оно одно только терпитъ смѣшеніе), строго исключительный характеръ Ирана погибъ. Необходимость, не выраженная уже ясно символомъ органической двойственности, но скрывшаяся въ безсмысленномъ имени Судьбы *(ананке)*, проникла собою весь міръ надземный и весь міръ земной. Идея мудрости стройной, гармонической и вещественной въ лицѣ Аѳины сдѣлалась главнымъ божествомъ, покровителемъ Греціи, вмѣсто змѣегонителя Аполлона, носившаго на челѣ своемъ свѣтозарный вѣнецъ мудрости духовной и словесной.

Этотъ характеръ Аполлона замѣтенъ еще въ Гомерѣ. Въ немъ даръ пророчества, въ немъ красота почти безтѣлесная и какой-то блескъ нравственной свободы. Отъ того-то и остался онъ всегда богомъ-прорицателемъ по преимуществу.

Но среди побѣды Кушитовъ голосъ Ирана продолжалъ еще будить сердца человѣческія къ высокой и небесной цѣли. Напрасно пророкъ прикованъ къ Кавказу Зевсомъ, Ифестомъ и Эрміемъ: съ своей дальней скалы указываетъ онъ на ихъ будущую гибель и будущее торжество свободы. Древній богъ, котораго главнымъ символомъ для восточно-иранскихъ народовъ была вода, пошлетъ свою дочь *(Метэ)*, и отъ нея родится освободитель.

Океанъ связанъ съ пророчествомъ о паденіи Зевса тѣмъ, что *Метэ* и *Ѳетида* — обѣ Океаниды. Уловки Зевса или, лучше сказать, развязки, придуманныя его жрецами, показываютъ только существованіе и неотвязчивость пророческаго голоса. Явны преданія мессіаническія, и темное чувство, что боги, временно властвующіе надъ міромъ, не благіе боги.

Очевидно, сказаніе о Прометеѣ и его угрозахъ не принадлежали народу; они существовали только для лучшихъ, для избранныхъ людей. Народъ жилъ весело и беззаботно, въ дружбѣ съ ласковою природою и съ сказочнымъ Олимпомъ. Благородная душа Эллина не была воспитана какъ душа Индустанца, въ великой борьбѣ двухъ чистыхъ, самостоятельныхъ началъ, философскаго умствованія, создавшаго себѣ религію изъ необходимости, и духовнаго преданія, живущаго вѣрою въ свободную волю. Стремленіе чисто-мыслительное развилось позднѣе и бѣднѣе въ Элладѣ, чѣмъ въ Индустанѣ; но за то сказочное начало, принятое отъ ванскаго Сѣвера облеклось въ Элладѣ въ образы болѣе стройные и изящные. Сказка пришла въ органическое соприкосновеніе съ пластическимъ художествомъ на берегахъ Юмны и Маганадди, такъ же какъ и на прибережьѣ Эгейскаго моря; но безпокойная мысль, вѣчно возвращающаяся къ собственнымъ тайнамъ, не допустила свободнаго развитія искусствъ въ Индіи. Младенчески безпечная религія, гордость человѣческая Элаина-завоевателя и полная свобода личности были доступнѣе къ искусству. Отъ свободно-затѣйливой сказки перешли жизнь и движеніе въ художество пластическое; отъ пластическаго художества перешли стройность и красота въ своевольную сказку. Дедалъ-строитель прилетаетъ съ Юга*). Орфей, Линъ и Музей приносятъ пѣснь свою отъ границъ Ѳракіи. Апполонъ-вдохновитель и Аѳина-хранительница мѣры и уряда—царствуетъ надъ Элладою, и искусство во всѣхъ своихъ отросляхъ достигаетъ крайней степени образной красоты.

Амфіонъ могъ бы быть представленъ какъ доказательство нѣсколько духовнаго направленія художества даже въ кушитской стихіи; но это было бы грубою ошибкою. Одна только извѣстная черта его способностей, какъ виртуоза*), есть построеніе ѳивскихъ стѣнъ. Это только идеалъ стройности и лада, перенесенный въ вещественный міръ, что-то похожее на китайскаго Фо-ги и на египетскаго Таута, но нисколько ни похожее на словесное музыкальное искусство. Свободно, безъ цѣли, льются пѣсни Орфея: звѣри сбѣгаются, волны рѣчныя стихаютъ, слезы текутъ изъ холоднаго камня. Это свободный духъ, спѣвающійся съ живою природою. Такихъ разницъ не должно упускать изъ виду. Кушитъ по своему началу безмолвенъ; даръ слова принадлежитъ одному Ирану, хранителю духовнаго преданія.

Должно еще замѣтить, что свобода личности сильно дѣйствовала на развитіе художествъ: отъ того Доріецъ, болѣе скованный условіями государственной формы, уступалъ Іонійцу во всемъ, кромѣ зодчества. Это исключеніе понятно изъ всего предыдущаго.

Гомеръ открываетъ собою истинную жизнь Эллады около 1000 лѣтъ до Р. X., хотя ея историческіе вѣка начинаются четырьмя вѣками ранѣе, а общая условная эра наступаетъ позже. Отъ Гомера, т.-е. отъ его вѣка, развивается идея красоты, которою дышитъ вся греческая исторія и которая, переходя мало-по-малу въ идею красоты духовной и согрѣваясь жизнью Востока, создала наконецъ Платона и Аристотеля, эти два прекрасные вѣнца умирающей Эллады.

Безсмысленной и младенческой религіи соотвѣтствовала безсмысленная и младенческая дѣятельность общественная. Великія проявленія во всемъ, кромѣ искусства, были невозможны, при отсутствіи великихъ двигателей. Глубокомысленныя таинства Ирана и Куша наслѣдовались на границахъ Эллады, но не пробуждали въ ней жизни разумной. Чудная энергія страстей и воли, восторгъ воинственнаго разгула кипѣли внутри Эллады; но, лишенныя постояннаго направленія, они не создавали и не могли создать ничего цѣльнаго и полнаго. Область мѣшала развитію другой области, личность останавливала развитіе государственности; не было ни нравственной цѣли, покоряющей душу, ни общаго эгоизма, покоряющаго землю. Частныя ссоры народныхъ семей, частныя предпріятія удальцовъ, выселяющихся изъ родины въ неизвѣстную даль: такова исторія Греціи. Ея колоніями мало-по-малу покрываются всѣ берега Эгейскаго моря и Евксина; Сицилія подпадаетъ ея власти; южная Италія покрывается ея городами; Ѳракійцы отступаютъ мало-по-малу къ сѣверу, единовластіе надъ морями отнимается у Финикійцевъ. Ассирія узнаетъ имя и мужество греческихъ пиратовъ; народы, вытѣсненные изъ своихъ жилищъ (Сикулы, Пелазги, Тиренцы и т. д.) переносятъ на Западъ новыя стихіи племенныя и мысленныя; Африка и даже Галлія принимаютъ сѣмена просвѣщенія. Но Эллада, такъ сильно дѣйствуя на міръ и такъ много дѣлая для его будущихъ судебъ, не въ силахъ сдѣлать ничего для себя самой.

Политическая жизнь Греціи. Эра Олимпіадъ.

Внутренняя ея исторія ничтожна. Поочередно упали Ѳивы, Аргосъ, Микены и другіе города, временно первенствовавшіе. Дорійцы, живѣе понявшіе потребность общественнаго единства, взяли верхъ надъ Іонійцами. Спарта, укрѣпленная Ираклидами, заняла первое мѣсто между Дорійцами. Наконецъ, Эллины, никогда ни забывавшіе своего кровнаго единства, несмотря на безпрестанныя междуусобицы, приняли въ началѣ VIII столѣтія до Р. Х. общую народную эру, какъ символъ общей народной жизни.

Эта эра, живо выражающая дружинный и воинственный характеръ, эра, о которой почти нельзя говорить безъ смѣха (такъ много въ ней младенчески простодушнаго), относится, кажется, къ 776 году до Р. Х. Въ этотъ достославный годъ Хорэвъ элейскій побилъ, обѣжалъ и всячески осрамилъ своихъ соперниковъ на играхъ олимпійскихъ.

Въ то же время, какъ учреждалась общая эра или внѣшній символъ единства племеннаго, отдѣльныя семьи почувствовали потребность внутренняго государственнаго устройства. Начинаются, особенно въ вѣтви дорійской, законодательства, подчиняющія свободу частной воли общественной необходимости; области мужаютъ и крѣпнутъ. Но Элладѣ не суждено было предупредить державство Рима. Вражда городовъ уничтожала ихъ силы; къ тому же Эллинъ любилъ войну для ея удальства, побѣду для славы и самую славу для какого-то гордаго чванства. Ему недоставали начало семейное, умиряющее и укрѣпляющее душу, и стремленіе къ положительной пользѣ, на которомъ основывается государственный эгоизмъ.

Что воинственность Грековъ была основана на удальствѣ, а не на страсти къ завоеванію, доказывается тѣмъ, что они готовы были драться какъ наемники за всѣхъ и за все.

Египетъ послѣ освобожденія отъ Гиксосовъ. Эпоха его величія и завоеваній.

Шире и величественнѣе была дѣятельность Египта. Освободивши отечество отъ тяжелаго гнета чужеземныхъ стихій и укрѣпивши его на самобытныхъ началахъ, 18-я династія, Ѳивская, скоро переступила границы, отдѣлявшія ее отъ Азіи и отъ земель полу-иранскихъ. Еще предшественники ея (17-я династія), спасавшіе на югѣ обычаи и преданія кушитскіе отъ насилія сѣверныхъ Гиксосовъ, распространили власть свою въ Нубіи и вѣроятно достигли самаго сердца Африки. Цари-пастыри были изгнаны. Египетъ сталъ болѣе и болѣе возвышаться могуществомъ и силою. Въ Израильтянахъ преслѣдовалъ онъ послѣдній остатокъ ненавистныхъ пришельцевъ и присудилъ ихъ искать спасенія въ пустынѣ. Первые цари 18-ой династіи возвысили славу своей державы и поставили ее на первую степень между государствами современными. Огромныя водохранилища обезпечили Египетъ отъ засухи, такъ же какъ и отъ излишнихъ наводненій. Великолѣпные дворцы, громадные храмы замѣнили прежніе памятники, уничтоженные пришельцами; живопись и ваянія *) достигли совершенства, въ которомъ уступаютъ только позднѣйшей Элладѣ. Тутмозисъ, Менефта и первые Рамезесы распространили власть свою далеко на Сѣверо-востокъ. Наконецъ, Рамезесъ III Сезострисъ проникъ еще далѣе и сосредоточилъ въ себѣ всю славу Египта. Позднѣйшіе историки или сказочники не могли примирить преданій о его побѣдахъ съ современными ему сказаніями другихъ народовъ и выдумали Сезостриса древнѣйшаго *), точно такъ же какъ восточные народы выдумали древняго Александра, покорившаго весь міръ. Здравая наука отвергаетъ одинаково перваго Сезостриса и перваго Александра. Выдумка же сама объясняется славою обоихъ завоевателей, которымъ поэзія приписала небывалыя торжества, смутившія младенческую критику позднѣйшихъ вѣковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Рамезесъ III не завоевалъ ни Ѳригіи ни Индіи, хотя эти завоеванія и были ему приписаны тщеславіемъ египетскихъ лѣтописцевъ; вѣроятно даже онъ не проникалъ и до Бактріи, хотя и можно предположить такой набѣгъ при временной слабости при-евфратскихъ державъ; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что гроза его оружія доходила до береговъ Евксина.

Показанія китайскихъ лѣтописей, будто бы около 15-ти вѣковъ до Р. Х. западныя государства присылали просить помощи противъ какихъ-то утѣснителей, сочтено было за свидѣтельство о походѣ Сезостриса на Бактрію. Такой выводъ похожъ болѣе на шутку, чѣмъ на дѣло. Никто изъ писателей, говорившихъ о Вавилонѣ и Ниневіи, не слыхалъ, чтобы когда-нибуть эти страны были завоеваны египтянами *), а безъ этого трудно понять возможность завоеванія восточно-иранскихъ земель. Все, что можно предположить, это мгновенный налетъ, не оставившій по себѣ глубокихъ воспоминаній. Что же касается до Индіи, то должно допустить возможность морского похода; но и въ такомъ случаѣ, судя по памятникамъ, кажется, преданіе смѣшало Рамезеса III съ позднѣйшимъ Рамезесомъ Меямуномъ.

Показаніе Геродота о столбахъ Сезостриса *) можетъ до нѣкоторой степени еще подвергнуться насмѣшкамъ ученыхъ нашего времени; но въ его сужденіяхъ о жителяхъ Колхиды столько здравомыслія и наблюдательности, что отвергать его значило бы быть совершенно чуждымъ первымъ началамъ исторической науки. — Основаніе колоніи на берегахъ Евксина пришельцами изъ Египта доказано съ совершенною ясностію, и самыя черты нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ подтверждаютъ вполнѣ показаніе древняго лѣтописателя. Слава Рамезеса III, какъ завоевателя, и его побѣды въ странахъ, населенныхъ народами семитическими, не подвержены сомнѣнію. Цѣль же колоніи, брошенной имъ такъ далеко отъ предѣловъ государства своего, объясняется долгою борьбою Кушитовъ противъ Сако-Гетовъ. Когда Ассирійцы изгнали своихъ прежнихъ властителей и принудили ихъ удалиться на западъ въ горы Арменіи и къ приморью Евксина, выселенцы встрѣтились снова съ торжественнымъ шествіемъ Рамезеса. Завоеватель, побѣдивъ древнихъ и упорныхъ враговъ, оставилъ въ Колхидѣ часть своего войска для утвержденія новой власти. Его побѣды, его колоніи и движеніе, данное имъ народамъ южнымъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, разрушили навсегда власть Вановъ на юго-восточной оконечности Евксина. Они уже болѣе не возставали въ прежней силѣ. Два вѣка послѣ него погибла великая ихъ колонія, Троя, и всѣ поселенія по берегамъ Эгейскаго моря. Память объ нихъ исчезла, и только имена Хвалисовъ (Халибсъ), Гуна и Сака въ земляхъ Понтійскихъ остались какъ живыя свидѣтельства прежняго забытаго владычества.

Эпоха Рамезеса-Сезостриса, время чуднаго цвѣтенія и блеска для державы принильской, время ея зодческой поэзіи, не могла быть продолжительною. Другія силы властвовали въ мірѣ, и мгновенное напряженіе кушитскаго государства не долго могло оспаривать побѣду у иранскаго начала.

Истинная побѣда Куша была въ искаженіи Ирана, несмотря на торжество вещественное. Страна между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ свергла власть Египта; колоніи сѣверныя были отрѣзаны отъ отечества, и при пятомъ преемникѣ Сезостриса сѣверо-восточный народъ, кажется, снова вторгся въ нильскую долину. Рамезесъ-Меямунъ, основатель 19-й династіи (хотя прямой потомокъ Рамезеса III), сперва принужденный искать убѣжища на югѣ, потомъ возмужавшій въ древней колыбели египетской силы, изгналъ пришельцевъ. Достойный преемникъ великаго предка, съ которымъ его смѣшивало преданіе, онъ уже не довольствовался торжествами на сушѣ. Быть можетъ, отпоръ народовъ сѣверныхъ положилъ преграды его завоеваніямъ; быть можетъ, видя усиленіе Финикіи, онъ почувствовалъ важность владычества надъ морями. Какъ бы то ни было, изъ сказаній и отчасти изъ памятниковъ, кажется, видно, что главныя его предпріятія были обращены противъ странъ приморскихъ. Въ разсказѣ Тацита, въ которомъ едва ли не смѣшаны Сезострисъ и Меямунъ, приписывается Рамезесу покореніе обоихъ береговъ Малой Азіи, т.-е. сѣвернаго и южнаго, также и Ливіи. Власть надъ Средиземнымъ моремъ и униженіе Финикіи, кажется, не удовлетворили еще его властолюбія. Гроза его оружія достигла до дальнихъ береговъ Индустана*), нѣкогда дружественнаго Египту, но враждебнаго ему послѣ завоеванія Вишнуитами. Покореніе Индустана было невозможно; владѣніе прибрежьемъ Средиземнаго моря было непродолжительно. Внутреннія безпокойства потребовали возвращенія Меямуна въ отечество. Преемники его утратили всѣ области, покоренныя имъ; но отъ его царствованія остались глубокіе слѣды на сѣверѣ. По крайней мѣрѣ, сказаніе о переселеніи Даная въ Пелопонезъ совпадаетъ съ эпохою Меямуна, и основаніе колоній въ Элладѣ египтянами, посланными Рамезесомъ IV или бѣжавшими отъ него по морскимъ путямъ, которые онъ открылъ Египту, весьма вѣроятно.

Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Данай представляетъ древнѣйшую колонію, переселившуюся съ береговъ Нила въ страну Пелазговъ. Очевидно, основаніе Ѳивъ и даже переселеніе Кекропса гораздо древнѣе и относятся къ эпохѣ, забытой самими египтянами.

Паденіе египетской державы. Разложеніе египетской религіи.

Недолговѣчно было величіе ѳивской державы. Усиленіе другихъ племенъ стѣснило ее съ востока. Финикія снова овладѣла моремъ, своимъ давнишнимъ достояніемъ, которое было впослѣдствіи похищено у нея Элладою и Римомъ. Египетъ началъ склоняться къ паденію. Цари, начальники касты военной, были принуждены уступить престолъ жрецамъ, соединившимъ въ себѣ власти свѣтскую и духовную. Воспествіе на престолъ 22-й династіи и побѣды Шешонка, овладѣвшаго Іерусалимомъ около 950 лѣтъ до Р. Х. (по согласному показанію писанія израильскаго и памятниковъ египетскихъ), перенесенiе столицы на сѣверъ въ Танисъ, Саисъ или Себеннитъ, старанiе соединить въ одномъ родѣ первосвященство и царскiй вѣнецъ, ничто не могло воскресить силы дряхлѣющаго государства. Народы южные ополчились на своихъ побѣдителей, и Эѳiопiя, нѣкогда данница Египта, въ свою очередь завоевала его. Первый изъ фараоновъ эѳiопскихъ, *Сабаконъ* и сынъ его *Севъ* или *Севекотеръ* *), которыхъ имена явно связаны съ священнымъ именемъ кушитскаго божества (*Шеба* или *Шева*), и внукъ Сабакона *Тахраха* *), союзникъ святого царя Эзекiи противъ ассирiйскаго *Саннахериба*, царствовали со славою. Скромность надписей, оставленныхъ ими на памятникахъ, священный санъ ихъ и человѣколюбiе, доказанное отмѣною смертной казни, даютъ намъ темное понятiе о нравахъ страны, которой лѣтописи исчезли. Это указанiе совершенно согласно съ прозвищемъ праведныхъ, не разъ даннымъ жителямъ Эѳiопiи. Вдали отъ враждебнаго столкновенiя съ Ираномъ, родина Кушитовъ оставалась безсильною и неоплодотворенною духомъ, но неожесточенною и вѣрною кроткому началу человѣчества.

Въ позднѣйшiе вѣка борьба съ Аравiей, съ народами внутренней Африки и съ Римомъ придала свирѣпость нравамъ, но не пробудила энергiи. Тогда уже наступило время сѣвернаго владычества и торжества иранскихъ семей.

Гиксосы-завоеватели были прокляты, Сабаконъ и его преемники упоминаются съ похвалою. Такова сила племенного и духовнаго родства.

Начало 26-ой саитской династiи замѣчательно по имени перваго фараона *Стефинатисъ* *). Звукъ этотъ такъ живо напоминаетъ Грецiю, что вниманiе останавливается на немъ невольно. Такое сходство могло бы быть совершенно случайнымъ, но исторiя династiи доказываетъ противное. Одинъ изъ первыхъ преемниковъ Стефината, *Псамметихъ*, призываетъ Эллиновъ - Iонiйцевъ, даетъ имъ земли, плату, права и для нихъ утѣсняетъ своихъ подданныхъ, наслѣдственную касту воиновъ, которая отчасти оставляетъ отечество и удаляется къ истокамъ Нила. Предпослѣдній царь той же династіи, *Амазисъ*, отдаетъ грекамъ городъ Навкратисъ, позволяетъ строеніе Элленіума и самъ вноситъ огромный вкладъ тысячи талантовъ въ храмъ Аполлона дельфійскаго. Умирающій Египетъ отказывается отъ своей народности: онъ чувствуетъ, что время его миновалось. Греція, будущая его владѣтельница, уже внесла свои художественныя начала, свои торговыя стихіи и свое человѣкообразіе религіозное въ землю Сезостриса Великаго. То, что сдѣлано Псаммитихомъ въ большомъ видѣ и съ государственнымъ расчетомъ, началось вѣроятно прежде него безъ расчета и безъ цѣли, отъ силы самыхъ обстоятельствъ. Египетъ давно уже радушно принималъ Грецію съ ея сказками, съ ея веселымъ бытомъ и военною предпріимчивостію. Имя фараона Стефинатисъ едва ли не носитъ на себѣ характеръ эллинизаціи самой жизни въ Египтѣ и особенно въ его сѣверныхъ областяхъ.

Вѣроятно уже слава эллинскаго мужества на сушѣ и на морѣ была велика, вѣроятно оно испытано было Египтянами, также какъ оно было извѣстно Ассирійцамъ, и Псамметихъ надѣялся имѣть въ нихъ не только храбрыхъ наемниковъ, но и надежныхъ союзниковъ противъ враждебныхъ Финикіянъ. Расчетъ казался вѣрнымъ; но введеніе чуждой стихіи ускорило внутреннее дряхлѣніе государства, а надежда на наемныя войска убила всю воинственность народа. Побѣда Нехао надъ царемъ іудейскимъ, взятіе Іерусалима, завоеваніе Кипра, морскія торжества Апріеса надъ Финикіею, блаженство Египта при Амазисѣ, ничто не могло спасти умирающую державу. Вавилонъ нанесъ ей предсмертный ударъ въ пораженіи Нехао Навуходоносоромъ на берегахъ Евфрата; дикая сила Персіи, развившаяся внезапно изъ самыхъ нѣдръ Ирана, сокрушила навсегда кушитское царство въ концѣ VI столѣтія до Р. Х. Египетъ палъ и болѣе не возставалъ. Рабъ закона вещественнаго, поклонникъ вещественной мудрости, угадавъ издревле многія тайны ея, онъ передъ своимъ окончательнымъ паденіемъ еще разъ блистательною услугою наукѣ показалъ, какъ многое могло быть извѣстнымъ, что̀ впослѣдствіи было забыто и воскрешено развѣ черезъ тысячелѣтія. Корабли, посланные фараономъ Нехао, обогнули мысъ Доброй Надежды и протекли путь, котораго вторичное открытіе увѣнчало вѣчной славой Васко-де-Гаму и предпріимчивость королей португальскихъ.

Лагиды-Эллины и Аравитяне-Фатимиды и кавказскіе Мамелюки и много другихъ основывали впослѣдствіи самостоятельныя царства въ Египтѣ; но это была только земля египетская, а царствовали постоянно племя иранское и иранская мысль.

Послѣдняя эпоха религіозной исторіи египетской есть безспорно эпоха синкретизма; но его зародыши принадлежали глубокой древности, вѣкамъ, предшествовавшимъ нашествію или владычеству Гиксосовъ. Самое это владычество было приготовлено радушнымъ пріемомъ чуждыхъ стихій въ Египтѣ и основаніемъ на берегахъ Нила, особенно около приморья, колоній азіатскихъ. По крайней мѣрѣ, сказаніе объ Гиксосахъ даетъ скорѣе понятіе о завладѣніи, чѣмъ о завоеваніи. Во всякомъ случаѣ можно считать слѣдующія положенія неопровержимыми: что Гиксосы были близки къ семьѣ Эвера по племенному и духовному началу, что они были поклонниками Тифона, т.-е. иранскаго божества, но что это поклоненіе уже было искажено борьбою съ Кушитами и приняло характеръ кровожадности, также какъ во всей Палестинѣ, Финикіи и Сиріи; наконецъ, что это поклоненіе не осталось безъ вліянія на Египетъ.

Это доказывается тѣмъ*), что три свѣчи продолжали горѣть въ честь Тифона, даже послѣ побѣды ѳивской династіи, вмѣсто трехъ человѣкъ, ежедневно приносимыхъ въ жертву ему Гиксосами.

Иранское божество было признано какъ враждебное. Оно, какъ свободно-духовное, презирающее жизнь вещественную, было въ прямомъ противорѣчіи съ божествомъ кушитскимъ, соединяющимъ въ себѣ идею жизни и органической полярности. Разница воззрѣнія философскаго и религіознаго, вслѣдствіе вражды племенъ, приняла, какъ уже сказано, характеръ вражды между богами. Введеніе Тифона въ кругъ миѳологіи кушитской измѣнило ея общій смыслъ. Первоначальное божество, олицетворенное понятіе о міровой стройности, не имѣло никакого нравственнаго значенія. Въ немъ содержалась возможность добра и зла случайнаго (феноменальнаго). Шива индустанскій сохранилъ этотъ характеръ; но въ Египтѣ онъ распался отъ соприкосновенія съ Ираномъ на два проявленія, независимыя другъ отъ друга: на добраго Озириса и злого Тифона, на живителя и убійцу. Какъ скоро такое раздѣленіе было принято, духъ, враждующій противъ вещества и жизни, утратилъ свой нравственно-духовный смыслъ и сдѣлался представителемъ зла вообще. Вещественный богъ, покровитель жизни, принялъ въ себя характеръ нравственной благости.

Такое послѣдствіе было необходимо, какъ скоро духъ являлся врагомъ вещества вообще, а не вещества, во сколько оно было духовно; а мысль иранская, переходя въ область кушитскую, не могла сохранить своего высокаго первоначальнаго смысла о грѣхопаденіи и возмущеніи жизни міровой противъ творческой воли и нравственнаго закона.

Введеніе нравственнаго начала въ ученіе кушитское уже было не только зародышемъ синкретизма, но полнымъ синкретизмомъ, требующимъ дальнѣйшаго развитія. Иранскія религіи точно также приняли въ себя начало кушитское и раздѣлили божество на органическіе полюсы. Таково начало человѣкообразія въ вѣрѣ сказочнаго неба Вендовъ и Эллиновъ, Вишнуизма индустанскаго и другихъ. Не оставалось, повидимому, ни иранскаго ни кушитскаго ученія, хотя по общему направленію религіи, по характеру молитвъ, по большему или меньшему развитію слова и другимъ признакамъ можно было опредѣлить во всякомъ отдѣльномъ народѣ, какое именно было его первоначальное вѣрованіе. Бой казался равнымъ, и оба ученія примирялись въ какой-то средней, духовно-вещественной системѣ; но дѣйствительно торжествовало ученіе кушитское. Иранское, основанное на преданіи, на поклоненіи свободной волѣ и творческому духу, не могло принимать въ себя никакихъ стихій чуждыхъ, не искажаясь вполнѣ, не могло подчиниться ни произволу страстей и воображенія, ни строгому закону логическаго развитія, отправляющагося отъ аналогіи съ видимымъ міромъ, не теряя мгновенно всего своего значенія. Ученіе кушитское могло принимать въ себя всѣ начала, ибо они всѣ покорялись одному первоначальному, — необходимости, всѣ основывались на томъ же, на чемъ и первобытное кушитство,—на произволѣ страсти и развитіи логическомъ. Всякій шагъ къ исторіи человѣчества былъ дѣйствительно шагомъ къ торжеству начала южнаго, принятаго племенемъ Хамидовъ, и видимое торжество племени иранскаго оставалось постоянно безплоднымъ.

Ученіе Кушитовъ не было въ прямомъ смыслѣ нравственнымъ; но нравственность человѣческая сохраняла свои права, спасаясь въ темномъ поняніи о гармоніи всемірной. Примѣсь иранства къ нему не очистила, не улучшила его, не дала добру твердой основы, которой въ немъ недоставало; но она по крайней мѣрѣ отдѣлила съ большею рѣзкостью міръ добра отъ міра зла въ ихъ видимомъ проявленіи, т.-е. въ отношеніи людей другъ къ другу. Быть можетъ, она удерживала стремленіе человѣчества къ конечному своему искаженію; но съ другой стороны, она лишала религію, т.-е. высшую сферу человѣческой мысли, всякаго опредѣлительнаго начала. Она удаляла равно и строгость логическую, и чистоту духовнаго созерцанія и замѣняла ихъ грубымъ произволомъ воображенія. Такъ Египетъ мало-по-малу втягивалъ въ себя стихію сказочнаго человѣкообразія, и эпоха до персидскаго нашествія носила на себѣ характеръ эллинскій, не смотря на то, что смѣшеніе съ Эллинами было еще ничтожно.

Въ смыслѣ нравственномъ, чистое кушитство выше религій человѣкообразныхъ. Оно носитъ въ себѣ, высказанное или невысказанное, начало Буддаизма. Пусть міръ управляется математическими законами необходимости. Что мнѣ до него? Я становлюсь противъ міра съ гордымъ сознаніемъ своей духовной свободы и храню ее, я презираю рабствующій міръ и радуюсь своему самоуничтоженію, избавляющему меня отъ оковъ міра, или въ стройности міровой вижу безсознательное подраженіе стройности моей самосознающейся воли. Въ религіяхъ человѣкообразныхъ божество, міръ и человѣкъ, лишенные всякаго закона и преданные своему произволу, утрачиваютъ все свое достоинство, и нравственный законъ унижается до безсмысленнаго произвола. Человѣкъ лишается той гордости, которая становила его выше боговъ. За всѣмъ тѣмъ это паденіе неизбѣжно. Человѣчество не можетъ довольствоваться голымъ философскимъ закономъ; ибо самый этотъ законъ, возведенный до своего источника, исчезаетъ опять въ положеніи произвольномъ о необходимости и въ вопросѣ: что такое необходимость въ самосущемъ? Необходимость имѣетъ дѣйствительно смыслъ отрицательный, и, какъ весьма справедливо сказалъ Гегель, содержитъ въ себѣ необходимость самоотрицанія. Оттого-то никакой синкретизмъ не могъ изъ себя возсоздать чистаго религіознаго начала. Логика не допускаетъ возврата къ ученію необходимости; а возвратъ къ поклоненію творческой свободѣ еще невозможнѣе. Оно требуетъ вѣры, а вѣра требуетъ преданія.

Впрочемъ, нельзя предполагать въ синкретизмѣ Египта полнаго тождества съ греческимъ, не только въ подробностяхъ, но и въ общемъ объемѣ. Для народа религія была вещественнѣе и грубѣе, для высшихъ классовъ она была гораздо выше и разумнѣе. Память о символизмѣ и отвлеченныхъ значеніяхъ символовъ не совсѣмъ утратилась; но она затемнилась, и въ этомъ отношеніи вѣкъ Амазиса столько же ниже Рамезеса, сколько вѣкъ Рамезеса былъ ниже эпохи до-гиксосской. Ко времени нашествія Персіанъ все было перемѣшано: символъ, обратившійся въ фетишъ, сказка, вошедшая въ религіозный миѳъ, полярность кушитская, духовность иранская, человѣкообразіе, система эманацій, древнее поклоненіе змѣѣ и привитая вражда противъ змѣи.

Изобрѣтеніе змѣи *Апофиса*, съ которой борются боги и человѣки, есть самое явное доказательство синкретизма и его древности въ Египтѣ.

Египетъ потерялъ вѣру въ своихъ боговъ и въ себя. Онъ кланялся Аполлону и нанималъ эллинскую дружину. Но за всѣмъ тѣмъ, онъ никогда не могъ истинно ни усвоить чужого начала, ни утратить вполнѣ свой коренной характеръ. Замѣчательно то, что соединеніе власти жреческой съ царскою произошло во время упадка религіознаго. Жрецы стали домогаться престола тогда только, когда они перестали уважать свой санъ и безусловно вѣрить въ свою мудрость. Внутреннее паденіе духовное совершилось прежде паденія государственнаго; но изъ Египта еще послѣ его порабощенія вышло много началъ мысли, много высокихъ духовныхъ явленій, которыя остались незабвенными для человѣчества, съ трудомъ высвободившагося отъ ихъ вліянія. Таковы многія изъ эманаціонныхъ системъ, весь гностицизмъ, рядъ эоновъ, замѣнившихъ лѣстницу тріадъ, параллелизмъ бога и его силъ, неоплатонизмъ.

Противоположеніе божественнаго начала и мудрости явно связано съ двойственностью Шивы и его женской эманаціи, Озириса и Изиды и пр. Это тѣ же силы,—дѣйствующая и воспринимающая, которыхъ сочетаніе создаетъ міръ; но философія дала другія названія и другіе образы мыслямъ, нѣкогда облеченнымъ въ простые вещественные символы. Знаніе же дѣйствительно не подвинулось ни на шагъ и подвинуться не могло, покуда оно ставило міръ въ необходимомъ отношеніи къ Богу, т.-е. дѣлало его необходимостью для Бога. Нѣмецкая философія въ нашъ вѣкъ часто впадаетъ въ ту же ложную систему.

Финикія. Ея мореплаваніе. Религіозный характеръ Финикіи.

Съ сѣвера примыкала къ Египту по прибрежью Средиземнаго моря другая страна, которой внутренняя исторія довольно ничтожна, но которой вліяніе на судьбу народовъ неисчислимо. Это Финикія. Составъ ея, какъ уже сказано, былъ двоякій: изъ иранскаго начала, не чуждаго прикавказской Иверіи, и кушитскаго. Смѣшеніе стихій составило собственно финикійскую характеристику. Униженіе Египта во время порабощенія Гиксосами, преобладаніе Сѣвера и торговая дѣятельность вано-ассирійскаго царства способствовали къ распространенію торговой жизни финикійскаго поморья. Завоеваніе Индустана сѣвернымъ народомъ и вообще усиленіе Ирана дало Тиру большее значеніе, чѣмъ Сидону. Впрочемъ торговля Египта по Индійскому океану должна была естественно перейти въ руки Финикіянъ, какъ скоро дружественныя сношенія Индіи съ Африкою были прекращены нашествіемъ Вишнуитовъ на Деканъ. Дѣйствительно, около конца второго тысячелѣтія Тиръ и Сидонъ овладѣли южною торговлею съ Офиромъ, точно такъ же какъ и торговлею средиземною. Побѣды Рамезеса III и временное усиленіе Египта при 18-ой династіи перервали не надолго постоянное усиленіе Финикійцевъ. Морскіе походы Меямуна должны были нанести имъ ударъ гораздо сильнѣйшій, но Египетъ не долго владѣлъ морями. Флоты вооруженные ничтожны безъ торговли, а торговыя связи, основанныя союзомъ финикійскимъ, никогда не могли перейти насиліемъ въ руки фараоновъ. Для этого нужно было преданіе о старомъ родствѣ или старыя привычки, или наконецъ колоніи. Всего этого не было у Египтянъ, и по этому временное торжество Меямуна не оставило за собою глубокихъ слѣдовъ. Прекращеніе или уменьшеніе торговли ванскаго племени, изгнаннаго изъ Ассиріи и разрѣзаннаго нашествіемъ Кельто-Кумрійцевъ въ междурѣчіе Волги и Дона, должно было еще увеличить значеніе Финикіи, и наконецъ основаніе великой царственной колоніи на сѣверныхъ берегахъ Африки обозначило полное цвѣтеніе древней морской державы. Карѳагенъ, будущій соперннкъ Рима, перенесъ къ предѣламъ Ливіи вѣру, обычаи и весь бытъ Тира. Скоро поравнялся онъ богатствомъ съ своею родиною и превзошелъ ее государственными силами. Въ религію и духовное развитіе человѣка непринесъ онъ ничего новаго, въ просвѣщеніи и наукѣ остался едва ли не ниже сирійскаго поморья. Впрочемъ онъ укоренилъ въ племенахъ, его окружающихъ, всю кровожадность и развратъ, принесенные имъ изъ юго-западной Азіи, и долго еще послѣ его паденія желѣзная воля Рима не могла отмѣнить человѣческихъ жертвоприношеній на развалинахъ Карѳагена. Вліяніе сирійскаго богопоклоненія съ его свирѣпыми обрядами распространилось далеко по Западу Европы, и едва ли ни ему обязана была Галлія ужаснымъ служеніемъ Тевтатесу, которое не отзывается ни въ одномъ изъ сѣверныхъ кельтскихъ племенъ. Вообще много великихъ явленій предпріимчивости и силы духа ознаменовало дѣятельность Финикіянъ, но ни одно отрадное и человѣческое воспоминаніе не связано съ лѣтописью ихъ десятивѣковой славы. Тайны ихъ знанія погибли съ ними; ихъ смѣлая торговля не бросила никуда благихъ сѣмянъ любви и просвѣщенія, и земли, посѣщенныя ими, остались такими же безплодными, какъ волны океановъ, которыя они бороздили отъ самыхъ береговъ Индіи до зеленаго Эрина и вѣроятно до самой Америки.

По крайней мѣрѣ, нельзя не замѣтить на памятникахъ новаго материка много изображеній, напоминающихъ семитическіе очерки, и въ миѳахъ объ островахъ на озерѣ Мексиканскомъ разительнаго сходства съ миѳомъ объ островѣ, на которомъ основанъ Тиръ.

Величайшее развитіе финикійскаго мореплаванія относится къ концу второго и къ первой половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х. Въ это время вѣроятно возникли хвастливыя сказанія о побѣдахъ Посейдона беритскаго надъ Зевсомъ Тамирасомъ, отцомъ Мелькарта (или Мелехъ-Картла), очевидно, богомъ сѣвернымъ, и Діонизосомъ, богомъ Аравіи и Юга вообще *). Въ это время основана большая часть великихъ колоній, и Тиръ, всегда сохранявшій память о сѣверномъ своемъ происхожденіи въ противуположность южному Сидону, далъ Карѳагену имя *), котораго первая половина содержитъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, прозвище иберскаго бога (карталинскій).

Писатели, принадлежащіе къ глубокой древности, но жители Африки и пользовавшіеся мѣстными свѣдѣніями, переводятъ имя *Карѳаго* весью Сатурна. Критики полагали найти слово весь или городъ въ первомъ слогѣ. Какіе бы ни были на это этимологическіе доводы, аналогія со всѣми другими подобными именами заставляетъ искать имя Сатурна въ первомъ, а слово весь во второмъ слогѣ. Что же касается до тождества *Сатурна*, *Геракла*, *Тифона* съ общимъ древнимъ богомъ иранскимъ, оно уже показано, и слѣдуетъ замѣтить, что *Мелехъ-Картлъ* или *Мелькартъ* или сокращенно *Картлъ* соотвѣтствуетъ имъ вполнѣ.

Но уже въ первой половинѣ втораго тысячелѣтія явились на средиземныхъ водахъ соперники, которые должны были сперва похитить у Финикіи все морское единодержавіе, а потомъ уничтожить ея самобытное существованіе. Эллины (и особенно ихъ эолійская вѣтвь) раскинули свои колоніи по всѣмъ островамъ около Греціи и Италіи и доходили до самой Испаніи. Тирренцы-Этруски въ то же время стѣснили торговлю Финикіи съ Сѣвера. Послѣ долгой, кровавой и безуспѣшной борьбы Финикіяне отказались отъ большей половины Средиземнаго моря и сохранили только владычество надъ его западными и южными берегами. Въ VII столѣтіи великій замыселъ фараона Нехао, основанный вѣроятно на стародавнихъ преданіяхъ, исполненъ былъ пловцами Финикіи съ успѣхомъ невѣроятнымъ и съ безстрашіемъ, которое едва понятно для новѣйшихъ вѣковъ.

Три года безпрестаннаго плаванія прибережнаго черезъ зной экватора, черезъ вѣчныя бури мыса Доброй Надежды, безъ компаса, въ мелкихъ судахъ, по морямъ незнаемымъ, къ цѣли неизвѣстной и почти баснословной: нельзя повѣрить, и смѣшно не вѣрить! Простодушное невѣріе Геродота *) тому, чтобы кто-нибудь могъ видѣть солнце на сѣверѣ и обѣщаніе Сатаспеса Ксерксу повторить то же самое путешествіе служатъ доказательствами неоспоримыми. Нехао могъ употреблять корабли финикійскіе вѣроятно потому, что Тиръ видѣлъ въ немъ опору противъ грозы, возникающей для всей Палестины на берегахъ Евфрата. Но Египетъ не спасъ своихъ союзниковъ отъ меча ассирійскаго.

Плаванiе, совершенное по приказанiю фараона, принесло бы вѣроятно неисчетную пользу торговлѣ финикiйской и расширило бы издревле кругъ наукъ и сцену исторiи европейской; но наступило время паденiя для гордаго и свирѣпаго Тира, для роскошнаго и развратнаго Сидона, для всѣхъ городовъ палестинскаго приморья, утопавшихъ въ золотѣ, владѣвшихъ всѣми морями, посылавшихъ во всѣ концы земли свои безстрашные паруса. Плаванiе около Африки было послѣднимъ, почти баснословнымъ, но совершенно безплоднымъ проявленiемъ энергiи и упорства Финикiянъ. Карѳагенъ въ этомъ отношенiи никогда не равнялся съ Тиромъ. Въ немъ государственное начало преобладало передъ торговымъ, и личность частная была подавлена строгостью общественнаго устройства.

Нельзя опредѣлить, до какой степени завоевательныя шествiя Рамезесовъ въ половинѣ втораго тысячелѣтiя подѣйствовали на исторiю государствъ сирiйскихъ. Власть Египта была непродолжительна; но, по всей вѣроятности, ослабленiе Ассирiи и послѣдовавшее затѣмъ уничтоженiе силы бактро-скиѳской на юго-восточной оконечности Эвксина должны были дать народамъ южнымъ перевѣсъ, которымъ они воспользовались для распространенiя къ сѣверу. Не одна египетская колонiя поселилась въ Колхидѣ. Другiя поселенiя, пришедшiя изъ земель, называемыхъ семитическими, проникли въ Малую Азiю и въ пригорья Арарата и Тавра. Трудно сказать, участвовали ли Финикiяне въ этомъ движенiи; но нѣтъ сомнѣнiя, что мысли, возникшiя въ области сирiйской и палестинской отъ враждебнаго столкновенiя и послѣдовавшаго за нимъ примиренiя Ирана и Куша, должны были распространиться далеко на сѣверъ, по мѣрѣ какъ южная стихiя преобладала надъ Симо-Яфетидами. Новое усиленiе Ассирiи въ первой половинѣ перваго тысячелѣтiя до Р. Х. отодвинуло опять къ Югу границы иранскаго племени; но не должно забывать, что Ассирiйцы сами, особенно южные, были уже племя мѣшанное и что религiозный ихъ характеръ былъ глубоко искаженъ. За всѣмъ тѣмъ, вражда Вавилона противъ идоловъ, святыхъ лѣсовъ и символовъ кушитскихъ (*Ашкера*) показываетъ, что Ассирія еще не утратила всѣхъ своихъ древнихъ началъ.

Вѣроятно многое изъ того, что̀ намъ извѣстно о Вавилонѣ въ позднѣйшія времена, принадлежитъ постоянно усиливающемуся движенію кушитской мысли, просвѣщенія и даже письменности отъ запада къ востоку. Города были особенно подвержены этому вліянію потому, что всякій условный и искусственный бытъ легко усвоивается ими. Къ этому должно прибавить большее просвѣщеніе Юга въ смыслѣ знанія вещественнаго и бо̀льшую его художественность.

Финикія не имѣла опредѣленнаго характера въ жизни духовной: ея религія была не что иное, какъ грубый синкретизмъ изъ понятій иранскаго и африканскаго, искаженныхъ взаимнымъ ожесточеніемъ, соединенныхъ взаимными уступками. Она была отвратительнымъ бракомъ кровожаднаго Молоха тирскаго и развратной Деркето аскалонской *). Къ этимъ богамъ присоединились боги всѣхъ другихъ областей, гостепріимно помѣщенные въ финикійскій пантеонъ, точно такъ же какъ торговые гости принимались радушно въ финикійскіе города, или поселенные въ храмы сильною рукою чужеземныхъ завоевателей.

Такова *Астарта*, богиня собственно сѣверная, богиня голубица (Семирамида, *Остара* или *Прія*).

Запутанность миѳологіи усиливалась еще множествомъ отдѣльныхъ областей, сперва поклонявшихся однимъ и тѣмъ же богамъ подъ разными названіями, потомъ забывшихъ тождество этихъ боговъ и занявшихъ взаимно другъ у друга свои кумиры и свои миѳы; наконецъ, народы мореплавательные, вѣчно обращавшіе свои глаза къ путеводительнымъ звѣздамъ, придали астрономической сказкѣ, полученной съ сѣвера, значеніе чисто религіозное и вплели ее въ пестрое свое многобожіе. При такомъ ходѣ религіи и торговой односторонности жизни Финикія не могла принести богатыхъ вкладовъ въ духовное сокровище человѣчества, и вліяніе ея на позднѣйшіе вѣка отзывается только въ системахъ Гностиковъ, въ бредняхъ Кабалы и въ борьбѣ противъ Христіанства; но даже и въ этихъ отношеніяхъ Финикіи принадлежитъ только весьма второстепенное мѣсто. Отъ Египта шелъ офитизмъ, двойственность и тріады; система эманаціонная и эоны шли отъ ассирійскаго Вавилона. Смѣшеніе всѣхъ этихъ системъ происходило на палестинскомъ приморіи. Не съ благодарностью, а съ грустнымъ чувствомъ униженнаго достоинства человѣческаго обращается историческая критика къ древней Сиріи: ни одного свѣтлаго и утѣшительнаго воспоминанія; все свирѣпость и развратъ, все грязь и кровь.

Замѣчательно, что, не смотря на всѣ измѣненія народныхъ судебъ, на приливы чуждыхъ племенъ и на новыя начала вѣрованія, даже при власти Рима, при Христіанствѣ, при Аравитянахъ и при средне-азійскихъ завоевателяхъ Туркахъ, Сирія всегда отличалась передъ другими странами отвратительными суевѣріями и проявленіями безумныхъ и вещественныхъ страстей. Исторія ея сектъ, отъ поклоненія Мелькарта, Камоса и Деркето до Измаэлитовъ и Друзовъ, представляетъ рядъ ужасовъ, едва вообразимыхъ. Индія и Мексика передъ ними святы. Въ одной болѣе величія, глубокомыслія и духовности; въ другой кровожадность сопровождалась до нѣкоторой степени большею чистотою нравовъ. Сверхъ того, ни въ той, ни въ другой не побывали ни полное просвѣщеніе науки, ни откровеніе любви христіанской.

Израиль.—Его исторія въ эпоху судей и царей.

И въ этой-то области, на зло всѣмъ расчетамъ и всѣмъ вѣроятностямъ, на зло всему ходу историческаго развитія, всѣмъ обычаямъ и вѣрѣ окружающихъ народовъ, и коренному искаженію нарѣчій и преданій, должно было проявиться во всей своей чистотѣ древнее Иранство, первобытное наслѣдство симо-яфетова племени, съ духовнымъ поклоненіемъ свободно творящему Духу, съ пренебреженіемъ къ веществу, съ враждою противъ символа змѣи и противъ всѣхъ ученій Хамитовъ и съ полнотою мессіаническихъ обѣщаній.

Нераздѣльная еще семья Израиля (слѣдовательно имѣющая право называться *Израилемъ*), долго процвѣтавшая при Гиксосахъ, долго страдавшая при первыхъ фараонахъ 18-ой династіи, вырвалась наконецъ изъ плѣна египетскаго въ концѣ первой половины второго тысячелѣтія до Р. Х. и вѣроятно въ послѣдніе годы Рамезеса Великаго. Многочисленъ былъ домъ іаковлевъ; цѣлыя толпы кліэнтовъ, приставшихъ къ нему во дни его благоденствія и совоплотившіяся съ нимъ по обычаямъ патріархальнымъ, сопровождали его въ бѣгствѣ. Великій путеводитель своихъ братій, Моисей далъ имъ законъ и записалъ ихъ преданія, законъ, живущій до нашего времени, преданіе, уцѣлѣвшее въ продолженіе 35 вѣковъ.

Въ послѣдніе года глубоко-ученой и сухо-мелочной критики, въ землѣ, представляющей высшее просвѣщеніе нашей эпохи, въ Германіи, происходилъ любопытный споръ о древности Пятикнижія и особенно книги Бытія. Въ этомъ спорѣ, какъ и во всѣхъ современныхъ трудахъ многотрудящихся нѣмцевъ, замѣчательно необычайно строгое изученіе всѣхъ внѣшнихъ примѣтъ и совершенная безчувственность ко всему внутреннему, чудная смѣсь врожденнаго остроумія и систематической тупости, тонкости и глубокомыслія въ филологическихъ изслѣдованіяхъ и ограниченности, которая не можетъ понять вліянія вѣковъ и потребностей народныхъ на рукописи древняго закона и священной исторіи. Такъ, наприм., критики не поняли, что введеніе весьма новаго оборота и новаго слова (халдаизмовъ въ отношеніи къ древне-еврейскому) тѣмъ сбыточнѣе, чѣмъ рукопись древнѣе и труднѣе къ понятію; не поняли, что, по корню дома Израилева, халдаизмъ могъ точно такъ же быть остаткомъ самыхъ древнихъ формъ, вытѣсненныхъ позднѣйшимъ эбраизмомъ и снова воскресшихъ въ позднѣйшихъ писателяхъ отъ новаго соприкосновенія съ Халдеею; наконецъ, не умѣли отдѣлить явныхъ боковыхъ замѣтокъ (Randglossen) отъ самаго текста. Этихъ боковыхъ замѣтокъ можно бы привести десятки. Такова, можетъ быть, часть 6 стиха XII главы и 7 стиха XIII главы книги Бытія, хотя она можетъ объясниться въ томъ смыслѣ, что земля, въ которой поселился Авраамъ, была не пустынею, но уже населена потомками Ханаана. Таково безспорно замѣчаніе о древности царей эдомскихъ въ сравненіи съ царями Израиля; таковъ 36 стихъ XVI гл. Исхода; таковъ 13 стихъ X главы Іисуса Навина и множество другихъ. Но на этомъ ли должно останавливаться вниманіе критики? Сперва утвердили эпоху сочиненія Пятикнижія во время царя Іосіи; потомъ, одумавшись, отступили къ царствованію Соломона; потомъ, съ великою вѣроятностью раздѣливъ книгу Бытія на два текста, приписывали древнѣйшій пророку Самуилу, а послѣдующій, пополнительный, пророку Наѳану. Съ другой стороны, защитники древности Пятикнижія всѣми силами стараются доказать, что книга Бытія писана однимъ человѣкомъ и бьются за это, какъ будто отъ этого зависятъ жизнь ихъ и спасеніе, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало, низко поклонившись, благодарить своихъ противниковъ.

Между многими примѣтами, отличающими первый текстъ отъ его пополнителя, всѣхъ разительнѣе постоянное употребленіе въ первомъ имени *Элогимъ,* а во второмъ *Іегова.* Предположеніе одного изъ германскихъ критиковъ, предположеніе, подтверждаемое текстомъ Исхода, объясняетъ эту разницу тѣмъ, что Элогимъ есть общее имя для Божества-міросоздателя, а Іегова имя того же божества въ его отношеніи къ дому Іакова, т.-е. въ его израильскомъ откровеніи. Должно было прибавить, что это второе имя сопряжено съ эпохою самосознанія народнаго; но ученому германцу было невдомекъ.

Мы уже говорили о внутреннемъ доказательствѣ древности книгъ Самуила. Онѣ не могли быть писаны ни въ царствѣ израильскомъ, потому что содержатъ возвеличеніе дома давидова, ни въ царствѣ Іуды, ни вообще послѣ Самуила, по выраженіямъ живой и младенческой любви къ Саулу. Большая часть этихъ книгъ очевидно принадлежитъ самому Самуилу или самымъ первымъ годамъ послѣ его смерти. Между тѣмъ въ нихъ, во-первыхъ, есть явныя ссылки на Пятикнижіе; во-вторыхъ, уже не употребляется слово Элогимъ; слѣдовательно, самый пополнительный текстъ въ книгѣ Бытія уже древнѣе Самуила и не моложе книги Судей, на которую ссылается Самуилъ. Но человѣкъ съ разумомъ, безпристрастно разсмотрѣвшій и понявшій эпоху Судей, эпоху страданій внутренней и внѣшней борьбы и безначалія, не можетъ даже предположить, чтобы въ продолженіе ея было написано Пятикнижіе съ его высоко-поэтическимъ и глубоко-спокойнымъ характеромъ. Не въ это время бурной и мелочной дѣятельности могъ явиться чудный законодатель и бытописецъ, завѣщавшій вѣкамъ и міру свое неумирающее твореніе. Станьте противъ колосса, созданнаго Микель-Анджеломъ, спросите у этого грознобезстрастнаго мрамора: онъ вамъ скажетъ; потомъ откройте Пятикнижіе.

Книги, носящія имя Моисея (за исключеніемъ незначительныхъ и явныхъ пополненій и боковыхъ отмѣтокъ, вошедшихъ въ текстъ), не могутъ принадлежать никакому времени, кромѣ времени Моисеева, никому, кромѣ Моисея. Вся ихъ редакція заключена въ теченіе 40-лѣтняго пребыванія въ пустынѣ между Египтомъ и Палестиною. Этой великой эпохѣ, когда Израиль познаіъ свое всемірное значеніе, этому герою духовной жизни человѣка, и имъ однимъ, можно присвоить самое выраженіе своего сознанія и своей силы. Богъ былъ *Элогимъ:* отнынѣ онъ *Іегова.*

Но дѣйствительно, книга Бытія обличаетъ двѣ редакціи. Послѣдняя, какъ уже сказано, явно принадлежитъ Моисею. Первая древнѣе. Слѣдовательно, она принадлежитъ еще эпохѣ благоденствія Израиля въ Египтѣ, т.-е. эпохѣ Гиксосовъ; и неразумное (быть можетъ, нѣсколько страстное) желаніе, съ которымъ отыскивали въ Пятикнижіи признаки сравнительной новости, довело только до необходимости приблизить его начало къ эпохѣ послѣдняго изъ прародителей. Наука сама себя очищаетъ отъ примѣси страстей и свѣтлѣетъ въ борьбѣ окончательнымъ торжествомъ истины. До моисеевская древность израильскаго преданія придаетъ ему еще высшее значеніе въ исторіи. Мы имѣемъ памятникъ, писаный въ XVIII-мъ или XIX-мъ вѣкѣ до Рождества Христова.

Большая часть критиковъ нашего вѣка старались удалить изъ Библіи всѣ пророчества о Мессіи. Это вопросъ не богословскій, но историческій. Евреи издавна читали въ своемъ писаніи обѣтованіе будущаго торжества и будущаго царя-жреца-побѣдителя. Спорить о текстахъ дѣло богослововъ. Дѣло историка сказать: «Евреи правы. Въ Библіи есть обѣтованіе Мессіи и есть потому, что не можетъ не быть; оно общее всему Ирану».—Точно такъ же и на мнѣніе ученаго германца, что въ первомъ текстѣ не было преданія о грѣхопаденіи, критика должна отвѣчать a priori: «У евреевъ было издревле понятіе о личномъ воплощеніи злого начала; оно должно было явиться у нихъ миѳомъ или сказаніемъ въ исторіи человѣчества и племени еврейскаго; оно не могло не явиться». И дѣйствительно, это доказывается 5-ю стихами (2, 3, 4, 5 и 6) третьей главы книги Бытія, которые изъ древняго до моисеевскаго текста поступили въ дополнительный, моисеевскій.

Ясное понятіе о Библіи необходимо для уразумѣнія всей жизни народа еврейскаго, изъ котораго такъ пышно и великолѣпно расцвѣла жизнь всего человѣчества до нашего времени.

Семьею немногочисленною вышелъ Израиль изъ Азіи, сильнымъ народомъ возвращается онъ въ нее. Простодушно проситъ онъ *) у другихъ народовъ свободнаго прохода на сѣверъ; но обстоятельства и условія жизни перемѣнились во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ. Всѣ пути преграждены, и изгнанники осуждены на пребываніе въ безводной и безплодной пустынѣ, подвергаются нападенію окружныхъ племенъ. Въ семьѣ, сохранившей даже въ Египтѣ чисто-семейный бытъ, появилась необходимость семейно-гражданскаго устройства. Явились законы общественные, данные Моисеемъ. Сохраненіе народа въ его будущихъ владѣніяхъ отъ напора внѣшняго и раздора внутренняго зависѣло отъ крѣпости его внутренней духовной жизни. Въ буряхъ войны и общественной жизни долженъ былъ исчезнуть голосъ преданія; нужно было утвердить начало духовной жизни и отдѣлить его рѣзко отъ всѣхъ другихъ. Нужно было дать преданію вещественную неизмѣнность. Появились законы духовные, данные Моисеемъ; появилось пополненіе краткаго преданія, записаннаго еще во времена Гиксосовъ. Первое содержало только катихизисъ духовной вѣры, высказанной въ формѣ исторической. Пополненіе заключило въ себѣ всѣ историческія воспоминанія, сохранившіяся въ народѣ, насколько они имѣли отношеніе къ судьбѣ избраннаго народа. Сорокалѣтнее странствованіе Израиля въ пустынѣ уже въ видѣ гражданскаго общества, но безъ прямыхъ заботъ государственныхъ, безъ упорной борьбы съ сосѣдними племенами, глазъ на глазъ съ духовнымъ началомъ своего преданія, подъ твердой охраной своего законодателя, это странствованіе заключаетъ въ себѣ единственную возможность послѣдующей судьбы народа.

Отчищеніе или перегонка миѳовъ палестинскихъ и другихъ въ племени еврейскомъ, возведшемъ ихъ до вѣры чисто духовной, есть такая нелѣпость, передъ которою здравый смыслъ ужасается. Объ ней спорить нельзя. Достаточно въ нее вглядѣться. Критикамъ спола-горя взять миѳъ и отыскивать въ немъ его первобытный смыслъ, потомъ изъ нѣсколькихъ миѳовъ, подверженныхъ такой фильтрировкѣ, составить цѣлую религію. Все это дѣло легкое; но приставь такую систему къ исторіи,—и разсмѣешься поневолѣ. Станьте мыслію въ Іудеѣ, оглянитесь на окрестные народы и въ этомъ кипѣніи религій сиро-палестинскихъ поймите вдохновеніе Давида и пророковъ. Сохраненіе преданія болѣе или менѣе истиннаго возможно (и то не безъ жестокой борьбы) только при слѣдующихъ условіяхъ: что оно было принесено извнѣ, что оно было утверждено письменными памятниками, что оно было поручено охраненію одного рода или колѣна, или сословія. Одно только соединеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ можетъ объяснить Іудею. Критика здравая признаетъ поневолѣ преданіе Евреевъ преданіемъ не палестинскимъ, а общимъ достояніемъ племени иранскаго. Преданіе сохранилось въ одной строго отдѣленной семьѣ пастуховъ, несмотря на то, что эта семья приняла нарѣчіе племенъ, ее окружающихъ; потомъ нужно ей было отдѣльное привольное житье въ области рѣзко отдѣленной отъ нея по языку своему и быту; нужны были вѣка благоденствія, размножившія ее, потомъ вѣка страданія и глубокаго презрѣнія со стороны своихъ утѣснителей, нужно было воспитаніе пустыни и величественное лицо законодателя Моисея. Иначе вся Іудея и вся ея лѣтопись и весь характеръ ея вѣры были бы несбыточною сказкою, явленіемъ невозможнымъ въ исторіи.

Такимъ образомъ, когда чистое Иранство исчезло съ лица земли отъ всемѣстнаго слiянія съ миѳами Кушитовъ, когда только слабые остатки его кое-какъ сохранились въ древней родинѣ своей (въ пригорьѣ Демавенда и въ отрогахъ горъ Парсистана), оно возникло во всей полнотѣ своего духовнаго ученія среди племенъ мѣшанныхъ, утратившихъ всѣ свои преданія, лишенныхъ всякаго нравственнаго и религіознаго достоинства, наконецъ на самой границѣ земли, создавшей, воспитавшей и распространившей поклоненіе вещественной необходимости и символамъ ея органической полярности.

Продолжительна была борьба Израиля въ землѣ хананаанской. Первыя его завоеванія были быстры; но по большей части они ограничивались горными округами, въ которыхъ превосходство туземной конницы*) было безполезно. Потомъ наступили времена угнетенія, за которыми слѣдовали новыя торжества, и владѣнія Евреевъ продолжали мало-по-малу распространяться, несмотря на многолѣтнія ихъ несчастія. Лѣтопись ихъ очень ясна въ общемъ смыслѣ, хотя подробности часто затрудняютъ критику. Народъ, связанный общимъ преданіемъ и узами единства духовнаго, но не сомкнувшійся въ формы государственныя, былъ безсиленъ или могущъ только вслѣдствіе направленія его внутренней жизни. Отклонялся ли онъ отъ преданія первоначальнаго и, сливаясь съ племенами сосѣдними, утрачивалъ начало своего общественнаго союза, — онъ подпалъ власти другихъ племенъ. Являлся ли человѣкъ, могучій духомъ, волею и вѣрою въ духовное достояніе Израиля, — онъ собиралъ около себѣ всѣ лучшія стихіи народа и велъ его къ побѣдамъ и завоеваніямъ.

Безполезно бы было слѣдить за однообразною судьбою Евреевъ въ продолженіе пяти вѣковъ отъ великаго преемника Моисеева до временъ Самуила, за преобладаніемъ племенъ хананейскихъ, сирійскихъ и аравійскихъ и за поочередными торжествами Барака, Гедеона, Толаха, Іефѳая, Самсона и другихъ судей Израиля. Во все это время нѣтъ ни малѣйшаго слѣда государственнаго единства: нѣтъ ни выборовъ народныхъ, ни началъ монархическихъ, ни аристократическаго устройства, ни преобладанія одного колѣна, ни даже видимаго богоправленія (ѳеократіи). Вообще нѣтъ ничего условнаго или искусственнаго. Великій человѣкъ увлекаетъ за собою братій своихъ и признается ихъ начальникомъ безъ всякихъ положительныхъ обрядовъ безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Кто бы ни былъ онъ, изъ какаго бы ни былъ колѣна, пастухъ, жрецъ, хлѣбопашецъ или даже женщина, признавшая въ себѣ призывъ свыше (какъ Дебора, пророчица Эраима), все равно. Жизнь народа продолжается во всей безыскусственности обществъ первоначальныхъ, основываясь на простотѣ быта семейнаго и на упорствѣ преданій и стремленія духовнаго, сохранившихся отъ бѣгства Авраама изъ родины, въ которую уже вкрадывалось огнепоклонство или южное служеніе кумирамъ (по преданію еврейскому и по свидѣтельству книги Іисуса Навина, глава 24, ст. 2), до сосредоточенія всей власти судебной въ рукахъ предшественника Самуилова, т.-е. въ теченіе двѣнадцати вѣковъ.

Удаленіе Авраама изъ нѣдръ отечества вслѣдствіе нашествія иноземной религіи и отторженіе его отъ всего рода своего, сохранившее въ его отдѣльной семьѣ чисто-иранское начало: вотъ въ чемъ состоитъ его всемірно-историческое значеніе.

Легокъ былъ успѣхъ Евреевъ въ ихъ первыхъ войнахъ. Земля ханаанская была раздѣлена между множествомъ отдѣльныхъ властителей, не соединенныхъ въ общую систему и безпрестанно враждующихъ другъ съ другомъ; ихъ разрозненныя ополченія или временныя союзы пали безъ большаго сопротивленія передъ дружнымъ натискомъ завоевателей. Труднѣе и опаснѣе была послѣдовавшая за тѣмъ борьба, когда оставшіяся племена, наученныя прежнимъ опытомъ, стали дѣйствовать совокупными силами, между тѣмъ какъ узы единства духовнаго у Евреевъ уступали передъ постояннымъ искушеніемъ развратныхъ нравовъ и вещественныхъ религій. Память единства не исчезла вполнѣ, и при возстаніи смѣлаго вождя изъ одного колѣна часто другія колѣна оскорблялись, если онъ не призывалъ ихъ къ общему ополченію (какъ ясно изъ сказанія о Гедеонѣ и другихъ); но, съ другой стороны, послѣ паденія многихъ мелкихъ областей ханаанскихъ, составился могущественный союзъ Филистимлянъ, противъ котораго едва устояла вся сила Израиля подъ предводительствомъ его лучшихъ вождей.

По мѣрѣ усиленія враговъ и необходимость единства становилась очевиднѣе. Въ этомъ отношеніи эпоха Іефѳая обозначаетъ уже переломъ въ правленіи Евреевъ. Судьи Іефѳай, Ибтсанъ *), Элонъ и Хабдонъ слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ промежутка. Послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ новыя бѣдствія постигли поклонниковъ Іеговы, и сорокалѣтнее подданство Филистимлянамъ было наказаніемъ за раздоръ двѣнадцати колѣнъ. Возстаніе Самсона содержитъ уже начало второй эпохи. Представитель народнаго единства долженъ носить характеръ духовный, ибо самое единство основано на духовномъ началѣ. Первый изъ судей Израилевыхъ посвященный Богу съ дѣтства, Самсонъ—Назорей. Въ немъ уже проявляется необходимость соединенія духовнаго таинства съ властью государственною; и послѣ его смерти и непродолжительныхъ бѣдствій Израиль возрастаетъ снова въ силу подъ сѣнью чистаго богоправленія. Время Геліи и Самуила выражаетъ въ Евреяхъ сознаніе особеннаго ихъ характера,—сознаніе, до тѣхъ поръ пребывавшее только въ избранныхъ и лучшихъ душахъ, но теперь сдѣлавшееся достояніемъ народнымъ.

Санъ первосвященника, повидимому, не былъ принадлежностью одного колѣна, точно такъ же какъ и право быть вождемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ пророковъ и жрецовъ могли быть Левитами, хотя и считаются принадлежащими другому колѣну по мѣсту своего рожденія (ибо Левиты не имѣли отдѣльной области); но можно смѣло сказать, что по крайней мѣрѣ не всѣ жрецы и, можетъ быть, не всѣ первосвященники были изъ Левитовъ. Особенность же колѣна левіева состояла въ томъ, что оно все было посвящено богослуженію преимущественно передъ другими, не исключая однако лицъ, которыхъ родители съ дѣтства опредѣляли на то же духовное поприще.

Преимущество Левитовъ передъ прочими выражается довольно часто и особенно въ сказаніи о Михѣ и переселеніи колѣна Данова.

Въ этомъ положеніи колѣна левіева можно замѣтить сходство съ первоначальными Брахманами въ Индіи, которые явно не исключали права другихъ сословій на должность жреческую. Построеніе храма и твердое устройство обрядности у евреевъ въ послѣдствіи времени удалили всѣ прочія колѣна отъ алтарей Іеговы, точно такъ же какъ въ Индустанѣ усиленіе Брахмановъ позволило имъ унизить всѣ остальныя касты и устранить ихъ отъ богослуженія. Впрочемъ, сказаніе о преступленіи колѣноначальника Левитовъ доказываетъ, что никогда жрецы еврейскіе не имѣли ни такого общественнаго значенія, какъ Брахманы, ни исключительнаго храненія священныхъ книгъ.

Вѣроятно, и Египетъ представлялъ въ этомъ отношеніи сходство съ Іудеею и древнимъ Индустаномъ, и люди, рожденные не въ священной кастѣ, могли быть посвящены въ ея таинства и права. Изъ памятниковъ, кажется, можно заключить, что цари пользовались нѣкоторыми степенями въ іерархіи духовной, и едва ли это не имѣетъ сношенія съ разницею именъ между таблицами Манеѳона и надписями іероглифическими. Въ одномъ случаѣ употреблялось, можетъ быть, имя общенародное, въ другомъ священное. Этой разницы почти незамѣтно при царяхъ-первосвященникахъ, имѣвшихъ по вѣроятности только одно имя. О двойственности же царскихъ названій можно заключить по многимъ примѣрамъ и особенно по свидѣтельству Манеѳона о *Рамезесѣ-Меямунѣ*, иначе *Сеѳосѣ*.

Израиль получалъ болѣе и болѣе сознаніе своего духовнаго значенія, и послѣ Назорея-Самсона судъ надъ колѣномъ Веньямина носитъ на себѣ характеръ чисто-религіозный, составляя переходъ къ послѣдовавшей ѳеократіи. Наконецъ, пользуясь этимъ просвѣтлѣніемъ мысли народной, Самуилъ возвысилъ Израиль и надолго положилъ основаніе его независимости; но, познавъ вполнѣ необходимость устройства общественнаго и постояннаго, не измѣняющагося единства, Евреи увлечены были вскорѣ соблазнительнымъ примѣромъ областей сосѣднихъ. Они сперва отказались отъ частной, неограниченной свободы въ пользу закона духовнаго. Выгоды единства заставили ихъ искать еще болѣе твердой опоры для него, и вслѣдствіе этого убѣжденія Израиль замѣнилъ свободное повиновеніе мысли религіозной, выраженной въ жрецѣ-пророкѣ, принудительною силою условія государственнаго, выраженнаго въ царѣ. Съ горестью уступилъ престарѣлый первосвященникъ первенство вождю-воину; но народъ, требовавшій царя, еще не отказался отъ прежней свободы избранія, и Саулъ, признанный многими, благословенный на державство Самуиломъ, долженъ былъ личнымъ мужествомъ и успѣхомъ въ войнѣ пріобрѣсти покорность своихъ подданныхъ. Это явленіе, напоминающее время воинственныхъ судей, уже болѣе не повторялось. Были крамолы, раздоры и похищеніе престола; но не являлось уже снова право, которое имѣлъ народъ, требовать отъ вождя доказательства его личнаго превосходства предъ другими въ совѣтѣ и битвѣ. Царское званіе окружило лицо царей таинственнымъ блескомъ, возвышающимъ его надъ судомъ общества, и цари Іуды и Израиля стали въ общую череду всѣхъ владыкъ Востока.

Саулъ изъ колѣна веньяминова продолжалъ дѣло освобожденія, начатое Самуиломъ. Полный силъ воинскихъ, но лишенный глубокаго чувства къ духовному призванію своего народа, онъ посягнулъ на права жрецовъ и возстановилъ противъ себя первосвященника и пророковъ. Бѣдствія, смерть и погибель всего рода были неизбѣжными послѣдствіями внутренняго разъединенія. Другой царь, другой родъ были призваны на престолъ израиля.

Красота Веньяминита, его удальство въ бояхъ, его побѣды, его бурныя страсти, отеческая любовь стараго пророка къ юному воину, святая дружба Іонаѳана къ счастливому сопернику, горе Самуила. передающаго противъ воли царское званіе потомку колѣна Іудова, самоубійство царя, утратившаго въ одинъ день всю славу свою, власть и цвѣтущую юность сыновей своихъ, и надгробная пѣснь Давида надъ своимъ гонителемъ, пѣснь, исполненная высокой любви и восторга, все сливается въ чудно-трагическую поэму, дышащую всею истиною современности и находящую отголосокъ во всѣхъ вѣкахъ и въ душѣ всѣхъ художниковъ.

Колѣно Іуды не имѣло никакой власти надъ другими; но оно пользовалось очевиднымъ первенствомъ уже во времена судей, и часто ополченіе его отдѣляется въ счисленіи общаго ополченія израилева. Ефраимъ, его соперникъ по силѣ народа и пространству области, много разъ судившій своихъ братьевъ и управлявшій ихъ судьбою, не легко подчинился новому державному роду. Самуилъ Ефраимитъ неохотно помазалъ на царство Іудея Давида, и послѣ смерти Саула десять колѣнъ подъ очевиднымъ предводительствомъ Ефраима долго не покорялись новому царю. Скрытая вражда продолжалась при Давидѣ и его роскошномъ преемникѣ; но она уступала обаянію славы и могучей личности двухъ первыхъ іудейскихъ царей. Многочисленный Іуда и почти исчезнувшій Веньяминъ одни только всею душою любили царя-пророка и родъ его: другіе покорялись, готовыя къ возстанію.

Кромѣ зависти колѣна ефраимова, вѣроятно дѣйствовало и петемнѣніе преданій мозаическихъ въ всѣхъ колѣнахъ, за исключеніемъ Іуды.

Безспорно, два царствованія, Давида и Соломона, представляютъ лучшую эпоху народа израильскаго, и въ ихъ личностяхъ заключается, столько поэтическихъ стихій, что легко понять, какъ слава ихъ поразила живое воображеніе Аравитянъ и распространилась по всему Востоку. Бѣлокурый отрокъ, сынъ Іессея, младшій въ домѣ отца, рабъ старшихъ братьевъ, пастухъ, воспитанный въ нѣдрахъ пустыни, глазъ на глазъ съ вдохновительною природою и яснымъ небомъ Палестины, боецъ, спасающій отечество и не умѣющій еще надѣть на себя оружіе воина (Самуила кн. I, гл. 17, ст. 39), пѣвецъ, усмиряющій дикія страсти царя чудными звуками арфы, изгнанникъ, любящій своего гонителя и сына его любовью невыразимою (Самуила II, гл. 1, ст. 26), царь возвышающій народъ свой на такую степень величія, на какую онъ не восходилъ ни прежде, ни послѣ, пророкъ, сосредоточивающій въ себѣ все глубокое сознаніе превосходства Израиля передъ народами міра, человѣкъ, соединяющій въ себѣ всѣ крайности нищеты и величія, пламенныхъ страстей и смиреннаго покаянія, дѣятельности общественной и поэтическаго созерцанія, наконецъ величайшій поэтъ всѣхъ вѣковъ по жару и глубокой искренности вдохновенія, — Давидъ есть одно изъ величайшихъ явленій въ исторіи всемірной. Болѣе царственный и великолѣпный, болѣе вещественно мудрый, чѣмъ отецъ, но уступающій отцу въ смѣлости предпріятій, въ живой восторженности души и въ значеніи историческомъ, Соломонъ готовитъ уже паденіе царства. Самое примиреніе древняго преданія иранскаго съ художествомъ Куша, являющееся сначала какъ видимое торжество вѣры, уже скрываетъ въ себѣ сѣмена искаженія. Тѣсныя оковы мѣстности ложатся на всемірное преданіе. Несмотря на свое безспорное величіе, Соломонъ уступаетъ Давиду, какъ поэзія вещественнаго зодчества уступаетъ поэзіи духовнаго слова.

Въ обоихъ, Давидѣ и Соломонѣ, такъ же какъ и во всей лѣтописи Израиля, отъ Сиѳа и Сима до Авраама и Іакова, замѣтно какое-то предпочтеніе къ младшему въ родѣ. Довольно замѣчательна такъ же самая черта въ русскихъ сказкахъ и въ сказаніяхъ Геродота о Скиѳахъ, именно о младшемъ сынѣ Геракла *Скиѳосѣ* и о Колаксаисѣ и его старшихъ братьяхъ. По обычаю славянскому отцовскій домъ принадлежитъ меньшому сыну. Не древняя ли черта первобытнаго Ирана, сохранившаяся у Израиля въ смыслѣ духовномъ, у славянъ, по ихъ бытовому характеру, въ бытовомъ приложеніи?

Давидъ, какъ поэтъ, стоитъ выше всѣхъ по простотѣ и искренности: слова вырываются у него изъ-подъ самаго сердца. Его священныя пѣсни возможны были только въ томъ племени, которое никогда не утрачивало преданія и не подвергалось реформѣ. Іегова, творецъ міра, такъ же живо является передъ глазами пророка, какъ самый видимый міръ. Это созерцаніе прямое, непосредственное, это отсутствіе умствованія при высочайшей духовности представляютъ ручательство за безконечную древность самой религіи. Весь первобытный Иранъ сохранился въ домѣ Израиля; ученые критики, видящіе все, не видали разницы, явной для неуча, между лирой Евреевъ и поэтическими произведеніями Брахмановъ и другихъ народовъ. Пора одуматься. Страсти богословскія и философскія не должны потемнять исторію.

Упадокъ Израиля.—Эпоха пророковъ.

Южная Сирія и богатый Дамаскъ платили дань дому Іакова. Идумея повиновалась ему до границъ Египта; Финикіяне служили его торговлѣ и просили отъ него лѣсовъ для кораблестроительства. Караваны шли къ нему черезъ пустыню по новымъ путямъ, въ которыхъ росли новые города; суда плыли къ нему съ восточныхъ береговъ Африки и юго-западныхъ оконечностей Европы (изъ Офира и Таршиша). Мѣдью, серебромъ и золотомъ, отнятыми у враговъ, блисталъ новосозданный храмъ Іеговы, чудо міра, великолѣпное созданіе поэтическаго богопоклоненія; чудныя пѣсни восторженныхъ пророковъ придавали обрядамъ вѣры величіе, котораго не зналъ ни Кушъ, ни Иранъ, ни страны религіознаго синкретизма. Но все измѣнилось мгновенно съ кончиною преемника Давидова, вѣнчаннаго мудреца, слишкомъ довѣрявшаго своей мудрости, пресыщеннаго жизнью и упоеннаго своимъ величіемъ. Завистъ десяти колѣнъ, уже зараженныхъ соблазномъ сиро-палестинскихъ религій, отторгнула ихъ отъ Ровоама, и Мизраимъ (Египетъ), вѣроятно союзникъ Іеровоама, долго жившаго при дворѣ фараоновъ, нахлынулъ на ослабшее царство; Шешонкъ перенесъ на берега Нила сокровища, собранныя Давидомъ и его преемникомъ для дома Господня.

Никогда уже не возставалъ Израиль. Имя это присвоили себѣ отдѣлившіяся колѣна, отпавшія отъ вѣры и обычаевъ предковъ своихъ. Царство іерусалимское приняло имя своего колѣноначальника, сохраняя еще, въ упадкѣ своемъ, преданіе давноминувшей старины.

Въ послѣдній разъ видимъ мы въ названіи царства іудейскаго проявленіе того закона, по которому Израиль, называя себя по имени Іакова, не смѣлъ называться ни Авраамомъ, ни Исаакомъ: законъ, объясняющій все лѣтосчисленіе книги Бытія.

Безполезно бы было слѣдить за упадкомъ и безпрерывными бѣдствіями потомковъ Давида. Ихъ четырехвѣковая борьба и временные союзы съ преемниками Іеровоама, съ

Сиріею, Египтомъ и грозными ополченіями Ниневіи и Вавилона, ихъ отступленія отъ закона отцовъ и возвратъ къ нему, вся ихъ мелкая судьба и безотрадная жизнь исчезаютъ въ исторіи всемірной. Царство Израиля, исчезнувшее безъ слѣда, заслуживаетъ еще менѣе вниманія.

Отъ него не уцѣлѣло ничего, и если плѣнные Израильтяне имѣли какое-нибудь вліяніе на развитіе синкретическихъ миѳовъ на берегахъ Евфрата или далѣе, это вліяніе было, вѣроятно, такъ же ничтожно, какъ ихъ собственный характеръ, и до сихъ поръ нигдѣ не подмѣчено.

При заслуженномъ паденіи царства іудейскаго должно однакоже признать нѣкоторое улучшеніе въ правахъ. Многоженство исчезаетъ или является какъ исключеніе, вражды семейныя и братоубійства становятся рѣже, лѣтопись перестаетъ упоминать о многихъ обычаяхъ свирѣпыхъ или отвратительно грубыхъ, которыми изобилуютъ времена судей, Самуила и даже Давида. Духовное ученіе продолжало дѣйствовать на жизнь народную, несмотря на безпрестанное колебаніе вѣры. Еще замѣчательнѣе умноженіе пророковъ и пророчествъ. Самое званіе пророка было слѣдствіемъ воли отдѣльныхъ лицъ, но въ то же время школы или разсадники пророческіе представляли какое-то устройство общественное, подчиненное извѣстнымъ законамъ. Пророки не принадлежали къ Левитамъ, но находились съ ними въ связи. Взаимныя ихъ отношенія, по всей вѣроятности, были похожи на отношенія монаховъ къ бѣлому духовенству въ церквахъ VI и VII столѣтій. Размноженіе пророковъ въ Іудеѣ происходило отъ тѣхъ же причинъ, по которымъ отшельники размножались въ имперіи византійской. Въ удаленіи отъ общества гражданскаго выражалось отчаяніе лучшихъ и избранныхъ душъ, безполезно трудившихся надъ перерожденіемъ государства и признавшихъ, наконецъ, что его обветшалыя, упрямыя и мертвыя формы уже неспособны принять въ себя духъ мысли животворящей. Въ этомъ отчаяніи, вредномъ для развитія общества и ускоряющемъ его разрушеніе, находится свидѣтельство живыхъ силъ мысли, пребывающей въ немъ, и залогъ его будущаго возрожденія.

Послѣднее столѣтіе царства давидова представляетъ жалкую картину предсмертнаго страданія. Финикійцы съ запада, средне-азійскіе Скиѳы (не Славяне), Сирійцы и Ассирійцы съ сѣвера, Египетъ и кочевыя племена Аравіи съ юга безпрестанными погромами опустошали его поля, разрушали его города и не разъ врывались въ самую столицу. Наконецъ, фараонъ Нехао, побѣдивъ Іосію, взялъ и разграбилъ Іерусалимъ; его торжественное шествіе достигло береговъ Евфрата. Египетъ видѣлъ возвратъ своей древней славы, но не надолго. Гроза, давно уже поднимавшаяся на Востокѣ въ ожившемъ Вавилонѣ, разразилась надъ Египтомъ, надъ Сиріей и надъ Финикіей. Нехао, побѣжденный, бѣжитъ изъ Азіи, берега Нила опустошены Навуходоносоромъ завоевателемъ; Сирія покрывается развалинами своихъ цвѣтущихъ городовъ; гордый Тиръ, царь морей, разрушенъ послѣ долгой и отчаянной борьбы, и царство Іуды, и его столица, и его храмы, и его народъ—все исчезаетъ безъ слѣдовъ передъ налетѣвшею бурею.

Такъ должна была погибнуть мелкая область, нѣкогда сильная единствомъ духа, но утратившая его вмѣстѣ съ обрядами и преданіями древности. Ассирія и особенно Вавилонъ вели войну не только политическую, но и религіозную*). Съ ожесточеніемъ преслѣдовали они всякую вѣру чужую, но особенно идолослуженіе финикійское и поклоненіе священнымъ рощамъ. Іерусалимъ, принявшій къ себѣ все безуміе сосѣднихъ областей, навлекъ на себя свою гибель столько же отступничествомъ отъ Мозаисма, сколько и неразумною политикою. Израиль палъ еще прежде Іуды; но, вполнѣ исказившійся, онъ уже не могъ отдѣлиться отъ своихъ побѣдителей. Іуда, не забывшій еще закона моисеева, очистился и духовно окрѣпъ въ страданіяхъ семидесятилѣтняго плѣна. Когда, въ свою очередь, палъ Вавилонъ, древнѣйшее изъ всѣхъ царствъ, основанныхъ Кушитами въ землѣ Иранской, поклонникъ Іеговы отдѣлился отъ служителей Ваала и возвратился въ свою родину съ обрядами, преданіями и законами своихъ предковъ, съ просвѣтлѣвшимъ разумомъ и очищенною душою. Не суждено было погибнуть первобытному Иранству, общему достоянію Симо-Яфетидовъ.

Не нужно повторять доказательства о современности лѣтописи іудейской и происшествій, разсказанныхъ въ ней. Безпрестанное повтореніе формы «и до нашего времени», и «до сихъ дней», о такихъ вещахъ которыя не могли существовать послѣ паденія Іерусалима, многія мелкія подробности, какъ, напр., послѣдніе стихи 2-й книги Царствъ и другіе, служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что вся лѣтопись составлена изъ современныхъ источниковъ. Другое дѣло— редакція. Критика можетъ сомнѣваться въ ней не безъ причины; но это вопросъ весьма второстепенный и касающійся, какъ уже сказано, только лѣтописи царскихъ временъ, а не сказаній отъ книги Бытія до Самуила включительно.

Движенія народовъ на сѣверѣ: Киммеріи, Скиѳы, Сарматы-Азы.

Западъ, т.-е. Европа, отдѣлялась болѣе и болѣе отъ Востока. Паденіе вано-ассирійской династіи, связанной единствомъ племени и сказаній религіозныхъ съ Индустаномъ и берегами Атлантическаго океана, возстаніе новой, болѣе мѣстной и враждебной всѣмъ другимъ племенамъ династіи Халдео-Ассирійской, образованіе отдѣльныхъ, разностихійныхъ государствъ въ Малой Азіи и усиленіе эллинскаго дружиннаго общества перервали всѣ сношенія по путямъ южнымъ. Движеніе Кельто-Кумрійцевъ на сѣверъ въ междурѣчіе Волги и Дона разрѣзало цѣпь ванскихъ поселеній, за Кавказомъ. Примыкая къ глубокому Сѣверу и къ пригорью уральскому, Кимвры приняли часть дикаго быта и примѣсь словесныхъ стихій отъ средне-азійскихъ Финно-Турокъ, давно уже обогнувшихъ съ сѣвера область славянскую и населившихъ всю пустыню отъ Алтая до гранитныхъ утесовъ скандинавской цѣпи. Удаленіе Кимвровъ за Кавказъ относится ко времени Вано-Ассирійцевъ; изгнаніе ихъ изъ Приволжья современно паденію халдео-ассирійской династіи. Жительство ихъ въ степяхъ пріуральскихъ продолжалось около, если не болѣе, десяти столѣтій. Полчища ихъ прорывались иногда далеко на югъ чрезъ кавказскія ущелья; колоніи, вѣроятно, раскинулись далеко на сѣверо-западъ къ берегамъ Балтики (вендскаго *блата*) и, можетъ быть, въ сѣверъ Германіи. Но къ концу VII столѣтія до Р. Х. усилившіяся средне-азійскія племена съ береговъ Иртыша и Оби спустились къ волжскимъ берегамъ и вытѣснили Кимвро-Кельтовъ изъ ихъ древнихъ жилищъ. Разгромленные, испуганные дикимъ налетомъ кочеваго народа, Кимвры бѣжали, иные по прибережью Чернаго моря въ Малую Азію, гдѣ, послѣ разоренія многихъ городовъ, они погибли отъ соединеннаго напора туземцевъ; иные въ Крымъ, гдѣ они долго еще удерживались въ горахъ, тѣснимые Сармато-Аланами и Славяно-Гетами; иные на сѣверо-западъ въ Германію, въ Галлію и въ Британію заморскую, гдѣ они основали постоянныя жилища. Въ Германіи разрѣзали они приморскія области Славянъ и Германцевъ и поселились въ Херсонесѣ кимврскомъ, теперешнемъ Ютландѣ; въ Галліи они основали область Беолговъ (Белгію); въ Британіи утвердились подъ именемъ *Кумри*.

Кимвръ и *Іотунъ* или *Іютъ* одно и то же, какъ уже сказано; *Беолгъ*, по всѣмъ вѣроятностямъ, и по преданіямъ значило *священный* отъ корня *беолъ* или *белъ*. Имя *Волга* (Итиль, Волга или Болга—святая рѣка) дано ей тѣмъ же племенемъ, которое самого себя называло святымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть сѣверныхъ и восточныхъ семей въ Россіи, такъ же какъ и часть прибалтійскихъ *), Эстовъ и Леттовъ, состоитъ изъ смѣшенія стихій кельто-кумрійскихъ. средне-азійскихъ и отчасти сарматскихъ (въ Черемисахъ и Мордвѣ), *Кумри* и *Беолги* или *Фиръ-Болгъ* ворвались и въ Ирландію; но въ области уже болѣе образованной, чѣмъ остальные Кельты, и принявшей много началъ финикійскихъ, Кумри-Беолги приняты были какъ враги и завоевали себѣ жилища мечомъ. Радушнѣе былъ пріемъ въ полупустынной Британіи и въ Галліи, гдѣ пришествіе Белговъ усилило Кельтовъ и помогло имъ мало-по-малу подвигаться къ Средиземному морю, уничтожать венето-лигурскія и небольшія иверскія семьи и наконецъ составить громадную силу, долго угрожавшую всей южной Европѣ за Пиренеями, Альпами и въ самой Элладѣ. Возрастаніе Кельтовъ очевидно, совпадаетъ, съ бѣгствомъ Кимвровъ изъ ихъ восточной области.

Кочевые Средне-Азійцы, завоеватели Приволожья, прослыли Скиѳами у Эллиновъ и Иранцевъ по области, въ которой они поселились, ибо самая земля Кумрійцевъ считалась частью великой *сако-гетской* (славянской) стороны. Достигнувъ Кавказа, они скоро прорвались черезъ его восточные скаты по прибережью Каспія въ области иранскія и понеслись на югъ неудержимымъ, разрушительнымъ потокомъ. Передъ ними пали ополченія юнаго царства мидійскаго; Ниневія и Вавилонъ едва спасаются несокрушимою крѣпостью своихъ стѣнъ; Сирія, Финикія и Іудея покрываются развалинами городовъ своихъ и трупами жителей; Египетъ, устрашенный, высылаетъ своего фараона Псамметиха съ богатыми дарами навстрѣчу завоевателей и откупается отъ опустошительнаго набѣга. Это нашествіе совершенно похоже на налеты позднѣйшихъ ордъ Средней Азіи, на губительные походы Темуджина или Тимура. Цѣлыхъ двадцать восемь лѣтъ гостили дикари въ землѣ иранской, сохраняя свои кочевые обычаи и безпощадно угнитая побѣжденныхъ, покуда они не погибли въ одинъ день отъ измѣны и всеобщаго возстанія Мидіи. Уже много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ Европа и Азія знали имя и могущество Скиѳовъ; но не было ни прежде, ни послѣ подобнаго явленія до тѣхъ поръ, покуда не возстали въ силѣ своей народы горной средне-азійской твердыни. Очевидно, эти Скиѳы не имѣли съ истинными *Сако-Гетами* ничего общаго, кромѣ имени, даннаго имъ полученымъ невѣжствомъ южныхъ народовъ.

Большая часть ополченія, прошедшаго черезъ Кавказъ, была уничтожена. Бѣглецы, избѣгнувшіе смерти, и часть племени, оставшаяся на сѣверѣ, основали на нѣсколько вѣковъ свое кочевое жительство въ степяхъ придонскихъ и на берегахъ Чернаго моря. Тутъ сражался съ ними Дарій; тутъ зналъ ихъ Геродотъ, знавшій также, что они не назывались никогда

Скиѳами *); и въ то же время смѣшивавшій съ ними подъ однимъ общимъ названіемъ Вендовъ (Вудиновъ) и другія славянскія осѣдлыя семьи (которыхъ онъ называетъ съ большею справедливостью *Скиѳами землепашцами*), и вѣтви семей славянскихъ, принявшихъ по обычаю племени кочевой бытъ казаковъ для охраны своихъ мирныхъ и осѣдлыхъ братій; тутъ, наконецъ, погибли сѣверо-восточные пришельцы отъ дружнаго напора Сарматовъ съ востока и Гетовъ съ юго-запада.

Покуда Приволжье было областью Кимвровъ, выходцы изъ средняго Ирана, сыны горной области мидійской, Азы или Сарматы (позже извѣстные подъ именемъ Алановъ) отодвинули Кельто-Иверцевъ на сѣверъ и въ ущелія Кавказа и основали свое жилище на его южномъ скатѣ. Долго старались они безполезно прорватся черезъ эту горную твердыню и не могли вполнѣ одолѣть сопротивленія Кумрійцевъ. Кавказъ со своими тѣсными долинами, перехваченными каменною стѣною, прославился въ сказаніяхъ Ирана подъ именемъ желѣзнаго пояса, отдѣляющаго людей отъ злыхъ великановъ. То же самое сказаніе перенесено было Азами въ скадинавскій полуостровъ, и Эдда сохранила намъ имена двухъ враждебныхъ племенъ въ божественныхъ Азахъ (т.-е. Иранцахъ) и Іотунахъ (т.-е. Кимврахъ). Новопришлый кочевой народъ первымъ порывомъ своимъ могъ вытѣснить Кимвровъ и опустошить весь юго-западъ Азіи, но онъ не имѣлъ той плотной и упорной крѣпости, которая необходима для продолжительной борьбы. Сарматы, не одолѣвшіе сопротивленія Кумрійцевъ, вскорѣ отодвинули ихъ побѣдителей и заняли берега Волги и Каспія. Можетъ быть, они уже и прежде прорвались въ степь съ восточнаго берега Каспія (изъ земли позднѣйшихъ Парѳянъ) или съ моря; быть можетъ, они начали заселять устье Волги еще при Кумрійцахъ, но усилились они уже послѣ побѣды средне-азійскихъ Скиѳовъ. Сильнѣе и сильнѣе становился перевѣсъ Сармато-Алановъ, и когда послѣдніе Кумрійцы были принуждены бѣжать изъ Крыма, когда кочевое племя пришельцевъ погибло, когда остались соперниками только кроткія, но все непобѣжденныя семьи Вановъ славянскихъ, тогда Аланы наполнили весь міръ славою своего оружія и прослыли первымъ изъ народовъ Сѣвера.

Имена сарматскихъ вождей, ихъ вооруженіе и панцыри на коняхъ, остатки языка Азовъ въ Осетіи и вся миѳологія Азовъ въ Скандинавіи убѣдительно доказываютъ происхожденіе главной сарматской семьи изъ Ирана. Ея вѣтви и народы, составившіеся изъ примѣси къ нему инокровныхъ стихій (какъ *Язъ зиги*) и народы, принявшіе отъ него имя по тщеславію Аланъ, засвидѣтельствованному древними, весьма многочисленны и не были еще предметомъ дѣльныхъ монографій. Впрочемъ, для исторіи достаточно понять движеніе великаго средне-иранскаго племени на сѣверъ. Оно началось около 8 вѣковъ до Р. Х. и продолжалось до I или II по Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что враждебныя отношенія Кимвровъ, мнимыхъ Скиѳовъ и Сарматовъ, къ племенамъ вендскимъ должны были прекратить или по крайней мѣрѣ сильно ограничить торговлю восточныхъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ, жившихъ на Востокѣ отъ Каспія и Волги, съ ихъ западными братьями. Такимъ образомъ разъединеніе Восточнаго Ирана и Европы произошло почти въ одно время отъ границъ Египта до скатовъ Урала и сообщеніе не возобновлялось до тѣхъ поръ, покуда заволжское вендское казачество (Гунны) не прорвало преграды, положенной иноплеменниками въ продолженіе почти 20 вѣковъ.

Уже изъ древнихъ многіе полагали Сарматовъ выходцами изъ области мидійской (т.-е. средняго Ирана). Истина этого мнѣнія явна изъ показаннаго уже пути Азовъ отъ горъ Мазендерана до Скандинавіи и изъ прежняго общенія между Ванами и Азами. Слѣды же этого общенія, рѣзко врѣзавшіеся въ миѳологію Сѣвера, запѣчатлены на югѣ именемъ *Аза-Вана*, даннымъ Кабулу жителями Индустана. Разсказъ Геродота о происхожденіи Сарматовъ не заслуживаетъ никакого вниманія; но Діодоръ Сицилійскій *), несмотря на грубую ошибку, бросаетъ яркій свѣтъ на древнюю исторію Востока. «Скиѳы, по его словамъ, владѣли нѣсколько времени всѣми странами отъ Днѣпра до Индійскаго океана. Великіе государи управляли ими, давая свои имена многимъ народамъ (какъ-то Сакамъ, Массагетамъ и другимъ) и основывая многія колоніи. Изъ этихъ колоній двѣ самыя замѣчательныя: Сарматы, выселенные Скиѳами изъ Мидіи, и колонія, посланная ими же изъ Ассиріи въ Пафлагонію припонтійскую». Оставивъ въ сторонѣ ошибочное понятіе объ отношеніи и смѣшеніи Скиѳовъ древнихъ (Сако-Гетовъ) съ мнимыми Скиѳами (средне-азійскими), мы видимъ, что Діодоръ изъ преданій словесныхъ или писанныхъ знаетъ про мидійское (средне-иранское) происхожденіе Сарматовъ (Азовъ), про власть Скиѳовъ въ Ассиріи и про основаніе колоніи ихъ на берегахъ Чернаго моря. Такимъ образомъ объясняются Саки или Гуны привексинскіе, упоминаемые въ клинообразныхъ надписяхъ; а историческій ходъ истиннаго скиѳскаго (сако-гетскаго) племени, выведенный изъ другихъ источниковъ, подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ древняго писателя.

Индустанъ.—Развитіе Вишнуизма.—Буддаизмъ.

Между тѣмъ какъ народы европейскіе отрывались мало-помалу отъ своего восточнаго источника и общечеловѣческая жизнь разбивалась болѣе и болѣе на частную жизнь отдѣльныхъ семей, Индустанъ принималъ въ своемъ просвѣщеніи и въ развитіи своей синкретической религіи характеръ мѣстный, отчуждающій его отъ остальнаго міра. Власть была въ рукахъ завоевателей, поклонниковъ Вишну; но внутренніе безпрерывные раздоры уничтожали силу властвующаго племени и разрушали всѣ начала государственнаго единства. Борьба о первенствѣ между династіями царей, ведущихъ родъ свой отъ луны, и другихъ, ведущихъ родъ свой отъ солнца, засвидѣтельствована всѣми поэтическими сказаніями древности; она была основана, вѣроятно, не на однѣхъ страстяхъ мелкаго властолюбія, но на разногласіи въ самомъ характерѣ первоначальной религіи Вишнуитовъ.

Самое божество, ставши третьимъ членомъ индійской Тримурти, не было, какъ уже сказано, божествомъ самостоятельнымъ. Оно не имѣло въ началѣ своемъ той всеобъемлющей важности, которая принадлежитъ творческому Брахмѣ или органически производящему Шивѣ, но соотвѣтствовало лицу бога-посредника, который созданъ былъ мыслію иранской при ея первомъ сліяніи съ стихіями кушитскими. Въ немъ не должно искать ни Вела, ни Агура-Маздао, ни славянскаго Прабога; ему соотвѣтствуютъ второй Велъ, Митра, Торъ скандинавскій и Беленъ или Прій (Фрейеръ Скандинавовъ). Но въ этомъ униженіи идеи религіозной и въ переходѣ къ человѣкообразію должно было повториться и повторилось первоначальное явленіе иранскаго міра: поклоненіе божеству подъ его двумя символами, огня и воды, и раздвоеніе вѣры по преобладанію одного или другого символа*). Движеніе Вишнуитовъ въ Индустанъ было съ сѣверо-запада, колыбель ихъ была въ Бактріи, первенствующая стихія въ религіи была вода. Но во время этого движенія раздѣленіе восточнаго и средняго Ирана (т.-е. Вановъ и Азовъ) не было еще рѣзко; между ними продолжалось общеніе жизни и мысли. Завоеванія были общими (какъ видно изъ названія *Аза-Вана* или *Альфъ-Вана*, Афганъ *)), и, несмотря на преобладаніе ванскаго начала, стихія средне-иранская (преимущественное поклоненіе огню) должна была перенестись въ Индустанъ вмѣстѣ съ водопоклонствомъ. Раздоръ между родомъ царей лунныхъ (т.-е. поклонявшихся Вишну—водѣ, олицетворенному въ *сома*,—мѣсяцѣ) и царей солнечныхъ (т.-е. поклонявшихся Вишну-огню, въ *Сурья*-солнцѣ) ведетъ свое начало отъ разницы средне-и восточноиранскихъ религій. Кажется, можно еще замѣтить въ самомъ поэтическомъ характерѣ двухъ царскихъ династій, Раггуидовъ, хвалящихся *Вишну-Рамою*, и Пандуидовъ, слѣдовавшихъ ученію *Вишну-Кришны*, разницу начала племеннаго, именно болѣе воинственнаго и завоевательнаго (средне-иранскаго) въ Раггуидахъ, болѣе мирнаго и просвѣтительнаго въ потомкахъ Панду. Парасу-Рама равно чуждъ обоимъ: онъ есть не что иное какъ усвоеніе туземными Брахманами чуждаго божества. Истинные Вишнуиты (кшатріи) не отвергали его, но унижали. Поэзія не вдохновлялась имъ и упоминала о немъ (когда упоминала) съ явнымъ пренебреженіемъ (смотри Раггу-Вансу въ избраніи жениха).

Среди мелкихъ и темныхъ движеній Индустана, искони жившаго дружною жизнію умствующей религіи и философіи, возведенной до вѣрованія, и утратившаго свое высокое значеніе въ поэтическомъ, но безцвѣтномъ синкретизмѣ, готовилось новое великое явленіе, долженствующее измѣнить весь востокъ Азіи, проникнуть въ ея ледовитый сѣверъ и найти отзывы на материкѣ, отдѣленномъ отъ нея безконечною пустынею Тихаго океана.

Вишнуизмъ по своему синкретическому характеру готовъ былъ принимать всякую религіозную стихію и усвоить себѣ всѣ возможные миѳы. Онъ примирился съ Шиваизмомъ; онъ принялъ въ себя Буддаизмъ въ видѣ аватара (Вишну-Будда); но не въ духѣ Индіи было оставить неразвитою основу ученія буддаическаго и не въ духѣ Буддаизма было согласиться на такую унизительную сдѣлку. Въ немъ лежало глубокое логическое понятіе о законѣ необходимости въ мірѣ проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души человѣческой на свободу внѣмірную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на время при размельчаніи религіозной жизни въ Индустанѣ; исчезнуть вполнѣ онѣ не могли: почва индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концѣ II тысячелѣтія до Р. Х. *), въ самомъ центрѣ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ; онъ воскресилъ, пополнилъ и пустилъ въ общій ходъ тайное, древнее ученіе жрецовъ кушитскихъ. Прозваніе его осталось безсмертнымъ и почти однозначащимъ съ именемъ самаго Божества; тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, носящія на себѣ первобытный характеръ пещернаго поклоненія (напр., огромный храмъ въ Цейлонѣ, пещера Панду-Ленская и др.), засвидѣтельствовали его торжество; Индустанъ жадно принялъ вѣру, исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія; и наконецъ, когда послѣ 14-тивѣковой борьбы Буддаизмъ былъ изгнанъ изъ странъ пригангесскихъ, онъ завоевалъ почти треть населенія всего земного шара.

Невозможно опредѣлить истинное имя буддаистскаго реформатора: оно исчезло или слилось съ другими, которыхъ нельзя считать собственно именами, но должно принять за прозвища. Его, очевидно, называютъ иногда Готама; но самое имя Готама принадлежитъ глубочайшей древности и таинственнымъ ученіямъ первоначальнаго Буддаизма. Въ немъ видно искаженіе формы, прославленной уже у Финикіянъ и которую можно прослѣдить до самой колыбели Кушитства, до предъ-исторической Эѳіопіи, именно формы *Кадмъ*. Эта форма отзывается въ одномъ изъ внѣ-индустанскихъ названій буддаистскаго реформатора, *Самано-Кодомъ* *). Имя же *Саманъ* или *Шаменъ* (области эѳіопской) живетъ еще доселѣ, какъ имя буддъ и до сихъ поръ въ Абиссиніи дается духамъ пещернымъ. Другое прозвище того же учителя, *Шакья*-или *Сингга-муни* представляетъ весьма много различныхъ измѣненій и столько же различныхъ толкованій. Окончаніе его *муни* ясно: въ немъ заключается идея отшельника-мудреца; въ первой же половинѣ, можетъ быть, скрывается то же самое слово, которымъ обозначена въ Индустанѣ философская школа, весьма близкая къ Буддаизму,—*Санкхъа**). Вѣка скрыли имя реформатора и исказили его прозвище. Легенды о его жизни, исполненныя басенъ и нелѣпостей, не представляютъ никакой опоры для историческихъ изслѣдованій: всѣ онѣ принадлежатъ къ вѣкамъ довольно позднимъ и составлены изъ сброда всѣхъ возможныхъ сказаній. Многія изъ нихъ составлены послѣ Р. Х., слѣдовательно вѣковъ 12 послѣ лица, котораго біографію онѣ заключаютъ. Такъ, напр., въ иныхъ соединяются подражанія разсказу о Рамѣ, натягивающемъ лукъ царя Джанаки, и подражанія евангельскому разсказу о Срѣтеніи.

Сначала, когда еще ученіе Шакья-муни не объявляло притязаній на единовластіе въ Индустанѣ, всѣ другія религіи, впитавшія въ себѣ духъ терпимости вишнуитской, жили съ нимъ мирно и позволяли его распространеніе. Уничтоженіе кастъ, основное постановленіе Буддаизма, противное Брахманамъ, находило сочувствіе въ Вишнуитахъ и Шиваитахъ; ибо ясно, что рѣзкое раздѣленіе кастъ, угнетеніе низшихъ и совершенное ихъ уничтоженіе появилось уже въ сравнительно позднее время, когда гордыя страсти Брахмановъ, разсвирѣпѣвшія въ борьбѣ, нашли себѣ просторъ послѣ окончательной побѣды. Къ этой эпохѣ мирнаго пребыванія Буддаистовъ въ Индіи относится основаніе секты Яйновъ, враждебной всѣмъ другимъ сектамъ (особенно же чистому Брахманству) и между тѣмъ поклоняющейся почти всѣмъ миѳическимъ лицамъ, занятымъ ею у древнѣйшихъ вѣрованій. Связь ея съ Буддаизмомъ обличается въ преимущественномъ почитаніи *Гаутамы* и его слѣда (прабатъ) и въ пещерномъ богопоклоненіи; но несмотря на временное ея преобладаніе въ Индустанѣ, ея мелкій характеръ (нѣчто похожее на обоготвореніе героевъ), спасшій ее отъ жестокихъ преслѣдованій, не позволилъ ей никогда имѣть сильное вліяніе на судьбу человѣчества и на его умственное развитіе. Поклоненіе же героямъ вытекло изъ коренного ученія Буддаистовъ весьма естественнымъ образомъ. Уничтоженіе личности божественной и обращеніе ея въ отвлеченное понятіе о духѣ повело къ мысли, что отвлеченное понятіе принимаетъ существенность (конкретируется) въ человѣкѣ и не въ человѣкѣ вообще, но въ нѣкоторыхъ людяхъ. Таковъ смыслъ *Яинства*, таково значеніе и позднѣйшаго Ламаизма.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ламаизмъ предполагаетъ постоянное воплощеніе не Будды собственно, но его пророка. Такое понятіе, удаляющее, повидимому, мысль о воплощеніи самаго божества, сбиваетъ ученыхъ: они забываютъ, что коренной характеръ Буддаизма есть идея о божествѣ самоуничтожившемся. Оно обратилось въ отвлеченіе, котораго конкреція невозможна. Частныя же проявленія одни только и даютъ существенность истинно-несуществующему богу; поэтому высшіе пророки суть единственныя возможныя его воплощенія. Здравая критика не можетъ не замѣтить многихъ точекъ соприкосновенія и даже вообще разительнаго сходства между древнимъ ученіемъ кушитскихъ жрецовъ и новымъ Гегелизмомъ. Еще недавно въ этой философской школѣ возникло даже, какъ извѣстно, яинство *) (поклоненіе героямъ). Ходъ человѣческой мысли всегда тотъ же: и смѣшно, и жалко, и все-таки не совсѣмъ въ ссорѣ съ логикою.

Къ той же исторической эпохѣ относятся, по всей вѣроятности, или по крайней мѣрѣ большая часть поэмъ или легендъ, въ которыхъ соединяется имя Будды съ именами другихъ боговъ индустанскихъ, представленныхъ въ видѣ его служителей. Эти поэмы, въ которыхъ поэтическаго очень мало, имѣютъ значеніе историческое и представляютъ повтореніе одной и той же идеи, именно, что всякая мудрость есть только преддверіе и слабое начало мудрости буддаической.

A priori можно угадать, что чаще всего должны были встрѣчаться соединенія Будды съ Шивою. У нихъ одна колыбель (область Кушитовъ африканскихъ), одна эмблема (*чарка*), одна основа логическая, связанная съ прямою противоположностью духовнаго созерцанія. Дѣйствительно, легенда о Матсіендрѣ (иначе Локесвара) представляетъ совершеннѣйшее сліяніе Шиваизма съ ученіемъ Будды *).

Къ несчастію, невозможно прослѣдить съ совершенною точностію распространеніе Буддаизма по Индостану и внѣ его предѣловъ. Множество легендъ и желаніе примирить ихъ запутало все лѣтосчисленіе: каждый изъ великихъ учителей буддаическихъ является по нѣскольку разъ, и трудно опредѣлить, которыя изъ хронологическихъ данныхъ ближе къ истинѣ.

Такъ, напр., нѣсколько Амитабга, нѣсколько Шакья-муни и Авалокитсвара жили будто бы въ разныя времена.

Разборъ этихъ частностей принадлежитъ монографіямъ; общій же ходъ человѣческаго развитія въ его отношеніи къ Буддаизму довольно ясенъ. Отъ временъ Шакья-муни до великаго царя Викрамадитья (т.-е. отъ XII до I вѣка прежде Р. X.), несмотря на частныя и временныя гоненія, возрожденное ученіе Будды продолжало усиливаться и распространяться не только въ самомъ Индустанѣ, но и далеко за его границами. Кашмиръ и Кабулъ приняли проповѣдь Шакья-муни за нѣсколько вѣковъ до Р. X. Въ Цейлонѣ Буддаизмъ сдѣлался первенствующимъ вѣрованіемъ въ IV-мъ столѣтіи и, можетъ быть, даже ранѣе; наконецъ, безконечный просторъ Китая открылся для Буддаистовъ лѣтъ за шестьдесятъ до нашей эры въ царствованіе Минг-ти изъ династіи Ханъ. Политическая исторія Индустана не представляетъ великихъ потрясеній, подѣйствовавшихъ на міръ, но духовная жизнь его разлилась далеко на сѣверъ, востокъ и югъ. Когда наступило время борьбы Буддаизма съ другими религіями, онъ палъ передъ ихъ воинственнымъ напоромъ; но результаты самой борьбы представляютъ два факта весьма замѣчательные. Первый тотъ, что новый Буддаизмъ уцѣлѣлъ или восторжествовалъ именно въ тѣхъ областяхъ, которыя ему искони принадлежали по своему племенному или умственному началу (напр., въ Цейлонѣ, въ Кашмирѣ, въ Китаѣ и Тибетѣ), и погибъ въ области искони иранской по племени и духу, въ междурѣчіи Ганга и Инда; второй тотъ, что Вишнуизмъ, мелкій, человѣкообразный, потерялъ въ Индустанѣ свое первенство и что Брахманство возвратилось на короткое время къ своему первобытному глубокому значенію.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ явленія въ исторіи человѣчества (кромѣ христіанства), которое бы величіемъ своимъ и вліяніемъ на развитіе человѣческой мысли и всемірнымъ значеніемъ равнялось Буддаизму.

Магометанство исключается изъ этого сравненія. Все великое въ Коранѣ принадлежитъ началу христіанскому. Величіе Буддаизма принадлежитъ собственно ему самому. Горячій прозелитизмъ, живой плодъ любви къ истинѣ и къ человѣчеству, отличаетъ его послѣдователей и выражается въ таинственномъ поклоненіи слѣду Будды (*прабатъ*); но этотъ прозелитизмъ кротокъ, полонъ самоотверженія и смиренія. Правда, что чувство любви, пробужденное въ душѣ Буддаистовъ, доходитъ до безмыслія, ибо уравниваетъ человѣка съ животнымъ; правда, что самая любовь и самопожертвованіе теряютъ свое высокое достоинство, ибо высшее совершенство признается не въ любви, а въ совершенномъ безстрастіи; но чудная чистота аскетическаго вѣрованія, сопряженная съ пламенною проповѣдью, геройство мученическаго терпѣнія и, наконецъ, высокая гордость духа, ищущаго своей свободы въ самоуничтоженіи,—все это вмѣстѣ составляетъ цѣлое, которому ни самохвальная Европа, ни весь остальной міръ не представляютъ ничего подобнаго. Буддаизмъ ожидаетъ и заслуживаетъ монографій. Мы уже сказали, что въ мірѣ религіи онъ совершенно соотвѣтствуетъ Гегелизму въ философіи, слѣдовательно, стоитъ во столько же выше его, во сколько религія сама выше философіи или полнота вѣрованія и жизни выше отдѣльнаго мышленія. Добросовѣстная и внимательная критика ученія Шакья-муни и его послѣдователей отъ Ламаизма до Яинства найдетъ всѣ оттѣнки гегелевой школы отъ ея крайняго праваго до крайняго лѣваго фланга, соединяя такимъ образомъ возможность вѣрованія, доведеннаго до самаго нелѣпаго суевѣрія, и явное безвѣріе, не способное къ возврату. Существуетъ ли Будда внѣ своихъ проявленій? Можетъ ли духъ конкретироваться въ своей полнотѣ и конкретируется ли кромѣ міра?

Самое величіе Буддаизма и въ то же время прямое его стремленіе къ безбожію должны были вызвать сильное противодѣйствіе Врахмановъ. Брахманы призвали на помощь худшія страсти человѣчества, своекорыстныя выгоды высшихъ кастъ, мерзость религіозной аристократіи и всѣ низкія и вещественныя стремленія души къ сладострастію и разврату. Брахманы употребили гнусное насиліе, облили Индустанъ кровью милліоновъ страдальцевъ. Брахманы торжествовали не чистое торжество, ставъ несравнено ниже побѣжденныхъ Будистовъ и почто на одинъ рядъ съ Доминиканцами Испаніи или крестоносцами въ Далмаціи и сѣверной Германіи; но въ тоже время Брахманы пробудили въ своемъ отечествѣ древне-иранскую идею, чистое понятіе о существованіи божества, о его свободномъ творчествѣ и о возможности свободы въ мірѣ проявленій. Этой славы не должно забывать. Самые безчеловѣчные гонители Буддаизма были въ то же время великими мыслителями и философами. Но истина не можетъ торжествовать въ союзѣ съ ложью и зломъ. Побѣда Брахманства была бѣдствіемъ для человѣчества. Гнетъ власти легъ тяжелѣе на нижнія касты. Религія, не надолго очищенная, приняла характеръ большей свирѣпости и вскорѣ утратила свой прозрачный символизмъ. Священныя книги (какъ-то законыМану и даже отчасти Веды) были совершенно искажены примѣсью и вставками. Поэзія потеряла свою веселую и вдохновенную свободу; жизнь заковалась въ формы искусственныя. Кроткая власть Вишнуитовъ замѣнена желѣзнымъ игомъ мѣшаныхъ сектъ, оправданныхъ въ глазахъ Брахмановъ только однимъ, — ненавистью къ Буддаистамъ. Индустанъ, изгнавъ духовную реформу кушитскую, унизивъ чистое Брахманство до грубо-политической религіи и въ то же время утративъ художественное вдохновеніе человѣкообразнаго Вишнуизма, сдѣлался неспособнымъ къ новымъ великимъ явленіямъ внѣшней жизни гражданской или внутренней жизни духовной. Словесность никогда уже не являлась въ томъ блескѣ, которымъ она окружила престолъ Викрамадитьи; и во всеобщемъ упадкѣ, въ грязи разврата и безсмыслія, первенство и народное поклоненіе и даже власть достались почти вездѣ самому грязному изъ всѣхъ вѣрованій индустанскихъ, искаженному наслѣдію Кушитовъ, Шиваизму.

Китай.—Его процвѣтаніе.—Лао-тсеу, Конфуцій.

Около того времени, когда Шакья-муни реформою Буддаизма приготовлялъ новую духовную эпоху для большей половины Азіи, династія *Чеу* основывала государственное могущество Китая. Ея предшественники (династіи *Гіа* и *Шангъ*), прославленныя въ народныхъ преданіяхъ, безъ сомнѣнія уже сильныя и образованныя, владѣли областью менѣе обширною и, по недостатку письменныхъ памятниковъ, принадлежатъ еще отчасти (особенно династія *Гіа*) временамъ полубаснословнымъ или той эпохѣ исторической, которую скорѣе можно угадывать, чѣмъ описывать послѣдовательно. Первый изъ царей *Чеу*, Ву-вангъ, возстановившій, по словамъ Китайцевъ, а по всей вѣроятности создавшій императорскій титулъ *ти* (божественный), открываетъ своимъ царствованіемъ эпоху чисто-историческую. Почти десять вѣковъ продолжалось владычество его потомковъ, ознаменованное многими подвигами и частыми бѣдствіями. Самая продолжительность безпрерывнаго престолонаслѣдія въ одномъ домѣ способствовала исторической опредѣлительности въ преданіяхъ, твердости въ законодательствѣ и сохраненію письменныхъ свидѣтельствъ о жизни государства. Древній обычай, по которому царствующій домъ отдавалъ области имперіи въ наслѣдственное управленіе другимъ родственнымъ семьямъ или родамъ, заслуживавшимъ особенное благоволеніе государя, принесъ свои гибельные плоды. Со всѣхъ сторонъ возникли независимыя государства, едва признающія первенство императоровъ дома *Чеу* и уступающія ему только почести (напр. право приносить жертвы верховному Божеству), а не власть. Но самое это раздробленіе Китая и ничтожество послѣднихъ преемниковъ Ву-ванга свидѣтельствуютъ о могуществѣ внутренней жизни народной и объ единствѣ началъ во всей имперіи. Не было единства видимаго, не было силы принудительной; но, въ стремленіи своемъ къ преобладанію надъ другими, ни одна область не подумала отторгнуться и начать собственную единичную жизнь. Всѣ жили однимъ преданіемъ древности, одною гордостью народною, однимъ характеромъ просвѣщенія; во всѣхъ была та же безумная односторонность государственнаго быта, поглощающаго всѣ помыслы и всѣ умственныя силы Китайца. Разрѣшеніе задачи государственной во всей полнотѣ пользы и справедливости,—таковъ былъ жизненный вопросъ каждаго изъ мелкихъ царствъ, стремившихся къ первенству. Постоянное внутреннее единство жило въ видимомъ и внѣшнемъ дробленіи.

Воинственнѣе и предпріимчивѣе были преемники Чеу, *Тсины*, завоевавшіе весь югъ Китая и покорившіе часть загангесской Индіи; великолѣпнѣе и могущественнѣе были *Ханы* (1-я династія *Ханъ*), покорившіе всѣ племена горной тибетской твердыни, угрожавшіе Персіи, посылавшіе войска свои до далекихъ береговъ Каспія, замышлявшіе войну съ Римомъ и выдвинувшіе изъ средней Азіи часть кочевыхъ финно-турецкихъ народовъ, которые смѣшались съ великимъ племенемъ славянскимъ или ворвались бурнымъ потокомъ въ глубь Европы. Но династія Чеу стоитъ выше ихъ всѣхъ въ значеніи историческомъ: при ней выказались явно и утвердились на незыблемыхъ основахъ всѣ особенности китайскаго характера, особенности, до сихъ поръ не измѣнныя и отдѣляющія Восточную имперію отъ всѣхъ другихъ государствъ міра.

Слава этой эпохи принадлежитъ не одному царственному дому и не случайности геніальныхъ государей, но общему стремленію народа, получившаго посредствомъ великихъ мыслителей полное сознаніе своей внутренней жизни. *Лао-тсеу*, *Кунг-фу-тсеу* (или *Кунг-тсеу*) и *Минг-тсеу* положили начало всему послѣдовавшему развитію Китая; но великое умственное движеніе и горячая любовь къ просвѣщенію выразились еще за четыре вѣка прежде ихъ въ одномъ изъ первыхъ преемниковъ Ву-ванга. *Му-вангъ*, котораго долгое царствованіе и многолѣтняя жизнь принадлежатъ къ благополучнѣйшимъ эпохамъ государства, оставилъ престолъ и заботы царства, чтобы искать внѣ его предѣловъ мудрость и знаніе Западнаго міра. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ его странствованіи, о которомъ сохранились только сказочные и поэтическіе отрывки, но должны по его продолжительности предположить, что Му-вангъ посѣтилъ области весьма далекія, видѣлъ великія современныя явленія юго-западной Азіи и принесъ съ собою въ отечество сѣмена многихъ наукъ, чуждыхъ предыдущей эпохѣ*).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ глубокой древности сношенія между народами были гораздо обыкновеннѣе и свободнѣе, чѣмъ во времена позднѣйшія, что мысли и религіозныя начала легко переносились изъ края въ край міра; но эти вѣка общенія прошли, и во всякомъ случаѣ Му-вангъ представляетъ первый примѣръ государя, искавшаго мудрости внѣ своего государства. Одно его путешествіе опровергаетъ достаточно нелѣпыя мнѣнія европейскихъ писателей, вообразившихъ себѣ Китай искони неприступнымъ для иноземцевъ, и нелѣпое самохвальство Китайцевъ, отрицающихъ всякое вліяніе чужестранныхъ стихій до законнаго введенія Буддаизма. Могла ли Россія быть негостепріимною при Петрѣ или Китай при Му-вангѣ; и могло ли быть безплоднымъ сочетаніе государственнаго начала Восточной имперіи съ глубокомысленнымъ движеніемъ ума человѣческаго въ Индустанѣ или въ юго-западной Азіи?

Главное сказаніе о путешествіи Му-ванга содержитъ въ себѣ его свиданіе съ какимъ-то баснословнымъ лицомъ,— матерью западнаго царя, и ихъ разлуку на границѣ Китая. Невозможно утверждать историческую догадку на такой слабой основѣ, но и не должно пропустить безъ вниманія то обстоятельство, что племена вано-бактрійскія олицетворяются (какъ уже сказано) во всѣхъ преданіяхъ подъ именемъ царицъ. По всей вѣроятности разсказъ китайскихъ лѣтописцевъ содержитъ темный памятникъ дружественныхъ сношеній между Бактріею и Китаемъ, памятникъ, подтвержденный болѣе ясными свидѣтельствами о ванскихъ караванахъ и о гостиницахъ, построенныхъ для ихъ угощенія согласно съ ихъ нравами.

Сближеніе отдаленнѣйшаго Востока съ иранскою областью принесло благодатные плоды. Со времени *Ы-ванга*, внука му-вангова (X вѣкъ до Р. Х.) лѣтопись китайская представляетъ большія подробности не только о цѣломъ государствѣ, но и объ его областяхъ. Отъ царствованія *Ли-ванга* (IX-й вѣкъ до Р. Х.) остались многія произведенія поэтическаго негодованія, возбужденнаго его пороками. Отъ царствованія *Пинг-ванга* (VIII-й вѣкъ до Р. Х.) сохранились весьма вѣрныя исчисленія солнечныхъ затменій, продолжавшіяся до V вѣка, т. е. эпохи совершеннаго упадка (хотя еще не прекращенія) династіи Чеу.

Нельзя не замѣтить, что постоянныя исчисленія затменій начинаются въ Китаѣ скоро послѣ эры Набонассара*). Нѣсколько затменій, будто бы исчисленныхъ до этого времени, принадлежатъ вѣкамъ баснословнымъ, о которыхъ Китайцы, безумные поклонники древности, выдумывали что хотѣли. Всѣ сказанія о династіяхъ *Гіа* и *Шанъ* представляютъ характеръ преданій. Въ нихъ только то и заслуживаетъ вниманія, что согласно съ этимъ характеромъ. Все то, что имѣетъ притязаніе на строгую документальность, прибавлено тощею изобрѣтательностью восточныхъ ученыхъ. Изъ этого правила едва ли можно исключить даже послѣднія столѣтія династіи Шанъ. Первое затменіе, предсказанное астрономами Эллады, относится ко времени Кіаксара (въ его войну съ Лидійцами), т. е. къ концу VII вѣка до Р. Х. Современность наблюденій вавилонскихъ и китайскихъ, за которыми чрезъ столѣтіе слѣдуютъ эллинскія, доказываетъ безспорно существованіе одного центра при-евфратскаго, изъ котораго распространилась наука о законахъ планетнаго движенія.

Этотъ центръ указанъ былъ выше; но скорый отзывъ далекаго Китая на открытіе, сдѣланное въ Ассиріи, представляетъ важное и неопровержимое свидѣтельство о мирныхъ спошеніяхъ между иранскими, средне-азійскими и восточно-азійскими народами. Мнимое разъединеніе пародовъ въ глубокой древности представляется вездѣ какъ нелѣпый вымыселъ позднѣйшихъ, менѣе человѣческихъ и болѣе эгоистическихъ вѣковъ и идетъ подъ пару системѣ туземства (автохтонства).

Нѣтъ сомнѣнія, что наука астрономическая, плодъ соприкосновенія иранскихъ и кушитскихъ племенъ, существовали прежде и гораздо прежде Набонассара *): но или законъ затменій былъ въ числѣ тайнъ еще не открытыхъ или самая наука, временно потемненная бурями военными, вновь просвѣтлѣла въ ново-возставшемъ царствѣ стародавняго Вавилона. Въ послѣднемъ случаѣ, довольно вѣроятномъ по совершенству древнихъ цикловъ, неудивительно бы было найти нѣкоторыя наблюденія, предшествовавшія Набонассару; но при всемъ этомъ очевидно, что его царствованіе было важною эпохою для небознанія, эпохою не мѣстнаго, но почти всемірнаго развитія. Не такъ же ли процвѣтало, падало и вновь возставало мореплаваніе, едва достигшее въ XV вѣкѣ послѣ Р. Х. той высокой степени, на которой оно стояло при фараонѣ Нехао и при безстрашныхъ Финикійцахъ, или въ древность еще глубочайшую? Показаніе Халдеевъ или жрецовъ вавилонскихъ о мнимомъ уничтоженіи памятниковъ астрономическихъ при Набонассарѣ не заслуживаетъ никакой вѣры: это простая хитрость людей, хвастающихся безконечно древнимъ знаніемъ и извиняющихъ отсутствіе всѣхъ его памятниковъ. Царь могъ уничтожить историческія записки, свидѣтельствующія о прежнемъ рабствѣ Вавилона при владыкахъ ассирійскихъ и вано-бактрійскихъ; но мудрость астрономическая не на долго бы утаилась отъ близкихъ Финикіянъ, вѣчно жившихъ на волнахъ океановъ, точно такъ же какъ она не утаилась отъ далекихъ Китайцевъ и отъ полудикихъ Эллиновъ.

Вслѣдъ за этими признаками преуспѣвающаго просвѣщенія наступило время, когда Китай, познавшій вполнѣ свое исконное стремленіе, выразилъ себя въ твореніяхъ великихъ своихъ мудрецовъ. Первый изъ нихъ по времени, Лао-тсеу, представляетъ болѣе слѣдовъ чужестраннаго влiянiя, чѣмъ другiе. Его занимаютъ вопросы отвлеченные и личность человѣческая; государство и общество откинуты на вторую степень. Это преобладанiе человѣка надъ гражданиномъ отзывается вполнѣ западными ученiями.

Человѣкъ въ Китаѣ, какъ и вездѣ, сохраняетъ свои права на всѣ человѣческiе вопросы, хотя онъ и является со всѣми особенностями мѣстнаго развитiя. Поэтому Лао-тсеу могъ бы считаться свободнымъ протестомъ духа человѣческаго противъ сухой односторонности собственно-китайскаго начала; но его появленiе вслѣдъ за явнымъ влiянiемъ иранскихъ областей, преданiя объ его путешествiяхъ, ставящiя его въ прямомъ отношенiи къ Западу, и многiя подробности его творенiя (напр., намекъ на систему возрожденiй—метемпсихозы) заставляютъ здравую критику признать его представителемъ юго-западной Азiи въ Китаѣ.

Философiя Лао-тсеу имѣетъ характеръ умозрительной религiи и его послѣдователи дѣйствительно основали религiозную секту, достигшую величайшей силы черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х. Поклоненiе верховному разуму (ученiе Лао-тсеу) было многими учеными принято за новый видъ Буддаизма. Такое ошибочное мнѣнiе происходитъ отъ того, что еще не познали логической основы, общей всѣмъ ученiямъ кушитскаго мiра, и внутренней борьбы между этой основою и стремленiемъ къ свободѣ борьбы, изъ которой возникъ Буддаизмъ. Поклоненiе верховному разуму есть чистое единобожiе, содержащее въ себѣ темное эманацiонное начало, довольно близкое къ творчеству. Впрочемъ самый верховный разумъ (или божество, Тао) объясненъ весьма неопредѣлительно, и понятiе о какомъ-то вѣчномъ хаосѣ, перешедшемъ въ стройный мiръ отъ всесильнаго дѣйствiя Тао, напоминаетъ ученiе Халдеевъ о предсвѣтномъ мракѣ, выраженное миѳической Оморкою. Лао-тсеу родился въ странѣ, въ которой древнiя преданiя Ирана (Симо-Яфетидовъ) уже были давно вытѣснены просвѣтителями, принесшими изъ Капмира кушитскую стихію въ ея буддаистскомъ развитіи; онъ не находилъ опоры въ прошедшемъ и устранилъ всѣ историческія данныя; по этому самому его религіозная философія, плодъ чистаго умозрѣнія, лишена жизненнаго начала и заклеймена тою сухою ограниченностью, которая замѣтна во всѣхъ произведеніяхъ Китая. Въ немъ соединяются гордое самодовольство и увѣренность въ силахъ человѣка съ дѣтски-педантною формальностью и изумительно-высокое понятіе о разумѣ съ совершеннымъ отсутствіемъ чувства. Отъ этого самая жизнь положительная и внутреняя, къ которой онъ стремится, получаетъ неизгладимый характеръ отрицательности и внѣшности; отъ этого мертвая отвлеченность его ученія должна была уступить первенство практической силѣ его соперника, Конг-фу-тсеу.

Единобожіе въ опредѣленной формѣ не было неизвѣстно въ Китаѣ; по крайней мѣрѣ самъ Лао-тсеу называетъ свое ученіе не новостью. Имя, данное имъ божеству (Тао), представляетъ разительное сходство съ иранскимъ названіемъ *Дивъ*, *Дева*, элл. Θεος и, кажется, совершенно тождественнымъ съ зендскимъ *дао*, въ имени благаго начала, *Агура Маз-дао*. Съ другой стороны можно замѣтить, что въ основаніи ученія сохраняется и кушитское понятіе объ органической полярности, въ которой преобладаетъ женское начало. Итакъ, самая система китайскаго философа носитъ всѣ признаки ученія синкретическаго и внутренно-несвязнаго. Эта внутренняя безсвязность и въ то же время совершенное отсутствіе всякой основы въ прошедшемъ даютъ ученію о верховномъ разумѣ характеръ произвольнаго умствованія, и Конг-фу-тсеу, пораженный недостатками своего предшественника, но отдающій справедливость возвышенности его мыслей, выразилъ свое сужденіе съ безпристрастіемъ и поэтическою вѣрностью. «Я не удивляюсь полету птицъ, плаванію рыбъ, бѣгу четвероногихъ. Знаю какъ ловить рыбу бреднями, четвероногихъ сѣтями и какъ стрѣлами бьютъ птицъ; но не знаю, какъ драконъ можетъ подниматься до небесъ на крылахъ вѣтра и облаковъ. Я видѣлъ Лао-тсеу: онъ подобенъ дракону». Святость дракона въ Китаѣ извѣстна.

Иранская мысль должна быть принята во всей своей полнотѣ: она не терпитъ сдѣлокъ съ другими системами; она основывается на преданіи и не возстановляется дѣйствіемъ чисто-логическимъ, ибо понятіе о свободномъ творчествѣ не заключается въ логическихъ формулахъ и не выводится изъ нихъ; она можетъ быть угадана только высшимъ созерцаніемъ, перешедшимъ за тѣсныя границы умствованія, или трудами вѣковъ, прошедшихъ всѣ возможныя степени отрицанія.

Такъ напр. Лао-тсеу слѣдовало отрицать возможность дѣйствія вѣчной строящей мысли на вѣчное, чуждое ему и нестройное, вещество; такъ законъ необходимости (въ Спинозѣ) долженъ былъ быть доведенъ (какъ сдѣлалъ Гегель) до самоотрицанія въ законъ свободы; такъ законъ свободы долженъ былъ доведенъ до самоотрицанія въ законъ равнодушія и т. д.

Всего этого невозможно требовать отъ Лао-тсеу. Онъ остался реформаторомъ глубокомысленнымъ, но неполнымъ и сухимъ, заключеннымъ въ мелкій формализмъ, исполненнымъ возвышенныхъ мыслей, но не согрѣтымъ внутреннею жизнію любви и отъ этого безсильнымъ для перерожденія отечества. За всѣмъ тѣмъ исторія видитъ въ немъ одно изъ могучихъ своихъ явленій и признаетъ великое достоинство его ученія, сохрянившаго въ Китаѣ искру отвлеченнаго богопознанія, которая погибла бы въ грубой вещественности и въ практической одностороности конфуціевой системы.

Должно замѣтить, что философъ, начальникъ школы въ Китаѣ, не то, что въ другихъ странахъ. Его важность несравненно болѣе, и его дѣятельность получаетъ значеніе государственное. Философія соединяется въ Китаѣ неразрывно съ религіею, и религія не имѣетъ въ немъ другого выраженія кромѣ философіи. Итакъ, въ философскихъ школахъ сосредоточивается вся высшая духовная жизнь общества и отчасти весь смыслъ исторіи, развивающей сокровенныя силы народной мысли въ послѣдовательности полу-случайныхъ, полунеобходимыхъ происшествій. Отъ этого ни индустанскіе, ни эллинскіе мыслители не могутъ стать на ряду съ Ляо-тсеу и Конгфу-тсеу.

Еще при жизни Лао-тсеу, но совершенно независимо отъ него, явился другой великій мыслитель, Конфуцій (Конг-фу-тсеу). Въ немъ сосредоточиваются и вполнѣ выражаются всѣ особенности китайскаго характера. Остальной міръ какъ будто не существуетъ для него. Безусловный поклонникъ старины, онъ требуетъ отъ современниковъ только возврата къ минувшему, и это требованіе было впослѣдствіи исполнено согласно съ понятіями китайцевъ о минувшихъ баснословныхъ вѣкахъ своего отечества. Поэтому Конфуцій представляетъ въ себѣ и зеркало прошедшаго, и всѣ зародыши будущаго. По своему историческому значенію онъ стоитъ выше своего предшественника и выше всѣхъ философовъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Династія *Тсинъ*, преслѣдовавшая его ученіе, только утвердила его торжество. Сильною рукою соединивъ весь Китай въ единую державу, она приготовила развитіе народной мысли во всей ея полнотѣ, и народная мысль жила въ Конфуціи.

Понятія его о религіи совершенно неопредѣленны, а неопредѣленность его понятій доказываетъ отсутствіе религіознаго чувства въ народѣ; ибо, строгій блюститель преданія, онъ не могъ оставить безъ вниманія вѣры, переданной прежними вѣками. Обрядамъ религіознымъ онъ былъ не чуждъ и требовалъ ихъ вѣрнаго исполненія; но невозможно сказать, какая мысль скрывалась для него въ этихъ обрядахъ. Въ нихъ проглядываютъ единобожіе и поклоненіе одному верховному Владыкѣ, котораго невидимое величіе выражается въ видимой красотѣ неба и стройности міра; но въ то же время нѣтъ ни малѣйшаго слѣда творческой дѣятельности божества, ни малѣйшаго признака иранскихъ преданій. Вліяніе западное, ясно высказанное въ лѣтописи Китая отъ начала династіи Чеу до Лао-Тсеу, совершенно ничтожно въ Конфуціи. Въ то же время и самая органическая двойственность (*гангъ* и *гинъ*), о которой онъ упоминаетъ, не имѣетъ въ себѣ ничего религіознаго и не сближаетъ его съ міромъ кушитскимъ. Плодъ мѣстнаго развитія, созданный духомъ своего народа, Конг-фу-тсеу былъ равнодушенъ къ вопросамъ отвлеченнаго богопознанія и жилъ только для практическаго приложенія нравственныхъ законовъ къ обществу человѣческому. Чудная и возвышенная страсть направляла всѣ думы и поступки великаго мыслителя къ одной великой цѣли, ко благу людей. Задача всего Китая — логическое развитіе государства изъ законовъ правды и любви,—была единственнымъ предметомъ его многолѣтней жизни, въ немъ рѣзко проявляется односторонняя ограниченность народа; но по глубокому убѣжденію въ мудрости минувшихъ вѣковъ, по теплой вѣрѣ въ возможное совершенство человѣка, по соединенію всѣхъ добродѣтелей человѣческихъ и гражданскихъ, по поэтическому строю мысли, по неутомимой дѣятельности для блага всѣхъ людей, по смѣлой ненависти ко всѣмъ порокамъ и по невыразимой нѣжности многолюбящей души Конг-фу-тсеу есть безспорно одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества. Съ тяжкимъ чувствомъ унынія легъ въ могилу старый мудрецъ, трудившійся и страдавшій безъ видимой пользы; но эти труды и страданія остались не безплодными. Китай, получившій въ немъ и въ его ученикѣ Менг-тсеу ясное сознаніе своего кореннаго стремленія, возвысился, окрѣпъ и во многомъ осуществилъ желанія великаго учителя. Государственная стройность, логическое развитіе разумныхъ началъ и возвышенная любовь къ правдѣ и просвѣщенію покорили самихъ покорителей Китая, Монголовъ и Манджуровъ, и сохранили неизмѣнно до нашего времени колоссальную державу, основанную за двадцать вѣковъ до Р. Х. Таковы причины и тайна ея величія. Но, съ другой стороны, воспитаніе, данное древне-буддаистскимъ ученіемъ юности народа, отразилось во всей его исторіи. Буддаизмъ, удаляя духовныя начала въ неприступный мракъ свободнаго ничтожества, разорвалъ всѣ связи его съ человѣкомъ и оставилъ для лучшихъ стремленій души одно возможное выраженіе— приложеніе однообразнаго и безстрастнаго закона къ разнообразному и вѣчно движущемуся обществу людей въ государствѣ. Мысль эту осуществилъ и невольно высказалъ Конгфу-тсеу. Общество, имъ созданное, могло достигнуть вещественнаго величія и логической стройности; но чувство строгой и неизмѣнной законности уничтожаетъ чувство свободы и стѣсняетъ духъ человѣческій. Мысль о Божествѣ есть жизнь и дѣло. Глубокая и неисцѣльная пустота праздной души, лишенной внутренней жизни и содержанія, породила всѣ нелѣпости мелкаго и сухого формализма, надъ которыми Европеецъ смѣется въ Китаѣ, забывая невольно объ истинномъ и неотъемлемомъ достоинствѣ Восточной державы въ обществѣ народовъ.

Законъ, котораго живой, постоянный и неизсякаемый источникъ забытъ, не носитъ на себѣ характера свободы, хотя вначалѣ былъ выбранъ свободною волею. Таковъ характеръ всего чисто-условнаго въ жизни.

Династія Чеу давно клонилась къ упадку. Отдѣльные правители не признавали власти императоровъ, и безпрестанныя междоусобицы разрывали государство. Наконецъ, князья Тсинъ, правящіе областью, менѣе другихъ просвѣщенною, но болѣе воинственною, стали мало-по-малу одолѣвать своихъ соперниковъ. Родоначальникъ этого княжескаго дома былъ не что иное, какъ искусный конюхъ, получившій княжество въ награду за удалое наѣздничество. Область его отличалась отъ прочихъ дикостью нравовъ и обычаевъ, занятыхъ у кочевыхъ Средне-Азійцевъ (таково умерщвленіе женъ и рабовъ надъ гробомъ владыки, точно такъ же какъ и у мнимыхъ Скиѳовъ); но съ этою дикостью было соединено стремленіе къ завоеваніямъ. Вскорѣ имя *Тсинъ* прославилось далеко за границами Китая, и самое имя Китая скрылось для западныхъ народовъ за названіемъ одной изъ его областей (*Сина*). Послѣ долгой борьбы и ужаснаго кровопролитія, послѣ уничтоженія или бѣгства правителей другихъ областей династія *Тсинъ* свергла царствующій родъ Чеу и заняла императорскій престолъ въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. Не долго властвовали похитители, враги прежняго просвѣщенія; но ихъ желѣзной волѣ и геніальному императору Тсин-ши-гоанг-ти обязанъ Китай возстановленіемъ своего государственнаго единства и всѣмъ послѣдовавшимъ развитіемъ. Мысль народная, созрѣвшая во время династіи Чеу и пришедшая въ полное сознаніе, осуществилась тогда, когда внѣшняя сила разрушила множество независимыхъ княжествъ, на которыя раздроблено было государство при слабыхъ потомкахъ Ву-ванга. Оттого-то, несмотря на ничтожность послѣднихъ императоровъ рода Чеу, эпоха ихъ царствованія есть важнѣйшая во всей лѣтописи Китая.

По всѣмъ вѣроятностямъ, основаніе государства въ Японіи находится въ связи съ этимъ періодомъ междоусобій: таково преданіе самихъ китайцевъ, подтвержденное явнымъ сродствомъ просвѣщенія, обычаевъ, письменности и племенъ въ Японіи и Китаѣ.

Между тѣмъ какъ держава Восточная временно слабѣла въ безпрерывныхъ раздорахъ, собирались новыя воинственныя силы на сѣверныхъ скатахъ средне-азійской твердыни. Тѣсна становилась степь кочевымъ дикарямъ финно-турецкаго племени, заманчивы богатства образованыхъ странъ, соблазнителенъ примѣръ военнаго быта, введеннаго враждебнымъ эгоизмомъ государствъ. Наука брани всѣхъ легче перенимается невѣжествомъ, всѣхъ заманчивѣе для его корыстолюбивыхъ страстей и всѣхъ болѣе льститъ его полуживотной гордости. Могучій союзъ ванскихъ общинъ, опоясывавшихъ съ сѣвера всю свою иранскую братью, ослабъ. Изгнанный изъ евфратскаго приречія возстаніемъ мѣстнаго племени и халдейскими горцами, втѣсненный въ Бактрію *) возрастающею силою горцевъ мидійскихъ, побѣжденный на Евксинѣ движеніемъ южныхъ народовъ, поднятыхъ Рамезесомъ Великимъ, угнетенный въ Малой Азіи возрастающимъ могуществомъ Эллады, онъ на крайней своей восточной оконечности въ средней Азіи былъ задавленъ напоромъ племени Гіонг-ну и финно-турецкихъ народовъ. Время его величія миновало; наступало то время, когда ему слѣдовало совершенно исчезнуть изъ Азіи, своей древней колыбели, проявивши въ послѣдній разъ часть своей прежней силы въ успѣшной войнѣ противъ Кира, въ борьбѣ съ македонскимъ завоевателемъ, въ основаніи полу-бактрійскаго, полу-эллинскаго царства на границѣ Индустана, и въ двукратномъ завоеваніи сѣверной Индіи, прежде и послѣ Викрамадитьи. Но въ этотъ періодъ, т.-е. въ послѣдніе вѣка до Р. Х., уже ванскія общины утратили большую часть своего кореннаго характера и приняли множество чуждыхъ стихій отъ окружныхъ народовъ и особенно отъ своихъ сѣверныхъ побѣдителей-дикарей. Существовали старыя имена: Вановъ (*Таванъ*, *Ванада*), Даковъ (*Да-хіа*, *Сака*), Уновъ) *У-на-о*, *Гуна*); но нравы, обычаи и языкъ исказились давно. Послѣдняя ихъ борьба съ Гіонг-ну сокрушила ихъ навсегда.

Появленіе сѣверныхъ кочевыхъ полчищъ на границахъ Китая соотвѣтствуетъ довольно близко вторженію мнимыхъ Скиѳовъ (не-славянскихъ) въ Закавказье; оно относится къ VII столѣтію до Р. Х. Лѣтопись Китая упоминаетъ о нихъ подъ именемъ *Жунгъ* еще вѣка два ранѣе, но тогда они были еще незначительны. Очевидно, что могущество средне-азійскихъ народовъ возрасло внезапно вѣковъ за семь до Р. Х. и что въ это время произошло на сѣверѣ великое движеніе, отозвавшееся равно на берегахъ Гоанг-го, Дона и Евфрата. Такимъ образомъ политическая исторія Китая связывается съ исторіею Запада, точно такъ же, какъ и исторія просвѣщенія китайскаго при династіи Чеу во многихъ отношеніяхъ находится въ прямой зависимости отъ умственнаго движенія иранскаго племени.

Нѣтъ сомнѣнія, что не одинъ и тотъ же народъ гналъ передъ собою при-донскихъ Киммерійцевъ и одерживалъ надъ Китайцами побѣду, въ которой погибъ императоръ Іеу-вангъ *); но по всѣмъ вѣроятностямъ около этого времени одинъ какой-нибудь сильный союзъ составился на югѣ теперешней Сибири и, возмутивъ все море кочевыхъ семей, отбросилъ ихъ волны далеко на западъ и на востокъ, на область ниневійскую и на столицу потомковъ Ву-ванга.

Паденіе Ассиріи.—Освобожденіе Вавилона.—Его значеніе.

Давно уже развился эгоизмъ государственный, человѣческій союзъ былъ расторгнутъ, и вооруженная рука рѣшала судьбу народовъ. Но государства имѣли еще другой, высшій смыслъ, религіозный или нравственный. Съ усиливающимся синкретизмомъ вѣрованій и увеличивающимся разъединеніемъ народовъ, рѣзче и рѣзче стало выказываться преобладаніе воинственнаго начала. Нравственная и религіозная жизнь государствъ исчезала съ помраченіемъ самаго смысла религіознаго; внутренняя связь ихъ слабѣла, и стихіи торжества переходили къ полупросвѣщеннымъ дикарямъ, соединяющимъ любовь къ славѣ и добычѣ съ восторженнымъ напряженіемъ личныхъ силъ, умственныхъ и физическихъ.

Въ VIII столѣтіи до Р. Х. царство Ассирійское распалось на части. Великолѣпный костеръ принялъ послѣдняго царя восьмисотлѣтней династіи.

Имя Сарданапала *) и его исторія, можетъ быть, взяты изъ миѳовъ, онѣ крѣпко напоминаютъ Иракла (Санданъ), представителя силы духовной, впавшаго въ искушеніе вещественой жизни и очищающаго себя огненною смертью. За всѣмъ тѣмъ конецъ династіи ассирійскихъ царей напоминаетъ конецъ династіи *Шангъ* въ Китаѣ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ торжественномъ самоубійствѣ царя, наслѣдника длиннаго ряда царей, не могущаго пережить своей державы и послѣ безславной жизни напоминающаго въ смерти славу своихъ великихъ предковъ.

Новая ли династія взошла на престолъ ниневійскій или прежняя продолжала править уменьшенною державою, но значеніе государства исчезло. Великое средоточіе юго-западной Азіи, нѣкогда подчинявшее власти своей всю област иранскую, упало и уже никогда не возставало. Дѣятельность Ассиріи ограничилась военными подвигами въ странѣ, лежащей между Тигромъ и Средиземнымъ моремъ, и борьбою съ юго-западными сосѣдями. Это стремленіе къ распространенію власти своей въ новомъ направленіи объясняется напоромъ средне-иранскихъ (мидо-персидскихъ) племенъ; но дикость нравовъ, замѣтная въ ассирійскихъ царяхъ (Саргонѣ, Сеннахерибѣ, Салманасарѣ и другихъ), кажется, указываетъ на новую стихію, измѣнившую прежній бытъ и пришедшую вѣроятно съ приливомъ сѣверныхъ и горныхъ народовъ.

Нѣкоторыя сходства замѣтны между религіями сѣверо-западныхъ Славянъ и тѣмъ, что намъ извѣстно о религіи ниневійской, напр., между поклоненіемъ Нергалю или богу войны въ эмблемѣ пѣтуха и такимъ же поклоненіемъ въ Литвѣ и славянскомъ приморіи Балтики. Такое же поклоненіе явно отзывается въ отношеніи *Алектору* *) къ *Аресу*; но эти сходства не доказываютъ нисколько вліянія упавшей Ассиріи на Сѣверо-Западъ. Они объясняются очень просто изъ распространенія въ Европѣ племени Вановъ, владѣвшихъ Ниневіею въ концѣ 3-го и въ началѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.

Напоръ Ассирійцевъ уничтожилъ слабѣйшее царство сирійское и обезсилѣвшее царство израильское. Іуда, укрѣпленный вѣрою Езекіи и словомъ пророковъ, устоялъ; Египетъ отбилъ отъ себя *) потокъ сѣверныхъ завоевателей. Эти двѣ неудачи ускорили паденіе Ниневіи. Вскорѣ нахлынули изъ-за Кавказа полчища дикихъ наѣздниковъ (мнимыхъ Скиѳовъ, финно-турецкихъ племенъ). Ихъ опустошительный набѣгъ погромилъ всю юго-западную Азію до самыхъ границъ Египта, откупившагося при Псамметихѣ богатыми дарами и, временно удаливъ отъ Ассиріи опасность, угрожавшую ей со стороны Мидійцевъ, приготовилъ ей окончательное паденіе.

Весьма замѣчательное и загадочное обстоятельство въ разсказѣ о скиѳскомъ нашествіи — основаніе ими поселенія въ Палестинѣ при

Бетъ-Шеанѣ (Скиѳополисъ) *). Трудно его сообразить съ правами кочевыхъ дикарей и можно было бы усомниться въ существованіи самой колоніи, если бы оно не было вполнѣ доказано сказаніями Эллиновъ и свидѣтельствомъ Евреевъ. Загадка вѣроятно объясняется тѣмъ, что поселеніе основано не самими Скиѳами, но одною изъ осѣдлыхъ закавказскихъ общинъ, увлеченныхъ разливомъ кочеваго племени и утратившихъ свое собственное имя. Точно то же случилось въ позднѣйшее время съ Славянами во время переселенія Германцевъ и Аваровъ.

Вавилонъ отдѣлился отъ Ниневіи. Его возмущеніе помогло освобожденію Мидійцевъ; но самый Вавилонъ не вдругъ отторгнулся отъ сѣверной столицы: по крайней мѣрѣ кажется, что преемники Набонассара находились еще въ нѣкоторой зависимости отъ царей ассирійскихъ и только мало-по-малу получили полную самостоятельность. Цѣлыя тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ великолѣпный городъ, основанный Кушитами на берегахъ Евфрата, подпалъ власти своей сѣверной колоніи, перешедшей въ руки иранскаго народа. Съ тѣхъ поръ Вавилонъ не жилъ отдѣльною жизнію и былъ только второю столицею царей, жившихъ преимущественно въ Ниневіи; но въ немъ преобладалъ характеръ южный, характеръ вещественнаго просвѣщенія, зодчества, роскоши и разврата. Иранское начало, принесенное въ него завоевателями, не могло остаться безъ вліянія, и это вліяніе явно во враждѣ Вавилонянъ-побѣдителей противъ кумирнаго поклоненія приморской Палестины и Финикіи. Топоръ ихъ уничтожалъ священныя лѣса, капища и сиваическія эмблемы (*ашкера*)*), точно такъ же какъ мечъ ихъ истреблялъ народы.

Это явно изъ свидѣтельствъ еврейскихъ и объясняетъ въ пророкѣ радость священныхъ рощъ Ливана о паденіи Вавилона.

Но никогда Иранство не могло развиться вполнѣ на почвѣ кушитской. Маги или жрецы вавилонскіе не были совершенно идолопоклонниками, ибо существованіе кумировъ очень подвержено сомнѣнію, и безуміе Навуходоносоровой гордости не представляетъ еще характера религіознаго; но самый магизмъ или халдеизмъ въ его вавилонской формѣ принадлежитъ вполнѣ системамъ кушитскимъ и представлялъ поклоненіе необходимости въ цѣломъ рядѣ органически возрождающихся тріадъ. Память о духовности и свободномъ творчествѣ иранскаго божества, первобытнаго Бела (одного и того же, что *Гель*, *Беленъ*, *Геліосъ* другихъ племенъ того же корня) исчезла подъ примѣсью кушитскихъ стихій, и Вавилонъ по духу религіи принадлежалъ землямъ полнаго и безобразнаго синкретизма точно такъ же какъ Сирія и Финикія, отъ которыхъ онъ отличался только меньшею жестокостью въ обрядахъ. Между тѣмъ самое народонаселеніе принадлежало Ирану болѣе, чѣмъ народы приморскіе, и языкъ носилъ яснѣйшія признаки своего коренного начала.

Кирпичи, открытые въ болотахъ при-евфратскихъ, до сихъ поръ представляютъ неразрѣшенную загадку. Ключъ къ нимъ найдется вѣроятно *) изъ полнѣйшаго сравненія всѣхъ клинообразныхъ письменъ, и тогда явится больше данныхъ для узнанія древняго нарѣчія вавилонскаго; но родство его съ нарѣчіями Ирана можетъ быть утверждено смѣло и безошибочно изъ одной формы царскихъ именъ. Преобладающіе въ нихъ звуки или корни, *небо* и *царъ*, явно принадлежатъ Ирану. Стѣсненіе смысла слова *небо* (сдѣлавшагося у Вавилонянъ именемъ одной планеты Меркурія) ничего не значитъ. То же самое происходило съ этимъ словомъ и въ языкахъ западно-иранскихъ. Характеръ же самыхъ именъ связываетъ въ Вавилонѣ земли восточныя съ землями приморія и доказываетъ близкое родство съ Ираномъ. Точно то же заключеніе можно вывести изъ употребленія клинообразныхъ письменъ и изъ нѣкоторыхъ религіозныхъ преданій, напр., о потопѣ, спасеніи Ксисутра богомъ Хономъ *), хотя трудно отличить сказанія мѣстныя отъ тѣхъ, которыя могли быть займомъ отъ Евреевъ.

Издревле торговля цвѣла въ Вавилонѣ: онъ былъ великимъ средоточіемъ каравановъ, соединяющихъ восточную Азію съ прибрежьемъ Средиземнаго моря, складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Финикіи и Индіи. Два тысячелѣтія сряду обогащали его жителей, никогда ни подвергавши разореніямъ войны, вѣроятно съ самаго начала вано-ассирійской династіи. Его безконечныя стѣны во всей своей длинѣ равнялись вышиною съ башнями, которыми гордятся столицы новыхъ вѣковъ. Башни его подымались выше пирамидъ Египта. Правда, разсказанная о его сокровищахъ, казалась въ позднѣйшее время вымысломъ горячаго воображенія Востока.

Ясныя свидѣтельства о несмѣтномъ богатствѣ мелкаго Палестинскаго царства при преемникѣ Давида, богатствѣ, пріобрѣтенномъ въ короткій срокъ двухъ царствованій, могутъ показать, какова должна была быть торговая столица всей Азіи (ибо таковъ былъ Вавилонъ) послѣ двухъ тысячелѣтій благоденствія.

Вмѣстѣ съ торговлею цвѣло и просвѣщеніе. Освобожденіе южно-ассирійской столицы отъ сѣверной при Набонассарѣ сдѣлалось, какъ мы видѣли, астрономическою эпохою для Китайца и Эллина; таинства древнихъ наукъ хранились у могучей касты жрецовъ, славившихся мудростью своею еще долго послѣ паденія царства.

Кромѣ показанія Грековъ мы имѣемъ еще свидѣтельство Евреевъ (Царствъ 1, глава IV, ст. 30): мудрость египтянъ поставлена вмѣстѣ съ мудростію жителей Востока, и по всей вѣроятности Востокъ тутъ значитъ землю вавилонскую.

Довольно любопытно видѣть, какъ трудно уму человѣческому добиться самыхъ простыхъ изобрѣтеній. Надписи на кирпичахъ приевфратскихъ вытѣснялись, какъ извѣстно изъ новѣйшихъ изслѣдованій, средствомъ, весьма похожимъ на стереотипію. Кувшины съ виномъ у Римлянъ обозначались буквами, весьма похожими на буквы, употребляемыя въ книгопечатаніи, а сколько вѣковъ прошло до изобрѣтенія Гуттенберга или Кутногорскаго, кто бы онъ ни былъ, Нѣмецъ или Славянинъ.

Навуходоносоръ.—Паденіе Египта.—Плѣненіе царства іудейскаго.

Но торговля и просвѣщеніе не могли упрочить власть въ Вавилонѣ. Глубокій развратъ нравовъ и отсутствіе сильнаго духовнаго начала уничтожали всѣ внѣшнія начала его силы.

Около полутора вѣка прошло послѣ того, какъ южная Ассирія отдѣлилась отъ сѣверной, а новое царство все еще едва замѣтно было въ движеніяхъ всемірной жизни. Очевидно, оно находилось въ зависимости отъ своихъ прежнихъ владыкъ, и цари вавилонскіе были чѣмъ-то похожимъ на наслѣдственныхъ градоправителей. Когда наконецъ Ниневія пала подъ ударами Кіяксара мидійскаго, тогда только Вавилонъ проявилъ свою отдѣльную дѣятельность; но эта дѣятельность была продолженіемъ исторіи ниневійской: тотъ же характеръ въ военныхъ предпріятіяхъ, то же направленіе завоеваній на области юго-западныя и на Египетъ.

Возрастающее могущество средняго Ирана отнимало всякую надежду на успѣхъ въ войнѣ съ Сѣверомъ: торговое и роскошное приморье Палестины и Финикіи обѣщало богатую награду завоевателю. Внезапное усиленіе Вавилона послѣ нашествія Скиѳовъ и паденія Ниневіи указываетъ на переселеніе изъ сѣверной Ассиріи и на приливъ одноплеменниковъ. Сосредоточеніе государства въ одной столицѣ и замѣчательная личность нѣкоторыхъ государей (каковъ, напр., Надвуходоносоръ) доставили южнымъ Халдеямъ побѣду въ тѣхъ странахъ, гдѣ сѣверные потерпѣли пораженіе. Египетъ, собравшій новыя силы въ царствованіе Псамметиха, расцвѣлъ при его предпріимчивомъ преемникѣ Нехао и не могъ оставаться равнодушнымъ къ увеличенію державы вавилонской. Плаваніе, совершонное Финикійцами кругомъ Африки по вѣленію фараона, показываетъ дружескія сношенія Финикіи съ Египтомъ. Между тѣмъ Вавилонъ присвоивалъ себѣ власть надъ поморіемъ, какъ наслѣдственное право, пріобрѣтенное Ниневіею, и Навуходоносоръ былъ не тотъ царь, который уступилъ бы часть своихъ истинныхъ или мнимыхъ правъ. Столкновеніе было неизбѣжно. Войска египетскія первыя ворвались въ Палестину, побѣдили Іудеевъ въ сраженіи, въ которомъ палъ послѣдній изъ великихъ царей дома Давидова, ограбили богатства іерусалимскія и быстро двинулись къ берегамъ Евфрата. Битва при Каркемишѣ рѣшила споръ двухъ державъ. Нехао потерялъ всѣ плоды прежнихъ побѣдъ, и войска вавилонскія ворвались неудержимымъ потокомъ въ юго-западную страну. Египетъ, опустошенный, никогда не оправлялся отъ удара, нанесеннаго ему Навуходоносоромъ*). Онъ влачилъ еще нѣсколько времени независимое, но безсильное существованіе, ожидая той сѣверо-восточной бури, которая налетомъ своимъ сокрушила вѣковѣчный Вавилонъ и стовратыя Ѳивы. Часть Аравіи была покорена; гордый Тиръ погибъ послѣ упорной защиты; Финикія и земля Филистимлянъ подпали на всегда чужеземному игу и уже никогда не возставали къ самобытной жизни. Они переходили, какъ богатое наслѣдство, отъ Вавилона къ Персамъ, Грекамъ и наконецъ Римлянамъ, исчезая съ поприща всемірной исторіи безъ шума, безъ славы и почти безъ боя. Начатое Ниневіей было кончено Вавилономъ. Сальманасаръ уничтожилъ царство Израильское: Навуходоносоръ сокрушилъ престолъ Давида, оставивъ только груды дымящихся развалинъ въ великолѣпной столицѣ Соломона, и увлекъ въ тяжелый плѣнъ на берега Евфрата весь цвѣтъ народа іудейскаго. Но плѣнъ этотъ былъ не вѣченъ. Іерусалимъ не могъ погибнуть; не принесши своего послѣдняго плода.

Во времена доисторическія началась ожесточенная борьба между преданіемъ о творческой свободѣ и признаніемъ органической необходимости. Племена иранскія были представителями древняго преданія, Хамиды или Кушиты были поклонниками новаго ученія. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемѣнными успѣхами, кончилась повсемѣстнымъ синкретизмомъ, многобожіемъ и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе кушитское измѣнилось, отклонившись отъ свой первоначальной строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвращаться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и миѳа, Вѣрованіе иранское также исказилось, но оно не могло уже возсоздаться, ибо возвратъ къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной вѣры. Побѣда была на сторонѣ Кушитовъ, несмотря на повсемѣстный упадокъ ихъ государственнаго значенія, въ Вавилонѣ, Финикіи, Египтѣ, Индіи и даже Эѳіопіи, куда уже проникли выходцы аравійскіе.

Въ одной области, въ одномъ народѣ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою при-араратскую родину, сохранилось вполнѣ иранское преданіе, великое достояніе младенчества человѣческаго. Это преданіе получило еще высшее значеніе по самой борьбѣ своей съ чуждыми ученіями, съ насиліемъ и соблазномъ. Не измѣняясь въ своей основѣ, оно приняло характеръ вѣры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всѣ другія ученія, какъ произведенія умствующаго произвола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Несказанныя бѣдствія постигли область іудейскую, народъ ея былъ увлеченъ въ плѣнъ, столица и царство стерты съ лица земли; но мысль нашла себѣ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свѣжемъ племени средняго Ирана,—въ племени, сохранившемъ общее преданіе въ наибольшей чистотѣ послѣ Израиля.

Плѣненіе вавилонское, грозившее совершеннымъ паденіемъ Евреямъ, было для нихъ тяжелымъ испытаніемъ и огненною банею очищенія.

Едва ли не эта самая мысль высказана въ чудно-поэтическомъ сказаніи о трехъ отрокахъ,—сказаніи не каноническомъ и не имѣющемъ собственно-историческаго достоинства *).

Царству Іудейскому, нѣкогда (при Соломонѣ) сильнѣйшему на всемъ пространствѣ между Евфратомъ и моремъ, уже не суждено было возставать въ такомъ объемѣ и съ такимъ могуществомъ; оно возстало въ большей чистотѣ. Царская власть, роскошь Іерусалима, прелесть временныхъ побѣдъ и завоеваній отняли у общины ея чисто-духовный характеръ и свели ее въ низшую сферу общественно-политической дѣятельности, несмотря на увѣщанія пророковъ, возстававшихъ противъ такого упадка даже при боголюбивыхъ царяхъ. Возрожденная община вполнѣ сознала свое истинное значеніе. Она была уже не созданіемъ силы, власти и царскаго меча, но созданіемъ мысли, вѣры и пророческаго слова.

Въ новѣйшее время ученая Германія, разрабатывая исторіи древнихъ религій, замѣтила наконецъ связь между закономъ Евреевъ и поклоненіемъ Молоху. Замѣчаніе дѣльное; но оно повело систематиковъ къ такимъ смѣшнымъ выводамъ, что на нихъ не нужно бы было и отвѣчать, если бъ они не были подкрѣплены именами почетными въ наукѣ и громоздкою ученостью, внушающею невольное уваженіе. Молохъ де есть древній *Эль* (или *Іегова*), которому искони поклонялись Евреи, тотъ же и *Тифонъ*, тотъ же и Шива и пр. и пр. Обряды Іеговизма и древнѣйшаго *Элогизма* были тѣ же самые, которыми всегда славился или обезславливался Молохизмъ, именно человѣческія жертвы, сожженіе дѣтей и пр. Это кровавое богопоклоненіе продолжалось отъ самаго Авраама (который опять едва ли не миѳъ аравійскій или не высшій Богъ вѣтви геламитской) до Соломона и раздѣленія царствъ и едва ли не до плѣненія вавилонскаго *). Умягченіе поклоненія есть дѣло позднѣйшихъ пророковъ, пересмотрѣвшихъ, передѣлавшихъ древнее преданіе и легкою рукою скравшихъ всѣ слѣды человѣкоубійственныхъ обрядовъ. Постигнувъ отличительныя черты двухъ первыхъ всемірныхъ ученій и измѣненія, происшедшія въ нихъ отъ вѣковой борьбы, мы видѣли, что Молохъ (какъ Хроносъ, Ираклъ и др.) есть дѣйствительно не что иное, какъ искаженіе божества иранскаго, что Тифонъ также есть новая стихія или раздвоеніе Шивы на Тифона и Озириса, происшедшее отъ прикосновенія Ирана къ ученію кушитскому, что наконецъ Шива есть чистый богъ кушитскій (олицетворенная двойственность видимой природы) и, кромѣ ожесточенія обрядовъ, не имѣетъ ничего общаго съ иранскимъ первобытомъ и съ его позднѣйшими искаженіями. Зерно правды, сбившее съ толка германскихъ критиковъ, явно; причина ошибки понятна; но ошибка сама такъ груба, что едва вѣроятна. Во-первыхъ, если бы преданіе было измѣнено пророками съ цѣлью скрыть прежнія человѣческія жертвоприношенія, повѣсть объ Іеѳаѣ была бы или измѣнена или сопровождена какими-нибудь порицаніями; во-вторыхъ, Іеговизмъ (будто бы реформа прежней вѣры) отличался бы отъ Элогизма большею кротостію, а на это нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ: въ-третьихъ, мы имѣемъ (какъ уже видѣли) свидѣтельства подлинныя, безспорныя, подробныя о поклоненіи Евреевъ въ глубочайшей древности; истина этихъ свидѣтельствъ доказывается самымъ сохраненіемъ двухъ именъ Божества, изъ которыхъ одно позднѣе другого, между тѣмъ какъ о древнѣйшемъ Молохизмѣ мы не имѣемъ никакихъ показаній, кромѣ того, что упоминается мимоходомъ въ преданіи еврейскомъ и, слѣдовательно, не можемъ ему приписать глубокой древности въ той формѣ, въ которой онъ намъ извѣстенъ. Наконецъ, Элогизмъ есть чистое единобожіе, основа всего иранскаго духовнаго міра; онъ сохранился такъ неприкосновенно, что языкъ Израиля (хотя онъ занятой у другого племени) не имѣетъ даже слова для идеи *«богиня»,* между тѣмъ какъ Молохизмъ вездѣ уже является многобожіемъ, т.-е. религіей эпохи синкретической, слѣдовательно не можетъ имѣть ни притязаній на чистоту, ни права считаться первобытомъ. Критика нарѣчій могла бы спасти ученыхъ Германцевъ отъ ихъ смѣшной ошибки. *Молохъ* есть не что иное какъ искаженіе слова *Мелекъ* или *Мелехъ* (господинъ); самое же слово *Мелекъ* есть уже измѣненіе слова *Белъ* съ переходомъ *б* въ носовой звукъ *м. Элъ* или *Гелъ* или *Велъ* (то же что славянское *велій,* Гаэлическое *беалъ* и пр.) является какъ коренное имя божества, соотвѣтствующее именамъ *Творъ,* изъ котораго вышелъ *Тгоръ* скандинавскій, *Вышній,* изъ котораго вышелъ *Вишну* индустанскій, и *Богъ,* изъ котораго составилась *Бага* клинообразныхъ надписей и *Беграмъ* Зендавесты. *Молохъ,* уже по своей мѣстной, поздней и искаженной формѣ, не можетъ ни подъ какимъ видомъ служить первообразомъ въ сравненіи съ *Элемъ,* почти всемірнымъ. Къ несчастію, страстный систематизмъ потемняетъ разумъ просвѣщенный даже глубокою ученостью, и привычки кропотливаго книжничества стѣсняютъ умственный горизонтъ человѣка. Дѣльный выводъ изъ всѣхъ изслѣдованій германскихъ былъ бы тотъ, что родоначальникъ Израиля принесъ съ собою древнюю вѣру Ирана въ область, въ которой онъ нашелъ уже языкъ измѣненный, сдѣлавшійся потомъ нарѣчіемъ его потомковъ, но въ которой еще нашелъ многія семьи, хранящія старое преданіе о поклоненіи Единому Богу. Такова была дѣйствительно во время Авраама Палестина, населенная выходцами изъ западнаго Ирана—*Семитами,* выходцами съ Юга—*Хананитами* и едва ли не выходцами изъ прикавказскаго Сѣвера—*Рефаитами*, которыхъ ростъ, обычаи и собственныя имена отзываются чѣмъ-то близкимъ къ племенамъ яфетическимъ. Сочувствіе семьи еврейской къ жителямъ Ханаана выражается многими чертами сказанія объ Авраамѣ и словомъ, что въ это время мѣра грѣховъ аморрейскихъ еще не исполнилась. Исторія Палестины и ея духовнаго искаженія въ эпоху, раздѣляющую Авраама отъ Іисуса Навина, была бы тогда ясна и очевидна. Впрочемъ, понятіе о ходѣ древнихъ религій будетъ до тѣхъ поръ темно и сбивчиво, покуда въ основаніи его не положится раздѣленіе на поклоненія: *свободно-сущему* и *необходимо-живущему* (dem frei-seienden und dem nothwendig-lebenden) *).

Восточный Иранъ (Вано-Бактрійцы) былъ искаженъ соблазномъ индо-кушитскихъ ученій и создалъ человѣкообразныя религіи; западный Иранъ былъ искаженъ не только ученіемъ африканскихъ Кушитовъ, но и племеннымъ смѣшеніемъ. Средній горный Иранъ, болѣе удаленный отъ соблазна и защищенный горами отъ насилія, сохранилъ чистоту ученія и племени. Ослабленіе ванскихъ общинъ и распаденіе ассирійскихъ царствъ дали среднему Ирану возможность выступить самобытно на поприще исторической дѣятельности. Въ восьмомъ столѣтіи до Р. Х. Азы мидійскіе или Аріи скинули съ себя иго Ниневіи. Разсказъ Геродота, темный и, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрный въ подробностяхъ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ намъ на истинное состояніе иранскихъ семей, живущихъ еще въ первобытной простотѣ и не скрѣпившихъ своего родового союза условіемъ союза государственнаго. Одинъ ли человѣкъ Деіокесъ, или еще прежде его Арбакъ *), или самый народъ понялъ необходимость новаго устройства, все равно. Разъединенныя общины соединились въ государственное тѣло. Это скрѣпленіе Азовъ мидійскихъ совпадаетъ по времени съ усиленіемъ братьевъ ихъ Азовъ-Алановъ (Сарматовъ) на Кавказѣ и немногимъ предшествуетъ движенію Алановъ за Кавказъ. Оба происшествія проистекаютъ изъ одной и той же причины—изъ накопленія вещественныхъ силъ въ среднемъ Иранѣ.

Прежнія державы, владѣвшія судьбою міра, потеряли свое религіозное значеніе съ ослабленіемъ вѣрованій, перешедшихъ въ безсвязный и безсмысленный синкретизмъ.

Китай составляетъ исключеніе: въ немъ самое государство было предметомъ и единственнымъ предметомъ чувства религіознаго. Китай созданіе геніальнаго полоумія.

Но прежде, чѣмъ наступило торжество обществъ, основанныхъ единственно на обоготвореніи личныхъ силъ, еще разъ возникла и прогремѣла держава, основанная на началѣ религіозномъ. Царство мидійское оперлось на высокія начала вѣры, исполненной чистыхъ понятій о божествѣ, о свободѣ духа, о красотѣ нравственнаго добра. Первенство, пріобрѣтенное Хамидами, основателями древнѣйшихъ государствъ, перешло отъ нихъ къ племенамъ иранскимъ, смѣшаннымъ съ кушитскою стихіею, потомъ къ державѣ чисто иранской. Таковъ былъ необходимый ходъ исторіи и долгой борьбы между искусственною условностью жизни кушитской и органическою силою жизни иранской. Нѣтъ сомнѣнія, что вліянія Востока и Запада уже подѣйствовали на горныя страны Мидіи и Парсистана; преданія исчезли или исказились, чуждыя поклоненія примѣшались къ наслѣдственнымъ вѣрованіямъ: но общій духъ вѣры еще сохранился съ удивительною чистотою. Была еще возможность сильнаго и живаго возрожденія. Оно наступило. Въ то время, когда ослабла желѣзная рука Ниневіи, общины средне-иранскія, прилегающія съ Юга къ Каспійскому морю, соединились въ царство. Явленіе великаго реформатора придало духовную силу новорожденной силѣ вещественной.

Зороастръ или *Зердуштъ*, собственно *Заратгуштра*, принадлежитъ безспорно Мидіи, а не Персистану, эпохѣ власти мидійской, а не позднѣйшаго царства персидскаго. Смѣшно въ имени царя или царька *Гуштаспа* искать великаго Дарія; отъ вниманія Эллиновъ не могло бы укрыться происшествіе столь важное, если бы оно случилось во время частыхъ сношеній между ими и Персіянами, а для древнѣйшихъ писателей эллинскихъ уже реформаторъ иранскій является лицомъ полумиѳическимъ. Нѣтъ никакой ясной причины полагать, чтобы было что-нибудь общее между Гуштаспомъ зендскихъ книгъ и Даріемъ, никогда не носившихъ имени Гистаспа, какъ видно изъ клинообразныхъ надписей. Имя это, довольно обыкновенное у мидоперсидскихъ народовъ, могло принадлежать многимъ древнѣйшимъ князьямъ и царямъ. Впрочемъ, если (какъ вѣроятно) при великомъ Даріи или незадолго до него въ княжествѣ его отца была оживлена древнѣйшая реформа и составленъ письменный сборникъ духовнаго ученія, то можно бы было объяснить соединеніе именъ Зердушта и Густапса тѣмъ предположеніемъ, что Зердуштъ принимается въ Зендавестѣ не за лицо еще живущее на землѣ, но за отжившее и уже только духовно-присутствующее между своими учениками. Кажется, въ Зендавестѣ нѣтъ ни одного мѣста, противнаго такому толкованію.

Трудно опредѣлить истинную эпоху Зердушта и мѣсто его дѣятельности*); впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно предполагать, что проповѣдь свою началъ онъ въ сѣверо-восточномъ Иранѣ (Согдіанѣ), въ странѣ, нѣкогда принадлежавшей Вендамъ, мало-по-малу вытѣсненнымъ Азами мидійскими, и смѣло можно утверждать, что время этой проповѣди соотвѣтствовало началамъ мидійскаго царства. Въ Зендавестѣ нѣтъ историческихъ данныхъ, но она явно принадлежитъ уже эпохѣ государства, а не общинъ, но государства еще слабаго, не получившаго всемірнаго значенія и не внушившаго еще своимъ членамъ той безумной гордости, которою отличались позднѣйшіе Персіяне и Мидійцы.

Споры о подлинности Зендавесты кончены. Просвѣщеннымъ людямъ уже не позволительно въ ней сомнѣваться, хотя редакція нѣкоторыхъ книгъ явно принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей и хотя самый Вендидадъ представляетъ признаки вставокъ и измѣненій. Реформа иранскаго ученія началась отъ народа, говорящаго на языкѣ зендскомъ; это опять несомнѣнно по той простой причинѣ, что всѣ священныя имена не только вышли изъ зендскихъ корней, но и вполнѣ составлены по законамъ зендскаго нарѣчія; но еще остается вопросъ: какому народу принадлежало это нарѣчіе? Существованіе великаго, чуть не допотопнаго зендскаго племени не нужно опровергать. Это схороненная и отпѣтая мечта ученой изобрѣтательности. Священная земля зендскихъ книгъ очевидно, какъ уже сказано, находится на югѣ-западѣ Каспія; тамъ была и отчизна народа. Самое нарѣчіе принадлежитъ великой семьѣ индо-европейскихъ языковъ и обличаетъ ближайшее сходство съ чистѣйшимъ изъ ея нарѣчій, съ санскритскимъ. Пехлеви и Парси прямо истекаютъ изъ него, но, по сокращенію словъ, отсутствію логической послѣдовательности формъ и примѣси чуждыхъ западныхъ стихій, не заслуживаютъ даже сравненія съ нимъ; поэтому Зендъ долженъ, по всей справедливости, считаться отцомъ всѣхъ средне-иранскихъ, намъ извѣстныхъ, нарѣчій. Онъ не былъ уже придворнымъ языкомъ персидской монархіи *); это явно изъ клинообразныхъ надписей, содержащихъ много не-зендскихъ формъ, несмотря на тождество корней и разительное сходство ихъ развитія; но нарѣчіе надписей, несмотря на нѣкоторыя преимущества, уступаетъ ему въ признакахъ первобытности. Отношеніе его къ Санскриту было предметомъ многихъ споровъ, въ которыхъ обошлось не безъ пристрастія. Большая часть ученыхъ признаетъ теперь между ними отношеніе братства, а не послѣдовательнаго преемства. Мнѣніе это вполнѣ справедливо, но оно совсѣмъ бы и не должно считаться мнѣніемъ, если бы убѣдились, какъ слѣдуетъ, что отъ Санскрита собственно не произошло ни одно нарѣчіе, кромѣ индустанскихъ, и что всѣ европейскіе языки, точно такъ же какъ и всѣ средне-иранскіе, происходя отъ одного корня, развѣтвились до утвержденія чисто-индустанскаго характера. Вторичное же его вліяніе (послѣ развѣтвленія) на нѣкоторыя нарѣчія при-гималайскія или на вендо-славянскія (особенно сѣверное, а въ томъ числѣ и литовское) посредствомъ торговыхъ путей должно быть отнесено къ эпохамъ смѣшенія и сравниваемо съ вліяніемъ семитическихъ языковъ во время преобладанія Аравитянъ или эллинскаго во время эллинскаго владычества. Санскритъ стоитъ выше всѣхъ другихъ братій не по древности, а по особенной, почти невѣроятной чистотѣ, и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ языкъ Зендавесты. Впрочемъ, для безпристрастной критики три нарѣчія должны считаться представителями первобытнаго языка иранскаго: *Санскритъ*, *Зендъ* и *славянское*. Первое мѣсто принадлежитъ безспорно Санскриту; но трудно опредѣлить сравнительную важность славянскаго и Зенда, несмотря на отсутствіе древнихъ памятниковъ славянскаго языка, отсутствіе, вполнѣ замѣняемое безконечнымъ числомъ его почти чистыхъ нарѣчій. Присутствіе въ Зендѣ нѣкоторыхъ корней и первобытныхъ формъ, уже исчезнувшихъ въ Санскритѣ, еще не даетъ ему права равняться съ древне-индустанскимъ нарѣчіемъ. Такое же преимущество можно найти иногда и въ Пали и въ славянскомъ и даже нарѣчіяхъ второстепенныхъ, напр., эллинскомъ или даже кельтическомъ и германскомъ (напр., слово *магатъ*, великій, не имѣетъ законнаго корня въ Санскритѣ, между тѣмъ какъ славянское *могу*, герм. *mögen* объясняютъ его вполнѣ и т. д. *)). За всѣмъ тѣмъ воскрешеніе Зенда должно считаться огромнымъ пріобрѣтеніемъ для филологіи, по его удивительной чистотѣ и логической стройности. Присутствіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ стихій, такъ называемыхъ семитическихъ или арамейскихъ, мало измѣняетъ его достоинство и объясняется отчасти необходимостью замѣнить въ языкѣ богослужебномъ формы уже непонятныя другими, новыми, болѣе понятными, хотя и чуждыми. Внимательное изученіе Зенда показываетъ въ немъ уже оскудѣніе формъ и явный переходъ изъ племеннаго языка въ семейное нарѣчіе; то же самое находится и въ Санскритѣ, но въ меньшей степени. Въ самомъ Санскритѣ можно отличить два нарѣчія, происходящія отъ одного и того же корня: нарѣчіе общее всенародной словесности, и нарѣчіе Ведъ. Послѣднее имѣетъ передъ первымъ преимущество древнѣйшаго писаннаго памятника, но уступаетъ ему въ богатствѣ и представляетъ болѣе признаковъ тѣсной мѣстности. Зендъ отличается отъ всѣхъ своихъ иранскихъ братій отсутствіемъ буквы *л*, вездѣ замѣненной буквою *р*, и особеннымъ расширеніемъ гласныхъ. Языкъ Ведъ сохраняетъ букву *л* и даже представляетъ ее въ другой формѣ *), которую теперешніе Брахманы произносятъ какъ *лр*, но которая была вѣроятно не что иное, какъ грубый *л* славянскій (англійскій въ концѣ словъ), точно такъ же какъ мнимая гласная *ри*, по всѣмъ вѣроятностямъ, была не что иное, какъ *ы*. Въ обоихъ случаяхъ *р*, сперва принятый какъ знакъ огрубѣнія звука (*л*—*лр*, *и*—*ри*), былъ въ послѣдствіи времени, при умягченіи нарѣчія, принятъ за истинный и отдѣльный звукъ. Кромѣ того, Веды (особенно Ригведа) охотно замѣняютъ букву *д* буквою *л* (также какъ Римляне въ *levir* изъ *дѣверь*, въ *Уллисъ* изъ *Одиссея* и пр.). За всѣмъ тѣмъ въ самыхъ Ведахъ замѣтно нѣкоторое преобладанiе буквы *р* и вообще много формъ, чуждыхъ обще-санскритской письменности и совершенно объясняемыхъ только изъ сличенiя съ Зендомъ (таково спряженiе глагола *кри*, употребленiе мѣстоименiя *им* и др.). Совершенно противное замѣтно въ восточной отрасли иранскихъ нарѣчiй; она отличается стремленiемъ къ умягченiю звуковъ. Славянская семья, уничтожая придыханiя, умягчая гласныя, даетъ буквѣ *л* преимущество передъ *р* и, кажется, въ окончанiи словъ производныхъ изъ глагола даже отступаетъ для этой цѣли отъ первоначальной формы, общей всѣмъ другимъ семьямъ. Производное изъ славянскаго, нарѣчiе латинское сохранило едва ли не древнѣйшее окончанiе на *р* (imperator, arator и т. д.). По крайней мѣрѣ, то же самое окончанiе осталось въ Славянскихъ словахъ безспорной древности (напр., *пастырь, водаръ, сударъ*,—отъ *суда*, ибо *государъ* есть составное изъ *сударъ* и *го; го* означаетъ превосходство или славу *); *гой еси* значитъ *прославленъ будь!* толкованiе вѣроятное—по санскритскому *го*, небо, лучь, блескъ). То же самое окончанiе замѣтно и въ окартавленныхъ: *оратай, вожатай, ходатай* и пр.). Общее содержанiе санскритской словесности, развившейся изъ вишнуитскаго сказочнаго и человѣкообразнаго вѣрованiя, распространеннаго мiромъ Вановъ и Гетовъ до Пелопоннеза и Рейна съ одной стороны и до мыса Коморинскаго съ другой; преобладанiе символа воды, такъ же какъ особенности обще-санскритскаго нарѣчiя связываютъ всю систему письменную и религiозную съ отраслью восточно-иранскою. Особенности языка Ведъ, замѣтное преобладанiе огненнаго символа, ничтожность Вишну въ ведаическихъ гимнахъ и упоминанiе въ нихъ божества *Митры*, котораго значенiе понятно только изъ зендской религiи, указываютъ на тѣснѣйшую связь съ среднимъ Ираномъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что Веды въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ теперь существуютъ, суть уже сборникъ сравнительно поздняго времени; но нѣтъ сомнѣнiя и въ томъ, что зерно ихъ или главная основа есть наслѣдство глубокой древности. Не одни Ваны, но и ихъ братья, союзники и соперники, Азы имѣли участiе въ судьбѣ Индустана (соединившаго ихъ въ названiи сѣверо-восточной страны, Аза-Вана). Ваны, какъ многочисленнѣйшiе и ближайшiе, сильнѣе подѣйствовали на государственную судьбу; какъ способнѣйшiе къ художеству, овладѣли всею словесностью.

Строгіе и многомысленные Азы приняли въ себѣ сильнѣе стихію религіозную и философскую сторону богослуженія брахманскаго. Оттого-то сборникъ духовнаго ученія носитъ признаки того нарѣчія, на которомъ написаны и священныя книги средняго Ирана. Такимъ образомъ объясняется особое сродство Ведъ и Зендавесты. Самый же языкъ Зендъ, котораго напрасно бы стали искать въ маломъ горномъ племени *Зундъ* (ибо нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы имя Зендъ было когда-либо именемъ народнымъ), былъ, безъ всякаго сомнѣнія, древнимъ языкомъ Мидіи и Мазендерана (*Ма-зендъ-иранъ*, великій Зендскій Иранъ *)) и родоначальникомъ позднѣйшихъ Пехлеви, Парси и особенно, самаго близкаго къ нему, придворнаго нарѣчія Кировыхъ преемниковъ, наконецъ языкомъ великихъ Азовъ или Аріевъ, изобрѣтателей письменности гласовой, по которымъ западные народы назвали Азіею весь безконечный восточный материкъ. Впрочемъ, Зендъ, оставшійся намъ въ памятникахъ, находился безспорно уже въ состояніи упадка отъ одичанія народа и отъ вліянія западныхъ семей, долго владѣвшихъ Мидіею. И то и другое легко замѣтитъ безпристрастная критика. Религія Зендавесты, такъ же какъ и языкъ, уже подверглась измѣненіямъ. Ученіе Заратустра есть не первобытное вѣрованіе, но реформаторское, слѣдовательно неполное возвращеніе къ старинѣ. Его собственное свидѣтельство въ этомъ отношеніи ясно. Онъ говоритъ о прежнихъ учителяхъ, особенно о какомъ-то боговдохновенномъ *Гомѣ*, но не связываетъ себя ни съ кѣмъ путемъ историческаго преемства; явно, что между прежнимъ свѣтомъ и его проповѣдью былъ промежутокъ мрака, вѣроятно синкретическаго поклоненія многоименнымъ божествамъ, которыхъ онъ проклинаетъ подъ именемъ *Дивъ*. Кромѣ свидѣтельства самого Зердушта, мы имѣемъ внутреннія, еще убѣдительнѣйшія, доказательства въ самой критикѣ его ученія. Оно представляетъ неоспоримыя доказательства глубочайшей древности въ общемъ своемъ характерѣ и въ то же время новости во многихъ подробностяхъ. Такими доказательствами можно считать: самое имя божества Агура-маз-дао (господинъ великій богъ), котораго многосложность совершенно противна первобытной простотѣ; двойное употребленіе одного и того же слова—*Дивъ* въ смыслѣ злого духа и *Дао* въ смыслѣ бога, между тѣмъ какъ *Дао* есть только мѣстное измѣненіе коренного *Дивъ* (то же отношеніе, что между нарѣчіями сербскимъ и малороссійскимъ въ спряженіи глаголовъ); произвольно-философское введеніе безличнаго *Зерване Акерене,* т.-е. олицетворенной вѣчности; неясное отношеніе злаго начала къ доброму и, особенно, нелогическое нарушеніе духовной свободы въ необходимо-зломъ характерѣ твореній злаго *Ангри-Маньюса*, между тѣмъ какъ творенія самаго божества способны къ злу и добру. Таковы явныя доказательства реформы не вполнѣ удачной. Къ ней еще остались примѣшанными нѣкоторыя совершенно чуждыя стихіи, изъ которыхъ едва ли не главнѣйшею можно считать какое-то обоготвореніе коровы или быка. Этотъ весьма важный символъ, неизвѣстный древнему Иранству, но встрѣчаемый почти во всѣхъ синкретическихъ религіяхъ, представляетъ вещественную природу, незлобивую, но за то не имѣющую ни опредѣленнаго характера, ни внутренней энергіи. На ликійскихъ памятникахъ онъ долженъ считаться изображеніемъ жизни или стихій земныхъ. О введеніи женскаго начала въ нѣкоторыхъ частяхъ Зендавесты говорить нечего. Оно принадлежитъ, какъ и весь *Бундегешъ*, эпохѣ гораздо позднѣйшей, когда персидское царство стало клониться къ упадку внѣшнему и внутреннему. За отстраненіемъ этихъ явныхъ приростовъ и произвольныхъ прибавокъ реформатора, остается чистое, возвышенное вѣрованіе, далеко превосходящее глубиною мысли и чудною чистотою молитвы всѣ прочія религіи; вѣрованіе столь близкое къ духовному наслѣдію Симо-Яфетидовъ, къ поклоненію *Гелю*, что ихъ необходимо должно считать за совершенно тождественныя въ своемъ началѣ. То же понятіе о свободномъ творчествѣ, о свободѣ духовной и о паденіи, тѣ же преданія о прошломъ блаженствѣ, о потопѣ и наконецъ тѣ же мессіаническія обѣщанія о будущемъ Спасителѣ-Сезіошѣ. Не диво, что ученые, видя связь и не досмотрѣвъ общаго корня, требовали, чтобы Моисей поучился у *Заратустра* или Заратустра у Давида.

Преданія самой Персіи не совсѣмъ сходны съ показаніями эллинскихъ писателей; но вообще преданія позднѣйшія въ Иранѣ, столько разъ потрясенномъ, завоеванномъ, утратившемъ и вѣру, и языкъ, и даже народъ свой (ибо теперешній персіянинъ принадлежитъ почти столько же племени турецкому, сколько персидскому), не заслуживаютъ большой вѣры. Во всякомъ случаѣ, не у магометанъ, не у огнепоклонниковъ должно бы искать воспоминаній древности; но кажется, что если эти воспоминанія существуютъ, то они до сихъ поръ еще неизвѣстны просвѣщенной Европѣ. Династія Кеанидовъ принадлежитъ уже эпохѣ преобладанія персидскаго. Трудно бы было соединить разсказъ о династіи Пишдадіевъ съ разсказами Эллиновъ; но даже въ темнымъ воспоминаніяхъ, сохраненныхъ поэтами Персіи, замѣтенъ историческій перерывъ и начало новой государственной эпохи съ восшествіемъ на престолъ освободителя *Феридуна.* Если тысячелѣтнее царствованіе Джемшида бактрійскаго хлѣбопашца, соотвѣтствующаго великой Семирамидѣ ассирійской и тысячелѣтнему владычеству Скиѳовъ, есть ни что иное, какъ олицетвореніе кроткой власти Вановъ восточныхъ, то побѣда Дзогака, змѣепоклонника, представляетъ торжество полу-кушитской Ассиріи и Вавилона (обвиняемаго, какъ извѣстно, въ змѣепоклонствѣ даже евреями въ ихъ неканоническихъ, т.-е. позднѣйшихъ. писаніяхъ *).) Феридунъ, мнимый потомокъ Джемшида, уже царствуетъ не въ родинѣ своего предка. Онъ воспитанъ въ горахъ демавендской цѣпи, онъ торжествуетъ силою меча и ставитъ государственное средоточіе въ среднемъ Иранѣ. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на основаніе царства мидійскаго. Владычество Вановъ не должно считаться эпохою сильнаго и твердо-устроеннаго государства. Это было время свободныхъ общинъ, связанныхъ единствомъ кровнаго братства и процвѣтавшихъ подъ сильною рукою одной преобладающей общины, основавшейся въ побѣжденной Ассиріи. Это было время для свободы Аза мидійскаго, какъ и для Вана бактрійскаго, и слава эпохи принадлежала не одному уголку земли, не одной семьѣ, но всему пространному Ирану. Мидія и Персія могли себѣ усвоить венедскаго Джемшида съ большимъ правомъ, чѣмъ эллинскаго Искандера.

Недолго могла одряхлѣвшая въ развратѣ и роскоши Ниневія противустоять новозданной силѣ Азовъ мидійскихъ, крѣпкихъ простотою горной жизни и вдохновенныхъ всею полнотою духовнаго вѣрованія, перешедшаго изъ изустнаго, семейнаго преданія въ писанную государственную религію. Побѣдивъ опасныхъ и воинственныхъ сосѣдей Кадузіевъ въ долгой войнѣ, о которой преданія исчезли въ общемъ преданіи о борьбѣ съ Тураномъ; Мидійцы обратили всѣ силы свои противъ прежней владычицы своей, Ассиріи. Несмотря на побѣды Соосдухина*), они при Кіаксарѣ уже стояли подъ стѣнами Ниневіи. Нашествіе Скиѳовъ спасло ее, но не надолго.

Земли малоазійскія.—Лидія.

Освобожденіе Ирана отъ кочевыхъ завоевателей рѣшило судьбу западной Азіи. Первенство Мидійцевъ было неоспоримо. Ниневія пала. Городъ не былъ уничтоженъ, ибо преданія армянскія (хотя не совсѣмъ достовѣрныя) говорятъ объ архивахъ ниневійскихъ еще нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х.; но Ниневія не имѣла торговаго значенія подобно Вавилону, и власть ея была чисто государственная. Ея важность исчезла съ уничтоженіемъ туземной, воинственной династіи, и остовъ великой столицы истлѣлъ, не замѣченный ни историками, ни поэзіею народныхъ сказаній.

Побѣда Мидійцевъ сблизила ихъ съ другимъ воинственнымъ народомъ, пытавшимся основать сильное государство на западѣ Малой Азіи, съ Лидійцами.

Этого имени не должно искать, по дурному примѣру нѣкоторыхъ ученыхъ, въ семьѣ *Лудъ* еврейскихъ преданій. *Лудимъ* принадлежали племени Хамидовъ, и географъ находитъ ихъ еще въ наше время въ западныхъ пустыняхъ Африки, въ землѣ *Лудамаръ,* точно такъ же какъ и родственное съ ними племя *Путъ* или *Фута*, извѣстное по еврейскимъ писателямъ и египетскимъ памятникамъ. Имя Лидія связано съ обще-иранскимъ корнемъ *людъ*, точно такъ же какъ имя *Лигіи*, *Лигурры*, *Ляхи* связано съ корнемъ санскритскимъ *леха* (черта) и славянскимъ *лѣха* (черта, границы).

Невозможно опредѣлить съ точностію характеръ народа и царства Лидійскаго, принадлежащаго вполнѣ племенамъ мѣшаннымъ и разносоставнымъ. Когда усилившіеся Эллины отодвинули другія западно-иранскія племена съ береговъ Эгейскаго моря и опрокинули старыя колоніи великихъ

Вендовъ (Венетовъ и Ликіевъ), началась новая жизнь въ новозданныхъ эллинскихъ городахъ Малой Азіи. Страна побѣжденной Трои досталось Эолійцамъ, семьѣ, явно принадлежащей вѣтви іонійской. Новые полудикіе поселенцы не вытѣснили просвѣщеннѣйшихъ старожиловъ. Потомки Ассарака и древнихъ царей пергамскихъ жили и царствовали въ долинахъ тѣнистой Иды, тогда какъ потомки Агамемнона вдадѣли равниною*). Произошло смѣшеніе племенъ, давшее эолійскому нарѣчію его особенности, эолійскимъ мореходцамъ ихъ смѣлую предпріимчивость и эолійскимъ пѣвцамъ (или пѣвцу Омиру) великое призваніе пробудителей Эллады.

Здравомыслящая критика не можетъ отрицать эолійскаго происхожденія Омира: оно явно и изъ нѣкоторыхъ древнихъ свидѣтельствъ, изъ его пристрастія къ эолійскимъ обычаямъ и особенно изъ выбора его героевъ, принадлежащихъ почти безъ исключенія семьѣ эолійской. Нарѣчіе эолійское, кромѣ многихъ важныхъ особенностей, представляетъ характеристическую черту славянскихъ языковъ, удаленіе отъ звуковъ ѳ (англійскаго th) и *ф*.

Такое же смѣшеніе Эллиновъ съ туземцами, такое же вліяніе восточно-иранскихъ семей, такое же пробужденіе дремлющаго духа къ жизни просвѣщенія и искусства происходило, болѣе или менѣе, по всему западному берегу Малой Азіи. Оттуда и исторія, и философія, и небознаніе (Гекатей, Ксанѳъ, Гелланикъ, Ксенофанъ, Ѳалесъ), оттуда восходъ эллинскаго дня.

Лидійцы не были причислены къ Эллинамъ: они не принадлежали къ ихъ племени. Точно такъ же были они чужды выходцамъ изъ восточнаго Ирана. За всѣмъ тѣмъ, кажется, можно опредѣлить приблизительно главный источникъ, изъ котораго они получили свое начало.

Древность Ксанѳа лидійскаго и частныя сношенія съ Эллинами даютъ особенную достовѣрность показаніямъ Геродота и другихъ греческихъ писателей.

Первоначальное имя Лидійцевъ,—*Меонійцы*, связано съ корнемъ *менъ* или *манъ* (Манесъ былъ родоначальникъ первыхъ царей) и поэтому имѣетъ совершенно одно значенiе съ послѣдующимъ *Лидiйцы* (отъ *людъ*). Перемѣна имени указываетъ, можетъ быть, на измѣненiе нарѣчiй, но все въ кругу языковъ иранскихъ. Первые цари вели родъ свой отъ сына Манеса, *Атиса*, любимца Кивелы. Въ этой горной богинѣ, соединяющей эмблемы природы саможивущей, упряжь изъ львовъ (слѣдовательно эмблему небеснаго огня, пожирающаго земное, какъ явно изъ миѳовъ ликiйскихъ и др.), свирѣпые обряды и ненависть противъ вещественнаго воспроизведенiя, легко узнать мысль иранскую въ ея ожесточенiи и въ послѣдовавшемъ смѣшенiи съ Кушитствомъ. Съ полною увѣренностью можно причислить древнихъ Лидiйцевъ къ колонiямъ, вышедшимъ изъ западнаго Ирана или изъ араратскаго пригорья послѣ эпохи религiознаго синкретизма и послѣ отдѣленiя племенъ германскаго и пелазгiйскаго. Вторая династiя, царей Гераклидовъ, представляетъ весьма любопытную родословную и явныя указанiя на прибережья Евфрата. Основатель династiи—*Геркулесъ*, сынъ его *Алкей*, внукъ *Велъ* или *Белъ*, правнукъ *Нинъ*. Главное божество при-евфратскихъ и сирiйскихъ народовъ представляется внукомъ Геркулеса, но въ то же время и сыномъ Алкея, который самъ отецъ Иракла (*Алкида*). Тождество обоихъ боговъ, Геркулеса и Бела или Вела выказывается очень явно (какъ уже давно слѣдовало заключать по всему характеру миѳовъ) и въ то же время соединенiе Бела съ Ниномъ не оставляютъ никакого сомнѣнiя насчетъ завоеванiя Лидiи выходцами изъ сѣверной Ассирiи, или во время ванскаго владычества, или (что̀ вѣроятнѣе по лѣтосчисленiю) во время вторичнаго усиленiя Ниневiи, послѣ изгнанiя Бактрiйцевъ. Такимъ образомъ народъ лидiйскiй могъ и долженъ былъ почерпнуть просвѣщенiя изъ богатыхъ источниковъ сиро-вавилонскихъ, но просвѣщенiя нестройнаго и нетвердаго, скоро исчезающаго въ дикой жизни воинственныхъ горцевъ, каковы были Лидiйцы.

Тождество Вела и Геркулеса не подлежитъ сомнѣнiю. Прибавимъ, что хотя корень имени Геркулесъ или Гер-кулъ весьма сомнителенъ и былъ отыскиваемъ въ разныхъ нарѣчiяхъ безъ полнаго успѣха, кажется, можно смѣло его причислить къ чисто-иранскимъ *Геръ* или, по славянскому умягченію, *яръ* (или, по его италійской формѣ, *веръ*) вообще означаетъ свѣтлое, пламенное или сильное, Вторая часть слова *кулъ* указываетъ на корень *коло* (кругъ, греч. *ϰυλινδω* кружу и др.), и тогда имя Гер-кулъ значило бы свѣтлый кругъ, солнце или самое небо, по смыслу, по которому *коло* составило латинское coelum. Понятно, почему слово Гер-кулъ было принято такъ же и въ смыслѣ круга годового. Отыскивая корни, которые случайно сохранились въ славянскомъ языкѣ, мы не думаемъ отыскивать самое божество въ миѳахъ вано-бактрійскихъ: оно чуждо имъ, по крайней мѣрѣ подъ этимъ именемъ *).

Послѣдняя династія царей лидійскихъ, *Мермнадовъ*, принадлежитъ уже вполнѣ эпохамъ историческимъ. Въ VIII вѣкѣ до Р. Х. основатель ея *Гигесъ* упоминался въ стихахъ современныхъ Эллиновъ (какъ извѣстно, Архилоха паросскаго) и былъ въ частныхъ сношеніяхъ съ дельфійскимъ оракуломъ (такъ же какъ Гордій фригійскій). Очевидно, наступила эпоха, когда Азія стала занимать свѣтъ наукъ отъ своей ученицы Эллады. Ближайшіе и бѣднѣйшіе самобытнымъ просвѣщеніемъ болѣе другихъ подверглись новому вліянію. Такова была судьба Лидіи [1]). Мермнады со дня на день усиливали свое царство. Киммерійцы или Приволжскіе *Кумри*, гонимые Скиѳами, бѣжали по берегамъ Чернаго моря. Ворвавшись въ Малую Азію, уже и прежде страдавшую отъ ихъ набѣговъ, они опустошили ее до самыхъ береговъ Эгейскаго моря съ тою же жестокостью, съ которою побѣдители ихъ Скиѳы, прорвавшись почти въ то же время черезъ Кавказъ по берегамъ Каспія, опустошали Ассирію, Мидію и Палестину до самаго Египта. Началась долгая и кровавая борьба между Лидіею и сѣверными опустошителями. Побѣда досталась туземцамъ. Лидія освободила Малую Азію почти въ то же время, какъ Мидійцы уничтожили скиѳскія полчища. Киммерійцы погибли въ битвахъ, погибли въ долгомъ бѣгствѣ передъ побѣдителями, и немногіе остатки ихъ спаслись, можетъ быть, въ ущеліяхъ Тавра или Кавказа, гдѣ ученая критика не отыскала ихъ слѣдовъ.

---

[1]) За всѣмъ тѣмъ сказки объ Гигесѣ и его кольцѣ-невидимкѣ доказываютъ еще силу туземной стихіи; онѣ носятъ характеръ сказки восточной, а не эллинской, русской шапки-невидимки, германской *тернъ-каппе*, *гелотгельмъ* и др. У Эллиновъ едва остался слабый слѣдъ ихъ въ Гомеровомъ шлемѣ Аида.

Изученіе горныхъ нарѣчій покажетъ вѣроятно остатки погибшаго народа. Въ Таврѣ мало надежды, потому что трудно будетъ ихъ отличить отъ позднѣйшихъ Галатовъ; но въ Кавказѣ успѣхъ вѣроятнѣе. Имя Аваровъ, горцевъ въ Лезгистанѣ, побѣдителей великаго Надиръ-шаха,—имя, принадлежащее также семьѣ галльской (кажется изъ отрасли болго-кумрійской), можетъ быть указываетъ на потерянный слѣдъ.

Мермнады, побѣдили Киммерійцевъ и избавители сосѣднихъ областей, скоро подчинили ихъ своей власти до береговъ Галиса. Передъ многочисленными войсками Лидіи пали многія эллинскія колоніи (Колофонъ, Пріена, Смирна и др.) Устрашенные Іонійцы платили имъ дань; но побѣдители сами покорялись вполнѣ могуществу эллинскаго духа и впивали изъ Эллады всѣ духовныя начала, кромѣ того, въ которомъ жила ея сила,—любви къ свободѣ и поклоненія высокой личности человѣка.

Борьба Лидіи съ мидійскимъ царствомъ.

Едва исчезло царство ассирійское, Мидійцы уже пришли во враждебное соприкосновеніе къ Лидіи. *Аліяттъ* лидійскій, побѣдитель Киммеріевъ, нашелъ достойнаго соперника въ *Кіаксарѣ*, освободившемъ Азію отъ кочевыхъ Скиѳовъ.

Трудно узнавать имена восточныя въ ихъ эллинскомъ искаженіи. *Кіаксаресъ* едва ли не составное слово изъ слова *кай*, сохранившагося въ сказаніяхъ персидскихъ (Кай-кавусъ, Кай-кобадь и пр.) и означающій, вѣроятно, царское достоинство, въ языкѣ простонародномъ, и имени *ассаръ*, которое можно угадать въ имени Ассуэръ, данномъ Еврейскими писателями позднѣйшему царю персидской династіи *).

Поводомъ къ войнѣ было, вѣроятно, властолюбіе, предлогомъ— покровительство, оказанное Лидіею бѣглымъ Скиѳамъ, изъ вражды къ Мидіи или изъ дружбы къ Скиѳамъ, врагамъ Киммерійцевъ. Рѣшительное сраженіе было перервано полнымъ затменіемъ солнца; міръ, заключенный посредничествомъ Сіеннезиса, царя киликійскаго и Лабинета вавилонскаго, утвержденъ былъ бракомъ дочери аллятовой и сына кіяксарова.

Вѣроятно Киликія боялась усиленія Лидійцевъ, а Вавилонъ увеличенія Мидіи. Переговоры, посредничество парей и бракъ царскихъ дѣтей показываютъ, какъ стары и какъ изстари безполезны политическія хитрости, за которыми и теперь еще гонится дипломатія европейская.

Война Лидіи противъ Мидійцевъ, первая между древнею Азіею и государствомъ, принадлежащимъ уже отчасти новой европейской жизни, очень важна во всѣхъ отношеніяхъ. Переговоры доказываютъ уже безпрестанныя и разсчетливыя сношенія народовъ другъ съ другомъ; затменіе солнца, перервавшее битву и предсказанное Ѳалесомъ милетскимъ, даетъ исторіи твердую опору хронологическую и вѣрное свидѣтельство о высокомъ состояніи науки астрономической; наконецъ, самое столкновеніе Лидіи и Иранцевъ на берегахъ Галиса пополняетъ наши знанія объ эпохѣ сѣверно-ассирійскаго царства.

Любопытно сравненіе между Ѳалесомъ, предсказывающимъ затменіе, и геніальнымъ Геродотомъ, разсказывающимъ въ полномъ собраніи Эллады такой вздоръ о ходѣ солнца *), что трудно придумать нелѣпѣйшую нелѣпость. Явны и великая ограниченность знаній въ Элладѣ, и нетуземность астрономіи.

Огромное разстояніе раздѣляло границы Лидіи не только отъ семистѣнной столицы Деіока, Экбатаны, но и отъ береговъ Тигра и павшей Ниневіи. Между тѣмъ, исторія не содержитъ ни полслова о завоеваніи всей этой пространной области Кіаксаромъ. Сличеніе этого происшествія съ покореніемъ Палестины и Финикіи Персами послѣ паденія Вавилона, и имя Сирійцевъ (*Левко-Сиріевъ* или Бѣло-Сирійцевъ), подъ которомъ извѣстны были Эллинамъ жители за-галисской стороны, даетъ полное право утверждать, что Ниневія до самаго своего паденія была владычицею всей области отъ береговъ Тигра до береговъ Галиса, и оцѣнить всю силу ассирійской державы.

Области вообще считали себя не свободными членами государства, но какъ будто собственностью столицы; иногда онѣ составляли союзъ, признающій первенство одной главы, охраняющей ихъ. Въ обоихъ случаяхъ онѣ были равнодушны къ перемѣнамъ политическимъ и готовы были признать надъ собою власть завоевателя, овладѣвшаго столицею, и всякаго новаго народа, присвоившаго себѣ права главы въ союзѣ. Такъ Персія получаетъ какъ бы въ наслѣдство всю страну, признававшую власть Мидіи, и всю южную Сирію послѣ Вавилона; такъ Дарій считаетъ себя въ правѣ давать законы даже дальнимъ колоніямъ покоренной Финикіи; такъ Мидійцы являются законными владѣтелями всѣхъ странъ между Тигромъ и Галисомъ, потому только, что они принадлежали побѣжденной Ниневіи.

Преемникъ Аліатта, *Крезъ*, продолжалъ начатое предками. Его оружію покорились всѣ Эллины въ Малой Азіи, всѣ остатки древнихъ туземцевъ, и въ ихъ числѣ жители богатой Фригіи; наконецъ, всѣ остатки восточно-иранскихъ колоній, какъ-то Халибсы (*Хвалисы*), азіатскіе Фракійцы и прочіе, за исключеніемъ храбрыхъ Ликійцевъ. Его богатства были несчетны, какъ отъ плодородія и рудниковъ самой области, такъ и отъ всемірной торговли приморскихъ городовъ, имъ покоренныхъ; его конница, вооруженная длинными копьями, считалась первою въ Азіи; его союзниками были непобѣдимый Лакедемонъ и древній Египетъ, обѣщавшіе ему войска свои противъ царей Востока; его столица (Сардесъ) была столицею роскоши, художества и просвѣщенія эллинскаго: въ нее стекались Ѳалесъ, Віасъ, Питтакъ, Солонъ и другіе. Все обѣщало блистательную судьбу Лидіи; но ея внѣшняя и вещественная сила была ничтожна въ сравненіи съ внутреннею и духовною силою Ирана.

Персія.—Паденіе Мидіи.

Не долго властвовала Мидія, и ея короткая лѣтопись такъ неполна, что она скорѣе можетъ быть угадана, чѣмъ разсказана послѣдовательно. Когда великій Кіаксаръ передалъ царство своему свирѣпому сыну Астіагу (или Астиигу, по Ктезію), Экбатана предписывала законы всему среднему Ирану отъ Каспія до океана, всей бывшей области ниневійской отъ Тигра до Галиса и всему восточному Ирану до Инду-кху и Памира. Персистанъ былъ покоренъ еще отцомъ Кіаксара Фраортомъ; но дѣйствительно Персы не были подданными Мидіи (это видно изъ всѣхъ разсказовъ), а только союзнымъ народомъ, признающимъ первенство одноначальнаго съ нимъ племени мидійскаго и власть религіозно-гражданскихъ законовъ, утвержденныхъ сѣвернымъ реформатомъ (Заратустра) и магами, его преемниками. Управлялся же Персистанъ своими обычаями, своими князьями и своими старыми родами воиновъ (*Пасаргадовъ* и въ особенности *Ахеменидовъ*), заслужившихъ первенство между братьями, вѣроятно мужествомъ въ отпорѣ противъ западныхъ завоевателей. Царство ниневійское было вполнѣ подчинено Мидіи, какъ земля завоеванная; но власть Кіаксара недалеко простиралась на сѣверъ отъ араратской цѣпи. Отроги Кавказа были наполнены воинственными потомками Иверцевъ (Западно-Иранцевъ, не покорившихся Ниневіи, Кимвровъ, искавшихъ убѣжища отъ скиѳской бури, и въ особенности средне-иранскихъ Азовъ (будущихъ Сармато-Алановъ), мало-по-малу отодвигающихъ скиѳское кочевье отъ Каспія и береговъ Волги. Тѣ же воинственные выходцы горъ мазендеранскихъ занимали всю цѣпь Дагестана и горное приморье, въ которомъ исторія находитъ еще въ гораздо позднѣйшихъ вѣкахъ вольныя общины, управляемыя чисто-жреческимъ закономъ. Смѣшеніе племенъ кушитскихъ, кушитскія просвѣщенія и религія давно уже проникли въ глубокій Сѣверъ; это явно доказано колоніею черноволосыхъ и курчавыхъ Колхидцевъ, которыхъ самовидецъ Геродотъ принимаетъ за остатокъ войскъ египетскихъ, пещерными строеніями и поклоненіемъ богинямъ сирійскимъ; но горы, храбрость жителей и непривѣтливая природа остановили оружіе южныхъ завоевателей у подножій Кавказа. Цѣпь дагестанскихъ горъ была населена также свободными племенами, противъ которыхъ мидо-персидскіе цари воевали безъ большого успѣха, какъ видно изъ преданій персидскихъ объ осадѣ *Азпруза* Кай-кавусомъ *) и о подвигахъ Рустама противъ бѣлыхъ Дивовъ, на берегахъ Каспійскаго моря. Восточный Иранъ былъ уже мидійскимъ прежде, чѣмъ Мидія стала могущимъ государствомъ. Изъ Согдіаны и прилежащихъ къ ней областей возникла реформа огнепоклонства. Послѣ паденія вано-бактрійскихъ общинъ Западъ сталъ напирать на Востокъ свѣжими силами племени Азовъ, между тѣмъ какъ великое ванское племя, утратившее чистоту преданій и замѣнившее старинныя вѣрованія какою-то дѣтски-сказочною религіею (антропоморфизмомъ), не было въ состояніи ни удержать своего первенства, ни даже сохранять равенство съ братьями. Чисто-бытовая жизнь, оторванная отъ своей религіозной опоры, кроткія и человѣческія стремленія, трудъ хлѣбопашца и тишина семейственнаго обычая, всѣ эти добрыя стороны бактрійскихъ общинъ не составляли еще силы дѣйствительной и способной къ долгой борьбѣ.

Оттого-то вездѣ Славяне уступили напору болѣе воинственныхъ племенъ. Въ нихъ была совершенная невозможность собственнаго развитія независимо отъ такого общаго, вполнѣ человѣческаго начала духовнаго, которое бы соотвѣтствовало всѣмъ требованіямъ духа человѣческаго; а этого начала не было, или оно было утрачено. Общества, основанныя на условности, требуютъ, чтобы люди, составляющіе ихъ, стѣснили свою душу въ мѣрку общественныхъ условій; иначе, за внутреннимъ неудовлетвореніемъ всѣхъ стремленій духа, слѣдуетъ разногласіе между обществомъ и его членами, и общество падаетъ.

Общины вано-бактрійскія утратили свою взаимную связь, между тѣмъ какъ средній Иранъ усилился сознаніемъ своего духовнаго стремленія. Земли, принадлежавшія нѣкогда семьѣ восточной, переходили мало-по-малу въ руки ихъ западныхъ братій. Жители удалялись далѣе въ пустыню или мѣшались съ побѣдителями, принимали ихъ вѣру, обычаи и языкъ. Великіе Геты, отступая на сѣверъ и подвергаясь безпрестанному столкновенію съ кочующими Финно-Турками, переходили въ состояніе казачества, въ которомъ критика уже не могла угадать ихъ прежняго характера. Менѣе одичавшіе Саки и просвѣщенные Бактрійцы охотно признали первенство Мидійцевъ, сохраняя неприкосновенность внутренней свободы и право имѣть своихъ собственныхъ князей, но соглашаясь повиноваться государственной жизни, возникшей изъ чуждаго и болѣе воинственнаго начала.

Эти отношенія Бактріи и Саковъ къ Мидійцамъ очевидны изъ ктезіева разсказа о войнѣ ихъ противъ Кира.

Вообще, несмотря на важныя различія вѣтвей азской и ванской, несмотря на соперничество и частую борьбу, родство духовное и жизненное между ними не исчезало никогда вполнѣ. Оттого они являются въ безпрерывной зависимости другъ отъ друга, и Бактріецъ принимаетъ законы отъ Кіаксара и Кира точно такъ же, какъ Азы подчинялись нѣкогда первенству бактрійскому во время Джемшида или Семирамиды (т.-е. торжества Бактріи надъ Ассиріею).

Это родство двухъ вѣтвей одного племени и взаимное ихъ дѣйствіе другъ на друга также важны для объясненія позднѣйшихъ происшествій, напр., основанія русскаго государства, какъ и для знанія первобытной исторіи Ирана.

Покуда Мидійцы были первенствующею семьею, Востокъ еще сохранялъ многія черты своей коренной жизни и вѣроятно многіе остатки своего древняго языка (сохранившагося, какъ сказано, въ славянскомъ). Но когда, послѣ паденія Мидіи и торжества Персіи, наступило время большаго единства государственнаго, когда свободныя княжества обращены были въ сатрапіи, и желѣзная рука воинственныхъ правителей налегла на всѣ покоренныя области, тогда исчезли всѣ слѣды славянства; уцѣлѣвшіе погибли въ позднѣйшемъ потопѣ финно-турецкаго нашествія ¹).

Царство мидійское соединяло въ себѣ характеръ государства, основаннаго на высоко-нравственной религіи, съ характеромъ племени дикаго и воинственнаго. Но пороки западныхъ царствъ глубоко исказили всю жизнь средняго Ирана: неограниченность царской власти и соблазнъ примѣровъ ассирійскихъ развратили пышный дворъ Экбатаны, и паденіе свирѣпаго Астіага, порабощеніе Мидіи и торжество менѣе испорченныхъ Персовъ были явленіями утѣшительными для человѣчества.

Надъ жаркими берегами великаго залива, въ который впадаетъ Евфратъ, подымаются круто скаты свѣжей горной твердыни, пересѣкаемой каменистыми оврагами и тѣсными ущеліями. Въ этой дикой и суровой области, простирающейся на Сѣверъ до границъ Мидіи, жилъ вольный и гордый народъ Персовъ, управляемый старыми обычаями и родовыми князьями, поклоняющійся невидимому Богу небесному и признающій Его присутствіе и символы въ предметахъ видимаго міра. Удаленный бѣдностью отъ соблазновъ торговли, спасаемый собственнымъ мужествомъ и крутостью горныхъ дебрей отъ насилія иноплеменныхъ завоевателей, онъ хранилъ преданія первобытной вѣры, мало измѣненныя чуждою примѣсью, но затемненныя вѣками и отсутствіемъ образованности. Почти безъ сопротивленія присталъ онъ къ политической системѣ родныхъ Мидійцевъ; охотно, несмотря на вольнолюбивую гордость, призналъ онъ первенство народа, отъ котораго принималъ свое же старое ученіе, но въ реформѣ, придавшей ему характеръ яснаго сознанія. Вскорѣ участіе въ политической дѣятельности и столкновеніе съ другими пле-

---

¹) Кто узнаетъ теперь славянскаго Поморянина въ нѣмецкомъ жителѣ Поммернъ-ланда? Кто угадаетъ по Грекамъ Мореи, что тому нѣсколько столѣтій болѣе трехъ четвертей области были населены Славянами?

менами внушили ему властолюбіе, а нравственный упадокъ Мидіи внушилъ ему презрѣніе къ прежнимъ наставникамъ. Побѣда Кира надъ Астіагомъ (въ VI вѣкѣ до Р. X.) передала царство мидійское въ руки Персовъ.

Киръ.—Торжество Ирана надъ землями кушитскими.

Торжество ихъ было полнымъ торжествомъ Ирана. Великій полководецъ и царь достойный во всѣхъ отношеніяхъ своего призванія, Киръ распространилъ свою державу силою оружія, укрѣпилъ ее мудростью и кроткимъ владычествомъ надъ побѣжденными. Лидія, надѣясь воспользоваться паденіемъ Астіага и завоевать за-галисскую область, объявила Персамъ войну, неправую даже по мнѣнію Геродота *); но ни сила ея, ни богатство, ни союзы, ни блистательныя дарованія ея мудраго государя не могли ея спасти. Она обращена была въ область персидскую, и побѣжденный Крезъ кончилъ жизнь свою въ почетномъ плѣну у великодушнаго побѣдителя. Персія пришла въ соприкосновеніе съ Эллинами, поработила ихъ мало-азійскія колоніи. Саки и Бактрійцы послѣ небезславной войны покорились Киру, какъ наслѣднику мидійскихъ царей. Въ западной Азіи одинъ Вавилонъ еще сохранялъ свою независимость. Давно ненавистный Мидійцамъ, стонавшимъ подъ ассирійскомъ игомъ, союзникъ Лидійцевъ въ ихъ войнѣ противъ Персіи, онъ обратилъ на себя оружіе Кира и послѣ долгой борьбы, несмотря на свои неприступныя стѣны, на недосягаемую высоту своихъ башень, онъ погибъ отъ мужества Персовъ и отъ такихъ смѣлыхъ осадныхъ трудовъ, которые свидѣтельствуютъ не только о многочисленности войскъ Кировыхъ, но и о высокомъ развитіи механическихъ наукъ.

Гиндъ, десятки рѣкъ въ него впадающихъ и наконецъ многоводный Евфратъ, переведенные въ новыя, искусственныя русла! Какое войско европейское взялось бы за такой исполинскій трудъ?

Вавилону не суждено было исчезнуть безъ слѣда, какъ Ниневіи. Силы его были не въ воинственномъ народонаселеніи, не въ пространствѣ подвластной страны, но въ его всемірной важности на перепутіи торговли и каравановъ, соединяющихъ Востокъ съ пристанями Средиземнаго моря. Могущественнѣйшій изъ преемниковъ Кира, Дарій, предписывавшій законы даже далекому Карѳагену *), съ трудомъ могъ побѣдить возмутившійся Вавилонъ. Небольшая область, составляющая вавилонскую сатрапію, могла платить безъ изнуренія треть всѣхъ податей въ государствѣ, простирающемся отъ горъ гималайскихъ и пустынь заоксусскихъ до песковъ Ливіи и Эгейскаго моря, въ государствѣ, которому принадлежали Финикія, Египетъ и Малая Азія, богатѣйшія страны древняго міра. Наконецъ, побѣдитель Персіи, Александръ, думалъ въ столицѣ южной Ассиріи основать свою всемірную столицу, прельщаемый ея вѣковою славою, ея зодческими чудесами, тайнами вещественныхъ наукъ, которыя въ ней хранились, и особенно ея торговыми выгодами, о которыхъ строитель Александріи могъ судить съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Послѣ паденія столицы, вся область вавилонская до береговъ Средиземнаго моря, до границъ Евфрата и до пустынь сѣверной Аравіи покорилась Персіи; Финикія, упорно сражавшаяся противъ Навуходоносора и Ассирійцевъ, отдалась безъ боя новымъ владыкамъ. Киръ, побѣдитель всѣхъ народовъ юго-западной Азіи, наслѣдникъ царствъ мидійскаго, бактрійскаго и ассирійскаго, основалъ державу, превосходящую могуществомъ всѣ державы, бывшія до него, кромѣ далекаго Китая. Соединеніе столь многихъ народовъ подъ одною властію, въ одной системѣ государственной, какъ будто возвращало человѣчество къ прежнему его братскому общенію, забытому уже за тысячелѣтіе; но возвратъ этотъ былъ невозможенъ. Народы слишкомъ одичали другъ противъ друга, и эгоизмъ отдѣльныхъ общинъ развился слишкомъ враждебно. Война сторожила всѣ границы; внѣ государства со всѣхъ сторонъ были враги, и самое государство носило характеръ связи чисто внѣшней и случайной, совершенно чуждой всякому единенію и человѣческому братству.

Не таковы были отношенія Персовъ къ Мидійцамъ. Соединеніе ихъ было не случайное и не внѣшнее, но внутреннее и основанное на коренныхъ началахъ единоплеменности и единовѣрія. Мидійцы исчезаютъ изъ лѣтописи послѣ утвержденія персидской державы, но въ этомъ преобладеніи семьи персидской нельзя предполагать порабощенія ея сѣверныхъ братій. Государственные законы называются постоянно и вездѣ *законами Персовъ и Мидійцевъ* *); и при осадѣ Вавилона каждый народъ имѣлъ еще, безъ сомнѣнія, особеннаго государя, хотя имя царя мидійскаго (кажется, Кіаксаръ) нѣсколько подвержено сомнѣнію.

Отъ того-то и преданія народныя связываютъ династію персидскую *Кеанидовъ* съ мидійскими Пишдадіями *), хотя прямое родство Кира съ Астіагомъ (кромѣ брака Кира съ дочерью Астіаговой, по Ктезію) весьма подвержено сомнѣнію *). Нельзя не узнать въ Кеанидахъ новый царскій родъ Персидскій, но трудно опредѣлить въ именахъ Кай-кобадъ, Кай-каусъ или Кай-кавусъ и Кай-козру, къ какимъ историческимъ лицамъ они относятся. По всѣмъ вѣроятностямъ критики филологической должно предполагать, что порядокъ царей перемѣшанъ и что Козру есть нечто иное, какъ великій Киръ, а что Кавусъ и Кобадъ суть одно и то же лицо, котораго имя искажено въ двухъ нарѣчіяхъ. По крайней мѣрѣ форма *Кавусъ*, кажется, соотвѣтствуетъ эллинскому *Камбизесъ*, а Кобадъ представляетъ разительное сходство съ формою, найденною въ надписяхъ египетскихъ, Кмбадъ или Комбадъ. Быть можетъ, въ ихъ преемникѣ *Лагораспѣ* скрывается искаженіе имени *Даріявусъ* (съ измѣненіемъ старо-санскритскимъ и латинскимъ *д* въ *л*); впрочемъ, это дѣло пустое и не стоящее изслѣдованія. Война Кеанидовъ противъ Азовъ (житей *Азпруза*) содержитъ память или о борьбѣ Персовъ съ Мидійцами, или о войнѣ Персовъ съ дикими горцами прикаспійскими, еще менѣе склонными повиноваться племени южному, чѣмъ ближайшимъ братьямъ своимъ, Азамъ мидійскимъ.

Менѣе близки къ персамъ и не такъ тѣсно съ ними связаны были *Сако-Бактрійцы*, но и ихъ нельзя исключать изъ духовнаго и племеннаго союза иранскаго. Заратустра проповѣдывалъ свое ученіе на ихъ границахъ; Саки и Бактрійцы всегда упоминаются въ спискахъ войска, какъ благороднѣйшее изъ всѣхъ племенъ (кромѣ двухъ царствующихъ). Наконецъ они считаютъ себя, по Ктезію, въ правѣ судить о законности правъ Кира на иранскій престолъ и, побѣдивъ его, покоряются ему не какъ завоевателю, но какъ законному преемнику Астіага.

Такое отношеніе Сако-Бактрійцевъ къ Персамъ объясняется родствомъ ихъ съ средне-иранскими народами, Вановъ съ Азами или Вендовъ съ Сарматами, или Бактрійцевъ-Славянъ (отъ *Вахтри*—говорящій *): корень санскритскій, *вач*, славянскій *вѣщать*) съ Аріями. Несмотря на рѣзкое отдѣленіе двухъ великихъ отраслей, онѣ, какъ уже сказано, жили въ одной общественной или политической системѣ и часто находились въ состояніи неопредѣленнаго смѣшенія. Такъ, напр., мы находимъ *Вудіевъ* въ числѣ семей мидійскихъ и *Даевъ* (китайское *Дагіа*, европейское *Даки* *), то же что *Саки*) въ числѣ семей персидскихъ. Вѣроятно уже въ то время самое нарѣчіе восточное подверглось во многихъ отношеніяхъ вліянію западнаго и средняго Ирана, и началось то броженіе языковъ, изъ котораго возникло мягкое нарѣчіе *Фарси*, вытѣснившее парѳянское или горное *Пехлеви* (отъ *пехлевъ*—богатырь или *пехлу*—граница) при царяхъ Сассанидахъ и особенно при Багарамъ-Гурѣ. Это нарѣчіе было усовершенствовано именно въ восточныхъ областяхъ при дворѣ Саманеевъ и Газневидовъ.

Кстати о *Пехлеви*. Нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Мѣсто его рожденія, Парѳія, совершенно соотвѣтствуетъ положенію земли *Уна-о* по китайскимъ источникамъ. Имя же *пехлевъ* и слово *юнакъ* имѣетъ одно и то же значеніе—богатырь, молодецъ. Изъ этого можно заключить, что Восточно-Иранцы называли своихъ пограничныхъ воиновъ *юными* (*юнаками, молодцами*) и тѣмъ бы подтвердилось толкованіе имени Гунновъ, безспорно славянскихъ (какъ уже сказано), изъ славянскаго же. Еще другой выводъ. То же самое различіе формъ встрѣчается въ словѣ *Парсъ* или *Парѳъ* или санскритскомъ *Парада* и эллинскомъ *Перса*. Эллины получали свои понятія объ именахъ отъ западнаго Ирана, Индустанъ отъ восточнаго. Полногласіе исчезаетъ отъ востока къ западу. Преобладающій звукъ на востокѣ *а*, на западѣ *е;* у славянской отрасли восточнаго Ирана *а* рѣшительно клонится къ *о*, и отъ этого беззначная гласная, необходимая для произношенія согласныхъ, заключающая въ себѣ темный звукъ между *а*, *о* и *е*, принимаетъ въ Санскритѣ преимущественно характеръ *а*, въ славянскомъ *о*, въ средне-иранскомъ *е*. При чтеніи клинообразныхъ надписей не должно оставлять этой разницы безъ вниманія, такъ же какъ и при сличеніи корней въ славянскихъ (восточно-иранскихъ) и германскихъ (т.-е. западно-иранскихъ) нарѣчіяхъ.

Внѣ трехъ великихъ семей (Персовъ, Мидійцевъ и Сако-Бактрійцевъ), связанныхъ внутреннимъ родствомъ, всѣ остальныя находились только въ сношеніяхъ единства внѣшняго. Персія не соединила съ собою органически своихъ западныхъ областей, начиная отъ Тигриса, но поработила ихъ. Закономъ же и нарѣчіями онѣ оставались чуждыми своимъ повелителямъ, прежнимъ врагамъ.

Вѣроятно слѣдъ этой вражды и прежнихъ битвъ сохранился въ древнѣ-иранскомъ *Эремъ* (рабъ), происшедшемъ отъ племенного имени *Арамъ*, также какъ *Шклаве* отъ *Славянинъ* и *Давусъ* отъ *Дакъ* *).

За Тигрисомъ смѣсь кушитскихъ народовъ и кушитской мысли совершенно отчуждала побѣжденныхъ отъ побѣдителей, внушая послѣднимъ презрѣніе, а первымъ ненависть.

Въ такомъ смыслѣ и должно понимать свидѣтельство Геродота: «Персы уважаютъ другіе народы по мѣрѣ ихъ близости къ Персіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ презрѣннѣе *)».

Внутренній характеръ персидской державы.

Царство персидское было собственно мидо-персидскимъ. Персія представляла стихію воинственную и правительственную, Мидія религіозную и просвѣтительную. Народъ во время мидійской эпохи былъ раздѣленъ на четыре сословія: духовныхъ, военныхъ, землепашцевъ и ремесленниковъ или торговцевъ (горожанъ вообще). Этотъ раздѣлъ не содержалъ ничего враждебнаго или унизительнаго. Заимствованный отъ условныхъ обществъ кушитскихъ племенемъ свѣжимъ и живымъ, ясно помнящимъ братство всѣхъ своихъ членовъ, онъ былъ добродушнымъ и безхитростнымъ раздѣломъ государственныхъ работъ. Всѣ сословія были благородны, всѣ достойны милости Божества *).

Есть причины предполагать, что каждое сословіе имѣло своего особеннаго начальника или царя, подчиненнаго общему великому царю всего Ирана. Раздѣлъ кастъ въ брахманскомъ Индустанѣ былъ тотъ же самый до тѣхъ поръ, покуда южное побѣжденное племя было включено въ число кастъ подъ именемъ *Судра*. По закону нравственнаго зла, всегда воздѣйствующаго на своего виновника, безчеловѣчное угнетеніе одной касты исказило всѣ прочія.

Но первоначальныя отношенія между сословіями должны были измѣняться, какъ скоро самое государство выступало изъ своихъ естественныхъ границъ. Воины, привыкшіе повелѣвать чуждымъ народомъ, возвращались на родину уже съ меньшимъ уваженіемъ къ своимъ согражданамъ и, мало-по-малу отдѣляясь отъ нихъ въ видѣ властной аристократіи, вносили въ самое сердце государства начала будущихъ раздоровъ и слабости. Мы не можемъ этого утверждать объ эпохѣ мидійской. Исторія царства экбатанскаго утрачена, но восшествіе на престолъ Лже-Смердиса (или же—Таніоксяркеса) и его паденіе, сопряженное съ гоненіемъ на маговъ и съ уничтоженіемъ мидійскаго вліянія, доказываютъ что характеръ мидійской семьи и слѣдовательно эпохи былъ болѣе религіозный, чѣмъ воинственный, и что преобладающее въ ней сословіе было сословіе жрецовъ. Въ эпоху персидскую власть перешла къ воинамъ.

Царство Мидо-Персовъ была святою землею, хранящею законъ высшаго Бога. Оно было на землѣ изображеніемъ невидимаго неба. Царь былъ изображеніемъ самого Агура-Маздао. Въ этихъ основныхъ положеніяхъ были уже явныя причины будущаго государственнаго упадка. Страстный человѣкъ не можетъ быть достойнымъ представителемъ безстрастнаго Божества. Условное сочетаніе религіи и правительства, не поддержанное высокою чистотою временныхъ властителей, ведетъ въ одно время къ лицемѣрію въ обрядахъ, къ совершенной необузданности въ нравахъ царей и къ униженію самой вѣры. Кромѣ того, самое государство распадалось въ своемъ двойственномъ направленіи. Усвоивая себѣ характеръ духовный, оно въ то же время правило народами, не принимающими его духовныхъ основъ, и слѣдовательно находилось къ нимъ въ отношеніи внѣшней случайности, лишенной всякаго нравственнаго достоинства, а эти народы составляли большую часть государства. Орудіями власти надъ покоренными народами были сами Иранцы; но, будучи орудіями власти внѣшней и случайной, они теряли къ ней уваженіе и забывали ее мнимо-духовныя основы. Наконецъ, самая высота иранскаго вѣрованія не могла сжиться съ его второстепеннымъ значеніемъ въ государствѣ, и племена, сохранившія древнее преданіе въ своемъ свободнымъ быту патріархальномъ, не могли во внутренности своей души признать необходимость государства, какъ хранителя вѣры. Итакъ, прививка мысли религіозной къ государству была началомъ постоянной, ежечасной лжи и слѣдовательно скораго и неминуемаго упадка.

Ученіе Симо-Яфетидовъ, по своему всемірному характеру, можетъ служить основою государства только тогда, когда оно ставитъ себя выше его и, глядя на него какъ на случайность, объявляетъ ясно свое всемірное требованіе. Тогда оно утверждаетъ общество, признавая его только за случайный, но вполнѣ покорный сосудъ высшей истины; но такой взглядъ былъ невозможенъ для эпохи персидской.

При преемникахъ Кира государство, подъ личиною духовныхъ законовъ, окаменѣвшихъ въ пустой и мертвый обрядъ, представляло борьбу придворныхъ прихотей съ безначальнымъ буйствомъ цѣлаго племени (собственныхъ Персовъ), перешедшаго въ аристократію или почти въ то состояніе, въ которомъ была западная Европа послѣ ея завоеванія Германцами; но при первыхъ государяхъ злыя начала еще не принесли своихъ злыхъ плодовъ, и средній Иранъ, проникнутый живою мыслію вѣры, сокрушалъ всѣ препоны и торжествовалъ во всѣхъ битвахъ.

Среди обломковъ царства вавилонскаго Киръ нашелъ плѣнный народъ, который въ своемъ грустномъ рабствѣ не хотѣлъ преклонить главу передъ законами побѣдителей. Войны Персовъ были столько же религіозныя, сколько политическія; у нихъ была вражда не только съ чуждымъ государствомъ, но и съ чуждыми богами, съ ихъ храмами и жертвоприношеніями *).

Это замѣтно еще во времена Ксеркса и очень явно при Камбизѣ и Даріи.

Освобожденіе Израильтянъ.

Киръ не могъ не подать руки помощи изгнанникамъ, которыхъ законъ былъ въ основахъ своихъ его же закономъ. Съ грустною радостію возвратился плѣнный Израиль на пепилище своей родины. Іерусалимъ принялъ обратно своихъ дѣтей, отстрадавшихъ, искушенныхъ, очищенныхъ. Жители Палестины, переходя безъ спора въ подданство Кира, покорившаго ихъ владыкъ, уступили небольшую область освобожденнымъ Іудеямъ. Дарій и его преемники довершили благодѣяніе великаго своего предшественника.

Безъ блеска, безъ военной славы, незамѣтно для бурноволнующагося міра, всталъ Іерусалимъ изъ своихъ развалинъ. Выгодное торговое положеніе, трудолюбіе и смѣтливость его жителей, а впослѣдствіи покровительство македонскаго завоевателя снова обогатили Іерусалимъ; но уже храмъ и городъ и область были только бѣдными отсвѣтами прежней царственной Іудеи. Эта внѣшняя слабость скрывала внутреннюю, неистощимую силу. Время испытаній миновало; они были уже не нужны. Народъ получилъ полное сознаніе своего значенія въ безпредѣльности нравственнаго міра, внѣ мелочей міра политическаго. Время пророковъ прошло; они были не нужны: народъ былъ созданіемъ пророковъ.

«О если бы весь Израиль былъ пророкомъ!» говорилъ первый законодатель *). Весь Израиль былъ теперь пророкомъ. Онъ ждалъ.

Не утомилось еще славолюбіе Кира: онъ обратилъ оружіе противъ за-бактрійскаго Востока; тамъ, въ битвѣ съ народомъ Дербиковъ и ихъ индустанскими союзниками, погибъ онъ въ безплодной побѣдѣ, не распространившей предѣловъ государства.

Таковъ разсказъ Ктезія. Геродотъ повѣтствуетъ о пораженіи и гибели Кира въ войнѣ противъ массагетской царицы. Видимое несогласіе двухъ писателей ничего не значитъ. Безплодная побѣда не то же ли самое, что пораженіе? Всѣ племена, окружающія Бактрію, принадлежали къ одной и той же отрасли *Вановъ* или *Саковъ* или *Гетовъ*. За предѣлами просвѣщенія преобладало гетское имя, въ немъ заключалась и отдѣльная семья *Дербиковъ* (*Древики* отъ корня *древ*). Въ послѣдней войнѣ Кира у Геродота, такъ же какъ и въ борьбѣ его съ Саками по Ктезію, женщина является предводительницею непріятеля. Опять то же безпрестанно повторяющееся олицетвореніе восточно-иранскаго (славянскаго) начала подъ именемъ Царицы, олицетвореніе, основанное на особенномъ характерѣ миѳологія и на высокомъ значеніи женщины въ славянскомъ мірѣ, въ которомъ, какъ извѣстно *), въ противоположность міру германскому и западно-Иранскому, она имѣла полныя права самостоятельной гражданственности и даже въ иныхъ семьяхъ преимущество предъ мужчинами; опять та же кротость нравовъ, которая наказываетъ въ Кирѣ его кровожадныя стремленія къ завоеваніямъ, и опять то же мужество безъ воинственности. Союзъ Индустана съ Гетами очень понятенъ изъ исторіи вишнуитства. Главное же оружіе *Великихъ Гетовъ* (Массагетовъ) *сагара*, явно обличаетъ ихъ происхожденіе; то же самое слово и въ томъ же значеніи *топора* находимъ мы у всѣхъ Славянъ въ формѣ *сѣкира*, и у Римлянъ въ формѣ securis отъ корня *сек* (славянск. *сѣку*, лат. seco *).

Камбизъ.

Велико между завоевателями и между царями, владыками міра, имя Кира, основателя царства персидскаго, полководца непобѣдимаго, государя благодушнаго, правдолюбиваго и мудраго. Наслѣднику Камбизу изъ доблестей отца осталась только военная предпріимчивость. На югъ, на древній Египетъ, не надолго возстановленный мудростью Амазиса, обратилось оружіе Камбиза. Царство фараоновъ погибло, и владыка персидскій неистовымъ преслѣдованіемъ всего, что священно было для жителей нильской долины, выказалъ глубокую вражду Иранца (Симо-Яфетида) противъ святыни Кушита (Хамида).

Геродотъ, записавшій разсказы египетскихъ жрецовъ, которымъ онъ слѣпо вѣрилъ, самъ не заслуживаетъ вѣры насчетъ характера Кобада (или Камбиза) *); но религіозное гоненіе не подлежитъ сомнѣнію и объясняетъ ненависть жрецовъ противъ его памяти.

Пустынная Ливія покорилась побѣдителю. Южная страна Эѳіопія спасена была только истощеніемъ войска персидскаго и трудностью похода.

Страна, изъ которой вышло первоначальное просвѣщеніе кушитской системы, обхватившей Египетъ, всѣ берега Аравіи, все приморье Персіи, югъ Индіи и дальній при-океанскій востокъ, область *Мероэ* или *Меру*, въ древности Шева, давно уже потеряли свое всемірное значеніе. Другія, сильнѣйшія страны правили историческими судьбами; но царство еще существовало и не совсѣмъ утратило свое могущество. Во время первыхъ преемниковъ Давида (въ X вѣкѣ до Р. Х.), при царѣ Асѣ іудейскомъ и Серахѣ *) въ Эѳіопіи, оно могло угрожать Іудеѣ и слѣдовательно владѣло еще нѣкоторыми частями Аравіи. Въ концѣ VIII вѣка оно завоевало Египетъ; въ VII оно послужило убѣжищемъ военной кастѣ, бѣжавшей изъ Египта по ненависти къ эллинскимъ наемникамъ, слишкомъ радушно принимаемымъ фараонами. Это бѣгство должно было увеличить вещественную силу Эѳіопіи, но внутренній организмъ государства былъ уже потрясенъ. Жизнь остального міра подѣйствовала на отдаленную колыбель Кушитства. Раздоръ возникалъ между воинами и прежними правителямижрецами. Торжество воиновъ (скоро послѣ основанія эллинскаго царства въ Египтѣ *)) разрушило всѣ основы стародавней страдавшей державы. При Камбизѣ Эѳіопія уже клонилась къ внутреннему упадку; но она сохраняла еще внѣшнія примѣты силы и могла быть заманчивою для завоевателя. Пустыни, отдѣляющія ее отъ Египта, спасли ее.

Съ Камбизомъ пресѣкся родъ Кира. Короткое царствованіе обманьщика (Лже-Таніоксаркеса) было временнымъ торжествомъ жреческако сословія (маговъ) и начала мидійскаго. Возстаніе Персовъ и восшествіе на престолъ Дарія уничтожило надежды Мидіи.

Дарій. Его завоеванія. Походъ противъ Скиѳовъ.

Не одно лицо, полное геніальныхъ мыслей и смѣлой воли, дало побѣду Персамъ. Ихъ торжество было дѣломъ заговора многихъ благороднѣйшихъ Пасаргадовъ, и новый царь не могъ отказать участія во власти тѣмъ, отъ которыхъ получилъ власть. Аристократическое начало стало рядомъ съ единодержавіемъ и съ началомъ духовнымъ; но аристократія, гордая и въ то же время нестройная, безсвязная, владѣющая не по законнымъ правамъ, не разселенная по всему царству (какъ въ эпоху германскаго завоеванія западной и южной Европы), не могла придавать силъ и единства жизни государственной. Ея послѣдствіями были крамолы, смуты и безсиліе.

Нѣтъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы при сынѣ Гистаспа произошла новая религіозная реформа. Ничтожное указаніе Зендъ-Авесты *) не заслуживаетъ вниманія; Эллины молчатъ. За всѣмъ тѣмъ Дарій является царемъ особенно боголюбивымъ. Великолѣпныя развалины Чильминара (Персеполиса), сохранившія имя основателя «*Даріавуса*» и представляющія въ высшей степени характеръ религіозный, свидѣтельствуютъ объ его стремленіи къ освященію власти свѣтской сочетаніемъ ея съ мыслію духовною. Вражда его къ чуждымъ вѣрованіямъ не похожа на безсмысленную вражду дикаря къ иноплеменнымъ богамъ. Она основана на высокихъ, чисто человѣческихъ началахъ и на ясномъ сознанiи превосходства иранской духовности передъ нестройнымъ синкретизмомъ другихъ народовъ, передъ кумиропоклоненiемъ или обожанiемъ стихiй и силъ видимой природы. Дарiй покровительствовалъ и долженъ былъ покровительствовать Iерусалиму по глубокому сочувствiю съ ученiемъ мозаическимъ. Наконецъ, вся чистота магизма и высокая душа царя высказываются вполнѣ въ его требованiи отъ Кароагена, какъ отъ колонiи, вышедшей изъ Тира *), подвластнаго Персiи, отмѣны человѣческихъ жертвъ [1]). Другихъ законовъ покорности онъ не просилъ; и если бъ ничто не сохранилось намъ отъ славы Дарiя и отъ славы имъ возвеличеннаго государства, кромѣ этого чуднаго поступка, критика должна бы была благоговѣть передъ иранскою державою и угадывать величiе началъ, создавшихъ ее, но къ несчастiю не достигшихъ и немогшихъ достигнуть въ ней своего полнаго развитiя.

Отмѣна человѣческихъ жертвъ Римлянами въ Африкѣ, или по крайней мѣрѣ ихъ старанiе объ этой отмѣнѣ, не могутъ быть сравниваемы съ дѣломъ Дарiя. Въ одномъ случаѣ высокое служенiе человѣческой истинѣ, въ другомъ стремленiе къ уничтоженiю различiй между религiозными обрядами внутри самаго государства. Не должно однакоже отказывать въ справедливости и эллино-римскому мiру и быть слѣпымъ къ чувствамъ человѣколюбiя, которыми онъ заслужилъ свое торжество надъ сиро-кароагенскою системою.

Царствованiе Дарiя есть безспорно эпоха полнаго цвѣта персидской державы. Послѣ него начинается быстрое и ничѣмъ неудержимое паденiе. Любовь народа къ государю, охота, съ которою другіе народы поступаютъ въ подданство Персіи, свидѣтельствуютъ о царственныхъ доблестяхъ Дарія; его побѣды во всѣхъ войнахъ показываютъ еще жизненность въ организмѣ государства. Но при Даріи же началась борьба Азіи съ Европою,—борьба, въ которой должны были погибнуть и Персія и всѣ начала, дотолѣ правившія міромъ.

---

[1]) Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, сличивъ ихъ съ преданiемъ мѣстнымъ (хотя и несправедливымъ) о томъ, будто Зердушъ жилъ при сынѣ Гистапса, можно смѣло быть увѣреннымъ, что при немъ дѣйствительно возобновлена была реформа заратустрова и что убiенiе маговъ, праздрованное въ Персiи (магофонiя) еще въ позднѣйшiе вѣка, было религiознымъ гоненiемъ на партiю жрецовъ, отступившихъ отъ чистоты ученiя и прилѣпившихся къ обрядамъ иноземнымъ, вѣроятно къ поклоненiю Астарты-Милитты.

Первое нападеніе Дарія было обращено на сѣверное прибрежье Чернаго моря, на южныя области теперешней Россіи. Поводомъ къ войнѣ было мщеніе за прежнее угнетеніе Мидіи Скиѳами.

Очевидно—поводомъ, а не предлогомъ. Чего искать было владѣтелю Вавилона и Египта въ холодныхъ пустыняхъ за-евксинскихъ? Смѣшно въ Даріи предполагать дѣтскую гордость, оскорбленную славою скиѳской непобѣдимости. Смѣшно предполагать желанія завоеваній въ странѣ, которая, поистинѣ, и завоеванія не стоила для жителей благодатнаго Ирана. Великія приготовленія, присутствіе самого царя въ войскѣ, безплодность похода даже счастливаго, все доказываетъ войну религіозной мести за оскверненіе священной земли *).

Направленіе похода было черезъ Ѳракію и Дунай, цѣль—при-днѣпровскія степи. Тутъ жили враждебные Скиѳы. Если бы они считались одноплеменниками Массагетовъ (которыхъ древніе такъ же нерѣдко называютъ Скиѳами весьма справедливо), Дарію легко бы было напасть на племя пограничное Персіи. Очевидно, между Скиѳами-Массагетами и Скиѳами, завоевателями Мидіи, не было ничего общаго.

Можно сказать утвердительно, что Массагеты не были племенемъ кочевымъ уже и потому, что ихъ войско состояло отчасти изъ пѣхоты, между тѣмъ какъ всѣ качующія полчища средне-азіатскія, такъ же какъ и скиѳы, съ которыми воевалъ Дарій, были исключительно конниками. Имя Танаиса, данное древними писателями рѣкамъ восточнаго Ирана, такъ же какъ и Дону показываетъ только, что при Донѣ жили народы, однородные съ жителями Бактріи. Впрочемъ это уже не требуетъ доказательствъ, но нисколько не относится къ новымъ мнимо-Скиѳамъ, побѣдителямъ Кимвровъ и врагамъ Персіи.

Древнее имя Скиѳіи, извѣстное еще по египетскимъ памятникамъ (Скіеѳо), было дано по справедливости всей странѣ, охватывающей съ сѣвера системы морей Каспійскаго и Чернаго до твердыни гималайской на востокѣ, до Карпатовъ на западѣ, ибо вся страна была населена племенемъ Сако-Гетовъ. Дальній Сѣверъ былъ неизвѣстенъ народамъ южнымъ и слылъ подъ общимъ названіемъ Скиѳіи. Кумри кавказскіе, разрѣзавшіе полосу Сако-Гетовъ, не поступили въ число Скиѳовъ потому, что были издавна знакомы своимъ южнымъ сосѣдямъ подъ собственнымъ своимъ именемъ. Новый потокъ кочевыхъ полчищъ, нахлынувшихъ съ сѣверо-востока, изъ области незнаемой, изъ племени безымяннаго, поступилъ въ исторію подъ общимъ именемъ сѣверной стороны, Скиѳіи. Изъ сравненія корней (*Тамеръ-индъ*, *Тангри-таушъ*, *Тамеръ-тарканъ* и др.) ясно его финно-турецкое происхожденіе.

Геродотъ утверждаетъ, что кочевые Скиѳы называли сами себя Сколотами. Корень слова сомнителенъ, такъ же какъ и самое слово. Многое у древнихъ путешественниковъ повѣрялось памяти и слѣдовательно многое перепутывалось. Имена народныхъ подраздѣленій, *Исседоновъ*, *Іирговъ* и др., гораздо опредѣленнѣе: они совпадаютъ съ именами рѣкъ въ серединѣ волжской системы: *Исеетъ*, *Иргизъ* и т. д. Происхожденіе кочующихъ завоевателей изъ области финно-турецкой (теперешняго Оренбурга и западной Сибири) не подвержено сомнѣнію.

Побѣжденные Кимвры оставили свои старыя жилища и удалились на западъ. Опустѣлая область досталась побѣдителямъ Скиѳамъ; но кочевое племя не могло удерживать напора южныхъ Азовъ-Сарматовъ съ тѣмъ успѣхомъ, съ которымъ противились ему осѣдлые Кимвры. Азы перешли кавказскія тѣснины и, мало-по-малу отодвигая Скиѳовъ, заняли прежнюю страну Кимвровъ (Іоттуновъ), устья Волги (на которыхъ городъ *Астраханъ* едва ли не сохранилъ имя Азовъ), степь при-кавказскую и восточные берега Азовскаго моря. Такимъ образомъ древніе и коренные владыки области, вендскія или славянскія общины, были втѣснены въ лѣсистыя страны при-днѣпровскія и удалены отъ прибрежья Евксинскаго. Давно уже насилія Кимвровъ и распространеніе эллинскихъ торговыхъ колоній отъ Геллеспонта и Босфора ѳракійскаго до устій Дуная и далѣе на сѣверъ нанесли смертельный ударъ торговлѣ Вендовъ на южныхъ моряхъ. Усиленіе Эллады, напоръ Скиѳовъ-Сколотовъ и усиленіе Азовъ-Сарматовъ надолго и долго отняли у Венедовъ-Славянъ владычество надъ Евксиномъ и исключили ихъ изъ числа мореплавательныхъ народовъ. Въ то же время отъ волненій средней Азіи пресѣкся ихъ главный торговый путь, соединявшій и идское прирѣчіе съ устьями Западной Двины и вендскимъ *Блатомъ* (Балтикой),—путь, возстановленный въ позднѣйшіе вѣка, но не надолго, движеніемъ восточныхъ Славянъ (Унновъ-Массагетовъ) къ берегамъ Волги.

Таково былъ состояніе страны при-евксинской, когда вступили въ нее войска великаго царя. Кочующіе завоеватели волею или неволею присоединили къ своему союзу Сарматовъ и Славянъ (Вудиновъ и др.) и заманили враговъ въ глубину степей и лѣсовъ при-днѣпровскихъ. Утомленные и обезсиленные Персы едва могли возвратиться къ берегамъ Дуная, утративъ большую часть войска и надежду отомстить за Иранъ. Не имъ, но соединеннымъ силамъ Сарматовъ и одичавшихъ Славянъ (Гетовъ и Вендовъ) предоставлено было откинуть назадъ къ сѣверо-востоку временныхъ утѣснителей Скиѳовъ (вѣка за два до Р. Х.). Тогда начались новыя борьбы между старыми братьями, Ванами и Азами: борьба съ новыми утѣснителями Готѳами, рѣшенная помощью восточныхъ Славянъ (Гунновъ), борьба съ кавказскими Кимвро-Аварами, съ восточными завоевателями—Уйгурами, съ кавказскими Финно-Турками—Печенѣгами, съ средне-азійскими Половцами, съ восточно-азійскими Монголами, покуда наконецъ совокупившаяся и окрѣпнувшая сила Славянъ, подъ знаменами новаго просвѣщенія, откинула и подавила всѣхъ своихъ противниковъ и утвердилась навсегда въ старыхъ своихъ жилищахъ на берегахъ Синяго моря (Евксина).

У Геродота, по милости пустаго имени Скиѳія, такъ перепутаны всѣ народы и миѳы, что никакого яснаго понятія изъ него почерпнуть нельзя. Впрочемъ, кажется, можно угадать Полянъ въ его Скиѳахъ-землепашцахъ *(Скиѳы Георги)* и Древлянъ въ Неврахъ и Вудинахъ. Всѣ разысканія о направленіи похода Даріева довольно неудовлетворительны, да и пользы отъ нихъ мало.

Столкновенія Персовъ съ Греціей.

Война Персіи съ Греціею была неизбѣжна. Колоніи эллинскія въ Малой Азіи были порабощены и безпрестанно призывали на помощь всю вольную Элладу, которая не всегда отказывала имъ во вспомогательныхъ войскахъ и никогда не отказывала въ поощреніяхъ къ возстанію. Съ другой стороны, Персы, ставъ твердою ногою во Ѳракіи и на нѣсколькихъ островахъ Эгейскаго моря, оскорблялись гордою независимостью маленькихъ государствъ, въ которыхъ они не предполагали силы и не видали доблести.

Лакедемонъ грозилъ войною Киру за порабощеніе Лидіи и получилъ въ отвѣтъ горькую и справедливую насмѣшку *). Аѳины, въ минуту временнаго и неосторожнаго порыва, раздули пламя возмущенія въ іонійскихъ городахъ Малой Азіи и не могли ихъ спасти отъ гибели; наконецъ прежніе тираны Аѳинъ, изгнанные согражданами, Пизистратиды искали убѣжища у двора персидскаго и, обѣщая Дарію легкую побѣду, пригласили его къ завоеванію Эллады.

Характеръ аѳинской жизни и непостоянство народныхъ страстей выражаются очень рѣзко въ запрещеніи напоминать о несчастіяхъ Милета, неудачно возмутившагося по милости же Аѳинянъ.

Дарій послалъ требовать покорности отъ Эллиновъ. Эллины, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ и всякому нравственному чувству, умертвили посланниковъ *).

Спарта загладила свое преступленіе благороднымъ самопожертвованіемъ двухъ гражданъ, отдавшихъ себя во власть персидскаго царя для казни за убійство пословъ. Ксерксъ оцѣнилъ ихъ великодушіе и отпустилъ съ почестью въ Лакедемонъ.

Войско персидское ополчилось противъ Греціи и, опустошивъ острова Эгейскаго моря, пристало къ берегамъ Аттики. Аѳиняне, не устрашенные многочисленностью враговъ, пошли къ нимъ навстрѣчу и стали передъ ними лицомъ къ лицу на равнинахъ Мараѳона.

Два великіе народа, два просвѣщенія, два общественныя начала вступали въ вѣковую борьбу. Первый взглядъ критики необходимо долженъ быть въ пользу Азіи. Благородное древнее чистое племя Ирана, сохранившее въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій свою тихую жизнь въ границахъ древней родины, свой бытъ простой и семейный и свое высокое человѣческое достоинство, равно свободное отъ иноземнаго ига и отъ заразы неправыхъ завоеваній, далеко превосходитъ мѣшанное народонаселеніе Эллады, не знающее ни семейности, ни святости человѣческаго братства, ни правды народной, ни уваженія къ правамъ иноземцевъ, народонаселеніе издревле бродящее и дружинное, сохранившее даже въ лучшія минуты своего развитія неизгладимый слѣдъ первобытнаго бездомства. Не безъ глубокаго презрѣнія могъ смотрѣть природный Персъ, поклонникъ высокой религіозной мысли, обнимающей въ себѣ почти всѣ нравственныя начала и по крайней мѣрѣ отчасти согласной съ законами логическаго разума, на безсмысленнаго Эллина, окуривающаго свои мраморные кумиры дымомъ заклинательныхъ жертвъ.

Ученость можетъ отыскивать символическое начало эллинскихъ боговъ, угадывать въ нихъ изображеніе силъ природы, видимыхъ проявленій Божества и даже нравственныхъ стремленій духовныхъ; но дѣйствительно въ нестройномъ и безначальномъ синкретизмѣ Эллады, въ безтолковомъ смѣшеніи сѣвернаго человѣкообразія и южнаго понятія о двойственной полярности, не было и нѣтъ ни малѣйшаго остатка высокаго значенія первобытныхъ религій, не было ни малѣйшаго слѣда нравственнаго достоинства, не было наконецъ ни малѣйшей тѣни такого вѣрованія, которое человѣкъ могъ бы принять, не отказавшись отъ всѣхъ лучшихъ даровъ своей духовной природы. Агура-Маздао и Зевсъ! Зендъ-Авеста и ѳеогонія Гезіода! Чудные гимны Заратустра и глупыя заклинательныя приговорки эллинскаго богослуженія! Нечего даже сравнивать. Необычайная тупость Эллиновъ въ мірѣ религіозномъ выражается вполнѣ въ смѣшномъ происшествіи съ лже-Минервою во время Пизистрата *) и въ расказахъ историковъ объ иноземныхъ вѣрованіяхъ. Они ничего не видали, ничего не понимали, и Геродоту даже ни на минуту въ голову не пришло, чтобы кто-нибудь могъ поклоняться чему-нибудь разумному. Просвѣтлѣніе Эллады заключалось въ мірѣ художества; но онъ еще не принесъ своего высшаго плода; впрочемъ и этотъ плодъ былъ—отрицаніе религіи.

Но судьба войны была сомнительна. Споръ былъ не племени съ племенемъ, но государства съ государствомъ, и разноначальная Персія, связанная только внѣшнимъ единствомъ, могла, несмотря на свое видимое величіе, пасть передъ Элладою, скрѣпленною внутреннимъ единствомъ духа. Превосходство вооруженія и большій навыкъ къ сраженіямъ могли доставить побѣду Эллинамъ только въ первыхъ схваткахъ, но ничего не значили для долгой борьбы. Важнѣе и рѣшительнѣе было равнодушіе большей половины царства персидскаго къ войнѣ за чужое дѣло, отдаленность поля битвы отъ живаго средоточія иранскаго и быстро возрастающій развратъ народа, перешедшаго отъ бѣдной и простой жизни въ горахъ къ роскоши, нѣгѣ и наслажденіямъ. Самая вѣра, долго сохранявшаяся въ чистотѣ первобытной, потомъ помраченная чуждою примѣсью и оторвавшаяся отъ преданія, потомъ возстановленная произвольною реформою, не нашла въ себѣ характера силы неизмѣнной и несокрушимой. Послѣ временнаго порыва, приданнаго ею племенамъ иранскимъ, она должна была выказать свое внутреннее безсиліе, перейти въ чисто государственную обрядность и потерять все свое духовное значеніе. Явное искаженіе ея произошло уже въ гораздо позднѣйшее время, съ принятіемъ поклоненія Милиттѣ сирійской или Астартѣ бактрійской *), но начала этого искаженія уже лежали въ постепенномъ охлажденіи народа.

На полѣ битвы противъ безчисленныхъ полчищъ, чуждыхъ другъ другу по нравамъ, обычаямъ и выгодамъ, привыкшимъ переходить отъ одного ига къ другому, безстрастныхъ и исполняющихъ поневолѣ военную барщину, выступало немногочисленное, но стройное войско Эллады, въ которомъ всякій воинъ сражался за свое личное дѣло, за свою личную, исконную свободу, за свою личную славу и за спасеніе своихъ кровныхъ братій. Безсмысленный и сказочный антропоморфизмъ Сѣвера, соединенный съ художественностью Юга, составили хаотическую религію Эллады, въ которой преобладало одно божество—человѣкъ—и одно вѣрованіе—въ достоинство человѣческой природы. Гордое сознаніе своего личнаго величія напрягало всѣ мышцы тѣлесныя, всѣ силы духовныя въ Эллинѣ, готовомъ встрѣтить вялый и безстрастный напоръ азіатскихъ войскъ; и благородная смерть малочисленныхъ вендовъ ликійскихъ, погибшихъ до единаго за свободу родины, могла уже указать персамъ всю трудность предстоящей борьбы.

Жители *Ксанѳоса* (собственно *Ярины*) въ Ликіи убили женъ, дѣтей и самихъ себя, чтобы не подпасть игу персидскому.

На равнинахъ Мараѳона сразились Аѳины съ войсками Дарія, и побѣда увѣнчала первый подвигъ Эллиновъ. Одни только Персы и Саки заслужили въ битвѣ мараѳонской, какъ и въ ксерксовомъ походѣ, уваженіе побѣдителей *). Всѣ прочія войска бѣжали почти безъ боя. Эллада была спасена. Вскорѣ послѣ пораженія въ Аттикѣ Персію постигло еще большее бѣдствіе: великій Дарій умеръ, не оставивъ послѣ себя достойнаго преемника.

Съ восшествіемъ Ксеркса начинается быстрое паденіе персидской державы. Съ трудомъ подавленное возмущеніе Египта, бѣдственный походъ противъ Эллады, пораженіе при Саламинѣ, Платеѣ и Микалѣ, наконецъ смерть самого царя, убитаго однимъ изъ подданныхъ въ надеждѣ похитить престолъ, все для дальновиднаго судіи дѣлъ государственныхъ указывало на недолговѣчность иранскаго царства. Персы изъ самаго Персистана еще продолжали сражаться съ прежнимъ мужествомъ за свою старую славу; но безсиліе и болѣзненность всего общественнаго тѣла были очевидны. Безполезно бы было слѣдить за всѣми бѣдствіями и раздорами Персіи, за возмущеніемъ сатраповъ, побѣждающихъ царское войско и побѣждаемыхъ только посредствомъ измѣны и коварства, за развратомъ двора, за постояннымъ исчезаніемъ мужества въ войскѣ, за постояннымъ усиліемъ торжествующей Эллады, за освобожденіемъ ея азійскихъ колоній и наконецъ за позоромъ преемниковъ ксерксовыхъ, полагавшихъ единственную надежду побѣды въ наемникахъ изъ того самаго народа, который безпрестанно грозилъ ихъ западнымъ границамъ. Историческія подробности важны только для монографій или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ отдаленномъ происшествіи открывается законъ міроваго переворота.

Давно исчезло религіозное направленіе Ирана. Весь его духовный смыслъ былъ забытъ еще прежде, чѣмъ при третьемъ преемникѣ Ксеркса поклоненіе *Милиттѣ* или *Танаитѣ* (дунайской, по восточному Дунаю—*Яксарту*) было принято, какъ часть государственнаго вѣрованія. Государственное же устройство не имѣло въ отношеніи къ большей части персидскаго царства никакого характера, кромѣ случайнаго преобладанія одного племени надъ другимъ. Средній и горный при-каспійскій Иранъ содержалъ еще нѣсколько воинственныхъ семей, могущихъ поддержать колеблющуюся державу (это доказывается ихъ смѣлымъ отпоромъ торжествующему младенцу *)), но эти семьи сами давно оторвались отъ нея. Онѣ связаны были съ царями случайностью его средне-иранскаго происхожденія; но цари стали такъ далеко отъ прежнихъ согражданъ, что кровная связь была расторгнута, онѣ связаны были съ царями связью религіознаго символизма, въ которомъ правитель изображалъ самого владыку небесъ (благаго бога Агура-маздао); но религія потеряла весь смыслъ свой и обратилась въ нестройный и безхарактерный синкретизмъ. Изъ горцевъ средне-иранскихъ, основавшихъ персидскую державу, часть (знатнѣйшіе и ближайшіе къ царствующей династіи Ахеменидовъ) перешла въ придворную и наслѣдственную аристократію, готовую свергнуть своихъ государей, а большая часть усвоила себѣ право полной независимости и оставалась совершенно равнодушною ко всей общественной жизни *).

Этотъ фактъ очень ясно выдается изъ самой исторіи завоеванія Персіи Македонцами. Мидо-персидская держава замыкаетъ собою рядъ міро-правительныхъ государствъ древней системы,—государствъ, основанныхъ на идеѣ отвлеченной или религіозной идеѣ, высшей самого государства и отъ того никогда не могущей съ нимъ совоплотиться вполнѣ. Мидо-персидское царство, принявшее въ свое основаніе древнѣйшую и чистѣйшую форму вѣрованія, всѣхъ менѣе могло устоять потому, что условныя формы общества гражданскаго не имѣли дѣйствительно ничего общаго съ нравственною духовностью иранскаго ученія. Наступило время новой системы, основанной на высокомъ значеніи отдѣльныхъ лицъ человѣческихъ, которыхъ совокупность составляетъ государственную общину,—системы, управляющей міромъ съ большими или меньшими измѣненіями до нашего времени. Человѣкъ, исчезавшій вполнѣ въ государствахъ до-эллинской эпохи, въ Элладѣ выступаетъ торжественно на поприщѣ исторіи.

Развитіе эллинской жизни.—Спарта и Аѳины.

Очевидно, такая система могла возникнуть только въ такой странѣ, въ которой религія никогда не обнимала собою всю жизнь человѣка. Такова была Европа. Она должна была проявиться первоначально въ области, въ которой дружинное устройство напрягало всѣ силы отдѣльныхъ лицъ и въ которыхъ человѣкъ былъ единственнымъ предметомъ религіознаго поклоненія. Такова была Эллада. Она могла торжествовать только въ такую эпоху, когда всѣ древнія ученія, слившись въ одинъ безсмысленный синкретизмъ, утратили свое прежнее величіе. Такова была эпоха послѣднихъ царей персидскихъ.

Около того времени, когда Эллада признала необходимость видимаго символа своего единства и избрала игры олимпійскія въ эру общаго лѣтосчисленія, отдѣльныя ея области стали искать утвержденія своего внутренняго единства въ строгихъ и положительныхъ формахъ писанаго законодательства. Дорійцы и особенно Лакедемонъ, по своему чисто-дружинному характеру, чувствуя въ себѣ наименьшую силу жизни органической, первые подчинили себя условности законовъ еще прежде назначенія общей эры. Спарта до Ликурга еще содержала всѣ стихіи, развившіяся вполнѣ послѣ него; но его законодательство, содержащее въ себѣ освященіе этихъ стихій, возвысило ихъ въ степень сознанія и слѣдовательно придало имъ несравненно большую силу. Отъ этого-то истинная исторія Спарты начинается со времени Ликурга.

Вообще принимается за правило, что законы древности возникали совершенно органически изъ самой жизни древнихъ общинъ, и книжники по части права готовы всегда признавать превосходство этихъ законовъ передъ законами новѣйшихъ временъ. Въ такомъ взглядѣ есть примѣсь лжи къ безспорной истинѣ. Дѣйствительно, всякое законодательство древнихъ временъ содержитъ въ себѣ довольно полное отраженіе внутренняго духа той области, для которой оно создано; но съ другой стороны оно не содержитъ простаго утвержденія обычаевъ или перевода обычая въ законъ (за исключеніемъ можетъ быть, Римскаго права, созданнаго не рядомъ, а постепнно). Всѣ государства Эллады были основаны бродящими дружинами и сохранили печать своего происхожденія; поэтому всѣ носили характеръ условности и допускали въ себѣ перемѣны чисто условныя, требуя только, чтобы эти измѣненія не были противны духу общаго древняго условія. Изъ этого начала можно понять обычай законодателей назначать срокъ для опыта надъ ихъ законами.

Спарта ликургова была осѣдлымъ станомъ воиновъ, вѣчно готовящихся къ войнѣ; раздѣленіе сословій было не что иное, какъ раздѣленіе войсковыхъ отрядовъ по ихъ опытности и вооруженію. Бракъ имѣлъ одну цѣль—пополненіе рядовъ, рѣдимыхъ старостію и смертью; отъ того непорочность брачнаго ложа могла быть законно и безнаказанно поругана. Новорожденный младенецъ былъ рекрутъ дружины и подлежалъ ея суду на жизнь и смерть. Юноша не принадлежалъ семьѣ (которой существованіе было дѣйствительно только терпимо, а не освящено), но государству, воспитывающему его для будущихъ сраженій. Наконецъ, взрослый гражданинъ долженъ былъ чуждаться художества и науки и знать только одно искусство — гимнастику, одно занятіе — примѣрныя битвы, въ которыхъ нерѣдко проливалась кровь беззащитнаго илота. Такое строгое устройство общества, такое постоянное стремленіе всѣхъ помысловъ къ одной цѣли не могло оставаться безплоднымъ: Спарта заняла безспорно первое мѣсто въ союзѣ Эллады и управляла имъ по своему произволу. Желѣзная воля, несокрушимая сила.

Но Спарта не могла достигнуть великаго міроваго значенія. Въ самомъ основаніи ея законовъ была чудовищная безнравственность, дикій эгоизмъ, противъ котораго возстаетъ душа человѣческая. Одностороность военнаго быта была объявленіемъ постоянной войны всѣмъ другимъ народамъ и вызовомъ на ихъ ненависть. Наглая, ничѣмъ не прикрытая гордость была постояннымъ оскорбленіемъ для всѣхъ другихъ племенъ и не искупалась ни нравственною чистотою, ни благородствомъ духовныхъ стремленій; самая политическая дѣятельность Спарты была дѣятельностью войска, а не государства. Она могла поработить, но не могла завоевать, ибо не принимала побѣжденныхъ въ живой организмъ общества и поэтому не пріобрѣтала новыхъ силъ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей. Восторженность военнаго удальства составляла единственную страсть Лакедемонца, но это удальство было сковано осѣдлою жизнью и не могло развиться въ полномъ разгулѣ, какъ у народовъ кочевыхъ. Восторженность дружиннаго строя была единственною страстью всего Лакедемона; но міръ требуетъ разума отъ силы, чтобы ей покориться.

За всею ограниченною одностороностью спартанскаго общества, оно оставалось вполнѣ эллинскимъ не только по составу своего народонаселенія, но и потому, что повиновалось общему закону Эллады, закону красоты и стройности. Гармоническое и музыкальное чувство проникало всю государственную дружину. Размѣренныя и ладныя движенія придавали войску грозную прелесть, увеличивающую его силу и внушающую страхъ врагамъ. Строгій ладъ и, такъ сказать, риѳмъ жизни придавалъ каждому отдѣльному лицу часть той гармонической красоты, которая запечатлѣлась на произведеніяхъ эллинскаго художества, и отражался въ самой душѣ Лакедемонца, заключая его помыслы въ строгую согласность закона. Такимъ образомъ чудныя явленія самоотверженія и величія являлись нерѣдко въ исторіи республики, не искупая однакоже глубокаго духовнаго безобразія ея началъ. Дорійская Спарта связывалась со всею Элладою; она была возможна только въ Элладѣ, но представляла одну напряженность вещественныхъ силъ. Глава лучшихъ эллинскихъ общинъ, іонійскіе Аѳины, представляли напряженность силъ нравственныхъ и духовныхъ.

Политическое значеніе Аѳинъ казалось ничтожнымъ до персидской войны. Жители ихъ хвалились тѣмъ, что они одни изо всѣхъ Эллиновъ были туземцами, а не пришельцами *). Нельзя принимать вполнѣ такого показанія. Признавая себя Эллинами, слѣдовательно выходцами изъ Сѣвера, признавая себя іонійцами, слѣдовательно отраслью семьи, которой переселеніе было всѣмъ извѣстно, они не могли имѣть законнаго притязанія на туземство. Очевидный смыслъ ихъ разсказовъ о себѣ былъ тотъ, что они первые изо всей эллинской братьи основали себѣ постоянное жилище и что, не завоевавъ, но принявъ въ свой составъ старожиловъ Аттики, они усвоили себѣ права и религіозную святыню туземства. Дѣйствительно, составъ государства, измѣненіе династій безъ внутренней борьбы, медленный переходъ изъ наслѣдственнаго единодержавія (кажется, военно-религіознаго) въ избирательную монархію *) и потомъ въ республику и раздѣленіе на *филы* *), носящія еще въ своихъ именахъ признаки родового устройства,—все указываетъ на мирное поселеніе и на органическое сліяніе пришельцевъ и туземцевъ.

Критика имѣетъ полное право признавать іонійскій переходъ древнѣйшимъ изо всѣхъ эллинскихъ переселеній уже и потому, что народы восточные знали всю Элладу подъ названіемъ Іоніи.—Трудно угадать истинную этимологію именъ, подъ которыми слыли разныя семьи Эллады. Слово *Доріи*, можетъ быть, связано съ словомъ, означающимъ копье и соотвѣтствуетъ ихъ воинственному характеру. Сличая имена многихъ мелкихъ племенъ въ Малой Азіи съ корнями обще-иранскаго нарѣчія, можно предположить, что и имя *Іонъ* связано съ корнемъ слова *юнъ*, герм. *юнгъ*, лат. *juvenis* и что оно перешло отъ побѣжденной семьи восточно-иранской къ ея эллинскимъ побѣдителямъ, или что оно возникло еще тогда, когда на границахъ Ѳракіи славянскія общины сливались мало-по-малу съ западно-иранскими, пелазгскими, для составленія эллинскихъ дружинъ.

Внутренняя жизнь Аѳинъ не сковывалась строгими законами и представляла многіе признаки органической общины, въ которой ничтожность быта семейнаго одна указывала на первоначальное бездомство. Личная свобода находила себѣ просторъ почти неограниченный и часто своими буйными страстями возмущала спокойствіе и безопасность государства. Внѣшняя дѣятельность Аѳинъ проявлялась рѣдко и безъ послѣдовательности; но зато она представляла вспышки благородныхъ и безкорыстныхъ страстей, привлекающихъ невольно сочувствіе другихъ народовъ.

Такъ наприм. самые Аѳиняне ничѣмъ не гордились столько, сколько своею полусказочною побѣдою надъ Ѳивами за трупы Аргивцевъ *), погибшихъ въ войнѣ Эдипова наслѣдства. Такъ они первые вызвали мало-азійскихъ Эллиновъ на возстаніе противъ персидскаго насилія и подали имъ руку помощи братской, хотя безсильной.

Понятно, почему Лакедемонъ, несмотря на сравнительную ничтожность Аѳинъ, питалъ къ нимъ глубокую зависть *) и радовался ихъ бѣдствіямъ и почему древнее предсказаніе *), внушенное ясновидѣніемъ народнаго чувства, грозило Спартѣ борьбою съ Аттикою.

Аѳины были уже при Пизистратѣ духовною столицею Греціи. Важность ихъ въ этомъ отношеніи возрастала по мѣрѣ уничтоженія просвѣщеннѣйшихъ за-эгейскихъ областей Эллады, утратившихъ подъ чужеземнымъ игомъ возможность самобытнаго развитія. Персидское нашествіе поставило Аѳины на неожиданную высоту. Несмотря на то, что побѣда платейская была приписана желѣзной твердости лакедемонскихъ *гоплиновъ* и что спартанскіе цари были главными начальниками союзныхъ войскъ, память о спасеніи Греціи отъ восточнаго нашествія неразрывно связывается въ мысли человѣческой съ именемъ Аѳинъ, искупившихъ страданіями свободу братій. Чувство поэтическое въ этомъ случаѣ не обманываетъ. Эллада была дѣйствительно спасена порывомъ Аѳинянъ болѣе, чѣмъ силою Спарты. Въ то время, когда Ѳивы, менѣе всѣхъ другихъ областей пропитанныя эллинскимъ духомъ и съ горемъ вспоминающія свое прежнее владычество, становились въ ряды ксерксова войска; когда Аргосъ, угнетенный Лакедемономъ, отказывался отъ войны и обѣщалъ покорность восточному царю, когда самый Лакедемонъ трепеталъ: безпечное, страстное мужество Аѳинъ давало жизнь всему эллинскому союзу, внушало бодрость всему эллинскому ополченію. Передъ ихъ смиреннымъ геройствомъ укрощались мелкія страсти отдѣльныхъ общинъ, безпрестанно готовыхъ возстать противъ гордости лакедемонской. Войска всѣхъ городовъ толпились съ надеждою около подвижной твердыни спартанской дружины, но они были увлечены вольнолюбивымъ восторгомъ Аѳинъ, чуждымъ всякому мѣстному и тѣсному эгоизму и выражающимъ въ себѣ духовное стремленіе всей Эллады и гордость обще-эллинскаго племени.

Живыя и простодушныя описанія Геродота рѣзко выказываютъ разницу Аѳинянъ и Спартанцевъ. Эти ждутъ нападенія персовъ, тѣ бѣгутъ ему навстрѣчу.

Побѣды при Саламинѣ и Платеѣ и слабодушіе Ксеркса спасли Грецію. Новая эра величія и поэтической жизни наступила для нея. Разрушенныя и опустошенныя Ѳивы *) надолго исчезли съ историческаго поприща; Аргосъ, отказавшійся отъ участія въ священномъ дѣлѣ, утратилъ все свое значеніе.

Геродотъ говоритъ о какомъ-то признанномъ родствѣ между Персіей и Аргосомъ, городомъ миѳическаго Персея. Принимать всѣ разсказы греческаго историка за дѣло—смѣшно, но и отвергать ихъ безъ причины—не позволительно. Не должно забывать колоніи фригійской при Танталѣ и можно допустить, что память объ азійскомъ происхожденіи, хотя затемненная и искаженная, еще не совсѣмъ исчезла въ Аргосѣ. Если вспомнимъ, что Персей, такъ же какъ и конь его Пегазъ, принадлежалъ еще не къ сказочному человѣкообразію, но къ свѣтлому символизму Ирана *), что Персей неразрывно связанъ съ Иракломъ, что какія-то преданія о *Берзинѣ* *), проповѣдникѣ огнепоклонства въ западномъ Иранѣ, сохранены намъ еще древними писателями, что Берзинъ, кажется, не что иное, какъ символъ огня, что по показанію Геродота Персы считали Персея (вѣроятно *Берзина*) Ассирійцемъ *); можно прослѣдить одинъ изъ источниковъ просвѣщенія древней Эллады до пригорій араратскихъ. Для всякаго безпристрастнаго критика явно тройственное начало этого просвѣщенія, въ которомъ слились сѣверное (человѣкообразное), южное (вещественно-символическое) и восточное или средне-иранское (духовно-символическое). Послѣднее отличается отъ двухъ первыхъ отсутствіемъ боговъ и преобладаніемъ героевъ, т.-е. формы, въ которой проповѣдникъ сливается съ служебнымъ духомъ, а имя божества остается неизреченнымъ. Переговоры Аргоса съ Персіею подтверждаютъ то, что уже сказано было о синкретизмѣ греческой миѳологіи,—синкретизмѣ безспорномъ такъ же, какъ и двойственность племеннаго состава изъ западно-иранскаго Пелазга и восточно-иранскаго Ѳракійца.

Величіе Аѳинъ и начало упадка.

Мегара и Эгина, нѣкогда соперницы Аѳинъ, исчезли въ лучахъ славы мараѳонской и саламинской; всѣ мелкія области, ставшія въ общемъ ополченіи Греціи, почувствовали свою слабость и утратили свое прежнее честолюбіе и надежду на равенство съ Спартою или Аѳинами; но съ другой стороны возвеличеніе Эллады распространило ея вещественные предѣлы, заставивъ полуэллинскія племена принять полнѣе эллинскую жизнь и примкнуть къ великому народному союзу. Такимъ образомъ Македонія приняла въ себѣ южное просвѣщеніе, объявила свои права на участіе въ дѣлахъ Грецiи и стала приготовлятся къ своему будущему всемiрному величiю. Жизнь Эллинская закипѣла со всѣхъ сторонъ, торжествуя мало-помалу надъ всѣми соперниками. Въ этой великой эпохѣ духовная сила должна была преобладать надъ вещественною, мыслитель надъ бойцомъ, Аѳины надъ Спартою.

Но самое возвеличенiе Аѳинъ содержало въ себѣ причины паденiя. Гордость мѣстная, властолюбiе, стремленiе къ вещественнымъ завоеванiямъ и къ грубой корысти развивались вмѣстѣ съ увеличенiемъ государственной силы. Аѳины вступили въ борьбу съ Лакедемономъ, присвоивая себѣ единовластiе надъ морями, такъ же какъ Лакедемонъ присвоивалъ себѣ власть на землѣ. Послѣ долгой войны Спарта восторжествовала силою своего внутренняго единства и безразсудствомъ Аѳинъ, оскорбившихъ всѣхъ своихъ союзниковъ. Подробности этой кровавой борьбы, поочередное торжество генiальныхъ мужей съ одной стороны и крѣпко устроеннаго государства съ другой, торговые союзы, хитрости и политики и государственной экономiи принадлежатъ монографiямъ, но не всемiрной исторiи, Аѳины получили свое значенiе, какъ представители обще-эллинскаго духа въ годину общей опасности, погибли, когда поставили свою тѣсную личность внѣ истинныхъ началъ своей силы; но еще послѣ паденiя своего продолжали онѣ дѣйствовать на цѣлый мiръ свѣтомъ мысли и умственнаго просвѣщенiя.

Ими былъ воспитанъ Александръ Македонскiй и дикари, его подданные, ими благородная душа Эпаминонда и Филопемена, и великiй мiръ Рима, и отчасти новѣйшая Европа.

Страсть къ свободѣ, восторженное поклоненiе человѣческому достоинству, были принадлежностями всей Эллады; но въ Спартѣ всѣ эти чувства были подавлены грубымъ преоблаланiемъ мѣстнаго эгоизма. Спарта изгоняла тирановъ изъ греческихъ городовъ; но вездѣ она замѣняла единовластiе олигархическою аристократiей, противною духу самихъ Лакедемонянъ. противною духу всѣхъ Эллиновъ и уничтожающей всю внутреннюю силу областей, которыя ей покорились. Лакедемонъ угадалъ позднѣйшую политику Рима. Торжество Аѳинъ вездѣ изгоняло аристократію и пробуждало жизнь полной гражданской свободы. Послѣ гибели аѳинскихъ войскъ, послѣ полной побѣды Лакедемона палъ Лакедемонъ. Аѳины распространили по всей Элладѣ гордое сознаніе ея высокаго достоинства, вражду противъ всякаго неправаго насилія и приготовили тѣхъ враговъ, которые въ позднѣйшее время похитили вѣнцы военной славы у спартанскихъ гоплитовъ на поляхъ мантинейскихъ и наконецъ подчинили своимъ законамъ грозную дружину, созданную Ликургомъ.

Умственное развитіе Эллады.—Рилигія, искусства, философія.

Незамѣтная на картахъ земного шара, ничтожная по своему народонаселенію, котораго сложность едва равнялась одному Вавилону, Эллада занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества. Такое преимущество ея объясняется свободнымъ развитіемъ, многосторонностью и особенною ясностью духовной жизни. Индустанъ, принявшій древнее и высокое преданіе Ирана и въ то же время глубоко отвлеченное ученіе Кушитовъ, истощилъ силы свои въ безплодномъ стремленіи къ примиренію двухъ крайностей и къ созданію религіи, соединяющей въ себѣ умствованіе и вѣру. Китай ограничилъ весь разумъ человѣческій разрѣшеніемъ одной государственной задачи. Кушъ погрязъ въ поклоненіи міровой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и въ молчаливомъ трудѣ надъ веществомъ; Иранъ, сохранившій свое первобытное преданіе, но не уяснившій его, палъ при первой попыткѣ приложить къ государству законы, созданные не для государства; всѣ же, подчиняя вполнѣ человѣка законамъ грубо-произвольнымъ или не вполнѣ понятнымъ и обращаясь съ нимъ, какъ съ орудіемъ второстепеннымъ и нужнымъ только для разрѣшія высшей задачи, лишили себя полнаго сочувствія съ остальными племенами человѣчества. Ограниченнѣе и ниже была первобытная жизнь Эллина, но ея безхитростная простота и совершенная ясность дали ей возможность достигнуть полнѣйшаго развитія и отозваться во всѣхъ послѣдующихъ вѣкахъ и народахъ.

Безспорно новый міръ созданъ мыслію, явившеюся въ Палестинѣ; но Палестина не идетъ въ сравненіе съ Элладою. Эллада жила и развивалась самобытно. Домъ Израиля былъ только сосудомъ древняго преданія. Его призваніе было чуждо случайностямъ его жизни. Для него не было настоящаго, а только прошедшее, которое онъ охранялъ, или будущее, котораго ждалъ.

Сліяніе сказочнаго человѣкообразія съ вещественно-художественнымъ символизмомъ составило основу греческой религіи. Изъ нихъ возникла безобразная смѣсь, смѣшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслѣ религіозномъ. Но съ другой стороны соединеніе стихій сказочной, человѣческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи, составило цѣлый новый міръ, въ которомъ сказка возвысилась до поэмы и образъ человѣческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіе, въ которомъ царствовало дѣйствительно одно божество: красота въ ея высшемъ проявленіи, въ красотѣ человѣческой. Эллинъ преклонилъ колѣна передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы они не были: даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговѣчность и разумъ, или пріобрѣтенія воли, какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себѣ религію чисто-земную и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніи къ ней, какъ лицо дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью; и силы человѣческія напряглись въ стремленіи къ достиженію человѣческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недосягаемомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кушита съ словеснымъ началомъ Ирана. Въ Элладѣ, и только въ Элладѣ, получило оно свою независимость отъ мысли и жизнь образа, прилагаемаго ко всякому содержанію, слѣд. свободную отъ всякаго содержанія. Пріобрѣтеніе Эллина сдѣлалось достояніемъ цѣлаго человѣчества.

Поклоненіе искусству, какъ искусству, естественное древней Греціи и разогрѣтое въ нашъ вѣкъ учеными Нѣмцами было бы униженіемъ при теперешнемъ возрастѣ человѣчества; но въ немъ есть истина, до сихъ поръ не совсѣмъ понятная. Искусство есть сотвореніе стройнаго міра изъ одной данной, глубоко заронившейся въ душу человѣка. Стройность независима отъ данной; но чѣмъ болѣе было полноты и истины въ его зародышѣ, тѣмъ новосотворенный міръ полнѣе и прекраснѣе, тѣмъ труднѣе подвигъ творца, тѣмъ выше его духовное значеніе въ общинѣ человѣческой.

Безполезно бы было говорить о безконечномъ рядѣ свѣтилъ, блиставшихъ отъ миѳическаго Орфея и миѳическаго Дедала до совершеннаго паденія Эллады. Многія творенія погибли, но имена творцовъ уцѣлѣли, и суевѣрное поклоненіе новыхъ временъ тѣмъ художникамъ, отъ которыхъ осталось только преданіе, показываетъ, какъ чудно совершенство сохранившихся обломковъ.

Поучительно и важно обстоятельство еще незамѣченное: пѣвецъ Орѳей изъ Ѳракіи, каменосѣчецъ Дедалъ изъ Крита. Такъ и слѣдовало быть.

Мысль, просвѣтленная въ мірѣ красоты вещественной, не теряетъ правъ своихъ на красоту духовную. Кромѣ просвѣщенія южнаго и сѣвернаго, въ Элладу проникали чистѣйшіе лучи восточнаго ученія, искажаясь въ сказочныхъ затѣяхъ поэтовъ, скрываясь въ покровахъ полу-кушитскихъ таинствъ, но никогда ни померкая совершенно и зажигая въ лучшихъ душахъ искру лучшей духовной жизни.

Темныя таинства древнихъ останутся таинствами и для насъ, не смотря на факелы новѣйшихъ книжниковъ; но земледѣльческій характеръ элевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ главныя лица *Деметра* и *Персефона*, изображенная въ видѣ колоса и признанная за мать Вакха (слѣд. за одно съ *Семелою-землею*), объясняется ѳракійскимъ основаніемъ Элевзиса и подтверждаетъ всѣ прочія свидѣтельства о характерѣ славянскихъ Фракійцевъ.

Въ Элладѣ кипѣла душа человѣческая: всякій органъ ея напрягался и бодрствовалъ. Ни одна высокая мысль не могла упасть въ нее и замереть, не давъ плода.

Вѣра есть крайній предѣлъ человѣческаго знанія, въ какомъ бы видѣ она ни являлась: она опредѣляетъ собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигло высшей степени, не могли допускать полной свободы философіи, ибо философія объясняла міръ видимый и невидимый только въ тѣхъ границахъ, которыя были предписаны ей знаніемъ религіознымъ. Въ землѣ чисто-иранскаго преданія—Іудеѣ, и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Иранѣ, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ кореннаго Кушитства философская вѣра въ необходимость и ея полярную двойственность приняла основу логическую и способную къ логическому развитію; но въ этомъ принятіи законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволъ, положившій оковы на всю будущую умственную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшаго все духовное бытіе народовъ кушитскихъ, должно было навсегда стѣснить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятившія все свое существованіе борьбѣ съ веществомъ и поклоненію его законамъ, осудили себя на вѣчное безмолвіе. Въ позднѣйшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возникнуть гностическія секты, безполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго вѣрованія и терявшіяся въ темной мистикѣ произвольно созидаемыхъ эманаціонныхъ системъ. Буддаизмъ, основанный на началѣ неопредѣленномъ, на возмущеніи нравственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ такъ же мало способенъ къ освобожденію человѣческаго разума, какъ и самый Шиваизмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи прямого отрицанія, принимая его же логическія оковы. Многомысленный Индостанъ, страна величайшаго умственнаго напряженія, обнялъ почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнѣйшей духовности до самой грубой вещественности; нѣтъ ни одной системы, высказанной Элладою или развитой Германіею, которая бы не являлась почти во всей своей полнотѣ въ твореніяхъ великаго племени при-гангесскаго; но такъ же какъ стремленіе искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цѣльный и стройный міръ искусства, такъ привычки духа, жившаго нѣкогда въ свѣтлой области безусловнаго и высокаго вѣрованія, стѣсняли полную свободу философіи и подчиняли ее искони принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отрѣшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философіи индостанской, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, свободно-творящаго духа или всебожественнаго пантеистическаго символа, даже при допущенія міра, какъ безконечной гармоніи чисто-вещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кромѣ идеала общества, логически развивавшагося изъ нравственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философіи область ограниченную, но въ то же время возвысить мыслителей до степени религіозныхъ законодателей: ибо имъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ, который былъ неяснымъ кумиромъ всякаго Китайца. *Конгъ-фу-тсеу* выразилъ всю сокровенную мысль Китая, и его творенія, принадлежащія философіи только по характеру изложенія, по содержанію принадлежатъ вполнѣ міру религіи. Эллинъ поставлялъ божествомъ человѣка со всѣмъ его произволомъ, со всѣми его случайностями. Весь міръ долженъ былъ для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа большей части чисто-эллинскихъ системъ, которыя болѣе или менѣе представляютъ признаки атомистической вещественности. Но голосъ Востока пробуждалъ другіе лучшіе и благороднѣйшіе помыслы: онъ звалъ человѣка къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свѣтлѣла мыслію. Она не могла уже возвыситься до новой, чистой вѣры, но отрывалась отъ стараго вѣрованія или по крайней мѣрѣ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свѣтъ восточнаго ученія съ мракомъ эллинской души, огрубѣвшей въ безсмысленной своей религіи.

Тупость Грековъ ко всякому ученію религіозному выражается особенно ясно въ разсказѣ Геродота о религіи славянскихъ Гетовъ, вѣровавшихъ въ загробную жизнь. Эта мысль ему совершенно не доступна и не находитъ отзыва въ его душѣ.

Долго бродили въ нестройномъ хаосѣ пробужденныя стихіи мысли, стремясь къ примиренію въ полномъ разгулѣ ничѣмъ нескованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціи еще не видитъ произведенія самой Эллады, но только воспринятіе чуждыхъ стихій.

Таковъ великій *Пиѳагоръ*, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ умовъ, какими можетъ гордиться человѣчество. Созвучный и почти современный великому *Ляо-Тзеу*, онъ принадлежитъ по таинственности своего отвлеченнаго и поэтическаго ученія, по догмату перехожденія душъ *(метемпсихозисъ)* и по строгости въ испытаніи учениковъ къ исторіи религіозныхъ формъ, а не философіи и носитъ явные признаки восточнаго міра, еще не вполнѣ разорваннаго до паденія Вавилона. Тѣ же слѣды Востока замѣтны въ математическихъ трудахъ и въ геніальной догадкѣ Пиѳагора о неподвижности солнца. Не эллинскими системами должно считать и тѣ философіи, которыя полагали основаніемъ всего сущаго одну изъ чистѣйшихъ стихій, огонь или воду, какъ напр. школа Ѳалеса, на которой замѣтно вліяніе восточно-иранскаго поклоненія водяному символу, вліяніе, объясняемое вполнѣ древнимъ вано-вахтрійскимъ населеніемъ западнаго приморья Малой Азіи.

Изученіе самаго человѣка и его умственныхъ способностей обозначаетъ уже проявленіе чисто-эллинской стихіи въ философіи: съ нимъ вмѣстѣ проявилось сомнѣніе во всемъ, что не вполнѣ доступно разуму человѣческому, возведеніе случайности въ достоинство силы первоначальной (т.-е. поклоненіе факту, какъ факту безъ вѣры въ какое бы то ни было объясненіе) и наконецъ безбожіе полное, рѣзкое, грубое и при всемъ томъ имѣющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всѣхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и нестерпимой для просвѣщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто-эллинскія ученія, повидимому, вырываются изъ области вѣрованія; но это освобожденіе мнимое, а не дѣйствительное. Филисофія отрицаетъ Зевса и всю олимпійскую братью, но она отрицаетъ только признаки эллинскаго божества и продолжаетъ поклоняться истинному божеству Эллады—человѣку: она признаетъ права случайности, потому что эти права были дѣйствительно освящены прежнею религіею; наконецъ, она возвышаетъ и напрягаетъ гордость человѣка, перенося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школъ выходятъ смѣлые бойцы, удальцы слова, *софисты*, какъ атлеты изъ школъ гимнастическихъ. Какъ атлеты, переходятъ они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вѣнчаясь олимпійскими вѣнцами, щеголяя новоизобрѣтеннымъ силлогизмомъ, какъ герои пентаѳла или борьбы щеголяли новою уловкою или кулачнымъ ударомъ. Стихіи мысли бродили, повинуясь уже мѣстному закону: въ немъ должны онѣ были найти свое примиреніе.

Человѣкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. Но божественность его состояла въ красотѣ, которой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то эллинскомъ законѣ, въ этомъ характерѣ религіи заключалось разрѣшеніе философской задачи. Смолоду художникъ, насытившійся всѣми обаяніями искусства, въ возрастѣ мужества гражданинъ, служившій обществу на полѣ битвы подъ эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинилъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλόν), какъ она была божествомъ видимаго міра. Софисты исчезли. Обрадованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба.

Жизнь Сократа была борьбою съ прежними обмельчавшими школами. Онъ побѣдилъ ихъ потому, что въ немъ была та эллинская истина, къ которой стремились онѣ безсознательно и безплодно: онъ сражался съ ними ихъ же оружіемъ и веселился этимъ боемъ потому, что въ немъ было эллинское удальство, перенесенное въ область слова. Понятно, какъ Аристофанъ, ослѣпленный пристрастіемъ, могъ принять случайный характеръ его бесѣдъ за существенный духъ его мысли.

Сократъ совершалъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіею, но въ то же время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ безсмысленной случайности. Народъ, увѣнчавшій его земное поприще вѣнцомъ мученической смерти, осудилъ его какъ безбожника и былъ правъ въ своемъ судѣ; но правъ по своему невѣжеству, ибо самъ не зналъ, какому божеству поклонялся. Онъ былъ правъ и потому, что просвѣтленіе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, нѣжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ вѣрованій, предчувствовали тѣ духовныя старанія своихъ потомковъ, которыхъ философія лишала вѣры и боговъ.

Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпилъ чашу яда и сказалъ, что выздоравливаетъ отъ жизни («Критіасъ, принеси жертву Эскулапу»); но боги Олимпа исчезли навсегда разрѣшившись въ свои отвлеченные законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческой фантазіею Эллады. Въ невидимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человѣческаго; никогда не являлось такого великолѣпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепроникающаго разума и художественнаго чувства, просвѣтленнаго нравственными стремленіями. Эллада, расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ.

Но сократовъ ученикъ черпалъ свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Не даромъ слышалъ онъ великое имя *Заратустра**) и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣляясь отъ пути философскаго, созидаетъ онъ начала новой религіи, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истиною вдохновеннаго искусства; часто угадываетъ онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто оглядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. Но міръ ему извѣстный не давалъ отвѣта. Въ этомъ слабость его философіи и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнѣйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвѣщеніе болѣе сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина неразлучны. Всякій произволъ содержитъ уже въ себѣ признаки безсилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотѣ и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній придѣлъ эллинской философіи. Дальнѣйшее раздѣленіе школъ, Діогенъ, ищущій человѣка, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видѣ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зенонъ, возвышающій гордость человѣка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всѣ затѣйливыя подробности позднѣйшихъ ученій заключены уже въ геніальной школѣ Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигъ Эллады былъ совершенъ.

Почти въ то же время совершился ея подвигъ историческій.

Эта современность развитія умственнаго и государственнаго замѣчена болѣе или менѣе во всѣхъ великихъ народахъ; она особенно разительна въ Греціи. Ничтожность ея вещественныхъ силъ ставила ея судьбу въ прямую зависимость отъ напряженія силъ умственныхъ.

Сверхъ того, Грецiя менѣе всѣхъ другихъ земель приняла чистыхъ стихiй отъ минувшаго времени. Къ ней дошли всѣ начала уже въ ихъ искаженiи (за исключенiемъ темной памяти о божествѣ, сохранившейся у одичалыхъ Пелазговъ); ея религiя, произведенiе ея мѣстности и народа получила отъ нея самой не только значенiе, но и существованiе. Нигдѣ такъ ясно не выражался законъ развитiя. Иранъ хранитель преданiя, мiръ кушитскiй, закованный въ цѣпяхъ древняго вещественнаго философизма, не были способны къ полному жизненному движенiю. И тотъ и другой находился въ постоянномъ упадкѣ; сказочное же человѣкообразiе вендскихъ племенъ оставалось неподвижнымъ, потому что, не будучи согрѣто высокимъ стремленiемъ къ красотѣ, оно не доходило никогда до познанiя человѣческаго идеала. Грецiя, слабая и ничтожная въ своемъ младенчествѣ, перешла всѣ возрасты жизни поклоняясь человѣку и представляя въ своей коллективной жизни всѣ степени его жизни личной. Оттого то въ ней такъ явно совпадаетъ эпоха полнаго развитiя силъ вещественныхъ съ эпохою высшаго напряженiя силъ умственныхъ.

Паденiе Эллады. Македонiя и Филиппъ.

Завоеватель Азiи, сокрушитель всѣхъ остатковъ древняго мiра, вѣнчанный полководецъ всей эллинской дружины, великiй Македонецъ былъ ученикомъ Аристотоля и преемникомъ духовнаго движенiя Аѳинъ.

Ослабленiе Лакедемона послѣ его побѣды надъ Аѳинами, недолгое торжество Ѳивъ подъ путеводствомъ свѣтлой звѣзды Эпаминонда и ихъ скорое паденiе, безпрестанные раздоры, отсутствiе всякаго средоточiя, могущаго придать единство общеэллинской дѣятельности въ то самое время, когда всѣ стихiи дѣятельности были въ величайшемъ избыткѣ, все призывало на поприще историческое новыхъ дѣйствователей, не чуждыхъ Элладѣ по своему племенному и духовному составу, но чуждыхъ ея прежней исторiи, прежнимъ распрямъ и прежнимъ областнымъ страстямъ.

Воинственное населенiе Македонiи раздѣлялось на мелкiя общины, управляемыя родовыми князьями или живущiя въ неустроенной дикости первобытныхъ завоевательныхъ дружинъ. Безпрестанныя междоусобія, недостатокъ въ просвѣщеніи и въ общемъ государственномъ стремленіи удерживали Македонію, такъ же какъ и прелегающую къ ней съ юга Ѳессалію въ совершенномъ ничтожествѣ. Эти двѣ области, безъ сомнѣнія родина Эллиновъ, были еще въ незапамятныя времена завоеваны возвратнымъ движеніемъ эллинскихъ, особенно дорійскихъ дружинъ *), и слѣдовательно подчинены правленію чисто-аристократическому.

Завоеваніе Ѳессаліи и Македоніи обратнымъ движеніемъ своихъ же дружинъ совершенно соотвѣтствуетъ завоеванію Германіи Франками, выходцами изъ Германіи.

Ѳессалійское дворянство управлялось самовластно и только изрѣдка выбирало временнаго вождя (*тагосъ*, нѣчто въ родѣ *герцога* нѣмецкаго); македонское признавало наслѣдственныя права одного дома, *Гераклидовъ*, на достоинство общаго полководца, и полководецъ носилъ званіе царя, съ которымъ было соединено нѣкоторое значеніе религіозное. Народъ въ обѣихъ областяхъ находился въ состояніи змвисимости, сохраняя впрочемъ нѣкоторыя древнія права совѣщательныя и судебныя. Греція презирала свою сѣверную братію, причисляя ее къ полуварварамъ.

Наслѣдственная власть Гераклидовъ въ Македоніи была незначительна, самая область ихъ тѣсна и безсильна. Иллирійцы, Одризы и Ѳракійцы поочередно опустошали ее или завоевывали; Персы нѣсколько времени управляли ею самовластно. Общее возстаніе Эллады отозвалось на сѣверъ и проникло въ Македонію. Иго персидское было свергнуто; Иллирійцы и Одризы мало-по-малу отодвинуты; просвѣщеніе пробуждено усиленімъ приморскихъ городовъ эллинскихъ (особенно Олинѳа), и царская власть, опираясь на союзъ съ образованными государствами, окрѣпла и дала стройный ходъ жизни общественной. Въ началѣ IV вѣка до Р. Х. Архелай проложилъ новыя дороги, выстроилъ города, въ которыхъ власть аристократіи нашла естественное противоборство, и положилъ основанie будущей великой державѣ. Онъ и его преемники покорили или вытѣснили мало-по-малу изъ Македонiи всѣ независимыя общины, не признававшiя до тѣхъ поръ царскихъ правъ дома Гераклидовъ и вѣроятно по своему происхожденiю чуждыя завоевательной дружинѣ дорiйской.

Еще въ прежнее время были выгнаны многiя семьи, болѣе или менѣе извѣстныя по миѳамъ или исторiи древней Эллады. Такова была участь *Пiерiевъ*, *Эдонянъ*, *Эордовъ*, при-олимпiйскихъ *Альмоновъ* и другихъ. Всѣ прочiя были побѣждены преемниками Архелая. Вообще критика склонна принимать всѣ мелкiя семьи въ Элладѣ, никогда не достигавшiя до значенiя историческаго, за старожиловъ Пелазговъ. Мнѣнiе весьма ошибочное. Греки такъ мало знали, что такое именно Пелазги, что даже на ихъ показанiя нельзя полагаться. Это имя дано было очевидно многимъ племенамъ не-пелазгическимъ и даже эллинскимъ, оставшимся недоступными развитiю эллинскаго просвѣщенiя. Жители Македонiи и Ѳессалiи принадлежали отчасти колѣну эолiйскому *), слѣдов. вѣтви iонiйской; побѣждены они были Дорiйцами, составившими рыцарскую аристократiю. Дорiйцы по своему сродству съ Иракломъ и Персеемъ, кажется, обличаютъ примѣсь съ позднѣйшими выходцами изъ горъ мало-азiйскихъ, чѣмъ и объясняется ихъ особенно воинственный характеръ. Семьи, выгнанныя изъ Македонiи, принадлежали вѣроятно колѣнамъ ахейскому и эолiйскому. Такимъ образомъ самое ихъ бѣгство на сѣверъ распространяло предѣлы Эллады и объясняетъ легкую эллинизацiю Ѳракiи.

Изгнанie нѣкоторыхъ общинъ придало единство Македонiи. Завоеванiя заграничныя дали царямъ силы, независимыя отъ дворянства: сокровища, которыми они могли подкупать его или привязывать къ своему двору, и средства облегчить тяготы низшаго класса, въ которомъ они находили опору для власти почти неограниченной.

Кратковременное преобладанie Ѳивъ въ Элладѣ сокрушило навсегда силу Спарты, возвративъ независимость Аркадiи, освободивъ Мессенiю и воздвигнувъ стѣны Мегалополиса. Оно уничтожило правительственное значенie Спарты и лакедемона, вызвавъ мелкiя области къ жизни независимой и призвавъ ихъ къ участію въ дѣлахъ Эллады; наконецъ своимъ философскимъ направленіемъ подъ руководствомъ Эпаминонда, соединившаго въ себѣ ученіе пиѳагоровой школы съ умственнымъ движеніемъ школы аѳинской, оно объявило ничтожность древней религіи, оправдавъ похищеніе храмовой собственности. Вскорѣ Ѳивы утратили свое превосходство, основанное не на внутренней жизни общества, но на случайности великихъ мужей и на временномъ порывѣ народа, оскорбленнаго бездушною наглостью лакедемонскаго насилія. Наступило время безсмысленныхъ смутъ, въ которыхъ сокрушались силы Эллады. Похитители дельфійскихъ сокровищъ, Фокейцы нашли себѣ союзниковъ въ Аѳинахъ и Спартѣ, наемниковъ во всей Греціи и безсильныхъ противниковъ въ ѳивскомъ правительствѣ, еще недавно оправдавшемъ такое же преступленіе, совершенное Аркадцами. Послѣ многихъ побѣдъ Ѳивы, утомленныя безплодною борьбою, призвали союзника изъ Македоніи, незадолго до того времени ими умиренной*), и поручили мечу македонскому судъ въ дѣлахъ Эллады.

Въ то время управлялъ Македоніею царь, опытный въ дѣлѣ военномъ, еще опытнѣйшій въ наукѣ государственной, человѣкъ равно хитрый и постоянный въ исполненіи своихъ властолюбивыхъ замысловъ. Еще прежде вмѣшался онъ во внутренніе раздоры Ѳессаліи и подчинилъ ее своимъ законамъ. Долгимъ рядомъ обмановъ или побѣдъ покорилъ онъ южную Ѳракію и всѣ области до границъ чисто-славянской Илиріи и полу-иверскаго Эпира. Призванный Ѳивами судить дѣло эллинское и связанное съ вопросомъ религіознымъ, Филиппъ побѣдилъ Фокейцевъ и, исключивъ ихъ совершенно изъ эллинскаго союза, получилъ по приговору Амфиктіоновъ оба голоса, которые принадлежали побѣжденной Фокидѣ въ общеэллинскомъ религіозномъ судищѣ, и право предсѣдать на играхъ обще-эллинскаго бога Аполлона пиѳійскаго. Вскорѣ проснулась зависть вольныхъ общинъ, испуганныхъ возрастающею властію Македонца. Ѳивы, недавно признавшія его, и Аѳины, возбужденныя пламеннымъ краснорѣчіемъ Демосѳена, собрали могучій союзъ; но силы ихъ пали передъ желѣзнымъ строемъ македонской фаланги, передъ искусствомъ царя-военачальника и передъ неудержимымъ мужествомъ его сына, Александра. Ѳивы были строго наказаны, Аѳины пощажены, вся Эллада усмирена. Но Филиппъ не могъ, вѣроятно не хотѣлъ, завоевать эллинскихъ государствъ. Жадно призывая въ свою полудикую Македонію всѣ плоды эллинскаго просвѣщенія, онъ не могъ быть и не былъ лишенъ сочувствія съ страною, въ которой они выросли и созрѣли. Филиппъ объявилъ себя мечомъ Эллады, ея вещественнымъ орудіемъ противъ міра не-эллинскихъ варваровъ, стратигомъ ея дотолѣ разъединенныхъ силъ.

Александръ.—Его завоеванія и отношеніе къ покореннымъ.

Филиппъ понялъ истинное призваніе Македоніи, истинное требованіе современной Эллады. Послѣ его смерти еще разъ возстали Ѳивы. Александръ уничтожилъ ихъ и получилъ опять отъ невольнаго согласія Эллиновъ званіе все-эллинскаго стратига. Быстро откинулъ онъ славянскихъ Иллирійцевъ въ ихъ горную область, бурнымъ налетомъ опустошилъ славянскую землю Гетовъ до самаго Дуная и, сковавъ безплодную внутреннюю дѣятельность эллинскихъ общинъ, приступилъ къ исполненію великаго замысла, завѣщаннаго Филиппомъ. Въ 334 году до Р. Х. вступилъ Александръ въ земли, подвластныя послѣднему изъ преемниковъ великаго Кира, изъ потомковъ мудраго Дарія.

Аристотель былъ наставникомъ Александра, Гомеръ его всегдашнимъ спутникомъ, Ахиллъ идеаломъ. Въ этомъ весь Александръ, вождь дружины, а не народа, служитель красоты и гордости человѣческой, питомецъ свободной науки. Онъ долженъ былъ сочувствовать не миѳическимъ Ираклу или Персею, но сказочному Ахиллу, или, лучше сказать, онъ былъ дѣйствительно самъ Ахиллъ. Ясновидящая фантазія народнаго дѣтства (Гомеръ) облекла въ свои символы, въ богоподобномъ Ахиллѣ, будущаго представителя всей Эллады (Александра). Такъ и въ жизни частныхъ лицъ ребенокъ угадываетъ дѣла своей возмужалости, облекая ихъ въ неясные образы, созданные игривымъ воображеніемъ.

Числительное превосходство персидскихъ войскъ не могло доставить имъ побѣду въ сраженіи съ Греками. Опытъ доказалъ слабость азіатскихъ полчищъ во время Дарія и Ксеркса и еще яснѣе во время походовъ Спартанца Агезилая; а войско македонское было безспорно лучше устроено и болѣе обычно къ битвамъ, чѣмъ всѣ прежнія греческія ополченія, между тѣмъ какъ Персія утратила послѣднія свои нравственныя силы. Правда, что самое государство оставалось все въ тѣхъ же границахъ, какъ и при Ксерксѣ; правда, что при предшественникѣ Кодомана, Артаксерксѣ III, египетскія низины, около ста лѣтъ сохранявшія независимость подъ правленіемъ своихъ царей (Инара, Амиртея и Нектанеба), покорились вполнѣ Персіи; но слабость государственнаго состава обнаруживалась все болѣе и болѣе. Торжество Македонца во всякомъ сраженіи было легко, но требовалось желѣзное терпѣніе для безпрерывнаго завоевательнаго путешествія и для мелкой борьбы съ мелкими препонами, которыя онъ встрѣчалъ не въ средоточіи государства, но въ его отдѣльныхъ областяхъ. Александръ соединялъ въ себѣ всю художественную восторженность Эллина съ постоянствомъ, завѣщаннымъ ему македонскими царями, его предшественниками. Нѣсколько лѣтъ сряду проходилъ онъ, изъ конца въ конецъ, все царство персидское, вездѣ побѣждая и нигдѣ не отдыхая отъ побѣдъ. Рѣшительное и упорное сопротивленіе встрѣтилъ онъ только на берегахъ Средиземнаго моря, въ странахъ охотно покорившихся Персіи (ибо не дорожили государственною независимостью), но ненавидящихъ владычество Грековъ, съ которыми онѣ жили въ давней враждѣ за первенство на моряхъ и въ торговлѣ. Тиръ вспомнилъ свою прежнюю славу, и осада этого одного города стоила болѣе трудовъ и напряженій, чѣмъ завоеваніе всего Персистана.

Недаромъ Финикійцы боялись эллинскаго торжества. Всѣ способности умственныя были развиты въ Грекѣ, всякая предпріимчивость была ему близка и доступна. Строеніе Александріи доказало всю разумность геройства тирскихъ купцовъ.

Три великія сраженія уничтожили войско персидское. Смерть Дарія и прекращеніе династіи передали македонскому завоевателю всѣ права кировыхъ преемниковъ. Далѣе и далѣе стремился побѣдитель. Горы Инду-кху, долины Кашмира, индское пятирѣчіе, гдѣ новое просвѣщеніе Греціи встрѣтилось съ древнимъ просвѣщеніемъ Индустана, пустыни заяксартскія, гдѣ онъ опять встрѣтилъ Гетовъ, побѣжденныхъ имъ на берегахъ Дуная, все покорилось Александру. Далѣе и далѣе стремился его поэтическій порывъ; но утомленное войско потребовало возврата въ Вавилонъ, будущую столицу Европы и Азіи. Тутъ, на пепелищѣ древнѣйшаго изо всѣхъ завоевательныхъ государствъ, среди приготовленій къ новому походу въ глубь пустынь аравійскихъ, среди пировъ, которыхъ безуміе согласовалось съ безумнымъ восторгомъ, безпрестанно напрягавшимъ его силы, угасъ молодой завоеватель, яркая звѣзда завершившагося Эллинства. Царство имъ основанное не пережило его. Его пережили крѣпости, воздвигнутыя его свѣтлымъ военнымъ умомъ въ ущеліяхъ Гималая, на берегахъ Инда, въ степяхъ массагетскихъ; его пережили пробужденная имъ торговля и новая торговая столица, всемірная Александрія, созданная его государственнымъ ясновидѣніемъ; его пережилъ эллинскій міръ, возвеличенный его могучимъ геніемъ.

Едва ли кто изъ государей показалъ такое ясное понятіе о требованіяхъ торговли, какъ Александръ Великій въ построеніи Александріи и въ назначеніи Вавилона столицею. Такое же ясновидѣніе замѣчательно въ Карлѣ Великомъ, предположившемъ соединеніе Рейна съ Дунаемъ, и въ геніальномъ Петрѣ. Вѣрность торговыхъ взглядовъ во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ зависѣла отъ цѣлостной и гармонической стройности государственнаго ума. Геніальная простота мысли доступна всякой истинѣ и всякому инстинкту истины.

Ничтожные люди раздѣлили между собою наслѣдство Александра: Египетъ достался Птолемеямъ Лагидамъ, Азія Селевкидамъ, Македонія и власть надъ Греціей потомкахъ Антигона. Ни одна изъ этихъ династій, ни одинъ изъ ихъ основателей не представляли великихъ явленій, объясняющихъ покорность народовъ, недавно завоеванныхъ Греціею, или твердость греческой власти. Древній міръ повиновался потому только, что онъ былъ сокрушенъ въ самыхъ основахъ своего нравственнаго и государственнаго быта. Одна Греція еще жила, потому что еще вѣрила своему божеству,—человѣку.

Это начало было выражено вполнѣ Александромъ. Не безуміе, но глубокое сознаніе эллинскаго духа научило его назваться сыномъ вышняго, неизвѣстнаго, тайнаго бога (Аммуна) и воздвигнуть себѣ храмы и кумиры.

Но въ то же время, какъ Александръ представлялъ собою высшее развитіе эллинской религіи, онъ, какъ слѣдовало человѣку, постигшему ея смыслъ въ философіи, отрицалъ исключительность ея образовъ и приписывалъ равное достоинство всякой человѣческой мысли, всякому человѣческому вѣрованію, именно потому, что они человѣческія. Оттого его гордыя сподвижники роптали на стремленіе царя къ полному синкретизму всѣхъ религій, къ полному слiянію всѣхъ обычаевъ. Преслѣдованія его были обращены только на то, въ чемъ видѣлись слѣды государственной независимости, а не духовной свободы: противъ царей персидскихъ, ихъ столицы и ихъ исторіи, а не противъ жрецовъ и храмовъ. Къ магамъ онъ былъ ласковъ, ко всѣмъ святынямъ благосклоненъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что покровительство, оказанное Александромъ, относится болѣе къ магамъ вавилонскимъ, чѣмъ къ мидійскимъ; но, во-первыхъ, въ мидійскихъ магахъ онъ видѣлъ начало политическаго противоборства, во-вторыхъ, введеніе поклоненія Милиттѣ-Астартѣ уже сблизило обѣ религіи, смѣшавшія свои образы, свои понятія и даже имена священныхъ сословій. Это смѣшеніе доказывается многими свидѣтельствами и между прочимъ сказаніемъ о дозволеніи брака матери и сына у мидо-персидскихъ маговъ. Такая нелѣпость объясняется только изъ закона *тріадъ*, въ которыхъ женская или воспріимчивая сила носитъ одно и то же названіе по своей постоянной страдательности, не способной имѣть опредѣленный характеръ, слѣдовательно не могущей имѣть опредѣленное имя. Отъ того-то *Горусъ* является мужемъ матери своей *Изиды*. Безсмысленный обрядъ былъ только искаженнымъ изображеніемъ философской мысли, заключенной въ кушитскихъ ученіяхъ.

Еще благосклоннѣе былъ Македонецъ къ Іудеѣ*), несмотря на ея отказъ содѣйствовать осадѣ Тира. Киръ возвратилъ свободу Израилю, узнавъ въ немъ единовѣрца. Александръ, ученикъ школы сократовой, покровительствовалъ ему, по сочувствію души, просвѣщенной знаніемъ, съ вѣрою въ свободнотворящаго духа и съ высотою нравственнаго закона.

Еще недавно миновала буря вавилонскаго нашествія, а уже Израиль былъ снова великимъ народомъ и Іерусалимъ богатою столицею, но народъ не смыкался въ государство, столица не стремилась къ политической дѣятельности. Еврейская община, узнавъ свое истинное значеніе, покорялась безъ боя всякой силѣ вещественной, сохраняя свою духовную независимость и свободное правленіе по законамъ, завѣщаннымъ отъ Моисея и пророковъ. Александръ принялъ Іудеевъ въ свое войско и призвалъ іудейскихъ жрецовъ въ свою египетскую столицу. Еще благосклоннѣе были его преемники-Лагиды. Александрія почти стала столько же еврейскимъ, сколько эллинскимъ городомъ. Примѣру Птоломеевъ слѣдовали Селевкиды въ Азіи. Селевкъ Никаторъ переселилъ множество Іудеевъ въ новосозданную имъ Антіохію и далъ имъ права полнаго гражданства. Антіохъ Великій призвалъ нѣсколько тысячъ семей еврейскихъ изъ евфратскаго междурѣчія въ города Лидіи и Фригіи. Со всѣхъ сторонъ селились сильныя колоніи предпріимчивыхъ и расчетливыхъ торговцевъ, принимающихъ участіе въ умственной жизни эллинскаго міра, распространяющихъ вліяніе своего древне-иранскаго ученія, но никогда не исчезающихъ въ соблазнѣ идолопоклонства и обращающихъ съ желаніемъ и надеждою взоры свои къ святой родинѣ—храму сіонскому. Такъ было до временъ Антіоха IV (Эпифана); такъ возрастали богатство и слава Іерусалима. Эллинскій міръ, увлеченный необходимостью своего развитія въ чисто-логическую послѣдовательность философіи, не могъ возвратиться ни къ простотѣ преданія, ни къ безусловности вѣры, но сочувствовалъ и охотно сживался съ духовнымъ стремленіемъ ученія, близкаго къ лучшему свѣтилу Эллады—Платону.

Нео-платонизмъ, котораго задача явно носитъ характеръ столько же религіозной, сколько и философскій, не могъ нигдѣ образоваться кромѣ полу-эллинской, полу-іудейской Александріи. *Гностицизмъ* возникъ въ томъ же краю или въ близкой Финикіи. Онъ содержитъ въ себѣ жаланіе возвысить древнее ученіе Кушитовъ въ область философіи, болѣе свободной отъ вещественности, и потому замѣняетъ ясное, но грубое отношеніе послѣдовательныхъ рожденій утонченнымъ, но темнымъ закономъ эманаціи, и притомъ, вѣрный коренной своей основѣ, сохраняетъ непримиримую вражду къ Іудейству; самъ же, принимая невольно вліяніе эллинскаго мудрствованія и еврейскаго преданія, онъ воздѣйствуетъ на Іудеевъ, созидая всѣ нелѣпости *Кабалы*. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что хотя намъ извѣстенъ только гностицизмъ, уже подвергнувшійся вліянію Эллады и Іерусалима, издавна существовалъ въ тѣхъ же странахъ *гностицизмъ* менѣе ученый и опредѣленный, но обличающій уже смѣшеніе мысленныхъ стихій Ирана и Куша. Его отзывъ замѣтенъ въ двойной развязкѣ промиѳеева миѳа.

Преемники Александра.—Египетъ при Птоломеяхъ.—Селевкиды.—Индо-Бактрійское царство.

Частныя исторіи Македоніи и ея царей до римской эпохи, безполезныя усилія Греціи подчинить себя и свою любовь къ полному идеалу человѣческой свободы строгимъ правиламъ общей системы и хранительнымъ преградамъ нравственнаго закона, дикій эгоизмъ Спарты, всегда жертвовавшей Элладою своимъ частнымъ выгодамъ, борьба союзовъ Ахейскаго и Этолійскаго, мелкія войны и мелкія примиренія исчезаютъ безъ плодовъ и слѣда въ исторіи всемірной. Это предсмертныя содроганія государственной Эллады.

Точно такъ же ничтожны исторія Лагидовъ въ Египтѣ и Селевкидовъ въ Азіи, основаніе мелкихъ греческихъ царствъ въ Малой Азіи и вѣковыя распри между государствами, носящими въ себѣ общія начала и общій характеръ безсилія. Гораздо важнѣе исторія внутренней жизни народовъ, подчинившихся Элладѣ и отрекающихся мало-по-малу отъ своей отжившей старины, чтобы покориться духовному владычеству человѣкопоклоннаго просвѣщенія. Возникли новые города, новые храмы, открылись новые торговые пути, явились новыя божества и вѣрованія. Процвѣтали и старые города, пышно украшались и старые храмы, ибо все человѣческое имѣло права на покровительство отъ Эллиновъ; но все древнее, глубоко таинственное обмелѣло въ безцвѣтной эпохѣ окончательнаго синкретизма. Молохъ, древній богъ Ирана, искаженный уже сліяніемъ съ кушитскою миѳологіею, утратилъ свои свирѣпыя жертвоприношенія и сдѣлался праздношатающимся Геркулесомъ; великій Шива-Аммунъ и таинственная Изида, олицетворенія органической полярности (или необходимости въ противоположности положенія и отрицанія), слились съ торжественно-ничтожными образами чернокудраго Зевса и круглоликой Геры, а между тѣмъ философія, возвышая помыслы своими высокими требованіями и очищая разумъ свѣтомъ своихъ строгихъ выводовъ, подкапывала храмы всѣхъ древнихъ боговъ и искала вышняго Бога, но не находила его.

Царства, основанныя Эллинами въ Азіи и Африкѣ, не имѣли ничего сходнаго съ государствами древнѣйшей эпохи. Въ нихъ не было одной общей народной мысли, созидающей общество по своимъ самобытнымъ законамъ (какъ въ Китаѣ или Египтѣ), и не было даже (какъ въ Персіи) органическаго и живаго зерна, сомкнувшагося въ общественное цѣлое и предписывающаго свою волю другимъ слабѣйшимъ личностямъ народнымъ. Наглый произволъ отдѣльныхъ лицъ, ставшихъ подъ дружинныя знамена, управлялъ судьбою племенъ, утратившихъ всякое самобытное стремленіе и тупо повинующихся чужеземному игу. Но безсмысленность самой власти искупалась превосходствомъ властвующаго племени. Египетъ и Сирія, утомленные безплоднымъ или одряхлѣвшимъ просвѣщеніемъ, искали новой жизни въ призракѣ жизни, принесенной Эллинами, и оставались равнодушными къ случайности дружиннаго владычества, котораго сами они не могли бы замѣнить болѣе разумнымъ организмомъ государственнымъ. Человѣческая кротость эллинскихъ стремленій облегчала тягость правительственнаго ига и давала свободу мелкому существованію мелкихъ областныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ объясняется и рѣдкость возмущеній противъ преемниковъ Александра и полная эллинизація завоеваннаго края.

Долѣе всѣхъ царствовали потомки Птоломея въ Египтѣ. Берега Нила уже давно сжились съ Элладою; ихъ просвѣщеніе не только не было въ прямой противоположности съ ея умственнымъ развитіемъ, какъ съ чисто-иранскою стихіею Персіи, но еще узнавало свои отзвуки въ немъ и духовное родство. Инары и Нектанебы [1]) были невозможны. Александрія управляла безъ спора и сопротивленія судьбою всей нильской долины, обогащая ее новыми великолѣпными зданіями, признавая неприкосновенность ея старинныхъ святынь и исконныя права ея первосвященниковъ. Лагиды, послѣ безплодной борьбы, отказались отъ надежды завоеваній въ Палестинѣ и Сиріи и обратили силу своего оружія на югъ. Большая часть древней Эѳіопіи покорилась имъ, и до сихъ поръ надписи, врѣзанныя греческими воинами въ нубійскомъ гранитѣ, свидѣтельствуютъ о пространствѣ Птоломеева царства*). Въ одно время съ войсками Лагидовъ или еще прежде (при самомъ Александрѣ) проникли Евреи въ глубь абиссинскихъ горныхъ долинъ и мало-по-малу достигли такого политическаго значенія, что въ самой колыбели кушитскаго міра (Саманѣ) основали независимое государство, распространившее потомъ свою власть далеко не только въ Африкѣ, но и на берегахъ Аравіи (нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х.), успѣшно сопротивлявшееся грозному напору магометанскаго оружія и только недавно исчезнувшее въ духовномъ завоеваніи Христіанства.

Хотя нѣтъ ясныхъ доказательствъ на существованіе колоніи іудейской въ Абиссиніи*) до греческой эпохи, многія вѣроятности заставляютъ предполагать ее. Ею объяснилось бы и основаніе государства, и отношенія, въ которыхъ находится Эѳіопія *(Шеба)* къ Іерусалиму во времена Соломона. Торговая колонія съ приливомъ новыхъ военныхъ силъ при Грекахъ*) обратилась въ царство. Теперешнее имя

---

[1]) Вожди, подвинувшіе Египтянъ къ возстанію противъ владычества Персовъ; сравни выше, стр. 261. *Изд.*

Абиссиніи *(Хабешъ)* есть не что иное, какъ прежнее же имя ея *(Шебахъ)*, обратно писанное или произнесенное. Такая перестановка буквъ или слоговъ и выворотъ словъ наизнанку весьма обыкновенны въ жизни нарѣчій (*медвѣдь* и *ведмѣдь*, *бакалдина* и *колдобина*, *albus* и сл. *бѣлъ*, англ. *raven* и сл. *воронъ* и т. д., *timeo* вѣроятно *тымео* и *metuo* или правильнѣе *метыо* и пр.). Перестановка была еще легче при перемѣнѣ направленія письменъ или при употребленіи *бустрофедона*, ибо воздѣйствіе письменности на языкъ говоренный не подвержено сомнѣнію. Такъ, напр., въ языкѣ *Тагала* неписанныя согласныя часто мало-по-малу исключаются даже изъ устнаго произношенія писанныхъ словъ.

Впрочемъ, далекая Эѳіопія, огражденная пустынею и особенностями своей жизни отъ соприкосновенія съ остальнымъ міромъ, уже подпала вліянію Сѣвера и измѣнила свои коренные обычаи. Власть жрецовъ была сокрушена возстаніемъ воиновъ подъ предводительствомъ царя (Эргаменеса*)), и древнія стихіи уступали новымъ иноземнымъ. Позднѣйшая исторія ея, рядъ смутъ и волненій, по ничтожности своей едва заслуживаетъ вниманія и начинается снова только съ появленіемъ Христіанства, побѣдившаго и древнее символическое кумиропоклоненіе, и упорство еврейское.

Эпоха Птоломеевъ, не создавшая ничего въ мірѣ политическомъ и не оставившая никакихъ слѣдовъ славы въ народныхъ бытописаніяхъ, есть безспорно одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ развитіи человѣческой мысли. Эллинскій міръ, перенесенный цѣликомъ въ чуждую область, стремился къ достиженію всечеловѣческаго достоинства; отрекаясь вполнѣ отъ своей мѣстной и племенной гордости, онъ собиралъ всѣ сокровища знанія и всѣ данныя жизни въ надеждѣ создать новое, стройное и полное цѣлое, разрѣшающее всѣ задачи и отвѣчающее всѣмъ требованіямъ. Цари Лагиды, несмотря на развратъ, на пороки, на гнусныя страсти, увлечены были силою этого умственнаго движенія и создали для науки великолѣпные храмы, достойные ея высокаго значенія. Эллины александрійскіе воскрешали забытую вѣру кушитскихъ жрецовъ, создавшую древнѣйшія царства міра. Но не то было время, не тотъ возрастъ человѣческій. Задачи сдѣлались не разрѣшимыми, ибо люди не могли уже довольствоваться знаніемъ чисто вещественнымъ, не могли возвратиться къ отжившему вѣку таинственныхъ наукъ и требовали отвѣта на вопросы духовные, пробужденные духовными ученіями Ирана. Съ Александріею спорилъ о первенствѣ Мало-Азійскій Пергамъ, но никогда съ нею не равнялся. Въ немъ, какъ и въ Аѳинахъ, слишкомъ жива была гордость Эллады, почти забытая во всемірной Александріи. Въ ней, и только въ ней, родилась новая плодотворная наука—критика. Въ ней развился духъ просвѣщеннаго анализа, и если за всѣмъ тѣмъ Александрія не разрѣшила вопроса своего, если она не создала ничего для человѣчества, то ей и благородному духу Эллады принадлежитъ слава первыхъ сознательныхъ стремленій чисто-человѣческихъ и всечеловѣческихъ.

Труднѣе было дѣло Селевкидовъ: область огромнѣе и разнообразнѣе въ своемъ составѣ, народы грубѣе и вольнолюбивѣе (какъ въ Понтѣ, Каппадокіи и Арменіи) или болѣе чужды завоевательнымъ Эллинамъ (какъ въ Мидіи и горахъ Персистана). Отъ того-то государство сирійское скорѣе Египта погибло и почти въ самомъ началѣ раздѣлилось на части. Столицею Селевкидовъ была Антіохія, по большей части населенная Греками, особенно Аѳинянами, изгнанными изъ родины при основаніи Антипатромъ тимократіи; но страна купцовъ (Финикія) и безсмысленнаго синкретизма (вся Сирія) не могли имѣть на развитіе просвѣщенія такого сильнаго вліянія, какъ издревле ученый Египетъ. Вавилонъ исчезъ или потерялъ всю свою важность въ безпрестанныхъ междоусобіяхъ, перервавшихъ всѣ торговые пути, а наконецъ возстаніе горныхъ Мидійцевъ и ихъ дикіе набѣги разорвали всякую связь между приморскими Эллинами и среднимъ Ираномъ. Эллинизація Сиріи осталась почти безплодною въ сравненіи съ эллинизаціею Египта или по крайней мѣрѣ принесла плоды свои гораздо позднѣе. Неподвижный въ своихъ вѣрованіяхъ и неколебимый въ преданіи, Израиль пришелъ, наконецъ, въ соприкосновеніе съ новымъ и роскошнымъ просвѣщеніемъ, противоставящимъ свои человѣческія стремленія, свою жадную ненасытимую дѣятельность тѣсной и, такъ сказать, семейной религіи въ которую еврей заключилъ всемірное значеніе древняго закона, и бездѣйственному ожиданію будущаго блага, не зависящаго отъ человѣческихъ усилій. Искушеніе эллинства не могло не проникнуть въ Іерусалимъ. Многіе просвѣщеннѣйшіе и знатнѣйшіе въ общинѣ стали стыдиться еврейства, отступать отъ обычаевъ и стремиться къ невозможному слiянію эллинскихъ и израильскихъ стихій. Глубока была язва, со дня на день возрастали соблазнъ и число отступниковъ, со дня на день рѣдѣлъ сонмъ вѣрныхъ. Храмъ и жрецы и самые первосвященники готовы были къ поклоненію чуждымъ богамъ. Трудно сказать, какая бы была развязка внутренней духовной борьбы. Нетерпѣливое насиліе нововводителей спасло Израиль. Побѣжденные Римлянами Селевкиды обязались платитъ огромную дань побѣдителямъ. Безпрестанныя смуты, возстаніе восточныхъ областей упадокъ торговли и вазрастающая Александрія перехватили источникъ богатствъ въ Сиріи и Финикіи. Похищеніе храмовыхъ сокровищъ должно было пополнить истощенную казну царей. Іерусалимъ еще былъ охраненъ или невольнымъ уваженіемъ Эллиновъ или свободою, предоставленною первыми Селевкидами народу израильскому. Антіохъ Епифанъ, жившій въ Римѣ*), впитавшій въ себя строгія понятія римской государственности и ненасытимое корыстолюбіе, не былъ склоненъ ни къ уваженію областной свободы, ни къ страху святотатства. Евреи измѣнники пригласили его вмѣшаться во внутреннее управленіе общины еврейской и воспользоваться багатствами іерусалимскаго храма. Антіохъ поспѣшилъ на приглашеніе съ жадностію расточителя, никогда ненасытимаго золотомъ, съ злостью деспота, никогда ненасытимаго покорностью. Начались дикія гоненія, пробудилось чудное мужество. Мысль о свободѣ слилась съ мыслію о религіи. Маккавеи и ихъ приверженцы (*хазидимъ*) завѣщали исторіи великія имена и память великихъ подвиговъ. Малочисленный Израиль восторжествовалъ надъ великимъ царствомъ и надъ измѣнившею братіею, утратившею мужество вмѣстѣ съ началомъ мужества, любовію къ отечеству и къ вѣрѣ, Іерусалимъ вышелъ изъ борьбы свободнѣе прежняго. Его полная независимость была признана Димитріемъ Никаторомъ (около половины II столѣтія до Р. Х.). Неприкосновенность симо-яфетидскаго преданія была сохранена; но законъ, спасенный борьбою вещественною и соединившій свое дѣло съ дѣломъ областной свободы, принялъ въ глазахъ Еврея еще глубже характеръ тѣсной и племенной случайности.

Иная была судьба эллинскаго владычества въ прибрежьѣ Средиземнаго моря, иная въ предѣлахъ самаго Ирана. Его восточныя области, издавна мирныя и просвѣщенныя, издавна проникнутыя религіознымъ синкретизмомъ и склонныя къ человѣкообразію въ вѣрованіи (ибо въ нихъ же оно и родилось), могли сочувствовать завоевателямъ и ихъ умственному направленію. Племя было чуждо, но не мысль, одушевлявшая его. Такимъ образомъ объясняется основаніе эллино-бактрійскаго царства, обнявшаго прибрежья стараго Дуная (*Танаисъ*, *Яксартъ*), Бактрію и индское пятирѣчіе и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ индо-бактрійскаго. Около 255 года до Р. Х., при слабомъ правленіи Антіоха II (*Θеосъ*), съ годъ спустя послѣ возстанія горныхъ азскихъ семей (Парѳянъ), полководецъ Діодотъ (или Ѳеодотъ), родомъ грекъ, обратилъ всѣ восточныя области, до тѣхъ поръ подвластныя Сиріи, въ государство независимое.

Вскорѣ послѣ перваго царя держава распалась на части и подверглась всѣмъ бѣдствіямъ внѣшнихъ нашествій и внутреннихъ междоусобицъ. Эллинское начало долго еще преобладало, какъ видно изъ царскихъ именъ (Евѳидимосъ, Евкратидесъ, Деметріосъ, Гермеіосъ, Менандросъ), изъ греческихъ надписей и изображеній Юпитера, Побѣды, Геркулеса почти на всѣхъ монетахъ *). По временамъ счастливый полководецъ, одержавъ верхъ надъ соперниками и подчинивъ своей власти мелкія отдѣльныя царства, принималъ гордое названіе царя царей; иногда весь полу-эллинизованный Востокъ преклонялся передъ оружіемъ западныхъ Парѳянъ, и греческія монеты съ греческою надписью носили изображеніе Вонона или Арсака. Наконецъ эллинская стихія стала мало-по-малу уступать напору восточно-иранскихъ племенъ, возвращающихся въ свою старую родину, изъ которой они были вытѣснены преобладаніемъ средняго Ирана въ персидскую эпоху. Слѣды греческаго искусства исчезаютъ; являются новыя изображенія изъ неизвѣстныхъ миѳовъ и имена, чуждыя греческому племени (*Азесъ*, *Азилизесъ*, *Майесъ*, *Спалагара*, *Спалигисъ и* др.). Могучіе *Саки* подвигаются изъ Бактріи къ устьямъ Инда, проникаютъ въ Индустанъ и налагаютъ на него тяжелое иго, которое свергнуто было только великимъ Викрамадитьею около 56 года до Р. X.

Эта эпоха была такъ важна для Индустанцевъ, что они съ нея считаютъ свою эру *Сакабда* *).

Внѣшняя судьба индо-бактрійскаго царства могла бы остаться неизвѣстною безъ большой потери для наукъ; но любопытно бы было прослѣдить внутреннее броженіе мысли при встрѣчѣ трехъ стихій: эллинской, индустанской и вано-бактрійской, уже безспорно измѣненной. но вѣроятно еще не вполнѣ утратившей всѣ свои отличительныя черты. Быть можетъ, будущія изслѣдованія бросятъ новый свѣтъ на эту темную эпоху; но уже теперь можно опредѣлительно принять слѣдующія положенія. Вещественная сила государства состояла въ народахъ славяно-бактрійской отрасли, и потому оно весьма справедливо называлось *скиѳскимъ* (*сако-гетскимъ*); зерно его состояло изъ разныхъ семей славяно-бактрійскихъ, и потому оно является то подъ именемъ *гунскаго* у Козмы Индоплавателя, то *сакскаго* у писателей индустанскихъ, то *іуетскаго (гетскаго)* или *та-ванскаго* (великихъ Вановъ) у китайцевъ.

Это положеніе подтверждается еще прозвищами *Саку-сара* (царь Саковъ) и *Іетуаза* (Гетскій) на нѣсколькихъ монетахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе надписей еще далеко отъ совершенства, но уже даетъ нѣсколькихъ вѣрныхъ выводовъ. Кажется, оно могло бы еще усовершенствоваться допущеніемъ буквы *а* въ иныхъ случаяхъ въ качествѣ знака безгласія. Этимъ устранилось бы не совсѣмъ вѣроятное повтореніе одного и того же звука. Не должно забывать, что таково точно было употребленіе преобладающаго (доминанты) *о* или *а* краткаго въ письменности славянской съ прибавленіемъ надъ нимъ маленькаго знака сокращеніе или уничтоженія, изъ чего составилась буква *ъ*. Знакъ сокращенія можетъ или быть почти незамѣтнымъ или даже совершенно исчезнутъ, и письменность представитъ странное явленія; неписаніе гласной *а* или *о*, всегда предполагаемой при согласной (*влкъ Бгъ, плкъ*) и писаніе гласной тамъ именно, гдѣ она не произносится. Такого рода смѣшеніе неудивительно при дѣтствѣ новой грамотности, возникающей изъ смѣшенія двухъ системъ (напр. греческой и древне-славянской или греческой и древне-брахманской); отъ того-то мы видимъ: правильно *бърать*, а иногда неправильно *пълкъ*, *вълкъ*, могли бы найти правильное—*волкъ*, *полкъ* и неправильное *боратъ;* отъ того можно легко помирить чтеніе *Кадафизъ* и *Кадфизесъ* и понять, почему греческія, парѳянскія и сако-бактрійскія имена *Діонизіосъ*, *Гермеіасъ*, *Никіасъ*, *Арсакосъ*, *Майесъ* пишутся *Діонизаіаса*, *Гермаіаса*, *Никіаса*, *Арсакоса*, *Маіаса* и пр. *)

Власть вещественная переходила мало-по-малу въ руки народовъ сѣверныхъ и горныхъ, болѣе дикихъ и чуждыхъ просвѣщенію.

Точно такъ же, какъ въ позднѣйшую эпоху отъ *Газневидовъ* къ *Гуридамъ* и потомъ къ *Тимуридамъ*.

Новые властители принадлежали къ семьямъ восточно-иранскимъ, мѣшаннымъ съ средне-иранскими *Азами* или *Пехлеви* (какъ династія *Азеса*, *Азилизеса* и др.) и даже съ средне-азійскими. Наконецъ все царство погибло не столько отъ возстанія Индустана, которое могло подѣйствовать только на область Кабула и Пятирѣчія, или отъ натиска Парѳянъ, сколько отъ нажима средне-азійскихъ племенъ. Этотъ нажимъ возрасталъ безпрестанно и отодвинулъ мало-по-малу славянскія семьи Саковъ, Вановъ и Гетовъ отъ стараго *Дуная* или *Дона* закаспійскаго къ берегамъ Волги, гдѣ они явились, подъ именемъ *Гунновъ* или *Болгаръ*, для спасенія своихъ погибающихъ братьевъ черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ паденія эллино-скиѳскаго царства.

Имя царя Саковъ *Азилизесъ* едва ли не то же самое, что имя позднѣйшаго вождя Гунновъ *Аттилы*.

Но Саки уже давно утратили свое древнее просвѣщеніе, сохраняя только бытовой характеръ своихъ предковъ, какъ видно изъ китайскихъ свидѣтельствъ о мелкихъ ванскихъ общинахъ. Поэтому все умственное движеніе, вся грамотность и религія носили на себѣ слѣды эллинскаго или индустанскаго развитія; средоточіе просвѣщенія было болѣе на югѣ, въ Аріанѣ и на берегахъ Инда, чѣмъ во властительныхъ областяхъ сако-бактрійскихъ, и надписи не содержатъ въ себѣ (за исключеніемъ нѣсколько совершенно непонятныхъ словъ, какъ *ооимо*) *) никакихъ стихій, кромѣ индустанскихъ и эллинскихъ. Такъ какъ Эллины покорили не самый Индустанъ, но только сѣверо-западную окраину, нѣкогда кушитскую *(Кашмиръ)* и берега Инда, населенныя уже одичавшими воинами такъ какъ эта горная страна никогда не была вполнѣ завоевана Вишнуитами (какъ и позднѣйшими завоевателями): стихія религіозная, примѣшанная къ эллинству въ памятникахъ индо-скиѳскаго царства, представляетъ всегда почти эблемы шиваитскія *), между тѣмъ какъ собственно бактрійское божество (корень вишнуизма) совершенно исчезло, слившись съ Геркулесомъ и Зевесомъ.

Кажется, преобладанію шиваизма можно приписать и употребленіе формъ Пракрита *), предпочтительно передъ санскритскими въ над писяхъ монетныхъ. Религія Шивы принадлежитъ болѣе низшимъ кастамъ, чѣмъ высшимъ и ученѣйшимъ; поэтому и Будаизмъ, искони связанный съ Шиваизмомъ, избралъ своимъ священнымъ языкомъ нарѣчіе пракритское и Пали, которыхъ начало должно отыскивать около верьховьевъ Инда *). Преобладаніе Шиваизма и поклоненіе *Дурги* или *Парвати* въ низшихъ кастахъ зависятъ не столько отъ ихъ сравнительнаго невѣжства, сколько отъ того, что они составились по большей части изъ покоренныхъ Кушитовъ. Этимъ же объясняется и Шиваизмъ всего Юга и индскаго приречія, сопряженный съ Буддаизмомъ въ Кашмирѣ и совершенно уступившій Буддаизму въ Цейлонѣ. Надписи не представляютъ ни малѣйшаго слѣда Зенда; этимъ доказывается отсутствіе средне-иранскихъ стихій въ составѣ индо-скиѳскаго государства и опровергается странное предположеніе книжниковъ, вообразившихъ, что Зендъ былъ когда-то нарѣчіемъ горныхъ окраинъ Ирана и Индустана. Титулъ царскій *раджа-раджаса* или *раджатираджасъ* (въ эллинскомъ переводѣ βασιλεύς, βασιλέων) явно принадлежитъ языкамъ чисто-индустанскимъ.

Хотя нашествія дикаго Сѣвера и поочередное владычество горныхъ Парѳянъ, Аравитянъ и Турокъ изгладили всѣ слѣды восточно-эллинской державы, ея памятниковъ и образованности; но для исторіи равно важны и возможность ея существованія и остатки ея вліянія до позднѣйшихъ временъ. Легкость, съ какою эллинская стихія принята была въ восточномъ Иранѣ, между тѣмъ какъ она осталась совершенно чуждою его средней и западной полосѣ, не можетъ быть объяснена ничѣмъ инымъ, какъ особенностями племеннаго состава и умственной жизни въ Бактріи и Индустанѣ. Въ этой частной эллинизаціи содержится явное свидѣтельство о древнемъ просвѣщеніи, еще цвѣтущемъ за Индомъ, уже почти угасшемъ въ области ванской, но все еще готовымъ ожить и расцвѣсть при встрѣчѣ съ просвѣщеніемъ новымъ и живымъ; въ ней видимъ ясно черты обще-человѣческаго быта, отличающаго вѣтвь вано-бактрійскую отъ азо-мидійской, точно такъ же какъ и склонность восточнаго племени къ человѣкообразію въ религіи, между тѣмъ какъ средне-иранскія семьи требовали вѣроятно высшихъ и духовныхъ началъ вѣры, которыхъ не доставало въ эллинствѣ внѣ его философскаго и немногимъ доступнаго развитія.

То же самое различіе обозначалось и въ позднѣйшія времена и въ другихъ странахъ, между мудрыми *Ванами* и сильными *Азами*, между Славяниномъ и Германцемъ.

Держава эллино-бактрійская миновала, но она оставила свою печать въ области, которая ей была подвластна. Никогда пробужденное художество не погибало совершенно на восточныхъ границахъ Ирана: въ нравахъ, въ бытѣ, въ жизни умственной оставался отсадъ прошедшаго времени, дрожжи будущаго просвѣщенія. Индустанъ получилъ отъ своихъ завоевательныхъ сосѣдей новыя мысли и новыя данныя въ наукахъ. Вѣроятно многое въ философскихъ школахъ ведетъ свое начало отъ соприкосновенія съ Эллинами; небознаніе безспорно подвергалось ихъ вліянію, особенно въ своихъ астрономическихъ мечтахъ.

На это есть несомнѣнное свидѣтельство индустанскаго астронома *Варага-Мигиры* *), жившаго въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х., и явное указаніе въ именахъ учителей *Яванесвара*, *Яванакіарджасъ* и др., и особенно въ названіяхъ созвѣздій по комментарію на *Варагу* (***Виварана***). Эти названія чисто-греческія: *Криджа* (κριός, овень), *Тавура* (ταῦρος, телецъ), *Гутума* (δίδυμοι, близнецы), *Кумера*, по другимъ *Карки* (καρκίνος, ракъ), *Лея* (λεών, левъ), *Партіона* (πάρθενος, дѣва), *Гука* (ογκος, вѣсы), *Карпія* (σκόρπιος, скорпіонъ), *Тауксика* (τοξότης, стрѣлецъ), *Акокера* (αἰγοκέρος, козерогъ), *Гидроіасъ* (ὑδροχόος, водолей), *Истіуси* (ἰχθύς, рыбы). Смѣшно было бы предполагать, что отъ Эллиновъ ведетъ свое начало все небознаніе въ Индустанѣ; оно безъ сомнѣнія много и много древнѣе, но вліяніе безспорно. Критика не можетъ не признать *Явановъ*, о которыхъ упоминаютъ астрономы, за Грековъ, но за всѣмъ тѣмъ мнѣніе, что имя *Яванъ* происходитъ отъ Іонійцевъ, остается весьма сомнительнымъ. Оно могло происходить отъ древняго имени области *Аза-Вана* и быть перенесено на ея новыхъ завоевателей. Мы не имѣемъ никакой причины предполагать, чтобы македонское войско величало себя Іонійскимъ, а торговыхъ сношеній, которыя могли распространить славу Іоніи въ западной Азіи и Иранѣ, быть не могло (по крайней мѣрѣ непосредственно) между Индомъ и городами мало-азійскими.

Должно замѣтить, что начало небознанія въ Индустанѣ ведется (по сказанію туземному) отъ *Мая-Асура*. Оба слова содержатъ въ себѣ смыслъ *обмана* и *злого духа*; но нельзя не вспомнить, что главная эпоха астрономическая началась въ Вавилонѣ, что астрономія безспорно процвѣтала искони и едва ли не родилась въ Ассиріи *(Ассуръ)*, и весьма позволительно заключить, при всевозможномъ уваженіи къ индопоклонникамъ Нѣмцамъ, что въ словѣ Ассура (въ этомъ случаѣ) заключается память объ Ассиріи, такъ же какъ въ именахъ злыхъ *Гиранъякиса*, *Гиранія-касипу* и *Мадгу* заключается воспоминаніе о враждѣ съ Ираномъ и Мидіею, хотя *гирана* и значитъ золото, и *мадгу* сладкій. Всякій историческій фактъ обращается въ религіозную сказку поэтическимъ ладомъ народа, и потомъ всякая сказка возводится въ отвлеченно-религіозный миѳъ вѣчно мудрствующимъ Брахманомъ. Таковъ характеръ Индустана, и пора наукѣ понять его.

Самая религія въ своей сказочной и народной жизни подверглась также измѣненію отъ соприкосновенія съ эллинскимъ миѳомъ; это можно утверждать a priori, но безполезно изслѣдовать, потому что выводы будутъ во всякомъ случаѣ ничтожны.

Земля бактрійская и Аріана не оставили намъ письменныхъ памятниковъ. подобно Индустану; но неописанный памятникъ остался въ позднѣйшемъ просвѣщеніи всей области, въ процвѣтаніи словесности при дворѣ Газневидовъ и Самоновъ, въ образованіи мягкаго и поэтическаго нарѣчія *Фарси* или *Цабане-дери*, въ художественномъ великолѣпіи Самарканда и Балка и вѣроятно въ распространеніи христіанства въ предѣлахъ Бактріи.

Существованіе христіанской общины можно заключить изъ китайскихъ разсказовъ о землѣ ванской, въ которой весною народъ плачетъ о смерти своего Бога, ищетъ его, обходя селенія со свѣчами и наконецъ, нашедши его, поетъ радостныя пѣсни: ясно праздникъ Пасхи *).

Таково вліяніе эллинской эпохи на восточный Иранъ.

Трудно сказать, отозвалось-ли оно далѣе на сѣверо-западъ къ берегамъ Волги и Балтики: предположеніе не совсѣмъ вѣроятное, потому что торжество македонцевъ совпадаетъ съ эпохою торжества Финно-турецкихъ народовъ (*мнимыхъ Скиѳовъ*) и распространенія Азо-Алановъ (*Сарматовъ*) по Приволжью.

Царство Парѳянское.

Годомъ прежде отдѣленія Индо-Бактрійскаго государства возстали Парѳяне противъ власти Селевкидовъ. Родиною Парѳянъ были отроги демавендской цѣпи на юго-востокѣ Каспія, племеннымъ началомъ азская вѣтвь иранскихъ народовъ. Въ ихъ землю не могло проникнуть оружіе Македонцевъ; съ ихъ бытомъ не могло сжиться просвѣщеніе. Во всей своей старой дикости, не преклонившейся передъ величавою властью персидскихъ царей и не смягчившейся отъ короткаго ученія зендскихъ реформаторовъ, возстали воинственные горцы, призванные сокрушить Эллинство на Востокѣ и положить желѣзную преграду римскому міру, но не создавать и не основывать ничего для будущихъ вѣковъ.

Происхожденіе Парѳянъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мнѣніе, связывающее ихъ съ племенемъ средне-азійскимъ, принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ догадокъ. Въ спискѣ областей персидскихъ, по клинообразнымъ надписямъ, рядомъ стоятъ имена *Парута*, *Асагарта* и *Парѳива* *), въ которыхъ находимъ древнее названіе всего племени—*Азъ* и названіе семьи — *Парѳъ* (санскр. *Парада*). Добросовѣстная критика признаетъ единство *Асагарта* надписей, *Азбруга* преданій о Кеанидахъ и *Асгарда* скандинавскаго. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы *Азы* восточные, парѳянскіе, были тождественны съ *Азами* западными. Тутъ единство племени и различіе семей.

По началу вѣрованія Парѳяне очевидно должны были принадлежать среднему Ирану. За всѣмъ тѣмъ, при скудныхъ извѣстіяхъ объ ихъ религіи *), замѣтны великія отклоненія отъ ученія заратустрова и даже вражда къ его святынямъ. Дикая, вольнолюбивая семья, вѣчно воюющая противъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, приняла въ себя всю нелѣпую примѣсь человѣкообразныхъ религій безъ ихъ художественнаго и облагороживающаго стремленія. Божество ихъ было божествомъ войны, какъ и жизнь ихъ постоянное сраженіе.

Тотъ же *Миѳра* (или *Михѳра*, великій творецъ) въ его ограниченіи, какъ *Тгоръ* скандинавскій.

По языку Парѳяне принадлежали такъ же къ среднему Ирану, склоняясь болѣе къ западной вѣтви, чѣмъ къ восточной. *Пехлеви* представляетъ смѣшеніе многихъ стихій, точно такъ же какъ и самое племя приняло безъ сомнѣнія многія чуждыя примѣси, но вообще относится къ Зенду, какъ грубое и одичавшее нарѣчіе къ своему стройному и образованному родовому началу. Оно сдѣлалось языкомъ государственнымъ, письменнымъ, отчасти образованнымъ, но никогда не достигало, какъ и самый народъ, высокаго развитія или поэтическаго значенія.

Фирдоуси охотно воскрешаетъ его обветшалыя формы взамѣнъ иноземныхъ аравійскихъ, уже принятыхъ мусульманскою Персіею; но чувство самолюбія народнаго совсѣмъ независимо отъ достоинства самаго языка, къ которому возвращался величайшій поэтъ Персистана. Названіе *Пехлеви* (какъ уже сказано) не происходило отъ имени народа, но отъ воинственнаго быта народнаго и связано съ корнемъ *пехлевъ* (богатырь), который самъ происходитъ отъ *пехлу* (граница). Положеніе земли парфянской и ея близость къ области, названной землею *Уна-о* (по источникамъ китайскимъ), заставляютъ предполагать существованіе двухъ казачествъ, составлявшихся—одно изъ отрасли азской, величавшееся именемъ *Пехлеви* (граничаръ), а другое изъ отрасли ванской, называвшееся *Юнаками*, *Юнѣми* или по измѣненію умягченной буквы *ю* въ звукъ продыхательный —*Гунами*. Санскритская поэзія, смѣшавъ имена народовъ съ именами ополченій, раздѣлила Парѳянъ на два, на *Пахлава* и *Парада*, заключивъ подъ вторымъ именемъ *Персовъ* и *Парѳянъ* и слѣдуя своему общему закону въ преобладаніи звука *а*.

Тождество коренное между Азами-Сарматами, завоевавшими сѣверъ Европы и Азами парфянскими, уничтожившими силу эллино-сирійской державы, нисколько не показываетъ тождества нарѣчій. Дикость не ограждаетъ чистоты языка, но предаетъ его произволу мѣстнаго развитія. Даже восточно-иранскее племя (Вано-Бактрійцы), несмотря на свою живую общежительность, раздѣлилось на множество самоздданныхъ нарѣчій, не говоря уже о нарѣчіяхъ измѣненныхъ примѣсью иноплеменныхъ стихій. Еще больше должно было быть разнообразіе въ языкахъ западно или средне-иранскихъ; и Парѳъ былъ бы безспорно такъ же не понятенъ Сармату приволжскому, какъ и Ассирійцу, хотя явно изъ географическаго положенія Ассиріи можно утверждать, что корень ея населенія былъ азскій и что имя его значило *азская Сирія*, отъ имени народа и слова *суръ*—пустыня. До сихъ поръ восточные народы называютъ Сирію *Сури-станъ* *). Изъ постояннаго перехода и, такъ сказать, тождества звука *и* и *у* можно, кажется, заключить что въ общемъ коренномъ языкѣ существовалъ утратившійся звукъ *ы*, перешедшій или въ *у*, какъ у Римлянъ, или въ υ (франц. *u*) у Грековъ, или *ри* у Индустанцевъ.

Не царство основали Парѳяне, а дружинное владычество подъ наслѣдственнымъ полководцемъ, и не столицу, а богатый и укрѣпленный лагерь въ Ктезифонѣ на берегахъ Тигриса *). Имъ было суждено дѣло разрушенія и разъединенія между жизнью Европы и жаждущимъ просвѣщенія Востокомъ Ирана; имъ было суждено въ началѣ III вѣка послѣ Р. Хр. исчезнуть съ поприща историческаго безъ слѣдовъ, но положить на берегахъ Тигриса непреодолимую грань разливу римской державы и совершить во время своего краткаго существованія тотъ же подвигъ, который совершили ихъ Германскіе братья на берегахъ Рейна.

Такова была въ Азіи, послѣ завоеванія македонскаго, судьба міра вано-бактрійскаго и азо-персидскаго. Различіе ихъ проявляется живо въ основаніи сако-эллинской и парѳянской державъ.

Индія. Ея исторія. Характеристика ея развитія. Ея вліяніе въ человѣчествѣ.

Еще далѣе на Востокъ отозвалось вліяніе Эллады. Побѣды великаго Александра на прибрежьѣ Инда уничтожили на время независимость мелкихъ общинъ сѣверо-западнаго Индустана и подчинили ихъ власти князей, признавшихъ себя данниками Македонца. Такимъ образомъ греческое государство пришло въ ближайшее соприкосновеніе съ царствомъ могущественныхъ Празіевъ, которыхъ столица *Палиботра* была главою всего сѣвернаго Индустана. Царствованіе *Чандрагупты* (тоесть царя, хранимаго мѣсяцемъ) въ концѣ IV вѣка до Р. Х. представляетъ первоначально борьбу, потомъ примиреніе двухъ сильныхъ державъ и первую твердую хронологическую опору для исторіи Индустана.

Сказаніе Діодора о войнѣ Семирамиды противъ индостанскаго царя *Стабробатеса* *), (вѣроятно *Стгавирапатисъ*, міродержецъ) не можетъ нисколько служить историческою данною. Явно, лѣтосчисленіе историческое начинается для Индіи сличеніемъ ея преданій съ свѣтовымъ кругомъ Эллинскаго міра. Лѣтописатель Кашмира мало прибавилъ къ положительнымъ свѣдѣніямъ объ ея древнѣйшей судьбѣ.

Раздѣленіе сирійскаго государства на части не избавило Индустана отъ напора съ запада. Сосредоточенныя и на время ожившія силы восточнаго Ирана продолжали дѣло завоеванія, начатаго эллинами. Князья при-индскіе, бывшіе сперва данниками Македонцевъ, были изгнаны или совершенно порабощены эллино-бактрійскими царями; наконецъ, Саки, взявшіе верхъ надъ Греками, овладѣли всѣмъ Пятирѣчіемъ и пригорьями гималайскими и далеко распространили власть свою до береговъ священныхъ рѣкъ: Ямуны и Ганга. Пали царство Празіевъ и слава ихъ столицы. Освобожденіе Индустана отъ воинственныхъ пришельцевъ было совершено Викрамадитьею, первымъ царемъ *Аіодійскимъ* (*Oude*) въ гангесскомъ прирѣчіи. Его побѣды, основавшія новую эру *Сакабда* (Сакскаго изгнанія), пышность его просвѣщеннаго двора, блескъ поэзіи, роскошно разцвѣтшей въ Индустанѣ при царѣ-освободителѣ, все окружило его имя вѣнцемъ исторической славы и утвердило на долго первенство области аіодгійской.

Эра *Сакабда*, начинающаяся за 56 лѣтъ до Р. Хр., опредѣляется изъ преданій мѣстныхъ, но такъ же какъ и царствованіе Чандрагупы не безъ сличенія съ свѣтовымъ кругомъ Эллады. Слава поэтовъ, современныхъ Викрамадитьѣ I, такъ велика *), что они сами поступили, какъ и древнѣйшій Вальмики, въ число лицъ миѳическихъ, и что имъ приписывается множество позднѣйшихъ произведеній, заслужившихъ такую честь по красотѣ языка или свѣжести воображенія. Это доказано довольно ясно для многихъ сочиненій, носящихъ имя *Калидазы* (автора *Сакунталы*) и показываетъ, до какой степени необходима осторожность при обсужденіи историческихъ данныхъ по памятникамъ индустанскимъ.

Съ торжествомъ Викрамадитьи и пораженіемъ Саковъ не совсѣмъ еще прекратились набѣги сѣверо-западныхъ народовъ. Изъ преданій мѣстныхъ и свидѣтельствъ иноземныхъ можно заключить, что не разъ еще врывались въ Индустанъ дружины восточнаго Ирана и что по ихъ слѣдамъ шли Парѳяне и позднѣйшіе Персы; но по крайней мѣрѣ уже Индія не рабствовала иноплеменникамъ до временъ свирѣпаго Газневида, и внутренняя жизнь ея развивалась свободнѣе и самобытнѣе. Царство аіодгійское продолжало еще нѣсколько вѣковъ первенствовать въ за-индской странѣ, по временамъ захватывая то большую часть Пятирѣчія *(Пенджаба)*, то сѣверныя области Декана.

Къ этимъ вѣкамъ аіодгійскаго первенства принадлежатъ многія изъ лучшихъ явленій той умственной дѣятельности, въ которой Индустанъ такъ высоко стоитъ надъ всѣми народами, за исключеніемъ Эллады. Иныя были вызваны вліяніемъ иноземнаго просвѣщенія, и критическое изученіе санскритской словесности вѣроятно откроетъ яснѣйшіе слѣды его; но большая часть была плодомъ древнихъ, еще неистощенныхъ силъ, продолжающихъ свое развитіе въ цвѣтахъ поэзіи и въ плодахъ отвлеченнаго мышленія.

Одни и тѣ же начала духовныя слились въ составъ индійскаго и эллинскаго міра: символизмъ вещественно-мудраго Кушитства, преданіе иранское, сказочное человѣкообразіе ванобактрійское; но иные были возрасты каждаго начала, иныя условія при сліяніи, иные размѣры и поэтому иныя произведенія.

Не говоримъ о разницѣ климатическихъ законовъ, полагая ихъ вліяніе и менѣе опредѣленнымъ и менѣе важнымъ.

Основою Эллады была дружина завоевательная, основою индустанскаго населенія—мирное племя, сдѣлавшееся завоевательнымъ поневолѣ и подкрѣпленное впослѣдствіи времени новымъ приливомъ родственнаго племени, съ которымъ оно слилось.

Въ этомъ находится причина сильнаго развитія семьи у Индустанцевъ и ничтожества ея у Эллиновъ.

Жизнь Эллады подчинилась закону военному, жизнь Индустана закону религіозному и извергла изъ себя воинственную стихію, выгнавъ касту *кшатрій* на границы брахманской области *). Дружинный строй съ одной стороны и религіозно-общительный съ другой дали свои плоды въ полномъ развитіи человѣческой свободы у Эллина, въ полномъ порабощеніи его величію общества у Индустанца. Одинакова въ обѣихъ земляхъ была примѣсь восточно-иранской стихіи; но въ Элладу она пришла въ видѣ пограничныхъ бездомниковъ славянской земли, въ Индустанъ въ видѣ дружелюбныхъ Бактрійцевъ, пришедшихъ на помощь къ угнетеннымъ братьямъ и переселившихся цѣлымъ родомъ и племенемъ. Наконецъ, Кушиты принесли въ Элладу только начала стройнаго художества и вещественнаго символизма, а Индустану дали съ примѣсью племени всю свою вещественную страстность и всю строгость государственнаго устройства.

Пелазгъ, переселенецъ изъ Ирана, одичавшій въ разъединенномъ бытѣ горной страны, сохранилъ темную память о вѣрованіи въ творческую свободу, о безсмертіи человѣческомъ, о духовности и нравственныхъ стремленіяхъ, но, не создавъ никакой лжи, лишилъ истину и преданіе ихъ положительныхъ и опредѣленныхъ образовъ и религію всей ея жизненной силы.

Таковъ характеръ многихъ сѣверо-азіатскихъ и американскихъ народовъ, мало принявшихъ шаманской примѣси *).

Эллинъ, завоеватель, поклонникъ сказочныхъ боговъ, не принялъ и не могъ принять ничего отъ побѣжденныхъ Пелазговъ, а отъ южныхъ колонистовъ, побѣжденныхъ имъ въ Беотіи, Пелопонесѣ или въ Аттикѣ, онъ принялъ только искру художества и чувство стройной красоты, не возвышаясь нисколько до религіознаго созерцанія, и усвоилъ себѣ легко доступную форму заклинательнаго призыванія боговъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всякой религіи внѣ иранскаго преданія молитва обращается въ заклинаніе. Таковъ былъ ея характеръ и въ восточно-иранскомъ человѣкообразіи; но этотъ характеръ выступилъ еще яснѣе отъ примѣси кушитской, и слова *Аякса* въ Иліадѣ: «*молитесь тихо, чтобы Трояне не подслушали и не переняли вашихъ молитвъ*» *), выражаютъ весьма живо понятіе полу-кушитской вѣры. Впрочемъ религія послѣ Гомера постоянно еще грубѣла, и слова, которыя въ немъ еще иногда представляютъ смыслъ отвлеченный (какъ напр. *μοῖρα*, Слав. *мѣра*, правда, впослѣдствіи означавшее *Парку*, и многія другія), сдѣлались именами нововыдуманныхъ боговъ.

Паденіе духовное въ Элладѣ было полное и совершенное, ибо мысль человѣка сосредоточилась въ поклоненіи ему самому со всею примѣсью жизненной случайности и неразумнаго произвола. Возстаніе началось просвѣтлѣніемъ чувства красоты, сперва вещественной, потомъ возвысившейся до красоты духовной отъ новаго соприкосновенія съ духовнымъ Востокомъ. Изъ самого себя человѣкъ почерпалъ свой свободный идеалъ, стройно развитый въ поэтическомъ творчествѣ, величаво облагороженный въ философіи. Эллинъ въ искусствѣ и наукѣ дошелъ почти до крайнихъ предѣловъ возможнаго совершенства, но никогда не могъ создать религію, а только провидѣлъ ее (какъ вдохновенный Платонъ) въ недосягаемой дали.

Брахманъ (т. е. первый пришелецъ средне-иранскій въ Индустанъ) принесъ съ собою полное и опредѣленное преданіе и душу, глубоко проникнутую жаждою небеснаго знанія.

Брахмана должно признать выходцемъ изъ средняго Ирана по характеру кастъ и отдѣленію жреца отъ народа. Эти черты, совершенно чуждыя вано-бактрійцу, у котораго старшій въ родѣ былъ княземъ или жрецомъ, уже указываютъ на заемъ отъ при-евфратскихъ Кушитовъ, предшествовавшій переселенію.

Многія преданія исчезли, многія вредныя стихіи были приняты при враждебномъ столкновеніи съ средне-азійскими первожилами; но главная примѣсь происходила отъ стремленія къ примиренію вѣры, основанной на безусловномъ преданіи, съ соблазнительною строгостію логическаго ученія кушитскаго. Такимъ образомъ возникла напряженная, вѣчно мудрствующая религія, обнимающая въ себѣ предметы, подлежащіе вѣрованію, и предметы отвлеченно-философскіе.

Новый приливъ сказочной стихіи, принесенной Восточно-иранскими Вишнуитами, расширилъ область мысли, создалъ чудный міръ роскошной поэзіи, но, возвысивъ личное значеніе человѣка и въ то же время смѣшавъ всѣ прежнія понятія религіи, не могъ никогда вполнѣ затемнить память о древнихъ высокихъ ученіяхъ или сдѣлать человѣка грубымъ человѣкопоклонникомъ. Художественная красота осталась подчиненною требованіямъ символизующей мысли, философія человѣческая подчиненною богомудрствованію. Полная, успокоительная гармонія безнебеснаго Эллина никогда не могла сойти въ душу Брахмана, страдающаго вѣчнымъ разладомъ между своимъ безсиліемъ и неутолимою жаждою своихъ гордыхъ требованій. Элладѣ осталось первенство въ поэзіи и наукѣ.

Но вся та безконечно-творческая сила, которую Эллада обратила на чисто-земную дѣятельность и земное знаніе, была обращена въ Индустанѣ на развитіе идеи религіозной. Отъ того-то ни одна страна въ мірѣ не имѣла столь обширнаго вліянія на вѣрованія другихъ народовъ, отъ того ни одна страна не представляла въ самой себѣ такого разнообразія формъ и понятій религіозныхъ, соединяющихъ глубочайшія идеи философскія съ неисчерпаемымъ богатствомъ то величественныхъ поэтическихъ миѳовъ, то дѣтски-нестройныхъ вымысловъ. Духовная задача Индіи, созданіе вѣры, обнимающей и объясняющей всѣ условія міровой жизни и содержащей въ ебѣ законъ своей необходимости, эта задача была неразрѣшима.

Точно та же задача была истиннымъ предметомъ Неоплатонизма и также осталась неразрѣшенною; но Индустанъ, отправившійся отъ данныхъ положительнаго преданія съ одной стороны, и ученія философски-вещественнаго, обратившагося въ положительную религію съ другой (Брахманизмъ и Шиваизмъ), долженъ былъ представить множество миѳовъ и характеръ несомнѣннаго вѣрованія, между тѣмъ какъ Неоплатонизъ, начавшій, какъ и вся греческая мудрость, отрицаніемъ религіозныхъ данныхъ, долженъ былъ всегда оставаться скуднымъ въ миѳахъ и умствующимъ безъ положительнаго вѣрованія*). За всѣмъ тѣмъ Неоплатонизмъ всегда стремился къ отысканію свойственныхъ ему миѳовъ въ числѣ уже существующихъ въ другихъ религіяхъ и охотно примыкалъ къ древнему ученію объ эманаціяхъ (*эонахъ*). Задачу Индустана и Неоплатониковъ можно узнать въ нѣкоторыхъ стремленіяхъ ново-германскихъ школъ философіи, представляющихъ иногда разительное сходство съ Буддаизмомъ*), а иногда готовыхъ пристать то къ Яйнамъ, то къ поклонникамъ Тримурти.

Неразрѣшимость жизненной задачи повергла Индустанъ въ тотъ болѣзненный сонъ, въ которомъ прошло его историческое существованіе, въ ту внутреннюю разорванность, въ которой безплодно истощились его геніальныя силы, не создавъ ничего государственно или человѣчески великаго. Вездѣ проявляется или утомленное безсиліе, передающее темно-угадываемую истину на искаженіе дѣтски-суевѣрнаго народа или наглая условность произвола, предписывающаго себѣ вѣру, не пріобрѣтенную логическою послѣдовательностью умственнаго труда и просвѣтлившагося чувства. Съ другой стороны, отъ каждой ступени упадка начинается безплодное стремленіе къ возврату; надъ каждымъ нестройнымъ и нелѣпымъ миѳомъ надстроивается цѣлое зданіе философскихъ толкованій, прививающихъ произвольный смыслъ къ его фантастической безсмыслицѣ. Вѣчная реформа съ вѣчнымъ паденіемъ составляетъ всю исторію индустанской религіи до ея теперешняго совершеннаго огрубѣнія, представляющаго едва ли не самое смиряющее зрѣлище для гордости человѣческаго ума.

Фетишизмъ съ его почти животною глупостью сопровождается совершенною дикостью своихъ поклонниковъ; Эллинство съ своимъ дѣтскимъ поклоненіемъ случайности и красотѣ переходитъ въ условную шутку при первомъ появленіи умственнаго просвѣщенія. Брахманство живетъ при высочайшемъ просвѣщеніи, при частномъ развитіи многихъ нравственныхъ достоинствъ, и въ то же время представляетъ, безспорно, характеръ вѣры. Въ этомъ отношеніи оно можетъ равняться только съ магометанствомъ.

Послѣ долгой борьбы и поочереднаго владычества слились въ одну систему три божества: *Брахма* (или *Бхрама*) иранскій, *Шива* кушитскій и *Вишну* (вышній), представитель человѣкообразія, примиренные въ условномъ вѣрованіи, признанные за разновидныя проявленія одного и того же вѣчнаго начала, совокупленные въ имени *Гара - Гари*, въ безобразномъ кумирѣ *Джаганната* и въ изображеніи Тримурти, и подчиненные высшему понятію о всебожіи (пантеизмѣ).

Кажется, это полное сліяніе шло отъ Вишнуитовъ и принято другими сектами только изъ подражанія. Первенство въ дѣлѣ примиренія принадлежало по праву тому вѣрованію, которое менѣе всѣхъ другихъ имѣло внутренняго значенія и слѣдовательно болѣе терпимости.

Когда народы сѣверные (восточно - иранскіе), пробужденные къ новой дѣятельности паденіемъ Персіи и основаніемъ отдѣльнаго бактрійскаго царства, завоевали значительную часть сѣвернаго Индустана, они приняли охотно многія божества отъ побѣжденныхъ народовъ, прельстившихъ ихъ просвѣщеніемъ и богатствомъ чувственной миѳологіи. Недоступенъ имъ былъ Брахма, слишкомъ духовный даже въ своемъ униженіи; мало доступенъ Будда съ своимъ мирно-созерцательнымъ и строго-отвлеченнымъ характеромъ, но жадно принятъ былъ вещественный Шива съ его грозными кумирами, съ его буйною силою и буйной страстностью.

Едва ли можно найти какіе - нибудь слѣды Брахмы въ Европѣ (развѣ въ карпатскомъ *Пра-богѣ*, который соотвѣтствуетъ, кажется, *Пара-Брахмѣ*), но во многоглавыхъ кумирахъ славянскихъ многія черты такъ явно напоминаютъ Шиву, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ боговъ. Въ средней Азіи, которая въ смыслѣ религіозномъ есть созданіе Индустана и восточнаго Ирана, можно такъ же замѣтить сліяніе Шивы и Вишну; но оба получили отчасти характеръ злыхъ духовъ, вслѣдствіе враждебнаго столкновенія средне-азійцевъ съ Иранцами.

Всѣ усилія синкретизма не могли заключить *Буддгу* въ одну систему съ другими богами. Поклонники Вишну, болѣе всѣхъ склонные къ вѣротерпимости и менѣе пристрастные къ раздѣленію общества на касты (что доказывается смѣшеніемъ всѣхъ кастъ при Джагганнатгѣ и частыми воплощеніями Вишну въ тѣлѣ кшатрій) тщетно старались соединить свои духовныя выгоды съ выгодами Буддаистовъ. Строгое ученіе, возобновленное реформаторомъ Шакія-муни, продолжало развиваться независимо и самобытно. Его полное торжество было въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ оно жило издавна, скрываясь въ шиваитскомъ Кушитствѣ. Исполинскія изображенія въ скалахъ кашмирской цѣпи и въ Кабулѣ свидѣтельствуютъ о преобладаніи Буддаизма. Цейлонъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. обращенъ былъ проповѣдниками, пришедшими изъ при-гангесскихъ странъ, и почти не зналъ уже другой вѣры. Но и въ самомъ средоточіи Брахманства ученіе Будды уже грозило поглотить всѣ другія религіи. Мирное, готовое на всѣ бѣдствія (ибо презирало все случайное), полное сочувствія ко всѣму человѣчеству (ибо отвергало всѣ наслѣдственныя и условныя раздѣленія сословій), одушевленное теплымъ благоволеніемъ, хотя не доходящее до истинной и живой любви (ибо нелѣпо смѣшивать человѣка съ природою), оно призывало къ своимъ знаменамъ всѣхъ страдальцевъ брахманскаго владычества и, несмотря на частыя гоненія, росло ежедневно, почти не замѣченное и охотно терпимое высшими (кромѣ касты брахмановъ), безпрестанно усиливаемое низшими кастами. Эллины въ IV вѣкѣ до Р. Х. знали за Индомъ двѣ религіи: Брахмановъ и Саманеевъ.

Обѣ особенно же Саманеи, казались имъ болѣе сектами философскими, чѣмъ религіозными. Иначе и быть не могло. Эллинъ въ мірѣ вѣрованія былъ слишкомъ тупо ограниченъ, слишкомъ вещественно-обряденъ, чтобы понять какую нибудь вѣру кромѣ дѣтскаго кумиропоклоненія. Все высшее, духовное, казалось ему чистымъ умствованіемъ, достояніемъ философской мудрости, но не всечеловѣческаго, наслѣдственнаго богознанія, обнимающаго всю жизнь человѣческую. Его философы были, какъ уже сказано, созданіемъ его же религіи и представителями ея высшаго просвѣтленнаго смысла; но это отношеніе Сократа и Аристотеля къ поэтамъ ѳеогоническимъ было тайною не только для народа, но и для самихъ философовъ.

Названіе Саманеевъ безспорно относится къ Буддаистамъ. Въ немъ видно свидѣтельство огромнаго вліянія Индустана на умственную жизнь цѣлаго міра. Саманеи составляютъ всю духовную власть средне-азійскихъ народовъ; въ древне-просвѣщенномъ Китаѣ и въ Японіи Саманеи представляютъ духовный идеалъ совершенства, оспаривающій первенство у учениковъ Конфуція и затмившій поклонниковъ *Синъ-тао;* въ дикихъ пустыняхъ Сибири, у племенъ кочующихъ при берегахъ Полярнаго океана или разсѣянныхъ по его льдистымъ островамъ, Шаманы одни сохраняютъ темную память о сверхземныхъ требованіяхъ души человѣческой и мѣстами въ молитвахъ своихъ еще повторяютъ священныя имена Индустанскихъ *Шакія-муни* или *Боддисатва* *).

Европа еще живетъ отчасти въ мірѣ, созданномъ духомъ Эллады. Большая часть Азіи находится теперь еще подъ неоспоримымъ владычествомъ мысли, созрѣвшей въ Индіи.

Для слова *Саманъ* представляется вѣроятный корень въ Санскритѣ. *Самана* или *Шамана* (міръ, тишина внутренняя)*) очень сходно съ кроткимъ ученіемъ Буддаизма, всегда стремившагося къ внутреннему успокоенію волнуемаго духа; но корень самаго ученія, какъ уже сказано, произведенъ другою страною еще древнѣйшаго и чистѣйшаго просвѣщенія, страною, которой древнія имена *Шебахъ* (теперь обратный *Хабешъ*.

Мерое (гора *Меру*) и *Шеменъ* (*Саменъ*) обнимаютъ весь кругъ Шиво-Буддаизма.

Священное имя *Гаутама* (иногда соединенное съ прозвищемъ *Нараяна*, морской, и узнаваемое какъ въ средне-азійскомъ искаженіи *Гудама*, такъ и въ сложномъ *Самано-Кодомъ*) *), не принадлежитъ никакому человѣку, когда-либо жившему, какъ *Шакія-муни*. Это имя вызвано словеснымъ просвѣщеніемъ иранскаго Индустана изъ молчаливыхъ тайниковъ кушитскаго Декана и связанно съ древнѣйшими формами кушитскаго священномудрствованія, съ *Кадмомъ*, *Кадмиломъ* и пр. Отъ человѣка *Гаутамы* нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, кромѣ преданій секты Джайновъ, все исказившихъ и перепутавшихъ, и другихъ столь же ничтожныхъ источниковъ.

Дѣло Шакія-муни было освобожденіе Буддаизма изъ зависимости отъ Шиваизма, въ которомъ онъ заключался до тѣхъ поръ, какъ тайное жреческое ученіе въ народномъ, и утвержденіе его какъ вѣрованія всеобщаго и всеобъемлющаго *).

Поэтому и Шиваизмъ сначала легко мирился съ Буддаизмомъ, какъ видно изъ *Матсіендра* или *Локесвара Падмапати* *).

Но такое освобожденіе и возведеніе Буддаизма въ отдѣльную религію не могло не произвести многихъ перемѣнъ въ самомъ характерѣ его и не потребовать новой и общественной организаціи. Всякая душа есть *Будда* (такъ думали древнѣйшіе), во всякомъ человѣкѣ живетъ духъ, во всѣхъ тождественный, окованный необходимыми законами проявленія и стремящійся вырваться изъ нихъ и возвратиться въ міръ непроявляющейся свободы—въ безмятежное ничтожество. Таково было слѣдствіе признанія необходимости, какъ закона всемірнаго, въ душахъ возвышенныхъ и требующихъ свободы. При отдѣленіи отъ Шиваизма, при медленномъ, но неизбѣжномъ вліяніи народной вѣры въ Вишну и его воплощенія, особенно же при легкомъ смѣшеніи понятій, происходящемъ отъ грамматическихъ формъ Санскрита,—родилось и развилось мнѣніе о преимущественномъ проявленіи Будды въ одномъ избранномъ лицѣ.

Очень понятно такое смѣшеніе мыслей въ языкахъ, не имѣющихъ члена, какъ восточно-иранскіе. Положеніе, что Богъ воплощается въ человѣкѣ, явно двусмысленно и можетъ служить выраженіемъ двухъ совершенно различныхъ мыслей, изъ которыхъ одна требовала бы члена опредѣленнаго и составляла сущность древняго ученія, а другая члена неопредѣленнаго и послужила основаніемъ будаитской іерархіи. Кстати должно замѣтить, что выраженіе — членъ опредѣленный довольно невѣрно, ибо онъ всегда требуетъ опредѣленія, и когда остается безъ опредѣленія, то обозначаетъ всю общность цѣлаго рода.

Такимъ образомъ за первымъ учителемъ Буддаизма послѣдовалъ цѣлый рядъ патріарховъ, придавшихъ вѣрѣ постоянство и общинѣ цѣльность, слѣдовательно силу. Эти главы закона не считались воплощеніями самаго верховнаго духа, но воплощеніями духовъ второстепенныхъ, продолжающихъ дѣло, начатое воплощеннымъ Буддою, до новаго періодическаго возврата его на землю.

Рядъ патріарховъ представилъ бы весьма твердую основу для историческаго лѣтосчисленія и служитъ отчасти къ опредѣленію вѣка Шакія-Муни по китайскимъ источникамъ; но Буддаизмъ, погруженный въ свою отвлеченную духовность, мало соприкасается исторіи, и кромѣ того соединеніе разномѣстныхъ преданій произвело смѣшеніе въ самыхъ патріархахъ, удвоивая и утроивая одно и то же лицо. Такъ, напр., можно найти два *Шакія-муни* *) и по нѣскольку *Амитабга* и *Алокисвара*.

Глубокая философская мысль древнихъ кушитскихъ жрецовъ утратила свою чистоту и приняла видъ религіи, подобной Вишнуизму, но посредствомъ этой самой уступки сдѣлалась заманчивѣе и понятнѣе для народа.

Соперничество Брахманства съ Буддаизмомъ должно было кончиться кровавою борьбою. Она началась, по всѣмъ вѣроятностямъ, вѣка за три до Р. Х., но въ разныхъ мѣстностяхъ и безъ ожесточенія. Сѣверо-западная буря Эллино-Бактрійцевъ и Саковъ подавила на время внутреннюю дѣятельность Индустана. Торжество аіодгійскаго царя вмѣстѣ съ волею политическою дало волю и распрямъ религіознымъ: начался бой на смерть между Брахманствомъ и Буддаизмомъ, между высшими и низшими сословіями общества; нѣсколько вѣковъ продолжалась борьба съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ и съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ около V вѣка*) послѣ Р. Х. побѣда осталась за брахманами, за прежними властителями народа и за древнимъ ученіемъ Ирана о свободно-творящемъ духѣ.

Глубокое сознаніе коренного различія между ученіемъ брахманскимъ и шиво-буддаистскимъ доказывается философскимъ и нравственнымъ достоинствомъ многихъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей буддаизма. Они могли мириться со всякою сектою, ибо всякая секта допускала еще существованіе вольнаго и творящаго первобыта — *Пара-Брахма;* слѣдовательно могла считаться только темнымъ и суевѣрнымъ искаженіемъ истины; съ буддаизмомъ они мириться не могли, ибо при немъ исчезали самый первобытъ и его свобода.

Рѣзкое раздѣленіе кастъ, противъ котораго вооружался Буддаизмъ, сдѣлалось еще рѣзче; исчезли послѣдніе остатки ихъ древняго братства, сохраненные въ сказаніяхъ о бракахъ между лицами различныхъ сословій, о *кшатріяхъ* и даже о *вайсахъ*, достигшихъ святости и совершенства брахманскаго; еще глубже упали *судры*, исключенные совершенно изъ человѣческаго рода. Буддаизмъ, изгнанный изъ всего полуострова отъ Гималаи до мыса Коморинскаго, выселился въ другія дальнія области, не оставивъ никакихъ живыхъ слѣдовъ въ Индустанѣ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ округовъ въ пригорьѣ или на берегахъ Гангеса, въ которыхъ поклонялись Буддѣ до XII столѣтія по Р. Х., и презрѣнной секты *Джайновъ*, которой безсвязное и безсмысленное ученіе не могло уже внушать страха властолюбивымъ побѣдителямъ.

Впрочемъ и для *Джайновъ* въ позднѣйшіе вѣка наступила эпоха непродолжительнаго торжества: они были сильны во время гуридскаго владычества, и великіе Бабериды думали даже о примиреніи Джайнства съ Мослемомъ *). Основная мысль Джайновъ носитъ на себѣ характеръ второй эпохи буддаистскаго развитія и предполагаетъ воплощеніе Будды или верховнаго духа въ лицахъ, достигшихъ великаго историческаго значенія. Джайнство есть въ полномъ смыслѣ поклоненіе героямъ. Начало буддаистское, явное изъ пещернаго служенія и особеннаго почтенія къ *Гаутамѣ*, утратило всю свою опредѣленность и допустило въ свой миѳологическій кругъ людей, принадлежащихъ другимъ преданіямъ и другимъ религіямъ, какъ, напримѣръ, Арджуну, прочихъ Пандуидовъ и многихъ героевъ народной поэзіи. Ходъ мысли, перешедшей изъ чистаго и вещественнаго поклоненія необходимости въ отвлеченную духовность Буддаизма и потомъ въ Джайнство, повторился въ наше время въ развитіи школъ философскихъ или вещественнаго Спиносизма въ Спинозизмъ отвлеченно-духовный; и еще недавно послѣдователи полу-буддаистской системы предлагали просвѣщенному міру чисто-Джайнское поклоненіе великимъ мужамъ.

Медленно было торжество брахмановъ. Буддаизмъ долго еще держался въ южныхъ областяхъ, опираясь на вспомогательныя силы цейлонскихъ царей, не разъ покорявшихъ сосѣдственный берегъ Индіи.

Эта послѣдняя борьба Сѣвера съ Югомъ часто смѣшивается въ преданіяхъ съ древними войнами Брахмановъ и Вишнуитовъ съ Шиваитами, и оттого критики историческіе впадали нерѣдко въ ошибку и предполагали, что брахманство введено въ южную часть Декана не ранѣе V вѣка послѣ Р. Хр.

На сѣверѣ, въ Кашмирѣ и Кабулѣ, сопротивленіе буддаизма также было довольно продолжительно: многіе его памятники принадлежатъ безспорно первымъ столѣтіямъ нашей эры. Вытѣсненный изъ долинъ южнаго ската гималайскаго, отыскалъ онъ себѣ убѣжище на сѣверѣ, въ самой серединѣ надоблачной азіатской твердыни и побѣжденный въ своемъ отечествѣ сдѣлался завоевателемъ полміра.

Эпоха борьбы между Буддаизмомъ и его соперникомъ была эпохою бѣдственною для жизни Индустана, бѣдственною для его исторіи и памятниковъ. Побѣдители, угнетая побѣжденныхъ и стремясь къ уничтоженію всего, на чемъ могло бы опереться сопротивленіе секты, нѣкогда терпимой, теперь преслѣдуемой, наложили чуждую печать на созданіе древняго зодчества и исказили вставками и пополненіями произведенія древней поэзіи и мысли.

Такимъ образомъ объясняется несогласіе многихъ памятниковъ, первобытнаго Кушитства съ санскритскими надписями, указывающими на сравнительно позднюю эпоху, и съ изображеніями, принадлежащими вѣкамъ синкретизма. Такое же явленіе представляется критикѣ въ Египтѣ, хотя оно происходило отъ другихъ причинъ; такое же явленіе повторялось въ Европѣ при обращеніи языческихъ храмовъ въ церкви новой вѣры. Искаженіе же письменныхъ и словесныхъ преданій можно прослѣдить и въ западномъ христіанствѣ, когда римская іерархія хотѣла измѣненіемъ въ текстахъ древнихъ учителей скрыть свое отклоненіе отъ ихъ ученія, не потрясая, повидимому, ихъ церковнаго значенія. Но во время междоусобной брани и свободно отъ всякаго противодѣйствія въ Индустанѣ совершалось вольнѣе и въ большемъ объемѣ то, чего не могъ совершить римскій произволъ, поневолѣ удержанный опекою Востока. При всемъ томъ можно еще часто узнать въ деканскихъ памятникахъ характеръ старины, несмотря на брахманскую хитрость, и часто вишнуитскія украшенія уличаются во лжи уцѣлѣвшею *дагобою* *). Случается, что путешественники приходятъ въ недоумѣніе, не различая буддаистской *дагобы* отъ шиваитскаго *лингама*, или не понимая присутствія ея при другихъ шиваитскихъ символахъ. Разгадка затрудненія (кромѣ ошибокъ путешественниковъ) заключается по большой части въ первоначальномъ тожествѣ Буддаизма и Шиваизма и въ томъ, что *дагоба* относится къ *лингаму*, какъ самыя ученія, т.-е. какъ символъ жреческій къ символу народному.

За побѣдою религіи, не удержанной твердыми и опредѣленными границами (а таковъ былъ Брахманизмъ, вѣчно колеблющійся между умствованіемъ философіи и формальностью миѳа), всегда послѣдуетъ однобразное стремленіе въ направленіи противоположномъ той религіи, съ которой она боролась Торжество надъ Буддаизмомъ увлекло побѣдителей въ крайность вещественнаго суевѣрія и погубило всѣ остатки прежняго величія въ вѣрованіи, разбивъ его на мелкія и безсмысленныя секты.

Нѣсколько вѣковъ междоусобной брани не могли создать въ Индустанѣ великой державы: ибо при новомъ торжествѣ и новой власти Брахмановъ ни одно сословіе, ни одна политическая мысль не могла вырваться изъ-подъ ихъ опеки; а они сами не имѣли въ себѣ достаточно силъ и внутренняго единства для основанія или возврата чисто-духовной державы. Внутренняя исторія Индустана кончилась. Великое царство аіодгійское, блистательно расцвѣтшее при Викрамадитьѣ 1-мъ, сильное во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. при Викрамадитьѣ 2-мъ и еще нѣсколько вѣковъ сряду во время борьбы религіозной, ослабло мало-по-малу и уже не имѣло преемниковъ. Жизнь умственная и жизнь государственная исчезли въ темныхъ смутахъ, мелкихъ междоусобицахъ и нестройномъ движеніи народовъ.

Едва ли не къ этому времени должно отнести переселеніе сѣвернаго племени Наировъ на югъ *). Многіе приписываютъ ему большую древность; но преданія этого воинственнаго колѣна не представляютъ слѣдовъ ея. Во всякомъ случаѣ должно ихъ считать племенемъ восточно-иранскихъ Вишнуитовъ. Многомужство, отличающее ихъ отъ всѣхъ другихъ Индустанцевъ, находится также у горныхъ жителей гималайскихъ *). Оно вполнѣ сопряжено съ Вишнуизмомъ и со сказаніемъ о любимцахъ Кришны, *Пандуидахъ*; корень же его находится въ особенномъ поклоненіи женскому началу въ человѣкообразной религіи восточныхъ Иранцевъ *). Многомужство гималайскихъ горцевъ и Наировъ связывается со страннымъ порядкомъ наслѣдства въ пригорьѣ Гиндукху, гдѣ имѣніе переходитъ постоянно по женскому колѣну, съ обычаемъ западнаго приморья въ Малой Азіи *), гдѣ сынъ назывался по матери, а не по отцу, и наконецъ съ общимъ характеромъ народовъ славянскихъ (вано-бактрійскихъ), въ которыхъ женщина равнялась всѣми правами съ мужчиною. Такимъ образомъ понятны и преданія объ амазонкахъ, о царственныхъ правительницахъ гетскаго племени и особенно преданія семьи чешской и ея ближайшихъ братій о войнахъ женщинъ противъ мужчинъ. *Судъ Лубуши* представляетъ еще отголосокъ распрей, временнаго преобладанія женщинъ и послѣдовавшаго ихъ уничиженія, въ которомъ Славяне подражали своимъ воинственнымъ сосѣдямъ Германцамъ.

Китай.—Введеніе Буддаизма и другія западныя вліянія.

Области, въ которыя долженъ былъ перенестись Буддаизмъ, середина и востокъ Азіи, кипѣли жизнью и движеніемъ. Бурею пронеслась надъ Китаемъ кратковременная династія *Тсинъ*. Основавъ свою власть на торжествѣ дикой силы и на безпощадномъ кровопролитіи, возвративъ единство державѣ блистательными побѣдами, оградивъ государство исполинскою стѣною на сѣверѣ и далеко распространивъ его предѣлы на югѣ въ загангесскомъ полуостровѣ, *Ши-гоанг-ти* объявилъ войну всей древней жизни, всѣмъ представителямъ мысли народной. Ученые были обречены смерти, книги преданы огню. Оторвать Китай отъ его единственной вѣры, государственнаго преданія, не замѣнивъ его ничѣмъ, кромѣ своего личнаго произвола, было дѣло безумной, почти невѣроятной гордости. Она была наказана уже въ первыхъ преемникахъ великаго государя, и домъ его исчезъ; но Китай не утратилъ пріобрѣтеннаго единства внѣшняго, а начала единства внутренняго развились въ полномъ блескѣ.

Восшествіе на престолъ династіи *Ханъ* въ концѣ II вѣка до Р. Х. должно безспорно считаться счастливѣйшею эпохою въ исторіи китайской. Гоненіе на ученыхъ было замѣнено просвѣщеннымъ и великодушнымъ покровительствомъ. Сокровища древней мысли и преданія были тщательно собраны и изучены; государство, совокупившись снова въ единое цѣлое, сознало въ своихъ древнихъ учителяхъ словесное выраженіе той живой силы, которая сохраняла и воспитывала его въ продолженіе двухъ тысячелѣтій, *Конг-фу-тзеу* сдѣлался законодателемъ и царемъ имперіи, созданной воинственнымъ насиліемъ его вѣнчаннаго врага. Съ новымъ блескомъ расцвѣли науки; великіе писатели (какъ, напр., *Се-ма-тсіанъ*) украсили словесность безсмертными произведеніями. Рука объ руку пошли благоденствіе народа и величіе царей, связанныхъ живою любовью съ подданными. Законодательство проникнуто было глубоко-человѣческимъ характеромъ. *Вен-ти* объявилъ закономъ право народа на свободное обсужденіе правительственныхъ мѣръ; *Ву-ти* искоренилъ обычай маіоратства въ княжескихъ родахъ. Преемники ихъ, болѣе или менѣе достойные престола, продолжали покоряться тѣмъ же высокимъ началамъ и внимали смѣлому голосу правды, говорящему изъ рядовъ народныхъ. Одни художества не процвѣтали и не могли процвѣтать, потому что условный строй китайской мысли поставилъ достоинство разума не въ согласіи съ природою, но въ торжествѣ надъ нею.

Чтобы понять отсутствіе искусства въ Китаѣ, достаточно изученія китайскаго садоводства.

Китай расширилъ свои предѣлы далеко на югъ и западъ и сталъ на тѣхъ твердыхъ основахъ, которыхъ не поколебали впослѣдствіи ни раздоры внутренніе, произведенные случайною слабостью государей, ни внѣшніе завоеватели, покорившіе его силою оружія, но покорившіеся силѣ его государственнаго организма.

Таковы иноземныя династіи *Вей* и *Кинъ*, таковы преемники Чингиса или новѣйшіе Манджуры.

Распространеніе Китая до самыхъ границъ древней персидской державы и до истоковъ Инда снова привело въ соприкосновеніе просвѣщеніе Востока и Запада. Вліяніе Ирана и Индустана осталось не безплоднымъ, но плоды его были смѣсью добра и зла.

Тѣснимый въ своей родинѣ Буддаизмъ подвинулся на сѣверо-востокъ. Во время династіи *Ханъ*, при императорѣ *Минг-ти* (около половины I вѣка послѣ Р. Х.) былъ онъ принятъ закономъ въ нѣдра великой державы и вскорѣ проникъ во всѣ сословія общества отъ поденщика до государя. Буддаизмъ сохранилъ всѣ свои основныя формы, но вполнѣ измѣнилъ свой характеръ, и отъ того значеніе его въ Китаѣ совершенно противоположно значенію его въ Индустанѣ. На берегахъ Гангеса онъ представлялъ ученіе безбожное въ сравненіи съ опредѣленною миѳологіею Брахманизма; ибо въ самомъ духѣ и въ его высшемъ представителѣ—Божествѣ признавалъ стремленіе къ самоуничтоженію; но Китай былъ воспитанъ Буддаизмомъ древнѣйшимъ,—философіею, въ которой самый духъ былъ не что иное, какъ понятіе безличное и отвлеченное; а ученіе Шакія-муни уже признавало въ Божествѣ существованіе личное, стремящееся къ своему успокоенію и призывающее другихъ духовъ (свои же проявленія) къ тому же покою въ нѣдрахъ непроявляющейся свободы.

Итакъ, для Китая новый реформированный Буддаизмъ, принявшій оттѣнки ученія иранскаго (Брахманства и Вишнуизма), являлся религіею уже единобожескою, возстановляющею права человѣка на личное безсмертіе, на общеніе съ Божествомъ и на внутреннія сокровища своего духа. Въ сравненіи съ нимъ школа Конг-фу-тзеу, признавшая всю чистодуховную область недоступною для человѣка и ограничившая дѣятельность его мышленія исполненіемъ внѣшнихъ законовъ правды (ибо самая внутренняя гармонія по этой школѣ имѣетъ характеръ внѣшности), представлялась философіею чистоатеистическою. Введеніе Буддаизма отнимало у общества его всепоглощающее значеніе и вносило начало аскетизма или человѣческой уединенности. Борьба двухъ ученій *) была иногда (хотя рѣдко) сопровождена кровопролитіемъ, но вообще представляла явленіе, достойное человѣчества: мирное соперничество между двумя убѣжденіями, несогласными въ своихъ началахъ, но стремящимися съ одинакимъ рвеніемъ къ совершенствованію мысли и жизни. Общественно полезнѣе было ученіе Конг-фу-тзеу, котораго торжество было въ торжествѣ самаго государства. Буддаизмъ, отдѣляя свои выгоды отъ выгодъ общества, былъ иногда вреденъ, какъ всякій аскетизмъ, дѣйствующій съ притязаніемъ на власть, и поглощалъ часть государственныхъ силъ въ безжизненности своихъ умствованій и въ хитромъ тунеядствѣ своихъ многочисленныхъ монастырей; но, съ другой стороны, онъ приносилъ великую пользу постояннымъ призывомъ человѣка къ мысли о высотѣ духовнаго начала и облагораживаніемъ самаго ученія Конг-фу-тзеу, которое безпрестанно стремится къ омертвѣнію въ односторонности государственнаго быта. Борьба была почти равная. Буддаизмъ имѣлъ часто надежды на полное торжество и гордился великими представителями (какъ, напр., *Ван-ти* изъ дома *Сунгъ* или *Као-тсу-ву-ти* изъ дома *Ліянгъ*, или астрономъ *И-хангъ*); но его сила, уже подкопанная нелогическою примѣсью чуждыхъ стихій въ Индустанѣ, не могла преодолѣть строго-практической односторонности собственно китайскаго ученія. Завоеватели Монголы или Манчжуры покорялись величію государственной стройности, а не отвлеченнымъ ученіямъ, и дѣлались въ короткое время самыми жаркими приверженцами конфуціевой школы. Между тѣмъ въ средней Азіи Буддаизмъ, все болѣе и болѣе измѣняемый разноначальными примѣсями, переходилъ въ нелѣпостъ Ламаизма и терялъ всякое право на сочувствіе душъ высокихъ или умовъ просвѣщенныхъ. Наконецъ, Буддаизмъ, обратившись въ нестройное смѣшеніе миѳологій, уступилъ совершенное торжество ученію Конфуція, сдѣлался достояніемъ черни и перешелъ въ Китаѣ (такъ, какъ онъ уже прежде перешелъ въ Африкѣ) черезъ всѣ степени паденія, отъ символа къ талисману, отъ талисмана къ амулетѣ и отъ амулеты къ фетишу.

Съ меньшими силами, съ меньшею внутреннею послѣдовательностію ученіе *Лао-тзеу* (или *Лао-кіунга*) оспаривало иногда первенство у Шакія-муни и Конг-фу-тзеу, то находя ревностныхъ послѣдователей въ царяхъ (напр., *Юан-ти* изъ дома *Ліангъ* и почти вся династія *Тгангъ*), то образуя новыя школы съ чисто-политическимъ направленіемъ (напр. школу стоическую, извѣстную подъ именемъ *Ву-вей-кіао*), то возбуждая страсти народныя и составляя вооруженныя общества (какъ, напр., желтыхъ шапокъ при *Линг-ти* изъ династіи *Ханъ*), сохраняя всегда свой государственный характеръ, въ которомъ оно приближалось къ ученію Конг-фу-тзеу, и въ то же время давая, подобно индустанскому Буддаизму, обширныя права отвлеченной мысли и Божеству. Эти три школы религіозныя (ибо, какъ уже сказано, философія составляетъ религію Китая), остались и до нашего времени единственными жизненными началами китайской державы, не допускавшими ея никогда до совершеннаго паденія, но и не дозволявшими ей никогда достигнуть высокаго умственнаго развитія; наконецъ, всѣ три истощили кругъ своей дѣятельности и, принесши многочисленные и прекрасные плоды, одряхлѣли и окаменѣли въ мертвомъ формализмѣ. Впрочемъ, несмотря на свои видимыя противорѣчія, ученія Шакіямуни, Конг-фу-тзеу и даже Лао-тзеу возникли на одной и той же кушитской основѣ и сохранили одинаково во всѣ вѣка свою сухую односторонность и искусственную условность.

Такова причина, почему поэзія или совсѣмъ не существуетъ въ Китаѣ или еле живетъ, изуродованная условными законами наподобіе китайской живописи и китайскаго садоводства. Поэзія принадлежитъ единственно иранскому началу и для своего духовнаго творчества требуетъ вѣры въ солнце духовной свободы.

Завоеваніе средне-азійскихъ областей и прямое сношеніе съ иранскими областями внесли въ Китай много новыхъ стихій вреднѣе Буддаизма. Какъ онъ ни далекъ отъ разумной истины, какъ онъ ни низко упалъ, по крайней мѣрѣ при своемъ введеніи онъ много послужилъ къ облагороженію мысли, къ умягченію нравовъ. Отмѣна смертной казни при императорѣ *Као-тсу-ву-ти* изъ дома Ліангъ остается вѣчнымъ памятникомъ его славы. Стихіи же, принесенныя изъ искаженнаго Ирана, не дали никакихъ плодовъ благихъ. Онѣ состояли не изъ духа, уже улетѣвшаго и мало доступнаго китайской образованности, но изъ нестройныхъ формъ общественной жизни, изъ обрядовъ притворныхъ, изъ дѣтской вѣры въ таинственныя науки и изъ соединенія грязнаго разврата съ тупоумнымъ уваженіемъ къ вещественной чистотѣ. Многое осталось безъ дѣйствія или промелькнуло въ исторіи (какъ желаніе императора *Янгъ-кіана* или *Вен-ти* изъ дома *Суи* раздѣлить весь народъ на четыре наслѣдственныя сословія по образцу Индіи и Ирана); но многое привилось и такъ крѣпко срослось съ жизнью Китая, что могло быть снова искоренено только вѣковою и кровавою борьбою. Такова власть евнуховъ, о которыхъ древняя исторія никогда не упоминаетъ. Ее нельзя приписывать одному придворному разврату и гаремному быту. Начало ея при императорѣ *Го-ти* изъ дома Ханъ въ концѣ I вѣка послѣ Р. Х. весьма близко подходитъ къ эпохѣ принятія Буддаизма, слѣдовательно явнаго западнаго вліянія. Продолжается она съ бо̀льшими или меньшими промежутками до самаго паденія династіи *Мингъ* въ XVII столѣтіи отъ Р. Х., проникаетъ въ самую глубь средне-азійскихъ кочевій, является въ постоянной борьбѣ съ ученіемъ Конфуція и въ постоянной связи съ суевѣрнымъ исканіемъ *питія, дающаго безсмертіе*, составляетъ систему стройную и замкнутую, продолжаетъ дѣйствовать при государяхъ мало преданныхъ роскоши и разврату, сосредоточивается по преимуществу въ верховномъ судилищѣ и, наконецъ, не имѣетъ основы ни въ древнихъ преданіяхъ Китая, ни въ новой религіи Будды или въ другихъ ученіяхъ Индустана. Всѣ эти данныя достаточны, чтобы признать введеніе евнуховъ за прямой признакъ вліянія иранской области, а власть ихъ за выражеіие тайной вѣры, никогда не выразившейся въ письменныхъ памятникахъ, но глубоко проникшей въ совѣсть и воображеніе народа. Отечество этой вѣры, очевидно, въ юго-западной Азіи, на берегахъ Евфрата и Тигра, въ землѣ премудрости и свѣта для всѣхъ тайноучителей Европы. Характеръ ея — смѣсь дикаго аскетизма и глубокаго разврата (подобно религіямъ *Кивелы* и *Митры)*; жрецы ея—люди, гордящіеся высшею чистотою и вещественно освободившіеся отъ законовъ органическаго вещества.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ ученій китайскихъ всѣхъ болѣе сдружилось съ властью евнуховъ и съ ихъ тайнами ученіе Лао-тзеу *), которое уже въ своемъ началѣ представляетъ признаки мистицизма и слѣдовательно юго-западнаго вліянія.

Гибельна была для Китая эта язва, принесенная изъ страны иранской; неисчислимы бѣдствія, ею произведенныя. Другія, лучшія, начала, напр., Магометанство, Магизмъ и Христіанство, безъ сомнѣнія, проникшія также въ Китай, остались почти безплодными; но за всѣмъ тѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ представитъ явныя доказательства постоянной зависимости, въ которой находилось китайское просвѣщеніе отъ остального міра, и пояснитъ многія подробности его внутренней жизни, представляющія до сихъ поръ неразрѣшенную загадку.

Упорство Синологовъ, еще до сихъ поръ вѣрящихъ совершенной самобытности Китая, давно уже должно было поколебаться существованіемъ самаго языка буддаистическаго, т.-е. санскрито-китайскаго письменнаго нарѣчія; но предразсудки ученые слѣпѣе простонародныхъ. Такъ, напр., еще въ наше время многіе не хотятъ признать за памятникъ Христіанства извѣстную надпись въ *Си-нган-фу* *) (прежнемъ *Чанг-нганъ*), между тѣмъ какъ имена *Со-тіанъ* (сатана), *Микси-го* (Мессіасъ) и *Та-тсинъ* (Римская имперія) удаляютъ всякое разумное сомнѣніе, а слово *О-ло-го* (въ смыслѣ Бога) даже явно указываетъ на эллинскій источникъ христіанства (*о Логосъ*). Китай былъ нерѣдко въ сношеніи съ *Фу-линъ* (искаженное Константино*полисъ*, такъ же какъ и *Стамбулъ*) *).

Народы средней и сѣверной Азіи.—Ихъ движенія.

Азія въ самой срединѣ своей была потрясена волненіями, которыхъ отзывъ на западъ измѣнилъ историческую судьбу Европы. Области Халхи и Джунгаріи отъ амурской системы до границъ Джагатая были населены вѣтвями финно-турецкаго племени. Ихъ разрозненныя семьи, угнетенныя другими сильнѣйшими сосѣдями, стали мало-по-малу смыкаться въ воинственный союзъ *Уйгуровъ* (или *Уиръ*, такъ же какъ позднѣйшіе *Ойратъ*, т.-е. союзники). Этотъ союзъ сначала является въ исторіи китайской подъ именемъ *Тчессе* или *Тчешу* (вѣроятно по главной семьѣ) и, кажется, извѣстенъ былъ западнымъ писателямъ подъ именемъ *Зизиговъ*. Въ самомъ началѣ I-го вѣка до Р. Х. уже *Тчессе-Уйгуры**), въ союзѣ съ другими семьями турецкаго племени *Гіонг-ну*, одержали побѣду надъ войскомъ китайскимъ; потомъ они снова успокоились и исчезли на время съ поприща исторіи. Но средней Азіи не суждено было уже возвращаться къ своей прежней дремотной жизни. Усилившійся Китай, безпрестанно врываясь въ ея дикія пустыни и поочередно покоряя ея кочевыхъ дикарей или уступая передъ ихъ вольнолюбивыми возмущеніями, пробуждалъ въ ней невольную дѣятельность и вызывалъ наружу ея сокровенныя силы. Вмѣстѣ съ войсками Китая проникали въ пустыню начала искусственнаго просвѣщенія, точно такъ же, какъ съ юга пробивались ученія религіозныя Шакія-муни, а съ запада ученія маговъ (какъ видно изъ *Хормузды*, буддаическаго). Вся безконечная область съ ея безконечно-дробными семьями финно-турецкаго племени волновалась въ нестройныхъ борьбахъ вещественной и духовной жизни.

Средне-азійское племя вообще составляетъ одно цѣлое, которое называемъ финно-турецкимъ, по двумъ важнѣйшимъ семьямъ. Всѣ языки его относятся другъ къ другу какъ нарѣчія (такъ же какъ нарѣчія иранскія), общій же коренной языкъ самъ относится безъ сомнѣнія какъ нарѣчіе къ обще-иранскому. Критикѣ еще угодно въ этомъ сомнѣваться, но просвѣщенный разумъ сомнѣваться не долженъ. Родство ясно; напр., имя для озеръ и рѣкъ у разныхъ семей *норъ, гіолъ* (*су*, явно связывается съ санск. *ниръ* вода, слав. *гирло* устье рѣки, слав. *сыръ* и т. д.). Безконечное множество дробныхъ нарѣчій происходитъ отъ разъединяющей силы пустынь, точно такъ же, какъ у Русскихъ въ Камчаткѣ составилось въ самое короткое время нарѣчіе, созданное произволомъ. Массы нарѣчій происходятъ отъ врожденной общительности племени.

Жуанскіе Татары, сѣверные Сяньбійцы, западные Гіонг-ну сталкивались, враждовали между собою, напирали другъ на друга, то побѣждая, то опять уступая побѣду; союзы составлялись, рушились и снова возникали, закаляясь въ бояхъ и готовя грозу всему просвѣщенному міру. Такъ въ началѣ II-го вѣка до Р. Х. Гіонг-ну нашли на своихъ западныхъ сосѣдей, бактрійскихъ Вановъ, Саковъ, Гетовъ и Гуновъ и принудили ихъ удалиться въ восточный Иранъ, въ которомъ они замѣнили своею властью временную власть Эллиновъ; такъ въ продолженіе слѣдующихъ вѣковъ тѣ же Гіонг-ну принудили большую часть бактрійскихъ семей, живущихъ въ прикаспійской пустынѣ, передвинуться еще далѣе на западъ, къ берегамъ Волги. Тутъ бѣглецы съ востока явились подъ именемъ Гуновъ и *Приволжцевъ* (*Болгаръ*), основали сильные торговые города, сдѣлались скоро племенемъ первенствующимъ между своихъ братьевъ Славянъ и укоренили индустанскую стихію, принятую ими во время порабощенія сѣвернаго Индустана и восточнаго Ирана. Такъ напоръ Гіонг-ну, Китайцевъ, Сяньбійцевъ и Жужаней на западныя уйгурскія семьи заставилъ ихъ мало-по-малу подаваться все далѣе и далѣе на востокъ, гдѣ они смѣшались съ воинственнымъ славянскимъ казачествомъ Приволжья и стали извѣстны подъ именами *Сари-Уйгуровъ* (желтыхъ), *Кутригуровъ*, *Онигуровъ* и др.

Къ этому безъ сомнѣнія относится свидѣтельство Китайцевъ о томъ, что *Каотче* или *Каочамъ* взяли великую силу въ землѣ *Ванъ* и *Іеѳа;* къ этому же вѣроятно и разсказъ о временномъ владычествѣ *Чешу* или *Тче-ссе* въ Заволжьѣ, т.-е. въ теперешней Руси.

Такъ наконецъ, когда за-байкальскіе Сяньбійцы (или *Сіанпи*), завоевавъ сѣверный Китай, воцарились въ немъ подъ именемъ династіи *Вей* и уничтожили царство *Ліангъ*, бѣглецы дома *Ліангъ* напали на Уйгурію и завладѣли ею. Вскорѣ на нихъ нахлынули силы могучаго *Тоба-дао* изъ династіи *Вей*, и наконецъ *Чуло-Ханъ* изъ жужанскаго дома, опустошивъ Уйгурію, положилъ конецъ отдѣльному существованію *Тчессо-Уйгуровъ*. Большая часть побѣжденнаго и изстрадавшагося народа переселилась опять на западъ, смѣшалась съ другими воинственными семьями Приволжья и наконецъ подъ именемъ *Гунно-Уйгуровъ* (*Гуннигуръ*, *Унгаръ*, *Венгръ*) или *Мадьяръ* ворвалась въ сердце Европы и, опустошивъ ее огнемъ и мечомъ, осѣлась на берегахъ Дуная въ искони славянской Панноніи.

Очевидно, что, хотя имя *Мадьяръ* одно хранится у Венгровъ, какъ имя ихъ воинственной семьи, имя *Унгаръ* не могло быть случайно дано ей всѣми сосѣдями, а имѣло корень историческій и законное основаніе.

Древнѣйшая исторія Италіи.

Но не на востокѣ таилась судьба человѣчества. Между тѣмъ какъ географически-незамѣтная и поздно просвѣтившаяся Эллада вызывалась на поприще исторіи паденіемъ древнихъ религіозныхъ вѣрованій и обществъ и становилась законодательницею міра въ силу своего напряженнаго человѣкопоклоненія, другая темная страна на западѣ росла и крѣпла для всемірнаго владычества, для преемства эллинскаго наслѣдства и для созданія новой политической жизни, не умершей даже до нашихъ временъ. Область, охваченная съ востока, запада и юга морями, съ сѣвера цѣпью неприступныхъ снѣжниковъ, перехваченная во всѣхъ направленіяхъ горами, изъ которыхъ двѣ клокочутъ подземнымъ огнемъ, богатая тучными полями и лѣсами непроходимыми, область Италіи и смежной съ ней Сициліи была издревле населена смѣсью племенъ, одичавшихъ въ своемъ одиночествѣ и еще болѣе во враждебныхъ столкновеніяхъ. Эти темныя племена, отъ которыхъ сохранились только имена, ничего не значащія, и памятники, до сихъ поръ не высказавшіе своего сокровеннаго значенія, *Энотрійцы*, *Сикулы*, *Сиканцы*, *Оники* (или *Оски*), *Умбры*, *Сабины* и другія, принадлежали безспорно къ той же западной азійской вѣтви, которая своими отраслями покрыла всю Европу за исключеніемъ средне-европейскихъ областей, издревле населенныхъ Славянами. Открытая всѣмъ мореплавателямъ, Италія безспорно издревле приняла колоніи отъ всѣхъ народовъ, обитавшихъ въ Элладѣ и по восточному прибрежію Средиземнаго моря. Въ этомъ свидѣтельствуетъ множество преданій о потомствѣ эллинскихъ и мало-азійскихъ героевъ, переселившихся къ скатамъ Этны или къ пригорьямъ аппенинскимъ; но безуспѣшенъ бы былъ трудъ, отыскивающій слѣды этихъ древнихъ колоній, и безплоденъ бы былъ успѣхъ, если бы онъ былъ возможенъ. Безпрестанныя борьбы воинственныхъ семей стерли съ лица земли всѣ созданія стародавнихъ пришельцевъ, а вліяніе восточнаго просвѣщенія или восточныхъ религій скрылось въ органическомъ броженіи мѣстнаго развитія, не оставивъ по себѣ опредѣленныхъ признаковъ. Походы критскихъ царей въ Сицилію *) указываютъ на сношенія, предшествовавшія образованію собственно эллинской народности, а разсказы о посѣщеніи Италіи Ираклòмъ — на финикійскую торговлю въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ; но всѣ эти преданія слишкомъ ничтожны для основанія не только исторіи, но даже какой-нибудь опредѣленной догадки. Италія выходитъ изъ мрака своего только съ началомъ эллинскихъ поселеній на ея берегахъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ міромъ при усиленіи мореходства этрурскаго и его соперничествѣ съ Элладою и Карѳагеномъ, и дѣлается историческимъ центромъ съ возрастаніемъ римскаго могущества. Въ разсказахъ о стародавнихъ судьбахъ Италіи проходятъ имена народовъ, не представляющихъ никакихъ особенныхъ примѣтъ и характеровъ. Общая же черта всей этой забытой жизни — воинственная движимость и отсутствіе просвѣщенія.

Между старожилами Италіи истиннаго вниманія заслуживаютъ только тѣ племена, которыхъ характеръ можетъ быть опредѣленъ съ нѣкоторою достовѣрностью и которыя потомъ болѣе или менѣе участвовали въ сооруженіи римскаго государства или въ созданіи римской образованности. Самое имя Италіи остается необъясненнымъ *), и едва ли не необъяснимымъ. Происходило ли оно отъ мѣстности или отъ племени, было ли оно туземное или наложенною прихотью чужестранною, сказать невозможно.

Собственно такъ называемаго народа италійскаго не было. Не такъ какъ въ Элладѣ, гдѣ имя страны происходитъ явно отъ имени дружины *Эллиновъ*. Самое же названіе Эллиновъ происходитъ отъ несомнѣннаго названія родового божества *Аполлонъ-Патроосъ*. Форма *Геллы*, какъ извѣстно, однозначительна съ формою *Селлы* (народа западной Греціи) и находится въ связи съ утраченнымъ *Селеносъ* или *Геленосъ*, котораго женская форма уцѣлѣла въ *Селенѣ* (мѣсяцъ), какъ *Діанусъ* соотвѣтствуетъ *Діанѣ* и *Лунусъ—Лунѣ*.

Такъ же невозможно рѣшеніе вопроса о томъ, къ какой отрасли человѣчества принадлежали доисторическіе жители Италіи, *Сикулы* или *Сикеліоты*. Изгнанные ими изъ Сициліи *Сиканы*, населившіе Сардинію и вѣроятно часть Корсики, были по всей вѣроятности однимъ изъ побѣговъ вѣтви иверской; но состояли ли побѣжденные и побѣдители въ племенномъ родствѣ между собою (какъ кажется изъ сродства именъ), это задача неразрѣшимая и теряющая всю свою важность отъ послѣдовавшей погибели Сикеліотовъ при нашествіи другихъ сильнѣйшихъ народовъ. Нѣкогда сильные, но впослѣдствіи исчезнувшіе безъ слѣда,—*Умбры* точно такъ же недоступны и безполезны для критики *).

Нѣкоторыя слова и имена мѣстности Умбрійской указываютъ какъ бы на сродство съ *Кельто-Кимрами*; но такія примѣты, слишкомъ слабыя даже для поверхностной догадки, получатъ значеніе развѣ при открытіи новыхъ данныхъ.

Рѣдко погибаютъ вполнѣ народы некочевые, побѣжденные или изгнанные другими. Всегда есть темные лѣса, или болотныя топи, или горныя ущелія, куда сокроются слабые остатки старожиловъ, сохраняя свою бѣдную независимость и часто дѣйствуя на послѣдующее образованіе всей страны.

Такова судьба и таково мало-признанное вліяніе кельтскаго населенія въ Англіи.

Общая связь Иверцевъ съ племенемъ и просвѣщеніемъ сирофиникійскимъ въ Испаніи, въ западной Греціи и въ дальней Ирландіи заставляетъ предполагать, что и Сиканы не были чужды торговымъ и дружескимъ сношеніямъ съ юго-восточной Азіею. Многіе слѣды пещернаго поклоненія и жертвъ человѣческихъ, сопровождаемыхъ финикійскими обрядами, особенно въ областяхъ приморскихъ (какъ въ преданіи объ *Эриксѣ* и другихъ), указываютъ на продолжительное вліяніе Финикіи. Зависѣло ли оно отъ сродства Сикеліотовъ съ приливанскими мореплавателями, или отъ отставшихъ семей сиканскихъ—неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что оно осталось не совсѣмъ безплоднымъ въ позднѣйшемъ развитіи италійскаго образованія и въ таинственно созерцательномъ характерѣ эллино-италійскихъ школъ, рѣзко отдѣляющихся отъ чисто-эллинскихъ и живо напоминающихъ всѣ особенности умственной жизни Кушитовъ.

Важнѣе для науки исторической стихіи, слившіяся въ составъ молодаго Рима: стихіи этрурская, латинская, сабинская и оскская.

Этрурія сама была, безъ всякаго сомнѣнія, не односоставное цѣлое. Множество ея именъ, *Этрурія*, *Тусція*, *Тиррепія*, уже свидѣтельствуетъ о сліяніи разныхъ племенъ. Имя же народное *Разена*, никогда не бывшее именемъ государства *), указываетъ на народонаселеніе или подпавшее чужой власти, или не наложившее имени своего своей землѣ, слѣдовательно не смыкавшееся самобытно въ государственную форму. Много великолѣпныхъ памятниковъ, много внѣшнихъ свидѣтельствъ, много неразгаданныхъ письменъ осталось отъ древнихъ Этрурцевъ; но языкъ ихъ остается еще неразрѣшенною задачею, и если бы даже критика добилась смысла въ сохранившихся надписяхъ, возродился бы новый вопросъ о томъ, кому изъ народовъ древней Этруріи принадлежало новооткрытое нарѣчіе. Для безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя тождество *Разенъ*, нѣкогда владѣвшихъ всею сѣверо-западною Италіею, и горныхъ Ретійцевъ, у которыхъ они впослѣдствіи времени искали спасенія отъ гальскаго насилія, не подвержено сомнѣнію, точно такъ же, какъ и тождество Ретійцевъ (и ихъ братьевъ *Вендовъ Великихъ* или Винделиковъ) съ великимъ племенемъ *ѳрако-иллирійскимъ*. Такимъ образомъ очевидно, что вся сѣверная Италія, какъ на западѣ, гдѣ жили *Разены*, такъ и на востокѣ, гдѣ жили *Венды*, принадлежала вполнѣ могучей восточной отрасли иранскаго племени, отрасли *вано-бактрійской*.

Если бы еще нужны были доказательства на такую очевидную истину, можно бы привести самыя имена рѣки По и его водной системы: *Padus* (слав. Падь), *Eridanus* (общее имя, сл. *Ярый Донъ*), *Bodencus* (сл. *Буй-Донскъ*), *Stura* (Стырь), *Duria*, *Baltea Seccia (Сежа)*, *Ticinus (Теченъ)*, *Addua (Ядва)*, *Sebinus (Шибенъ)*, *Mincius (Мечь)* и другія. Множество надписей, сохранившихся въ нижней части рѣки По и носящихъ имена боговъ славянскихъ: *Бела*, *Белена*, *Перуна* и другихъ, показываетъ, что древняя народность сохранилась долѣе на востокѣ, чѣмъ на западѣ, гдѣ Галлы и другіе пришельцы вытѣснили или поглотили восточно-иранскую стихію.

Письмена этрурскія рѣзко напоминаютъ своими начертаніями письмена Ликіи мало-азійской; разница же въ ихъ направленіи (справо налѣво) недостаточна, чтобы не только опровергнуть ихъ общее начало, но даже навести сомнѣніе на него. Она только указываетъ на примѣсь чуждаго просвѣщенія, и безъ того несомнѣнную.

Въ темной и неопредѣленной исторіи Этруріи неоспоримъ одинъ фактъ: это фактъ народнаго движенія и усиленія государственнаго съ сѣвера на югъ. Кого нашли *Разены* въ этомъ наступательномъ ходѣ на богатую низменность Тосканы? Кого отодвинули или съ кѣмъ смѣшались? Памятники молчатъ о большей части области, назвавшейся Этруріею; но ясные слѣды и преданія доказываютъ, что нѣкоторая часть ея была населена Умбрами, которыхъ должно, кажется, причислить къ народамъ западно-иранскаго начала; другіе слѣды указываютъ на Пелазговъ, которые принадлежатъ ему безспорно.

Во всякомъ случаѣ, смѣло можно утверждать, что особенное развитіе позднѣйшаго этрурскаго просвѣщенія не принесено Разенами изъ ихъ древней родины, но уже возникло по заселеніи южной области.

Пригорье альпійское и сѣверная Италія не представляютъ ни громадныхъ строеній, ни пещернаго поклоненія, ни некрополей, ни богатства надписей, ни роскоши образовательныхъ искусствъ.

Болѣе сомнительно и менѣе важно имя *Тусковъ*. Оно не связывается ни съ какимъ значительнымъ племенемъ внѣ Этруріи и не представляетъ никакихъ намековъ для критическаго изслѣдованія.

По темнымъ признакамъ можно бы было предполагать, что *Туски* были незначительнымъ, но воинственнымъ народомъ, пришедшимъ съ востока, т.-е. изъ горныхъ странъ ѳрако-иллирійскихъ, и давшимъ имя свое болѣе мирнымъ, вѣроятно побѣжденнымъ, Разенамъ. Сходство названія *Тускъ* съ древне-германскимъ божествомъ *Туискономъ* наводитъ на догадку объ отдѣленіи вѣтви германской во время переселенія съ юго-востока на сѣверо-западъ; но такая догадка слишкомъ похожа на произвольное предположеніе и не заслуживаетъ мѣста въ исторіи. Впрочемъ, разница *Тусковъ* и *Разенъ*, кажется, не подвержена сомнѣнію.

Замѣчательнѣе имя *Тирренцевъ*. Оно связываетъ Италію съ сѣверо-восточными берегами и островами Греціи и съ западными берегами малой Азіи; оно часто находится въ соединеніи съ именемъ Пелазговъ (*Тиррено-Пелазги*), не будучи названіемъ какой-нибудь отрасли этого древняго племени; наконецъ, оно принадлежитъ народу, очевидно, мореплавательному, торговавшему и грабившему на моряхъ, народу кровожадному по нравамъ, а еще болѣе по религіи, народу образованному и стоящему далеко выше другихъ жителей не только Италіи, но и старой Эллады. За отсутствіемъ положительныхъ свидѣтельствъ и говорящихъ памятниковъ невозможно опредѣлить истинную связь этой семьи съ какою-нибудь другою, болѣе прославленною и извѣстною семьею человѣческою; но по всѣмъ вѣроятностямъ, разумная критика должна искать начала Тирренцамъ въ областяхъ кушитскаго развитія. Туда принадлежатъ и разсказы о таинственномъ учителѣ Тагесѣ *), такъ живо напоминающіе разсказъ о кушитскомъ Оаннессѣ вавилонскомъ, и преданія объ изгнаніи Тирренцевъ изъ ихъ родины за отказъ пожертвовать богамъ десятую часть младенцевъ, и многія другія обстоятельства. Первыя мѣста, въ которыхъ являются Тирренцы, и сказанія объ ихъ бѣгствѣ изъ Лидіи, заставляютъ предполагать въ нихъ колонію южную, уже органически слившуюся съ западно-иранскими старожилами западныхъ береговъ малой Азіи.

Опроверженіе лидійскаго происхожденія Тирренцевъ, взятое изъ молчанія Ксанѳа Лидійскаго *), не заслуживаетъ ровно никакого вниманія. Это преданіе относится къ такой эпохѣ, которой Ксанѳъ былъ по всей вѣроятности чуждъ, къ эпохѣ предшествовавшей и восточно-иранской колонизаціи береговъ эвксинскихъ и эгейскихъ, и нинивоассирійской колонизаціи, положившей начало собственно лидійскому царству, слѣдовательно Ксанѳовымъ лѣтописямъ. Довольно замѣчательно, что Лидія, принявшая въ древности населеніе съ береговъ Тигриса, была также впослѣдствіи хранительницею средне-иранскаго ученія и таинственныхъ книгъ чистаго Зороастризма *).

Итакъ, не *Разенамъ*, основателямъ народа, пришельцамъ изъ горной Ретіи и кровнымъ братьямъ славянскаго племени, но *Тирренцамъ*, выходцамъ юго-западной Азіи, должно приписать большую часть религіозныхъ и художественныхъ направленій древней Этруріи, ея строительность, ея свирѣпыя и темныя вѣрованія, ея мрачныя гаданія и особенно высокое значеніе ея жреческаго сословія.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что у другаго великаго европейскаго племени замѣтны многія особенности, принадлежащія Этрускамъ, и между прочимъ правительственное значеніе жрецовъ при религіи кровожадной. Это племя—Кельты. Трудно повѣрить, чтобы такой характеръ Кельтовъ, явныхъ Иранцевъ по языку, былъ ими принятъ отъ соприкосновенія съ торговыми колоніями Финикіянъ, быть можетъ, нѣкогда существовавшими, но, безъ сомнѣнія, рано погибшими на берегахъ Средиземнаго моря. Движеніе Кельтовъ на югъ произошло послѣ вѣка или около вѣка Геродотова; ихъ народность была уже обозначена и такъ крѣпка, что нельзя въ ней предполагать слишкомъ важныхъ измѣненій. Простота исторической истины разрѣшаетъ эту загадку. Первые Кельты, какъ уже сказано, двинулись въ Европу послѣ ея славянскаго заселенія, черезъ придонскія степи, и оттого поселились на сѣверѣ, разрѣзавъ пополамъ область восточно-иранскаго племени и откинувъ ея жителей въ южныя горы, въ западныя и сѣверныя приморскія болота, но не одолѣвъ сопротивленія семей славянскаго корня, сплотившихся на югѣ. Тотъ же фактъ историческій былъ повторенъ Германцами, пришедшими черезъ Ѳракію и дунайскую водную систему, и снова повторенъ Кельто-Кумрійцами, бѣжавшими послѣ побѣды Скиѳовъ путемъ, уже начертаннымъ ихъ старшими европейскими братьями, древними Кельтами. Все племя Кельтовъ, безспорно иранское, принадлежитъ по своему язычному характеру западно-иранской отрасли; самое древнее его переселеніе относится ко временамъ, когда Кушиты, основавъ древнѣйшее азійское царство, Вавилонъ, пробудили духъ борьбы религіозной и вражды народной, но въ то же время, ожесточивъ религію западнаго Ирана, наложили на нее свою печать и привили къ ней свой характеръ таинственности и жреческой мудрости. Еще болѣе могли и должны были развиться эти начала въ кельто-кумрійскомъ отдѣленіи, позднѣе оставившемъ свою родину, медленно отступившемъ чрезъ кавказскую преграду и, безъ сомнѣнія, долго еще сохранившемъ свою связь съ сиро-финикійскими племенами. Когда натискъ средне-иранскихъ Азовъ и средне-азійскихъ Скиѳовъ (мнимыхъ) перекинулъ Кельто-Кумрійцевъ въ Европу, въ нихъ уже характеръ западно-иранскій въ его смѣси съ кушитскимъ ученіемъ развился вполнѣ и никогда не изглаживался. Оттого-то столько такъ называемыхъ семитическихъ корней и формъ, т.-е. ирано-кушитскихъ, примѣшано къ чисто-иранской основной стихіи во всѣхъ нарѣчіяхъ кельтскихъ и боги ихъ (*Баалъ* ли, или *Тевтатесъ*) носятъ на себѣ въ преданіи всѣ признаки *Ваалъ-Молоха*; оттого-то друидизмъ представляетъ характеръ, разительно напоминающій тѣ самые народы, отъ которыхъ Кельты получили примѣсь словесную и религіозную. Одни и тѣ же начала высказываются подобными явленіями и у Тирренцевъ; но производить Тирренцевъ мореходцевъ отъ незнавшихъ моря Кельтовъ и Тирренцевъ художественно-строительныхъ отъ полубездомниковъ Кельтовъ запрещаетъ здравая критика.

Трудно въ памятникахъ этрурскихъ отдѣлить эллинское рукодѣліе отъ туземнаго. Очевидно, что Эллада немало снабжала Этрурію произведеніями образовательныхъ художествъ; но, съ другой стороны, легко замѣтить, что самый характеръ, даже мелкой утвари, представляетъ явные признаки поддѣлки подъ вкусъ уже существующій и развившійся прежде и независимо отъ эллинскаго вліянія. Красота или дешевизна эллинской работы вытѣснила другую работу не-эллинскую, но не измѣнила первоначальнымъ обычныхъ формъ, и эллинская стихія осталась совершенно незамѣтною въ великихъ произведеніяхъ зодчества, въ которыхъ чисто-кушитскій стиль остался навсегда преобладающимъ.

Точно такъ же безсильно было эллинское начало измѣнить направленіе письменъ справа налѣво; но самыя письмена указываютъ на давнюю письменность, болѣе сходную съ иранскими, чѣмъ съ сирофиникійскими формами и принявшую обратное направленіе отъ жреческаго характера тирренскаго народа, безъ большой перемѣны въ начертаніяхъ. Отношеніе прямыхъ письменъ (т.-е. слѣва направо) къ обратнымъ вездѣ было то же самое, какъ и въ Скандинавіи отношеніе *Рунъ* и *Венде-Рунъ*. Одни были простыя, бытовыя, другія— таинственныя *). Счетныя же или цифрованныя (*Цаль-Руны*) вездѣ исчезли, оставивъ, какъ кажется, темный слѣдъ свой *) въ надписяхъ на мидо-персидскихъ и вавилонскихъ памятникахъ *).

Исторія Этруріи для насъ утрачена; должно думать, что и древнему міру она была не извѣстна, рано смѣшавшись съ полумиѳическими, съ полусказочными преданіями; такова судьба всѣхъ историческихъ сказаній у тѣхъ народовъ, въ которыхъ религіозный смыслъ преобладаетъ надъ государственнымъ, между тѣмъ какъ сама религія оторвалась отъ ранняго преданія и перешла черезъ эпоху синкретическаго броженія. Впрочемъ, изъ всего извѣстнаго можно сказать утвердительно, что государство не смыкалось никогда въ плотное и цѣльное зданіе, даже въ то время, когда оно завоевывало большую часть Италіи на югъ отъ Рима, владѣло всѣмъ сѣверомъ, кромѣ областей вендскихъ, пріадріатическихъ и лигурскихъ (также вендскихъ), природанскихъ и оспаривало первенство на моряхъ у фокейскихъ Эллиновъ (Массилійцевъ) и у великой тирской колоніи (Карѳагена). Оно было не что иное, какъ союзъ нѣсколькихъ городовъ (кажется, двѣнадцати), соединенныхъ единствомъ гражданскаго устройства и вѣры, управляемыхъ своими князьями-жрецами (*лукумонами*) и признающихъ временное первенство одного котораго-нибудь изъ городовъ союза.

Имена городовъ, составлявшихъ союзъ, подвержены сомнѣнію, ибо не у всѣхъ писателей они означены одинаково; очевидно, что въ каждомъ округѣ (государствѣ отчасти самобытномъ) было болѣе одного города и что первенствовалъ въ округѣ то одинъ городъ, то другой; но число округовъ оставалось неизмѣннымъ и соотвѣтствовало таинственному числу великихъ боговъ. Также и главный городъ всего союза былъ не всегда одинъ и тотъ же. Первенство было временное и едва ли подчиненное какому-нибудь общему закону. Даже сомнительно и то, принадлежалъ ли главный городъ къ числу двѣнадцати или считался отдѣльно тринадцатымъ. Послѣднее предположеніе довольно вѣроятно по характеру миѳологіи *). *Клузіумъ*, долго пользовавшійся первенствомъ, въ имени своемъ, такъ же какъ и большая часть этрурскихъ городовъ и главная рѣка *(Арнусъ)*, представляетъ довольно явно корень восточно-иранскій. Имя города—*ключъ* весьма обыкновенно въ земляхъ славянскихъ, особенно же въ Иллиріи. Поэтому можно смѣло утверждать, что строеніе городовъ принадлежало Разенамъ, а не Тускамъ или позднѣйшимъ Тирренцамъ.

Внѣшнія судьбы Этруріи, ея борьбы на морѣ, ея завоеванія на сухомъ пути не оставили слѣдовъ, за исключеніемъ вліянія на развитіе молодого Рима; гораздо важнѣе намекъ, оставшійся въ преданіяхъ, о ея внутреннихъ раздорахъ. Сказаніе о *Целесѣ Вибенна* и о его сподвижникѣ *Мастарнѣ*, поселившемся въ Римѣ и царствовавшемъ подъ именемъ *Сервія Тул-*

лія, указываетъ на борьбу сословій и на возстаніе народа подвластнаго (разенскаго) противъ угнетавшей инокровной аристократіи. Удаленіе бѣглецовъ въ округъ римскій показываетъ, что Римъ уже былъ заключенъ въ границахъ Этруріи, но что онъ не вполнѣ былъ слитъ съ сѣвернымъ союзомъ и могъ дать бездомникамъ убѣжище и защиту.

Не нужно даже предполагать полную историческую истину въ сказаніи: пусть царь Сервій и бѣглецъ Мастарна будутъ не одно лицо, пусть гора Целіусъ получила свое имя не отъ Вибенны, смыслъ сказанія остается тотъ же. Римъ является при первомъ Тарквиніи убѣжищемъ внѣ-этрурскимъ, такъ что эпоха Тарквинія втораго получаетъ новое значеніе.

Народъ *сабинскій* представляетъ явную противоположность съ Этруріей. Имя его не представляетъ никакихъ указаній но по всѣмъ примѣтамъ оно связывается или съ религіозными обычаями, или съ особенностями быта военнаго и слѣдовательно носитъ характеръ первобытности.

Формы *Сабеллы*, *Самниты* суть очевидныя искаженія коренной формы *Сабинъ*, одна—какъ уменьшительная *), другая—какъ искаженіе звука *б* въ носовой *м* (*Самнитъ изъ Сабинитъ*).

Ту же самую простоту первобытную и безыскусственную можно замѣтить и въ чисто символической религіи Сабиновъ, въ отсутствіи человѣкообразныхъ кумировъ, въ грубой неиспорченности нравовъ, въ отсутствіи градостроительства и государственной организаціи и въ преданіяхъ о строгомъ семейномъ и родовомъ бытѣ. Вообще Сабины являются на зарѣ исторической, какъ народъ горный, пастушескій, не чуждый хлѣбопашеству, хотя и не славящійся имъ, исполненный мужества и свободолюбія, но не стремящійся къ неправедному завоеванію до тѣхъ поръ, покуда нужда, стѣсненіе отъ иныхъ народовъ и примѣръ сосѣдей заставили его выслать свои молодыя дружины на югъ, подъ именемъ Самнитовъ, и основать союзъ вольныхъ общинъ, отодвинувшій Этрурцевъ отъ береговъ Волтурна и долго противившійся неодолимой силѣ римской судьбы.

Языкъ сабинскій намъ не извѣстенъ; но изъ древнихъ показаній можно угадать, что онъ немного отличался началами своими отъ осскаго и вошелъ отчасти въ составъ латинскаго. Этого довольно, чтобы опредѣлить его западно-иранскую основу и причислить его къ разряду тѣхъ болѣе или менѣе нынѣ исчезнувшихъ нарѣчій, которыя явились въ южной Европѣ съ первыми выселенцами изъ Малой Азіи.

Впрочемъ на латинскія этимологіи совсѣмъ не должно полагаться. По недостатку критическаго направленія Римляне готовы были всякое слово, похожее на латинское, принять за коренное, если только оно встрѣчалось у народа сравнительно дикаго. Такъ, слово самнитское *эмбрадуръ* считаютъ они первобытомъ слова лат. *imperator*, между тѣмъ какъ слово сабинское есть очевидно форма искаженная. Латинское *imperare* сохранило въ чистотѣ корень *perare*, отъ котораго *properare* и др., корень, который живетъ въ славянскомъ *пратъ (попиратъ, отпиратъ, упиратъ* и проч.) и едва ли не въ связи съ санскр. префиксомъ *пра*, означающимъ движеніе и, съ санскр. глагол. *пела* (итти). Приняли ли Сабины свое *эмбрадуръ* отъ Римлянъ, или у себя составили слово изъ искаженныхъ формъ, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ Римская форма первобытнѣе; а въ этимологіяхъ у римскихъ писателей всегда вѣрно только одно ихъ глубокое сознаніе, что Римъ *colluvies gentium*,—обстоятельство слишкомъ часто забываемое новою ученостью.

Отдѣлить въ латинскомъ языкѣ стихію сабинскую отъ осской нѣтъ никакой возможности по признанному между ними родству, но въ самомъ развитіи общественной жизни Рима великое мѣсто занимаетъ начало сабинское по его огромному вліянію на религію. Отъ него, очевидно, ведется большая часть духовныхъ обрядовъ и вѣрованій, отъ него все символическое, отвлеченное и нравственное; отъ него всѣ тѣ черты, которыми гордый, и не безъ причины гордый, патрицій отличался отъ плебея и, наконецъ, почти все то, что служило основаніемъ первоначальному устройству государства до этрурской примѣси при Тарквиніяхъ.

Данныхъ для опредѣленія сабинской религіи нѣтъ; но преданіе объ отысканныхъ книгахъ религіознаго законодателя Нумы *) и о томъ, что Сенатъ предписалъ уничтожить всю необрядную часть ихъ для предотвращенія толковъ и сомнѣній, доказываетъ, что основа этой религіи была слишкомъ духовна для грубо-вещественныхъ Римлянъ, погрязшихъ въ нелѣпость человѣкообразія эллинскаго и въ мертвую обрядность. То же самое можно бы было уже заключить изъ самой простоты обрядовъ, изъ безкровныхъ жертвоприношеній и изъ сохранившихся именъ сабинскихъ боговъ*).—Весь видимый міръ былъ обоготворенъ Этрусками; всѣ силы природы и всѣ ея явленія воплощены въ божественныя личности; весь кругъ годовой съ его подраздѣленіями включенъ въ разнообразный и дѣтскій пантеонъ; вся наука обращена въ религію и вся религія въ науку заклинанія, т.-е. торжества человѣка надъ богами посредствомъ таинственныхъ обрядовъ. Это характеръ кушитскій, во всей его чистотѣ.

Должно, однакожъ, замѣтить. что имя главнаго божества *Тина* или *Тинъя* представляетъ признаки восточно-иранскаго происхожденія, соотвѣтствуя или слову *денъ* (по отсутствію буквы *д* въ этрусскомъ нарѣчіи *), или слову *чинъ* (начало). Точно такъ же и поклоненіе духамъ умершихъ людей, *манамъ*, указываетъ на корень иранскій, сл. *мнить*, санскр. *ман.*, герм. *meinen* и пр. Очевидно, что мысль кушитская развилась на почвѣ чисто-иранской.

Всѣ эти особенности миѳологіи этрусской были приняты Римомъ; но онѣ подчинились другому древнѣйшему и совершенно противоположному началу сабинскому. Между тѣмъ какъ все видимое, чувственное иди наукообразное въ вещественномъ мірѣ олицетворялось и обоготворялось въ области тирренской, все отвлеченное, духовное и нравственное наполняло пантеонъ сабинскій. Богами назывались и какъ боги чествовались счастіе, спасеніе, вѣра, судьба (*Fortuna*, *Salus*, *Fides*, *Fors*) и т. д. Міръ небесный наполнялся произвольными созданіями человѣческаго умствованія. Философское мышленіе превращалось въ религію, безъ сомнѣнія облагораживая душу, но не созидая истинной и живой вѣры.

Тотъ же ходъ умственный замѣтенъ и въ Элладѣ. У Гомера являются еще, какъ чисто-нравственныя идеи, слова, которыя впослѣдствіи, а иногда и въ немъ самомъ являются уже божественными лицами. Такъ, напр., *Мойра* (или *Мѣра*), имя Парки миѳологической, значитъ у Гомера только правду, согласно съ своимъ восточно-иранскимъ корнемъ *мѣра*.

Надъ этими божествами, дѣтьми умствующаго произвола, высился древнѣйшій Олимпъ, котораго начало скрывается въ преданіи; представителями его были верховный богъ, громовержецъ *Семо-Санкусъ*, *Юнона*, *Соранусъ*, *Феронія*, *Мамерсъ* и, можетъ быть, другіе, забытые римскими писателями. Основа вѣрованія лежитъ очевидно въ духовномъ поклоненіи востока, искаженіе носитъ отпечатокъ начинающагося, но не вполнѣ развитаго человѣкообразія, занятаго, по всей вѣроятности, отъ сосѣдственныхъ племенъ, Эллино-Пелазговъ или Вендовъ.

Кажется, можно утверждать безошибочно, что *Семо-Санкусъ* носилъ также имя *Юпитеръ* *); это очевидно изъ параллелизма съ именемъ *Юно*. Корень въ обоихъ одинъ, какой бы онъ ни былъ, *юнъ* ли, или *дію*, согласно съ другой формой *Діес-питеръ*, или *ю*, какъ можно бы было предполагать по другимъ иранскимъ или полу-иранскимъ племенамъ, у которыхъ встрѣчается имя *Яо* или *Яхве*, или *Ю* (какъ у при-волжскихъ народовъ *Ю-мала*, т-е. *Ю* — свѣтъ или лучъ). Тоже самое слово отдается и далеко, далеко на востокѣ въ первыхъ царяхъ безконечнаго Китая *Ю*, *Хунъ* и *Яо*. Пары—*Юпитеръ* и *Юно*, *Соранусъ* и *Феронія* суть вѣроятно только повторенія однихъ и тѣхъ же боговъ, носящихъ разныя названія по разнымъ мѣстностямъ *); по крайней мѣрѣ *Феронія* и *Юно* часто принимаются за одно божество.

Мамерсъ есть, очевидно, прозвище бога убивающаго и составлено посредствомъ удвоенія первыхъ звуковъ кореннаго глагола.

Впрочемъ, уже издревле Сабины едва ли были народомъ одностихійнымъ; по крайней мѣрѣ великое значеніе аристократическаго класса указываетъ на чуждый приливъ, подчинившій себѣ туземную стихію. Съ другой стороны, простота нравовъ и обычаевъ, крѣпость и цѣльность общиннаго устройства и почти явное религіозное значеніе аристократіи не представляютъ никакихъ слѣдовъ завоеванія или насилія, но совершенно согласны съ предположеніемъ о давней колоніи иноземныхъ просвѣтителей, принесшихъ съ собою довольно свѣтлое ученіе мало-по-малу потемнившееся въ позднѣйшихъ умствованіяхъ священной касты, въ воздѣйствіи народнаго невѣжества на духовное ученіе высшаго сословія и во всегубящей тревогѣ бранной жизни.

Такъ, нравственныя качества и внѣшнія дѣйстія божества могли олицетворяться и обратиться въ отдѣльныхъ божественныхъ геніевъ или демоновъ, затмившихъ мало-по-малу самое божество.

Невозможно опредѣлить точку, отъ которой истекло просвѣтительное начало. Въ давнія времена, когда вражда народовъ еще не вполнѣ изгладила память первобытнаго братства, когда религіозная мысль переносилась свободно изъ края въ край міра и радушно принимались гости-просвѣтители, не рѣдкимъ было явленіе такихъ жреческихъ колоній, которыхъ память сохранилась въ миѳахъ, основатели поступили въ ряды боговъ или полубоговъ.

Таково, быть можетъ, начало разсказовъ о Персеѣ.

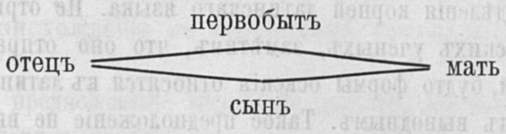
Теперешняя критика слишкомъ бѣдна данными, чтобы прослѣдить всѣ переселенія первобытныхъ ученій, которыхъ взаимное воздѣйствіе другъ на друга должно было породить множество подраздѣленій и дробныхъ религій, принадлежащихъ столько же иранскому преданію, сколько и кушитскому мудрствованію.

Религія сабинская въ самыхъ древнихъ сказаніяхъ о ней находится въ явной связи съ философіей. Ея священное число четыре есть золотое число школы пиѳагоровой *). Ея представитель, царь-жрецъ *Нума Помпилій*, многими чертами своей сказочной исторіи напоминаетъ сказочныя преданія о почти современномъ ему Пиѳагорѣ *).

Такова связь съ Нимфою, сказка о таинственномъ младенцѣ *) и др.

Въ этомъ сходствѣ замѣтно не вліяніе самаго пиѳагорейства (хотя оно безспорно имѣло сильное вліяніе на умственное развитіе во многихъ областяхъ Италіи), но туземное начало многихъ особенностей школы. Нѣтъ сомнѣнія, что великій эллино-италійскій философъ почерпнулъ большую часть своей мудрости изъ сокровенныхъ ученій юго-западной Азіи и Египта. Тамъ вѣроятно научился онъ таинственному значенію *риѳма* и *гармоніи* и духовно-вещественной силѣ отвлеченнаго числа; тамъ, безъ сомнѣнія, получилъ онъ начала математическаго знанія и астрономіи, ибо сама Эллада была еще погружена въ глубокомъ мракѣ, и въ Пиѳагорѣ слышны отзвуки высшей погибшей науки, а не голосъ рождающагося знанія. Но быстрый отзывъ Италіи на его ученіе, никогда не пробудившее сочувствія въ настоящей Элладѣ, доказываетъ, что много туземнаго и древле-живущаго въ народной вѣрѣ или въ жреческой тайнѣ вошло въ составъ пиѳагорейства. Такимъ образомъ объясняется сродство Нумы съ Пиѳагоромъ и особенная склонность сабинской миѳологіи къ обоготворенію умственныхъ отвлеченностей, а въ Римѣ объясняется отношеніе гордаго патриціанскаго ученія, полнаго нравственной чистоты и божественнаго предчувствія, къ человѣкообразной, нелѣпосказочной и вещественной религіи плебея. Корень сабинскаго богопоклоненія есть духовное иранское преданіе, измѣненное вліяніемъ умствованія кушитскаго и переходящее въ нравственную и мистическую философію.

Можно даже въ священномъ числѣ *четыре* предполагать окончательное развитіе тріады, ибо тріада, примиряющая два органическіе полюса въ новорожденномъ мірѣ, переходитъ въ четырехчленный символъ, когда первые два полюса признаются раздвоеніемъ основнаго первобыта:



А таковъ истинный смыслъ тріады, прообразившей въ видимомъ образѣ ту самую инстинктивную мысль, которая самосознательно высказалась въ позднѣйшихъ философскихъ школахъ и основала науку о необходимости, о полярности и о мнимой свободѣ, развивающейся изъ тождества и нетождества, положенія и отрицанія. Тождество бога и богини извѣстно было Египту, Индіи и Сиріи.

Оски, Латины.

Еще менѣе, чѣмъ Сабины, извѣстны намъ *Оски* или *Опики*, то же что *Авзоны)*, отдѣлявшіе, какъ кажется, землю древнихъ Энотрійцевъ отъ этрусской, т.-е. населявшіе значительную часть западнаго берега Италіи и самый *Лаціумъ*. Не блистательно ихъ имя въ исторіи государственной, въ которой они никогда не занимали важнаго мѣста, даже по преданіямъ; еще менѣе блистательно въ лѣтописяхъ просвѣщенія, въ которыхъ они являются совершенными дикарями *).

Таково свидѣтельство Эллиновъ, вѣроятно несправедливыхъ оцѣнщиковъ осскаго племени, съ которыми они были знакомы по наемнымъ дружинамъ осскимъ въ Сициліи *) и другихъ мѣстностяхъ и по частымъ, всегда враждебнымъ столкновеніямъ. Впрочемъ, и у Римлянъ нѣтъ достаточныхъ свидѣтельствъ для опроверженія эллинскаго показанія.

Жизнь осскаго народа не оставила по себѣ воспоминаній, кромѣ тѣхъ эпохъ, въ которыхъ они подпадаютъ игу Тирренцевъ этрусскихъ въ сѣверной Кампаніи или вступаютъ въ невольную борьбу съ Сабинами и покоряются имъ въ области самнитской. Религія ихъ еще неизвѣстнѣе самой исторіи; но зато языкъ болѣе всѣхъ нарѣчій Италіи извѣстенъ по надписямъ, представляющимъ мало затрудненій просвѣщенному языкознанію.

Эти надписи, подтверждая истину древнихъ показаній о сродствѣ осскскаго нарѣчія и латинскаго, показались важнымъ пособіемъ критикѣ для опредѣленія корней латинскаго языка. Не отрицая вполнѣ мнѣнія германскихъ ученыхъ, замѣтимъ, что оно отправляется отъ ложной данной, будто формы осскскія относятся къ латинскимъ, какъ первобытныя къ выводнымъ. Такое предположеніе не выдерживаетъ ни малѣйшаго разбора. Нѣтъ сомнѣнія, что многія слова въ осскскихъ надписяхъ повторяются въ латинскомъ языкѣ уже въ видѣ сокращеній; но, во-первыхъ, это обстоятельство не всегда доказываетъ позднѣйшую форму (какъ, напр., молдавское *милуешти* не корень, а растяженіе сл. слова *милуй*); во-вторыхъ, нѣсколько формъ первобытныхъ не доказываетъ еще общей первобытности нарѣчія и наконецъ латинское сохранило явно первобытную форму во многихъ словахъ, которыя въ осскскомъ являются уже искаженными. Таковы всѣ слова заключающія звукъ *к* или *кв* (напр., мѣстоим. *quid*). Нарѣчіе осскское измѣнило этотъ звукъ въ *п* (мѣстоименіе *pid*). Очевидно, или самыя надписи принадлежатъ къ такому позднему времени, что языкъ уже подвергся сильному искаженію, котораго избѣгнулъ латинскій, или, что вѣроятнѣе, эти слова въ латинскомъ имѣютъ не осскское, а другое чистѣйшее начало. Должно замѣтить, что молдаво-валахское нарѣчіе во многихъ формахъ словъ, а въ особенности въ замѣнѣ звука *кв* звукомъ *п*, приближается къ нарѣчію надписей и заставляетъ предполагать собственно осскскую колонію *). Подробнѣйшее сравненіе было бы любопытно.

Языкъ осскскій представляетъ весьма много сходства съ семьями восточно-иранскими, хотя это сходство не такъ разительно, какъ въ латинскомъ; съ другой стороны, отзывы древнихъ писателей указываютъ на сродство Осковъ и Сабиновъ. Поэтому должно допустить или переселеніе коренныхъ итальянскихъ народовъ изъ восточной ихъ родины прежде, чѣмъ семьи иранскія опредѣлились окончательно (что можно предположить изъ постепеннаго удаленія туземцевъ итальянскихъ отъ морского берега при появленіи древнихъ пелазгическихъ колоній), или сильное вліяніе восточно-иранской семьи на западно-иранскихъ старожиловъ Италіи (что подтверждается присутствіемъ въ Италіи славянскихъ Разенъ и Вендовъ, Энотрійцевъ, которыхъ древніе признавали часто за родню славянскимъ Иллирійцамъ *), и колоній троянскихъ, которыхъ славянское происхожденіе не подвержено сомнѣнію).

Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе перваго, ибо ничто въ строеніи древне-италійскихъ нарѣчій (судя по надписямъ) не доказываетъ особенной первобытности.

Ближе всѣхъ къ Риму, всѣхъ важнѣе въ его исторіи и очевидно всѣхъ сильнѣе въ его составѣ (какъ видно изъ самаго названія языка) была стихія *латинская*; но общій смыслъ всѣхъ преданій безъ исключенія ведетъ къ тому выводу, что Лаціумъ былъ издревле землею смѣшенія и что собственно латинской стихіи допустить нельзя. Лаціумъ тотъ же Римъ, еще не сосредоточившійся.

Во мракѣ древности мелькаетъ загадочное имя *Туземцевъ (Aborigines)*, имя народа, не прославленнаго подвигами мужества, но и не омраченнаго кровожадною дикостью, народа, какъ кажется, первобытнаго и, безъ сомнѣнія, нисколько не отличавшагося отъ жителей сосѣднихъ областей, ибо преданія о немъ отзываются въ другихъ формахъ по всѣмъ странамъ Италіи. Но скоро при старожилахъ являются имена другія. Таковы Пелазги, которые и въ Лаціумѣ занимаютъ морское прибережье, такъ же какъ и въ Кампаніи и по Адріатикѣ и на всемъ югѣ Италіи.

Колонія Эвандра, Пелазга, и соединеніе имени аркадскаго съ Пелазгами не показываютъ собственно точки отправленія, но признанное единство семей одного племени.

Вмѣстѣ съ Пелазгами, но съ другой стороны, являются пришельцы италійскіе, Каски, которыхъ можно, по всѣмъ вѣроятностямъ, причислить къ семьѣ оскской.

На это есть много признаковъ, а въ особенности тотъ, что, кажется, по касскому населенію самый Лаціумъ былъ включенъ въ осскую область. Къ имени Касковъ древніе часто прибавляютъ прозвище *Приски* и это же самое прозвище иногда связывается съ именемъ Латинцевъ. Изъ такого соединенія весьма умные книжники вывели слѣдующее заключеніе: «*Приски*-де одно и то же, что *Каски*, а Латины другое, и *Приски-Латины* ошибка, а должно говорить *Приски* и *Латины*. Имя же *Прискусъ* изъ народнаго сдѣлалось прилагательнымъ въ смыслѣ древняго, обветшалаго, какъ *gothisch* по-нѣмецки или *gothique* по-французски». При совершенномъ уваженіи къ ученымъ, которыхъ заслуги останутся незабвенными, нельзя не замѣтить, что эти положенія сбиваются на смѣшное. Тотъ, кто сколько-нибудь изучилъ латинскій языкъ въ его параллелизмѣ съ другими нарѣчіями, не можетъ не узнать весьма древней формы прилагательнаго въ словѣ *priscus* и не узнать въ то же время его корня, еще ясно сохранившагося въ нарѣчіи *pridem*. Корень же этотъ (быть можетъ, уже остатокъ древнѣйшаго существительнаго или глагола) есть предлогъ *придъ* или *предъ*, сократившійся потомъ въ *пре*, но сохранившій иногда свою окончательную согласную въ составныхъ глаголахъ съ начальною гласною. Это очевидно тотъ же *предъ* или *прежъ*, который является во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и прилагательное *приски* составлено по всѣмъ законамъ аналогіи, точно такъ же какъ и русское *прежній* и нарѣчіе *прежде*, въ которыхъ народный выговоръ даетъ буквѣ *д* звукъ шипящій, и какъ всѣ прилагательныя на *кій* (*вязкій*, *тяжкій* и т. д.) и особенно какъ слово *предокъ*, множ. *предки*. Здравая критика не можетъ ни усомниться въ этой этимологіи, ни вѣрить, чтобы народъ какой нибудь себя самаго величалъ *прежними* или *предками* или *присками*. Въ этой ошибкѣ ученыхъ повторяется то же отсутствіе простоты и человѣческой истины, которая запутала всю исторію произвольными системами, начиная съ одностихійности Индіи до туземства эллинскаго и до эвгемеризма лѣтописи израильской.

Троянскія колоніи въ Италіи.—Альба.

Безспорно послѣ Пелазговъ и, кажется, гораздо послѣ Касковъ являются въ Лаціумѣ другія колоніи еще важнѣе и странно брошенныя такъ далеко на западъ отъ своей родины. Это колоніи мало-азійской Трои.

Бѣдныя усилія отвергнуть, не говоримъ дѣйствительность троянскаго происхожденія Альбы и Рима, но дѣйствительность самаго преданія; смѣшныя этимологическія хитрости надъ отдѣльными словами и надъ самымъ словомъ *Троя;* вся эта бнзплодная кропотливость науки, удаленной отъ простоты, спутала нѣсколько понятія новыхъ историковъ. Должно однакоже похвалить ученые труды, доказавшіе до ясности почти совершенной таинственное значеніе и миѳическій корень именъ мнимо-героическихъ, *Діомеда*, *Одиссея* и др., особенно же *Энея* и *Асканія* *). Уже выше было указано на тождество *Гелена* жреца и божества *Велена*, т.-е. Аполлона троянскаго и ликійскаго. Связь Малой Азіи съ Италіей и землею латинскою выводится безспорно, но только безпристрастное признаніе восточно-иранской стихіи содержитъ въ себѣ возможное разрѣшеніе всѣхъ трудностей. Очевидно, что паденіе Трои совпадаетъ съ удаленіемъ почти всей эолійской семьи изъ Эллады; но предполагать, что одна эолійская семья участвовала или что она поневолѣ участвовала въ троянской борьбѣ, значило бы опять не понимать общей художественной истины преданій. Паденіе Трои есть общее освобожденіе Эллады отъ первенства сравнительно-просвѣщенныхъ и торговыхъ сосѣдей восточно-иранскихъ; но этимъ паденіемъ пользуется въ особенности эолійская семья, стѣсненная въ Элладѣ и охотно разсыпавшаяся на многочисленныя колоніи по слѣдамъ побѣжденныхъ соперниковъ. Кротость вравовъ и вообще духовное преимущество Троянъ выражаются очень ясно въ самыхъ преданіяхъ Эллиновъ. За Трою мстятъ боги, и всѣ Трояне, въ особенности же Эней, являются любимцами всѣхъ небожителей и предметомъ уваженія даже для боговъ, враждебныхъ Троѣ. Таковъ ли характеръ Діомеда, Идоменея, Аяксовъ и даже хитреца Одиссея? Въ этомъ цѣлая исторія.

Хронологической связи между троянскою войною и основаніемъ колоній славянскихъ въ Лаціумѣ искать не должно; ибо преданія хранятъ только общій смыслъ происшествій, а не подробности лѣтосчислительныя. Всѣ колоніи троянскія возводятся памятью народовъ къ паденію Трои; онѣ могли быть основаны или гораздо послѣ, бѣглецами, нѣсколько разъ перемѣнившими свои убѣжища, или гораздо прежде, и только усилены позднѣйшимъ приливомъ бѣглецовъ, но всѣ сводились къ одному великому историческому происшествію, перемѣнившему всѣ судьбы южно-славянскихъ поселеній.

Такъ, напр., для здравой критики одновременность колонизаціи троянской на сѣверномъ прибережьи Адріатики (*Ядрянскаго* моря) Антеноридами и построенія латинской *Альбы* (*Біалъ-града* по перестановкѣ звуковъ) Энеадами остается вопросомъ весьма второстепеннымъ, но тождество начала не подвержено сомнѣнію и богато послѣдствіями.

Въ самомъ Лаціумѣ одинъ только городъ *Альба* (напоминающій именемъ своимъ любимое имя городовъ славянскихъ и даже народное прозвище Москвы и ея средней части, *бѣлокаменная* и *бѣлая*) признанъ былъ за чадо Трои. За всѣмъ тѣмъ единство обрядовъ, пенатовъ и святыни вообще связываетъ *Альбу* съ *Лавиніумомъ* и другими городами. Свидѣтельствуетъ ли такое единство объ единствѣ основателей или объ единствѣ древне-латинской стихіи, съ которою въ Альбѣ слилась троянская, трудно сказать.

Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что преданіе никогда не теряетъ изъ вида правъ древняго населенія и потому что двойственность начала въ самихъ городахъ является во всѣхъ сказаніяхъ отъ самыхъ дѣтей Энея до Ромула и Рема.

Но что Альба не была единственнымъ городомъ Славянъ въ Лаціумѣ, въ томъ нельзя сомнѣваться, по преобладанію славянской стихіи въ языкѣ римскомъ (т.-е. обще-латинскомъ) и по союзу всѣхъ городовъ. Очевидно, Трояне являются какъ просвѣтители полу-дикой области, градостроители и возбуждающіе туземцевъ къ переходу изъ разброднаго житія къ градостроительству. Съ ними не исчезаютъ древняя вѣра и древнее преданіе, но вносятся новыя стихіи религіозныя и жизненныя, равно чуждыя Пелазгу и Каску.

Таково поклоненіе Вестѣ, конный строй и др. *).

Такимъ образомъ составилось многосложное и многостихійное населеніе Лаціума изъ основы оскской, примѣси пелазгской и колонизаціи троянской (т.-е. восточно-иранской или славянской). Позднѣе наполнился онъ приливомъ Сабиновъ, мало-по-малу сходящихъ съ ихъ дикихъ и лѣсистыхъ пригорій, и подвергся долгому вліянію и временному владычеству просвѣщенной и завоевательной Этруріи.

Лавиніумъ, по всей вѣроятности выстроенный пришельцами троянскими, и безъ сомнѣнія троянская *Альба* сохраняли между городами Лаціума и нѣкоторое первенство, и рѣзкія особенности быта и языка *). Въ нихъ должна была развиться новая эпоха въ лѣтописяхъ человѣчества.

Начало Рима.

Около начала VIII столѣтія до Р. Х. бѣглецы албанскіе основали міродержавный Римъ.

Безполезно было бы искать самаго года, въ которомъ положено основаніе великаго города. Первоначальное его лѣтосчисленіе очевидно не представляетъ положительныхъ данныхъ и содержитъ смѣшеніе сказочныхъ преданій съ подлинною исторіею, но смѣшеніе такое сложное и неправильное, что нельзя и думать объ отдѣленіи истины отъ вымысла. Должно только ловить самый характеръ сказанія и отнюдь въ немъ не предполагать миѳа, который совсѣмъ не входитъ въ Римскую исторію. Она не всегда вѣрна истинѣ, но всегда движется въ кругѣ чисто-человѣческомъ и не представляетъ никакихъ символовъ небесныхъ или чисто-религіозныхъ, какъ ранняя исторія народовъ востока и даже Эллады.

Самое имя Рима—*Рома* было по всей вѣроятности только названіемъ бытовымъ, подъ которымъ скрывалось названіе таинственное, искаженное съ намѣреніемъ для отвращенія враждебныхъ заклинаній или безъ намѣренія отъ позднѣйшаго смѣшенія племенъ.

Что не отъ царя Ромула прозвался городъ *Рома*, въ томъ свидѣтельствуетъ уменьшительная форма царскаго имени, показывающая уже существованіе полной и коренной формы. Такъ какъ теперь никому не нужно заклинать боговъ-хранителей Рима, критика можетъ остаться довольно равнодушною и къ его настоящему имени, и къ настоящему имени его Пенатовъ. За всѣмъ тѣмъ достойно замѣчанія, что всѣ славянскія племена, мало искажающія чужеземныя слова и весьма рано вошедшія (черезъ Вендовъ и Иллирцевъ пріадріатическихъ) въ сношеніе съ Римомъ, называютъ его одинаково и что переходъ звука *о* въ *и* не можетъ быть объясненъ особеннымъ свойствомъ какого-нибудь нарѣчія (какъ, напр., малороссійскаго), ибо южные Славяне иллирійскіе и другіе и до сихъ поръ мало склонны къ такому переходу, а въ старину еще менѣе были къ нему склонны (какъ видно изъ слова *Озеріатъ*, въ которомъ первая гласная доказываетъ, что старожилы иллирійскаго берега говорили *озеро*, а не *езеро*, какъ теперь). Если сообразить съ этимъ обстоятельствомъ то, что въ сѣверной Элладѣ и придунайской сторонѣ римскіе колонисты сами себя издревле называли *Румунами*, что братомъ и соперникомъ *Ромуса* (Ромула) названъ *Ремусъ* и что звукъ *о* является въ латинскомъ языкѣ весьма часто какъ измѣненіе глухого *у*: кажется, должно будетъ признать, что въ имени города *Рома* былъ сначала глухой звукъ, вообще принимаемый за *у*, но который былъ дѣйствительно звукомъ *ы*, такъ же какъ мы видѣли во всѣхъ коренныхъ неэллинскихъ словахъ латинскаго языка (*Рымъ*).

Основа города была чисто *альбанская*, т.-е. *троянская* или *восточно-иранская*

Такимъ образомъ—и только такимъ—объясняется особенный характеръ латинскаго языка. То, что можно было понятъ изъ преданій и миѳовъ, связывающихъ основаніе Альбы и основателей ея съ божествомъ преимущественно славянскимъ, то самое выходитъ, какъ сказано было выше, съ совершенною ясностью изъ филологическаго изслѣдованія. Латинскій языкъ не въ корняхъ своихъ, но во всемъ развитіи своемъ, кромѣ эллино-пелазгской стихіи, представляетъ уже эпоху славянской языковой личности, какъ фактъ необходимо предшествовавшій. Не говоримъ о томъ, что множество словъ латинскихъ находятъ свой законный корень только въ славянскомъ, какъ, напр., *ensis* мечъ отъ *язить* или *нѣзить*; *sancire, sanctus* утверждать (въ смыслѣ договора) отъ *святить* или *свенцить*, *свеятъ* или *свнтъ*; *vitalus* или *Jetalus* и *vitulus* теленокъ отъ корня *телъ* или *телецъ*; *coelum* небо отъ *чело* верхъ; *colere*, *colonus* отъ *селить, селянинъ*; *emo* покупаю, *емлю*; *columba*, *голубь* и безконечное множество другихъ. Не говоримъ даже о живыхъ формахъ, общихъ славянскому и латинскому, какъ окончаніе именъ слав. на *елъ* или *еръ* и *ица* (въ женскомъ) и латинскихъ на *or*, *ix*, *icis*; употребленіе сл. *со* совершенно одинаковое какъ и употребленіе латинск. *cum* и пр. и пр. Но обратимъ только вниманіе на слова и формы, утраченныя и вкропленныя въ формы живыя. Таково причастіе прошедшее въ глаголахъ дѣйствительныхъ. Это причастіе не существуетъ въ латинскомъ нарѣчіи, но оно явно сохранилось въ сложныхъ временахъ глагола и именно въ формѣ малороссійской: *amavi eram*, любивый есть; *ama viero*, любивый буду; таковы признаки глагола *быть* въ формѣ *былъ и буду*: *ama-bam, ama-bo ama-bundus*; таковъ весь утраченный глаголъ *dere* или *duere* (сходный съ гер. *thun* въ смыслѣ *дѣть* или *дѣять*), напр., *induere* надѣвать, *condere* содѣять, *subdere* поддѣть, подложить или покорить и др.; таково склоненіе и мѣстоимѣнія *is*, *ea*, *ejus*, въ которомъ слилось мѣстоименіе *сей* съ *его*; таковъ параллелизмъ прилагательныхъ и нарѣчій на *кв* и *т* (напр., *talis*, *qualis*, *tandem, quando* и пр.), соотвѣтствующій славянскому параллелизму *т* и *к* (напр., *толикій*, *коликій*, *тогда, когда* и пр.), но лишенный оправдательнаго корня въ мѣстоименіи *тотъ*; таково присутствіе утраченнаго предлога *до* въ словахъ *quando*, *tandem* и во многихъ другихъ, и особенно въ *donec*, котораго явный первообразъ, сл. *до—неже*, составленъ по всѣмъ законамъ славянскаго организма; таково присутствіе въ древне-латинскомъ средняго звука между *э* и *и* (слѣд. *ѣ*), явное въ двойномъ развѣтвленіи семей *vir* (*vir*, *virtus*, *vires* и пр.) и *ver* (*verum*, *vereor* и др.), и звука *ы*, о которомъ уже говорено; таковъ слѣдъ слав. предлога *въ*, въ глаголѣ *venire* (внити); таково все спряженіе, которое, какъ мы показали, основано на трехъ вспомогательныхъ глаголахъ по славянскому образцу. Множество подобныхъ примѣровъ, явныхъ для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, составляетъ полное, неопровержимое свидѣтельство. Точно такъ же какъ землеиспытатель находитъ слѣды отжившей жизни въ каменныхъ пластахъ, сдавившихъ но и на вѣкъ сохранившихъ остатки старыхъ организмовъ, такъ и филологъ не можетъ не узнать въ странномъ и безпорядочномъ напластанiи латинскаго языка замершее свидѣтельство объ организмѣ нѣкогда живомъ, и въ этомъ организмѣ является ему оторванный членъ отъ безконечнаго колосса бактро-славянскаго, охватившаго собою весь Востокъ и всю среднюю Европу и нѣкогда отдѣльными вѣтвями проникшаго во всѣ части Италiи. Но обманчива бы была надежда критика, если бы онъ вздумалъ во всѣхъ частяхъ латинскаго языка отрывать слѣды прежняго троянскаго нарѣчiя въ неизмѣненномъ видѣ мертвыхъ ископаемыхъ. Живое сживается съ живымъ. Рѣдко удается найти слова, спасшiяся отъ искаженiя посредствомъ вкропленiя въ другiя и сохранившiяся, какъ неприкосновенный и неразрушаемый кремень. Большая часть подвергалась измѣненiю и получала новую, хоть и неправильную, жизнь вслѣдствiе прививки къ чужеземнымъ стихiямъ. Весьма многiя слова скрылись подъ прихотаивою перестановкою буквъ (таковы: *nix—съ ниг* с. *снигъ*; *trux—съ-трук* с. *строгъ*; *fax faces*, *съ-фаце* с. *свѣча*; *fascis* с. *связка*, и едва ли не самый *urbs*, *с—руб*, с. *срубъ* *) и пр.), точно такъ же какъ эта перестановка буквъ нерѣдко является даже внутри нарѣчiй одноначальныхъ (напр., въ славянскомъ *дланъ* или *долонъ*—ладонь, *медвѣдь—ведмѣд*, *колдобина*—отъ *коло* и *дѣять*,—*бакалдина* и пр.). Многiя недоступны для наблюденiя, потому что стихiи, пришедшiя въ соприкосновенiе съ славянскою, имѣли съ нею много корней общихъ, слѣд. имѣютъ по видимому равныя права на званiе родоначальниковъ (напр. въ словахъ *domus* домъ, *vicis* весь, *pilvis* пыль и пр.). Чувство живой истины одно можетъ руководить критикомъ, и оно должно привязыватся къ болѣе общей физiономiи, чѣмъ къ подробностямъ, болѣе къ слѣдамъ органическаго развитiя, чѣмъ къ корнямъ. Результаты будутъ безошибочны. (Такъ напр. *abs* можно смѣло принять за обратное *безъ*, когда *ad* есть явное обращенiе предлога *до*, ибо раннее *donec* сохранило первоначальную форму, а позднѣйшее *ad-huc* уже приняло форму эпохи искаженной). Во всякомъ случаѣ языковая основа латинскаго нарѣчiя принадлежитъ вполнѣ системѣ славянской и даетъ выводы, подтверждающіе истину сказанія объ основаніи Альбы и славянствѣ трояно-ликійскихъ народовъ [1]).

Бѣглецы Альбы выстроили себѣ новое убѣжище на берегахъ Тибра и поселились вѣроятно дружиною, а не семьями. Память о такомъ дикомъ состояніи сохранилась въ сказаніяхъ. Самый основатель города, какъ лицо историческое, исчезъ; пѣсни и преданія причислили его къ числу лицъ полу-божественныхъ, съ которыхъ народы древности любили начинать свою родословную.

Очевидно, сказка о рожденіи Ромула есть только искаженное повтореніе сказки объ Энеѣ, основателѣ первыхъ троянскихъ колоній; но все, что въ преданіи объ Энеѣ носитъ на себѣ характеръ мирный и богоугодный, приняло въ преданіи о Ромулѣ характеръ воинственной дикости. Самая Венера древнихъ Славянъ *(Прія)*, измѣнивъ немного имя свое въ *Rea* (*Rhea*) *), приняла прозвище лѣсной (*Sylvia*), и суровая волчица должна была вскормить дѣтей кроткой богини.

Но съ баснословнымъ Ромуломъ, представителемъ альбанской стихіи, связались родовыя сказанія нѣсколькихъ правительственныхъ семей и въ особенности той семьи, которой суждено было измѣнить всю государственную жизнь всемірной державы; съ именемъ Ромула соединены свидѣтельства о смѣшеніи стихій народныхъ при самомъ началѣ римскаго бытія. Воинственные выходцы Альбы, бездомные удальцы, похитили женъ другого племени и вступили сперва въ борьбу, потомъ въ дружескій и общинный союзъ съ своими сосѣдями. Такова эпоха Ромула.

Самое первое появленіе Рима представляетъ намъ чистую дружину, слѣдственно быть условный, произвольный, а не естественный. Нѣтъ сомнѣнія, что дружина можетъ быть точно такъ же торговая или религіозная, какъ воинственная; но форма условія и внутренняго государственнаго устройства въ первоначальномъ Римѣ опредѣляется сначала очевидно не высшими идеями, проявившимися впослѣдствіи, но потребностями военными. Отъ того и эпоха Ромула осталась не въ почетной памяти у патриціанскаго духовно-образованнаго сословія: она помнилась, какъ время дикости и насилія, время темное и безславное *). Патриціанскій характеръ города опредѣлился уже въ позднѣйшую эпоху.

---

[1]) Едва ли не самое поучительное свидѣтельство о томъ, какъ человѣческій произволъ измѣняетъ человѣческое слово, находится въ нарѣчіи русско-камчатскомъ. Тамъ между прочимъ женскій родъ исчезъ въ прилагательныхъ, *женщины* величаются *парнями* и *мухи—утками*! И это въ землѣ, принадлежащей Россіи и у колонистовъ, пришедшихъ изъ Россіи! Одна только причина искаженія—частное и временное разъединеніе, давшее волю прихоти. Великій урокъ филологамъ и насмѣшка надъ многими системами.

Но этотъ характеръ, еще не развившійся, уже таился въ зародышѣ. Ко временамъ градостроителя возводитъ преданіе раздѣленіе патриціанскихъ трибъ и самую гибель его приписываетъ враждѣ первенствующаго сословія. Для здравой критики сказаніе о смерти Ромула не имѣетъ значенія были исторической*), но оно представляетъ свидѣтельство о борьбѣ военно-дружиннаго, полу-демократическаго начала съ началомъ религіознымъ и патриціанскимъ, о торжествѣ втораго и объ уступкѣ, сдѣланной имъ въ пользу перваго принятіемъ въ число боговъ представителя воинской дружины. Раздѣленіе трибъ (было ли ихъ двѣ или три, все равно) согласно съ разсказами о двухъ одновременныхъ царяхъ и о сліяніи двухъ народовъ. Самыя названія трибовъ соотвѣтствуютъ кореннымъ именамъ этихъ народовъ: *Тиціи*—представителю Сабиновъ (вѣроятно названію одного изъ сабинскихъ поколѣній, *Тицію* или *Тацію*), *Рамны*—самому городу *Рома* или *Рымъ* *).

Рамны то же самое, что *Романы* или *Румуны*. Въ языкахъ разностихійныхъ, такъ же какъ въ словахъ, принятыхъ изъ языка чужого, такое колебаніе безпрестанно. Англичане говорятъ *pope—попъ* и *papal—папалъ* и т. д. *Луцеры* едва ли не позднѣйшаго Этрусскаго происхожденія и напоминаютъ слово *Лукумонъ*.

Весь ранній характеръ Рима, независимо отъ сабинской примѣси, представляется военно-дружинымъ. Граница—истинная святыня Рима: граница, обагренная кровью родного брата, неуступающая даже Юпитеру *). Въ этомъ грубо-условномъ, чисто государственномъ характерѣ вся тайна будущаго римскаго величія. Но была и другая религія, связывающая дружину съ городомъ, отъ котораго она отдѣлилась. Объ этой религіи не осталось свидѣтельствъ положительныхъ и прямыхъ, но косвенныя свидѣтельства ясны. По нѣкоторымъ сказаніямъ еще при Ромулѣ, по другимъ послѣ него, Римъ объявилъ уже притязаніе быть главою союза 30-ти городовъ, одноначальныхъ съ Альбою, и это притязаніе безспорно было религіозное. Оно находилось явно въ связи съ служеніемъ *Весты*, ибо это служеніе, безтолково приписанное иными писателями Нумѣ, не имѣетъ ничего общаго съ системою сабинскою. Въ лицѣ же Весты, принимая въ соображеніе молчаніе всѣхъ писателей о поклоненіи Венерѣ и въ то же время сказаніе о Венерѣ, какъ матери Энея, и Реѣ (*Пріѣ*), какъ матери Ромула и *весталкѣ*, мы должны признать ту самую богиню обще-славянскую, которая составляла отличительный характеръ славянской миѳологіи: женское начало не въ символизмѣ, но въ человѣкообразіи, т.-е, *Прію-Венеру*; а въ имени *Весты* (*знающей*, какъ *невѣста* незнающая) признать высокое значеніе этой богини, униженной въ позднѣйшемъ сенкретизмѣ.

Ей же соотвѣтствуетъ и *Діана* какъ *Діанъ* или *Янусъ*-Велену.

Таковы наши данныя для перваго періода римскаго; онѣ всѣ заключены въ области чисто-славянскаго міра, какъ по языку, такъ и по религіи.

Второй періодъ Рима.

Царствованіе *Нумы Помпилія* опредѣляетъ новый періодъ и преобладаніе стихіи уже дѣйствовавшей, но не преобладавшей въ первомъ.

Сабинская стихія.

Съ горъ, лежащихъ на Востокѣ отъ области латинской, сдвинулись въ равнину Сабины. Римъ принялъ ихъ поневолѣ въ свои нѣдра, но по своему чисто-условному началу усыновилъ ихъ, не покоряясь имъ и не покоряя, но миряся. Высшее духовное стремленіе, къ которому были способны Сабины и которое, какъ очевидно изъ пиѳагорейства, получило даже нѣкоторое развитіе у полу-просвѣщенныхъ жрецовъ, дало первенство пришельцамъ надъ дикими дружинниками, основателями общины. *Веста* помирилась съ богами сабинскими; религія, нѣкогда нечуждая крови (какъ видно изъ разсказовъ объ Альбѣ), приняла характеръ отвлеченный и безкровный; роды (*gentes*) сдѣлались святынею, и патриціатъ сталъ на основѣ твердой и разумной.

О безкровности древне-римской религіи, т.-е. религіи второй эпохи, много свидѣтельствъ. Главное же и неоспоримое то, что одинъ взглядъ на войско уже оскверняль первосвященника *).

Начало альбанское (троянское или восточно-иранское) было въ высшей степени родовое и семейное; начало сабинское было также не чуждо семейности. Очевидно, Римъ не могъ развиться иначе, какъ въ строго-семейномъ бытѣ.

Не такъ какъ Эллада, въ которой характеръ завоевательной дружины вездѣ уничтожалъ семью, кромѣ мирно-созданныхъ Аѳинъ.

Съ другой стороны, воинственный бытъ первой римской эпохи долженъ былъ отозваться униженіемъ женщинъ въ отношеніи правъ гражданскихъ *). Такъ и было.

То же самое замѣтно и въ нѣкоторыхъ областяхъ славянскихъ въ противность общему славянскому быту, уравнивающему женщинъ и мужчинъ; но такія области заселены казачествомъ.

Между тѣмъ самая основа государства была чисто условная и произвольная, обращенная съ самаго начала не на внутреннюю, но на внѣшнюю жизнь; родовое устройство приняло въ себя ту же стихію условности и удалилось совершенно отъ своей первобытной простоты. *Gentes*, т.-е. роды, опредѣлялись не кровнымъ родствомъ, но принятіемъ пришельцевъ, безъ сомнѣнія даже чужеземцевъ, въ права родовыя, въ общеніе родовой святыни и въ законы подчиненности со стороны мнимыхъ родичей, и покровительства со стороны родоначальниковъ. Семья же, не принимая въ себя такой искусственной примѣси, замкнулась въ форму государственнаго положенія и уничтожила личность всѣхъ своихъ членовъ, заключая ихъ въ одномъ лицѣ полнаго гражданина, отца семьи. Нравственная чистота могла развиться и развилась въ высокой степени подъ вліяніемъ нравственно-отвлеченной религіи (Сабинской), религіи, исполненной духовнаго символизма и философскихъ стремленій (пиѳагорейскихъ). Такимъ образомъ добро нравственное сдѣлалось главнымъ двигателемъ жизни личной у Римлянина, между тѣмъ какъ у Эллина истиннымъ божествомъ былъ самъ человѣкъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Въ Элладѣ идеалъ человѣческій, облагораживаясь мало-по-малу и въ то же время отвлекаясь отъ всѣхъ случайностей и отыскивая себѣ разумной (т.-е. разсудочно-вѣрной) опоры, дошелъ до идеала чисто-логическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотѣ знанія—истинѣ; въ Римѣ идеалъ сохранилъ свою отвлеченность и остался себѣ вѣрнымъ въ отвлеченной красотѣ воли—добродѣтели. Но вся жизнь общества Римскаго, заключенная въ условіяхъ произвольныхъ и чисто-внѣшнихъ, отозвалась въ самомъ идеалѣ добродѣтели и наложила на него характеръ грубой внѣшности, не имѣющей и не объявляющей притязанія на средоточіе духовной жизни и заключенной единственно въ правдѣ относительной или условной. Дѣятельность внутренняго человѣка ограничилась тѣсными предѣлами односторонности, и изъ этой односторонности, убившей лучшія способности духа, развилось впослѣдствіи право, — великолѣпное римское право, многообъемлющее, стройное, строго-логическое, но мертвое и умерщвляющее. Между тѣмъ какъ лица, составляющія общину римскую, подчинились высокому закону правды, самое государство не могло и не думало покорить свою дружинную условность нравственнымъ требованіямъ, обязательнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Оттого римское право осталось исключительно-судебнымъ и не обняло ни государственныхъ положеній, ни даже самыхъ скудныхъ началъ права народнаго. Таковъ характеръ второй эпохи Римской, опредѣлившей со стороны дѣятельности патриціанской всю послѣдовавшую жизнь міродержавнаго города.

Нельзя не замѣтить сходства между отвлеченными началами Рима и далекой восточной державы Китая; но притомъ не должно упускать изъ вида и великаго различія. Въ обоихъ преобладаетъ идея внѣшней правды; но въ одномъ (Китаѣ), поставившемъ себѣ въ первоначальную задачу устроеніе логическаго государства на отвлеченно-нравственныхъ началахъ, преобладаетъ право государственное, и вся его условность есть плодъ отвлеченнаго умствованія, въ которомъ всѣ части приносятся въ жертву цѣлому; въ другомъ (Римѣ) условность полагается случайными потребностями дружины и налагаетъ свою печать, печать грубой безнравственности, на все государство: идея внѣшней правды созидаетъ только право судебное. Въ началахъ Китая выразилось высшее требованіе духа. Съ другой стороны, въ Римѣ самый произволъ, основавшій дружину, и позднѣйшее столкновеніе плебеевъ съ патриціями, развили идею личной свободы, но свободы подчиненной строгимъ требованіямъ правды, т.-е. идею свободы правомѣрной. Въ этомъ отношеніи Римъ не идетъ въ сравненіе ни съ какимъ древнимъ государствомъ. Задача Китая была религіозная, и предметомъ религіи было самое государство, точно такъ же какъ стройность, подражающая законамъ міровымъ, была задачею всѣхъ чисто-кушитскихъ государствъ. Въ этой религіозной, но односторонней основѣ должно искать тайну ихъ долгаго существованія. Всеобъемлющее требованіе иранскаго духа не могло создать себѣ достаточныхъ формъ и безсознательно подражало чужимъ, несвойственнымъ ему законамъ, за исключеніемъ двухъ эпохъ Іудеи: до Саула и послѣ вавилонскаго плѣна. Эллада и Римъ принадлежатъ періоду погибшихъ вѣрованій и преобладанія личной свободы. Государственный ихъ законъ одинъ: грубая, беззаконная польза. Но Римъ нашелъ въ нравственной чистотѣ своихъ гражданъ-патриціевъ силу и святость, которой не доставало Элладѣ; точно такъ же какъ и самую пользу онъ положилъ въ пользѣ истинной, вещественной, а не въ красотѣ славы и наружнаго блеска, которую Эллины принимали за пользу. Должно замѣтить, что несравненное превосходство нравовъ римскихъ передъ эллинскими вполнѣ зависѣло отъ сохранившагося во всей Италіи и утраченнаго въ Элладѣ преданія о безсмертіи душъ и высокомъ ихъ загробномъ значеніи. «Лучше быть какой хочешь дрянью на землѣ, чѣмъ царемъ всѣхъ тѣней», говоритъ Ахиллъ въ Одиссеѣ. Для древняго Грека мертвый—безсильная тѣнь; для древняго Италіота онъ могущій и полубожественный духъ, принимающій достойную славу или достойную казнь *).

Патриціи и плебеи.

Римъ, основавшись какъ сбродная дружина, былъ уже по необходимости городомъ-убѣжищемъ. Римъ, обратившись въ мирную святыню, окруженную враждебными или завистливыми сосѣдями, призналъ необходимость новой охранной дружины, и эту дружину собиралъ онъ снова въ своемъ прежнемъ значеніи убѣжища. *Asylum* былъ въ обоихъ случаяхъ потребностью неизбѣжною, но характеръ убѣжища измѣнился. Въ первой эпохѣ всякій пришлецъ былъ братомъ Римлянину по удальству, по желанію участвовать въ подвигахъ и выгодахъ дружины. Онъ поступалъ легко въ права гражданина и въ искусственный строй общества, раздѣленнаго на произвольные числительные участки (на десятки, сотни, тысячи и т. д.), ибо таковъ былъ раздѣлъ Ромулова Рима. Во вторую эпоху онъ уже долженъ былъ причислиться къ святынѣ какого-нибудь рода и поступить въ число родичей,—разумѣется съ меньшими правами противъ старшихъ и съ меньшею степенью посвященія въ святыню.

Такое отношеніе можно угадать, хотя положительнаго мы не имѣемъ. Низшіе члены искусственнаго рода относились вѣроятно къ старшимъ, какъ во многихъ духовно-военныхъ общинахъ низшіе члены, воинствующіе, къ высшимъ, жреческимъ.

Но съ одной стороны не всѣ пришельцы хотѣли подчиниться безусловной опекѣ родоначальниковъ патриціанскихъ; съ другой не всѣхъ могли или хотѣли духовно-образованные патриціи принять даже младшими членами въ свои роды. Около города патриціанскаго образовался вольный городъ вольной дружины, не имѣющей ни правъ на гражданство, ни правъ на святыню, но пользующейся нѣкоторыми правами на пользованіе земельными дачами внѣ собственно-городскихъ земель, пользующейся правомъ охраны отъ внѣшняго преслѣдованія и платящей за свое жительство трудомъ боевымъ во время войны и почтеніемъ къ патрицію-гражданину во время мира. Такъ утвердилась вторая эпоха Римской жизни, эпоха Нумы, кто бы онъ ни былъ, дѣйствительно ли царствовавшее лице или лице сказочное, символъ цѣлаго періода гражданственности.

Весьма вѣроятны историческое существованіе царей и вѣрность преданія, сохранившаго ихъ имена, по самому характеру сказаній. Такъ же вѣроятна и сущность происшествій, хотя подробности явно баснословны.

Царствованія Тулла Гостилія и Анка Марція представляютъ только повтореніе предшествующихъ, поочередное преобладаніе двухъ началъ, римскаго и альбанскаго (Рамновъ) и сабинскаго (Тиціевъ). Большая воинственность отличаетъ первыхъ; большая религіозность вторыхъ. При Гостиліи возобновляется споръ о первенствѣ между Римомъ и Альбою, споръ, принадлежащій собственно Рамнамъ, а не Тиціямъ, и споръ рѣшается паденіемъ Альбы *).

Въ самомъ сказаніи о разрѣшеніи вопроса посредствомъ единоборства слышенъ какой-то отзвукъ старины, живо помнившей родство Альбы и Рима и облекшей войну въ образъ, который никогда не повторяется при войнѣ Рима съ инокровными племенами.

Анкъ Марцій соотвѣтствуетъ Нумѣ, но уже очевидно чистая духовность философски-религіозныхъ Тиціевъ уступила при немъ вліянію воинственнаго начала.

Это видно какъ изъ преданій (пусть и не совсѣмъ ясныхъ) о побѣдахъ Анка и изъ духа религіозныхъ обрядовъ, или утвержденныхъ.

Стихія этрусская.—Тарквиній Древній.

Вслѣдъ за нимъ является новая стихія въ Римѣ, чуждая его прежнимъ началомъ и объяснимая только посредствомъ внѣшняго вліянія. Это стихія этрусская въ лицѣ Тарквинія Древняго. Слава, окружающая его имя и благодарная память народа объ его преемникѣ Сервіи не позволяютъ предполагать завоеванія.

Предположеніе о завоеваніи еще болѣе опровергается существованіемъ пригорода *vicus Tuscus* *). Такъ не селятся завоеватели. Кажется, слово *vicus* соотвѣтствуетъ — слав. *весь*, такъ же какъ *urbs* — слав. *срубъ* (крѣпость).

Этруски не силою оружія, но тихимъ завоеваніемъ художествъ и высшей образованности (по крайней мѣрѣ въ вещественномъ отношеніи) заняли въ Римѣ почетное мѣсто. Изъ нихъ по всей вѣроятности образовался третій патриціанскій трибъ — *Луцеровъ*, или по крайней мѣрѣ отъ ихъ вліянія составился этотъ новый трибъ, составленный изъ смѣшанныхъ стихій и не имѣющій опредѣленнаго характера, подобно Рамнамъ и Тиціямъ *). Восшествіе на престолъ Тарквинія Древняго, принадлежащаго вѣроятно трибу Луцеровъ, обозначаетъ ослабленіе прежняго исключительнаго строя патриціанской жизни и перемѣну нравовъ, а не законовъ. Бытъ государственный не измѣнялся. Тарквиніево царствованіе представляетъ эпоху блистательную для молодаго Рима. Сосѣдніе города покоряются ему или признаютъ его первенство, область распространяется, городъ растетъ и красится, художества развиваются; но съ другой стороны крѣпнутъ зародыши будущихъ перемѣнъ государственныхъ. Трибы удвоиваются введеніемъ новыхъ родовъ патриціанскихъ (Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ младшихъ); государство (т. е. полныя права гражданскія) остается еще заключенныхъ въ патриціяхъ, но внутренняя жизнь и святость сословія исчезаетъ передъ новымъ приливомъ; и исключительность правъ начинаетъ являться чисто-условнымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ законнаго (т.-е. внутренняго) оправданія. Плебеи еще не выступаютъ на поприщѣ общественной жизни, но самый патриціатъ принимаетъ въ себѣ стихію плебейскую въ паденіи религіознаго смысла.

Эпоха Тарквинія соединяетъ въ себѣ признаки двухъ новыхъ стихій, вкрадывающихся въ общество, этрусской и эллинской *); но эти стихіи, хотя безспорно различныя, не были враждебны другъ другу и стремились къ одной и той же цѣли, къ человѣкообразію въ религіи и къ развитію художественныхъ стремленій.

Сами Этруски, вслѣдствіе торговыхъ сношеній эллиновъ и превосходство образованія эллинскаго, уже подверглись его вліянію, сдѣлались отчасти данниками Эллады по предметамъ роскоши и прихоти и стали сливать въ нестройный синкретизмъ свою миѳологію съ миѳологіею олимпійскою. Это явно изъ сохранившихся памятниковъ древне этрусской жизни.

Сношенія Тарквинія съ Фокейскими Эллинами *), явно доказанныя новѣйшею и критикою, свидѣтельствуютъ о жизни торговой, которой память утратилась въ позднѣйшія времена, когда Римъ, утративъ свое влеченіе и стѣсненный со всѣхъ сторонъ, сосредоточилъ всю свою дѣятельность въ жизни воинственной и государственной.

Послѣднее свидѣтельство о торговомъ развитіи находится въ договорѣ Рима съ Карѳагеномъ, въ первый годъ республики. Торговцы Римскіе явно посѣщали берега Сициліи и Африки.

Отъ этой эпохи полу-этрусскихъ царей остались тѣ зародыши эллинизаціи, которые наконецъ ввели Римъ въ систему чисто-эллинскаго образованія; но сильная примѣсь стихіи словесной не можетъ объясниться иначе, какъ значительною примѣсью въ народонаселеніи. Эта примѣсь въ языкѣ, явная не только въ корняхъ, но въ словахъ, развитыхъ по законамъ совершенно чуждымъ первому органическому закону Латинскаго нарѣчія, указываетъ примѣсь Эллино - Пелазгскаго народа, вошедшаго безъ сомнѣнія не въ правительственные ряды патриціевъ, но въ темную общину подвластныхъ плебеевъ. Смѣсь народонаселенія, необходимое слѣдствіе законнаго убѣжища *(Asulum)*, сопровождалась другимъ важнѣйшимъ и рѣшительнымъ измѣненіемъ въ религіи.

Впрочемъ явно, что самъ патриціатъ принялъ въ себя множество иноземныхъ поколеній. Таковъ упрекъ, сдѣланный ему не разъ трибунами во время плебейскихъ смутъ: они его называютъ, такъ же какъ и себя (плембеевъ)—*colluties gentium*. Это обвиненіе оправдывается образованіемъ триба Луцеровъ и всѣхъ младшихъ родовъ *(minores gentes)*, которые вѣроятно взяты были изъ середины сбродной общины (*Азилума*).

Вліяніе Эллинское.—Греки въ Италіи.

Еще не испытала Эллада силъ своихъ въ побѣдной борьбѣ съ Азіею и развитіе свободной личности не доказала еще мечомъ правъ своихъ на управленіе міромъ, утратившимъ вѣру въ высшія начала; но давно ужо Эллины въ безпокойной своей дѣятельности раскинули сѣть своихъ колоній во всѣ концы Средиземнаго моря. Берега Сициліи и Италіи покрылись городами полу-торговыми, полу-завевательными, распространившими мало-по-малу власть въ самую глубь земель. Все способствовало торжеству этихъ мелкихъ поселеній: ихъ воинственная восторженность, ихъ славолюбивая гордость, вѣрность торговыхъ расчетовъ, высокая образованность гражданская (въ смыслѣ дружинно-условномъ) и особенно прелесть ихъ художественно утонченныхъ нравовъ, соблазняющая грубую простоту туземцевъ и склоняющая ихъ къ миру и подражанію.

Такъ напр. Энотрійцы совершенно утратили свою народность и приняли всѣ обычаи и даже языкъ эллинскій.

Болѣе же всего способствовало успѣху Эллады то обстоятельство, что въ ней самой во многихъ общинахъ было дѣйствительно не завоеваніе Пелазговъ Эллинами, но претвореніе Пелазговъ въ Эллиновъ.

То самое совершилось сперва внутри Эллады, что совершилось потомъ внѣ ея не только на западѣ, но и на востокѣ при Македонцахъ вслѣдствіе превосходства обозрѣвательнаго начала Эллинскаго.

Эти претворенныя общины связывали узами родства духовнаго, преданій и обычаевъ пелазгическія приморья Сициліи и Италіи съ берегами эллинскими и приготовляли Грекамъ (ибо такъ называли Эллиновъ Италіоты, по малому племени, живущему на горномъ прибережьѣ Эпира) свободный доступъ какъ къ торговлѣ, такъ и къ поселеніямъ въ западной заморской сторонѣ.

Въ числѣ общинъ перерожденныхъ, кажется, должно ставить на первомъ ряду *Аркадцевъ* и такимъ образомъ объяснить мнимо-Аркадское происхожденіе многихъ племенъ въ Италіи, напр. колоніи Эвандра въ Лаціумѣ и названіе Аркадцами Тирреновъ *), во сколько они принадлежали обще-пелазгическому началу.

Такъ создавалась мало-по-малу Великая Грецiя; но и самое эллино-пелазгское народонаселеніе подверглось значительному измѣненію въ своемъ переселеніи на берега Италіи, особенно въ первыя времена. Нѣтъ сомнѣнія, что въ позднѣйшую эпоху, когда имя Эллады сдѣлалось первымъ въ мірѣ, когда Эллада приняла въ себя всѣ знанія, разсѣянныя по странѣ палестинской и египетской, заморскія колоніи отстранили отъ себя все чуждое, гордясь только именемъ эллинскимъ и отстраняя отъ себя всѣ не-эллинскія стихіи. Но не такъ было сначала. Густой мракъ невѣжества покрывалъ еще Аѳины и Пелопонесъ, за исключеніемъ развитія поэтическаго и художественнаго; свѣтъ наукъ не проникъ еще въ общины, заключенныя между Адріатикой и Эгейскимъ моремъ, а выходцы изъ Эллады, пришедшіе въ соприкосновеніе съ другими древнеобразованными странами, уже проложили себѣ путь къ знаніямъ, еще недоступнымъ для племенъ, оставшихся въ родной странѣ. Исторія, философія и астрономія возникли въ колоніяхъ мало-азійскихъ отъ вліянія ассирійскихъ Лидійцевъ, славянской Ликіи и западно-иранскихъ жителей приморья; а въ то же время, или еще ранѣе, философія, таинственныя науки, астрономія и математика уже цвѣли и преуспѣвали въ эллинскихъ колоніяхъ Италіи и Сициліи, гордясь именами Пиѳагора, Геліодота *), и другихъ и свидѣтельствуя о частыхъ сношеніяхъ съ просвѣщенными народами племени полу-кушитскаго, съ смѣлыми мореходцами Финикіи и Карѳагена, съ Тирренцами этрусскими, которые были не чужды математическихъ знаній и отчасти, можетъ быть, съ самимъ Египтомъ.

Въ этомъ раннемъ появленіи наукъ на окружности Эллады, при явномъ невѣжествѣ областей серединныхъ, заключаются безспорное доказательство нетуземства науки и рѣшительное опроверженіе системы, выдумавшей самородность умственнаго развитія эллинскаго, наперекоръ всѣмъ уликамъ историческимъ, свидѣтельству самихъ Грековъ и яснѣйшимъ выводамъ безпристрастной критики. Конечно поздняя. Энеида съ своими произвольными вымыслами и анахронизмами не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться доказательствомъ историческимъ; но появленіе финикійцевъ въ сказаніи объ Энеѣ, точно такъ же какъ Мемнона въ сказаніи о самой Троѣ, вѣроятно основано на искаженныхъ преданіяхъ о торговой дружбѣ троянскаго Венда съ другими промышленными народами и особенно съ сидонскимъ приморьемъ. Точно такъ же и сказаніе объ Эриксѣ, кровожадномъ сынѣ Венеры, на берегахъ сицилійскихъ, показываетъ древнее поселеніе кровожадныхъ поклонниковъ *Мелехерта* или *Деркето*. Смѣшеніе богинь кушитскихъ и Пріи-Астарты бактро-славянской, собственно Венеры, произошло въ весьма раннія времена по сходству обрядовъ и частнаго значенія, несмотря на коренную разницу миѳологіи. Такова причина, почему колоніи сидонскія приписываются преданіямъ потомкамъ Венеры *).

Смѣшеніе племенъ этрусскаго, чисто-албанскаго и латинскаго, состоящаго отчасти изъ полу-эллинизованныхъ пеласговъ, должно было, несмотря на частныя разницы вѣрованій, имѣть одно послѣдствіе — полное огрубѣніе и безсмысленное человѣкообразіе религіи. Нелѣпый и нестройный синкретизмъ, рожденный въ плебейскомъ Азилумѣ, отозвался скоро и въ патриціанской святынѣ, не только отъ введенія Луцеровъ и младшихъ родовъ, но и отъ коренной склонности Рамновъ албанскихъ, искони поклонявшихся сказочнымъ богамъ.

Славянскій характеръ ихъ древней миѳологіи очень явно опредѣляется словами Сервія о птичномъ гаданіи: „не всякому всякая птица прорицаетъ; *колумба* (голубь) *однимъ царямъ*“. Ясное указаніе на исконную святость голубя и слѣд. на первобытную религію ромуловой эпохи. Той же системѣ принадлежитъ и особенная святость свиньи, посвященной, какъ уже сказано, Велену-Прію, перешедшему къ восточнымъ Германцамъ подъ именемъ Фрейра.

Человѣкообразное искаженіе вѣры и ея огрубѣніе, указывающія на ослабленіе сабинской стихіи, принадлежатъ царствованію Гостилія и Анка Марція; полное проявленіе духовной порчи царствованію Тарквинія Древняго. Начало этрусское, жертвоприношенія кровавыя и пр. допускаются законно. Религіозный смыслъ патриціата исчезаетъ или высказывается только въ видѣ безсильной оппозиціи или крадется кое-какъ во всеобщемъ синкретизмѣ подъ покровомъ пророчествъ сабино-пелазгской Сибиллы, нѣкогда вдохновлявшей Пиѳагора и Нуму Помпилія *). Но городъ высится и крѣпнетъ. Онъ первенствуетъ въ Лаціумѣ; онъ украшается храмами и разнообразными зданіями; онъ прорѣзываетъ и подземные ходы, которымъ удивляются позднѣйшіе вѣка; онъ принимаетъ заморскихъ гостей (Фокейцевъ) и связывается съ ними узами дружбы и гостепріимства, которыя принесли Фокейцамъ и ихъ колоніямъ значительную пользу во время полнаго римскаго торжества; онъ, какъ кажется, принимается въ великій союзъ городовъ этрусскихъ, какъ равный и едва ли не какъ первый *). Но глубоко и навсегда теряетъ онъ чистоту характера, которою отличается эпоха Нумы и его первыхъ преемниковъ.

Впрочемъ заложеніе зданій и подземныхъ водотоковъ не должно считаться исключительно послѣдствіемъ эллинскаго и тирренскаго вліянія: оно могло связываться съ корнемъ Рамновъ—Альбою, которая оставила свидѣтельства о сихъ подвигахъ въ общеполезномъ строительствѣ каналовъ и отличалась въ этомъ отношеніи отъ другихъ народовъ Лаціума, средней и южной Италіи, какъ и должно было ожидать отъ ея троянскаго начала.

Царствованіе Сервія—Тарквиній Гордый.

Труды Тарквинія продолжаются Сервіемъ; но съ другой стороны, потому ли, что Сервій былъ бѣглецомъ изъ земли тусской и противникомъ ея правительственной системы, потому ли, что онъ хотѣлъ слишкомъ явно первенствовать надъ Этруріей, Римъ становится во враждебныя отношенія къ родинѣ Тарквинія (и, кажется, самого Сервія) и въ неравную и невыгодную борьбу, утрачиваетъ много своего блеска, политическаго значенія и вѣроятно торговли. Къ послѣднимъ годамъ Тарквинія или къ первымъ Сервія относится въ Римѣ окончательное торжество человѣкообразія, допущеннаго наконецъ въ государственную, т.-е. патриціанскую религію.

Такимъ образомъ должно понять показаніе древнихъ о ста-семидесятилѣтнемъ безкумирномъ поклоненіи Римлянъ *). Всѣ древнѣйшія сказанія оставляютъ плебеевъ безъ вниманія.

Собственно же царствованію Сервія принадлежитъ великая государственная перемѣна, уничтожившая исключительность патриціанскаго правленія и допустившая плебея, т.-е. не сына, а слугу общества, къ нѣкоторому участію въ общественныхъ дѣлахъ. Роптали патриціи, которымъ хотѣлось сохранить всю свою власть, между тѣмъ какъ въ духовномъ паденіи они дѣйствительно утратили права на власть; но ропотъ ихъ былъ безсиленъ. Мудрость царя, оставившая по немъ память благотворителя, союзъ его съ городами Лаціума и сила плебейской дружины подавляли всякую попытку къ возстановленію патриціанскаго единовластія. Патриціи для своихъ выгодъ прибѣгли (какъ очевидно изъ древнихъ сказаній) къ помощи этрусской аристократіи (*лукумоновъ*) и послѣ смерти, кажется насильственной, Сервія, избрали царя изъ тусской земли для угнетенія и полнаго порабощенія плебеевъ. Вполнѣ исполнилась злая воля. Тарквиній Гордый наложилъ желѣзное иго на вольную общину убѣжища и обратилъ ее въ рабство: онъ ввелъ снова Римъ въ союзъ Этруріи, но не какъ равнаго члена союза, а какъ подчиненнаго, если не въ смыслѣ политическомъ, то въ смыслѣ внутренней жизни, которую онъ лишалъ всѣхъ коренныхъ ея особенностей. Опираясь на силы своей родины, тогда далеко властвующей и первенствующей въ Италіи, онъ покорилъ общины латинскія и принудилъ ихъ признать во всемъ, даже въ священнодѣйстіи, владычество римскаго царя; наконецъ, онъ возвысилъ болѣе чѣмъ когда нибудь внѣшнее значеніе города, уничтоживъ его внутреннюю свободу.

Царствованію Тарквинія Гордаго вѣроятно принадлежатъ многія зданія и учрежденія, приписываемыя или Тарквинію Древнему или даже Сервію. Едва ли введеніе гаданія по жертвамъ (*гаруспиціи*) не принадлежитъ къ этому числу. Въ корнѣ этого слова *гару* нельзя не узнать того же самаго слова, которое служитъ началомъ славянскому *жер-тва*; но во всякомъ случаѣ корень этотъ указываетъ на языкъ Разенъ, отъ которыхъ взяты *гаруспиціи* и всѣ ихъ подробности, а не на нарѣчіе Латинцевъ, которому они были чужды *). Оба Тарквинія представляютъ много общаго; но при Древнемъ видны собственно синкретизмъ религіозный, радушный пріемъ всѣхъ иноземныхъ стихій просвѣщенія, особенно эллинскихъ и тосканскихъ, и вольное вступленіе въ союзъ этрусскій съ сохраненіемъ самобытнаго римскаго начала и союза латинскаго; при Гордомъ видны одностороннее развитіе всего этрусскаго, угнетеніе Лаціума и подчиненіе Рима Этруріи.

Сервій мимо родовъ и наслѣдственныхъ святынь далъ правительственныя права богатству (ибо плебеи раздѣлены были по имуществу); Тарквиній Гордый, уничтоживъ совершенно политическое значеніе плебея и обративъ его въ совершенное рабство *), повергъ его въ долговую нищету и далъ на время полное торжество патриціямъ; но не надолго.

Сенатъ послѣ изгнанія царей такъ же правилъ плебеями посредствомъ денежнаго превосходства патриціевъ и совершенной бѣдности плебеевъ. Онъ въ этомъ отношеніи пользовался наслѣдствомъ Тарквинія.

Изгнаніе царей.

Желѣзное иго, раздавившее безсильную общину убѣжища *), налегло наконецъ и на шею родовитыхъ гражданъ, призвавшихъ чуждую помощь. Послѣ долгихъ страданій и долгаго униженія подъ правленіемъ безжалостнымъ и безнравственнымъ, возсталъ наконецъ городъ, будущій владыка міра. Мщеніе за оскорбленную святыню семейной нравственности пробудило мщеніе за утраченную свободу. Изгнаны были навсегда Тарквиній и его Этрурцы; жизнь его сохранена не изъ уваженія къ его царскому сану, но изъ почтенія къ его преосвященству (ибо онъ былъ царь святынь, *rex sacrorum*). Навѣкъ изгнаны изъ Рима цари.

Высокое нравственное достоинство древняго міра опредѣляется повѣстями о Лукреціи и о Виргиніи. Какъ онъ много выше Эллады въ семейномъ бытѣ и какъ много разумнѣе въ условно-государственномъ! За то какъ ничтоженъ онъ въ смыслѣ искусства! Точно такъ же мало поэзіи окружаетъ колыбель Рима, какъ мало поэтическаго стремленія видно въ его послѣдовавшемъ развитіи. Все изчезаетъ въ строгости жизни положительной. Отъ того-то и нельзя признать истинно-критическаго взгляда у новѣйшихъ историковъ, отвергающихъ всю исторію царей. Въ ней очевидно болѣе истины, чѣмъ лжи; въ ней только сбивчивость словеснаго преданія, а не вымыслъ сказки. Были, правда, и письменные памятники, но мало, а пользы отъ нихъ еще меньше; ибо языкъ царскаго времени былъ совершенно непонятенъ римлянину позднѣйшихъ вѣковъ *). Этимъ отличается Римъ отъ всѣхъ древнихъ государствъ, и въ этомъ высказывается характеръ латинскаго нарѣчія, какъ языка грубой смѣси (*lingua franca*) почти безъ органическаго развитія, въ родѣ англійскаго или французскаго. Остатки живого организма въ немъ принадлежатъ эпохѣ до-римской.

Въ освобожденіи отъ прежней формы правленія выразились самоувѣренность государства, знающаго свои внутреннія силы, и возможность отвѣта на всѣ будущія требованія жизни; но это освобожденіе не было разрывомъ съ римскою стариною и заключало въ себѣ возвратъ къ его первоначальнымъ формамъ, сохранившимся въ преданіяхъ о двухъ единовременныхъ царяхъ. Два сановника, представители прежней царской власти, нѣсколько ограниченной въ отношеніи правъ и времени властвованія, стали во главѣ общаго дѣла (республики). Таково начало преторства, потомъ консульства *). Въ немъ отразилась первобытная двойственность (Рамновъ и Тиціевъ, или Албанцевъ и Сабинцевъ) и выразилось низшее значеніе третьяго триба, не основаннаго ни на религіозномъ, ни на племенномъ началѣ. Общія силы Рима изгнали Тарквинія. Въ дѣлѣ освобожденія учавствовали и патриціанскіе роды и плебейскія имена (напр. самый Брутъ) и средніе между ними, конники. Но плебеи, разоренные и уничтоженные гнетомъ этрусскаго ига, не могли воспользоваться новою свободою. Охрана ихъ вольности по уставу Сервія была въ ихъ богатствѣ, а они были нищими. Патриціи пожали плодъ общаго подвига и обратили плебеевъ въ своихъ рабовъ.

По многимъ даннымъ можно предполагать, что первые годы по Тарквиніи были для народа нѣсколько легче и что иго патриціанское не вдругъ налегло на него всею своею тяжестью. Во всякомъ случаѣ этихъ годовъ было не много, и минутная свобода объясняется отчасти участіемъ плебевъ въ изгнаніи царя, отчасти тѣмъ, что патриціи не вдругъ могли воспользоваться ихъ нищетою и связать ихъ цѣпями законовъ о долгахъ.

Съ Тарквиніемъ были изгнаны и Этруски, его сподвижники, и этрусская государственная стихія: государство заключилось опять въ однихъ патриціанскихъ родахъ и примкнула тѣснѣе къ латинскому союзу.

Первый годъ свободы римской обозначенъ торговымъ договоромъ съ Карѳагеномъ, гдѣ Римъ договаривается за весь Лаціумъ. Изгнаніе приверженцевъ тарквиніевыхъ ослабило мало-по-малу плебейскую общину. Эти изгнанники по большей части были или сами плебеи или патриціи, чуждые патриціанскому характеру. Болѣе же всего ослабилъ плебеевъ разрывъ съ Этруріею и слѣдовательно уничтоженіе торговой промышленности.

Но римская старина погибла безвозвратно: ибо погибло ея разумное начало, духовный характеръ, нѣкогда приданный всей общинѣ философскою образованностью и символическою религіею Сабинцевъ. Древнѣе сабинскихъ были въ Римѣ боги альбанскіе; благороднѣе Тиціевъ—Рамны, которые носили имя самаго города и Тиціевъ приняли въ братство, какъ меньшихъ братьевъ; выше въ чинѣ богослуженія былъ *Марсъ* алябанскій, чѣмъ *Квиринъ* сабинскій; но смыслъ религіозной общины былъ весь въ племени Тиціевъ и олицетворенъ преданіемъ въ Сабинахъ Нумѣ и Анкѣ; а не въ Алабанцахъ Ромулѣ и Гостиліи. Кроткія и неопредѣленныя божества Альбы довольствовались почетными храмами и обрядами, уступивъ богамъ сабинскимъ право опредѣлять все отвлеченное значеніе произвольной и иносказательной миѳологіи. Рамны, духовно облагороженные Тиціями, приняли отъ нихъ жреческій характеръ и философское умствованіе въ дѣлѣ вѣрованія. Такимъ образомъ, въ самую раннюю эпоху исказились или утратились всѣ преданія и приготовлялась позднѣйшая шаткость религіи, заключенной дѣйствительно въ самодовольствѣ добродѣли и въ безграничной любви къ государству. Съ увеличеніемъ города, съ распространеніемъ убѣжища, съ торжествомъ Рима надъ сосѣдями, съ составленіемъ новыхъ патриціанскихъ родовъ (трибъ Луцеровъ и младшихъ родовъ), болѣе всего съ принятіемъ стихій эллинскихъ и этрусскихъ, разомъ разрушилась вся внутренняя святыня религіи умствующей и произвольной, не основанной на неизмѣнномъ преданіи и слѣдовательно доступной ко всякому искаженію. Толпы новыхъ боговъ, блескъ новыхъ обрядовъ, принесенныхъ плебеями, соблазнили патриціевъ. Когда же плебеи, не участвующіе еще въ городскихъ правахъ, получили при Тарквиніи и Сервіи нѣкоторое значеніе государственное, явилась новая святыня, чуждая древнему Риму. Боги альбанскіе (которыхъ капища были, кажется, въ *Regia*) и боги сабинскіе (которымъ поклонялись на *Квириналѣ*), боги, не знавшіе плебеевъ, стали уже на низшую степень и остались собственно городскими хранителями. Въ срединѣ самаго убѣжища, на дачахъ жреческаго сословія, выросли храмы боговъ капитолійскихъ, боговъ всего государства, принимающихъ служеніе только отъ патриціевъ, но не отказывающихъ въ покровительствѣ и плебеямъ. Передъ Юпитеромъ капитолійскимъ отступили по преданію всѣ боги, комѣ *Терминуса* (граница) и *Ювентуса* (молодость); наступило время полнаго синкретизма; брошены были зародыши будущихъ споровъ и окончательнаго уравненія сословій.

Въ этомъ преданіи глубокомысленное провидѣнье древнихъ выразило всю позднѣйшую святыню римской общины: границу—внѣшность государства, молодость,—торжество внѣшнихъ силъ человѣка. Внутренній міръ погибъ навсегда.

Борьба съ Этрусками.

Тяжелы были для Рима первые годы новой жизни. Этрурія вооружилась противъ его самобытности и независимости; союзные города Лаціума отстранились отъ опасной борьбы изъ страха передъ силами этрусскими, или изъ зависти къ гордо первенствовавшему городу Ромула; царь Клузіума, Порсенна, побѣдилъ Римлянъ и наложилъ на нихъ тяжелыя условія мира и покорности.

Гордость народная украсила войну съ Порсенною многими подвигами частной доблести; общей побѣды она выдумать не смѣла. Сказанія же достовѣрныя (у Тацита и Плинія) свидѣтельствуютъ о томъ, что Римъ сдался, выслалъ къ Порсеннѣ знаки царской власти, т.-е. призналъ его владыкою, и отказался даже отъ права собственной защиты, сохранивъ желѣзо только для хлѣбопашества. Таковы точно были отношенія Израиля къ Филистимлянамъ до Саула; но добродушная лѣтопись Израиля признается въ рабствѣ, котораго Римляне признать не хотѣли. Тарквиній не былъ возвращенъ потому, что Порсеннѣ нужно было подданство Рима Этруріи, а не самобытное правленіе, и пріятнѣе было пріобрѣсти новый престолъ, чѣмъ отдать его другому роду.

Треть римской области была отторгнута, городъ разоренъ, свобода уничтожена; но не надолго. Неудачный походъ Порсенны противъ Ариціи и гибель его войска возвратили Риму независимость. Тогда наступили новыя борьбы съ изгнаннымъ царемъ и съ его союзниками въ Лаціумѣ.

Этотъ союзъ объясняется отношеніями религіозными. Царь былъ главой жрецовъ, и тотъ, кто нѣсколько лѣтъ сряду приносилъ жертвы и моленія за Латинцевъ на Альбанской горѣ, не могъ оставаться безпомощнымъ изгнанникомъ.

Побѣда при озерѣ Регильскомъ рѣшила многолѣтнюю брань. Въ жестокой битвѣ палъ весь родъ Тарквиніевъ и его приверженцы; самъ Тарквиній, престарѣлый и раненый, бѣжалъ въ эллинскій городъ *Кумэ*, подтверждая такимъ образомъ преданіе о своемъ эллинскомъ происхожденіи. Но пали и герои римскихъ народныхъ сказаній. Побѣда дорого купленная упрочила новопріобрѣтенную свободу и дала Риму равенство, но уже не прежнее первенство въ союзѣ съ Лаціумомъ.

Торговля римская погибла надолго. Моря были заперты разрывомъ съ Этруріей; область была стѣснена; Лаціумъ, хотя и примиренный, не представлялъ надежной дружбы. Наступило время постоянныхъ раздоровъ и постоянной войны. Бѣдствія государства падали съ особенною тяжестью на плебеевъ; ибо они, а не патриціи, занимались ремеслами и купеческими оборотами, владѣя, какъ извѣстно, весьма малымъ количествомъ земли, данной имъ въ пользованіе, а не въ собственность, и обложенной значительною податью. Таковы были необходимыя послѣдствія ихъ отношеній къ государству, считавшему ихъ за пришлыхъ и почти наемныхъ слугъ, а не за сыновъ своихъ. Пострадали и патриціи, но въ меньшей степени и, пользуясь нищетою плебеевъ, обремененныхъ долгами и почти закабаленныхъ вслѣдствіе строгихъ законовъ о должникахъ, мало-помалу отняли у вольной общины, поселенной въ «убѣжищѣ», всѣ льготы, всѣ охраны и всѣхъ сановниковъ, установленныхъ во времена царей для ея управленія. Правители Рима поняли свое положеніе.

Это сознаніе было впрочемъ въ нихъ, какъ во всѣхъ историческихъ дѣйствователяхъ, не дѣломъ размышленій и соображеній, но внутренней жизненной силы, стремящейся къ своему истинному развитію и къ своей естественной цѣли, какая бы она ни была.

Городъ, основанный дружиною, окрѣпшій отъ случайной примѣси вслѣдствіе борьбы и договоровъ, лишившійся въ случайностяхъ своей бурной судьбы религіознаго духа, временно давшаго ему внутреннее мирное значеніе, могъ жить только условною и внѣшнею жизнію, не находя въ себѣ самомъ никакой достаточной цѣли для бытія.

Таковъ общій характеръ дружинныхъ общинъ, но онъ былъ особенно явенъ въ Римѣ. Въ Элладѣ успокоивался отчасти человѣкъ въ служеніи своему собственному идеалу или художеству; въ другихъ земляхъ—въ религіи и т. д. Римъ не имѣлъ ничего; ибо самая семья, при всей своей логической строгости, была обращена въ государственное учрежденіе и приняла характеръ внѣшности, охраняющей чистоту нравовъ, но не удовлетворяющей требованіямъ человѣческой души.

Торговля была уничтожена, и воскресить ее не было возможности. Оставалось поприще войны и завоеваній; но войны разумной, расширяющей шагъ за шагомъ предѣлы республики, завоеваній расчетливыхъ, предпринятыхъ не для пустой славы, но для пріобрѣтенія полезныхъ владѣній и вещественныхъ силъ. Это поприще было для потомковъ альбанскихъ удальцовъ и горныхъ Сабинцевъ болѣе по душѣ, чѣмъ торговля и, можетъ быть, художества, случайно процвѣтшія при полуэтрусскихъ царяхъ. Патриціи твердо пошли по новому поприщу и съ такимъ успѣхомъ, что послѣдовавшіе вѣка утратили память о прежнемъ направленіи Рима, о прежней торговлѣ, мореплаваніи и мирной жизни. Новый приливъ Сабинцевъ (родъ Клавдіевъ), состоящій изъ трехъ тысячъ человѣкъ, радушно принятый или приглашенный римскими правителями, увеличилъ ихъ силу для внутренней борьбы съ плебеями.

Нѣтъ сомнѣнія, что не одни Клавдіи, но многіе другіе точно также и въ то же время (т.-е. вскорѣ послѣ изгнанія царей) вошли въ ряды аристократіи и пополнили обезсиленныя трибы; преданіе сохранило только имя Клавдіевъ по ихъ историческому значенію. Патриціи охотнѣе принимали къ себѣ иноплеменниковъ единокровныхъ съ ними и готовыхъ съ ними стать за одно, чѣмъ плебеевъ, которыхъ сочувствіе съ другими плебеями мало-по-малу должно было вести къ смѣшенію сословій. Замѣчательно, что приливъ сабинскій (Клавдіи) отличался особенною гордостью и ненавистью къ народу: явное доказательство того, что характеръ патриціата былъ собственно сабинскій (отъ Тиціевъ), а не латинскій (отъ Рамновъ). Въ немъ духовная гордость служила началомъ и опорою гордости родовой. Впрочемъ можно предполагать съ вѣроятностью, что не въ одномъ Римѣ утвердилась сабинская стихія, но что она уже давно проникла во всѣ города Лаціума и вездѣ или основала, или укрѣпила аристократію.

Борьба плебеевъ съ патриціями.—Ея результаты.

При царяхъ, особенно со временъ Тарквинія Древняго, государство получило значеніе отвлеченное, въ которомъ лица, племена и сословія подчинены были, какъ части, великой идеѣ цѣлаго, сначала духовнаго, потомъ гражданскаго. Послѣ изгнанія Тарквиніевъ явилось новое стремленіе: обратить государство въ собственность одного сословія. Преторъ Валерій (изъ племени сабинскаго, т.-е. изъ триба Тиціевъ), будучи по-своему сану представитель царской власти и государственнаго единства, преклонилъ знаки своего временнаго достоинства передъ собраніемъ патриціевъ (populus) и призналъ въ немъ законныя права на безграничную власть. За этотъ подвигъ, за это явное признаніе, выражающее тайную мысль патриціата, получилъ Валерій прозвище Великаго Народолюбца (Maximus Publicola, ибо патриціи однихъ себя признавали за народъ), а родъ Валеріевъ получилъ такія отличія, какъ ни одинъ изъ римскихъ родовъ и ни одинъ изъ его героевъ. Вслѣдствіе такого начала плебеи должны были сдѣлаться илотами.

Но въ Римѣ еще жилъ духъ высокой и чистой нравственности; въ немъ не умерло и никогда не умирало чувство внѣшней правды, уважающей всякое право, даже чужое, даже случайно полученное; но, съ другой стороны, Риму, по его дружинному и условному составу, была совершенно чужда внутренняя человѣческая основа права, независимая отъ всякихъ случайностей жизни.

Право являлось Римлянину какъ собственность или лица, или сословія, или общины, собственность, могущая быть отчужденною и перейти въ другія руки, но не нарушенною безъ воли владѣльца.

Поэтому для порабощенія плебеевъ не было и не могло быть употреблено насиліе. Они лишились своихъ правъ, своихъ законныхъ представителей, своей жизни самобытной, очевидно, съ собственнаго согласія, высказаннаго или безмолвнаго, и согласіе было добыто законнымъ порядкомъ, посредствомъ денежнаго превосходства патриціевъ и нищеты плебеевъ.

Оттого хотя сановники-хранители общины плебейской и существовали издревле, но плебеи не просили объ ихъ возстановленіи, какъ о возстановленіи, что было бы непремѣнно въ случаѣ насилія, но какъ объ учрежденіи новомъ, какъ и должно быть послѣ согласія, уничтожившаго прежнія права.

Наконецъ преисполнилась мѣра угнетенія аристократическаго и терпѣнія народнаго. Плебеи, выпускаемые на драку съ сосѣдями и снова послѣ войны сажаемые въ темницу за долги, отказались отъ этого житья цѣпныхъ собакъ. Притязаній на правленіе городомъ и государствомъ они не объявляли (ибо городъ и государство были собственностью патриція, давшаго убѣжище плебею), но объявили невозможность жить на землѣ римской при нестерпимыхъ условіяхъ, вымученныхъ отъ ихъ нищеты или выхитренныхъ отъ ихъ простодушія, и удалились вооруженные и готовые къ бою на холмъ, лежащій внѣ околицы патриціанскихъ жилищъ. Войны они не начинали и не грозили войной, но готовились къ удаленію. Горько было корыстолюбивымъ патриціямъ отказаться отъ взысканія долговъ; еще больнѣе было гордости патриціанской сдѣлать уступки въ правахъ политическихъ.

Обида рождаетъ жажду обиды, угнетеніе жажду угнетенія: таковъ высокій законъ самосозиданія въ зло или добро. Преступникъ наказывается внутреннимъ развитіемъ начала, стремящаго его къ преступленію. Эта же казнь падаетъ на неправо завоевывающіе народы, и на сословія, забывающія братство человѣческое.

Нѣсколько времени колебались *куріи* (собраніе патриціевъ) и сенатъ. Многіе предлагали совершенный разрывъ съ плебеями, распространеніе гражданства на римскія колоніи и полное городовое братство съ Латинцами *(исополитію)*; но страхъ и необходимость превозмогли. Долги были прощены; утверждены права плебейскихъ собраній для узаконеній по плебейской общинѣ и, что всего важнѣе, учреждена должность трибуновъ, неприкосновенныхъ хранителей вольности общинной и личныхъ правъ каждаго плебея.

Явное доказательство, что плебеи считались не-горожанами, а поселянами и пахарями, находится въ томъ, что домъ посягнувшаго на жизнь трибуна отдавался сначала въ святыню *Церерѣ*. Слѣдовательно Церера считалась по преимуществу покровительницею *плебса* *). Самъ убійца считался внѣ закона.

Такимъ образомъ началась вѣковая борьба двухъ сословій. Но патриціи показали свою слабость и зависимость; плебеи узнали свою силу и возможность устранить противниковъ простымъ удаленіемъ изъ города. Побѣда была несомнѣнна. Шагъ за шагомъ подвигалось низшее сословіе къ уравненію съ высшимъ; шагъ за шагомъ уступало высшее; но чувство закона и глубокое сознаніе пользы государственной были такъ сильны, что ни радость плебеевъ при каждой побѣдѣ, ни ропотъ патриціевъ при каждой уступкѣ не доводили ихъ до междоусобицъ.

Истинно великое зрѣлище: двухсотлѣтнее вѣче, въ которомъ смѣнялись спорящія поколѣнія и въ которомъ практическій разумъ, укрощая волненіе страстей, созидалъ громаду стройныхъ силъ, которой не было и не будетъ подобной.

Въ 471-мъ году до Р. Х. трибуны Публилій Волеронъ и Леторій пріобрѣтаютъ для плебейскихъ трибуновъ, т.-е. безъ примѣси патриціевъ и кліентовъ (не такъ какъ въ центуріяхъ), право полагать опредѣленія о государственныхъ дѣлахъ (плебисциты); въ 366-мъ упорство трибуновъ Лицинія Столона и Секстія доставляютъ плебеямъ право на высочайшую должность государственную, на консульство; наконецъ въ 337-мъ диктаторъ Публилій Филонъ даетъ рѣшеніямъ народа силу обязательную и законную, независимо отъ согласія курій патриціанскихъ. Древняя форма узаконеній сохранилась, онѣ продолжали издаваться отъ сената и народа; но смыслъ ея измѣнился вполнѣ. Въ древности *народъ* (populus) значилъ полное собраніе патриціевъ, которыхъ избранники и старшины составляли сенатъ. Согласіе сената и собранія утверждало законъ. Когда плебеи получили право на положеніе опредѣленій по дѣламъ государственнымъ, собраніе ихъ вступило въ тѣ же отношенія къ сенату, въ которыхъ издревле находились куріи; когда наконецъ согласіе курій сдѣлалось безполезнымъ, когда бытъ патриціанскій утратилъ свою исключительность и свои опредѣленныя границы, собраніе курій вышло изъ употребленія, и одни плебеи въ своихъ трибахъ или плебеи вообще съ патриціями въ собраніяхъ центуріальныхъ остались при сенатѣ единою законодательною властью и получили имя народа.

Значеніе слова *populus*, какъ патриціанскаго собранія, было уже такъ чуждо позднѣйшимъ Римлянамъ, что они нисколько не могли понять древняго государственнаго механизма. Воскрешеніе его—заслуга новѣйшей и особенно германской критики.

Преимущества патриціевъ какъ гражданъ исчезли; въ то же время должны были исчезнуть преимущества религіозныя, нелѣпыя со временъ капитолійскихъ боговъ и полнаго синкретизма человѣкообразныхъ религій. Въ половинѣ V вѣка дозволены были браки между двумя сословіями, и слѣдовательно полное единство обрядовъ; въ концѣ IV по закону Огульніеву плебеи получили право на священнодѣйство, жречество и латино-сабинское гаданіе *(авспиціи)*. Вскорѣ послѣ того исчезли патриціи и плебеи, слившись въ одинъ великій, властительный народъ.

Таковъ былъ конецъ долгой борьбы. Торжество патриціевъ и илотство плебеевъ уничтожили бы всю внутреннюю силу Рима, умертвивъ духовно большую половину его жителей; торжество плебеевъ покорило ему міръ; самая же продолжительность борьбы, постоянно заключенной въ предѣлахъ законности, развила тѣ начала гражданскаго права, которыя лежали уже въ основаніи государства. Первое населеніе Рима было дружинное, но не завоевательное; поэтому оно могло и должно было допустить развитіе права семейнаго и родоваго.

Чего не могли допустить общины греческія, завоевательныя, за исключеніемъ Аѳинъ.

Принявъ въ себя стихію жреческаго правленія при религіи полуфилософской и отвлеченно-нравственной, оно должно было подчиниться закону правды внѣшней (ибо недоставало внутреннихъ основъ) и преобладанію государства надъ всѣми другими стремленіями человѣка (ибо самое основаніе города было не что иное, какъ стремленіе къ устроенію произвольной, а не естественной или родовой общины), Споръ общины патриціанской съ общиною плебейскою и ихъ постоянное условное примиреніе не измѣнили перваго изо всѣхъ патриціанскихъ законовъ (salus reipublicae prima lex esto), но сдѣлали его закономъ общимъ для обоихъ сословій, стремящихся волею или неволею къ полному и окончательному слiянію. Между тѣмъ этотъ споръ двухъ общинъ, основанныхъ на различныхъ началахъ, требовалъ необходимо постояннаго опредѣленія границъ не только правъ и обязанностей каждой общины, но также правъ и обязанностей каждаго лица.

Ибо то, что было ясно и обычно въ одномъ сословіи, должно было получить законную опредѣленность для другого, что доказывается очень ясно учрежденіемъ децемвировъ и обнародованіемъ свода законовъ по требованію плебеевъ.

Изъ этой необходимости возникали и крѣпли личная свобода законная и одностороннее напряженіе ума, которое обращало каждаго Римлянина въ законодателя и законовѣдца, убивая въ то же время въ душѣ его всѣ стремленія свободы духовной, всѣ высокія желанія мысли и всю существенность внутренней жизни. Такое развитіе личной свободы и семейственности, хотя уже искаженной, чувства внѣшней правды и обоготворенія самаго государства, котораго польза была высшимъ изъ всѣхъ законовъ, дало Риму силу необоримую, неутомимое постоянство, гордое сознаніе своего превосходства передъ всѣми другими, менѣе стройными обществами, и несомнѣнную побѣду во всѣхъ борьбахъ съ иными племенами и державами. Но односторонность развитія чисто-внѣшняго готовила Риму гибель въ самомъ его торжествѣ, отнявъ всѣ духовныя основы нравственности, замѣнивъ всѣ начала естественныя началами условными и произвольными и уничтоживъ возможность жизни религіозной и мирной.

Высокое достоинство человѣка ропщетъ безмолвно на произвольность условій, которымъ онъ подчиняется для достиженія вещественной цѣли. Есть уже тайное возмущеніе въ его покорности, есть тайный развратъ въ его видимо-нравственной жизни. Римъ, еще суровый и чистый во время своихъ великихъ мужей, Катоновъ, Сципіоновъ и Фабіевъ, уже былъ глубоко испорченъ и развращенъ. Миръ, заключенный съ нимъ, былъ опаснѣе войны; ибо всѣ условія обращались мало-по-малу къ гибели довѣрчиваго соперника хитрымъ крючкотворствомъ государства-законовѣдца, всегда вѣрнаго слову договора и никогда не уважающаго его духа. И въ новыя времена, новая колоссальная держава, охватившая всю землю силою своего практическаго ума, представляетъ то же гражданское величіе, то же сочетаніе свободы и законности и тотъ же безчеловѣчный развратъ въ своихъ сношеніяхъ съ иными народами. Къ счастію, есть въ ней другія высшія начала, еще не сознанныя ею, но могущія спасти ее, если она къ нимъ возвратится и взглянетъ въ истинное святилище своего духа.

Война Рима съ сосѣдними племенами Лаціума.

Внутреннее развитіе происходило подъ шумомъ безпрестанной бури внѣшней. Почти ни на одинъ мигъ не прекращалась война съ сосѣдями, обыкновенно кончающаяся торжествомъ Рима и всегда освобождающая его внутренность отъ излишка страстной дѣятельности и отъ враждебныхъ столкновеній, которыя слишкомъ легко могли бы перейти въ кровавыя междоусобицы. Но и Риму не разъ угрожала гибель. Первая война его послѣ изгнанія царей лишила его не только цѣлой трети области, но даже и политической свободы. Послѣ паденія Порсенны и смерти Тарквинія, Римъ, опираясь на союзъ съ Латинцами и Герниками, снова сталъ распространять свои владѣнія, но вскорѣ встрѣтилъ опасныхъ противниковъ въ воинственныхъ племенахъ *Эквовъ* и *Вольсковъ*.

Эти два народа очевидно принадлежали къ обще-италійскому корню, хотя многія свидѣтельства древнихъ писателей заставляютъ предполагать въ *Вольскахъ* и *Волькахъ* примѣсь западно-иранскаго племени послѣдняго переселенія, т.-е. или германцевъ или кельтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одно сходство въ имени Вольковъ италійскихъ съ Вольками галльскими (беолгами) было бы недостаточнымъ для догадки объ ихъ одноплеменности; но эта догадка подтверждается отчасти именами Киммеріи и Киммерійцевъ въ южной Италіи *), *Умбровъ* которыхъ Геродотъ знаетъ на сѣверномъ скатѣ паннонскихъ горъ *); и которые напоминаютъ *Обровъ* или Амбровъ, и *Тусковъ* въ сѣверной Италіи, напоминающихъ корень *тут* или *тіут* (человѣкъ), принадлежащій многимъ кельтскимъ нарѣчіямъ. Весьма вѣроятно раннее движеніе небольшихъ общинъ кельто-кумрійскихъ, отдѣлившихся отъ главнаго потока и прорвавшихся черезъ широкое разселеніе славянъ въ страну италійскую, гдѣ онѣ смѣшались съ старожилами (Осками, Сабинами или даже Пелазгами) и сдѣлались властителями жителей сѣверной Италіи,—славянскихъ Разенъ или Ретійцевъ.

Часть Лаціума покорилась новымъ завоевателямъ; Римъ снова утратилъ часть своихъ владѣній и преклонилъ колѣна передъ побѣдителями (въ сказаніи о Коріоланѣ): самая святыня Капитолія была нѣсколько времени въ рукахъ врага, бѣглаго римлянина (Гердонія). Была година тяжелаго испытанія и униженія. Мудрость народа, искушеннаго въ трудѣ государственномъ, обратила бѣдствія въ начало будущихъ побѣдъ. Вольски, отдѣлившись отъ эквовъ, вступили въ союзъ съ Римомъ, и городъ Ромула оперся на трехъ союзниковъ (Лаціумъ, Герники, Вольски), готовый пользоваться ихъ помощію и дѣлить съ каждымъ новыя пріобрѣтенія, но готовый также при случаѣ напасть на каждаго отдѣльно съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Послѣ отдѣленія Вольсковъ, Эквы были усмирены и ослаблены навсегда. Римъ обратилъ оружіе на сѣверный берегъ Тибра, противъ прежнихъ своихъ побѣдителей, этрусковъ. Упорная борьба началась съ ближайшимъ изъ этрусскихъ городовъ, *Веіями*. Богаче, многолюднѣе Рима былъ его сѣверный противникъ, почти также силенъ въ искусствѣ военномъ, почти также хитеръ въ государственномъ; но силы Этруріи были отвлечены другой, грознѣйшею войною (противъ Галловъ); но въ Римѣ были граждане свободные, въ Веіяхъ властители и илоты. Много лѣтъ длилась война, много разъ бѣжали войска римскія до самыхъ стѣнъ роднаго города. Торжество досталось мудрости и свободѣ. Имя Камилла побѣдителя окружено было въ преданіи вѣнцомъ поэзіи, рѣдкимъ въ сухой лѣтописи Рима. Покоренная область удвоила силы завоевателей; но гордое упоеніе побѣды привело побѣдителя на край гибели.

Угроза плебеевъ переселиться изъ Рима въ Веіи *) показываетъ, какъ долго и свято признавалось полное право патриціевъ на городъ Ромула и Тація.

Движеніе Кельтовъ на Западъ.—Вторженіе въ Италію.

Въ VII вѣкѣ средне-азійскіе Скиѳы (мнимые Скиѳы) изгнали Кельто-Кимвровъ изъ приволожской области. Давно уже по всей вѣроятности, длился споръ между западно-иранскими дикарями и мало-по-малу надвигавшимися на нихъ Финно-Турками. Новый, сильнѣйшій напоръ рѣшилъ на нѣсколько вѣковъ судьбу приволжья. Побѣжденные Кельты бѣжали, кто въ Малую Азію, гдѣ они впослѣдствіи погибли подъ ударами Лидійцевъ, кто въ гористый полуостровъ Тавриды, кто въ близлежащія области вендо-славянскія, между Днѣпромъ и Карпатами, гдѣ они погибли или исчезли, смѣшавшись съ старожилами. Сильнѣйшее ополченіе избрало другой безопаснѣйшій путь. Этотъ путь, пройденный ихъ предками (Кельтами) въ давнія времена, можетъ быть извѣстный еще по преданіямъ и обозначенный осадками кельтскаго потока (ибо таковы, вѣроятно, многія кельтскія поселенія въ землѣ Ляховъ-Славянъ), охватывалъ съ сѣвера сильно населенную систему водъ дунайскихъ и прекрасную область при-карпатскую, охватывалъ съ юга сильно населенные и торговые берега Вендскаго—блата (Балтики), слѣдовательно разрѣзывалъ цѣпь славянскихъ общинъ въ ея слабѣйшей части и велъ въ пустынную страну, слабо заселенную малочисленными общинами воинственныхъ германцевъ.

Причина, почему сильнѣйшіе Венды уступили довольно легко немногочисленнымъ Германцамъ почти всю страну между Эльбою, Карпатами, Рейномъ и системою водъ верхняго Дуная, довольно ясна. Напоръ воинственной дружины западно-иранской (Германцевъ) былъ по всѣмъ вѣроятностямъ сначала весьма силенъ; а средняя Германія, страна удаленная отъ моря, сама по себѣ довольно бѣдная и отрѣзанная неприступными Альпами отъ лучшихъ славянскихъ областей на югѣ, не представляла для мирнаго торговца, Венда, достаточной приманки къ упорной защитѣ. Торговый путь отъ Балтики въ Иллирію оставался неприкосновеннымъ.

Бурнымъ потокомъ прорвались Кельто-Кумрійцы черезъ дикую Германію, отбросили вѣроятно далѣе на сѣверъ, къ самому приморью, остатки славянскихъ общинъ, уцѣлѣвшихъ отъ перваго кельтскаго нашествія (Мориновъ, Менапіевъ и др.) и, переправившись черезъ быстрыя воды Рейна, вступили въ землю уже занятую ихъ братьями Кельто-Галлами. Сходство языка, вѣры и обрядовъ скоро показало старожиламъ братство ихъ съ пришельцами. Враждебная встрѣча кончилась союзомъ. Новые переселенцы заняли берегъ Рейна и часть сѣверной Галліи подъ именемъ Бельговъ (*Беольгъ*, кажется, *святой народъ*). Много прибыло Кельтамъ храбрыхъ воиновъ, много силы вещественной, еще болѣе воинственной предпріимчивости отъ дружины, закаленной въ бояхъ съ средне-азійцами на широкой Волгѣ, съ Азами-Аланами на крутомъ Кавказѣ и съ славянскими Бактро-Гетами на востокѣ за Ураломъ, съ Вендами-Славянами на западѣ по берегамъ Дона и Днѣпра. Тѣсна стала старая область для усиленнаго племени, и южныя страны манили къ завоеваніямъ.

Таковъ смыслъ преданія о первомъ выселеніи Галловъ изъ своей родины, переполненной жителями, во времена Тарквинія Древняго, т. е. съ небольшимъ полвѣка послѣ бѣгства Киммеріевъ съ Приволжья. Напрасно критики въ немъ сомнѣваются. Это преданіе, такъ же какъ и преданіе объ обще-галльскомъ союзѣ и о первенствѣ народа *Битуриговъ* и царя ихъ *Амбигата* *), шло очевидно отъ самихъ Галловъ и заслуживаетъ полную вѣру; но въ сказаніи смѣшаны эпохи перваго движенія завоевательнаго на югъ и полной силы народной, которая выразилась не только завоеваніемъ сѣверной Италіи и странъ приальпійскихъ, но еще и переселеніемъ въ Германію.

Всею южною Галліею владѣли восточно-иранскія (вендославянскія) племена, т. е. Венеты и Лигурцы, кромѣ ея юго-западной оконечности и припиренейскихъ странъ, занятыхъ выходцами съ юга, Иберцами. Впрочемъ и тѣ отступали мало-по-малу передъ превосходствомъ своихъ сосѣдей и поневолѣ возвращали имъ земли, захваченныя въ первомъ нашествіи. Усилившіеся Галлы устремились на Вендовъ (Венетовъ) и Лигурцевъ. Въ скоромъ времени они оттѣснили ихъ къ поморью и горамъ, и для лучшаго успѣха вступили въ дружескій союзъ съ новою фокейскою колоніею, *Массиліею*, которую неохотно принимали къ себѣ торговые Венды *).

Таковъ смыслъ сказанія о покровительствѣ, оказанномъ Галлами массилійскимъ Грекамъ *).

Вскорѣ и Иберцы были откинуты на Пиренейскую цѣпь, кромѣ немногихъ поколѣній, уцѣлѣвшихъ въ горныхъ ущеліяхъ. Первый порывъ Галловъ былъ такъ силенъ, что нѣсколько изъ ихъ дружинъ могли прорваться черезъ лигурскія поселенія и альпійскія горы и захватить часть сѣверной Италіи.

Этимъ дружинамъ приписываютъ строеніе *Медіолана*, но не совсѣмъ вѣроятно. Галлы сѣверные не были градостроителями. Кесарь не знаетъ городовъ ни у нихъ, ни у братіи ихъ, Британцевъ. Они, какъ и Германцы и впослѣдствіи Турки, занимали чужіе города, не скоро привыкали къ порядку городового жительства и всегда сохраняли къ нему презрѣніе. Оттого-то настоящіе города находились всѣ въ южной, вендо-лигурской Галліи. По уничтоженіи Галлами окрестныхъ городовъ, уцѣлѣвшій Медіоланъ получилъ большую важность и имя историческое: вотъ вѣроятный смыслъ преданія.

Но не вдругъ и не совсѣмъ погибли старожилы. Спасенные своимъ мужествомъ и болотистымъ краемъ на берегахъ океана, или горами въ системѣ водъ Гаронны (Горунья), Венеты западные сохранили свою независимость и вошли сперва въ торговыя сношенія, потомъ въ союзъ съ своими утѣснителями.

Должно замѣтить, что Венеты западные хотя и принадлежали къ общему вендскому корню, не представляютъ многихъ особенностей славянскаго племени и его миѳологіи. Причина тому очень проста. Разселеніе Вано-Бактрійцевъ въ Европѣ принадлежитъ древнѣйшей эпохѣ человѣческой исторіи, предшествуя далеко, какъ мы видѣли, разселенію западныхъ Иранцевъ (Кельтовъ, Германцевъ и др.). Миѳологія же славяно-бактрійская и ея сказочный, человѣкообразный характеръ развились отъ позднѣйшихъ сношеній съ при-индскими Кушитами и не могли уже охватить всей области, заселенной Вано-Бактрійцами. Оттого, несмотря на тождество Венетовъ западныхъ съ Славянами, т. е. Венетами (или Венами) восточными, какъ по языку (что видно изъ названій рѣкъ, урочищъ и поколѣній, изъ имени *Беленъ* и проч.), такъ и по религіи (въ поклоненіи *Бѣлъ-богу*), мы не находимъ слѣдовъ поклоненія Пріѣ и другихъ характерическихъ примѣтъ собственно-славянскаго братства.

Долго длилась отчаянная борьба и на югѣ. Геродотъ еще не знаетъ Кельтовъ на берегахъ Средиземнаго моря. Скоро побѣжденные и отодвинутые изъ средней Галліи, не скоро еще погибли Лигурцы. Имя ихъ исчезло, поколѣнія покорились или выселились только послѣ двухвѣкового сопротивленія. Тогда наконецъ, переполненная силы и освобожденная отъ внутреннихъ враговъ Галлія бросила свои воинственныя дружины въ Италію.

По всей вѣроятности завоеваніе нѣкоторыхъ частей Германіи и особенно областей славянскихъ, Чехіи и сѣверной окраины Винделикіи, предшествовало завоеваніямъ въ Италіи. Безъ сомнѣнія войны съ Иберцами въ пиренейскомъ полуостровѣ, покореніе нѣскольких округовъ и смѣшеніе двухъ племенъ (*Кельтиберцы*) произошли еще ранѣе и скоро послѣ переселенія Беольговъ; но движеніе Галловъ въ Иберію не было дѣломъ многочисленной дружины или цѣлаго племени, а постепеннымъ выселеніемъ мелкихъ дружинъ, встрѣтившихъ мало сопротивленія въ народахъ, не составлявшихъ крѣпкаго союза. Отъ того-то и исторія, и преданія молчатъ объ эпохѣ этого движенія. Иберцы сомкнулись во что-то похожее на союзъ, только подъ вліяніемъ Карѳагена.

Дружины галльскія, занявъ всю страну до самыхъ альпійскихъ скатовъ и проникнувъ въ долины между Альпами и Юрою, между Роною и Рейномъ, гдѣ они поселились подъ именемъ *Гаэльватовъ*, двинулись сильными массами черезъ горную преграду на югъ. Въ концѣ V-го и въ началѣ IV-го вѣка до Р. Х. заняли они всю сѣверную Италію, отодвинувъ Лигурцевъ въ горныя долины, откинувъ часть Разенъ къ сѣверу въ Альпы, гдѣ они снова слились съ своими кровными братьями Ретійцами и Винделиками, и сокрушивъ, впрочемъ не безъ борьбы, силу Этруріи. Неудержимый потокъ подвигался все далѣе и далѣе къ своему родному Востоку. Слабые Умбрійцы покорились; сильнѣйшіе Венеты при-адріатическіе отстояли свою независимость, такъ же какъ Венеты приокеанскіе; но Галлы, обогнувъ ихъ съ сѣвера, завладѣли почти всею Панноніею, частію Иллиріи и Ѳракіи, въ началѣ III-го вѣка до Р. Х. опустошили Грецію до Пелопонеса и, наконецъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ *), поселились навсегда въ Малой Азіи, въ той самой странѣ, изъ которой ихъ единоплеменники *Кумри* были изгнаны съ небольшимъ за три столѣтія лидійскими царями. Эта страна по новымъ жителямъ своимъ получила имя Галатіи.

Таково было завоевательное движеніе Галловъ во время ихъ кратковременнаго могущества. Ихъ побѣды, ихъ завоеванія и слава не оставили по себѣ замѣчательныхъ слѣдовъ. Въ Германіи они погибли отъ натиска усилившихся Германцевъ и потомъ отъ возстанія Славянъ, въ Италіи отъ Римлянъ, въ Панноніи и Иллиріи отъ Славянъ и Римлянъ; въ Малой Азіи отъ Римлянъ и новыхъ восточныхъ завоевателей. Отодвинутые мало-по-малу отъ адріатическихъ береговъ и Дуная къ сѣверу, въ область при-карпатскую, они нѣсколько времени еще сохраняли значеніе и отдѣльную жизнь, но и тутъ погибли подъ напоромъ племени славянскаго. Отъ нихъ остались вездѣ только имена нѣкоторыхъ урочищъ или цѣлыхъ областей (какъ, напр., Галичь при-карпатская), нѣсколько словъ въ языкѣ (особенно въ сѣверной Италіи и, можетъ быть, въ Эпирѣ, если только критика не принимаетъ ошибочно слѣдовъ древне-эпирскаго или иберскаго нарѣчія за признаки кельтскаго), и нѣсколько обычаевъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени.

Таковы, напр., въ восточныхъ горахъ Венгріи и седмиградскаго княжества, одежда простого народа, напоминающая клѣтчатый тартанъ шотландскій, и общая съ Шотландіею страсть къ дикимъ звукамъ волынки; но тутъ можно усомниться, отъ кого именно эти обычаи ведутъ свое начало: отъ Кельтовъ ли древнихъ, или отъ ихъ кавказскихъ братьевъ *Аваровъ*.

Уцѣлѣли отчасти Галлы или по крайней мѣрѣ остались важными дѣятелями въ исторіи и въ составленіи новыхъ народовъ только въ своихъ старыхъ жилищахъ, въ Галліи отъ моря до моря и отъ океана до Рейна, да въ Британіи и Эринѣ, куда они проникли издревле, живя долго безъ примѣси или слившись съ Иберцами. Такъ погибли Галлы; но первый напоръ ихъ едва ли не погубилъ будущей всемірной державы.

Разореніе Рима Галлами.—Войны и покореніе Италіи.

Въ началѣ IV вѣка Этруски, тѣснимые Галлами Сеннонцами, просили помощи у Римлянъ, своихъ бывшихъ враговъ. Покоривъ своихъ опаснѣйшихъ соперниковъ—Веіянъ, и упоенный недавнимъ торжествомъ, удвоившимъ его силы, Римъ забылъ свою обычную мудрость: онъ принялъ Этрусковъ подъ свое покровительство и не только оскорбилъ гордость Галловъ недменною рѣчью, но въ лицѣ своихъ посланниковъ нарушилъ законы народнаго права, священные даже для дикарей *). Не надолго отстало наказаніе отъ преступленія. Сѣверныя дружины явились на берегахъ Тибра, однимъ ударомъ уничтожили Римское войско, ворвались въ городъ безъ боя, разграбили его и сожгли. Жители успѣли по большей части спастись бѣгствомъ; другіе, кажется по преимуществу патриціи, засѣли на укрѣпленной горѣ капитолійской, уцѣлѣвшей среди всеобщей гибели. Слишкомъ шесть мѣсяцевъ пировали Галлы на развалинахъ Рима, разоряя всѣ окрестности своими отдѣльными отрядами, разрушая города, опустошая Лаціумъ и область Вольсковъ и Экововъ, громя даже отдаленный югъ Италіи, но упорно продолжая осаду Капитолія и месть за оскорбленіе народнаго права. Болѣзни, вѣроятно голодъ, собственное непостоянство и мужество Римлянъ одолѣли наконецъ жажду мщенія въ дикаряхъ. Они взяли богатый выкупъ и удалились.

Послѣ нихъ оставались пепелище, нищета и болѣзни; но оставались непотрясенными государственное начало, уже создавшее Римъ, крѣпость духа, испытаннаго бѣдствіями, и практическая мудрость, совершенствуемая каждымъ урокомъ; сверхъ того, оставалась новопріобрѣтенная вейская область, источникъ временнаго ослѣпленія и гордости, но также источникъ постоянной и истинной силы. Многіе сосѣди вооружились противъ Рима, но они сами были ослаблены кельтскимъ нашествіемъ и внутри себя не имѣли духа возсозидающаго. Частныя и мелкія пораженія римскихъ отрядовъ всегда заглаживались новыми побѣдами, и всякая война кончалась вѣрно разчитаннымъ миромъ, упрочивающимъ могущество побѣдителей. Безпрерывный рядъ кровопролитныхъ битвъ противъ сабинскихъ Самнитовъ, противъ Латинцевъ, требовавшихъ въ правленіи Римомъ равныхъ правъ съ Римлянами, снова противъ Самнитовъ, Этрусковъ и Галловъ, противъ южныхъ эллинскихъ колоній и ихъ эпирскаго союзника Пира—покорилъ наконецъ Риму всю среднюю и южную Италію. Хитро разочтенныя условія союзовъ, вѣрно разочтенныя наказанія врагамъ и награжденія союзникамъ, сохраненіе у побѣжденныхъ народовъ всѣхъ правъ гражданскихъ съ убавленіемъ или уничтоженіемъ правъ политическихъ, особенно же запрещеніе семейныхъ и религіозныхъ связей между городами, отличавшимися особеннымъ упорствомъ войны: таковы были средства, которыми Римъ укрощалъ слишкомъ опасныхъ непріятелей, пріобрѣталъ вѣрныхъ и всегда обманутыхъ друзей, упрочивалъ свои завоеванія и готовился къ своей міродержавной будущности.

Характеръ Карѳагена.—Борьба его съ Римомъ.

Ему предстояла борьба еще опаснѣе и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ.

Карѳагенъ, основанный въ IX вѣкѣ финикійскими купцами на сѣверномъ берегу Африки, соединилъ въ одномъ средоточіи всю торговлю внутренней Африки, сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, золотопромышленной Испаніи, дальней Британіи и Азіи. Такое счастливое положеніе должно было дать ему богатство и имущество. За всѣмъ тѣмъ въ значеніи религіозномъ и отчасти государственномъ онъ долго оставался въ зависимости отъ своей родоначальницы Финикіи.

Это весьма ясно изъ притязанія царей персидскихъ на Карѳагенъ послѣ покоренія Тира и Сидона.

Паденіе великихъ торговыхъ городовъ юго-западной Азіи дало еще бо́льшую силу и бо́льшую свободу ихъ африканской колоніи.

Очевидно, что ея государственныя дѣйствія выказываются рѣзче и независимѣе вскорѣ послѣ завоеванія Финикіи, сперва Ассиріею, потомъ Персіею.

Торговые обороты Карѳагена должны были пострадать отъ торжества Вавилона, перервавшаго караванные пути южной Азіи, и не могли вполнѣ возстановиться даже во время персидскаго владычества, несмотря на соединеніе береговъ Инда и Средиземнаго моря подъ одною державою; но, съ другой стороны, всѣ выгоды этихъ оборотовъ, которыми колонисты до тѣхъ поръ дѣлились съ своею родиною, перешли почти единственно въ ихъ руки. Вѣроятно. сама колонія усилилась новымъ переселеніемъ купцовъ изъ Финикіи, ищущихъ свободы отъ чуждаго ига; во всякомъ же случаѣ большая политическая независимость пробудила новую жизнь въ предпріимчивости торговой, а вскорѣ и въ завоевательномъ властолюбіи.

Карѳагенъ не содержалъ въ себѣ никакихъ новыхъ стихій, чуждыхъ Тиру или Сидону. Та же односторонность въ стремленіи къ богатству и къ торговлѣ, но, кажется, менѣе безотчетной смѣлости въ разгулѣ по грозѣ водъ океанскихъ, и безспорно менѣе характера религіознаго, завѣщаннаго незапамятною древностью и религіозными распрями всей области сирійской и финикійской.

Таковъ всегда духъ колоній, основанныхъ съ видами купеческими. Односторонность первоначальной цѣли отражается на всей жизни новаго государства, мысленный кругъ стѣсняется, и человѣкъ засыхаетъ въ своемъ ненасытномъ златолюбіи. Всѣ великія и глубокомысленныя преданія забываются,—ученія теряютъ свой отвлеченный смыслъ, уже непостижимый для рабовъ корысти; духъ религіи исчезаетъ, и отъ нея остаются только внѣшніе обряды, не имѣющіе или никакого значенія, или только значеніе торговыхъ сдѣлокъ человѣка съ невидимыми властями міра.

По своимъ вѣрованіямъ и всему своему развитію Финикія принадлежала вполнѣ системѣ кушитской, несмотря на примѣсь иранства, уже утратившаго весь свой первобытный характеръ (въ *Ваалъ* или *Белъ* и др.). Многобожіе Финикіянъ не имѣло ничего общаго съ человѣкообразнымъ богопоклоненіемъ Грека или сказочнымъ вѣрованіемъ Восточно-Иранца, но выросло изъ философскаго символизма африканской системы, олицетворившей необходимость въ органической полярности. Иранское божество, свободно-творящій духъ, не благоволящій къ павшему веществу, вошло въ эту систему миѳологическую вмѣстѣ съ сѣвернымъ племенемъ, но уже не какъ свободное лицо божественное, а какъ олицетвореніе полюса мужескаго, зиждущаго и въ то же время разрущающаго. Оно сохранило характеръ неблаговоленія къ міру, производимому имъ поневолѣ, и этотъ характеръ, доведенный во время борьбы религій до изступленной свирѣпости, выражался любовью къ разрушенію, къ жертвамъ человѣческимъ и къ воплямъ младенцевъ, сожигаемыхъ въ мѣдныхъ объятіяхъ молохова кумира. Грубая любовь къ веществу, доведенная также до изступленнаго сладострастія, осталась на долю женскаго полюса, богини, принадлежащей вполнѣ племени южному. Такова была религія Финикіи, такова религія Карѳагена.

Должно замѣтить, что иногда (вслѣдствіе древняго примиренія между враждовавшими племенами и вѣрами) происходилъ размѣнъ обрядовъ въ поклоненіи богу и богинѣ, и тогда Молохъ-Ираклъ являлся женоподобнымъ и покровителемъ разврата, а Милитта-Кивела свирѣпою и ненавистницею вещественнаго міра *); но такой размѣнъ былъ обычнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ области сирійской. Мы уже сказали, что Молохъ былъ въ своей первобытной сущности ни что иное, какъ богъ обще-иранскій, тотъ самый, которому поклонялся домъ Израиля подъ именемъ *Элохимъ* или *Іегова*; но мы должны также помнить, что въ безобразный синкретизмъ Финикіи, такъ же какъ въ многостихійное ея населеніе, очень многія начала вошли въ довольно позднюю эпоху. Довольно любопытный примѣръ этихъ позднѣйшихъ примѣсей находится въ поклоненіи богу времени, *Израилю*, и въ разсказѣ о принесеніи имъ въ жертву сына своего Іеуды *). Такая странная примѣсь вѣрованія свидѣтельствуетъ о вліяніи Евреевъ и вѣроятно о вкрапленіи въ племя финикійское отдѣльныхъ поколѣній израильскихъ, забывшихъ единобожіе и возвысившихъ своего родоначальника до божественныхъ почестей по образцу другихъ народовъ. Мы видимъ нѣчто похожее на такое смѣшеніе въ Гормуздѣ Буддаистовъ, въ разсказахъ о молодости Будды, взятыхъ изъ Рамаяны, и о его дѣтствѣ, взятыхъ изъ христіанскаго сказанія о Симеонѣ. Одно только безумное ослѣпленіе страстныхъ системъ, забывающихъ про неизбѣжное обличіе явной лжи, могло выдать финикійскую сказку, засвидѣтельствованную весьма поздними писателями, за первообразъ стародавняго сказанія еврейскаго объ Израилѣ, Авраамѣ и Исаакѣ. Господа книжники въ затѣйливости своихъ труженическихъ восторговъ не видятъ даже, что самыя имена этихъ мнимо-финикійскихъ боговъ точно такъ же не клеятся къ истинно-финикійской миѳологіи, какъ и разсказъ о богѣ, приносящемъ въ жертву сына для прекращенія чумы, не клеится къ здравому смыслу. Перенесеніе повѣсти объ Исаакѣ на Іуду, безсвязность миѳа въ финикійской религіи, отсутствіе всѣхъ прочихъ лицъ, сопровождающихъ лицъ Іакова въ еврейскомъ преданіи, отсутствіе родословнаго значенія, каждое обстоятельство порознь и всѣ вмѣстѣ представляютъ такое явное свидѣтельство о чужеплеменности Израиля и Іуды въ финикійской сказкѣ, что трудно понять, какъ многоначитанные люди могли съ важностью утверждать противное и какъ земля ученая, стоящая въ челѣ западнаго просвѣщенія, могла безъ смѣха встрѣтить ихъ дѣтскую догадку и мнимо-ученую спѣсь.

Развратъ и жестокость должны были являться съ тѣмъ же безстыдствомъ въ Африкѣ, какъ и въ юго-западной Азіи, ибо мысль была та же и не приняла никакихъ новыхъ стихій; но кажется, Карѳагенъ, глубже погруженный въ стремленіе къ пользѣ вещественной, менѣе отличался испорченностью нравовъ, предполагающихъ нѣсколько беззаботную и покойную жизнь, и болѣе ославился своею безпощадною кровожадностью какъ въ политикѣ и въ судилищѣ, такъ и въ обрядахъ вѣры. Великій Дарій требовалъ отъ него, по праву владыки страны финикійской, отмѣны человѣческихъ жертвоприношеній, но получилъ только временное удовлетвореніе. Римъ, завоеватель и государь полновластный, въ продолженіе болѣе трехъ вѣковъ не могъ уничтожить безчеловѣчное поклоненіе древнимъ богамъ Карѳагена *).

Такое упорство очень понятно. Въ системѣ кушитской не было молитвы и быть не могло. Были одни заклинанія, вещественно покоряющія невидимый міръ, подчиненный такому же закону, какъ и видимый, закону необходимости. Кровь была сильнѣйшимъ изъ всѣхъ заклинательныхъ средствъ. Слѣдовательно, чѣмъ безпокойнѣе и алчнѣе была дѣятельность человѣка, чѣмъ болѣе онъ требовалъ отъ жизни и судьбы, тѣмъ чаще онъ долженъ былъ прибѣгать къ заклинанію, тѣмъ болѣе проливать кровь. Къ тому же прибавить должно, что развитіе односторонности торговой изсушаетъ сердце и убиваетъ всякое сочувствіе къ людскимъ страданіямъ. Стоитъ только взглянуть на Голландца въ колоніяхъ и Сѣверо-Американца въ западныхъ областяхъ.

Скудость духовной жизни лишала великую финикійскую колонію всѣхъ лучшихъ стремленій души, философіи, искусства, поэзіи, всей человѣческой славы мысли, всей внутренней святости государственной. Правленіе было республиканское безъ свободы и аристократическое безъ благородства, ибо очевидно вся власть была основана на богатствѣ.

Таковъ по крайней мѣрѣ Карѳагенъ въ послѣднее время; о прежней его эпохѣ ничего опредѣлительнаго сказать нельзя, кромѣ того, что въ ней лежалъ зародышъ позднѣйшей.

Все государство представляло одну огромную торговую факторію, искусно дѣйствовавшую для чисто-внѣшнихъ и грубыхъ цѣлей. Жизнь гражданъ была дорога для немноголюдной колоніи: службу боевую несли наемники, продающіе кровь свою за золото. Самое завоевательное властолюбіе было подчинено торговому расчету, и Карѳагенъ искалъ не пространныхъ владѣній, радующихъ народную гордость, не множества подвластныхъ народовъ, усиливающихъ государство своею вещественною силою, но вѣчно новыхъ сбытовъ для своего товара, вѣчно новыхъ и неистощимыхъ товаровъ для своего сбыта, новыхъ данниковъ и рудниковъ и новыхъ областей для торговой монополіи. Иго его было легко въ сравненіи съ римскимъ, и рѣдко возмущались противъ него покоренные народы; но оно было унизительно, основываясь на развратѣ и порождало развратъ.

Когда жизнь человѣческая мѣняется на золото, когда человѣкъ продаетъ себя на дѣло безстрастнаго убійства (какъ всѣ кондотьеры), скоро гибнутъ въ немъ всѣ зародыши чистыхъ и человѣческихъ чувствъ; когда дикарь разрабатывается торгашомъ какъ рудникъ, въ немъ развиваются всѣ пороки разсчетливымъ соблазномъ вещественнаго просвѣщенія. Новая Европа употребляетъ съ равнымъ успѣхомъ желѣзо, водку и опіумъ.

Римъ былъ немногимъ выше Карѳагена въ смыслѣ религіозномъ. Безпорядочный и безпредѣльный синкретизмъ создалъ для него какую-то неопредѣленную систему вѣрованія, равно чуждую началу иранскому и началу кушитскому. Въ немъ не только, какъ въ греческой миѳологіи, не было никакого общаго начала, но не было даже постояннаго человѣкообразія. За всѣмъ тѣмъ глубокая вѣра въ нравственное достоинство искупала пороки религіознаго безсмыслія и замѣняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой поклонялся Эллинъ. Впрочемъ смѣшеніе многихъ разныхъ миѳологій имѣло въ Римѣ то же самое послѣдствіе, какъ и вездѣ: торжество кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда надъ внутреннимъ, духовнымъ богопоклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклинаніе. Боги побѣжденныхъ народовъ получали право гражданства въ городѣ побѣдителей и должны были утѣшиться новыми почестями въ утратѣ своей прежней самостоятельности.

Нельзя безъ сострадательнаго смѣха читать формулы заклинаній, которыми Римляне вызывали изъ осажденнаго города боговъ, его покровителей: «Si quis Deus. sive Dea» и пр. Такъ и глядишь на вора выманивающаго кускомъ мяса сторожевую собаку съ чужого двора.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Римъ былъ несравненно выше Карѳагена. Иго его было тяжело, но не унизительно. Самолюбивыя страсти роптали; но разумъ преклонялся, сознавая торжество общества правомѣрнаго надъ обществами произвольно-условными.

Таково очевидно было впечатлѣніе, произведенное Сенатомъ надъ эллинскими посланниками непобѣжденнаго Пирра.

Нѣкогда Римъ и Карѳагенъ дружелюбно сносились межъ собою, когда Карѳагенъ еще не развивалъ всего своего промышленнаго могущества, а младенчествующій Римъ не сознавалъ ни себя, ни своихъ будущихъ судебъ. Даже въ войнѣ противъ Пирра, опаснаго представителя воинственной Эллады, дѣйствовали они заодно ¹); но продолженіе дружбы было невозможно. Сицилія, соединяющая, такъ сказать, Италію съ Африкою, населенная эллинскими колоніями, принадлежащими къ одной системѣ съ эллинскими городами Южной Италіи, уже подчинившимися римской державѣ, и въ то же время безпрестанно привлекающая завоевательное корыстолюбіе Карѳагена, послужила поводомъ къ рѣшительному раздору между двумя первенствующими государствами западнаго міра. Карѳагенъ не желалъ войны, но, ослѣпленный своимъ собственнымъ блескомъ и безспорнымъ превосходствомъ своимъ на морѣ, не боялся ея. Римъ желалъ войны, предчувствуя несомнѣнную побѣду. Борьба длилась долго съ перемѣннымъ счастіемъ. Карѳагенъ, его неистощимыя сокровища и его сотни торговыхъ колоній на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи долго не уступали желѣзной волѣ и мужеству Рима; области Африки были опустошены, берега Италіи разграблены, народы Италіи

---

¹) Въ 279 году заключенъ былъ между ними оборонительный и наступательный союзъ.

истощены, Сицилія разорена въ конецъ; Римъ оскудѣлъ жителями, Карѳагенъ золотомъ, а судьба битвы казалась сомнительною. Римъ пріобрѣлъ на морѣ равенство съ своимъ противникомъ (какъ кажется, съ помощью эллинскихъ кораблестроителей, не уступавшихъ финикійскимъ); Карѳагенъ, котораго невѣжество въ дѣлѣ ратномъ было разительно при началѣ войны и сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ Лакедемонянина Ксантиппа *), пріобрѣлъ къ концу войны (особенно подъ предводительствомъ дома Барка) опытность и искусство, равныя римскимъ. Гордость народная и гражданская доблесть Римлянъ утомили, наконецъ, финикійскихъ купцовъ. Не побѣжденные, они заключили постыдный миръ съ соперниками, болѣе пострадавшими, но не утратившими силы духовной. Сицилія осталась въ римской власти; Сардинія была похищена наглымъ нарушеніемъ мирнаго договора, за которое Карѳагенъ не смѣлъ возобновить войну.

Дерзость Рима и робость Карѳагена явно доказываютъ, чья была побѣда, и должны были доказать современникамъ, чье будетъ окончательное торжество при новыхъ столкновеніяхъ.

Едва заключивъ миръ на югѣ, Римъ сталъ распространять владѣнія свои на сѣверѣ новыми войнами противъ кельтійскихъ Галловъ, полу-славянскихъ Лигурцевъ (смѣшанныхъ, кажется, съ Иберцами) и славянскихъ Иллирійцевъ, лишившихся своей торговли, но промышлявшихъ морскимъ разбоемъ. Успѣхъ вездѣ вѣнчалъ его оружіе. Торжество надъ воинственными Самнитами упрочило его власть въ ея средоточіи, въ самой Италіи.

Въ то же время глубокомысленный расчетъ Гамилькара открылъ новую точку опоры для власти карѳагенской. Испанія, давно обогащавшая восточныхъ мореплавателей своими товарами, не совсѣмъ чуждая Финикійцамъ по племенному сродству ихъ съ Иберцами, населенная народами мужественными, но не смыкавшимися никогда въ государственный союзъ, сдѣлалась предметомъ завоевательныхъ замысловъ полководца, уже испытавшаго силы свои съ успѣхомъ противъ

Римлянъ и возмутившихся наемниковъ. На своемъ иждивеніи набралъ Гамилькаръ значительное войско и покорилъ часть Испаніи. Преемникъ его и зять Гасдрубалъ продолжалъ начатое дѣло, основалъ новую и скоро разбогатѣвшую колонію (Новый Карѳагенъ), распространилъ власть свою силою, упрочилъ кротостью, покорившею сердца туземцевъ и, умирая въ цвѣтѣ лѣтъ, передалъ новопріобрѣтенное государство человѣку, въ которомъ сосредоточивается вся слава Карѳагена, Ганнибалу. Римъ былъ неравнодушенъ къ торжествамъ соперника. Призванный на помощь греческими колоніями въ Испаніи, онъ положилъ властительнымъ словомъ и угрозами предѣлы завоеваніямъ карѳагенскимъ и явно показалъ, что ждетъ только предлога для новой борьбы. Ганнибалъ понялъ необходимость войны и понялъ, что рѣдко посылаются судьбою люди, ему подобные. Онъ зналъ превосходство римской силы и думалъ уравнять это превосходство своимъ личнымъ величіемъ. Снѣга Пиренеевъ и Альповъ, ущелья Аппениновъ, непроходимыя болота Тосканы, ничто не могло его остановить; народы, недавно покоренные Римомъ (итальянскіе Галлы, Лигурцы и многіе другіе), увлеченные пламеннымъ геніемъ, пристали къ его дружинамъ; римскія ополченія, уничтоженныя одно за однимъ, уложили слѣдъ его своими костями. Побѣдитель сталъ передъ стѣнами великаго города; но желѣзная воля народа устояла. Началась долгая, незабвенная борьба, въ которой выказалась вся бездушная и безразсчетная слабость Карѳагена, все исполинское величіе его полководца и все нравственное могущество города, призваннаго къ міродержавству. Наконецъ, Карѳагенъ, равнодушіемъ погубивъ своихъ союзниковъ въ Сициліи, утративъ Испанію, угрожаемый войсками Сципіона въ самой Африкѣ, вызвалъ Ганнибала изъ Италіи. Побѣда Римлянъ при Замѣ (въ 202 году до Р. Х.) кончила борьбу, которой рѣшеніе было уже давно несомнѣнно, ибо съ одной стороны было цѣлое государство, съ другой—одинъ человѣкъ. Карѳагенъ палъ, чтобы болѣе уже не вставать. Римъ сталъ въ величіи, которому уже не было равнаго въ современномъ мірѣ.

Ганнибала упрекали въ ошибкахъ стратегическихъ. Здравая критика оправдала его почти во всемъ и опредѣлила ему едва ли не первое мѣсто между всѣми полководцами древности. Кажется, справедливѣе можно бы его упрекнуть въ томъ, что онъ не давалъ никакой сосредоточенной организаціи народамъ итальянскимъ. Дѣйствія союзниковъ Рима были всѣ подведены подъ одну систему разумомъ правительственнаго города и отъ того успѣшны. Дѣйствія его многочисленныхъ враговъ были безсвязны и отъ того безплодны. Недостатка въ энергіи не было; это явно изъ войны Рима съ своими итальянскими союзниками, въ которой онъ едва не погибъ.

Эллада и государства, основанныя Эллинами во время ихъ кратковременнаго первенства на востокѣ, должны были придти во враждебное столкновеніе съ новымъ властителемъ Запада. Будущую опасность отъ Рима, кажется, предчувствовалъ уже Пирръ; царь македонскій Филиппъ ясно провидѣлъ ее и тайно помогалъ Ганнибалу въ его итальянской войнѣ *).

Онъ не могъ выступить его явнымъ союзникомъ или потому, что самъ въ то же время занятъ былъ завоеваніемъ Греціи, или потому, что ни онъ, ни Ганнибалъ не могли согласиться на подчиненное мѣсто въ управленіи общимъ дѣломъ.

Завоеванія Рима на востокѣ.—Паденіе Македоніи, Греціи, царства сирійскаго.

Сломивъ силу Карѳагена, Римъ обратилъ оружіе свое на востокъ. Эллада, растерзанная внутренними раздорами, не могла противостать и сама облекла своихъ властолюбивыхъ сосѣдей въ право судей и властителей. Въ ней три государства спорили о первенствѣ: Македонія, сохранившая отчасти воинственную славу Александра, вещественное устройство его дружинъ въ грозной фалангѣ и единство въ дѣйствіяхъ; союзъ, созданный дотолѣ ничтожными ахейскими городами, и другой союзъ, основанный еще болѣе ничтожными Этолійцами. Ахейцы были преемниками мысли, воплотившейся на короткое время въ Ѳивахъ при Эпаминондѣ, и, слѣдовательно, просвѣщенія аѳинскаго. Дикіе Этолійцы были представителями того воинственнаго характера, которымъ нѣкогда жилъ Лакедемонъ; но философскій и холодный систематизмъ ахейскаго союза былъ также далекъ отъ живого и художественно-плодотворнаго просвѣщенія прежней Аттики, кткъ разбойничья предпріимчивость и развратъ Этолійцевъ были далеки отъ строгой и стройно размѣренной силы Лакедемона *). За всѣмъ тѣмъ нравственное достоинство и человѣчность началъ ахейскихъ легко бы могли восторжествовать надъ своими противниками и дать южной Греціи временную силу, если бы завистливая Спарта, утратившая все прежнее значеніе и права на власть, но сохранившая еще отблескъ прежняго мужества, не была въ постоянномъ союзѣ съ Этолійцами противъ благороднаго стремленія Ахейцевъ. Сильнѣе обоихъ была Македонія и очевидно готовилась подчинить себѣ всю южную Элладу; но Римъ предупредилъ ея замыслы. Непродолжительная война показала превосходство легкаго и подвижного легіона передъ тяжелою фалангою и Рима передъ преемниками Александра. Ничтожная борьба уничтожила послѣдніе остатки эллинской свободы. Побѣдители сохранили лицемѣрное уваженіе къ прежней вольности городовъ, но разорвали всѣ союзы ихъ и отдали вездѣ власть богатству, зная, что богатство любитъ покой, боится мятежей и охотно продастъ своихъ братьевъ, чтобы не подвергаться личной опасности. Такимъ образомъ Эллада стала рабствовать подъ личиною свободы и перешла незамѣтно въ совершенное и явное рабство.

Впрочемъ, напрасно считали многіе единственно за лицемѣріе почтеніе, показанное Римлянами побѣжденнымъ Эллинамъ. Государство и государственные люди презирали безсвязную Элладу, но просвѣщеніе эллинское уже имѣло многихъ поклонниковъ въ Римѣ; и горько было человѣку, впитавшему въ себя философію и поэзію Греціи, попирать свободу народа, просвѣтившаго его родину. Фламиній могъ плакать нелицемѣрно, и Метеллъ щадилъ Элладу не изъ хитрости, а изъ любви.

Политическое поприще Эллады кончилось; она погибла потому, что пережила юношескій возрастъ свой, простодушно поклонявшійся идеѣ красоты художественной, и не нашла той красоты, къ которой стремилась въ лѣта возмужалости, красоты въ знаніи, т.-е. истины. Она утратила силу потому, что утратила вѣру во все то, чѣмъ нѣкогда жила и чему поклонялась, и никогда не могла принести свою любовь къ личной свободѣ человѣка въ жертву чисто-условной государственности, не имѣющей другаго, высшаго идеала.

Самобытное древнее имя Эллады исчезаетъ: оно уступаетъ мѣсто чужеданному имени Греціи. Этимологія перваго есть безъ сомнѣнія имя Аполлона Патросса, *Велена* или *Гелена* (по другимъ діалектамъ *Селенъ*); этимологія второго сомнительна. Оно было дано Италіотами землѣ эллинской по названію какого-нибудь прибрежнаго племени. Вспомнимъ, что это адріатическое прибрежье было во многихъ мѣстахъ полуславянское или чисто-славянское, трудно не предположить, что слово *Грекъ* есть только сокращеніе слова *Горякъ* (горецъ, отъ корня *гора*). Такъ, всѣхъ Германцевъ русскіе Славяне прозвали *Нѣмцами* отъ имени ближайшаго западнаго поколѣнія *Неметовъ*, которому, какъ уже сказано, народная догадка приписала особый смыслъ, точно какъ же, какъ слову *Тіутъ* (Чудь) и *Азъ - Зигъ* (Языкъ).

Еще менѣе Македоніи сопротивлялась Сирія. Селевкиды, принужденные къ войнѣ наглыми притѣсненіями Рима, ополчились поневолѣ и, побѣжденные въ одномъ сраженіи (въ 190-мъ году до Р. Х.), уже не могли дать отпора побѣдителямъ. Малая Азія была раздѣлена между многими властителями и перешла мало-по-малу подъ власть римскую. Сирія осталась еще на нѣсколько времени въ рукахъ Селевкидовъ; но царственный домъ угасъ безъ славы, стѣсненный Парѳянами съ востока и Египтомъ съ юга, постоянно угнетаемый Римлянами, растерзанный семейными междоусобицами, потрясенный мужественнымъ возстаніемъ Іудеи и осужденный на гибель собственнымъ бездушіемъ. Египетъ еще хранилъ жалкую независимость, защищаемую подкупомъ противъ властолюбія Рима *).

Въ половинѣ втораго вѣка былъ нанесенъ послѣдній ударъ Карѳагену. Городъ, нѣкогда владѣвшій всею юго - западною Европою и сѣверною Африкою, палъ въ такое политическое ничтожество, что имя его почти не упоминается въ исторіи полустолѣтія. У него не было уже ни вещественныхъ силъ, ни духа, созидающаго силу. Подлѣ него поставлено было новое царство, составленное изъ туземныхъ стихій, нумидійское, которое мало-по-малу завоевывало оставшіяся ему области. Но Римъ помнилъ его прежнее соперничество и завидовалъ его богатству. При первомъ предлогѣ (или, лучше сказать безъ предлога) велѣно было Кароагенянамъ отказаться отъ стародавнихъ и близкихъ владѣній: они повиновались. Потомъ уничтожить всѣ военные корабли: корабли уничтожены. Потомъ выдать все оружіе: и то было исполнено. Наконецъ разрушить городъ и поселиться тамъ, гдѣ прикажетъ Римъ. Кароагенъ, видя неизбѣжную гибель, рѣшился погибнуть со славою. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ, и Кароагенъ исчезъ съ лица земли, увѣнчавъ, подобно своему родоначальнику Тиру, славою воинскаго геройства послѣдніе годы своего торговаго поприща. Вскорѣ погибло и нумидійское царство, послуживъ орудіемъ римскаго властолюбія.

Не безъ труда покорили Римляне воинственныхъ Славянъ иллирійскихъ. Еще долѣе сопротивлялись сосѣди Иллирійцевъ. Дарданы, которыхъ происхожденіе неизвѣстно, хотя оно по-вѣроятію было одинаково съ Иллиріею и Ѳракіею, и Пеонійцы, которыхъ славянство доказано изъ преданій, связывающихъ ихъ съ Троею, изъ ихъ образа жизни и особенно изъ самаго имени столицы *Бѣлазора* (Бѣлозеро) *). Полуславянскіе Лигурцы утратили совершенно свободу послѣ многолѣтней и кровавой борьбы. Долѣе же и славнѣе всѣхъ боролись Иберцы въ Испаніи, слишкомъ чуждые государственному быту, чтобы отстоять свою свободу, но заслужившіе великое историческое имя геройскимъ подвигомъ Нуманціи и десятилѣтними побѣдами Виріата.

Во время войны, уничтожившей свободу Испаніи, очень ясно выражается разноплеменность жителей безпрестанными раздорами мелкихъ областей. Кажется, вражда старожиловъ Иверцевъ и пришельцевъ Кельтовъ никогда не исчезала вполнѣ. Многія имена мѣстностей при Пиренеяхъ (о которыхъ уже сказано) и племенъ (какъ, напр., *Илергетовъ*) доказываютъ, что восточная вѣтвь Иранцевъ проникла за Пиренеи. Точно то же можно предположить и о Корсикѣ и Сардиніи, гдѣ часто слышны въ именахъ звуки, напоминающіе область славянскую. Впрочемъ иначе и быть не могло: мореплавательные Лигурцы и Разены и старожилы галльскіе, Венеты, не могли не бросать колоній въ близлежащіе острова и въ сосѣднія страны.

Внутренній характеръ Рима послѣ его завоеваній.—Гракхи.

Наконецъ, Римъ явился въ своемъ міродержавномъ величіи. Но Римъ уже измѣнился. Раздѣленіе его на патриціевъ и плебеевъ еще сохранялось, какъ мертвая форма или какъ безсмысленный обычай; дѣйствительно же права ихъ были одинаковы, и оставалось одно только раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ. Первое основаніе города и государства состояло въ общинѣ патриціанской. Вся городская область была собственностью гражданъ, слѣдовательно патриціевъ, и дѣлилась между ними на ровныя доли по образцу, еще сохраненному въ раздѣленіи тягловыхъ земель въ общинахъ славянскихъ.

Можно даже еще замѣтить полутягловыя доли въ гракховыхъ законахъ.

Только эта собственность освящалась государствомъ и признавалась вполнѣ. Приливъ плебеевъ и смѣсь разнородныхъ стихій ввели по необходимости въ обычай другаго рода собственность, такъ же признанную, но признанную только какъ фактъ, а не какъ право, и не освященную святостью государственною. Эта собственность охранялась законами, но въ тоже время не носила полнаго характера законности. Она была не собственностью, а только владѣніемъ.

Таково начало всей этой многосложной и запутанной теоріи о собственности и владѣніи, которою испещрено римское законодательство и которую съ такимъ безплоднымъ трудомъ ученые книжники силятся подвести подъ разумныя начала *). Требуютъ разума отъ грубаго, условнаго факта и ищутъ смысла въ безсмыслицѣ! Религіозныя понятія, скоро утраченныя, одни, можетъ быть, составляли основу различія; въ отношеніи къ наукѣ права это различіе сущая нелѣпость. Всего забавнѣе тѣ суевѣрные поклонники римскаго законодательства, которые желали бы прибавить къ законодательствамъ новымъ эту случайность мѣстнаго римскаго развитія.

Вскорѣ собственность, даруемая государствомъ, сдѣлалась ничтожною въ сравненіи съ собственностью, пріобрѣтенною трудами и подвигами личными. Богатство частныхъ людей росло съ нарастаніемъ завоевательной общины; богатства получили значеніе правительственное по уставу Сервія Туллія, и собственность сдѣлалась основою власти. Когда, послѣ долгой борьбы, исчезли всѣ различія правъ родовыхъ (патриціата и плебса), на первомъ ряду остались права, основанныя на богатствахъ, тѣмъ болѣе что для достиженія низшихъ должностей, составляющихъ переходъ къ высшимъ, требовалось уже значительное состояніе. Въ первой пунической войнѣ еще являются консулы и диктаторы, призываемые къ правленію республикою отъ плуга и труда хозяйственнаго (таковы Регулъ, Серранъ и друг.); но вскорѣ исчезаетъ слѣдъ величественной простоты, и вторая пуническая война, открывъ рядъ всемірныхъ завоеваній и безконечный источникъ богатствъ, рѣшила судьбу Рима.

Война Ганнибала противъ Рима была дѣйствительно междоусобицею италійскою. Союзники Рима, помогавшіе ему, когда онъ былъ на краю гибели, получили значительныя права отъ благодарности спасеннаго государства и стали желать большихъ; враги, побѣжденные и строго наказанные, сохранили въ душѣ своей ненависть и жажду мщенія. Но большая часть Италіи стала въ рядахъ войска ганнибалова, и слѣдовательно большая часть Италіи послѣ второй пунической войны была подчинена Риму на условіяхъ гораздо строжайшихъ противъ прежнихъ. Въ то же время новопріобрѣтенныя области внѣиталійскія поступили въ новое отношеніе къ государству подъ именемъ *провинцій* (отъ *proventus*, собств. кормежныя) *) и сдѣлались предметомъ откуповъ, вливавшихъ въ Римъ неистощимыя сокровища и необузданный развратъ. Богатства, безпрестанно накоплявшіяся въ рукахъ нѣсколькихъ патриціанскихъ и чиновныхъ плебейскихъ родовъ, составили новую аристократію золота, не имѣющую опредѣленныхъ и законныхъ правъ, но дѣйствительно представляемую Сенатомъ — правительственнымъ совѣтомъ государства, нѣкогда бывшимъ совѣтомъ патриціанскимъ, теперь сосредоточившимъ въ себѣ всѣ патриціанскія права послѣ паденія самаго патриціата. Такъ, послѣ борьбы между родовыми гражданами Рима (патриціями) и его пріемышами (плебеями) готовилась новая борьба между чиновнымъ и богатымъ Сенатомъ и бѣднымъ, угнетеннымъ народомъ,—борьба, основанная на грубыхъ вещественныхъ выгодахъ, лишенная всякаго религіознаго значенія, всякаго человѣческаго достоинства, унизительная и гибельная для государства. Едва палъ Карѳагенъ, и торжествующія рати Рима отдохнули отъ многотрудныхъ войнъ, народъ, сражавшійся за отечество и принесшій въ свои бѣдныя хижины безплодные лавры и тяжелыя раны, взволновался и потребовалъ отъ богатыхъ правителей земли и денегъ для безбѣднаго жительства. Вождями народа выступили пылкіе, краснорѣчивые и славолюбивые Гракхи. Они погибли, но Сенатъ уступилъ и роздалъ новопріобрѣтенныя земли бѣднѣйшимъ гражданамъ. Вражда разгорѣлась еще сильнѣе отъ уступки и побѣды. Народъ понялъ свою силу и необходимость сосредоточиваться около сильныхъ предводителей. Честолюбивые граждане поняли необходимость привязывать къ себѣ народъ соблазномъ милости, заступничества и безплатныхъ забавъ. Праздники, нѣкогда посвященные богамъ, сдѣлались орудіемъ властолюбиваго расчета; но праздники, развивавшіе въ Элладѣ любовь къ художеству и къ красотѣ, развили въ Римѣ только грубую страсть къ разврату и свирѣпую жажду убійства. Наемникъ-гладіаторъ, занятый отъ безчеловѣчной Этруріи, проливающій кровь свою для забавы народной въ бою съ другимъ гладіаторомъ или съ дикимъ звѣремъ, не имѣлъ ничего общаго съ красивымъ бойцомъ, вольнымъ атлетомъ, представлявшимъ идеалъ человѣческой красоты глазамъ художника-Эллина. Все болѣе и болѣе исчезали въ Римѣ всѣ нравственныя и человѣческія побужденія.

Сенатъ одолѣвалъ въ борьбѣ противъ народа; народные вожди искали себѣ союзниковъ въ племенахъ италійскихъ, покоренныхъ Римомъ и подали имъ надежду на полное право гражданства. Гордый Римъ не исполнилъ обѣщаній, данныхъ его вождями, и вся Италія вспыхнула войною. Немногіе остались вѣрными союзниками Рима и получили право гражданства въ награду за вѣрность. Племена мятежныя получили вскорѣ тѣ же права во время новыхъ междоусобицъ. Такимъ образомъ Римъ сталъ внѣ самого Рима, и городъ сталъ исчезать въ государствѣ. Но граждане, имѣющіе права на правительственное значеніе, были въ то же время удалены отъ средоточія, въ которомъ рѣшалась судьба міра. Имъ нужны были представители въ самомъ царственномъ городѣ, и частныя лица стали необходимымъ выраженіемъ воли государственной. Прежній свободный Римъ не могъ и не долженъ былъ долѣе существовать. Государство требовало равенства съ городомъ, городъ не хотѣлъ уступить своего прежняго владычества: оба соперника должны были исчезнуть въ условномъ единствѣ одного всевластнаго лица.

Опасность могла бы легко быть удалена на время допущеніемъ представленія для гражданъ римскихъ, живущихъ внѣ предѣловъ городовой земли; но тогда исчезло бы значеніе народнаго собранія, и этой уступки гордость народная не могла сдѣлать. Ей было легче передать всю свою власть въ руки избраннаго вождя. Уничтоженіе всей народной власти при сохраненіи призрака власти сенатской доказываетъ явно, что императоръ поглотилъ въ себѣ только права народнаго собранія. Сенатъ въ послѣднія времена республики принадлежалъ не собственно Риму, но всему государству, и отъ этого могъ сохранять свое значеніе, несмотря на поглощеніе города въ государствѣ.

Движеніе на сѣверо-востокѣ.—Походъ Кимвровъ и Тевтоновъ.—Марій.

Между тѣмъ какъ Гракхи поднимали бурю внутренняго раздора и какъ союзники объявляли требованіе свое на уравненіе съ коренными гражданами, желѣзная сила Рима продолжала распространеніе государственныхъ предѣловъ и побѣдоносную борьбу противъ внѣшнихъ враговъ. Въ послѣднихъ годахъ втораго столѣтія до Р. Х. исчезло царство нумидійское; но нѣсколько лѣтъ спустя побѣдитель Африки, глава народа и врагъ Сената, Марій былъ призванъ спасать отечество отъ опасности, напоминающей о грозномъ Карѳагенцѣ и Галлѣ-завоевателѣ. Послѣдніе остатки Кельто-Кумрійцевъ, скрывшіеся отъ скиѳскаго меча (т.-е. Скиѳовъ азіатскихъ) въ горныхъ прибережьяхъ Чернаго моря, сохранили свою самостоятельность во время преобладанія кочевыхъ средне-азіатцевъ. Но мнимые Скиѳы не могли долго властвовать завоеванною страною. Сильные Сармато-Аланы, перешедшіе Кавказъ послѣ паденія и бѣгства кумрійскаго народа, врѣзывались все глубже отъ юга на сѣверъ по Приволжью и Придонью, распространяя во всѣ стороны грозу своего оружія и страхъ своего имени. Утѣсненные Сако-Геты (или вендо-славянскія племена) смыкались тѣснѣе и требовали назадъ свою исконную область. Кочевые средне-азійцы отступили на сѣверо-востокъ или исчезли въ разливѣ новыхъ побѣдителей. Въ началѣ II столѣтія до Р. Х. Сармато-Аланы (иначе Азы) очевидно преобладали во всей странѣ отъ Волги до Днѣпра, покоряя своей власти или принимая въ свой союзъ слабѣйшихъ сосѣдей.

Такъ, напр., съ ними вмѣстѣ врывались въ Европу кавказскіе Зиги (Адиге), составившіе съ ними вмѣстѣ мѣшанное ополченіе дикихъ Языговъ (Аз-зигъ).

Въ жестокой борьбѣ двухъ великихъ племенъ, восточно-иранскихъ Вендовъ (Вановъ) и западно-иранскихъ Азовъ, не могла устоять независимость безсильныхъ Кумрійцевъ. Выгнанные или утѣсненные въ своемъ южномъ убѣжищѣ, они двинулись на западъ по слѣдамъ откочевавшихъ братій. Встрѣченные въ землѣ Чеховъ (древнихъ Зигиновъ) Кельтами-завоевателями (Боіями), не склонными дѣлиться плодомъ своихъ побѣдъ, и удержанные съ юга крутыми горами и смѣлыми горцами вендскаго племени (Паннонцами и Иллирійцами), Кумрійцы повернули къ сѣверу и двинулись черезъ среднюю и сѣверную Германію къ Рейну. Братья ихъ Беолги отказали имъ въ пріемѣ, такъ же какъ и Боіи въ Чехіи, и смѣлымъ отпоромъ отняли у нихъ надежду на успѣхъ въ Галліи. Кумрійцы отступили и осѣлись на болотистыхъ берегахъ Германскаго моря и въ тѣсномъ полуостровѣ, отдѣляющемъ его отъ Балтики. Тутъ нашли они остатки прежняго кельтскаго переселенія, съ которыми смѣшались легко по кровному и духовному сродству. Тутъ основали они временную общину, давшую полуострову имя херсонеса кимврическаго (кумрійскаго), между тѣмъ какъ тотъ же полуостровъ сохранилъ въ памяти и въ словообычаѣ германскомъ древнѣйшее, хотя однозначительное, названіе ютской земли (Ютландъ). Отдохнувъ отъ долгаго странствованія и помня благословенія странъ полуденныхъ, Кумрійцы не захотѣли оставаться въ странѣ холодной и безплодной. Собравъ всѣ свои боевыя силы, призвавъ на общее переселеніе воинственныхъ братьевъ своихъ, Кельтовъ зарейнскихъ (между прочимъ Амброновъ), увлекая вѣроятно на пути своемъ другія кельто-кумрійскія семьи, разсѣянныя въ средней и южной Германіи, и, можетъ быть, нѣкоторыя изъ смѣлѣйшихъ семей германскихъ, они, наконецъ, явились грозовою тучею на границахъ римской державы, подъ именами Кимвровъ и Тевтоновъ.

Имя *Кимровъ* очевидно тождественно съ именемъ *Кумри* или *Кимри*. Имя Тевтоновъ безспорно имѣетъ сходство съ именемъ Германцевъ (*Deutsch*, которое могло быть въ древнѣйшей, хотя сомнительной, формѣ *Teutsch*); но оно еще ближе къ слову *тіутъ* (отъ чего *Чудь*) и къ кельтскому слову *тотъ* или *теотъ* (люди)*). Равносильность же и согласіе Тевтоновъ и Кимвровъ очевидно показываютъ, что они были единоплеменниками. Имена вождей *Боіориксъ* и *Тевтобокъ* безспорно ближе къ именамъ вѣтви кельтской, чѣмъ семьи германской. Сверхъ того, должно вспомнить, что во время кимврской войны Германцы уже были извѣстны Римлянамъ, ибо упоминаются въ фастахъ капитолійскихъ*), въ прежнее время (въ войнѣ Инсубровъ противъ Рима); что никто изъ древнихъ не считалъ Кимвровъ Германцами; что Кесарь про побѣды Германцевъ говоритъ какъ про дѣло новое, ибо у нихъ въ старину не было славы военной, и они были у Кельтовъ въ загонѣ; наконецъ, что слабые остатки Кимвровъ, не отважившихся на переселеніе, отдѣляли себя стѣною и всякими защитами отъ жителей Германіи. Итакъ, они были очевидно не Германцами. Правда, не признавали ихъ древніе за Кельтовъ; но такая недогадка древнихъ очень понятна при дѣтствѣ критической науки и при многовѣковомъ разъединеніи семьи кимврской и кельто-кумрійской. Тождество народа, побѣжденнаго Маріемъ, народа, бѣжавшаго передъ Скиѳами, и народа, издревле переселившагося отъ Приволжья къ берегамъ Сѣвернаго океана и на Британскіе острова, очевидно; сходство, замѣченное древними между Лигурцами и Кимврами *), объясняется весьма легко переселеніемъ Кельто-Беолговъ (т.-е. тѣхъ же Кимвровъ) въ альпійскія долины во время кельтскаго разлива, вѣка за три до кимврской войны. Тѣсная національность и привычка поштучно разбирать историческіе вопросы однѣ только могли затемнить понятія глубокомысленной критики ученой Германіи и скрыть отъ нея весь смыслъ кельтскаго, кумри-беолгскаго и кимврскаго переселенія.

Неодолимъ былъ первый порывъ сѣверныхъ дикарей. Пали римскіе орлы и римскіе легіоны; Италія трепетала. Искусство Марія спасло ее, и пришельцы погибли безъ слѣда. Новая опасность угрожала государству съ востока. Любимецъ народа, побѣдитель юга и сѣвера, рвался къ побѣдамъ въ Азію. Сенатъ поручилъ начальство на востокѣ своему любимцу, полководцу уже прославленному въ войнѣ противъ италійскихъ союзниковъ, Силлѣ.

Юго-восточное приморье Эвксина было въ глубокой древности населено восточно-иранскими семьями, которыхъ многозначительныя имена отзываются въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ отъ первыхъ пѣснопѣвцевъ сказочнаго Индустана до позднѣйшихъ хроникъ Европы и завоевательной Аравіи, семьями Саковъ (иначе Гуновъ, по свидѣтельству клинообразныхъ надписей). Ихъ независимость погибла въ напорѣ сильныхъ, царствъ при-евфратскихъ и иранскихъ; ихъ народная самобытность исчезла вѣроятно безъ слѣда въ напорѣ воинственныхъ народовъ Малой Азіи.

За всѣмъ тѣмъ изученіе мѣстнаго нарѣчія открыло бы, можетъ быть, уцѣлѣвшіе остатки восточно-иранскаго нарѣчія въ его славянскомъ развитіи. Многія имена мѣстностей представляютъ сильный соблазнъ этимологу.

Митридатъ и Силла.

При распаденіи державы македонской въ числѣ новыхъ царствъ, возникшихъ въ горныхъ областяхъ между морями Чернымъ и Средиземнымъ, земля, нѣкогда бывшая сако-гунская, составила также государство самостоятельное, подъ именемъ *Понта* *). Правимая царями туземными и собственными законами, она уцѣлѣла отъ власти Селевкидовъ и отъ римскихъ завоеваній. Имена царей ея (по большей части Митридатовъ) свидѣтельствуютъ о преобладаніи средне-иранской стихіи, легко принятой во время владычества персидскаго по коренному сходству племенныхъ началъ и по особенной близости Саковъ ко двору персидскому, при которомъ они пользовались великимъ почетомъ. Дружескія и частыя сношенія съ Элладою показываютъ, что Понтъ не чуждался эллинской жизни и эллинскаго просвѣщенія; но стремленія царей понтскихъ къ соединенію обоихъ береговъ Чернаго моря подъ одну державу и основанію твердыхъ союзовъ съ жителями древней Скиѳіи, теперешней Россіи, заставляютъ предполагать уцѣлѣвшую память о прежнемъ племенномъ единствѣ и, можетъ быть, еще остатки этого единства, уцѣлѣвшіе въ обычаяхъ и въ жизни. Въ началѣ перваго столѣтія до Р. Х. былъ на престолѣ понтскомъ человѣкъ замѣчательный по необыкновенной силѣ воли и разума, по смѣлости замысловъ и дальновидности политическихъ соображеній. Коварство, не уважавшее никакихъ нравственныхъ законовъ, и свирѣпость, не знавшая границъ, пятнаютъ имя великое въ исторіи, имя Митридата VI-го. Царь ничтожной области, онъ вступилъ въ борьбу съ государствомъ, которому не было равнаго въ мірѣ, и погибъ только послѣ сорокалѣтняго спора. Къ войнѣ съ Римомъ приготовился онъ пріобрѣтеніемъ союзниковъ или покореніемъ слабѣйшихъ племенъ въ долинахъ и по отрогамъ Кавказа, завоеваніями и союзами въ Скиѳіи, приглашеніемъ къ себѣ искусныхъ Эллиновъ, не менѣе Римлянъ знающихъ дѣло военное, но уже неспособныхъ сражаться за собственное дѣло, тайными сношеніями съ Элладою, недовольною римскимъ игомъ, и наконецъ устроеніемъ войска по римскому образцу. То покоряя сосѣднія царства въ Малой Азіи, несмотря на римское заступничество, то снова уступая Риму, Митридатъ мало-по-малу распространялъ свои владѣнія и выступилъ на открытый бой тогда только, когда мятежъ италійскихъ союзниковъ, нерѣдко побѣждавшихъ римскіе легіоны, далъ просторъ его замысламъ, а внутреннее междоусобіе въ Римѣ обѣщало ему вѣроятный успѣхъ. Малая Азія покорилась; многіе острова Эгейскаго моря отпали отъ Римлянъ; наконецъ войско Митридата вступило въ Грецію и, дружески принятое Аѳинами и Біотіей, стало твердою ногою почти въ виду самой Италіи. Но силы Рима еще не истощились. Союзникамъ италійскимъ, оставшимся въ союзѣ, и многимъ, скоро покорившимся, дали полное право гражданства. Представитель партіи аристократической, назначенный начальствовать противъ восточнаго царя, Силла, одинъ изъ величайшихъ мужей древняго міра, собралъ многочисленное войско, пріобрѣлъ любовь его милостями, взялъ Римъ приступомъ, раздавилъ вооруженною рукою партію народную, заставилъ Марія бѣжать изъ Италіи и быстро двинулся въ Грецію навстрѣчу Митридату. Искусство Силлы и мужество легіоновъ одержали побѣду. Возмутившіеся Греки были наказаны, и Митридатъ, отброшенный назадъ въ Азію, купилъ миръ значительными уступками. Побѣдитель иноплеменныхъ враговъ, Силла, поспѣшилъ обратно въ Италію, въ которой народная партія и Марій знаменовали жестокостями свое временное торжество. Побѣда Силлы была еще ужаснѣе торжества маріева, но она водворила порядокъ и что-то похожее на законность. Государство успокоилось въ своемъ средоточіи подъ желѣзною рукою диктатора; но Силла умеръ. Междоусобія вспыхнули не надолго въ Италіи и Корсикѣ и долго длились въ Испаніи, гдѣ сподвижникъ Марія, искусный полководецъ Серторій, противился войскамъ, посланнымъ противъ него Сенатомъ, и послѣ частыхъ побѣдъ погибъ только отъ измѣны. Сотни тысячъ рабовъ, утомленныхъ игомъ, пріученныхъ къ надеждѣ на свободу во время борьбы Марія съ Силлою, ободренныхъ раздорами государства, опустошали самыя окрестности Рима, одерживали побѣды надъ легіонами, отвлекали силу республики отъ дальняго Востока. Имена Римлянина Серторія и ѳракійскаго раба Спартака гремѣли далеко. Снова возсталъ Митридатъ; отовсюду призывалъ онъ союзниковъ, отовсюду звалъ враговъ на Римъ. Дружески сносился онъ съ Серторіемъ, волновалъ Ѳракію и народы придунайскіе, занялъ снова почти всю Малую Азію, боролся долго, упорно и часто не безъ успѣха. Наконецъ Римъ побѣдилъ. Помпей захватилъ родовыя владѣнія понтскаго царя, побѣдилъ его союзника, царя Арменіи Тиграна, завоевалъ всю Сирію, проникъ даже въ Аравію, дотолѣ недоступную римлянамъ, взялъ приступомъ храмъ Іерусалимскій, рѣшилъ внутренніе споры владыкъ Іудеи и навсегда утвердилъ власть Рима на востокѣ. Митридатъ бѣжалъ за Кавказъ на берега Азовскаго моря и, брошенный союзниками, проданный роднымъ сыномъ, былъ принужденъ убить себя, чтобы не попасть въ плѣнъ къ Римлянамъ. Онъ умеръ, замысливъ великій замыселъ, исполненный нѣсколько вѣковъ спустя, замысливъ поднять всѣ сѣверные народы и двинуть ихъ черезъ Альпы на Италію. Время еще не наступило.

Паденіе республики.—Основа государственной силы Рима.

Опасность отъ Кимвровъ и отъ Митридата миновалась. Римъ увѣнчался новыми побѣдами и расширилъ свои владѣнія. Иначе и быть не могло. Ни Кимвры, ни Понтъ по вещественнымъ силамъ своихъ ополченій не были въ состояніи съ нимъ бороться. Дикая отвага кочевого народа и личное величіе одного царя не могли долго сопротивляться стройной и размѣренной дружинѣ легіоновъ и постоянной разсчетливости и опытной мудрости государства, воспитаннаго вѣковою борьбою и вѣковыми побѣдами,—государства, въ которомъ каждый гражданинъ, какія бы ни были его личныя страсти, еще готовъ былъ принести ихъ въ жертву величію народному, славѣ римской и своей римской гордости. Условныя начала и условная религія римскаго общества ослабли, но еще не исчезли. Вѣра во внѣшнюю добродѣтель еще была жива. Возможны были Метеллы, Цицероны и Катоны. Вѣра въ республику уцѣлѣла, несмотря на кровавыя междоусобія. Силла могъ еще сложить съ себя званіе дикатора, всемірнаго властелина, и поручить кормило правленія сенату и народу. Старые призраки еще не разлетѣлись; но со дня на день они все болѣе теряли свои права на существенность.

Религія Рима оставалась тѣмъ же, чѣмъ была съ самаго основанія государства, поклоненіемъ внѣшней правдѣ и правомѣрной жизни; но доблести гражданскія исчезли, и отъ прежняго живого чувства, обнимающаго собою всѣ подробности человѣческой дѣятельности, осталось только наружная форма грубой и мертвой законности. За всѣмъ тѣмъ въ этой чисто-наружной законности была еще сила, обуздывающая безграничность произвола и дающая видъ строгаго величія и стройности всѣмъ проявленіямъ гражданскаго быта. Совѣсть законовѣдца была мѣриломъ римской добродѣтели.

Разумѣется, мы говоримъ о нравственности общественной, а не о свѣтлыхъ исключеніяхъ, озаряющихъ лѣтопись послѣднихъ годовъ республики.

Такимъ образомъ религія частныхъ лицъ была въ прямой зависимости отъ общества (или внѣ его не имѣла значенія) и была болѣе чисто-государственнымъ учрежденіемъ, чѣмъ вѣрованіемъ. Самое государство, сохраняя наружныя формы многобожескаго поклоненія, признавало дѣйствительно только одинъ законъ правды юридической, и эта правда была такъ же мало подчинена идеѣ правды внутренней въ государствѣ, какъ и въ частныхъ лицахъ. Союзъ съ Римомъ, миръ съ Римомъ были едва ли не опаснѣе самой войны, ибо въ немъ всегда скрывался зародышъ войны, выжидающій только удобнаго случая, чтобы проявиться. Ябедникъ-юристъ готовилъ и вѣнчалъ побѣду полководца. Но какъ ни были дѣйствительно безнравственны такія отношенія къ инымъ державамъ, понятіе о правѣ, о святости договора, о законѣ внѣшней правды сохранялось неприкосновеннымъ и придавало государственной жизни характеръ разумности, возвышающій Римъ надъ всѣми современными и надъ всѣми прежними историческими государствами. Этотъ призракъ юридической правды, обманывая иноземцевъ, дѣйствовалъ благодѣтельно на лучшіе умы и облекалъ въ ихъ глазахъ Римъ какою-то мнимою святостью, оправдывающею его гордость и скрывающею его дикій эгоизмъ.

Историкъ римскій повторяетъ восторженную рѣчь Эллиновъ о Римѣ: «Есть народъ, который, безъ корысти, безъ личныхъ цѣлей, не жалѣетъ ни своихъ расходовъ, ни своихъ трудовъ, ни своей крови, не боится ни дальныхъ походовъ, ни бурныхъ морей, когда дѣло идетъ о возстановленіи права и свободы въ предѣлахъ чужихъ, который готовъ на всѣ пожертвованія для того только, чтобы цѣлый міръ управлялся закономъ правды и разума». Очевидно историкъ самъ почти вѣритъ этой похвалѣ. Возможность же похвалы свидѣтельствуетъ о существующемъ идеалѣ *).

Высокое развитіе смысла юридическаго покоряло Риму сердца народовъ. уже покоренныхъ мечомъ и надолго, ручалось за силу и величіе государства, несмотря на все безуміе разврата и на уничтоженіе всякой вѣры и всякой добродѣтели. Можно сказать болѣе: оно часто замѣняло собою и вѣру и добродѣтель и питало въ людяхъ память о достоинствѣ человѣческой природы.

Помпей и Юлій Кесарь.

Римскія междоусобицы продолжались. Власть Сената, возстановленная и расширенная на время непреклонною волею диктатора Силлы, не долго устояла послѣ его смерти. Народъ, не лишившійся всѣхъ правъ своихъ, сталъ требовать возврата своего прежняго значенія. Ужасы и безпорядки народной партіи (Сатурнина и Марія) были забыты или заглажены неменьшими злодѣйствами партіи сенатской во время силлова торжества. Въ самомъ Сенатѣ многіе, и именно сильнѣйшіе духомъ и волею, сдѣлались вождями народа, потому что личное превосходство и частное богатство гражданина могли дать ему болѣе власти надъ собраніемъ безразсудной и развратной черни, чѣмъ надъ разсчетливою и опытною осторожностью просвѣщеннаго совѣта. Съ другой стороны, права народныя на правительство, при невозможности для всѣхъ иногородцевъ (хотя и гражданъ) участвовать дѣятельно въ правительственныхъ спорахъ, требовали для осуществленія своего сильныхъ представителей, мужей-знаменоносцевъ. Того же требовали и выгоды провинцій, могучихъ богатствомъ и промышленностью, но не имѣющихъ правительственнаго значенія. Послѣ короткой борьбы Сенатъ уступилъ требованіямъ народа, возвратилъ права его собраніямъ и власть его трибунамъ. Вслѣдъ за тѣмъ явился человѣкъ, стяжавшій рядомъ побѣдъ почти единовластіе въ государствѣ. Послѣ смерти Серторія Помпей уничтожилъ остатки его войска и покорилъ Испанію, истребилъ послѣднюю шайку возмутившихся рабовъ въ Италіи, очистилъ моря отъ безчисленныхъ разбойниковъ, сокрушилъ Митридата, покорилъ Сирію и часть Аравіи и, возвратясь въ Римъ съ огромными богатствами, со славою перваго изъ современныхъ полководцевъ и съ именемъ человѣка не враждебнаго ни народу, ни Сенату, сталъ управлять судьбою Рима безъ всякой власти законной, но по общему безмолвному согласію. Вскорѣ на историческое поприще выступилъ ему могучій соперникъ, искуснѣе его въ бояхъ, сильнѣе духомъ предпріимчивости и властолюбія, соединяющій эллинское просвѣщеніе съ римскою неустрашимостью и мудростью въ дѣлѣ государственномъ, вкрадчиво-краснорѣчивый, дальновидный при наружной безпечности, послѣдній и едва ли не величайшій изъ великихъ мужей древняго міра, Юлій Кесарь. Для будущей борьбы съ Помпеемъ видѣлъ онъ необходимость воинской славы и преданнаго войска, и взялъ на себя управленіе Галльскою провинціею по обѣимъ сторонамъ Альпійскихъ горъ.

Завоеваніе Галліи.—Походы въ Британнію и Германію.

Прошло то время, когда кипѣніе кельтскихъ народовъ грозило всей Европѣ. Ихъ недолговременный порывъ утихъ. Не утратили они, безъ сомнѣнія, личной храбрости, какъ видно изъ ихъ частыхъ возмущеній (хотя по пословицѣ двое Галловъ едва стоили одного Лигурца); но они утратили всю связь общинную и силу народную. Римляне и Карѳагеняне проходили почти безъ сопротивленія по южной Галліи; Римъ уже основалъ въ ней свои колоніи и свою провинцію; проснувшіеся отъ вѣкового бездѣйствія Германцы, нѣкогда трепетавшіе передъ Кельтами, стали переходить черезъ Рейнъ цѣлыми полчищами и громить своихъ прежнихъ побѣдителей. Мечъ римскихъ легіоновъ рѣшилъ судьбу Галліи, но она пала не безъ славы. Десять лѣтъ боролись вольнолюбивыя племена противъ неотразимаго превосходства войскъ и полководца, не имѣющихъ равныхъ себѣ въ цѣломъ мірѣ по искусству и мужеству; десять лѣтъ терпѣли они всѣ бѣдствія войны и жестокости расчетливо - неумолимыхъ побѣдителей; наконецъ, утомившись, утративъ отъ меча, болѣзней, голода значительную часть своихъ воиновъ, они покорились, и покорились навсегда. Галлія уже не отрывалась и не пыталась оторваться отъ Рима.

Частныя и мелкія возстанія, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ только въ скользь, ни разу не угрожало римскому владычеству. Испанія и даже Лигурія не такъ скоро отказались отъ всѣхъ надеждъ на независимость: очевидно Галлія уже не имѣла никакой внутренней силы, никакого живого начала общественнаго. Разсказъ Кесаря о своихъ походахъ показываетъ (несмотря на вѣроятное преувеличеніе встрѣченнаго имъ сопротивленія) состояніе Галліи въ довольно ясномъ видѣ. Она раздѣлена была на многія семьи, и эти семьи, вѣроятно по ближайшему сродству религіозному или племенному, были способны смыкаться во временные союзы для совокупной обороны или совокупнаго нападенія; но общій галльскій союзъ былъ невозможенъ, очевидно по разнородности стихій и быта. Южная, т.-е. юго-восточная, Галлія была давно покорена не столько римскою силою, сколько римскими нравами и общественностью, и такимъ образомъ оторвана отъ остальной страны. Въ средней, сѣверной и юго-западной Галліи племенное начало кажется одинаковымъ, нравы разные. Аквитанія и средняя Галлія не чужды градостроительства и какого-то искусственнаго государственнаго устройства, между тѣмъ какъ сѣверъ не представляетъ никакихъ слѣдовъ развившагося просвѣщенія. Съ другой стороны сѣверъ въ своей дикой и воинственной простнтѣ не представляетъ той двойственности въ народномъ составѣ (аристократіи и народа), которая очень рѣзко выдается въ средней полосѣ и отчасти замѣтна въ юго-западной. Кесарь, какъ и всѣ древніе, въ благородномъ своемъ презрѣніи къ людямъ, не умѣвшимъ отстоять свои гражданскія права, видитъ вездѣ только властвующую касту; властвующая же каста была вездѣ кельто-кумрійская. Но разница нравовъ, устройства гражданскаго и просвѣщенія указываетъ на существованіе подпочвы, народа покореннаго, древнихъ старожиловъ не-кельтскаго происхожденія, а единокровныхъ Лигурцамъ (въ ихъ прежней чисто-вендской народности) и Вендамъ при-океанскимъ. Эта подпочва сохранилась отдѣльно въ средней и южной Галліи въ политическомъ раздѣлѣ общества, утративъ вѣроятно большую часть языковъ, религіозныхъ и бытовыхъ признаковъ, смѣшалась съ Иберцами и позднѣйшими побѣдителями, Кельтами въ Аквитаніи, и составляла единственное населеніе приморской Вендіи (Венетіи, теперешней Вандеи), отличающейся отъ всей остальной Галліи во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно своею торговою и мореплавательною дѣятельностью, о которой Кельты не имѣли нигдѣ ни малѣйшаго понятія. Вѣроятно многовѣковое сосѣдство Кельтовъ не осталось безъ вліянія и на Вендію (особенно въ отношеніи религіозномъ), но имена племенъ и слова, сохранившіяся изъ вендскаго нарѣчія (напр., *море*, *вранъ*, *Беленъ)* показываютъ еще замѣчательную чистоту восточно-иранскаго начала. Эти старожилы Галліи, несмотря на свою малочисленность и бытъ очевидно не военный, едва ли не всѣхъ упорнѣе сражались противъ Кесаря и, кажется, всѣхъ жесточе были наказаны. Въ самой стихіи кельто-кумрійской, по всей вѣроятности кельтскія семьи, т.-е. перваго переселенія, преобладали въ средней Галліи и на сѣверозападѣ, а беолго-кумрійскія т.-е. второго переселенія, на сѣверо-востокѣ и, можетъ быть, на завоеванномъ югѣ; ибо отъ втораго переселенія зависѣло и отчасти подъ его предводительствомъ должно было совершаться все завоевательное движеніе кельтскаго племени.

Покоривъ Галлію, Кесарь перенесъ римскіе орлы въ Британнію, которую впослѣдствіи Римъ покорилъ, но не вполнѣ, и въ Германію, изъ которой должны были выйти черезъ нѣсколько вѣковъ дружины, сокрушившія римскую державу. Кесарю нужна была побѣда за Рейномъ, чтобы устрашить пробуждающуюся Германію и обезпечить новую римскую провинцію, Галлію; нужна была побѣда за океаномъ, чтобы пріобрѣсти славу почти баснословную и помрачить всѣ подвиги Помпея. Побѣда вездѣ сопровождала его. Германцы отступили отъ Рейна и забыли на время о завоеваніяхъ. Устрашенная Британнія, населенная тѣми же Кельто-Кумрійцами, которыхъ Кесарь покорилъ въ Галліи, стала ожидать новаго нашествія и не могла уже служить надежною опорою для Галловъ, если бы въ нихъ проснулись вольнолюбивые замыслы.

Впрочемъ, кромѣ Кельтовъ, очевидно были въ Южной Британніи и выходцы изъ Испаніи, Силуры (таково мнѣніе древнихъ) и, можетъ быть, уже выходцы изъ Германіи, а безъ сомнѣнія, судя по именамъ урочищъ, выходцы отъ устья Рейна, колоніи Мориновъ, Менапіевъ и Вендовъ, т.-е. семьи восточно-иранскія. Впрочемъ, для историка уже мало занимательности въ народахъ, исчезнувшихъ навсегда и безъ слѣда.

Торжество Кесаря надъ Помпеемъ.

Побѣдитель сѣвера, завоеватель области обширной, населенной воинственнымъ племенемъ и до него не только недоступной завоевателю, но даже неизвѣстной путешественнику, Кесарь потребовалъ въ своемъ отечествѣ власти, равной власти Помпея; но ни гордость Помпея, ни подозрѣнія Сената, предвидѣвшаго торжество народной партіи, не могли уступить требованіямъ Кесаря. Загорѣлась междоусобная война, и цѣлый рядъ побѣдъ въ Италіи, въ Испаніи, въ Греціи, гдѣ погибли слава и войска великаго Помпея, въ Египтѣ, въ Малой Азіи, въ Африкѣ и снова въ Испаніи передалъ самодержавную власть въ руки неотразимаго полководца. Мнимое великодушіе и уваженіе къ древнимъ формамъ не могли скрыть властолюбія Кесарева: онъ погибъ подъ кинжалами убійцъ, быть можетъ, слишкомъ рано для славы римской, ибо замышлялъ завоеваніе Парѳянъ, Скиѳіи и Германіи, во всякомъ случаѣ безъ пользы для республики, которой существованіе было невозможно.

Октавіанъ-Августъ.—Начало Имперіи.

Мертвенность правительственнаго состава, еще сомнительная при Кесарѣ (ибо царство Рима могло объясниться геніемъ поработителя), выказалась послѣ его смерти во всей свой наготѣ. Едва освобожденные, Римляне снова подпали подъ власть, не оправданную даже славою. Грязный и свирѣпый тріумвиратъ раздѣлилъ между собою все государство. Войско республики, подъ предводительствомъ двухъ Кесаревыхъ убійцъ, изъ которыхъ одинъ (Брутъ) былъ достоинъ лучшихъ временъ Рима, было явною насмѣшкою надъ самою республикою, ибо состояло по большей части изъ восточныхъ народовъ, чуждыхъ истинно-римскому вопросу и республиканскому чувству. Торжество такого войска было безплодно; его пораженіе было рѣшительно. Вмѣстѣ съ войскомъ, защищавшимъ свободу, казалось, погибло самое государство. Оно раздѣлилось на три, потомъ на двѣ части, не зависимыя ни другъ отъ друга, ни отъ однаго какого-нибудь центра и подчиненныя чисто-военной власти. Новая борьба была неизбѣжна. Побѣда Октавія (прозваннаго Августомъ), сына кесарева по усыновленію, рѣшила надолго судбу міра. Держава римская снова окрѣпла въ единство, управляемое уже не Римомъ, но по крайней мѣрѣ изъ Рима, съ римскими формами, римскимъ вождемъ-императоромъ. Не даромъ полміра благословляло Августа: онъ возвратилъ ему миръ и законный порядокъ. Не даромъ благословлялъ его Римъ: онъ возвратилъ ему государственное значеніе, которое совершенно утратилось во время тріумвирата. Онъ дѣйствительно возстановилъ Римъ.

Но тріумвиратъ, хотя и недолговременный, выказалъ уже вполнѣ тайну дотолѣ незамѣченную, то, что правительственный городъ уже не существовалъ, что онъ исчезъ въ государствѣ. Призракъ власти, возвращенный ему Августомъ, могъ еще обманывать народы современные, но долженъ былъ, наконецъ, уступить мѣсто дѣйствительности и едва заслуживаетъ вниманія здравой и критической исторіи.

Съ Августомъ, усыновленнымъ наслѣдникомъ Юліевъ, взошло на престолъ и утвердилось въ повѣріи народовъ преданіе албанское. На первый рядъ между богами стояла богиня, о которой мало говорятъ прежніе историки—Венера; въ началѣ лѣтописи римской стала древняя, давно исчезнувшая безъ слѣда, но не забытая народами, великая колонія восточно-иранскаго племени—Троя. Многіе критики новой Германіи отвергали связь между Троею и Римомъ и древность преданій, связывая слово Троя съ древнимъ именемъ священнаго римскаго животнаго, свиньи, и приписывая разсказъ объ Энеѣ изобрѣтательной лести Эллиновъ. Святыня родовыхъ обрядовъ и боговъ опровергаетъ ихъ. Еще болѣе опровергаютъ ихъ параллелизмъ Реи и Венеры (т.-е. повтореніе въ сказкѣ о Ромулѣ сказки объ Энеѣ) и скрытая важность Венеры въ народномъ поклоненіи: ибо она была богинею трехъ міровъ (даже подземнаго, чего не было у Эллиновъ) *). У Эллиновъ разсказъ объ Энеѣ безспорно принялъ особый характеръ; но въ Лаціумѣ онъ связанъ съ преданіемъ мѣстнымъ, а отъ мѣстнаго преданія уцѣлѣли обломки вовсе не эллинскаго характера, особенно по важности и символизму животныхъ (напр., лисицы, волка, орла и др.). Многое затемнено раздѣленіемъ Венеры на Весту и Венеру, когда онѣ очевидно были въ началѣ одна и та же богиня; но достаточно уцѣлѣло, чтобы явно связать Альбу съ Троею по преданіямъ, какъ же какъ онѣ безспорно связываются и по языковому началу.

Это языковое начало есть (какъ уже сказано) не что иное, какъ начало восточно-иранское, т. е. вендо-санскритское. Не единство корней, которое явно во всѣхъ иранскихъ нарѣчіяхъ и въ скоромъ времени будетъ явно во всѣхъ нарѣчіяхъ юго-западной и восточной Азіи и вѣроятно всего міра, но единство развитія словъ свидѣтельствуетъ о тождествѣ трехъ нарѣчій: санскритскаго, славянскаго и римскаго. Радостное удивленіе, съ которымъ нѣмецкіе критики узнали формы священнаго языка пригангесскаго въ мезоготскомъ, объясняется сильною примѣсью сарматскаго и вендскаго начала въ готской вѣтви германскаго языка. Эта примѣсь теперь замѣтна въ шведскомъ нарѣчіи, въ которомъ явны чисто-славянскія формы (напр., *sark*—сорочка отъ корня *трочить*, выводныя *оторочить*, *строчить* и друг., *torg*—отъ *торить*, выводныя *торный* и древне-иллирійское *теръ*, *Tergestum* и пр.). Мезо-готское же слово еще болѣе шведскаго должно было принять славянской примѣси отъ покоренныхъ Славянъ, данниковъ Эрманарика, между тѣмъ какъ остатки другихъ древне-германскихъ нарѣчій нисколько не обличаютъ близкаго родства съ восточно-иранскою семьею. Но ошибка нѣмецкихъ ученыхъ особенно обличаетъ ихъ совершенное и не совсѣмъ простительное незнаніе языковъ и нарѣчій славянскихъ. Уже прежде показано изумительное единство языковъ санскритскаго и славянскаго, такъ же какъ славянскаго съ латинскимъ. Между многими любопытными примѣрами этого единства въ развитіяхъ замѣчательны древнее простонародное *grabatus—кроватъ* (отъ крыть), *indoles—удалъ*, и особенно *flamma*, *fulmen*, *flavus—пламя*, *пылмя*, *плавый* (полная форма *половой* отъ корня *пылъ*).

Поклоненіе Венерѣ, т.-е. женскому началу, перешедшее изъ чистаго символизма кушитскаго въ сказочный міръ славянскій и бактрійскій (санскр. *вахтри* говорящій, слав. *бахаръ*), принявшее формы человѣкообразныя и соединившееся съ древне-иранскимъ преданіемъ въ символѣ яблока, является съ многоразличными измѣненіями отъ дальняго востока, т.-е. отъ крайнихъ границъ Ферганы *(берегъ*, *Прага)* и пересѣченія Гиммалая и куень-луньской твердыни гребнемъ белурскаго подъема (скорѣе отъ слав. корня *бѣлъ*, чѣмъ санскр. *видура*), до средней Германіи, до горъ Скандинавіи и до западнаго приморья италійскаго: оно вездѣ указываетъ или на колонизацію, или на сильное вліяніе Славянъ.

Оттого-то мы и не находимъ слѣдовъ его въ древностяхъ западной Германіи. Должно однако же замѣтить, что ожесточеніе нравовъ у самихъ Славянъ и постоянная война противъ сосѣднихъ народовъ скрыли даже въ семьяхъ славянскихъ древнѣйшую форму миѳологіи и затемнили Венеру въ народномъ поклоненіи болѣе воинственными богами [1]).

Это самое поклоненіе, первобытная религія Альбы, по какому-то странному закону возникло снова въ эпоху полнаго развитія римскаго, когда хитрый и невоинственный наслѣдникъ Кесаря возвратилъ единство и силу разорванной державѣ и значеніе всемірной столицы городу, упавшему во время тріумвиратства на уровень Александріи и чуть чуть не Утики. Но какъ ни важно для исторической критики, т.-е. для изслѣдованія о народныхъ родословіяхъ, явленіе формъ религіи уже отжившей, оно не имѣло никакого вліянія на самую жизнь государства и на духовное развитіе римскаго міра при Августѣ. Боги народнаго пантеона были уже въ то время не что иное, какъ мертвые образы, лишенные всякаго внутренняго содержанія, образы болѣе изящные, но нисколько не болѣе разумные негритянскаго фетиша, о которомъ нашъ просвѣщенный вѣкъ говоритъ съ излишнимъ презрѣніемъ, точно такъ же какъ онъ говоритъ о богахъ олимпійскихъ съ излишнею важностью.

Можетъ быть, даже фетишизмъ менѣе далекъ отъ философскаго мистичества Кушитовъ, т.-е. отъ системы вещественно-религіозной, съ которой онъ связывается посредствомъ амулета и символа, чѣмъ безсмысленный синкретизмъ Рима и Греціи отъ многозначительныхъ и глубокомысленныхъ ученій первобытнаго міра.

Религіозное состояніе Рима.—Значеніе права.

Религія въ смыслѣ богопознанія или вѣрованія рѣшительно не существовала въ Римѣ при Августѣ; едва ли, судя по отрывкамъ древнихъ поэтовъ, существовала она и въ цвѣтущія времена республики. Для Цицерона, точно такъ же какъ и для Кесаря или для Сцеволы, Варрона или для позднѣйшаго Сенеки, религія есть обрядъ государственный, полезный, но вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ внутреннихъ данныхъ для самобытнаго существованія или правъ на бесусловное вѣрованіе. Итакъ, она зависитъ вполнѣ отъ государства и слѣдовательно признаетъ надъ собою другую религію, самое государство, которымъ обусловливается. «Вѣрованіе въ боговъ есть мнѣніе полезное, ибо утверждаетъ клятвы, укрѣпляетъ договоры, пугаетъ преступниковъ, хранитъ неприкосновенность гражданскаго общества».—«Вся сія мудрецъ сохранитъ не какъ угодныя Богу, но какъ предписанныя закономъ».—«Поклоняясь неблагородной сволочи боговъ, созданной суевѣріемъ, не забудемъ, что это поклоненіе основано на обычаѣ, а не на разумѣ».—«Трудно сказать, не лучше ли совершенное безвѣріе, чѣмъ теперешняя вѣра, постыдная и исполненная обмановъ». — «Есть три рода богознанія: сказочное, государственное и природное». — «Истины въ религіи объявлять народу нельзя: она остается при философахъ», и такъ далѣе. Таковъ голосъ Рима, явно смѣющагося надъ своими богами и не признающаго даже возможности положительной истины религіозной.

---

[1]) Впрочемъ, она не была забыта, хотя и утратила значеніе первенствующаго божества. Такъ, напр., Аквилея, выстроенная въ землѣ славянской и особенно поклонившаяся Белену и Перуну, выстроила храмъ Венерѣ въ память освобожденія отъ осады.

Несправедливо бы было отдѣлять мнѣніе народное отъ мнѣнія людей просвѣщенныхъ. Эти самые писатели были въ одно время наставниками, всенародно преподающими свое ученіе, и жрецами, усердно исполняющими религіозные обряды; при всемъ томъ они были славою своего вѣка не по уму только, но и по благородству душевному. Въ нихъ выговаривалось общее убѣжденіе, и ни одинъ голосъ не осуждалъ ихъ, ни одинъ даже не противорѣчилъ. Вообще мало разницы между такъ называемою чернію и такъ называемыми мыслителями. Въ невѣжественномъ безстрастіи землепашца безсознательно скрывается столько же безвѣрія, сколько его высказывается въ красноглаголаніи книжника. Во всякомъ случаѣ то, что всѣми пишется, всѣми непишущими думается, если не нынче, то завтра. Смѣшны росказни о религіозности народа во Франціи до революціи. Конвентъ ближе, чѣмъ дворъ Людовика XV-го къ новымъ возстановителямъ католицизма даже въ томъ предположеніи, что эти возстановители дѣйствительно выражаютъ какую-нибудь вѣру.

Римъ далъ западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святыни, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію права, и передъ этою новою святынею, лишенную всякихъ высокихъ требованій, но обезпечивающею вещественный бытъ во всѣхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру. Умирающіе цари завѣщавали Риму свои родовыя владѣнія, и покорность народовъ доказывала, что не одинъ страхъ или своекорыстный расчетъ управлялъ волею умершихъ владыкъ. Вѣка прошли, власть ослабла во всѣхъ оконечностяхъ государства, изсякла въ его средоточіи; но народы, покоренные мечомъ, завѣщанные своими царями или пріобрѣтенные хитростью договоровъ, не думали отрываться отъ великой державы. Они забывали свое народное имя и съ гордостію называли себя именемъ Рима; они иногда возмущались въ пользу того или другого лица, какъ нѣкогда въ пользу Силлы или Кесаря; но это лицо стремилось, такъ же какъ Кесарь и Силла, быть владѣтелемъ или представителемъ всего римскаго міра и никогда не думало основывать особую, независимую державу. Они покорялись и поклонялись не городу, не мѣстному имени, не мѣстной славѣ, ибо (какъ видно уже изъ тріумвирата) Римъ не имѣлъ въ глазахъ народовъ того великаго значенія, которое ему приписывается суевѣріемъ ученыхъ. Они поклонялись вѣрѣ, данной Римомъ всему покоренному міру, вѣрѣ стройно-условнаго общества; они поклонялись цѣлой жизненной системѣ права, признавая въ душѣ своей и въ глубинѣ своей совѣсти, что ничего лучшаго или даже равнаго они не могли создать своими собственными силами или въ своемъ духовномъ безсиліи.

Даже когда въ позднѣйшее время возобновились съ большею рѣзкостью и продолжительностью явленія подобныя тріумвирату, т.-е.

единовременное правленіе многихъ *августовъ*, коренное единство системы признавалось не какъ отвлеченное понятіе, но какъ святыня единовѣрія или какъ единство отчизны. Родина была, такъ сказать, въ законѣ. Лицо же самаго города имѣло болѣе важности въ глазахъ варваровъ, чѣмъ въ глазахъ самихъ гражданъ. Въ этомъ убѣждаетъ вся исторія, несмотря на ложное убѣжденіе всѣхъ историковъ, наслѣдовавшихъ болѣе готскія и франскія, чѣмъ римскія мнѣнія. Римская держава не разъ переносила свои временныя столицы изъ города въ городъ, была иногда безъ дѣйствительной столицы; но она всегда оставалась римскою, т.-е. вѣрною божеству права, созданнаго въ Римѣ и Римомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить ея великаго сходства съ Китаемъ, сходства, выраженнаго по всей вѣроятности случайно въ названіи *Та-Тсинъ* (великій Китай), подъ которымъ Римъ былъ извѣстенъ Китайцамъ; но не должно забывать и великую разницу. Религіею обѣихъ державъ было самое государство, но въ Китаѣ идея государства была выше: она основывала себя на безусловной святынѣ внѣшней человѣческой правды, проявленной въ обществѣ, и на согласіи общества съ міровыми законами, слѣдовательно предполагала, хотя въ то же время и отстраняла, другую первобытную религію. Въ Римѣ идея государства заключалась въ безусловной святости условнаго договора; но въ то же время она признавала (какъ и слѣдовало въ державѣ, основанной дружиною) свободную и сильную личность гражданъ, слѣдовательно полагала начало полной системѣ права, основаннаго на обычаѣ, но стремящагося къ безконечному развитію по строгимъ логическимъ законамъ.

Таково было духовное состояніе Рима въ послѣдніе вѣка республики: богопочтеніе обычное, отрицающее самыхъ боговъ, предположеніе неизвѣстныхъ духовныхъ существъ, хранителей внѣшней правды и права, и вѣра въ заклинательную силу стародавнихъ обрядовъ, покоряющихъ невѣдомыя силы, правящія міромъ. Безсвязный синкретизмъ въ своихъ общихъ выводахъ совпадалъ съ первоначальнымъ ученіемъ Кушитовъ, не представляя, впрочемъ, ни ясности, ни строгой обдуманности, ни глубокаго убѣжденія, которыхъ нельзя не признавать въ первобытной системѣ южной религіи. Но религія римская была чисто-государственною; она слабо отражалась въ частныхъ лицахъ и давала полную свободу сомнѣнію и умствованію.

Римъ-побѣдитель налагалъ свою печать и характеръ общественнымъ массамъ. Покоренная Эллада управляла частною дѣятельностію умовъ, точно такъ же какъ ея языкъ (по словамъ самихъ Римлянъ) выражалъ всю полноту современнаго просвѣщенія. Римская мысль подчинилась высшей мысли эллинской.

Напримѣръ, Августъ былъ гораздо болѣе Грекомъ, чѣмъ Римляниномъ *).

Религіозное состояніе Эллады.—Философскія школы.

Эллада прожила всѣ степени человѣческаго развитія; она наконецъ признала, что всѣ онѣ находятся въ прямой зависимости отъ начала разумнаго. Начало разумное, отыскивая свою внутреннюю основу, остановилось на незыблемой крѣпости логическаго знанія. Аристотель, умъ твердый, ясный и воздержный, положилъ крайніе предѣлы и неизмѣнныя правила философскаго мышленія, отстранивъ отъ него все личное и произвольное, всѣ гаданія поэтической фантазіи, которыя великій Платонъ, несмотря на свое неоспоримое діалектическое превосходство, принималъ еще въ область философіи и обращалъ въ полурелигіозный синтезъ. Міръ эллинскій не покорился вполнѣ Аристотелю; но, принявъ отъ него строгій урокъ, онъ уже болѣе не могъ довольствоваться ни однимъ изъ прежнихъ выводовъ своего умственнаго развитія. Возникло множество философскихъ сектъ, или совершенно новыхъ, или старыхъ, переродившихся подъ вліяніемъ новаго ученія; но всѣ стремились къ одной недостижимой цѣли: къ примиренію всеразлагающаго анализа съ внутренними требованіями духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ несомнѣнной и неразлагаемой.

Древніе софисты уже поняли силу и необходимость анализа; но ихъ частныя и безсильныя попытки обратились въ безплодную игру.

Они исчезли передъ сократовскою школою въ ея окончательномъ развитіи, давшемъ наукообразную строгость и всеобъемность началу, ими темно угаданному.

Весь міръ Эллады раздѣлился на философскія ученія; но всѣ они, несмотря на свое разнообразіе, вели къ скепсису, т.-е. къ неисцѣльному сомнѣнію, несмотря на временныя прихотливыя утвержденія или на вѣрованія, которыми каждая секта хотѣла себя оградить отъ безутѣшнаго признанія въ собственномъ безсиліи и которымъ ни одна дѣйствительно не вѣрила вполнѣ. Коренное безвѣріе лежало въ основаніи всѣхъ ученій, и отъ этого самого каждое изъ нихъ старалось создать себѣ новую вѣру, на которой оно могло бы успокоиться. Не находя ея въ мірѣ знанія, оно переносило ее въ міръ воли и нравственно-практическихъ началъ. Гордый стоикъ созидалъ себѣ буддаистскій идеализмъ и призракъ отрицательнаго добра, которымъ поклонялся съ какимъ-то произвольнымъ восторгомъ; болѣе кроткій и человѣколюбивый эпикуреецъ искалъ богоподобной радости въ гармоническомъ наслажденіи міромъ и въ сообщеніи этого наслажденія другимъ людямъ. Платонизмъ, созданный въ своемъ началѣ вліяніемъ востока, возвращался безсознательно къ своему источнику, даже въ географическомъ отношеніи, и старался привиться къ положительнымъ преданіямъ, сохраненнымъ въ народахъ первобытныхъ или въ областяхъ древняго просвѣщенія, избѣгая посредствомъ діалектическихъ тонкостей неизбѣжныхъ требованій аристотелевой логической философіи.

Школа Шеллинга въ нашъ вѣкъ повторяетъ тотъ же фактъ въ отношеніи къ философіи гегелевой.

Такимъ образомъ создался нео-платонизмъ, прихотливое сочетаніе философіи и религіи, произвольно принимающее первобытное духовное начало, но развивающее его по законамъ внутренней необходимости, олицетворяющее раввитіе мысли въ видѣ божественныхъ изліяній или эоновъ и въ то же время явно не удовлетворяющее ни требованіямъ вѣры, ни требованіямъ разума. Несмотря на духовное движеніе, полученное древнею Элладою отъ духовнаго міра иранскаго, всѣ секты или ученія философскія очевидно подчинялись кушитскому началу необходимости логической, принимали все сущее за необходимо-сущее и въ то же время обращали все сущее въ призракъ, лишенный всякаго внутренняго основанія. Вѣкъ Августа былъ вѣкомъ полнаго безвѣрія.

Религіозное состояніе Израиля.—Мессіанизмъ.

Древнее ученіе Ирана сохранялось въ одномъ Израилѣ въ формѣ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себѣ основаній, добытыхъ логическимъ анализомъ. Побѣдная борьба противъ притязаній эллинскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвѣщенія и усилила въ нихъ гордость мѣстнаго и племенного начала, естественное послѣдствіе моисеева закона, и явнаго превосходства религіознаго передъ всѣми другими народами. Но мало-по-малу память о борьбѣ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, обѣщанія мессіаническія, очевидная слабость всѣхъ эллинскихъ (грубо-синкретическихъ) вѣрованій и преданія о скоромъ приходѣ Вождя-Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дѣятельности и надежды. Историческая судьба Іудеи, перевороты внутренніе и завоеванія эллино-римскаго міра разсѣяли потомковъ Іакова по всему земному шару. Греція и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны заевфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плѣнными, получившими осѣдлость. Ихъ многочисленныя колоніи были охотно приняты и уважены въ Египтѣ; Александрія была въ продолженіе долгаго времени городомъ болѣе іудейскимъ, чѣмъ египетскимъ или даже эллинскимъ *). Религія еврейская была почти вездѣ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римѣ подъ правленіемъ великаго Кесаря *), вѣроятно понявшаго, такъ же какъ и питомецъ Аристотеля, достоинство духовной вѣры, завѣщанной первобытнымъ міромъ иранскимъ и скрѣпленной

Моисеемъ въ неизмѣнный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслію Эллина, съ его образованностью, съ трудами ума человѣческаго, смѣло отыскивавшаго истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ вѣковой подвигъ философіи, ея разнообразныя ученія и, особенно, высокія гаданія Платона, отзывающагося роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человѣчеству. Но окружающій міръ былъ духовно слабъ, а въ себѣ чувствовали они неистощимую силу и свѣжесть вѣчно-молодого убѣжденія. Они поняли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ пророковъ, и стали проповѣдывать язычникамъ. Проповѣдь была не безуспѣшна *); многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканіемъ истины, презирающіе заклинательные обряды религій, не соединенныхъ съ вѣрою, и увлеченные величіемъ духовнаго ученія, приняли законъ Моисеевъ, иные вполнѣ, какъ ученики правды, т.-е. послѣдователи строгаго закона, большая часть какъ ученики привратные, т.-е. какъ послѣдователи закона Ноева или мозаизма безъ его обрядовъ. Такія обращенія были нерѣдки вездѣ, особенно же, кажется, сильны въ Аравіи, гдѣ племя Гомеритовъ въ I-мъ вѣкѣ прежде Р. Х. приняло законъ Евреевъ и гдѣ этотъ законъ долженъ былъ со временемъ положить начало новому ученію *). Примѣру Гомеритовъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ Р. Х. Ицатъ, царь Адіабены *). Женщины, въ которыхъ кроткое и домашнее житье, удаленіе отъ треволненій и страстей жизни мужской, отъ мужской гордости разума и смѣлой надежды на собственную силу часто сохраняютъ чистоту, внутреннюю стройность души и безсознательную любовь къ духовному міру, принимали охотнѣе мужчинъ ученіе Бога израильскаго.

Такъ, напримѣръ, въ Дамаскѣ большинство женщинъ принадлежало закону Моисея *).

Но ученіе Ирана содержало въ себѣ обѣщаніе будущаго Мессіи, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствія во всѣхъ народахъ, болѣе или менѣе сохранившихъ или помнящихъ это общее преданіе первобытнаго племени. Покуда обѣщаніе признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ ученія содержалъ въ себѣ признанную неполноту и неудовлетворительность. Міръ не могъ покориться.

Состояніе міра при Августѣ.

Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подъ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала обозначило окончаніе мысленнаго подвига, совершоннаго всеобъемлющимъ умомъ иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пытливость эллинскаго знанія нанесла смертельный ударъ безусловному поклоненію внѣшней правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеалъ добродѣтели внѣшней, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ ему оправданія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба на холмахъ филиппійскихъ отвѣчала такъ же отрицательно, какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Міръ римскій сказалъ устами Брута: «Добродѣтель, ты пустое слово». Но и пытливое знаніе уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Что такое истина?» и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаяніе слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣвшаго разумомъ право не вѣрить знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить; но оба сошлись въ одномъ выводѣ. Нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты знанія—истины. Міръ остался безъ Божества.

Явленіе Мессіи.

Въ это время явился въ Іудеѣ человѣкъ именемъ Іисусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія, сынъ Божій, возвѣщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства, законъ всеобщей любви, пренебрегающій благами земными и властію земною, обѣщающій своимъ послѣдователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новое ученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сына и Духа и возможность для человѣка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и пріобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ. Первую проповѣдь обращалъ онъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога, но въ то же время порицалъ ихъ родовую гордость, ихъ упованіе на свое достоинство сыновъ Авраама, ихъ тѣсную и небратолюбивую народность и униженіе вѣры до безсмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отверженіемъ за упорство и перенесеніемъ благословенія на другіе народы и, говоря постоянно въ притчахъ, нерѣдко выбиралъ иноплеменниковъ, и особенно ненавистныхъ Евреямъ Самарянъ, въ примѣръ добродѣтелей, угодныхъ Богу. Многіе ему повѣрили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ и славу и власть земную, сперва глядѣли на него съ презрѣніемъ, потомъ съ ненавистію, когда увидѣли успѣхъ его проповѣди, и наконецъ предали позорной казни креста. Послѣ его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе, сперва въ Іудеѣ и въ колоніяхъ еврейскихъ, потомъ въ народахъ иновѣрческихъ и вездѣ, гдѣ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпѣли презрѣнія и преслѣдованій, но не слабѣли духомъ и ревностью, проповѣдуя слово о пришедшемъ Мессіи-Спасителѣ. Новая вѣра окрѣпла, новые законы стали управлять судьбою міра, и народы, принявшіе проповѣдь іудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земного шара и вождями человѣчества въ путяхъ мысли и просвѣщенія.

Мѣсто, принадлежащее христіанству въ историческомъ развитіи міра.

Исторія не судитъ объ отвлеченномъ достоинствѣ ученія, но разсматриваетъ всякое ученіе въ отношеніи къ его необходимому или разумному развитію. Поэтому она должна признать въ христіанствѣ не только торжество ученія древне-иранскаго (основаннаго на преданіи), но еще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая собою міръ поклоненія свободно творящему духу и мессіаническихъ обѣщаній, разрѣшило всѣ надежды человѣчества единымъ разумнымъ разрѣшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполнѣ независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Рожденіе въ Іудеѣ или Виѳлеемѣ, тридцатитрехлѣтній срокъ жизни, смерть на крестѣ и т. д. являются безспорно какъ случайности; но онѣ не имѣютъ никакого вліянія ни на развитіе ученія, ни на жизнь Іисуса. Ученіе его сомкнуто само въ себѣ и не носитъ никакой печати, наложенной извнѣ; его жизнь есть только необходимая земная оболочка его ученія, безъ блеска и славы, безъ великолѣпной борьбы или великолѣпнаго торжества. Самая смерть его на крестѣ, вдали отъ учениковъ, бѣжавшихъ отъ страха, и между двухъ разбойниковъ, представляетъ какой-то характеръ равнодушія историческаго къ добру и злу: она имѣетъ высокое значеніе для судьбы народа-палача и не имѣетъ никакого возвратнаго вліянія на внутреннее значеніе христіанства. Все это просто и какъ будто ежедневно.

Завѣтъ іудейскаго, теперь всемірнаго Учителя — немногосложенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью, ни съ какими внѣшними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тягости собственною силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ нѣдра божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т.-е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія кушитскаго остался неприкосновеннымъ; но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единаго разумнаго Мессіи. Іудеи, ожидающіе другого, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ пышность власти, знанія, безсмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ безсознательно самую идею мессіанскаго преданія и поэтому уже не имѣютъ никакого значенія въ историческомъ мірѣ.

Іудей послѣ Христа есть живая безсмыслица, не имѣющая разумнаго существованія. Оттого-то въ нашъ вѣкъ нѣтъ просвѣщенныхъ жидовъ: они переходятъ немедленно въ философскую школу и дѣлаются явными противниками своего народнаго значенія и своихъ религіозныхъ преданій.

Другой народъ, по преданіямъ еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или началѣ духовномъ, Измаэлиты и Исавляне, народъ, безспорно сохранившій память объ общемъ ученіи и потомъ много принявшій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа израильскаго. Явленіе Магомета есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ; но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ снова человѣчество во все безсмысліе случайности, и эта случайность безъисходна, ибо она обнимаетъ всю загробную будощность. Магометанство исчезаетъ; народы, ему послѣдующіе, сходятъ съ историческаго поприща, и одно только христіанство продолжаетъ управлять міромъ силою своей внутренней и логической полноты.

Связь христіанской эпохи съ прежнею.

Съ эпохою новорожденнаго христіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всѣмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до-христіанства связью неразрывною, ибо слѣды прошедшаго не легко изглаживаются, и жизнь, прожитая долго, обусловливаетъ будущую. Новѣйшая критика, измѣнивъ взглядъ на древній міръ, измѣняетъ также до нѣкоторой степени понятія о мірѣ новѣйшемъ.

Явленіе Іисуса и его законъ содержатъ въ себѣ начало всей позднѣйшей жизни міра; но это начало развилось только черезъ нѣсколько вѣковъ, такъ что первыя столѣтія принадлежатъ еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знамя, поднятое Константиномъ, возвѣстило торжество еврейскаго Учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины сѣверныхъ пустынь, уничтожили въ своемъ дикомъ налетѣ прежнія государства Европы и, покорившись преемникамъ Апостоловъ, создали новыя державы, донынѣ правящія судьбою человѣчества,—сѣмена добра и зла, просвѣщенія и заблужденій, брошенныя прежнимъ развитіемъ человѣческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и тѣсный быть славянской семейности имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и христіанство. Поэтому мнѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть не что иное, какъ жизнь и развитіе церкви, не имѣетъ никакаго основанія. Какъ укоръ, оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завѣщаннымъ отъ еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ похвала, оно нелѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ христіанства къ народамъ, которые его исповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обусловливало крайніе предѣлы ихъ развитія. Таковъ смыслъ всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра; но одно только невѣжство можетъ смѣшивать церковь, т.-е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

Держава Августа.—Его завоеванія; борьба съ Германцами.

Августъ соединилъ весь римскій міръ въ одно цѣлое подъ свою державу и далъ ему стройное движеніе подъ однимъ закономъ; но въ этомъ единствѣ внѣшнемъ и чисто-политическомъ сохранилось различіе двухъ міровъ, созданныхъ разными началами. Міръ Греціи, Востока и Африки былъ древнѣе Рима, богатъ собственною мыслію, свѣтелъ собственнымъ просвѣщеніемъ. Онъ покорился Риму какъ силѣ и какъ полнѣйшей идеѣ политической, но въ то же время сохранялъ духовную самобытность, умственное превосходство надъ Римомъ и тайное къ нему презрѣніе. Міръ Италіи, Галліи, Испаніи и позднѣе Британіи былъ римскимъ созданіемъ. Его бѣдная и безплодная самобытность исчезла вскорѣ. Вся жизнь и мысль запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ. При Августѣ и еще долго послѣ это различіе не выражалось, потому что было подавлено желѣзною силою римскаго закона; позднѣе оно опредѣлило весь ходъ историческихъ событій.

Огромна была область державнаго Рима. Даже далекій и незапамятно-древній Китай, притча гордости народной, называлъ его великимъ въ сравненіи съ собою (великимъ Китаемъ, *Та-тсинъ*). Августъ не наслѣдовалъ воинственному славолюбію великаго Кесаря; онъ не осмѣлился искать распространенія имперіи, но, усмиривъ нѣкоторыя полу-свободныя племена внутри ея предѣловъ (напр., горцевъ испанскихъ), онъ старался только обезопасить ея границы, особенно со стороны Альповъ и Рейна. Альпы и южная Германія были населены Ретійцами и Винделиками (Вендами великими), народами славянскими, принявшими вѣроятно уже значительную примѣсь окрестныхъ народовъ, кельтскихъ и германскихъ. Война была упорна, но Римляне побѣдили и, захвативъ оба ската альпійскихъ горъ до самаго Дуная, мало-по-малу наполнили новопріобрѣтенную страну военными колоніями (agri decumates), обязанными охранять границу Италіи. Мудрая предусмотрительность Августа была оправдана послѣдствіями. Еще долго послѣ него, когда Римъ ослабъ и дикари германскіе стали порываться изъ своихъ лѣсовъ, земля Винделиковъ и ущелія альпійскія, замкнутыя крѣпостями, удерживали напоръ сѣверныхъ племенъ; долго (до самыхъ временъ Іуліана) римскіе легіоны могли по водамъ Дуная быстро переноситься отъ предѣловъ Галліи до равнинъ Венгріи, громя въ теченіе немногихъ недѣль свирѣпыхъ Алемановъ и Франковъ прирейнскихъ и завоевательныхъ Готовъ въ странѣ при-евксинской. Область славянскихъ народовъ наполнилась войнолюбивыми выходцами изъ Галліи и изо всѣхъ краевъ имперіи. Языкъ утратился, обычаи измѣнились; старожилы сохранились только въ небольшихъ оазисахъ, разсѣянныхъ далеко въ южной Германіи; уцѣлѣли бѣдные остатки стараго быта въ нравахъ, нѣсколько именъ мѣстностей, свидѣтельствующихъ о прежнемъ славянствѣ края.

Таковы напр., оазисы въ Швабіи и Франконіи (около Бамберга), въ которыхъ Славяне жили со всѣми особенностями своего племени *), на удивленіе и заботу нѣмецкихъ критиковъ; таковы рѣзные коньки крышъ съ фигурою коня въ пригорьяхъ альпійскихъ; таково имя Лехрайнъ *), явно Крайны при-лешской, какъ и самое имя рѣки *Лехъ* значитъ «пограничная». Впрочемъ, безпристрастные наблюдатели не могутъ не замѣтить множества другихъ признаковъ славянства въ описаніи южной Германіи, несмотря на ея полное онѣмеченіе, которое несравненно древнѣе онѣмеченія сѣверо-восточныхъ областей.

Покореніе винделикской области повлекло за собою войну съ Славянами паннонскими, т.-е. венгро - далматскими. Легіоны встрѣтились съ врагами, уже получившими или не утратившими начала жизни просвѣщенной. Народъ паннонскій былъ образованъ и грамотенъ, любилъ свою грамотность и образованность, не чуждался иноземнаго знанія и науки. Таково свидѣтельство Римлянъ*).

Позднѣе Тацитъ узнавалъ въ Германіи народъ Озовъ за паннонскій потому, что онъ охотно покорялся законамъ и порядку общественному [1]).

Жители Панноніи были, за исключеніемъ Персіи и эллинскаго міра, единственнымъ образованнымъ народомъ, съ которымъ воевалъ Римъ. Они подражали Римлянамъ въ искусствѣ военномъ, въ строѣ и вооруженіи войска, пользовались выгодами своей горной страны и отстаивали свою свободу съ мужествомъ, заслужившимъ похвалу отъ непріятелей. Италія трепетала. Императоръ не считалъ себя безопаснымъ въ самомъ Римѣ; но многочисленность легіоновъ и ихъ боевая опытность, искусство римскихъ полководцевъ и особенно будущаго тирана имперіи Тиверія восторжествовали. Паннонія была покорена и обращена въ провинцію, жители подчинились законамъ побѣдителей, приняли ихъ обычаи и вѣроятно ихъ языкъ и долго были твердымъ оплотомъ имперіи*); но многіе, вѣроятно самые мужественные и вольнолюбивые, ушли далеко за Дунай въ пустыни, лѣса и горы сѣвера, завѣщая потомкамъ преданія о томъ, какъ предки нѣкогда жили въ благословенной странѣ придунайской, строя города съ именами, напоминающими имена древнихъ городовъ своей южной родины, и питая вѣроятно надежду на возвратъ.

Преданіе о придунайской отчизнѣ перешло отъ выходцевъ послѣ просвѣщенныхъ къ славянскимъ старожиламъ сѣвера*) и сдѣлалось общимъ, утративъ свой истинный смыслъ. Изъ бѣглецовъ же, удалившихся на сѣверъ, многіе (Сербы и Хорваты) вѣроятно возвратились изъ Карпатскихъ горъ въ южную Паннонію по приглашенію византійскихъ императоровъ, надѣявшихся найти въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ противъ другихъ сѣверныхъ дикарей. Впрочемъ, переселеніе славянское на сѣверъ началось безспорно гораздо прежде Августа, именно во время эллинскаго разлива и продолжалось гораздо послѣ, особенно при Траянѣ. Отъ того и имена сѣверныхъ городовъ*) напоминаютъ не одну паннонскую область, но и Ѳракію и Мизію и даже города, извѣстные внутри самой Эллады. Не должно однакоже забывать, что тождество корней во всей славянской землѣ могло дать начало тождеству именъ даже безъ переселенія.

---

[1]) Osos pannonica lingua coarguit non esse Germanos et quod tributa patiuntur.

Граница рейнская, положенная Кесаремъ, требовала обезпеченія. Рейнъ казался защитою, недостаточною для предѣловъ государства, и легіоны проникли въ глубь лѣсовъ германскихъ до самой Эльбы, покоряя воинственныя, но разрозненныя семьи дикарей. Покореніе Германіи было возможно; оно было даже легко. Въ этомъ явно свидѣтельствуютъ побѣды Друза и счастливый походъ Домиція отъ Дуная къ берегамъ Эльбы. Но Августъ не желалъ завоеваній и не понялъ потребности своей имперіи; быть можетъ, онъ и не могъ ее понять по недостаточнымъ свѣдѣніямъ въ географіи. Покореніе Германіи до Эльбы и славянскихъ племенъ до Вислы дало бы государству на востокѣ короткую и легко охранимую границу отъ Балтики до устьевъ Дуная, сосѣдей мирныхъ и не порывающихся къ завоеваніямъ, Славянъ или степныхъ жителей Сармато-Аланъ, способныхъ къ коннымъ налетамъ, но мало способныхъ къ постоянной наступательной войнѣ. Сѣверная же граница была бы охранена моремъ, превосходною морскою силою и ничтожествомъ населенія въ скандинавскомъ полуостровѣ. Ошибка Августа и безпечность его преемника оставили государство при безконечно длинной границѣ отъ устьевъ Рейна до устьевъ Дуная и при сосѣдяхъ хищныхъ, бѣдныхъ, жадныхъ къ добычѣ и къ завоеваніямъ и безпрестанно возрастающихъ въ воинской силѣ посредствомъ безпрестаннаго воинскаго опыта.

Вообще народъ дикій, какъ бы онъ ни былъ мужественъ, легче побѣждается въ первое время столкновенія съ народомъ просвѣщеннымъ и воинственнымъ, чѣмъ въ позднѣйшее время. Тутъ искусство, лучшій строй и вооруженіе войска, а особенно минутный испугъ, сильно дѣйствующій на дикарей, ручаются за успѣхъ. Позднѣе отношенія перемѣняются. Испугъ, страсть мгновенная, такъ сказать, нервическая, обезсиливающая дикаря (точно такъ же какъ она убиваетъ медвѣдя), минуетъ скоро. Скоро перенимается военное искусство, менѣе всѣхъ требующее развитія духовнаго и умственныхъ способностей въ народѣ, хотя нельзя того же сказать о частныхъ лицахъ. Наконецъ, семьи, нѣкогда враждовавшія между собою и разъединенныя, привыкаютъ къ союзамъ и къ дѣйствію совокупному, сплачиваются въ твердыя и многочисленныя массы и пріобрѣтаютъ почти непобѣдимую силу какъ для обороны, такъ и для завоеваній.

То что было легко въ первые года Августа, сдѣлалось труднѣе въ концѣ его царствованія и при Тиверіи, было почти невозможнымъ при ихъ наслѣдникахъ. Слишкомъ рано умеръ Друзъ, завоеватель Германіи до Эльбы, слишкомъ рано успокоились римскіе легіоны, повѣрившіе покорности побѣжденныхъ племенъ и безпечно занимавшіеся введеніемъ обычаевъ и законовъ римскихъ въ пустынѣ, издавна свободной и вольнолюбивой. Глупость Вара и измѣна Арминія возвратили временно свободу Германцамъ.

Имя Арминія трудно возстановить въ его настоящемъ звукѣ. Быть можетъ, онъ звался Арминомъ; быть можетъ, какъ иные думаютъ, Ирминомъ, но конечно не Германомъ,—именемъ, которое бы перешло въ латинское *Германусъ,* а не *Армингусъ*. Вѣроятнѣе же всего то, что Римлянамъ было извѣстно его патронимическое названіе, кончающееся на *ингъ* съ мягкимъ *гъ*. Измѣна его извинительна по обстоятельствамъ и тогдашнему духу народа; но нельзя ее превозносить до небесъ, какъ подвигъ чистый, святой. Такой неумѣренный восторгъ позволенъ только горячему патріотизму и дико-воинственному духу нѣмецкихъ профессоровъ.

Арминій соединялъ хитрость и дальновидный умъ съ мужествомъ и доблестью воинскою. Онъ искусно и храбро сражался съ Римлянами, часто побѣждалъ, никогда не былъ вполнѣ побѣжденъ и всѣми силами стремился къ соединенію всѣхъ Германцевъ въ одинъ союзъ. Нельзя сказать, собственный ли его гордый и строптивый нравъ или вражда племенъ нѣмецкихъ помѣшали успѣху; но безспорно то, что усилія его были безуспѣшны. Достойный сынъ Друза, Германикъ, снова проникъ въ глубь странъ приэльбскихъ и могъ бы торжественно кончить подвигъ отца. Тиверій не далъ ему достаточныхъ войскъ, не поддержалъ его нападеніемъ съ юга и вскорѣ отозвалъ его подъ пустымъ предлогомъ въ Сирію. Зависть императора снова спасла свободу Германіи. Позднѣе уже завоеваніе ея было едва ли по силамъ распадающейся Имперіи. Въ ней самой росли внутреннія причины разрушенія, въ лѣсахъ Германіи стали крѣпчать внѣшнія причины мірового переворота. Востокъ Германіи остался свободнымъ; весь западъ, страна прилегающая къ Рейну, никогда не былъ уже вполнѣ свободнымъ, никогда вполнѣ покореннымъ. Его жители то платили дань Риму, то считались его союзниками, пополняли ряды легіоновъ или составляли отдѣльные отряды въ войскѣ, по волѣ, какъ наемники, или поневолѣ, какъ побѣжденные, составляли охранную стражу императоровъ въ Римѣ или дружину тѣлохранителей у правителей - тирановъ областныхъ, во всякомъ случаѣ принимали отъ народовъ просвѣщенныхъ только ихъ пороки, корыстолюбіе, бездушное лукавство, безграничный развратъ, жажду къ вещественной пользѣ и наслажденію, не принимая ни ихъ добродѣтелей, ни ихъ просвѣщенія. Они утратили всѣ добрыя качества германскихъ дикарей: честность, простоту нравовъ, вѣрность данному слову, цѣломудріе, братолюбіе, и сохранили только дикую храбрость, вѣчно алчущую добычи, и любовь къ войнѣ, усиленную еще новопріобрѣтеннымъ искусствомъ.

То, что произошло въ западной Германіи, повторялось весьма часто на окраинахъ государствъ образованныхъ и повторяется въ нашъ вѣкъ въ племенахъ, называемыхъ замирными по границамъ Россіи.

Такимъ образомъ трехвѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовила въ странѣ прирейнской ту грозу Франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества.

Первые преемники Августа.—Маркоманны.—Покореніе Британніи.

Августъ умирилъ имперію и далъ ей твердыя формы. Въ себѣ соединилъ онъ всѣ права народа (хотя собранія народныя или тѣнь ихъ были отмѣнены только его преемникомъ) и всю силу войска, которое непосредственно себѣ подчинилъ. Въ то же время возстановилъ онъ значеніе столичнаго города, давно упадавшее и почти совершенно забытое во время тріумвирата. Самъ Августъ, за исключеніемъ весьма недолгихъ походовъ, которыми онъ платилъ дань воинственному духу народа и воинскому титулу императора, жилъ постоянно въ Римѣ или около него. Преемники его слѣдовали его примѣру въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія. Уже древніе писатели замѣтили различіе между первыми наслѣдниками Августа и государями позднѣйшаго времени. Императоры до Нервы получили названіе двѣнадцати кесарей. Новые историки повторяютъ выраженіе древнее и не понимаютъ характера, который былъ замѣченъ безсознательною наблюдательностью историковъ римскихъ. Первый рядъ открывается великимъ Кесаремъ, второй рядъ не менѣе великимъ Траяномъ и продолжается до дробленія государства; но преемники Кесаря, властвовавшіе въ системѣ Августа, рѣзко отдѣлены отъ преемниковъ Траяна. Много было тирановъ и послѣ Траяна, а имена Августа, Веспасіана и Тита блестятъ въ числѣ кесарей; но позднѣйшіе вѣка не представляютъ такого отвратительнаго ряда*) государей, какъ Тиверій, Калигула, Клавдій и Неронъ, которыхъ имена обратились въ народную притчу. Разница рѣзка и очевидна. Причина еще не замѣчена, но не менѣе очевидна. Кесари были собственно императорами одного города, преемники Траяна были государями всей имперіи. Первые были воспитаны и погружены въ безконечномъ развратѣ Рима, готоваго терпѣть и любить всякаго царя-изверга, только бы онъ тѣшилъ праздныхъ горожанъ безстыдными празднествами и кормилъ ихъ даровымъ хлѣбомъ; позднѣйшіе были подъ опекою всѣхъ провинцій, требующихъ охраны и правосудія. Послѣдніе кесари были уже назначены не городомъ, а государствомъ и должны бы были начать новый рядъ правителей; но Веспасіанъ и его сыновья не поняли совершившагося переворота или подчинились невольно обычаю предшественниковъ. Они заключились въ столицѣ своей, такъ же какъ и прямые наслѣдники Августа, и освобожденіе государства отъ столицы, начавшееся дѣйствительно послѣ Нерона, совершилось только при Траянѣ и его преемникахъ.

Безумный походъ Калигулы, короткій походъ Клавдія или театральное путешествіе Нерона не заслуживаютъ никакого вниманія. Перемѣна системы послѣ Домиціана очень ясна. Какъ не замѣтили ея историки просвѣщенной Европы и ученой Германіи? Очень понятно. Они получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ-дикарей слѣпое поклоненіе городу Риму и не поняли внутренняго раздора государства и столицы. Они римскую державу считали державою одного города и не догадались, что это была только держава римской мысли, воплощенной въ области, завоеванной римскимъ оружіемъ. Ошибка, полученная въ наслѣдство отъ Франковъ, Алемановъ и Галловъ, была поддержана позднѣйшими духовными вождями римской общины, а западъ, несмотря на свою самодовольную увѣренность, еще далеко не освободился отъ заблужденій, завѣщанныхъ ему временами темнаго варварства или пробудившагося просвѣщенія. Его исторія, точно такъ же какъ искусство, философія, религія и гражданственность, не оторвались отъ почвы, на которой выросли; да и быть иначе не могло.

Внутренняя исторія Рима при кесаряхъ не имѣетъ никакой міровой важности. Сѣмена зла, посѣянныя прежнимъ временемъ, приносили свои гибельные плоды; но и начала силы, устроивающей гражданскій порядокъ, не совсѣмъ изсякли. Юриспруденція обогащалась новыми выводами и новыми законами, сохранившими свое достоинство и въ послѣдующія эпохи. Между тѣмъ новая жизнь христіанской общины начинала охватывать всѣ концы имперіи и даже земли, лежащія за ея границами. Ея строгая важность, ея чистота и высокая проповѣдь давно уже нажили враговъ въ развратномъ мірѣ; но самыми ожесточенными врагами были Евреи, понимающіе безсознательно, что вѣра въ Мессію духовнаго, провозглашеннаго новыми учителями, уничтожила возможность того вещественно-великаго и исключительно-народнаго Мессіи, котораго ждала грубая Іудея. Явились доносы, слѣдовательно, предлоги къ казнямъ, увеселеніямъ императорскимъ. Неронъ и Домиціанъ увѣнчали вѣнцомъ кроваваго мученичества послѣдователей Іисуса, пострадавшаго на крестѣ, и новая сила развилась въ общинѣ страдавшей, но не ослабѣвшей въ страданіи.

Внѣшняя дѣятельность имперіи продолжала являться съ прежнимъ величіемъ, за исключеніемъ немногихъ промежутковъ слабости, происходящей отъ безумныхъ распоряженій безумныхъ императоровъ. Легіоны проникали въ сѣверную Аравію, покоряя ее власти римской или обращая жителей въ полупокорныхъ союзниковъ, врывались въ глубь степей на югъ отъ Египта и въ давно забытую Ѳеіопію, устрашали Парѳянъ, слишкомъ возгордившихся случайною побѣдою надъ Крассомъ, подчиняли законамъ императорскимъ Арменію и кавказское пригорье, вездѣ расширяли и укрѣпляли предѣлы имперіи. Война въ Германіи и послѣдовавшее за нею броженіе народовъ, стремящихся къ составленію союзовъ, имѣли важное послѣдствіе. Соперникомъ Арминія былъ Марободъ, человѣкъ смѣлый, властолюбивый и не совсѣмъ чуждый римскому просвѣщенію. Побѣжденный Арминіемъ, онъ просилъ убѣжища у Римлянъ и получилъ область на сѣверныхъ окраинахъ Панноніи, въ странѣ славянской. Тамъ поселился онъ съ многочисленною дружиною и положилъ основаніе новой общинѣ, независимой и опасной для Рима. Дружина Маробода была составлена изо всѣхъ народовъ, враждебныхъ имперіи, но по большей части изъ его же соотечественниковъ, Германцевъ; самое же устройство и характеръ государства, имъ созданнаго, во многомъ отличались отъ древняго строя и быта германскихъ народовъ. Римскіе историки намъ не оставили подробностей о внутренней жизни царства марободова; но они ему приписываютъ не власть полководца, какова была временная власть Арминія, и не власть царя-жреца, какая была у родовыхъ начальниковъ германскихъ общинъ, но власть вполнѣ царскую, какъ и слѣдовало быть тамъ, гдѣ государство созидается не самобытнымъ движеніемъ народа, а волею одного человѣка. Имя его подданныхъ неизвѣстно до него въ Германіи; оно и не повторяется нигдѣ въ ея лѣтописяхъ. Это имя «*Маркоманны*» есть прямой переводъ имени, весьма обыкновеннаго въ славянскихъ областяхъ и особенно принадлежащаго той области, въ которую пересилилась германская дружина при Августѣ, имени *Крайны* или *Украйны*. Наконецъ, способность этихъ подданныхъ подражать римскимъ обычаямъ, подчиняться строгому строю воинскому и, кажется, общественному и характеръ ихъ борьбы съ Римлянами, въ которой болѣе замѣтны постоянство и разсчетливая осторожность, чѣмъ воинственная отвага,—все указываетъ на отношенія подобныя тѣмъ, которыя повторялись не разъ въ исторіи славянскихъ народовъ и между прочимъ въ Россіи. *Маркоманны* были тою германскою дружиною, которая переселилась вмѣстѣ съ любимымъ и счастливымъ вождемъ и составила военное и вскорѣ правительственное сословіе въ землѣ Славянъ, принявшихъ ее волею или неволею. Права народа были, можетъ быть, и не вполнѣ сохранены; но такъ какъ по ходу распространенія маркоманской власти явно, что многія племена изъ Славянъ, непокоренныхъ Риму, приняли Маркоманновъ какъ покровителей, то самая жизнь всего союзнаго народа должна была носить и очевидно носила сильный отпечатокъ характера славянскаго. Сильно было ополченіе, сильны союзники; ибо въ его дружинѣ сражались и Сенноны богемскіе (вѣроятно вытѣснившіе бельгскихъ Боевъ), и сѣверные Свевы, и многія другія племена придунайскія. Но Римъ восторжествовалъ. Маркоманны покорились и отодвинулись на Сѣверъ. Позднѣе возстали они новою грозою; но отношенія ихъ къ землѣ, въ которой они властвовали, не измѣнялись: народъ оставался по прежнему славянскимъ, а дружина мало-по-малу слилась съ нимъ или была вытѣснена проснувшеюся силою славянскихъ общинъ.

Во всякомъ случаѣ трудъ Германскихъ ученыхъ, отыскивающихъ народъ *Маркоманновъ*, т.-е. Краинцевъ, совершенно безполезенъ. Они принимаютъ за народъ дружину, принявшую стародавнее имя земли, въ которой она никогда не составляла главнаго населенія, и, проглядѣвъ самый народъ, очень удивляются, когда впослѣдствіи находятъ, что вся область Маркоманновъ вдругъ наполнилась Славянами *).

Другое завоеваніе кесарской эпохи имѣло менѣе вліянія на усиленіе государства, но зато болѣе историческихъ послѣдствій. Британнія, только указанная Риму первымъ кесаремъ, была мало-по-малу завоевана преемниками Августа. Борьба туземцевъ была небезславна; но ихъ малочисленность и неопытность не могли долго оспаривать побѣду. При послѣднемъ кесарѣ (Домиціанѣ) теперешняя Англія и большая часть Шотландіи покорились, флоты римскіе обогнули ея сѣверныя оконечности и дикіе острова сѣверныхъ морей, и Кельты, древніе старожилы, едва сохранили сомнительную независимость въ горныхъ округахъ Шотландіи, отъ которыхъ Римляне отдѣлили свои владѣнія длиннымъ крѣпостнымъ валомъ и рядомъ твердыхъ башенъ. Нравы и бытъ римскій укоренились такъ же легко въ Британніи, какъ и въ одноплеменной Галліи. Болѣе воинственныя семьи (напр., полу-иберскіе Силуры) погибли во время борьбы за независимость, другія полюбили римское просвѣщеніе или по крайней мѣрѣ его вещественныя выгоды. Исчезли вѣковые лѣса; выросли богатые и благоустроенные города въ пустынной области; торговля, издавна существовавшая между Вендами гальскими и южными берегами острова, на которыхъ нѣкоторыя мѣстности съ Славянскими именами (напр., Виндомумъ *) и др.) обличаютъ уже древнія торговыя колоніи, развилась въ большемъ размѣрѣ; но вещественное и поверхностное просвѣщеніе Рима не создало новыхъ силъ въ Британніи, такъ же какъ и въ Галіи и въ Испаніи. Первый налетъ варваровъ долженъ былъ уничтожить и дѣйствительно уничтожилъ провинцію, когда имперія поневолѣ перестала ее охранять. Тогда исчезли и торговля, и строй римской жизни, и большая часть ново-построенныхъ городовъ. За всѣмъ тѣмъ кое-что уцѣлѣло, особенно въ населеніи городовъ, избѣгнувшихъ разрушенія. Осталась римская закваска, слишкомъ мало замѣченная новѣйшими историками и вѣроятно слившаяся въ позднѣйшее время съ полу-романскимъ вліяніемъ Норманновъ; остались память о торговомъ сношеніи съ остальнымъ міромъ и преданіе, легко подавшее поводъ къ новому развитію торговли при саксонскомъ владычествѣ; осталось наконецъ просвѣщеніе и особенно христіанство въ формахъ, чуждыхъ позднѣйшему западному міру и имѣвшихъ сильное вліяніе на духовную жизнь въ среднихъ вѣкахъ. Ученики Апостоловъ проникли въ далекій сѣверъ. Общины, слѣдующія новому ученію, наполнили мало-по-малу всю Англію и, не ограничиваясь предѣлами римской державы, завоевали кроткимъ оружіемъ слова большую часть Ирландіи. На Зеленомъ Островѣ, среди грозныхъ волнъ океана, развилась странная и во многихъ отношеніяхъ прекрасная жизнь для духа человѣческаго. Не Римъ чисто-гражданственный и общественно-образованный, но страна высоко-развитая просвѣщеніемъ личнымъ, Эллада, была центромъ разливающагося христіанства *); не по путямъ покорнымъ новой власти Рима, но по древнимъ путямъ, проложеннымъ въ незапамятные вѣка финикійскою торговлею и родствомъ кельто-иберскихъ племенъ, проникло христіанство въ Ирландію. Эти пути черезъ пустыню Океана укрылись отъ наблюдательности римской, это распространіе христіанства осталось незамѣченнымъ для остальнаго міра; но множество греческихъ словъ въ церковно - ирландскомъ нарѣчіи но форма въ ирландскомъ письмѣ, обряды ирландской церкви, независимость ея отъ Рима и стремленіе ея еще въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ къ единству съ церковью восточною обличаютъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя восточное начало христіанской жизни въ Ирландіи. Отъ этой прямой связи съ центромъ личнаго просвѣщенія происходила та живая теплота просвѣщенія, которою отличается крайній уголъ сѣверо-западной Европы въ вѣка темнаго варварства; этимъ сохраненіемъ преданія о смѣлости древняго мореплаванія объясняется и преданіе о заокеаническихъ путешествіяхъ вождей кельтскихъ и кельто-иберскихъ, и несомнѣнная смѣлость мореплавателей ирландскихъ, предупредившихъ позднѣйшее безстрашіе Норманновъ въ Ирландіи и въ сѣверной Америкѣ.

Свидѣтельство самихъ Норманновъ явно даказываетъ существованіе ирландскихъ колоній на западномъ берегу Атлантики и даже существованіе области, носившей названіе Великой Ирландіи въ X вѣкѣ послѣ Р. X. и вѣроятно ранѣе *).

Паденіе Іудеи.

Время послѣднихъ Кесарей было временемъ окончательнаго паденія Іудеи. Плѣненіе вавилонское составило великій переломъ въ лѣтописи народа еврейскаго. Прекративъ его политическую самобытность и дѣятельность, оно уничтожило для него всю важность времени настоящаго и сосредоточило всѣ его надежды въ будущемъ. Весь народъ сталъ ждать Мессіи, ожиданіе однихъ только духовныхъ учителей (пророковъ) въ прежнее время. Іудея, отказавшись отъ полной государственной независимости, покорялась всякой власти, преобладающей въ областяхъ сосѣднихъ; но въ ней не изсякла сила внутреней жизни. Когда эллинская образованность посягнула на внутреннее святилище народа іудейскаго, онъ возсталъ за свое древнее ученіе, за свою надежду. Маккавеи завѣщали исторіи геройское имя и геройскіе подвиги; народу своему дали они независимость почти полную, утвержденную въ послѣдствіи взаимною враждою двухъ сосѣднихъ почти равносильныхъ державъ, Селевкидовъ и Птоломеевъ, т.-е. эллинизованной Сиріи и эллинизованнаго Египта. Отстоявъ ученіе и надежды своихъ братій, Маккавеи купили кровью своею возможность будущаго Мессіи. Внутренніе раздоры разрушили силу Іудеи. Ея независимость не могла устоять передъ желѣзною властью міродержавнаго Рима. Евреи покорились, сохранивъ только свой законъ и тѣнь независимости, но подчинивъ область свою верховному правленію, сперва республики, потомъ имперіи и принявъ иноплеменнаго царя, Идумейца Ирода, едва связаннаго съ ними дальнимъ кровнымъ родствомъ. За всѣмъ тѣмъ торговый духъ, счастливое положеніе на пути каравановъ, разсчетливая бережливость и нѣкоторая чистота нравовъ увеличивали со дня на день богатство народа. Его столица и особенно храмъ удивляли путешественниковъ своимъ величіемъ, его колоніи распространялись во всѣ стороны и пользовались огромными правами въ Египтѣ; его число возрастало быстро и могло составить стотысячныя ополченія. Съ усиленіемъ вещественнымъ возрастали его надежды; но эти надежды были такъ же вещественны и стремились къ государственной власти, къ тѣсно-народному торжеству. Ожиданія Мессіи подкрѣплялись темными догадками о лѣтосчисленіи пророковъ; желаніе обращалось въ нетерпѣніе. Многіе обманщики или люди, обманутые собственнымъ духомъ воинственнымъ и властолюбивымъ, выдавали себя за обѣщаннаго Освободителя и увлекали за собою толпы послѣдователей. Вещественныя надежды не были исполнены Іисусомъ, и Іудея отвергла его; но прежнее нетерпѣніе было подстрекаемо успѣхомъ его учениковъ. Завистливая гордость разжигала народныя страсти. Отверженіе Мессіи духовнаго вызывало болѣе и болѣе явленіе воинственно-торжествующаго Мессіи. Такимъ образомъ христіанство сдѣлалось косвенною причиною паденія Іудеи. Безпрестанно возставали новые вожди, называющіе себя или мессіями или его предтечами; безпрестанно вспыхивали бунты, подавляемые не безъ труда; безпрестанно власть римская была или оскорбляема или вполнѣ отвергаема въ Іерусалимѣ. Гордое ослѣпленіе народа вызвало наконецъ римскую грозу. Послѣ незначительныхъ и кратковременныхъ побѣдъ Евреи были стѣснены легіонами въ городахъ своихъ, наконецъ въ своей столицѣ. Войну началъ Веспасіанъ, продолжалъ Титъ, когда Веспасіанъ, рѣшившись исторгнуть имперію изъ рукъ недостойнаго Вителлія, переправился въ Италію и взошелъ на престолъ кесарей. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ. Два императора, славные въ лѣтописяхъ міра (Веспасіанъ и Титъ), многочисленные легіоны и ежедневныя кровавыя битвы едва могли сокрушить упорную защиту Евреевъ. Едва ли были въ исторіи бѣдствія подобныя осадѣ Іерусалима; не было, по мнѣнію самихъ Римлянъ, ни одного народа изъ побѣжденныхъ Римомъ, который бы такъ мужественно защищалъ свою свободу [1]). Погибающій Израиль не посрамилъ своей прежней славы и двадцативѣковой исторіи. Наконецъ Іерусалимъ палъ. Кроткій Титъ не могъ спасти ни города, нѣкогда столь многолюднаго, ни величественнаго храма, гремѣвшаго красотою своею во всей имперіи. Свершилась судьба одной изъ великихъ семей человѣчества. Ея политическое существованіе кончилось при Веспасіанѣ, такъ же какъ духовное кончилось при Тиверіи, когда она отвергла значеніе всечеловѣческое и избрала значеніе тѣсно-народное. Іудея была обращена въ провинцію, жители ея проданы въ рабство или разсѣяны по всей римской области. Не разъ еще возставали они съ неистовымъ мужествомъ, не разъ еще боролись противъ неотразимой силы своихъ побѣдителей; но всѣ и эти кровавыя возмущенія, въ одномъ изъ которыхъ погибло до трехсотъ тысячъ Эллиновъ и Римлянъ, въ Африкѣ и на островахъ Средиземнаго моря, оставались безплодными. Они только показывали невѣроятную энергію, скрывавшуюся въ народѣ еврейскомъ, но уже не могли возсоздать погибшаго народа или возвратить ему навѣкъ утраченную отчизну. Израиль, долговременный хранитель древне-иранскаго ученія, весь перешелъ по своему значенію въ общину христіанскую.

Характеристика эпохи первыхъ Кесарей.

Таковъ былъ послѣдній блистательный подвигъ кесарской эпохи. Кровожадное тиранство Титова преемника призвало на престолъ новыхъ владыкъ и съ ними новую систему правленія; но должно признать, что, несмотря на безуміе или на свирѣпство большей части изъ Кесарей, время ихъ царствованія было временемъ полнаго развитія римской власти. Самое сосредоточеніе всей имперіи въ городѣ Римѣ, предавая ее на произволъ дикихъ страстей и безпредѣльнаго разврата столичной черни, было за всѣмъ тѣмъ не безъ полезныхъ послѣдствій. Тѣсная и тяжкая зависимость провинціи отъ столицы ускорила сращеніе разнородныхъ стихій. Области, пользовавшіяся особыми, мѣстными правами и узаконеніями поступили подъ общій римскій законъ; частные владѣтели, наслѣдственно правившіе своими мелкими государствами, лишились престола и власти. Обычаи, нравы и языкъ Италіи сдѣлались общими для всѣхъ новопокоренныхъ странъ. Не задолго до перваго императора Цицеронъ говорилъ, что весь міръ зналъ по-гречески и никто по-латыни*). Во время послѣднихъ кесарей латинскій языкъ вытѣснилъ изо всѣхъ западныхъ провинцій ихъ древнія нарѣчія и положилъ основаніе будущему романскому, посредствомъ котораго древняя образованность перешла къ новымъ народамъ съ своими добрыми и злыми плодами. Наконецъ, самое имя Рима, какъ источника силы и просвѣщенія, облеклось въ мнѣніи народовъ тѣмъ чуднымъ и полубожественнымъ блескомъ, который далъ особый характеръ всей исторіи европейскаго Запада, даже послѣ совершеннаго паденія всемірной столицы въ ея политическомъ значеніи.

---

[1]) Obstinatio viris feminisque par; ac, si transferre sedis cogerentur, major vitae metus quam mortis (Tac., Hist. V.).

Міръ римскій не былъ подобно эллинскому міромъ обоготворенной красоты; онъ не имѣлъ также и высокаго смысла духовнаго. Онъ не могъ слѣдовательно первенствовать ни въ художествахъ, ни въ искусствѣ слова; но онъ воспользовался твореніями Эллады. Подражанія его, въ сравненіи съ подлинникомъ, холодны и нестройны, заклеймены педантизмомъ и напыщенностью, но въ нихъ слышно какое-то величіе; обличающее величіе духа, создавшаго или отражающаго въ себѣ имперію. Римскіе поэты доходятъ до истиннаго вдохновенія, когда передъ ихъ воображеніемъ носится образъ Рима. Вѣра въ добродѣтель погибла: Брутъ произнесъ надъ нею приговоръ; но отголоски ея слышались еще въ лучшихъ душахъ и давали часто поэзіи тотъ сердечно-нравственный характеръ, который сближаетъ ее съ позднѣйшею эпохою и съ высшимъ нравственнымъ смысломъ христіанскихъ народовъ. Художества пластическія утратили эллинскую чистоту; но зодчество, болѣе другихъ зависящее отъ пространственныхъ размѣровъ, нашло отголосокъ въ душѣ народа, воздвигнувшаго имперію почти безпредѣльную. Явились громадныя зданія, передъ которыми до сихъ поръ благоговѣетъ потомство. Особенный строй души и сводъ, новоизобрѣтенное усовершенствованіе, дали зодчеству римскому характеръ, отличающій его отъ прежнихъ. Въ немъ нѣтъ ни гармонической красоты, во всемъ доступной одному Эллину, ни таинственной религіозности Египта; но огромность и смѣлость массъ, вѣрный расчетъ удобства и пользы, роскошь украшеній и какой-то гордо-торжественный стиль скрываютъ отъ наблюдателя недостатокъ стройности и отсутствіе художнической мысли въ большей части римскихъ памятниковъ. Непросвѣщенный вкусъ Римлянина наполнялъ свои бани, дворцы и площади мраморнымъ и мѣднымъ народомъ боговъ, нѣкогда созданнымъ религіознымъ чувствомъ Эллады; но громадность этихъ бань, дворцовъ и площадей заставляла забывать про униженіе ваянія, обращеннаго въ безсмысленную декорацію. Зритель чувствуетъ религіозное вдохновеніе въ баняхъ, повидимому, не посвященныхъ религіи, и не ошибается: Римъ кесарскій поклонялся самому себѣ. Было что-то религіозное въ театрахъ, созданныхъ для безчеловѣчныхъ забавъ народа-царя, точно также какъ въ непонятомъ до нашего времени обоготвореніи государей, временныхъ представителей народа, въ свободномъ и безстыдномъ разгулѣ безнравственности и кровожадности, въ требованіи праздности, какъ права, и въ опьянѣніи гордости, ничѣмъ уже неоправдываемой, но завѣщанной древнимъ Римомъ Риму кесарскому, а Римомъ кесарскимъ новѣйшему, даже до нашего времени. Впрочемъ, такая религія, не чуждая даже лучшимъ Римлянамъ, была удовлетворительна только для худшихъ. Души опустѣли, и безпрестанныя самоубійства выражали мщеніе духа человѣческаго за свое униженіе.

Весьма трудно доказать, чтобы одинъ изъ первыхъ послѣдователей [1]) Христа называлъ Римъ Вавилономъ; но тотъ, кто вспомнитъ сказаніе о Вавилонѣ, характеръ его жизни и зодчества и чудную повѣсть или притчу объ истуканѣ на полѣ Деирскомъ, легко пойметъ глубоко-художественную возможность такого названія, относя его къ Риму кесарскому, а не къ древнему, и слѣдовательно не къ державѣ, имъ созданной.

Художества упали вскорѣ послѣ кесарей, гораздо прежде самой имперіи. Такъ и должно было быть. Они не были созданіемъ духа римскаго, но плодомъ праздности, гоняющейся за изящнымъ, какъ за наслажденіемъ, плодомъ барства города передъ государствомъ; они исчезли, когда государство освободилось отъ города и отняло у него его временное царское значеніе.

Основатель императорской власти, Августъ, не учредилъ никакого порядка для престолонаслѣдія. Характеръ самаго императорскаго званія былъ очевидно избирательный въ своемъ основаніи и никогда дѣйствительно не измѣнялся ни закономъ, ни обычаемъ; но такъ какъ все собраніе народа и войска представляемо было государемъ, то государямъ же было предоставлено и право назначать, при чисто-формальномъ согласіи Сената, своихъ преемниковъ. Покорность провинцій утверждала сомнительное право, но не была обязательна. Въ позднѣйшее время войско одно сосредоточило въ себѣ право народнаго собранія (какъ видно изъ собранія послѣ смерти Авреліяна); но вооруженный протестъ провинціи или войскового отряда не былъ дѣйствительно ни мятежомъ, ни преступленіемъ. Побѣдитель наказывалъ побѣжденныхъ; но никогда совѣсть ихъ не признавала своей вины, ибо они не нарушали ни положительнаго (т.-е. писанаго), ни обычнаго закона. Попытки нѣкоторыхъ императоровъ для утвержденія семейнаго престолонаслѣдія не имѣли никакого успѣха или успѣхъ только временный, потому что онѣ не были основаны на коренныхъ законахъ римской державы. Этотъ взглядъ на престолонаслѣдіе перешелъ въ позднѣйшіе вѣка и управлялъ римскимъ міромъ и его обломкомъ, Византіею, до ихъ конечнаго разрушенія. Люди, отличнѣйшіе по добродѣтели и по безпорочности жизни, возставали противъ государей, новоизбранныхъ въ Римѣ, и судъ потомства надъ ними долженъ быть свободнымъ отъ невольнаго вліянія новыхъ мыслей и новыхъ законовъ, управляющихъ государствами другой эпохи или основанныхъ на другихъ началахъ.

---

[1]) Апост. Петръ. Посл. I-е, V. 13. *Изд.*

Побѣжденные притязатели на престолъ были убиваемы, но не судимы; милости, оказанныя Тетрику строгимъ Авреліяномъ *), показываютъ глубокое убѣжденіе въ правѣ избранія императоровъ каждою отдѣльною провинціею. Историки часто забываютъ про это основное правило, особенно когда доходитъ дѣло до Византіи, къ которой западные писатели постоянно не благоволятъ.

Внутренніе раздоры были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ избирательнаго престолонаслѣдія, не охраненнаго никакими формами законнаго порядка. Права Сената на утвержденіе выбора мало уважались и мало заслуживали уваженія; право провинцій на выборъ государя не могло быть ограничено ничѣмъ, кромѣ превосходной силы другихъ провинцій, и междоусобная война должна была рѣшать вѣчно-возникающій вопросъ: ибо римскій міръ требовалъ единства.

Царствованіе первыхъ Кесарей было свободно отъ подобныхъ смутъ. Августъ, послѣ побѣды надъ другими тріумвирами, возстановивъ правительственное значеніе Рима, удалилъ на время развитіе начала, уже давно существовавшаго. Его преемники, государи избранные (какъ видно изъ предпочтенія Калигулы ближайшему Клавдію), были утверждаемы одною только столицею, а столица покорялась вооруженной силѣ преторіянской стражи. Родство первыхъ Кесарей съ основателемъ престола было обстоятельствомъ второстепеннымъ, облегчающимъ, но не опредѣляющимъ избранія. Равнодушіе развратнаго Рима и покорность государства возстановленному значенію столичнаго города обезпечивали власть новоизбранныхъ правителей. Наконецъ, безуміе кровожаднаго скомороха утомило всеобщее долготерпѣніе. Его свергли съ престола. Провинціи избрали и возвели на престолъ новыхъ государей. Величіе города, упадавшее со временъ Силлы, исчезнувшее во время тріумвирата, возобновленное Августомъ, исчезло навсегда. Новые владыки не поняли совершившагося переворота, до Траяна, перваго всеримскаго владыки; но онъ былъ понятъ безсознательно прозорливостью народовъ. Съ Нерономъ погибъ Римъ, въ послѣдній разъ воплощенный въ Неронѣ. Исчезъ величественный кумиръ, которому такъ долго покорялись побѣжденныя племена. Въ этой внутренней связи Рима и Нерона и въ суевѣрномъ поклоненіи поэтическому образу міродержавнаго города, а не въ мнимыхъ достоинствахъ безумца и не въ ничтожномъ родствѣ его съ Кесарями, скрывается причина появленія столь многихъ самозванцевъ, охотно принимавшихъ имя, которое впослѣдствіи было обращено въ клеймо для недостойныхъ царей.

Странное явленіе самозванцевъ-Нероновъ упоминается всѣми [1]), не объясняется никѣмъ: такова ослѣпляющая сила стародавней ошибки. Послѣ Домиціяна, послѣдняго изъ Кесарей, не было самозванцевъ. Завоеваніе столицы государствомъ совершилось послѣ Нерона; а эпоха Траяна представляетъ только всеобщее сознаніе совершившагося дѣла и расширенія государственнаго круга.

Движеніе народовъ въ сѣверо-восточной Европѣ.—Роксаланы и Готы.

Послѣдніе вѣка республики и вѣкъ Кесарей опредѣлили превосходство западной Европы надъ всѣми другими областями земного шара. Зародившееся христіанство приготовило будущее величіе европейскихъ народовъ; но въ то же время начало будущихъ переворотовъ и всемірной брани развивалось незамѣтно въ сѣверныхъ пустыняхъ.

Въ степяхъ теперешней Россіи, отъ крутой твердыни Кавказа до верховьевъ Волги, давно происходила кровавая борьба между двумя племенами, изгнавшими средне-азійскихъ пришельцевъ, мнимыхъ Скиѳовъ,—между воинственными средне-иранскими пришельцами, Азами (Сармато-Аланами), и восточно-иранскими старожилами, Ванами (Вендо-Гетами). Темные слухи о борьбѣ и поочередномъ первенствѣ двухъ племенъ доходили до далекаго Китая*) и до писателей южной Европы; темная память о нихъ сохранилась въ миѳологическихъ преданіяхъ Скандинавіи. Кочевые и воинственные Сарматы часто побѣждали своихъ сосѣдей, подчиняли ихъ временно своей власти или принимали ихъ въ свой союзъ (наприм. Зиговъ кавказскихъ, изъ которыхъ составилась позднѣйшая дружина Язъ-Зиговъ). Далеко проникли они на западъ, угрожая Германіи и даже границамъ имперіи, подъ именами Аланъ или Язиговъ, Сарматовъ, Метанастовъ и другими; но неистощимая сила многочисленныхъ Славянъ всегда возставала снова, отодвигая или разрывая побѣдителей. Вскорѣ послѣ Р. Х. славянскіе народы стали смыкаться въ союзы и первенствовать на берегахъ Дуная; но уже прежде обѣ враждебныя семьи, свыкшись другъ съ другомъ и утомившись въ безплодной борьбѣ, стали дѣйствовать заодно, точно такъ же какъ въ глубокой древности, когда обѣ жили въ своей первоначальной родинѣ на востокѣ и югѣ-востокѣ Каспія. Предпріимчивость Азовъ увлекала за собою Вендовъ; многочисленность и сравнительно высшая образованность Вендовъ подкрѣпляла и возвышала Азовъ. Слѣдствіемъ такого союза (выраженнаго въ миѳологіи примиреніемъ сильныхъ Азовъ и мудрыхъ Вановъ и размѣномъ заложниковъ *Генера* и *Квасира**)) было совокупное движеніе обоихъ народовъ на сѣверъ. Море, нѣкогда называвшееся *Вендскимъ блатомъ**) (Балтика), стало иногда называться моремъ сарматскимъ, и Скандинавія приняла поневолѣ новыхъ владѣльцевъ.

---

[1]) Ихъ извѣстно три въ 69, 80 и 88 годахъ. *Изд.*

Преданіе о пришествіи Одина на сѣверъ относится очевидно къ этому времени; догадка же о переселеніи съ юга народа, бѣжавшаго во время митридатовой войны съ Римлянами, была только тогда позволительна, когда единство Азовъ съ Сармато-Аланами было еще неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что вожди, увлекающіе за собою переселенцевъ, были по большей части изъ воинственныхъ Сарматовъ; но численное превосходство и большая образованность Вендовъ объясняютъ происхожденіе первыхъ царей изъ рода Вановъ (отъ Фрейра—Прія*)) и безконечное множество словъ въ шведскомъ языкѣ съ корнями чисто-славянскими *).

Въ числѣ переселенцевъ было отдѣленіе народа, призваннаго на великую историческую славу. Это имя гремѣло въ позднѣйшихъ вѣкахъ въ налетахъ сѣверныхъ мореходцевъ на берега магометанской Испаніи, извѣстно было Готамъ во время ихъ побѣдъ на сѣверо-востокѣ Европы и встрѣчается безпрестанно во всѣхъ разсказахъ о воинскихъ подвигахъ сарматскихъ и гетскихъ племенъ. Имя *Роксолановъ* или *Роксалановъ* представляетъ такой же составъ, какъ и имя Языговъ, и объясняется тѣмъ же тщеславіемъ сарматской семьи, которое уже замѣчено древними писателями и которое требовало отъ побѣжденныхъ или союзныхъ народовъ, чтобы они къ своему родовому прозвищу прибавляли въ видѣ придатка прозвище Азовъ или Алановъ. Вторая часть имени Роксалановъ есть слово *Аланъ*, а первое слово *Роксъ*—тоже, что *Русъ*, употребляемое иногда отдѣльно и обозначающее по всей вѣроятности одно изъ отдѣленій великой славянской семьи. Корень имени *Русъ* или *Руссы* утратился въ славянскихъ нарѣчіяхъ или измѣнился такъ, что его нельзя узнать съ достовѣрностью; но выводныя изъ этого корня *ручей* и *русло* приводятъ къ ранскритскому *ру* (двигаться, течь) и даютъ слову Русь значеніе кочевого, передвижного: смыслъ, близко подходящій къ казачеству.

Русло составлено весьма правильно, какъ и *жерло* (отъ жерть) *сѣдло* (отъ сѣдѣть), и обозначаетъ мѣсто, по которому вода *руетъ* (течетъ); *ручей* (рующій) тоже что текущій. Корень, Санскрит. *ру*, сохранился въ саксонскихъ run (бѣжать).

Имя Руссовъ является только изрѣдка въ мгновенныхъ проблескахъ. Трудно сказать, относится ли къ нимъ свидѣтельство еврейскихъ писателей о сѣверномъ народѣ *Росъ* [1]), ибо семья немногочисленная могла сохранять долго свое имя и за всѣмъ тѣмъ рѣдко обращать на себя вниманіе исторіи. Если бы магометанскія свидѣтельства не обличали имени Руссовъ въ древней Скандинавіи, критика отвергла бы безъ всякаго сомнѣнія его существованіе. Какъ бы то ни было, но отношеніе, въ которомъ находимъ *Руссовъ* къ Славянамъ, доказываетъ ясно ихъ близкое родство или тождество. Іорнандъ ставитъ *Рокасъ* вмѣстѣ съ *Новего* *) (Русь и Новогородъ); Гунны мстятъ Готамъ за умерщвленіе князя роксаланскаго Бога (Бой)*). Племя Славянъ и земля славянская на берегахъ Балтики носятъ имя Руевъ или Ругіевъ (по-славянски безспорно земля Русская или Ружская). Наконецъ, Славяне карпатскіе и теперь и въ X-мъ столѣтіи называютъ себя Руссами. Такимъ образомъ понятно появленіе Руси въ Скандинавіи. Они вошли въ составъ ополченія ванскаго (вендскаго), которое завоевало ее вмѣстѣ съ Азами-Сарматами; и, судя по Руссамъ, карпатскимъ жителямъ древней антской земли, можно смѣло утверждать тождество Руссовъ и Антовъ, одной семьи, носившей два названія [1]). Съ тѣхъ поръ исторія сѣверо-восточной Европы составляетъ нѣчто цѣлое. Славяне приволховскіе и области скандинавскія двигались въ одной системѣ, помогая другъ другу въ битвахъ противъ сосѣднихъ Финновъ, обогащаясь взаимною торговлею, покоряя другъ друга во временныхъ раздорахъ, но не утрачивая никогда вполнѣ своего стародавняго братства. Таковъ смыслъ Саксона Грамматика, исландскихъ сагъ и всѣхъ сѣверныхъ памятниковъ.

---

[1]) Эзекіиль. (XXXVIII и XXXIX). Сближаетъ ихъ съ русскими, напр., Гезеніусъ.

Пришельцы-завоеватели со временемъ смѣшались съ германскими старожилами Скандинавіи; но сначала иго ихъ было тяжело воинственному и вольнолюбивому народу. Побѣжденные не могли отстоять своей свободы: они стали переселяться на югъ къ своимъ одноплеменникамъ или въ области пустынныя, въ которыхъ лѣса и болота могли охранять ихъ независимость. Завоеваніе Скандинавіи народомъ, пришедшимъ съ юго-востока, совпадаетъ съ началомъ движенія изъ Скандинавіи на югъ семей германскихъ (Готовъ, Саксовъ, Лонгобардовъ и другихъ). Первые переселились Готы. На южномъ берегу Балтики нашли они одноплеменниковъ (такъ же Готовъ), давно уже жившихъ на поморьѣ между семьями вендскими и остатками Кимвровъ-Іутовъ, которыхъ имя у древнихъ иногда смѣшивается съ именемъ самыхъ Готовъ (*Гуттоны* и *Готины*). Память о переселеніи съ сѣвера сохранилась у Готовъ, и преданіе это, во всемъ согласное съ ходомъ исторіи вообще, можетъ быть отрицаемо только упрямымъ скептицизмомъ недальновидной критики. Точно то же преданіе о переселеніи Гаутовъ изъ Швеціи (по Іорнанду основатель царскаго рода у Готовъ—Гаутъ)[1]) сохранилось на юго-восточномъ приморьѣ Балтики у народовъ, которыхъ Готы скоро покорили своей власти. Усиленные братьями, съ которыми они вѣроятно были въ дружескихъ сношеніяхъ, стѣсненные другими сильнѣйшими племенами или устрашенные напоромъ римскихъ легіоновъ съ запада, выходцы Сканвинавіи перекочевали къ востоку и, счастливыми войнами, смѣлостью и дружнымъ дѣйствіемъ силъ побѣдивъ разъединенныя семьи славянскія, приготовили ту грозу, которая должна была со временемъ обрушиться на распадающуюся римскую державу.

---

[1]) Не должно смѣшивать этихъ Руссовъ славянскихъ (Роксалановъ) съ *Эрсами, Эорсами* или *Аорсами* приволжскими, которыхъ происхожденіе вѣроятно связано съ вѣтвью кельто-кумрійскою или финскою. Корень имени *Аорсъ* едва ли не находится въ словѣ, сохраненномъ древними изъ сомнительнаго нарѣчія скиѳскаго *оіоръ* (мужъ, въ *оіоръ-пата*, мужеубійца, амазонка) *).

Траянъ.—Его значеніе.

Восшествіе на престолъ Траяна начинаетъ въ исторіи новую эпоху, продолжавшуюся до Діоклетіана или до Константина, т.-е. до того времени, когда государство раздѣлилось на два, по внутреннему различію жизненныхъ началъ.

Никогда нельзя опредѣлить съ точностью математическою начало и конецъ эпохи, созданной развитіемъ духъ народнаго. Въ исторіи, какъ въ природѣ, есть сумерки пробуждающейся или умирающей мысли. Таково время отъ Діоклетіана до совершеннаго раздѣла имперіи; таково царствованіе Флавіевъ, оканчивающее рядъ кесарей, но не вполнѣ ему принадлежащее.

---

[1]) Grimm D. M. 341. Шафарикъ Сл. Др. I. 424. *Изд.*

Едва ли когда-нибудь являлся римскій міръ въ такомъ величіи, какъ при Траянѣ. Пареяне, побѣжденные въ самомъ средоточіи ихъ государства; походъ, приготовленный для ихъ конечнаго уничтоженія; флотъ, выстроенный на берегахъ Южнаго океана для нападенія на Индію*); завоеваніе сѣверной Аравіи; усмиренные за Рейномъ Германцы; навсегда сокрушенная сила Гетовъ и новая пространная область за Дунаемъ, покоренная римскимъ законамъ и заселенная римскими военными колоніями; внутренній міръ, возрастающее великолѣпіе городовъ, повсюду возникающія зданія для пользы общей или для красоты, коллосальные водопроводы, несокрушимые мосты на бурныхъ и непокорныхъ рѣкахъ, дороги, проложенныя черезъ непроходимыя болота, улучшенная полиція, цвѣтущія художества и проснувшаяся снова словесность съ именами Тацитовъ и Плиніевъ, умягченная строгость законовъ, приносившихъ частную выгоду въ жертву пользѣ казенной, страхъ иноплеменныхъ народовъ, любовь гражданъ,—таковы права великаго Траяна на славу, ничѣмъ не запятнанную, и на ту поэтическую благодарность потомковъ, которая внушила Римлянамъ позднѣйшаго времени сказку объ искупленіи императора-идолопоклонника изъ чистилища молитвами духовнаго владыки, наслѣдовавшаго часть его державы ¹). Безспорно, важнѣйшимъ происшествіемъ въ его царствованіи должно считать покореніе Гетовъ. На берегахъ Дуная и на границахъ утраченной Панноніи и Иллирика Славяне создали новую державу. Во время безумныхъ Кесарей она окрѣпла; при послѣднемъ изъ нихъ она стала угрожать Риму, побѣдивъ его войска и принудивъ къ постыдной дани. Усиленіе сако-гетскихъ общинъ, соединенныхъ въ одно государственное цѣлое уничтожило еще при царѣ Буревистѣ (Boerebista), за 50 лѣтъ до Р. Х., Бойевъ и Таврисковъ штейермаркскихъ и поглотило

---

¹) Григорія Двоеслова (Великаго). *Изд.*

всѣ остатки кельтскихъ поселеній, давно уже слабѣющихъ и съ тѣхъ поръ мало упоминаемыхъ въ исторіи. На время оно, кажется, подавило краинскій союзъ, составленный такъ же по большей части изъ Славянъ, съ примѣсью Сарматовъ, и извѣстный подъ именемъ германской дружины Маркоманновъ. Но Траянъ не могъ терпѣть ни униженія Рима, ни опаснаго сосѣдства сильнаго государства. Борьба была продолжительна. Достойный соперникъ императора, владыка Гетовъ, Децебалъ (если только можно вѣрить правописанію латинскому въ именахъ иноязычныхъ), устроилъ свои войска на подобіе легіоновъ, принялъ многихъ Римлянъ въ свою службу, призвалъ союзниковъ съ сѣвера, мужественно оспаривалъ каждую побѣду, каждый шагъ земли и, побѣжденный, не захотѣлъ пережить своей славы. Сѣверъ снова принялъ славянскихъ бѣглецовъ съ дунайскаго берега. Римляне основали новую провинцію, въ которой до сихъ поръ сохранился языкъ, составленный изъ смѣси славянскаго и латинскаго съ произношеніемъ осскимъ (*п* вмѣсто *кв*), и великолѣпный памятникъ въ столицѣ имперіи увѣковѣчилъ подвиги побѣдителя и чисто славянскіе очерки побѣжденныхъ.

Самый поверхностный наблюдатель замѣчаетъ невольно рѣзкое сходство лицъ и одеждъ на столбѣ Траяновомъ съ лицами и одеждами племенъ славянскихъ. Это обстоятельство, весьма важное для исторической критики, придаетъ особенную важность памятнику, который, несмотря на красоту подробностей, принадлежитъ къ весьма дурному стилю отдѣльныхъ колоннъ, чуждыхъ эллинскому чувству изящнаго. Исторія же самой борьбы Децебала съ Траяномъ, сохранившая въ памяти народной имя Траяна (какъ видно изъ пѣсни Игоревой и сказокъ о царѣ Траянѣ), замѣчательна также и потому, что характеръ славянскій, готовый подчиняться законамъ и порядку разумному и перенимать устройство отъ просвѣщенныхъ народовъ, замѣченъ писателями римскими у Гетовъ, такъ же какъ у Паннонцевъ, такъ же какъ у Озовъ и у Маркоманновъ въ Чехіи и въ Крайнѣ. Эта черта чужда всѣмъ другимъ дикимъ народамъ, воевавшимъ съ Римомъ. Въ числѣ прочихъ примѣтъ славянства у семей мезогетскихъ должно полагать всѣ имена рѣкъ, городовъ и урочищъ и такія слова какъ *ктисты* (чистые), обозначавшее жрецовъ, безбрачныхъ отшельниковъ, и *сарави-тери* (вѣроятно *теди*: *царевы чада*), обозначавшее царскую стражу и благородныхъ воиновъ [1]).

Преемники Траяна.—Вторженіе Германцевъ.

Исторія вообще не совсѣмъ справедлива къ императорамъ римскимъ, приписывая паденіе государства ихъ порокамъ и неспособности. Точно такъ же пристрастна она къ германскимъ племенамъ, сокрушившимъ римскій міръ, когда превозноситъ ихъ добродѣтели и непобѣдимое мужество. Лѣтопись первыхъ царей готскихъ, вандальскихъ, саксонскихъ, бургундскихъ и лангобардскихъ представляетъ рядъ развратныхъ дикарей. Лѣтопись Франковъ отвратительна. Мужество ихъ въ бояхъ неоспоримо, но оно не мѣшало имъ всегда бѣжать передъ несравненно меньшимъ числомъ Римлянъ, какъ скоро римское войско было подъ предводительствомъ вождей сколько-нибудь искусныхъ. Напротивъ того, ни одна лѣтопись какого бы то ни было народа не можетъ представить, въ теченіе двухъ вѣковъ съ небольшимъ, столько государей достойныхъ престола, сколько лѣтописи Рима отъ послѣдняго Кесаря до перваго императора христіанскаго.

Изъ двадцати осьми царствованій тринадцать замѣчательны по доблести владыкъ, вполнѣ достойныхъ престола. Таковы великій Траянъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій, строгій Септимій, которому, по словамъ Римлянъ, слѣдовало или не родиться или не умирать, Александръ, Валеріанъ, Клавдій, крутой Авреліанъ, подобный Септимію, Тацитъ, Пробъ, Каръ, Діоклетіанъ и Константинъ. Къ нимъ должно прибавить другихъ, едва мелькнувшихъ, но оставившихъ по себѣ добрую память (какъ Пертинаксъ и молодой Гордіанъ) или отличавшихся блистательными дарованіями (какъ Адріанъ и слишкомъ униженный историками Галіенъ), или заслужившихъ военную славу (какъ Декій и свирѣпый, но всегда побѣждавшій Максиминъ), или достойныхъ величія императорскаго, но не успѣвшихъ достигнуть его или погибшихъ въ борьбѣ съ другими, болѣе счастливыми соперниками (какъ Оденатъ, Постумій, Альбинъ и др.). Нѣсколько именъ такихъ, какъ Геліогабалъ, Каракалла и Коммодъ, не должны бы были въ глазахъ историка безпристрастнаго помрачить славу цѣлой эпохи, обильной великими людьми.

---

[1]) Іорнандъ. De Goth. or. etc. *Изд.*

Но самыя доблести и величіе государей при постоянномъ упадкѣ государства указываютъ на внутреннія и неисцѣльныя раны. Первою, повидимому, было неправильное престолонаслѣдіе, избирательное по сущности, но не опредѣленное никакими законными правилами. Равенство правъ каждой провинціи на избраніе императора влекло за собою неизбѣжныя междоусобія, и чѣмъ достойнѣе были соперники, тѣмъ упорнѣе и гибельнѣе была война. Такимъ образомъ истощались силы имперіи и безъ всякой пользы текла кровь, которая могла бы купить для Рима области до Инда и до Волги; но эта язва зависѣла отъ другихъ, болѣе глубокихъ. Опыты порядка наслѣдственнаго были хуже самаго безпорядочнаго избранія. Чадолюбіе Марка Аврелія и Септимія возвело на престолъ Коммода и Каракаллу. Выборъ войска или народа рѣдко падалъ на совершенно недостойнаго. Война междоусобная передавала власть по крайней мѣрѣ великому полководцу. Внутренней же жизни, удаляющей опасности естественнаго престолонаслѣдія, давно не было въ Римѣ, и отъ этого лучшій порядокъ еще былъ избирательный посредствомъ усыновленія, какъ въ первоначальной лѣтописи Китая*). Этотъ порядокъ возвелъ на престолъ Траяна и Антониновъ, возстановители имперіи Авреліана и позднѣе великаго Ѳеодосія; но онъ былъ невозможенъ, и даже если бы былъ возможенъ, не могъ отвратить паденіе имперіи.

Государство было составлено изъ частей совершенно разнородныхъ. Не было ничего общаго между давно и самобытно просвѣщеннымъ востокомъ и новопокореннымъ западомъ, принявшимъ только наружный образъ просвѣщенія и его вещественные признаки, но не впитавшимъ въ себя ни одной изъ тѣхъ животворныхъ мыслей, которыя носятъ въ себѣ зародышъ развитія и плодовъ. Галлія, Испанія, Британнія, Паннонія утратили жизнь обычая, святыню наслѣдственнаго преданія, вѣру въ своихъ предковъ и въ себя самихъ и, подчинившись охотно новому строго-логическому закону Рима, охраняющему собственность и порядокъ, нашли въ немъ спокойствіе, временное благоденствіе и источникъ богатства, но не нашли въ немъ пищи, удовлетворяющей внутреннему требованію духа. Законовѣдѣніе и законодательство были проявленіемъ религіознаго поклоненія внѣшней правдѣ; они были святынею для прежняго Рима, создателя гражданской науки: они были только сухимъ, мертвымъ усовершенствованіемъ полицейскаго порядка для покоренныхъ народовъ.

Но и въ самомъ Римѣ законодательство, утвердившись въ характерѣ науки, утратило свое нравственное значеніе, между тѣмъ какъ и всѣ другія нравственныя начала изсякли. Не было и общей государственной мысли. Воплощенная нѣкогда въ Сенатѣ и народѣ, она еще пережила, какъ призракъ, республиканскую свободу и во время кесарей облекла въ полубожественный блескъ седмихолмный городъ и въ божественныя почести его властителей; но она исчезла съ освобожденіемъ провинцій отъ ига столичнаго (ибо самый апоѳеозъ позднѣйшихъ императоровъ былъ только безсмысленнымъ подражаніемъ) и не была ничѣмъ замѣнена. Италія, естественное средоточіе имперіи, была слабѣе всѣхъ провинцій: она давно опустѣла отъ переселеній, отъ междоусобной войны и особенно отъ бездушнаго корыстолюбія богатыхъ граждань, скупившихъ мало-по-малу всѣ земли. Свободное народонаселеніе толпилось и истлѣвало въ городахъ. Просторъ полей и трудъ земледѣльческій были предоставлены рабамъ, чуждымъ всякаго сочувствія съ дѣломъ общимъ и зараженнымъ развратомъ своихъ господъ. Римъ, гордый нищій, требующій безвозмезднаго пропитанія отъ областей, нѣкогда покоренныхъ его свободными дружинами, напоминалъ о себѣ міру только неистовствомъ порока и воспитаніемъ тирановъ. Исчезла всякая религія для государства, всякая вѣра для частныхъ лицъ, всякое побужденіе къ добру и всякая надежда на будущее. Страхъ подпасть игу дикихъ грабителей, сознаніе внутренняго безплодія въ каждой отдѣльной провинціи и привычка были уже единственными связями, поддерживающими имперію. Такимъ образомъ все государство было внѣшнею случайностью для своихъ составныхъ частей (ибо ихъ нельзя называть членами)—,случайностью, не основанною ни на какой внутренней необходимости и чуждою всякому началу религіозному, нравственному, общинному или даже дружинному. Никакія усилія правителей не могли воскресить мертвое тѣло.

Борьба государей противъ неизбѣжной судьбы государства была не безславна и достойна той энергіи, которою оно было нѣкогда создано.

Вскорѣ послѣ паденія царства Гетскаго уцѣлѣвшій союзъ Краинцевъ (*Маркоманновъ*) сдѣлался опять средоточіемъ народовъ враждебныхъ Риму или любящихъ свою свободу.

Въ этомъ союзѣ находимъ мы имена безспорно германскія, другія сарматскія и третьи безспорно славянскія, какъ напр. Певчиновъ (вѣтвь Бастарновъ), названныхъ по своему жилищу, Дунайскому острову *Певче*, т.-е. Пущане, отъ *пущи*, весьма извѣстнаго слова славянскаго.

Маркъ Аврелій побѣдилъ ихъ послѣ войны, нѣсколько разъ угрожавшей гибелью самому Риму. Побѣда была совершенная, и современники полагали, что императоръ обратитъ область Краинцевъ въ провинцію Римскую. Смерть его и безсмысленность его свирѣпаго преемника, Коммода, спасли Маркоманновъ отъ римскаго оружія; но союзъ, составленный изъ слишкомъ разнородныхъ стихій, распался самъ или былъ уничтоженъ новымъ наплывомъ сѣверныхъ, особенно германскихъ, народовъ, свѣжихъ и не утратившихъ своихъ силъ въ борьбѣ съ легіонами. Усилившіеся Готы скоро покинули свои новыя жилища на берегахъ Балтійскаго моря. Стѣсненные съ западной стороны воинственными старожилами Германіи, стѣсненные съ сѣверо-востока сильными семьями Сарматовъ и Славянъ, недавно завоевавшихъ Скандинавію, они стали подаваться на юго-востокъ къ берегамъ Чернаго моря и Дуная, вытѣсняя или покоряя слабыя и разрозненныя семьи привислянскихъ и приднѣпровскихъ Славянъ, увлекая болѣе воинственныхъ своимъ примѣромъ и подавая первый знакъ къ тому великому переселенію, которое должно было перемѣнить всю вещественную и духовную жизнь Европы. Но направленіе Готовъ и всей системы народовъ, увлеченныхъ въ ихъ движеніи, шло прямо на югъ или на юго-востокъ къ благословеннымъ странамъ Эллады, въ новопріобрѣтенную Римлянами область Дакіи, попути, свободному отъ горныхъ преградъ и менѣе охраненному римскимъ искусствомъ, чѣмъ ущелья Альповъ паннонскихъ и ретійскихъ.

Весьма небольшое число славянскихъ дружинъ (особенно Лигіевъ-Леховъ) изъ междурѣчья Одера и Вислы, вытѣсненныхъ Готами, бросилось на Западъ и на берега Рейна; но и тѣ, побѣжденные мужественнымъ императоромъ Пробомъ, были принуждены къ возврату на родину и вѣроятно погибли по большей части въ лѣсахъ германскихъ.

Почти въ одно время съ именемъ Готовъ явились на римскихъ границахъ другія имена, принадлежащія семьямъ близкимъ къ Готамъ по происхожденію или дружинамъ, составившимся изъ смѣси народовъ. Таковы были Гепиды, принадлежавшие явно готскому племени и тождественные съ Гаутомъ Іорнандовымъ и Гаутами балтійскихъ преданій; таковы Вандалы, полу-германскія, полу-славянскія дружины, властвовавшія въ земляхъ вендскихъ.

Очевидно, что составъ дружины вандальской былъ по большей части Германскій; но сильная примѣсь Славянъ и имя чисто-славянское побудили ученыхъ нѣмцевъ въ среднихъ вѣкахъ всегда противопоставлять Вандаловъ Нѣмцамъ *).

Вмѣстѣ съ Вандалами двигались и Бургунды (собственно *горожане*), германскіе утѣснители сѣверо-западныхъ Славянъ, издревле градостроителей и торговцевъ. За Бургундами шли Герулы, менѣе всѣхъ другихъ носящіе признаки германства и по всѣмъ вѣроятностямъ родственные позднѣйшимъ Литовцамъ, хотя не безъ примѣси Славянъ и, можетъ быть, Готовъ.

Особенная свирѣпость, глубокая безнравственность и вообще дикій бытъ Геруловъ отличаютъ ихъ довольно рѣзко отъ всѣхъ другихъ народовъ, двинувшихся отъ Балтики на Дунай *).

Много было и другихъ дружинъ, въ то время грозившихъ востоку Имперіи; большая часть изъ нихъ вскорѣ исчезла, поглощенная другими сильнѣйшими дружинами, не основавъ отдѣльныхъ государствъ или не давши именъ своихъ завоеваннымъ областямъ. Опасность, угрожавшая востоку, была временно отстранена силою римскаго оружія, и впослѣдствіи новая гроза, налетѣвшая съ Приволжья, бросила потопъ взволнованныхъ племенъ далеко на западъ, о которомъ они и не мечтали.

Измѣненіе во внутренней судьбѣ Скандинавіи подѣйствовало и на западныя области имперіи. Готы удалились изъ своей родины вскорѣ послѣ ея покоренія, т.-е. въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Едва ли не позднѣе всѣхъ другихъ переселились Саксы *); кажется, въ послѣдней половинѣ перваго вѣка послѣ Р. Х. Они направились черезъ проливы, соединяющіе Балтику съ Океаномъ, и поселились въ теперешнемъ Ютландѣ, землѣ прежнихъ Кельто-Кумрійцевъ или Ютовъ, уже исчезнувшихъ подъ напоромъ германскаго племени или удалившихся къ своимъ заморскимъ братьямъ въ Британскіе острова.

Имя Саксовъ или Саксонцевъ неизвѣстнаго происхожденія. Быть можетъ (хотя это предположеніе мало имѣетъ за себя доказательствъ), оно и происходитъ, какъ думаютъ многіе ученые отъ слово *саксъ*, означающаго кривой и короткій ножъ, которымъ были обыкновенно вооружены Саксонцы и который по формѣ своей напоминаетъ востокъ и завоевателей Скандинавіи Сарматовъ. Распространеніе же подобной этимологіи на германскій союзъ Франковъ и выводъ ихъ имени отъ оружія *фрамеи* или *франциски* совершенно нелѣпы. Пожалуй и *Байоннъ* происходитъ отъ *байоннетъ*. Очевидно союзъ Франковъ значилъ союзъ свободныхъ людей или, лучше сказать, освободившихся отъ римскаго ига, а *франциска* получила уже прозвище свое отъ народа, владѣвшаго ею. Можно бы тоже подумать и о мечѣ, названномъ *саксъ,* но это словоноситъ признаки первобытности въ сходствѣ съ словами слав. *соха*, *сошникъ*, *сохатый* и др.

Малочисленная дружина Саксонцевъ вскорѣ достигла громкаго имени; она распространилась не столько грозою собственнаго оружія, сколько союзомъ другихъ приморскихъ семей, охотно сосредоточившихъ свои силы около предпріимчивыхъ пришельцевъ. Общая опасность отъ Римлянъ, общее стремленіе къ добычѣ слили въ одно цѣлое многія племена германскія и остатки славянскихъ семей, никогда не исчезавшихъ по болотистому приморью отъ Одера до Рейна. Исторія Саксовъ, такъ же какъ и Готовъ и многихъ другихъ завоевательныхъ народовъ, представляетъ одинъ и тотъ же фактъ, весьма простой, но рѣдко объясненный. Горсть бѣглецовъ оставляетъ свою родину, наводненную непріятелемъ, и эта горсть вскорѣ завоевываетъ пространную область и уничтожаетъ народы несравненно мужественнѣйшіе и многочисленнѣйшіе того, передъ которымъ она бѣжала. Причина этого повидимому страннаго факта лежитъ въ томъ, что всякій народъ (даже не исключая кочевыхъ), какъ бы онъ ни былъ воинственъ, составляетъ всегда общину полу-гражданскую, покуда живетъ на своей родной землѣ. Онъ можетъ, какъ вся древняя Галлія и Германія, безпрестанно вспыхивать дружинами и насылать бѣду и разоренье мирнымъ сосѣдямъ; но временныя дружины осѣдаютъ также безпрестанно въ общину. Народъ, оторванный отъ родины и бѣжавшій въ чужбину, смыкается въ дружину постоянную и обрекается на вѣчную войну. Тогда къ нему сосредоточиваются или ему покоряются разрозненныя силы сосѣднихъ племенъ, прежде безсильныхъ отъ непослѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ, теперь непреодолимыхъ отъ постояннаго напряженія, получаемаго ими изъ новаго, вѣчно напряженнаго центра, и созидается грозная держава, въ которой часто исчезаютъ почти безъ слѣда немногочисленные пришельцы, давшіе имя свое области или государству. Такимъ образомъ происходило огромное расширеніе Саксонцевъ, вышедшихъ изъ самаго незначительнаго начала.

Въ третьемъ вѣкѣ они опустошали уже всѣ берега Галліи и Британніи, сражались часто съ успѣхомъ противъ легіоновъ и приготовлялись къ своему будущему великому значенію. Лишній сильный врагъ явился противъ Рима, лишній примѣръ успѣшныхъ грабежей сталъ побуждать германскихъ старожиловъ къ нападенію на предѣлы имперіи. Сѣверо-западъ сомкнулся въ союзъ Франковъ, юго-западъ—въ союзъ Алеманновъ. Вскорѣ къ Алеманнамъ примкнула и часть Бургундцевъ, побѣжденныхъ Гепидами около Карпатовъ и принужденныхъ искать другихъ жилищъ вверхъ по Дунаю. Безпрерывная война загорѣлась на Рейнѣ.

Замѣчательно, что начало мореплаванія у Германцевъ совпадаетъ съ движеніемъ изъ Скандинавіи на югъ, между тѣмъ, какъ сама Скандинавія до того времени нисколько не славилась мореплавателями. Въ Германіи же Римляне знаютъ только про весьма незначительное береговое судоходство на берегахъ фризонскихъ. Принявъ въ соображеніе полу-славянскій составъ дружины, завоевавшей Скандинавію, древность судоходства славянскаго, свидѣтельство Саксона весьма важное (ибо очевидно основано на мѣстныхъ преданіяхъ) о ничтожествѣ Германцевъ и Скандинавовъ на морѣ передъ Славянами *); и полу-славянское просвѣщеніе первыхъ германскихъ мореходцевъ, Саксонцевъ, поклонниковъ Бѣлбога, Чернобога и Сивы (или Живы) *)— можно смѣло утверждать, что мореплаваніе сѣверное развилось изъ славянской стихіи.

Пробужденіе восточныхъ народовъ. Сарацины. Царство пальмирское. Сассаниды.

Въ то же время, когда въ Европѣ закипѣли народы, будущіе властелины ея судебъ, на поприще исторіи вступили другія племена, до тѣхъ поръ не замѣченныя, но впослѣдствіи долго и часто счастливо оспаривавшія власть и первенство у пришельцевъ сѣвера. На южную Испанію нападали уже во II вѣкѣ Мавры африканскіе, потомки древнихъ выходцевъ изъ Аравіи *), сами Аравитяне, кочевые грабители, опустошали южную Сирію и знакомили ее съ грознымъ именемъ *Сарацинов*ъ, будущихъ ея завоевателей. Другіе Аравитяне, уже полу-осѣдлые и союзные съ Римомъ, основывали недолговѣчное, но сильное царство въ Пальмирѣ или Тадморѣ, созданномъ царями древняго Израиля на перепутьѣ каравановъ. Тамъ, среди безводной пустыни, строилась великолѣпная столица, цвѣли науки, собирались многочисленные полки, сперва страшные врагамъ имперіи, потомъ опасные для нея самой. Оденатъ, царь пальмирскій *); спасалъ восточныя области Рима въ несчастную эпоху Галіена, уничтожалъ разбойническія дружины Готовъ, опустошавшихъ берега Малой Азіи, Эллады и Сиріи и острова Эгейскаго моря на корабляхъ отнятыхъ у эллинскихъ колонистовъ Тавриды и страны приднѣпровской; усмирялъ племена горцевъ, временно возмущавшихся въ Малой Азіи; мстилъ новосозданному царству Персіянъ-Сассанидовъ и великому ихъ царю Шапуру за грабительство Сиріи и за жестокій плѣнъ императора Валеріана, разбивалъ ихъ войска, бралъ столицу Ктезифонъ и, въ званіи Августа, полученномъ имъ отъ Галіена, правилъ не только азіатскими провинціями, но и богатымъ Египтомъ. Въ его царствованіе, слишкомъ кратковременное, племя аравійское показало уже ту энергію, которая нѣсколько вѣковъ спустя грозила завоеваніемъ всему міру, и Пальмира повидимому готовилась къ преемству власти римской, такъ какъ впослѣдствіи Сарацины получили преемство эллинскаго просвѣщенія. Умирающая имперія призывала хищниковъ со всѣхъ сторонъ.

Прежде нея пало военное государство дикихъ Пареянъ, ея всегдашнихъ враговъ. Племя Персіянъ, нѣкогда властвовавшихъ на востокѣ, но уступившихъ сперва неотразимой силѣ эллинскаго міра, потомъ дикой храбрости дикихъ Азовъ, прикаспійскихъ. Пареянъ *), возстало наконецъ противъ своихъ утѣснителей. Пареяне были побѣждены; новая династія Сассанидовъ взошла на престолъ. Она объявила сомнительное или мнимое происхожденіе отъ прежнихъ царей кирова рода, возстановила прежнюю религію, зороастровъ магизмъ, искаженіе древняго иранскаго преданія, и скоро завоевала всѣ области отъ Инда до Евфрата. Но зороастризмъ въ своемъ возобновленія впиталъ въ себя еще большую примѣсь чуждыхъ началъ; персидское государство, освободившись отъ своихъ дикихъ утѣснителей, сохранило отчасти дикость ихъ нравовъ и получило болѣе военное, чѣмъ государственное или религіозное значеніе; языкъ принялъ характеръ нарѣчія, далекаго отъ первобытныхъ корней, и просвѣщеніе ожило только въ вещественныхъ формахъ, безъ животворныхъ началъ. Побѣды Сассанидовъ были гибельны для человѣчества, роскошь груба и неотрадна по недостатку художественной красоты, правленіе свирѣпо и чуждо всякому высокому побужденію. За всѣмъ тѣмъ эпоха Сассанидовъ осталась не совсѣмъ безплодною. Она сохранила нѣсколько темныхъ преданій о прошедшемъ и нѣсколько искръ прежней духовной жизни, возвысившихъ впослѣдствіи турецкихъ завоевателей Ирана надъ ихъ одноплеменниками, властвовавшими въ другихъ странахъ. Отъ возстановленія Персіи Сассанидами до ея паденія послѣ Магомета не переставала на берегахъ Евфрата и Тигра упорная борьба между Востокомъ и Западомъ; но во время общей бѣды отъ Аравіи римскій міръ, основанный на высшихъ началахъ, устоялъ гораздо долѣе своего противника.

Римское государство въ III вѣкѣ.—Его внутреннее состояніе.—Характеръ философскихъ школъ.

Со временъ Траяна до Константина мужество императоровъ отстаивало съ успѣхомъ предѣлы имперіи. Мавры были побѣждены Маркомъ Авреліемъ, такъ же какъ и Маркоманны; Септимій побѣдилъ Пареянъ, Германцевъ и прошелъ грозою до самой сѣверной конечности Британніи по горамъ Шотландіи, тогда населенной *Пиктами* (едва ли не Пегтъ), остатками древнихъ старожиловъ, и *Скотами*, воинственными выходцами изъ Ирландіи. Александръ Северъ вступаетъ въ борьбу съ новою персидскою державою, основанною въ 226 году послѣ Р. Х. Арджиромъ Бабеганомъ и принуждаетъ его къ бѣгству за Тигръ. Свирѣпый Максиминъ, родомъ варваръ (сынъ Сарматки и Свева), великанъ ростомъ и силою едва ли не безпримѣрною, отбрасываетъ Франковъ далеко отъ Рейна и проникаетъ глубоко въ землю Алеманновъ [1]). Легіоны римскіе при молодомъ Гордіанѣ проникаютъ въ Персію, опустошаютъ ея предѣлы и принуждаютъ воинственнаго Шапура просить мира съ имперіею. Готы послѣ гибели Декія, павшаго въ сраженіи съ ними, ворвались далеко въ Элладу и предавали долго мечу и огню беззащитныя области востока. Императоръ Клавдій изгоняетъ ихъ изъ предѣловъ имперіи, преслѣдуетъ въ ихъ собственную страну, уничтожаетъ ихъ ополченія и до такой степени сокрушаетъ ихъ силу и внушаетъ страхъ римскаго имени, что они съ тѣхъ поръ болѣе являются союзниками и подручниками имперіи, чѣмъ ея врагами, и впослѣдствіи, прося убѣжища отъ Гунновъ, соглашаются вступить въ полное подданство. Менѣе пострадавшіе Готы восточные, наученные бѣдою своихъ братій, обратили всѣ свои усилія уже не на югъ, но на восточныя пустыни приднѣпровскія и придонскія, вдали отъ грозныхъ легіоновъ Рима. Послѣ долгихъ бѣдствій имперія оживаетъ при строгомъ Авреліанѣ. Пальмира, управляемая послѣ смерти Одената его вдовою Зенобіею, падаетъ послѣ кратковременной борьбы. Дружины Алеманновъ уничтожены въ Италіи; Галлія и Британнія, давно уже правимыя отдѣльными императорами, возвращены Тетрикомъ государю, котораго желѣзная сила могла поддержать единство римскаго міра; своеволіе войска укрощено; развратный Римъ наказанъ за крамолы; взбунтовавшійся Египетъ покоренъ. Государство возстаетъ въ прежнемъ величіи. Благодѣтельно было вліяніе неумолимо-строгаго императора. Возстановивъ цѣлость имперіи и уступивъ германскимъ племенамъ только задунайскую Дакію, завоеванную Траяномъ, но безполезную и неспособную къ оборонѣ, онъ въ короткое время своего царствованія (въ 5 лѣтъ) такъ сильно подавилъ сѣмена раздора, такъ успѣшно возстановилъ покорность законамъ и законнымъ властямъ, что послѣ его слишкомъ ранней смерти войско, единственный представитель народа, и Сенатъ, представитель государства, какъ будто чувствуя всю важность своей эпохи и опасности, окружающіе имперію, взаимно уступали другъ другу честь и отвѣтственность императорскаго выбора. Наконецъ, избранъ былъ Тацитъ, добродѣтельный и опытный государь, наказавшій Алановъ за ихъ набѣги; за нимъ Пробъ, родомъ Паннонецъ, побѣдитель Германцевъ, достойный преемннкъ великаго Авреліяна, возстановитель городовъ, разоренныхъ варварами въ Галліи, государь памятный по дѣламъ воинскимъ и по доблестямъ гражданскимъ, соединившій двѣ границы имперій, Дунай и Рейнъ, непрерывною каменною стѣною, разводившій виноградники въ Галліи и Панноніи, укротившій на время пограничныхъ дикарей отъ Чернаго моря до Сѣвернаго океана, убитый и оплаканный войскомъ, возмутившимся противъ непривычныхъ трудовъ; за Пробомъ Каръ, внесшій римскіе орлы въ самое сердпе Персіи и покорившій ея столицы Ктезифонъ и Селевкію; за Каромъ, наконецъ, Діоклетіанъ, раздѣлившій имперію, по темному чувству ея внутренняго раздѣленія, на восточную и западную и предузнавшій будущую эпоху совершеннаго распаденія. Царствованія Діоклетіана и его сопрестольника Максиміана и его преемника Галерія были не безславны. Непріятели вездѣ побѣждены, предѣлы имперіи сохранены, Германцы отбиты Миксиміаномъ, Британнія спасена отъ Кельто-Кумрійцевъ кесаремъ Констанціемъ Хлоромъ, Аравитяне и Сарацины укрощены самимъ Діоклетіаномъ, покорившимъ такъ же снова кавказское пригорье (Лазику и Иверію), наконецъ, новая пространная область завоевана и покорена Риму за Тигромъ, далеко внутри персидскаго государства. Такъ принялъ имперію великій Константинъ, почти нигдѣ не убавленную и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространенную, повидимому еще крѣпкую и не потерявшую надежду на побѣды.

---

[1]) О происхожденіи Максимина должно замѣтить, что такъ какъ онъ былъ родомъ изъ придунайской страны, германство его отца весьма сомнительно. Множество примѣровъ заставляетъ предполагать, что Римляне смѣшивали извѣстное имъ имя *Сеевъ* съ неизвѣстнымъ еще именемъ *Славъ* или Славянинъ. Такъ, напр., явно-славянскихъ Карповъ они называютъ *Свеевами*.

Но государство уже не могло долго существовать. Оно обезлюдѣло отъ междоусобныхъ браней, а еще болѣе отъ разврата, между тѣмъ какъ волна варварскихъ народовъ безпрестанно наростала отъ новаго наплыва съ сѣвера и востока и набѣгала съ новою и новою силою на длинныя и пустынныя границы. Легіоны набирались изъ наемныхъ дикарей, всегда готовыхъ къ измѣнѣ и къ войнѣ противу самаго Рима, часто возвращающихся на родину съ новыми познаніями въ дѣлѣ ратномъ, слѣдственно съ новыми средствами къ бѣдѣ, и всегда, даже во время своей службы, гибельныхъ для народа своимъ грабительствомъ и угнетеніемъ, а для государства безпрестанно возрастающими налогами. Эти наборы не были ошибкою государей, но слѣдствіемъ необходимости. Рабъ-земледѣлецъ былъ ненадеженъ въ войскѣ, нуженъ для господина, нуженъ для опустѣвшихъ полей. Свободный горожанинъ былъ ослабленъ развратомъ, равнодушенъ къ общему дѣлу, необходимъ для торговли, единственнаго источника богатствъ, покупающихъ защитниковъ государству. Духъ, оживлявшій огромное тѣло, отлетѣлъ.

Постоянно-оборонительная война въ огромныхъ размѣрахъ невозможна. Имперія должна была завоевывать или мечомъ,— но время завоеванія военнаго прошло,—или просвѣщеніемъ, создавая на своихъ границахъ новыя государства изъ народовъ осѣдлыхъ и мало-по-малу привыкающихъ къ гражданственности; но просвѣщеніе умирало въ ней самой и никогда не имѣло того животворнаго и чисто-человѣческаго характера, который призываетъ всѣхъ людей къ участію и пробуждаетъ въ ихъ душѣ новыя и лучшія потребности.

За всѣмъ тѣмъ внѣшнее просвѣщеніе еще не погибло. Въ художественномъ отношеніи столбъ Траяновъ, конь Марка Аврелія и многія другія произведенія позднѣйшія заслуживаютъ похвалу, хотя уже замѣтна утрата прежняго величія. Искусство слова имѣло представителей замѣчательныхъ, но оно потеряло свою независимость и существовало только какъ слуга науки.

Изо всѣхъ писателей этой эпохи первое мѣсто принадлежитъ безспорно Тациту. Историкъ, исполненный силы и поэзіи, мыслитель глубокій и практическій, но умъ тѣсный, взглядъ, обнимающій только область вещественную и слѣпой къ области духовной, душа благородная и крѣпкая, но черствая и лишенная всякаго сочувствія съ человѣчествомъ внѣ римскаго государства,— таковъ Тацитъ, вѣрный отголосокъ древняго Рима въ Римѣ упадающемъ и представитель той свирѣпой народности, которою Римъ подавилъ, но не замѣнилъ для человѣчества человѣчность эллинскаго міра.

Науки положительныя и наблюдательныя процвѣтали. Математика и астрономія подвигались впередъ. Землеописаніе и народовѣдѣніе усовершенствовались. Плиній, Птолемей и многіе другіе расширили предѣлы извѣстнаго міра.

Изъ нихъ Птолемей особенно замѣчателенъ по довольно подробному и отчасти разумному описанію средней Европы. Впрочемъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ многіе почерпали изъ него смѣшную мечту о градостроительствѣ древнихъ Германцевъ. Были де города, да никто кромѣ Птолемея, не замѣчалъ ихъ; даже и тѣ не замѣчали, которые ихъ брали и разрушали, ибо о нихъ не упоминается въ римскихъ походахъ. Просвѣщенная критика должна замѣтить, что этихъ городовъ весьма немного въ западной Германіи, несмотря на вліяніе римскаго примѣра и римскихъ прирейнскихъ колоній, населенныхъ германцами, и весьма много въ восточной Германіи, странѣ болѣе чѣмъ полуславянской, какъ видно изъ самого Птолемея, дающаго многимъ мѣстностямъ около Чехіи (напр., *Крокопты* и др.) имена, до сихъ поръ сохраненныя тамошними Славянами и кромѣ ихъ никѣмъ не употребляемыя.

Школы философскія были многочисленны, ученія затѣйливы, учители замѣчательны по остроумію, а иногда по глубинѣ отдѣльныхъ мыслей; но философія утратила чистый характеръ науки. Ея соприкосновеніе съ религіею поколебало всѣ синкретическія вѣрованія древняго міра, съ которыми не могли сжиться ни поэтическая духовность, пробужденная Платономъ, ни искусственная отчетливость аристотелевой логики. Въ ней самой проявилась потребность возстановить разрушенное и замѣнить анализъ свой синтезомъ, обнимающимъ и возсозидающимъ весь міръ и все сущее, слѣдовательно, религіознымъ, — и ученія философскія обратились въ новыя религіи, соединяющія въ нестройное цѣлое положенія, выведенныя изъ необходимаго развитія логическихъ данныхъ, съ положеніями произвольными, созданными жаждою религіознаго синтеза. Безчисленные ученики толпились около учителей, удовлетворяющихъ болѣе или менѣе требованіямъ вѣка; философія достигла, повидимому, своей новой цѣли, — перехода въ религію. Маркъ Аврелій и впослѣдствіи Юліанъ выразили ея надежду на государственное значеніе.

Нѣкоторые другіе императоры и между прочимъ Александръ Северъ представляютъ въ этомъ отношеніи сходство съ Юліаномъ и Маркомъ Авреліемъ; но въ нихъ высказалось не столько гордое требованіе философіи, сколько смутное желаніе новаго синкретизма, примиреннаго съ нравственными началами. Таковъ смыслъ поклоненія мудрецамъ и великимъ людямъ въ молельнѣ Александра. Оно напоминаетъ Яинство въ Индіи и довольно забавно было предложено въ наше время высоко просвѣщенной Европѣ высоко просвѣщенными учеными Германіи¹).

Но надежды философовъ были несбыточны. Китай не могъ повториться въ Европѣ. Не одинакія начала и сѣмена лежали въ просвѣщеніи Китая и въ просвѣщеніи эллино-римскаго міра. Начало буддаистское (т.-е. Буддаизма въ его древнѣйшей формѣ)²) было принято Китаемъ искони вмѣстѣ съ первымъ лучемъ жизни государственно-образованной; личность божественнаго духа исчезла изъ самаго основанія религіознаго вѣрованія и замѣнена была отвлеченнымъ понятіемъ о нравственномъ благѣ и безстрастной гармоніи.

Таковъ смыслъ Конг-фу-тзеу и Менгъ-тзеу; Лао-тзеу, несмотря на свою древность, представляетъ уже иноземное, западное вліяніе.

Безусловная вѣра въ отвлеченное понятіе переходила неприкосновеннымъ наслѣдіемъ, истиннымъ преданіемъ изъ

---

¹) Штраусомъ, напр. *Изд.*

²) Авторъ отличаетъ Буддаизмъ, т. с. историческій, отъ основного, о чемъ говоритъ въ V томѣ. *Изд.*

вѣка въ вѣкъ черезъ всѣ измѣненія государственной жизни и династическихъ переворотовъ. Не таковъ былъ міръ эллиноримскій. Въ основѣ его лежало вѣрованіе искаженное, синкретическое, но истекающее изъ иранскаго поклоненія личному, свободно творящему духу. Въ мысляхъ и совѣстяхъ сохранялось требованіе положительной вѣры, личныхъ боговъ, даже тогда, когда исчезла прежняя вѣра и уничтожены прежніе боги. Философія нравственная и логическая была наплывомъ позднѣйшимъ, плодомъ высокаго развитія эллинской личности; но, какъ дѣло мысли, самознающей себя, она требовала постоянно логическаго оправданія, была чужда характеру преданія и не могла создать себѣ произвольныхъ положеній, которымъ повѣрила бы безусловно. Ея постоянно аналитическое стремленіе не способно было къ переходу въ религіозный синтезисъ, и всѣ усилія философовъ въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х. оставались безплодными.

Требованіямъ вѣка менѣе соотвѣтствовали логическія школы, подпавшія вліянію Аристотеля, чѣмъ школа платоновская, сохранившая, при великомъ развитіи анализа, темную память о древнемъ преданіи и вѣру въ поэтическія гаданія духа человѣческаго. Эта школа стала первенствовать надъ всѣми другими, но утрачивала все болѣе и болѣе свою логическую основу и переходила въ нестройный мистицизмъ, принимающій начала чисто-произвольныя и въ то же время подчиняющій ихъ развитіе законамъ логической необходимости и логическихъ опредѣленій. Такъ образовался Неоплатонизмъ, совершенно безплодный въ отношеніи къ расширенію человѣческой мысли, но важный въ исторіи и вполнѣ обличающій страну, въ которой онъ образовался, страну эллинизованныхъ Кушитовъ.

Сродство Неоплатонизма съ Гнозисомъ, съ системами эманаціонными, т.-е. мнимыми примирителями иранской вѣры въ свободу и кушитскаго ученія о необходимости со склонностью къ таинствамъ и гадательному символизму, особенно же съ древнимъ ученіемъ о заклинаніяхъ и о власти духа надъ невидимымъ міромъ посредствомъ дѣйствій вещественныхъ, очень явно. Въ Юліанѣ и Маркѣ Авреліи оно обличается страстнымъ желаніемъ быть посвященнымъ въ таинства египетскія, елевзинскія и другія. Мистицизмъ же не есть собственно вѣра въ невидимое и неизвѣстное, но неразумное желаніе опредѣлить то, что̀ признается неизвѣстнымъ, какъ будто извѣстное: смѣшеніе признаннаго съ сознаннымъ и замѣненіе яснаго выраженія (явно въ этомъ случаѣ невозможнаго) выраженіемъ приблизительнымъ и метафорическимъ, соединенное съ притязаніемъ на логическую строгость. Наукообразная личина на вѣрованіи болѣе или менѣе произвольномъ: таковъ общій характеръ всѣхъ мистиковъ и между прочимъ неоплатониковъ. Впрочемъ школа неоплатониковъ весьма замѣчательна по особенному развитію платоновой идеи о первобытномъ *Словѣ*. Это развитіе важно въ смыслѣ философскомъ, потому что указываетъ на темное понятіе о необходимости предмета для мысли въ ея общемъ значеніи и слѣдовательно совпадаетъ съ позднѣйшими и намъ современными выводами философскихъ школъ въ Германіи; оно важно и въ смыслѣ религіозномъ по вліянію своему на ученія многихъ церковныхъ писателей и на ученія гностическихъ ересеначальниковъ; особенно же важно потому, что выраженіе, избранное Платономъ и его послѣдователями, получило въ христіанствѣ силу положенія догматическаго, котораго дѣйствіе не истощено до нашего времени. Не должно однако же предполагать (какъ многіе ученые) тождество между мыслію платоновою и положеніемъ христіанскимъ. Разница ясна для безпристрастной критики и указана не разъ; но внутреннее, хотя и довольно далекое, сродство обличается избраніемъ выраженія уже извѣстнаго и не можетъ быть отвергнуто безъ явной натяжки.

Усилія философіи были безплодны къ созданію религіи, они были точно такъ же безплодны въ борьбѣ съ нравственнымъ упадкомъ эллино-римскаго міра. Развратъ и буйство страстей находили поощреніе въ искаженномъ эпикурействѣ, нѣкогда проповѣдавшемъ поклоненіе всему гармонически-прекрасному, какъ выраженію гармоніи божественной, но уже давно ограничившемся поклоненіемъ чувственному наслажденію, и въ школѣ полнаго сомнѣнія, вышедшей изъ аристотелевскаго эмпиризма: они не могли уступить ни себялюбивой гордости Стои, чуждой всякой любви и всякому сочувствію съ человѣчествомъ, ни произвольнымъ умствованіямъ шаткаго Неоплатонизма, но продолжали истощать всю духовную и всю вещественную силу Имперіи, покоряясь иногда бичу положительнаго закона, часто вызывая его строгость и постоянно избѣгая ея посредствомъ юридическихъ уловокъ. Постыдное царствованіе Геліогабала явило міру полное торжество разврата, забывшаго всякій стыдъ; уменьшеніе самоубійствъ показывало, что энергическое отчаяніе цезарской эпохи замѣнилось полусонною и неисцѣльною безнадежностью. Общество требовало новыхъ жизненныхъ началъ.

Борьба римскаго государства съ христіанствомъ.

Эти начала высказывались въ ученіи еврейскихъ проповѣдниковъ. Но, по строгости и неуклончивости передъ произволомъ страсти, они раздражали свирѣпый развратъ Рима; по всеобъемчивости они не уживались съ гражданскимъ и общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на другихъ, уже умершихъ, началахъ; по своей положительности, по требованію безусловной вѣры и по связи съ неизмѣннымъ преданіемъ они возстановляли противъ себя гордость философскаго анализа, а еще болѣе гордость философскаго синтеза, сознающаго свою произвольность, но никогда не признающагося въ ней. Столкновеніе христіанства съ міромъ эллино-римскимъ должно было кончиться войною. Дѣйствительно, война почти безпрерывная продолжалась слишкомъ два вѣка, иногда по повелѣнію императоровъ, иногда по произволу областныхъ правителей, иногда по взрыву народныхъ страстей. Безоружные воины христіанства были лишены правъ гражданства, давно уже общихъ по обычаямъ, прежде чѣмъ они были обобщены закономъ Каракаллы; заключаемы въ темницы, сожигаемы на кострахъ и чаще всего бросаемы на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ при радостныхъ кликахъ кровожадной черни и рукоплесканіяхъ раздраженной философіи. Но мужество возрастало въ гоненіяхъ; высокій примѣръ увлекалъ подражателей; отвращеніе отъ современной жизни, утратившей всѣ свои радости и свое благородство, призывало толпы учениковъ къ ученію, спасающему счастіе и достоинство человѣка обѣщаніемъ свѣтлой и великой будущности. Болѣе же всего говорило чувство человѣческой любви, новопробужденное въ мертвыхъ и себялюбивыхъ душахъ. Число христіанъ возрастало со дня на день.

Благоговѣйно поклоняясь передъ доблестію страдальцевъ за святыню духа, признавая величіе людей, которые могли силою отразить насиліе и покорялись по глубокой вѣрѣ въ несокрушимую и торжествующую силу мысли, критика историческая не должна произносить строгаго приговора и надъ гонителями, въ числѣ которыхъ встрѣчаются лучшія имена лѣтописей римскихъ. Великій Траянъ не прекращалъ вполнѣ гоненій и въ письмахъ къ Плинію, въ которыхъ видно его безмѣрное превосходство передъ риторомъ-философомъ, только увѣщевалъ его умѣрить излишнюю строгость преслѣдованія. Онъ боялся найти въ христіанахъ общество, готовое составить партіи въ провинціяхъ, а можетъ быть и тайное общество, враждебное государству.

Страхъ тайныхъ обществъ или союзовъ, имѣющихъ противозаконныя цѣли, выражается очень явно отказомъ Траяна въ утвержденіи общества для прекращенія пожаровъ *). Впрочемъ этотъ страхъ относился особенно къ областямъ восточнымъ и оправдывается въ позднѣйшую эпоху волненіями областныхъ партій, полуполитическими союзами, носившими знамена, взятыя изъ общественныхъ ристалищъ, и еще болѣе смутами монашескихъ общинъ.

Кроткій Маркъ Аврелій преслѣдовалъ христіанъ какъ императоръ, а еще болѣе какъ философъ; ибо глубоко въ душѣ тогдашнихъ философовъ лежала завистливая досада противъ успѣховъ христіанства и противъ нравственнаго торжества, выказывающаго все безсиліе вѣчно-мудрствующихъ школъ. Еще жесточе были строгій Септимій и дикій Максиминъ. Мужественный Децій и Діоклетіанъ, бодро отражавшій гибель имперіи и благородно отказавшійся отъ престола, котораго паденіе онъ предвидѣлъ, стали по неистовству гоненій и казней наравнѣ съ самыми гнусными тиранами. Вмѣстѣ съ Діоклетіаномъ свирѣпствовали его соучастники въ правленіи,—грубый Максиміанъ и бездушный Галерій. Но во всѣхъ гонителяхъ, несмотря на различіе нравовъ и причинъ личныхъ, было одно и то же сознаніе непримиримости христіанства съ началами римскаго государства. Для Рима и его законовъ высшее въ мірѣ было само государство, единственная неоспоримая святыня и начало всякой святыни. Христіане проповѣдывали другую, высшую святыню человѣческаго духа въ его недосягаемомъ совершенствѣ и сокрушали прежнюю, подчиняя въ себѣ гражданина человѣку. Можно было не вѣрить Юпитеру или Серапису или богу Нерону; но тотъ, кто отказывалъ государству въ правѣ на опредѣленіе божественныхъ почестей Нерону или Юпитеру, отвергалъ всемогущество самаго государства и его религіозное значеніе. Онъ долженъ былъ погибнуть, какъ преступникъ, и казнь его была справедлива въ глазахъ всякаго Римлянина. Таковы были понятія, необходимо истекающія изъ прежняго римскаго начала, и мы находимъ ихъ выраженными ясно и безъ гнѣва въ перепискѣ Траяна и Плинія. Орудіями гоненій были власти гражданскія и особенно воинскія. Христіане, чтобы не быть гонителями своихъ братій или клятвопреступниками и въ то же время не покориться обрядамъ идолопоклоннической присяги, стали упорно избѣгать службы государству, уже и безъ того скудному защитниками. Ихъ отказъ казался измѣною. Если присоединить къ этимъ законнымъ причинамъ гоненій оскорбленную гордость государей и правителей, негодованіе народа на презрѣніе христіанъ къ богамъ и особенно всеобщее понятіе о заклинательномъ значеніи религіозныхъ обрядовъ, которое лежало въ основѣ всѣхъ кушитскихъ вѣрованій и по которому пренебреженіе вещественнаго обряда влекло за собою вещественное бѣдствіе для общества,—легко понять и трудно осудить глубокую злобу слабѣющей Имперіи при Діоклетіанѣ и ея безумныя усилія въ послѣдней борьбѣ съ христіанствомъ. Христіанъ было множество. Они могли бы вооруженною рукою освободиться отъ гонителей (это явно изъ легкаго торжества христіанства при Константинѣ), но они предпочли страданіе и купили славную побѣду своею, а не чужою кровью. Но торжествующіе христіане не вполнѣ поняли свое торжество и не воспользовались имъ. Долго страдавъ въ борьбѣ съ государствомъ и привыкнувъ видѣть въ немъ учрежденіе чуждое христіанству, они не познали строительной силы, сокрытой въ ученіи Апостоловъ, и покорились прежнимъ законамъ, вытребовавъ только почтеніе къ своему обряду, а иногда и гоненіе на иныя вѣрованія. Такова причина слабости римской послѣ Константина; государственной же силѣ христіанства суждено было проявиться въ народахъ новыхъ и дикихъ.

Китай и Средняя Азія въ первые вѣка по Р. Х.

Эпоха римскаго величія при преемникахъ Августа и Траяна соотвѣтствуетъ величію Китая при домѣ Хановъ. Могущественная держава Востока, покоривъ всю внутреннюю Азію до береговъ Каспійскаго моря, грозила войною Парѳянамъ, была въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Европою, принимала римскихъ пословъ (вѣроятно купцовъ съ политическими порученіями) *); и даже въ началѣ второго вѣка думала о войнѣ съ Римомъ. Домъ Хановъ и съ нимъ цѣлость государства пали въ Китаѣ прежде раздробленія римской имперіи, въ III столѣтіи по Р. Х.; но внутренняя жизнь и односторонность чисто-государственной религіи снова соединили Китай въ одно цѣлое и сохранили его до нашего времени, между тѣмъ какъ имперія римская уже не могла возстать послѣ своего паденія. Долгіе раздоры, междоусобія и завоеваніе Китая кочевыми дикарями кончились въ началѣ VII вѣка восшествіемъ на престолъ династіи Тганъ (или Тангъ), и вся Средняя Азія снова покорилась своимъ прежнимъ владыкамъ; но ея кипѣніе успѣло въ это время отозваться въ Европѣ и измѣнить ея судьбу.

Никогда Китай не былъ такъ могуществень, какъ при династіи Хановъ; никогда власть его не распространялась такъ далеко и войска не проникали такъ смѣло въ глубину пустынь; но самыя эти завоеванія, не прочныя въ землѣ, населенной народами кочующими и не способными къ полному сращенію съ государственнымъ тѣломъ, увеличивали опасность государства, и вліяніе Китая на Среднюю Азію производило дѣйствіе одинаковое съ вліяніемъ римскаго міра на зарейнскія и задунайскія племена. Уже давно произошло, вѣроятно въ пустыняхъ при-алтайскихъ и тіан-шанскихъ движеніе народовъ, съ которымъ, кажется, связаны происхожденіе союза *Тшессе-Уйгуровъ*, преданіе объ *Огузъ-Ханѣ* *) и почти единовременная опасность Ниневіи, Египта и Китая; но это движеніе улеглось. Орды разрознились и обезсилѣли снова. Предпріятія воинственныхъ Тсиновъ и властолюбивыхъ Хановъ снова взволновали успокоившееся море финно-турецкихъ племенъ и подняли долгую грозу, которой удары потрясли весь міръ, а послѣдніе отголоски еще гремѣли въ XVII-мъ столѣтіи. Со всѣхъ сторонъ возникли могущественные союзы, признающіе первенство одной какой-нибудь семьи, составленные изъ племенъ болѣе или менѣе единородныхъ, всегда готовые распасться и снова слиться въ одну массу, но также всегда стремящіеся къ одной цѣли: къ войнѣ противъ государствъ образованныхъ и къ грабежу богатыхъ областей. Въ этомъ стремленіи жажда къ корысти и любовь жизни боевой сливались съ какимъ-то восторгомъ вольнолюбивой гордости и проявлялись въ огромныхъ размѣрахъ и въ энергической напряженности, гибельныхъ для человѣчества, но не унизительныхъ и достойныхъ вниманія исторіи.

Всѣ эти чувства высказываются въ истинномъ или мнимомъ завѣщаніи Чингиза, и они по истинѣ мало чѣмъ хуже чувствъ, которыми одушевлялись много прославляемые завоеватели и воители Европы.

Такимъ образомъ составились союзы тюркскихъ *Гіонг-ну*, восточно-сибирскихъ *Сіян-пи* (или Сян-бійцевъ), жужанскихъ татаръ, Тулгасцевъ и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Вмѣстѣ съ войсками Китая проникали въ пустыню нѣкоторыя начала образованности, нѣкоторыя потребности роскоши, можетъ быть нѣкоторыя мысли отвлеченныя, плоды другаго высшаго развитія (таковы, напр., письменность, усовершенствованныя ремесла, евнухи съ ихъ тайными ученіями и гаремнымъ развратомъ); но вся эта вещественная образованность и отрывки искаженной мысли только раздражали страсть и давали ей новыя, болѣе усовершенствованныя орудія для своего удовлетворенія.

Точно такъ же какъ въ сношеніяхъ Римлянъ съ Германцами, произведшихъ отвратительный союзъ Франковъ.

Кроткій и мирный Буддаизмъ, вытѣсненный изъ Индустана, также вкрадывался мало-по-малу чрезъ Китай и ущелія гималайскія въ Сѣверную Азію, гдѣ онъ, наконецъ, или сдѣлался владычествующимъ вѣрованіемъ, или слился съ прежними неопредѣленными религіями. Но Буддаизмъ съ своимъ ученіемъ о конечномъ ничтожествѣ и о неизбѣжномъ рабствѣ духа въ вещественной жизни не покоряетъ страстей (какъ видно по Японіи) и во всякомъ случаѣ мало еще дѣйствовалъ на взволнованныя племена, исполненныя свѣжихъ и воинственныхъ силъ. Отъ него остались въ Средней Азіи слѣды санскритскаго языка, санскритской письменности, измѣненной впослѣдствіи вліяніемъ письменностей китайской и арабской (послѣ распространенія исламизма), и развитіе фетишизма; но не осталось ни образованности плодотворной, ни слѣдовъ въ жизни исторической.

Буддаизмъ огрубѣлъ въ Средней и Сѣверной Азіи, какъ нѣкогда въ племенахъ африканскихъ, которыхъ египетское имя *Путъ* представляетъ разительное сходство съ словомъ *Будда*.*) Всѣ его отвлеченныя и высокія понятія обратились въ грубо-вещественныя суевѣрія; но самыя эти суевѣрія важны для критики, какъ признаки древнихъ сообщеній. Такъ, напр., миѳъ объ *самбу-крипа* у Бурятъ скрываетъ въ себѣ понятіе объ области безусловнаго (абсолютнаго) бытія *(сваямбгу-двипа)**) и, отражаясь въ пѣсняхъ финскихъ объ утраченномъ сокровищѣ *(самбо)*, свидѣтельствуетъ о прежней высотѣ мысли и прежнемъ братствѣ народовъ.

Изъ всѣхъ союзовъ, владычествовавшихъ въ Азіи, всѣхъ важнѣе, по вліянію своему на Европу, союзъ Сянбійцевъ. Составившись на юго-востокѣ Байкала изъ племенъ, которыхъ бѣдные остатки кочуютъ теперь въ снѣгахъ земли русской или на возвышенныхъ степяхъ сѣвернаго Китая, онъ явился съ неотразимою силою въ теченіе первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. Сян-бійцы ударили съ начала на тюркскій союзъ Гіонг-ну, дотолѣ первенствовавшій въ пустыняхъ, и отбросили его далеко на западъ; потомъ обратились на Сѣверный Китай и, завоевавъ его, основали династію *Вей*, властвовавпую со славою въ продолженіе IV-го, V-го и отчасти VI-го столѣтій послѣ Р. Х.

Правленіе дома Вейскаго или Сян-бійцевъ показываетъ, такъ же какъ и династіи монгольская и манджурская, силу государственнаго начала китайскаго; впрочемъ, многія обстоятельства, предшествовавшія завоеванію, представляютъ Сян-бійцевъ какъ народъ склонный къ просвѣщенію и къ кротости нравовъ, чуждой монгольскимъ и тюркскимъ семьямъ *).

Гунны. — Ихъ славянская стихія. — Ихъ борьба съ Германцами.

Отодвинутые Гіонг-ну, Сян-бійцы и жужанскіе Татары налегли на союзъ разноплеменныхъ Уйгуровъ (принадлежавшій по большой части финно-турецкимъ семьямъ, какъ доказано мирзою Каземъ-бекомъ) и погнали ихъ еще далѣе на западъ, къ берегамъ Иртыша, Оби и Волги. Еще прежде напора Сян-бійцевъ, усиленіе Гіонг-ну и Тшессе-Уйгуровъ и завоеванія Китайскаго дома Хановъ уничтожили мало-по-малу бактро-славянскія общины на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Бактріи, отбросивъ ихъ къ югу, гдѣ они основали недолговѣчное царство Индо-Скиѳское и покорили часть индустанскаго Пенджаба, или къ сѣверо-востоку, гдѣ они сплотились подъ именемъ издавна извѣстнымъ Гунновъ и новымъ именемъ приволжцевъ или болгаръ. Новый напоръ съ востока усилилъ приволжцевъ наплывомъ Уйгуровъ, которые вошли въ составъ гунскихъ ополченій, дали ихъ казачеству отчасти средне-азійскій характеръ, а потомъ, послѣ паденія Гунновъ, явились въ исторіи съ самостоятельною дѣятельностью.

Мнѣніе критиковъ, смѣшавшихъ *Гіонг-ну* съ Гуннами Аттилы, давно уже потеряло вѣсъ свой въ мірѣ ученомъ*). Оно еле еще только высказывается страстными поклонниками Средней Азіи и Китая и смѣло повторяется только отсталыми получеными, которые не успѣли еще воспользоваться новѣйшими открытіями. Слава догадки о славянствѣ Гунновъ принадлежитъ Венелину[1]), писателю геніальному, но слишкомъ страстному, слишкомъ мало знакомому съ восточными источниками и слишкомъ мало оцѣненному не совсѣмъ доброжелательною критикою Запада, даже его одноплеменниковъ Славянъ.

Венелинъ уже доказалъ, по свидѣтельству Византійцевъ и западныхъ писателей, славянскій характеръ обычаевъ гунскихъ (особенно замѣчателенъ обычай, сохранившійся въ Россіи — лавокъ пристѣнныхъ), славянство словъ, сохранившихся изъ гунскаго языка (*страва* — поминки; *камосъ* изъ зернового хлѣба, т.-е. *квасъ*, а не *кумысъ*, который дѣлается изъ молока, и т. д.). Прибавимъ, что Гунны не имѣли ничего общаго съ Гіонг-ну (ибо по свидѣтельству Китайцевъ никогда тюркскіе Гіонг-ну не проникали такъ далеко на западъ); что народы, жившіе на сѣверо-востокъ и сѣверъ отъ Бактріи и безъ сомнѣнія отчасти выдвинутые изъ родины своей около начала эры христіанской, были по большей части осѣдлые и не совсѣмъ безъ просвѣщенія (таково свидѣтельство Китайцевъ, воспользовавшихся ихъ художествомъ, напр., въ дѣланіи цвѣтныхъ стеколъ) и не принадлежали къ финно-турецкимъ семьямъ; что громкое имя гунскаго завоевателя Аттилы тождественно съ именемъ, встрѣчаемымъ въ исторіи бактро-гетскихъ царей *Ацицилесъ;* что Гунны совершенно тождественны съ Саками и Славянами по писаннымъ памятникамъ и преданіямъ германскимъ о *Хунабѣ*, *Хунигардіи* и т. д., по древнему свидѣтельству Индустана о *Гуннахъ* и *Сакахъ*, подкрѣпленному свидѣтельствомъ Козьмы Индоплавателя и по свидѣтельству надписей клинообразныхъ о при-евксинскомъ *Гунастанѣ* или *Сакастанѣ;* что первое имя царское, при которомъ являются Гунны, чисто славянское *(Воломиръ);* что вообще имена гунскія были славянскія, по свидѣтельству Іорнанда: «Gothi plerumque mutuantur nomina Hunnorum» (славянскихъ именъ у Германцевъ и Готовъ, какъ извѣстно, множество, особенно у Остготовъ, напр., Валамиръ, Чудомиръ, Видимиръ и др., а едва ли найдется хотя одно финно-турецкое); что Славяне-Венеты составляли главную силу гунскаго ополченія и что, наконецъ, у Византійцевъ тѣ же Славяне-Венеты являются какъ бы потомками Гунновъ, «*отъ которыхъ они получили честность и добродѣтель* *),—и догадка Венелина обращается въ неоспоримый историческій фактъ.

---

[1]) Истор. крит. изслѣдованія, т. I. *Изд.*

Только не должно забывать, что Гунны,—казачество восточныхъ Славянъ,—уже давно приняли примѣсь финно-турецкую (по свидѣтельству Китайцевъ о сильномъ вліяніи *Као-тче* на семьи *Да-гіа*, *Юэти* и *Та-Ванъ*) и что послѣ ихъ движенія на западъ Приволжье подпало власти уйгурскихъ переселенцевъ (а все-таки не Гіонг-ну). Таковъ смыслъ показанія китайскаго объ очередномъ владычествѣ *Алан-ми* (Сарматовъ), *Венна-ша* (Венетовъ и Гунновъ) и *Тше-ссе* (Уйгуровъ, т.-е. Венгровъ, Болгаръ позднѣйшихъ, Половцевъ, мѣшаннаго племени Хазаровъ и др.).

Приливъ Славянъ къ Приволжью отъ юго-востока объясняется напоромъ Гіонг-ну и Уйгуровъ. Усиленіе ихъ приливомъ средне-азійскимъ было послѣдствіемъ побѣдъ Сян-бійцевъ на востокѣ, по свидѣтельству европейскихъ писателей о бѣгствѣ Уйгурцевъ передъ *Сабирами*.

Вмѣсто Сабировъ встрѣчается иногда искаженное имя *Абиръ*, но оно не заслуживаетъ вниманія. Имя *Сабиръ* есть безспорно тождественное съ *Сян—бій*, такъ же какъ *Хаза* и *Хазаръ*, *Манджу* и *Манджуръ*, *Гуей-гуе* и *Юйгуръ* или *Уйгуръ*. Вѣроятно съ именемъ *Сянбиръ* связано слово *Сибиръ*, кажется иногда произносимое какъ *Симбиръ*. Форма и въ концѣ слова придаетъ ему характеръ собирательный (Леть, Ливь, Ямь, Русь и т. д.).

Эрманарикъ и Аттила.

Движеніе Гунновъ на западъ отъ Волги и ихъ завоеванія объясняются исторіею Готовъ. Побѣжденные, или по крайней мѣрѣ, отраженные на Дунаѣ, Готы отложили свою вражду къ Имперіи, вступили съ нею въ союзъ (что̀, впрочемъ, не мѣшало временнымъ ссорамъ), приняли нѣкоторыя начала просвѣщенія и даже отчасти христіанство, избравъ въ самомъ христіанствѣ ученіе Арія, или какъ болѣе доступное ихъ разуму, или (что̀ вѣроятнѣе) какъ болѣе угодное восточному императору. Но, дружась съ Имперіею, служа въ ея войскахъ, ограждая ея границы, Готы безпрестанными войнами расширялись на сѣверъ и востокъ и въ IV-мъ [1]) вѣкѣ основали обширнѣйшее государство изо всѣхъ дотолѣ признававшихъ власть германскаго племени. Столѣтній Эрманарикъ, царь Остготовъ (тогда первенствовавшихъ въ готскомъ союзѣ), властвовалъ надъ берегами Дона и Вислы, Волхова и Дуная. Разрозненныя племена Славянъ, Венеды и Анты, Русь и Новгородъ *(Rocas et Novego)*, вкрапленные между ними, или пограничные Финны, Меря, Весь и др. платили ему дань и повиновались его законамъ. Таково никѣмъ не оспоренное свидѣтельство Іорнанда. Между тѣмъ придонскіе Сарматы-Аланы, первенствовавшіе въ славяно-сарматскомъ союзѣ, ослабли вслѣдствіе самыхъ своихъ завоеваній, а еще болѣе вслѣдствіе двойного напора съ востока отъ независимыхъ Славянъ-Гунновъ и съ запада отъ новыхъ завоевателей, германскихъ Готовъ. Вскорѣ, побѣжденные Гуннами, они утратили свое значеніе въ степяхъ южной Россіи и были принуждены или покориться и служить побѣдителямъ или подчиниться Готамъ.

Между тѣмъ міръ западныхъ Славянъ казался уже близкимъ къ разрушенію. Союзъ Маркоманновъ и Квадовъ, основанный Германцами въ землѣ славянской, принялъ, повидимому, характеръ славянскій.

По крайней мѣрѣ имена царей Аттала и Валамира очевидно не принадлежатъ германскому нарѣчію, и извѣстно, что Нѣмцы называли Валимiромъ и Олимаромъ русскаго Владиміра; впрочемъ, происхожденіе самихъ Квадовъ сомнительно.

Но Маркоманны ослабли; новый германскій наплывъ уничтожилъ самобытность чешскихъ и краинскихъ общинъ; общины Ляховъ привислянскихъ и Вендовъ приодерскихъ были потоплены тѣмъ же наплывомъ Севовъ съ запада или Лонгобардовъ и Саксовъ съ скандинавскаго Сѣвера, заступившихъ мѣсто прежнихъ насильниковъ, уже полуославянившихся Вандаловъ, и Германцевъ, привыкшихъ къ городовому быту славянскаго приморья и получившихъ прозвище *Бургундцевъ* (горожанъ). Общины сѣверной Россіи, Венды и Анты прикарпатскіе и приднѣпровскіе уступили силѣ Готовъ и признали ихъ власть или первенство; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ (напр., на берегахъ Вислы) отпрыски великихъ Алановъ-Сарматовъ, или мѣшанныхъ съ ними кавказскихъ Зиговъ *(Язычи-Адиге)*, ворвавшіеся въ міръ славянскій, оспаривали у Германцевъ право угнетать кроткихъ и миролюбивыхъ туземцевъ. Вездѣ славянская община подпала игу иноплеменной дружины. Готы переполнили мѣру страданій и терпѣнія жестокою казнію князя прикарпатскихъ Антовъ*) и его бояръ.

---

[1]) Въ прежнемъ изданіи по ошибкѣ напечатано II-мъ. *). *Изд.*

Таково свидѣтельство лѣтописцевъ; но по имени князя *Боксъ* или *Бохъ* можно также предположить оскорбленіе какой-нибудь народной святыни и убіеніе жрецовъ.

Кровавое оскорбленіе вызвало жестокихъ мстителей. Гунны, по памяти ли племеннаго братства или по праву, ими усвоенному послѣ паденія Алановъ, считаться главою и покровителями слабыхъ семей славянскихъ, вступились за угнетенныхъ Антовъ и ударили на готскую державу.

Такое мщеніе становится еще понятнѣе, если оскорбленіе было нанесено не лицамъ, а вѣрованію, безъ сомнѣнія не чуждому Гуннамъ. Исторія славянскаго Поморья въ Германіи и Запорожцевъ въ Россіи представляетъ много подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ, ближайшее сродство Гунновъ и Антовъ замѣтно отчасти и въ санскритскихъ писателяхъ, весьма часто соединяющихъ *Гуновъ* и *Андеровъ*; особенная же воинственность Антовъ засвидѣтельствована не только европейскими лѣтописцами, но и преданіями кавказскихъ Адиговъ или Кабардинцевъ на верховьяхъ Ухмары за Кубанью о мирной славѣ *Ванадиговъ* (Вендовъ) и мужествѣ *Антовъ*, которыхъ имя принято за общее названіе богатыря или благороднаго воина.

Новое царство Готовъ не устояло противъ напора восточнаго казачества, вступающагося за угнетенный народъ. Вестготы бѣжали за Дунай, прося убѣжища у римской имперіи и принимая охотно подданство, чтобы спастись отъ гунскаго меча. Побѣжденные Остготы покорились; ихъ столѣтній царь Эрманарикъ погибъ прежде своей державы, и смерть его, торжество Гунновъ и первыя причины къ раздору между великими племенами, увѣковѣченныя смутнымъ преданіемъ, слились въ одно поэтическое цѣлое, въ народную эпопею, общую всѣмъ народамъ германскимъ,—эпопею вполнѣ германскую по характеру и развитію, но вполнѣ чуждую Германіи по своему началу.

Такова поэма *Нибелунговъ*, важная въ глазахъ исторической критики, и таковъ выводъ изъ сличенія ея съ Іорнандомъ и преданіями. Во-первыхъ: Зигфридъ представляется не только *Гунномъ* и *сыномъ гунскимъ* 1) (что можетъ значить *богатырь* и *богатырскій сынъ*), но еще изъ *Гуналандъ**) (изъ страны гунской), а это имя, которымъ въ сагахъ означается Россія, не можетъ безъ натяжки быть принято въ смыслѣ сказочной земли богатырской; оно ясно обозначаетъ землю русскую, какъ и всегда. Во-вторыхъ: Эрманарикъ по сагѣ убитъ братьями дочери Зигфрида, а по Іорнанду двумя братьями изъ рода *Росомановъ* или *Росмановъ**) (Русовъ) въ отмщеніе за смерть сестры; слѣдовательно отецъ убійцъ, Зигфридъ, является человѣкомъ русскимъ (Росманъ), и германская повѣсть о немъ совпадаетъ съ началомъ борьбы между племенами гото-германскими и восточнымъ славянствомъ. Въ этомъ и состоитъ главная завязка Нибелунговъ, хотя она скрывается во множествѣ сказочныхъ подробностей и выставляетъ главными дѣйствователями слабую семью *Бургундовъ*, или потому, что восточные Бургунды, союзники или подручники Готовъ, были примѣшаны къ первоначальной ссорѣ съ Гуннами, или потому, что гибель Бургундовъ прирейнскихъ отъ гунскаго меча смѣшалась въ преданіяхъ съ первыми пораженіями Германцевъ на востокѣ. Аттила (*Этцель* Нибелунговъ) не имѣетъ, какъ уже сказано, ни въ преданіяхъ, ни въ поэмѣ того свирѣпаго характера, съ

---

1) Сигурдъ въ Эддѣ. *). *Изд.*

которымъ онъ долженъ былъ бы явиться, если бы былъ начальникомъ финно-турецкихъ полчищъ. Онъ роскошный царь народовъ осѣдлыхъ и, не будучи самъ Германцемъ, верховный властитель надъ племенами германскими. Бракъ его со вдовою Зигфрида, смерть князей бургундскихъ въ отмщеніе за смерть Зигфрида или гибель самого Аттилы въ отмщеніе за смерть его шурьевъ, принадлежитъ бѣдному вымыслу сказочниковъ; но въ выраженіяхъ Іорнанда, называющаго жену Аттилы mulier vilissima*), видно глубокое почтеніе къ погибшему завоевателю, а въ отношеніяхъ Бургундовъ къ царю гунскому по Нибелунгамъ видна невольная покорность побѣжденныхъ вассаловъ, признающихъ права государя на ихъ личную службу и на случайно пріобрѣтенныя сокровища. Циклъ Зигфрида и Аттилы, самъ по себѣ полный, связывается въ преданіяхъ съ позднѣйшимъ цикломъ героевъ готскихъ посредствомъ Дитриха бернскаго (Ѳеодорика Великаго); но эти два цикла не имѣютъ, очевидно, ничего общаго между собою, и зависимость Дитриха отъ Этцеля указываетъ только на память о временномъ владычествѣ Гунновъ надъ Остготами. Впрочемъ, появленіе Дитриха въ сказкѣ опредѣляетъ отдѣленіе міра германскаго, откинутаго на западъ, отъ міра славянскаго, получившаго самостоятельность на востокѣ. Это довольно близко къ исторіи.

Тутъ исчезаетъ и грозный завоеватель Аттила, и семья Зигфрида, и Гунны и Росманны, между тѣмъ Эрманарикъ еще заключенъ въ періодѣ борьбы не только по исторіи, но и по преданіямъ, и по пѣснямъ, и по сказаніямъ, сохраненнымъ у Саксона Грамматика, разсказывающаго о его плѣнѣ у славянскаго царя Исмара*). Около царя остготскаго, вызвавшаго бурю восточнаго казачества, сосредоточиваются *Гунны, Руссы* и *Славяне*, но самъ онъ исчезаетъ передъ высшими лицами позднѣйшей исторіи или передъ поэтическими образами, созданными воображеніемъ сѣверныхъ народовъ. Періодъ борьбы заключается въ двухъ лицахъ—историческаго Аттилы и сказочнаго Зигфрида. Оба сдѣлались достояніемъ всѣхъ германскихъ племенъ, потому что самая борьба, олицетворенная въ ихъ судьбѣ, измѣнила всю жизнь и направленіе всѣхъ Германцевъ отъ береговъ Ледовитаго моря до юго-западной оконечности Европы и до развалинъ древняго Карѳагена; но оба чужды германскому міру. Руссъ или Росманъ-Зигфридъ, совершеннѣйшій представитель безстрашнаго, но кроткаго удальства, выступаетъ изъ тумановъ неизвѣстной стороны и примыкаетъ къ Германцамъ, какъ союзникъ, готовый подчиниться ихъ первенству. По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ народамъ Сѣвера, мирнымъ, осѣдлымъ и сохранившимъ патріархальную семейность. Когда онъ гибнетъ отъ вѣроломства Бургундцевъ, мщеніе, невозможное для его слабыхъ единоплеменниковъ, предоставляется судьбою Гунну-Аттилѣ. Исторія просвѣчиваетъ сквозь сказку. Но молодость Зигфрида окружена всею роскошью восточнаго вымысла, отзывающагося и до сихъ поръ въ народахъ славянскихъ, царь-дѣвицею *(Брунгильда)*, змѣемъ-горынычемъ *(Фафниръ)*, шапкою-невидимкою *(тарнкаппе)*, карлами, колдунами и несмѣтными сокровищами; имя его похоже на переводъ имени славянскаго, кончающагося на *миръ* (какъ русскій *Владимиръ* и *Воломиръ* или *Хваламиръ*, первый царь Гунновъ въ Европѣ); мечъ его *вельскъ* (Volsk), напоминаетъ столько же *Волгу* (волжскій), откуда шелъ лучшій булатъ, какъ и *Вельшей* (Кельто-Римлянъ); наконецъ, происхожденіе его отъ отца или дѣда *Вальса* указываетъ на *Велеса*, бога сѣверныхъ Славянъ и на преданіе, сохраненное въ игоревой пѣсни о русскихъ князьяхъ, которыхъ поэтъ называетъ внуками *Велеса*. Такова дѣйствительная основа Нибелунговъ; но въ ней, очевидно, примѣшаны остатки другихъ древнѣйшихъ преданій, принадлежащихъ религіозному миѳу о враждѣ боговъ — славянскаго или ванскаго *Фрейра* (Зигфрида) и германскаго одноглазаго *Одина* или *Вотана (Гагена)*. Историческая часть ясна; утраченный же миѳъ можно угадать, но возстановить нельзя. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ же понятіямъ, которыя отзываются въ вымыслѣ о наказаніи *Фрейра* за то, что онъ посягнулъ на престолъ Одина*); и свидѣтельствуетъ о древнемъ соперничествѣ двухъ вѣрованій, изъ котораго проистекло, можетъ быть, и въ русскомъ языкѣ смѣшеніе «одноглазаго» съ «лукавымъ» въ словѣ *кривой* (какъ и въ поговоркѣ: *кривой не входитъ въ царство небѣсное*). Отсутствіе сказаній о Зигфридѣ и Аттилѣ у Славянъ проистекаетъ отъ той же причины, отъ чего происходитъ вообще у нихъ недостатокъ историческихъ сказаній: отъ предпочтенія всего общечеловѣческаго (будь оно въ жизни семьи или лица) всему историческому или случайному.

Освобожденіе славянскихъ племенъ.

Паденіе готскаго царства повлекло за собою уничтоженіе всѣхъ германскихъ княжествъ или аристократическихъ общинъ на востокѣ, бѣгство ихъ на западъ и освобожденіе всѣхъ племенъ, давно уже повиновавшихся имъ отъ Днѣпра до самаго сердца Германіи. Такимъ образомъ мгновенно открылась вся славянская подпочва восточной Европы, освобожденная отъ временнаго наплыва съ запада, и множество славянскихъ народовъ, до тѣхъ поръ не замѣченныхъ исторіею, выступили на историческое поприще.

Это единственное разумное объясненіе гунскаго переворота, доказанное вполнѣ, все еще тревожитъ нѣмецкую критику; ей страшно оторваться отъ прошлыхъ и умершихъ мнѣній и грустно признать старобытность и исконную важность Славянъ въ Европѣ. А все-таки другого объясненія нѣтъ, и наука беретъ свое. Старины не пересоздастъ никакое патріотическое пристрастіе и никакая народная вражда. Положеніе германскихъ ученыхъ довольно смѣшно: имъ не хочется находить Славянъ въ Европѣ; это море народовъ должно съ Гуннами нахлынуть на Европу; даже въ Азіи имъ не хочется видѣть Славянъ. Тамъ все или финно-турецкое, или индо-персидское. Славянъ-то уже и не откуда взять. Безпристрастная наука оправдываетъ и слово Кранція о Гуннахъ: «*ut erubescant qui Asiaticam gentem esse contendunt*», и мнѣнія Полибія о Венетахъ, когда онъ называетъ ихъ въ сравненіи съ Кельтами и Этрусками «*gens longe vetustissima*».

Не великій Аттила создалъ гунское царство. Онъ нашелъ царство готовое отъ Урала до Эльбы и до лѣсовъ Тюрингіи (*Thüringen*, едва ли не древнихъ жителей, *Тверичей*), и это царство не было созданіемъ какой-нибудь сильной личности, но плодомъ дружнаго освобожденія цѣлаго племени отъ нестерпимаго насилія иноплеменниковъ. Славолюбивый завоеватель продолжалъ начатое народомъ и обратилъ войну свободы въ войну мщенія. Таковъ смыслъ его жизни и его похвальбы, когда онъ себя называлъ *Божіимъ бичомъ*. Такова причина, почему его удары были обращены на германскій и западный міръ, а не на ближнюю и богатѣйшую Византію. Мгновенный блескъ военной славы озарилъ народы славянскіе. Все германство покорилась, за исключеніемъ немногихъ семей, напр., Вестготовъ, бѣжавшихъ въ далекую Галлію и спасенныхъ дальностью, остатками римской имперіи и мечомъ Аэція. Западная имперія получила смертельный ударъ, отъ котораго уже не могла оправиться; судьба Европы измѣнилась. Послѣ смерти Аттилы царство его распалось. Союзъ славянскій утратилъ свою цѣлость; но великое дѣло историческое было совершено.

Побѣды Гунновъ возвратили свободу Славянамъ вездѣ, гдѣ они еще сохранили свою народность.

На западѣ они уже измѣнились не только въ Галліи, но и въ древней Винделикіи и въ западныхъ Альпахъ и въ Тиролѣ; впрочемъ, нѣкоторыя семьи освобождены были даже на берегахъ Рейна и Майна и погибли уже въ позднѣйшее время. Отъ нихъ сохранились только нѣкоторые обычаи и ясно-славянскія имена урочищъ, напр., *Выгиница*, *Седлица*, *Городица*, *Радовица*, *Сырница*, *Рейница* и др.

Побѣды Аттилы утвердили навсегда самобытность освобожденныхъ народовъ и самобытностъ восточно-иранскаго племени въ Европѣ. Его великимъ подвигомъ утверждена возможность Руси, Польши и всѣхъ историческихъ царствъ славянскихъ, но направленіе, данное имъ своему народу, имѣло также и дурные послѣдствія. Обширная земля славянская была очищина отъ утѣснителей: Свевы, Вандалы, Герулы (вѣроятно предки позднѣйшихъ Литовцевъ *), Бургунды и другіе были выброшены изъ Чехіи, Польши, Венгріи, страны прикарпатской и поморія балтійскаго, Готы изъ Россіи, за исключеніемъ крымскихъ горъ, гдѣ они еще долго сохраняли независимость или по крайней мѣрѣ самобытность; сарматскіе Азы-Алане отброшены на западъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ другими мѣшанными племенами (какъ, напр., *Аз-міяне*, *Аз-іоты*, и пр.). Сила Яз-зиговъ сокрушена, и отъ Сарматовъ уцѣлѣла только та часть, которая, вмѣстѣ съ Вендами, завоевавъ Скандинавію, основала на сѣверѣ цѣлую систему народовъ, обнимавшую Норвегію, Швецію, острова Даніи, Сѣверную Россію (т. е. Новгородъ и его союзъ) и отчасти балтійское поморье. Въ послѣдствіи германская стихія подавила всѣ другія въ области издревле германской; славянская сохранилась въ чистотѣ въ области издревле славянской; но система народовъ долго не распадалась и, распавшись, положила начало великой Руси. Таковы были добрые плоды гунскаго завоеванія. Зло заключалось въ преобладаніи воинственной стихіи, долго бросавшемъ Славянъ на область задунайскую и удалявшемъ отъ нихъ возможность просвѣщенія. Это зло было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ долгаго утѣсненія отъ воинственныхъ дикарей, дружиннаго характера Гунновъ-освободителей, сильной примѣси средне-азійскихъ Уйгуровъ и особенно направленія, даннаго Аттилою. Можетъ быть, еще большее зло заключалось въ ослабленіи азіатской границы. Побѣдители Германцевъ, удаляясь отъ Волги, оставили ея берега почти безъ защиты, въ добычу финно-турецкимъ семьямъ и открыли свободный доступъ восточнымъ завоевателямъ въ придонскую и приднѣпровскую степь. Семьи Славянскія, оставшіяся на Волгѣ, скоро сдѣлались добычею Уйгуровъ и другихъ воинственныхъ пришельцевъ. Иныя исчезли безъ слѣдовъ; другія сдѣлались рабами утѣснителей, называвшихся ихъ владыками и пользовавшихся ихъ трудами и промышленностью (такъ напр., ханъ земли бомарской назывался *владыкою Саклабовъ* и богатился славянскою торговлею); наконецъ, всѣ степи между устьями Дуная и Волги сдѣлались добычею кочевыхъ племенъ, отодвинувшихъ Славянъ далеко на сѣверъ и на сѣверозападъ, и давнишняя война между кочевьемъ и селомъ продолжалась до полнаго развитія русской силы.

Кочевье еще и теперь не исчезло въ южной Россіи; но оно покорилось осѣдлому племени и само мало-по-малу принимаетъ начала осѣдлости или уходитъ робко въ азіатскую степь. Кончилась война, которая такъ долго грозила уничтоженіемъ мирнымъ выходцамъ восточнаго Ирана и которую полу-эллинскіе художники приевксинскихъ городовъ символизировали, какъ видно изъ множества памятниковъ, борьбою журавля перехожаго и пигмея-землепашца.

Распаденіе римской имперіи.—Діоклетіанъ и Константинъ.

Великій переворотъ въ сѣверо-восточной Европѣ рѣшилъ судьбу римской имперіи. Діоклетіанъ уже чувствовалъ невозможность ея правительственнаго единства и далъ ей видъ федераціи, довольно нестройной, не связанной никакими опредѣленными условіями, но скрѣпленной неоспоримымъ единствомъ духа и выгодъ. Раздѣлъ ея на восточную и западную половины не имѣлъ ничего общаго съ древнимъ обычаемъ двойственности консульской; самый раздѣлъ, такъ же какъ и опредѣленіе границъ между двумя половинами, былъ выраженіемъ тайнаго сознанія о двойственности состава Имперіи изъ самобытно-образованной области и области, завоеванной образованностью. Царственная роскошь и восточные обычаи Діоклетіанова двора, съ одной стороны, воинственный характеръ двора Максиміанова, съ другой, свидѣтельствовали о торжествѣ мѣстныхъ началъ и о гибели римскаго единства; но сила этого стараго единства, невольно совокупляющаго разнородныя стихіи, снова появилась послѣ отреченія Діоклетіана въ борьбѣ между его преемниками, стремившимися къ безусловному и нераздѣльному владѣнію всею Имперію. Побѣду одержалъ Константинъ, превосходившій соперникомъ дарованіями, воинскою доблестію и нравственнымъ достоинствомъ. Во время трудной борьбы, по внутреннему ли убѣжденію собственнаго разума, по расчету ли дальновидной политики, онъ принялъ христіанство и пріобрѣлъ союзъ всѣхъ христіанъ, составляющихъ едва ли не большую половину народонаселенія Имперіи. Побѣдивъ, онъ возвелъ съ собою христіанство на престолъ и началъ новую эпоху для міра. Его царствованіе представляетъ полное отреченіе отъ прежней жизни Рима. Подобно Діоклетіану полюбилъ онъ обычаи и жизнь пышнаго и просвѣщеннаго Востока, блескъ и величанія царскія; болѣе самаго Діоклетіана почувствовалъ онъ превосходство восточныхъ областей надъ западными. Римъ одряхлѣлъ и вымеръ. Давно уже кочевали императоры по имперiи, то странствуя съ войсками по вѣчно-угрожаемымъ границамъ, то временно отдыхая во временныхъ столицахъ. Римъ, мертвый, развратный и идолослужебный, ничтожный по жителямъ, по просвѣщенiю и торговлѣ, былъ противенъ государю исполненному силъ и жизни, политику разсчетливому и прозорливому, христiанину новому и ревностному. Подъ благодатнымъ небомъ, въ мѣстоположенiи величественномъ и прекрасномъ, надъ узкимъ проливомъ, соединяющимъ Черное море съ Средиземнымъ, на важнѣйшемъ перепутiи всемiрной торговли онъ создалъ новый городъ и новую столицу. Византiя, нѣкогда важная и богатая колонiя Эллиновъ, почти опустѣлая послѣ двухлѣтней борьбы съ грознымъ Септимiемъ, была избрана мѣстопребыванiемъ императора; она забыла свое прежнее имя и, принявъ имя новаго своего строителя, сохранила его до нашего времена, несмотря на измѣненiе своихъ жителей и историческихъ судебъ.

Выводъ слова Стамбулъ изъ *Ис-танъ-полинъ* просто нелѣпъ: *Стамбулъ* есть только искаженiе слова *Кон-стан-тино-полисъ* съ пропускомъ перваго и двухъ среднихъ[1]) слоговъ, точно такъже, какъ имя *Фулинъ*, данное ему и имперiи византiйской Китайцами, есть только полнѣйшее сокращенiе того же слова.

Выборъ Константина, какъ градостроителя, оправданъ вѣками; проницательность его, какъ государя, угадавшаго истинную силу государства, свидѣтельствуется долговѣчностью восточной имперiи, пережившей западную почти тысячелѣтiемъ; вѣрность его взгляда на духовное состоянiе подданныхъ (не говоря уже о достоинствѣ его внутренняго убѣжденiя) доказывается безплодною попыткою позднѣйшаго императора въ пользу древняго идолослуженiя и живымъ всеобщимъ участiемъ Имперiи въ спорахъ, возмутившихъ спокойствiе церкви, вскорѣ послѣ возведенiя христiанства на степень не только терпимаго, но и преобладающаго исповѣданiя. Царствованiе перваго изъ христіанскихъ государей возвратило Имперіи временное единство и спокойствіе, и имя Константина, умиривщаго ее и прославившаго ее торжествами надъ враждебными народами остается однимъ изъ величайшихъ именъ историческихъ, несмотря на небрежность во внутреннемъ управленіи Имперіею, на подозрительность и излишнюю жестокость, омрачившія его старость*).

---

[1]) Явная описка вмѣсто „одного средняго“. *Изд.*

Обращеніе Константина.—Свойство онаго.

Великій подвигъ былъ совершонъ Константиномъ. Духовное начало, способное возвратить жизнь государству, было торжественно признано. Но христіанство не принесло всѣхъ своихъ плодовъ. Его послѣдователи умножились быстро, но едва ли не быстрѣе еще развратились. Теплая вѣра замѣнилась холодною привычкою или равнодушнымъ подраженіемъ чужому примѣру: уши, закрытыя для проповѣди евангельской, открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане-мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обращеніе Константина продлило на многіе вѣка существованіе византійской имперіи: но Имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т.-е. какъ государство) она не приняла христіанства. Законы и общественная жизнь остались равнодушными къ перемѣнѣ исповѣданія. Слово евангельское просвѣтило совѣсть человѣка, но не коснулось совѣсти гражданина или, не создавъ гражданства новаго и унизивъ прежнее передъ идеею человѣчества, ослабило узы, связывающія государственное тѣло. Безъ христіанства не уцѣлѣла бы такъ долго восточная половина Имперіи; но вся Имперія распалась бы, вѣроятно, не такъ скоро. Внутренній переворотъ былъ невозможенъ, и римская держава, созданная древнею жизнію, не могла уже принять той жизни, которою впослѣдствіи создана новѣйшая исторія.

Оттого-то и Византія прожила средніе вѣка и породила Россію, оставаясь чуждою и среднимъ вѣкамъ, и Россіи.

Въ этомъ внутреннемъ разногласіи человѣка христіанскаго и государства, сохранившаго все наслѣдство идолопоклонства, въ этомъ невольномъ отчужденіи духа человѣческаго отъ тѣла общественнаго, а не въ самомъ христіанствѣ заключается причина слабости, распаденія и гибели Имперіи. Аскетизмъ былъ не причиною, а послѣдствіемъ общественной болѣзни.

Этого-то, кажется, до сихъ поръ и не поняли историки. Они искали объясненій и, не доискавшись, выдумывали безмыслицу. Такъ, напр., они обвинили христіанство не только въ неблаговоленіи къ военнымъ подвигамъ, но и въ запрещеніи службы военной. Причина, почему христіане избѣгали службы вообще, а военной въ особенности, во время гоненій, объяснена выше; но въ войскѣ государей не гонителей, напр., Константина до его обращенія, служило множество христіанъ. Въ этомъ порукою преданіе, а еще болѣе здравый смыслъ. По всѣмъ вѣроятностямъ были изъ христіанъ и такіе, которые не понимали причинъ, почему епископы запрещали военную службу при государяхъ-гонителяхъ, и которые считали самую войну преступленіемъ; но такія исключенія не имѣли послѣдствій и слѣдовательно не имѣютъ значенія историческаго. Слѣпота критики происходитъ отъ излишняго поклоненія римской древности и римскому праву. Западъ получилъ отъ Рима богатое наслѣдство науки юридической и, воспользовавшись имъ, не могъ его оцѣнить безпристрастно. Онъ назвалъ римское право писаннымъ разумомъ (ratio scripta) и не безъ причины, по строго-логическаму развитію его; но не замѣтилъ шаткости и произвольности основъ, взятыхъ изъ грубаго и случайнаго факта, не созданныхъ и не проникнутыхъ духомъ человѣческимъ. Оттого-то въ паденіи Имперіи и въ явномъ разногласіи христіанства съ обществомъ, устроеннымъ Римомъ, онъ обвиняетъ христіанство или случайность вещей человѣческихъ. Не утверждаемъ, чтобы христіанство содержало лучшія основы права государственнаго и гражданскаго; но очевидно, оно не могло удовлетворяться прежними и было справедливо въ своихъ притязаніяхъ. Случайность же разрушаетъ только то, что основано на случайности и что носитъ въ себѣ начало своего разрушенія.

Послѣ Константина Имперія приняла снова форму федераціи, такъ же какъ при Діоклетіанѣ; но къ федераціи было примѣшано начало семейнаго престолонаслѣдія, всегда охотно принимаемаго послѣ великихъ государей. Новыя междоусобія кончились вторичнымъ сосредоточеніемъ власти въ одной рукѣ; но единство государя мало прибавило къ его силѣ. Правитель Констанцій былъ недостоинъ своего высокаго званія, и дикіе сосѣди стали со всѣхъ сторонъ вторгаться въ римскіе предѣлы. Внѣшняя слабость была сопряжена съ внутреннимъ раздоромъ; и раздоръ происходилъ отъ той самой церкви, которая могла и должна была умирить государство.

Церковныя распри.—Аріанство.—Его послѣдствія.

Строгій приговоръ современной науки заклеймилъ стыдомъ или осудилъ на посмѣяніе богословскіе споры, такъ долго возмущавшіе спокойствіе и истощавшіе силу римской имперіи. Ихъ политическія послѣдствія оцѣнены, можетъ быть, справедливо (ибо государство дѣйствительно страдало отъ нихъ); но ихъ необходимость и внутреннее достоинство оставлены безъ вниманія. Вѣра содержитъ въ себѣ два начала, необходимо связанныя другъ съ другомъ: одно, живое и дѣятельное, опредѣляетъ жизнь и дѣятельность человѣка; другое, страдательное и сознающее, опредѣляетъ кругъ и предѣлъ его знанія. Оба требуютъ развитія: одно въ бытѣ частномъ и общественномъ, другое въ формѣ наукообразной. Первое начало выразилось въ отношеніи къ частной жизни съ особенною силою во время борьбы съ идолопоклонствомъ и мученическихъ побѣдъ; но и второе не оставалось безъ развитія, какъ извѣстно изъ споровъ Церкви съ Эбіонитами и Гностиками. Оно ждало внѣшняго мира для развитія полнѣйшаго и развилось съ тѣмъ большею силою, что первое, измѣнивъ и улучшивъ частный быть, встрѣтило непреодолимую преграду въ каменной мертвенности быта государственнаго. Борьба христіанскаго знанія при императорахъ римскихъ и византійскихъ, какія бы ни были ея политическія послѣдствія, заслуживаетъ уваженія потомства и свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ духа человѣческаго, облагороженнаго христіанствомъ и потребовавшаго ясности и логической опредѣлительности отъ своей новой вѣры. Борцы этого знанія должны занять высокое мѣсто между историческими дѣятелями въ области человѣческаго духа.

Особенно разительно въ сужденіи объ эпохѣ, послѣдовавшей за Константиномъ, мнѣніе нѣмецкихъ ученыхъ, за весьма немногими исключеніями. Германія, положившая душу свою на трудъ небезплодный, но безспорно слишкомъ односторонній, философскаго мышленія, совсѣмъ не снисходительна въ приговорѣ надъ вѣками, посвятившими силу своей мысли философіи христіанскаго знанія. Между тѣмъ ясно, что иное было развитіе человѣчества подъ условіемъ исповѣданія, утвержденнаго соборами; иное было бы оно подъ условіемъ другихъ исповѣданій; слѣд. труженики Восточной имперіи были во многихъ отношеніяхъ создателями всей новѣйшей исторіи. Глубокій и живой интересъ всего эллинскаго міра въ дѣлѣ религіознаго спора, такъ же какъ и тонкости самаго спора, свидѣтельствуютъ о высокой степени просвѣщенія, недоступной міру, созданному насиліемъ Римскаго меча. Закованный въ чуждое просвѣщеніе, дикарь Галліи и Испаніи оставался постоянно равнодушнымъ къ вопросамъ, волновавшимъ Элладу, Сирію и Египетъ. Что же? Долѣе ли уцѣлѣлъ онъ передъ нашествіемъ дикаря зарейнскаго? Страсть къ вопросамъ духовнаго знанія была признакомъ внутренней силы духа, и Восточная имперія, долго переживъ Западную, доказала, что въ ея вѣчномъ волненіи было болѣе крѣпости, чѣмъ въ тупомъ равнодушіи Запада. Но Западная Европа вообще не благоволитъ къ Восточной.

Первый и важнѣйшій споръ былъ поднятъ Аріемъ. Краснорѣчивый и хитрый, ученый и вкрадчивый, онъ употребилъ всѣ возможныя орудія для распространенія своего ученія, трудясь неутомимо и страстно, въ одно время угождая суевѣрію и пугая многобожіемъ; возстановляя тщеславіе придворныхъ и императоровъ противъ власти епископовъ и увлекая народъ прелестью пѣсенъ и музыки, отзывающихся древнимъ искусствомъ.

Послѣднее средство было впослѣдствіи употреблено знаменитымъ основателемъ протестантской реформы и его подражателями съ такимъ же успѣхомъ, но, кажется, съ большею чистотою намѣренія.

Успѣхъ Арія оправдалъ вѣрность его расчетовъ и показалъ неопредѣленность христіанскаго знанія. Едва ли не половина народа (особенно на Востокѣ) и весь дворъ пристали къ нему. Народы дикіе, ближайшіе сосѣди Восточной имперіи и отчасти ея союзники (напр., Готы), принимая въ себя сѣмена христіанства, обратились въ аріанство, которое казалось имъ преобладающимъ исповѣданіемъ. Епископы были угнетены, сосланы, заключены въ темницы и принуждены насиліемъ или завлечены хитростью къ согласію съ новымъ ученіемъ. Патріархи Востока и епископъ римскій, почетнѣйшее лицо въ западномъ духовенствѣ, покорились и подписали рѣшеніе собора медіоланскаго*). Торжество казалось полнымъ; но остались еще немногіе страдальцы, сильные духомъ и словомъ, которыхъ не покорилъ страхъ, не увлекли обольщенія. Передъ ихъ твердостію и внутреннею логикою ихъ ученія пало со временемъ Аріанство; но оно не оставило многовѣчные и гибельные слѣды въ исторіи человѣчества.

Само по себѣ ученіе аріево было полнымъ отрицаніемъ христіанства. Въ основѣ своей оно сливалось съ древнимъ ученіемъ Евреевъ, оставляя его безъ дальнѣйшаго развитія въ видѣ неопредѣленнаго единобожія. Въ принятіи догмата объ искупленіи оно необходимо или предполагало Искупителя несовершеннымъ и впадало въ грубое ученіе Кушитовъ о заклинаніи, или, предполагая его совершеннымъ, унижало человѣчество, отрицая возможность вочеловѣченія самого Божества, и унижало Божество, допуская возможность нравственнаго совершенства внѣ Божества. Такимъ образомъ оторванъ былъ человѣкъ отъ Бога; и нравственное совершенство (совершенство воли) обращалось въ случайность. Внутренняя логическая связь христіанства расторглась безъ возврата.

Не разсматривая внутренняго достоинства разнородныхъ ученій, мы считаемъ необходимымъ представить ихъ отношенія къ ученію, восторжествовавшему на соборахъ и положившему начало новой исторіи. Этого требуетъ и самый смыслъ исторіи и справедливость къ трудамъ времени прошедшаго, вообще неправедно униженнаго.

Политическія послѣдствія аріевой смуты отозвались во всей исторіи Европы въ продолженіе многихъ столѣтій. Раздѣленіе народа на два враждебные стана и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили Имперію, открыли варварамъ свободный доступъ въ ея предѣлы и были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій государственныхъ при Валентѣ. Народы германскаго племени, вторгшіеся въ область римскую и откинутые на западъ въ слѣдствіе гунскаго напора и устойчивости византійской, перенесли съ востока въ области западной имперіи, ими завоеванныя, аріанство, враждебное новопокоренному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побѣдителями, стало со дня на день болѣе обращаться къ патріаршескому престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и платя ему за покровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдѣлаться защитникомъ никейскаго исповѣданія. Они нашли его въ дружинѣ Клодовига, и постоянный союзъ римскаго духовенства отдалъ на многіе вѣка всю судьбу Западной Европы въ руки Франковъ, племени воинственнаго, но свирѣпаго, развратнаго и лукаваго. Наконецъ, противодѣйствіе аріанству въ Испаніи подало поводъ къ толедскому собору и къ рѣшенію, разорвавшему весь міръ христіанскій на двѣ половины, чуждыя и даже враждебныя другъ другу.

Юліанъ.

Споры о догматахъ были перерваны временнымъ возстановленіемъ язычества. Его числительная сила выразилась въ быстромъ и безпрепятственномъ торжествѣ; его духовное безсиліе въ мгновенномъ и безвозвратномъ паденіи. Востановитель язычества, Юліанъ, остроумный софистъ, риторъ не безъ краснорѣчія, достойный ученикъ философскихъ школъ умирающей Эллады, отличался умомъ быстрымъ и предпріимчивымъ, блистательными воинскими дарованіями и неутомимымъ славолюбіемъ. Идолопоклонство имъ возобновляемое, не было тѣмъ случайнымъ, нестройнымъ и безсмысленнымъ синкретизмомъ, который составлялъ религію эллино-римскаго міра, но символизаціею новыхъ философскихъ ученій, въ которыхъ произвольный мистицизмъ являлся съ притязаніями на логическую послѣдовательность. Имена древнихъ боговъ сохранялись; смыслъ имъ приписывался новый, далекій отъ народнаго повѣрія и неясный для самихъ нововводителей. Въ Юліанѣ выражались вражда къ христіанству, общая всѣмъ философскимъ школамъ того времени, и желаніе основать вѣру новую, давнишняя надежда неоплатониковъ, а не безусловная любовь къ языческой древности и не притязаніе государства быть единственною религіею всѣхъ граждань,—притязаніе навсегда убитое христіанствомъ. Въ средствахъ, употребленныхъ для возстановленія язычества и для угнетенія христіанъ, грубое насиліе прежнихъ императоровъ, уже едва ли возможное, замѣнялось по большей части ядовитою насмѣшкою, полуученою критикою христіанскаго ученія и еврейскаго преданія, лестью гордости народной, великолѣпіемъ обрядовъ идолослуженія, хитрымъ устраненіемъ христіанъ отъ источниковъ просвѣщенія, наконецъ соблазнами и обманами, не достойными ни государя, ни человѣка. За всѣмъ тѣмъ успѣхъ былъ ничтоженъ, и это ничтожество зависѣло отчасти отъ характера императора, отчасти отъ его ученія. Явное безвѣріе философа, созидающаго себѣ произвольные, слѣдовательно условные предметы поклоненій и безпрестанно просящаго помощи отъ аналитической науки, рѣзко разногласило съ старушечьимъ суевѣріемъ, трепещущимъ передъ нелѣпыми заклинаніями кушитскаго міра. Въ личномъ характерѣ Юліана мужество болѣе блестящее, чѣмъ благоразумное, умъ болѣе острый, чѣмъ послѣдовательный, доброта неоспоримая, но не всегда соединенная съ правосудіемъ, простота нравовъ, напоминающая не древній Римъ, но Діогенову школу, и цѣломудріе, зависящее можетъ быть, отъ физическаго организма, но странное въ язычникѣ, были недостаточными вознагражденіями за отсутствіе разумной цѣли, величавой откровенности, политической мудрости и той цѣлости душевной, безъ которой люди могутъ быть знаменитыми, но никогда не бываютъ великими.

Часто сравниваютъ Юліана съ его предшественникомъ — Константиномъ. Такое сравненіе показываетъ или великое пристрастіе, или крайнее тупоуміе. Константинъ понялъ вѣкъ и его потребности; Юліанъ былъ къ нимъ совершенно слѣпъ. Сверхъ того, ясно, что основатель Византіи и христіанской имперіи былъ созданъ въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ мелкіе размѣры софиста, взявшагося за возстановленіе язычества. Нельзя не замѣтить, что крутой, строгій и холодный Константинъ напоминаетъ Англію (тогда еще Британію), въ которой онъ родился[1]) или провелъ раннюю молодость, и что суетно-тщеславный, самоувѣренный, но любезный въ домашнемъ бытѣ Юліанъ представляетъ разительное сходство съ любимымъ его Парижемъ (тогдашнею Лутеціею). Впрочемъ, первый былъ воспитанникомъ практической жизни, а второй питомцемъ умствующихъ школъ.

Царствованіе Юліана было не безславно. Римскіе легіоны подъ его предводительствомъ врывались въ лѣса Германіи и устрашали персидскую державу; но всѣ эти подвиги остались безъ плода, и усилія его въ борьбѣ съ христіанствомъ послужили только къ указанію безсилія и къ скорѣйшему паденію язычества. Нельзя безъ улыбки читать разсказъ о рѣзнѣ быковъ и овецъ при дворѣ императора-философа или безъ негодованія вспомнить о его хитрыхъ гоненіяхъ на христіанъ; но нельзя также отказать въ состраданіи ранней смерти молодого полководца среди его побѣднаго поприща.

Впрочемъ, произнося приговоръ надъ Юліаномъ, не должно забывать, что исторія въ нѣмъ безусловно порицала много такого, что̀ она же привыкла безусловно хвалить въ Маркѣ Авреліи.

Съ Юліаномъ пресѣкся родъ Константина Великаго. Неправильное избраніе возвело на престолъ новыхъ императоровъ, и скрытая двойственность въ составѣ Имперіи потребовала снова ея раздѣла на Западъ и Востокъ. Аріанскіе споры и натискъ дикарей германскихъ нанесли ей тяжелые удары. Франки и Алеманны безпрестанно прорывались черезъ рейнскую границу. Персіяне громили берега Евфрата и Сиріи; Готы, бѣжавшіе передъ мечомъ Гунновъ, сперва дружелюбно принятые, потомъ нагло обманутые и притѣсненные въ римскихъ предѣлахъ, опустошали всю область отъ Дуная до южной оконечности Пелопонеса. Сильная рука Ѳеодосія возстановила на время падающее государство. При немъ христіанство получило новое значеніе. Константинъ и его преемники вступили въ христіанскую общину, не измѣняя ничего въ прежнемъ порядкѣ государственномъ; христіанство было еще только личною вѣрою императора и большинства его подданныхъ: Ѳеодосій призналъ его вѣрою самаго государства.

---

[1]) Болѣе чѣмъ сомнительно. *Изд.*

Первый шагъ былъ сдѣланъ Граціаномъ, отказавшимся отъ званія первосвященника (pontifex maximus)*), сохраненнаго еще ближайшими преемниками Константина. Отреченіе Граціана отъ этого званія и въ то же время его римское убѣжденіе въ необходимости первосвященника достаточно объясняютъ законъ того же императора, утвердившій первенство епископа римскаго передъ другими епископами Запада. Это было учрежденіе государственное, а не церковное, и оттого оно сначала не имѣло никакой важности въ смыслѣ религіозномъ.

Ѳеодосій. Христіанство какъ государственная религія Рима.

Признаніе ученія апостольскаго вѣрою государственною имѣло важныя послѣдствія, мало и даже едва ли замѣченныя исторической критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ богомъ для всѣхъ гражданъ.

Такова причина, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами и почему множество гражданъ сдѣлались христіанами при Константинѣ. Императоръ, какъ представитель Имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ.

Ѳеодосій пользовался тѣмъ же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ же нехристіанскомъ смыслѣ. Высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ. Ревность великаго правителя ввела его въ ошибку, къ несчастію отзывающуюся черезъ 14 вѣковъ даже до нашего времени.

Отъ этой ошибки пролиты были потоки крови, горѣли позорные костры инквизиціи, и Западная Европа приняла въ общее употребленіе слово *Религія*, какъ замѣну слова *Вѣра*, между тѣмъ какъ для мыслителя въ ихъ значеніи нѣтъ ничего общаго.

Другое послѣдствіе того же закона было не менѣе гибельно, особенно для исторіи. Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ: ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью.

Мы говоримъ не безусловно, но въ явномъ смыслѣ христіанской догматики.

Имперія, объявляя себя христіанскою. присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т.-е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала, какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ; такимъ образомъ освящалось извнѣ то, что̀ въ себѣ внутренней святости не имѣло; глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властью, и идея государства истинно христіанскаго исчезла изъ сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ. Имперія, отнявъ лучшую цѣль у лучшихъ и самыхъ энергическихъ душъ, обрекла себя на безсиліе и смерть 1).

За всѣмъ тѣмъ Ѳеодосій заслуживаетъ имя великаго государя, часто оспариваемое у него пристрастіемъ новѣйшихъ

---

1) Ср. III т. стр. 337 и предш. *Изд.*

историковъ. Ошибки его принадлежатъ его вѣку и римскому воспитанію; его подвиги и достоинства принадлежатъ ему самому. Послѣдній изъ императоровъ, правившихъ всѣмъ римскимъ міромъ, онъ окончательно раздѣлилъ его на двѣ половины, которымъ уже суждено было никогда не срастаться и подвергнуться совершенно различнымъ судьбамъ. Имперія римская кончилась съ Ѳеодосіемъ; послѣ него уже являются въ исторіи двѣ имперіи: Западная и Восточная, почти совершенно чуждыя другъ другу и только слабо связанныя единствомъ вѣры и необходимостью сражаться противъ общихъ враговъ.

Недоброжелательные историки, судя Ѳеодосія, ставятъ ему въ величайшій попрекъ жестокое наказаніе Ѳессалоники. Мгновенный взрывъ страсти, смѣло уличенный современнымъ епископомъ, осужденный и наказанный самимъ Ѳеодосіемъ, не можетъ быть вполнѣ оправданъ; но безпристрастіе критики исторической обязано замѣтить, что Антіохія, болѣе виновная передъ императоромъ, была прощена и что въ преступленіи Ѳессалоникійцевъ основою было такое отвратительное нарушеніе всѣхъ нравственныхъ законовъ, которое извиняетъ неумѣренность въ негодованіи императора.

Ѳеодосій, слишкомъ рано умирая, оставилъ своимъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ-сыновьямъ государство съ границами не нарушенными, войско привычное къ побѣдѣ, союзниковъ или наемниковъ, привычныхъ къ покорности, полководцевъ достойныхъ исторической славы. Но Имперіи ничто уже не могло спасти; гибель ея была ускорена ничтожествомъ правителей.

Истинная причина разрушенія римскаго міра лежала въ его внутренней разрозненности, какъ общественной, такъ и духовной, въ отсутствіи жизненнаго единства и въ истощеніи всѣхъ государственныхъ стихій. Ближайшимъ поводомъ къ разрушенію былъ натискъ германскихъ, по преимуществу же готскихъ семей, сперва направившихся на юго-востокъ, а потомъ отброшенныхъ на западъ противодѣйствіемъ восточно-иранскаго, т.-е. славянскаго міра.

Разрушеніе римской имперіи на Западѣ.—Гунны и Готы.

Не долго длилось владычество Гунновъ. Основанное на требованіяхъ славянскихъ общинъ, долго стонавшихъ подъ игомъ чуждыхъ племенъ и жадно ожидавшихъ своего освобожденія, созданное приливомъ воинственныхъ стихій изъ закаспійской стороны, древней колыбели славянства, возвеличенное могучею личностью Аттилы, оно разрушилось, какъ скоро умеръ великій вождь, истощилось дѣйствіе козацкаго или дружиннаго прилива съ востока и совершился подвигъ освобожденія. Таково объясненіе мгновеннаго распаденія гунской державы. Оно было плодомъ противодѣйствія почти невольнаго внѣшнему насилію, а не сознаннаго стремленія къ государственному единству. Въ самой Азіи движеніе Гунновъ отъ сѣвера къ югу было прямымъ послѣдствіемъ напора восточныхъ и средне-азійскихъ народовъ, Сян-бійцевъ, Гіонгну и союза уйгурскаго. Восточный Иранъ и Индустанъ подпали ихъ власти, Парояне и преемники Пароянъ, персидскіе Сассаниды, трепетали передъ ихъ могуществомъ. Царство ихъ гремѣло подъ разными именами Саковъ и Гетовъ, Андгра, Ванада и Сака, и наконецъ было вообще извѣстно подъ именемъ Гунновъ, какъ видно изъ историческихъ сказаній Пенджаба и особенно Декана и изъ сказаній Персіи о Гуннахъ Эфталитахъ. Въ Индустанѣ они слились съ туземцами или погибли въ долгой борьбѣ, въ Иранѣ они были побѣждены Персіянами и наконецъ уничтожены почти всемірными побѣдителями—Аравитянами; но многія преданія, мѣстности, памятники и монеты свидѣтельствуютъ о долгомъ ихъ владычествѣ.

Историки дѣлаютъ различіе между разными Гуннами, просто Гуннами, бѣлыми Гуннами и Гуннами Эфталитами и т. п. Все это просто безсмыслица. Была эпоха особенной славы для восточнаго козачества Славянъ, и имя его, безспорно происходящее отъ корня *юнъ* и соотвѣтствующее южно-славянскому слову *юнакъ*, сдѣлалось общимъ именемъ многихъ восточно-иранскихъ семей, слившихся въ одинъ союзъ. Въ этотъ союзъ входило по разнымъ мѣстамъ болѣе или менѣе инородныхъ стихій, гдѣ турецкихъ, гдѣ финскихъ, гдѣ кавказскихъ, т.-е. иверскихъ и кельто-кумрійскихъ; но коренная основа была вездѣ одинакова. Оттого въ сказаніяхъ Декана (или *Дакшана-двипа)* земля Гунновъ называется *Гуна-вара*, точно такъ же какъ у европейскихъ лѣтописцевъ *Гуниваръ*; оттого деньги Гунновъ Эфталитовъ и Саковъ бактрійскихъ *) представляютъ славянскую ухватку (рука упертая въ бокъ), чисто-славянское поличье (въ этомъ согласится всякій безпристрастный наблюдатель) и чисто-славянскую одежду, шапку околышемъ (и, кажется, даже въ иныхъ монетахъ широкополую шляпу), охабень, что-то похожее на терликъ и, что̀ еще важнѣе, широкіе порты и *рубаху сверхъ портовъ* (черта чисто-славянская). Впрочемъ, послѣ всего свода новѣйшихъ открытій смѣшно бы было еще доказывать восточно-иранское начало Гунновъ. Оно можетъ казаться сомнительнымъ только тому, кто повѣритъ, что Малая Азія или ея приевксинская часть (*Сакастана* или *Гунастана* надписей клинообразныхъ) была искони населена Финнами. Упрямство ошибокъ, основанныхъ на полуучености, сбиваетъ съ толка всѣхъ критиковъ Западной Европы, всякій разъ какъ дойдетъ дѣло до племенъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ отъ Каспія и Арала. *Туранцы* были де непремѣнно племя средне-азійское, а почему? Развѣ потому, что Иранцы ихъ считаютъ своими родными братьями (ибо *Туръ*-братъ *Иреджа*), а Индійцы своими единоплеменниками, утратившими чистоту ученія (таково ихъ преданіе о *Сакахъ, Мага-Ванадахъ* или великихъ Вендахъ, *Гунахъ* и *Антахъ* или *Андграхъ*) или потому, что *Таджики* (явные *Дадики* древнихъ) и *Авганцы* (Аза-ваны) или *Дураны* (явный *Туранъ*) до сихъ поръ носятъ всѣ признаки иранскаго народа? Трудно выправить ученый промахъ.

Движеніе Гунновъ въ Европѣ на западъ не было прямымъ послѣдствіемъ движенія восточно-азійскаго, но находилось съ нимъ въ связи, ибо приливъ бѣглыхъ Уйгурцевъ усилилъ приволжское козачество и придалъ ему характеръ болѣе кочевой и воинственный. Вообще же одновременныя завоеванія Гунновъ въ Индустанѣ и въ Европѣ, указывающія, повидимому, на усиленіе славянскаго міра, были дѣйствительно только послѣдствіемъ его уничтоженія въ его древнемъ средоточіи (странѣ закаспійской) и громаднаго наращенія силъ въ средней и восточной Азіи. Съ этого времени славянство бактрійское и закаспійское исчезаютъ почти безъ слѣда.

Побѣдитель почти всѣхъ европейскихъ народовъ, Аттила погибъ не въ пылу битвы, но послѣ роскошнаго пира, едва ли не отъ руки женщины изъ побѣжденнаго племени германскаго. Отъ него и отъ его царства не осталось ничего. кромѣ имени.

Самое ими Аттилы, принятое всѣми историками безусловно, едва ли не искажено. Согласіе формы сако-гетской *Аззилесъ* (на бактрійскихъ монетахъ) съ нѣмецкою формою имени Аттилы, *Этцелъ*, заставляетъ предполагать, что дѣйствительное имя гунскаго завоевателя заключало въ себѣ звукъ недоступный греческой азбукѣ, какъ, напр., *Ацелъ* или *Ачелъ*. Эллины и Римляне плохіе свидѣтели для именъ иноземныхъ, а полуученый Іорнандъ и ему подобные готовы повторить ошибочное правописаніе, чтобы не подпасть подозрѣнію варварства.

Никогда государство не разрушалось такъ быстро, какъ царство гунское, никогда народъ не исчезалъ такъ совершенно съ лица земли. Исторія знаетъ только объ одномъ неудачномъ сраженіи сына Аттилова съ Гепидами, и все гибнетъ вслѣдствіе одного незначительнаго пораженія. Исторія разсказываетъ только объ отступленіи побѣжденныхъ на недалекій востокъ въ область *Гуниваръ* *), и область и народъ пропадаютъ безъ остатка. Такова ли участь слабѣйшихъ Аваровъ, позднѣйшихъ Монголовъ или какого бы то ни было завоевательнаго племени? Причина такого различія ясна. Гунскаго царства никогда не было; былъ только союзъ восточныхъ Славянъ подъ предводительствомъ своихъ восточныхъ козаковъ и ихъ великаго предводителя. Цѣлью союза было освобожденіе отъ давнишнихъ насильниковъ, и она была достигнута. Средствомъ были сильная личность одного человѣка и воинственная доблесть дружины, принявшей много воинственныхъ стихій отъ средне-азійской примѣси. Личность подверглась судьбѣ всякой человѣческой личности; дружина смѣшалась съ освобожденными ею семьями: союзъ исчезъ; полуопустѣлая страна козаковъ-Гунновъ приняла другое имя (вѣроятно Булгаріи, т.-е. Приволжья).

Имя *Гуни-варъ* западныхъ писателей или *Гунавара* Индійцевъ составлено изъ двухъ словъ: *варъ* или *вара* значитъ, сторона жилище, округъ. Оно тождественно съ позднѣйшимъ русскимъ *вира* или *вервъ* (округъ, то же, что и скандинавское) и съ южно-славянскимъ уменьшительнымъ *варошъ* (городъ), слѣд. *Гуниваръ* тождественно съ полу-нѣмецкою, полу-славянскою формою *Гунигардія*. Самое имя *Гунъ* можетъ, какъ мы уже сказали, имѣть значеніе *Юнъ* или *Юнакъ* по закону тождества двухъ придыханій *г* и *й*. Впрочемъ такое придыханіе имѣетъ свою слабую сторону. *Гуны* называются *Гуна* у Индійцевъ, имѣющихъ придыханіе краткаго *и*. Верхнее, полевое платье называется у Русскихъ *гуня*, у южныхъ славянъ *гунь*. Старые холмы могильные называются у Болгаръ придунайскихъ *гунками* (этимъ, между прочимъ, доказывается, что должно говорить по-нѣмецки *Hunengrab*, а не *Hünengrab*; но Нѣмцы приписываютъ эти могилы извѣстному племени, а Болгары своимъ предкамъ). Изъ этого слѣдуетъ допустить, что слово *Гунъ* искони начиналось буквою *г*. Смыслъ его весьма ясенъ. Оно находится въ словахъ *вологонъ*, *скотогонъ* и др. и отдѣльно въ уменьшительной формѣ *гонецъ*, только съ измѣненіемъ *у* на *о* (какъ въ *ковачъ* и *кузнецъ*). *Гунъ* значитъ ходокъ, народъ кочевой или перехожій и вполнѣ объясняетъ отношенія неосѣдлой дружины козаковъ къ осѣдлымъ семьямъ, изъ которыхъ она вышла.

Одно только пораженіе потерпѣлъ Аттила, уже далеко за Рейномъ, въ борьбѣ съ силами германскаго міра и западной имперіи. Такъ и должно было случиться. Онъ оторвался отъ міра славянскаго, на который до тѣхъ поръ упирался. Въ Италіи ему служили точкою отправленія Славяне альпійскіе, въ Германіи его фланги были покрыты съ юга Краинцами и Горушанами, съ сѣвера поморскими Вендами до самаго Рейна. Въ Галліи не было никого, кромѣ враговъ. Все древне-славянское исчезло подъ долгимъ гнетомъ Галловъ и уровнемъ римской власти и римской цивилизаціи. Аттила возвратилъ свободу только тамъ, гдѣ еще жили языкъ и народъ.

Кто можетъ возвратить славянство поморью прусскому и Ольденбургу *(Старграду)*? Мы уже сказали, что отъ Славянъ уцѣлѣли въ Галліи только имена, какъ Вандея, Антибъ, Перегоръ, Русильонъ и другія; народность исчезла безъ остатковъ. За всѣмъ тѣмъ ея темные слѣды остались вѣроятно много и много вѣковъ послѣ гибели свободныхъ общинъ. Такого рода слѣдъ можно отыскать въ британской или валлійской сказкѣ о князѣ венетскомъ (Venetorum) въ артуровомъ циклѣ. Имя этого князя (первообраза Персеваля) Передуръ*). Оно объясняется по-галльски не безъ натяжки—*хранителемъ чаши*; но славянское толкованіе *передуръ* (какъ *придуръ* и др.) гораздо ближе къ характеру героя, явнаго простячка, и напоминаетъ всегдашнее пристрастіе Славянъ къ героямъ-дурачкамъ (теперешнему Иванушкѣ). Такое пристрастіе есть глубокое обличеніе всего славянскаго характера. Дурачокъ, всегдашній побѣдитель своихъ соперниковъ, представляетъ не глупца, но олицетвореніе ума синтетическаго, дружнаго съ природою, такъ сказать, тождественнаго съ нею и чуждаго аналитической рефлексіи. Это народное названіе для генія.

Западный міръ римскій отстоялся отъ Аттилы на поляхъ каталаунскихъ; но западная имперія получила ударъ смертельный. Всѣ племена германскія, нѣкогда тяготившія славянскую землю и угрожавшія распространеніемъ на востокъ, были отброшены Гуннами далеко на западъ или по крайней мѣрѣ изгнаны изъ славянской новоосвобожденной земли. Всѣ эти племена, несмотря на значительныя разницы, составляли повидимому какое-то цѣлое, связанное внутреннимъ началомъ единства, и могутъ быть названы восточно-германскою вѣтвію или готскою по преобладающему колѣну, увлекшему всѣ другія въ своемъ завоевательномъ движеніи.

Подъ именемъ восточно-германской или готской вѣтви должно разумѣть всѣ семьи, владѣвшія славянскою землею и изгнанныя Гуннами. Въ нихъ германское начало уже должно было измѣниться отъ вліянія славянскихъ нравовъ и отчасти (напр., въ Вандалахъ) отъ значительной славянской примѣси. Ихъ духовное единство явно изъ ихъ преданій, изъ почти единовременнаго перехода въ христіанство и единообразнаго предпочтенія аріанства остальнымъ церковнымъ ученіямъ; но не должно забывать, что въ готское движеніе, т.-е. въ общее бѣгство передъ Гуннами, захвачены были и такія семьи, которыя съ Готами или мало имѣли общаго, какъ Свевы, или даже совсѣмъ ничего, какъ Герулы литовскіе или сарматскіе Аланы, которые только тѣмъ и были похожи на Готовъ, что одинаково угнетали Славянъ и наконецъ одинаково бѣжали передъ ними.

Войны Аттилы были обращены не противъ имперіи, которую онъ оставлялъ почти постоянно въ покоѣ, довольствуясь временными набѣгами на Дакію, но противъ Германцевъ и другихъ угнетателей славянскаго міра. Ихъ-то онъ преслѣдовалъ далеко на западъ за рейнскую границу, требуя покорности и смиренія отъ прежнихъ властителей. Походы его были дѣломъ мщенія, а не корысти, и самъ онъ себя называлъ бичомъ Божіимъ (безъ сомнѣнія въ смыслѣ мщенія). На берегахъ Рейна уничтожилъ онъ Бургундовъ, вѣроятно тѣхъ, которые образовались изъ жителей римскихъ пограничныхъ крѣпостей, а не тѣхъ, которые нѣкогда хозяйничали въ славянскихъ городахъ при Балтикѣ (ибо очевидно были двѣ разносоставныя дружины, носившія имя Бургундовъ или горожанъ).

Впослѣдствіи преданіе смѣшало эту гибель Бургундовъ съ первымъ мщеніемъ Гунновъ за угнетеніе Антовъ.

Онъ устремился далѣе на Вестготовъ, но тутъ былъ встрѣченъ всею массою бѣглецовъ германскихъ, сосредоточившихся около военнаго искусства римскаго и сильной личности Аэція. Побѣжденный въ великой битвѣ, онъ обратился на Западную имперію, принявшую гостепріимно его враговъ; сѣверная Италія была опустошена, римскія войска уничтожены, Римъ едва спасенъ заступничествомъ святого епископа. Вскорѣ кончилось поприще гунскаго завоевателя; но отъ западной имперіи оставались уже однѣ развалины.

Почтеніе Аттилы къ римскому епископу и его поклоненіе мирной святынѣ указываютъ на глубокое религіозное чувство въ самомъ Аттилѣ и въ его славянскихъ дружинахъ.

Не отъ самыхъ Гунновъ, неглубоко проникнувшихъ въ область римскую, погибла она, но отъ своихъ временныхъ союзниковъ, бѣглецовъ германскаго племени и отъ прирейнскихъ семей, давно уже порывавшихся къ завоеваніямъ, но получившихъ окончательное стремленіе вслѣдствіе гунскаго напора. Во главѣ всѣхъ народовъ явились Готы, основатели великаго, хотя недолговѣчнаго царства въ землѣ славянской и безпорно сильнѣйшіе изъ всѣхъ семей, изгнанныхъ Гуннами. Корень Готовъ, какъ дружины завоевательной, была Скандинавія, изъ которой они были вытѣснены напоромъ алано-вендской (азаванской) силы. Колыбель Готовъ, какъ союза, составленнаго изъ многихъ единокровныхъ семей, столпившихся около дружины, пришедшей съ сѣвера, была страна нрибалтійская.

По гордымъ притязаніямъ Гепидовъ, по преданіямъ области прибалтійской и имени Гаптовъ *) можно и, кажется, должно признать Гепидовъ за истинную основную дружину, увлекшую всѣ другія и снова поневолѣ отдѣлившуюся отъ нихъ.

Область, въ которой развилась полная сила готская, была страна славянская, между Вислою и Дономъ; въ этой области распался союзъ на два союза или двѣ вѣтви, получившія имена Ост-и Вест-готовъ. Таковы имена, подъ которыми они продолжали свое завоевательное поприще на Западѣ; но въ смыслѣ народознанія важнѣе имена, временно присвоенныя ими въ ихъ восточномъ царствѣ, имена *Гріутунговъ* и *Тервинговъ*. Готы до своихъ завованій въ земляхъ приднѣпровскихъ не носили этихъ прозвищъ; они снова отказались отъ нихъ, какъ скоро вышли изъ славянской земли. Самыя же прозвища *Гріутунгъ* (отъ *гріутъ*, открытое поле) и *Тервингъ* (отъ *тріу* дерево) соотвѣтствуетъ вполнѣ позднѣйшимъ славянскимъ названіямъ *Полянъ* и *Древлянъ*. Славяне не заимствовали и не могли заимствовать имени отъ Готовъ, изгнанныхъ безъ остатка изъ области на сѣверъ отъ Дуная (за исключеніемъ небольшого числа, уцѣлѣвшаго въ Крыму) и не оставившихъ своего прозвица не только никакому округу, но даже никакому урочищу. Сходство прозвищъ не могло быть случайнымъ и основаннымъ на характерѣ мѣстности, ибо такой фактъ былъ бы исключеніемъ почти единственнымъ въ исторіи и явленіемъ, несогласнымъ съ обычаями германскаго племени, никогда и нигдѣ не принимавшаго имени отъ мѣстности (какъ напр. отъ словъ *Berg*, *Thal* и т. д.). Явно, что имена были древнія и принадлежали семьямъ славянскимъ, исконнымъ жителямъ Приднѣпровья.

Славяне, какъ извѣстно, весьма охотно себя называютъ по мѣстностямъ, напр. *Поморяне*, *Лужичи*, *Бережане*, *Горалы*, *Поляне*, *Древляне*, *Краинцы* и т. д.

Итакъ временныя имена Вест- и Ост-Готовъ (т.-е. Тервинговъ и Гріутунговъ) даютъ неоспоримое свидѣтельство не только существованія приднѣпровскихъ Славянъ, но и древности именъ, выступающихъ на поприще историческое въ вѣка гораздо позднѣйшіе.

Готы называли себя *полянскими*, *древлянскими*, по области, въ которой они основали властительную аристократію, точно также какъ дружина Маробода называла себя *Краинцами*, какъ Германцы западные называли *Зеландомъ* старую землю *Мориновъ*, какъ *Королевецъ* сдѣлался *Кенигсбергомъ*, *Добра-гора*—*Гутенбергомъ*, *Староградъ*—*Ольденбургомъ* и т. д.

Изгнанные изъ областей прикарпатскихъ, Вестоготы искали убѣжища на земляхъ Восточной имперіи. Недолговременная дружба между пришельцами, дикими и вольнолюбивыми воинами, и старожилами, получившими въ наслѣдство всѣ пороки а и весь развратъ древняго міра, кончилась жестокою войною, гибельною для имперіи и для самихъ Готовъ. Вся Эллада и Малая Азія были залиты кровью и покрыты развалинами; но побѣжденные Готы смирились подъ сильною рукою великаго Ѳеодосія. Смерть его и раздѣленіе государства открыли имъ новое поприще. Тяжкимъ опытомъ узнавъ силу Восточной имперіи, они бросились на Западную; за ними вслѣдъ устремились неудержимымъ потокомъ всѣ семьи, нѣкогда властвовавшія отъ Балтики до Евксина, Вандалы и Свевы, и Тайфалы и Аланы, и Бургунды сѣверные, и Герулы и всѣ бѣглецы, уцѣлѣвшіе отъ гунскаго меча или не охваченные разливомъ гунской силы (какъ напр. Остготы или Гепиды). Вестготы, уже овладѣвшіе послѣ смерти Ѳеодосія западомъ эллинскаго полуострова, бросились на ближайшую къ нимъ Италію. Сперва побѣжденные искусствомъ Стилихона и мужествомъ его союзниковъ (и въ томъ числѣ Гунновъ), потомъ собравъ новыя силы и пользуясь истощеніемъ имперіи, они прошли огнемъ и мечомъ по Италіи, не щадя ни жителей, ни жилищъ, ни памятниковъ художества, ни святыни религіи. Владыка полміра, Римъ, не видавшій враговъ въ стѣнахъ со времени кельтскихъ завоеваній, сдѣлался добычею Аларика и его Готовъ.

Взятіе Рима Готами и движеніе забайкальскихъ Тунгузовъ: трудно, кажется, связать эти два факта, а между тѣмъ завоеванія Сянбійцевъ рѣшили направленіе всего германскаго переселенія, изгнавъ остатки славянскихъ семей изъ-за Каспія и усиливъ ихъ приливомъ Уйгуровъ. Исторія не имѣетъ права не знать дѣла, совершившагося въ историческія времена, и по немъ должна судить о доисторическихъ. Пора ей расширить свои предѣлы наравнѣ съ другими науками, какъ наприм. филологіей.

Но движеніе побѣдителей не остановилось въ Италіи. Они стремились далѣе и далѣе на западъ. Южная Галлія была завоевана и опустошена. Между тѣмъ другіе бѣглецы, уходя отъ Гунновъ, избрали другой и прямѣйшій путь на западъ. Черезъ лѣса и болота Германіи двинулись Аланы, Вандалы, Бургунды и другія менѣе извѣстныя семьи къ берегамъ Рейна. Ихъ не остановили ни преграды дикой природы, ни сопротивленіе прирейнскихъ Германцевъ, сплотившихся въ два могучіе союза. Франки, преграждавшіе путь воинственнымъ пришельцамъ съ востока, были прорваны; рейнская граница, уже лишенная крѣпостей и легіоновъ, перейдена безъ труда; сѣверная и средняя Галлія затоплена дикарями. Вскорѣ внутренніе раздоры Римлянъ призвали завоевателей въ Испанію и наконецъ въ Африку. Западная имперія лишилась мало-по-малу всѣхъ своихъ провинцій. Борьба съ Гуннами истощила ея послѣднія силы, и нигдѣ уже завоеватели не встрѣчали сопротивленія. Когда послѣ смерти Аттилы, Гунны отступили въ свои предѣлы, племена германскія, дотолѣ еще признававшія господство Рима и сражавшіяся подъ предводительствомъ римскаго вождя, сдѣлались полными и независимыми владыками захваченныхъ областей. Призракъ государства римскаго еще держался въ Италіи подъ гнетомъ и угрозою Готовъ; но въ концѣ V вѣка исчезаетъ самый призракъ, и вождь герульскій основываетъ недолговѣчное царство на развалинахъ имперіи.

Живучесть Восточной имперіи и безсиліе Западной. Причины этого различія.

Такъ исчезла цѣлая половина римскаго міра, обширнѣйшая по пространству, сильнѣйшая по физическому превосходству жителей (это доказано было во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ), способнѣйшая къ защитѣ, отдаленнѣйшая отъ опасности; такъ исчезла она почти безъ боя и безъ слѣда. Наслѣдство Рима взяли Германцы.

Когда Ѳеодосій раздѣлилъ государство, обѣ части его, восточная и западная, достались въ руки равно недостойныя власти; но ничтожность Гонорія была поддержана сильными личностями Стилихона и Аэція. При дворѣ Аркадія не явилось ни одного лица, заслужившаго историческую память. Самое положеніе Восточной имперіи было опаснѣе. На нее обрушилась вся тяжесть народовъ Готскихъ и семей, изгнанныхъ Гуннами изъ славянской земли. Аланы, Гепиды, Вандалы, Свевы, Бургунды, Тайфалы, Герулы испытали поочередно свою силу надъ ея почти беззащитными предѣлами. Она уцѣлѣла. На нее должна была обрушиться первая гроза Гунновъ, но удалилась, предпочитая дружбу и дань сомнительной борьбѣ.

Извѣстенъ отвѣтъ византійскаго императора гордому Аттилѣ: «У меня золото для друзей, желѣзо для враговъ».

Между тѣмъ и длинная, почти беззащитная граница приевфратская подвергалась сильному напору Персіи, южная набѣгамъ Аравитянъ и сѣверо-восточная погромамъ кавказскихъ народовъ. За Гуннами вслѣдъ надвинулись всѣ валы моря славянскаго, возмущенные Аварцами и брошенные на Византію, и этотъ напоръ равнялся силамъ всей Германіи. Послѣ паденія Персіи, въ самое то время, когда имперія едва отстоялась отъ аваро-славянскаго союза, осаждавшаго Византію съ запада, и отъ войскъ завоевателя Хозроя, осаждавшаго ее въ то же время съ востока, когда она еще не успѣла собрать силы свои для новой борьбы, поднялась новая гроза, много сильнѣе всѣхъ прежнихъ, поднялась пучина, которая послѣднею, далекою и слабою волною затопила Испанію, южную Италію, значительную часть Галліи и едва была отбита сосредоточившимися дружинами Франковъ и могучею рукою Карла Мартеля. Таковъ былъ исламизмъ въ своемъ первомъ періодѣ; но имперія уцѣлѣла и стала мало-по-малу расширять границы свои противъ слабѣющихъ Сарацинъ. Тогда, изъ внутренней Азіи, нахлынулъ потокъ воинственныхъ, неудержимыхъ полчищъ тюркскихъ, которыхъ сила въ разныя времена сокрушала всѣ царства Азіи и весь востокъ Европы; тогда налетѣли съ запада дружины Германцевъ, привыкшихъ къ боямъ и съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь. Столица досталась въ руки непріятелю, имперія какъ будто исчезла; но снова возстала она на тяжкую и послѣднюю битву, въ которой ослабѣлая, растерзанная, всѣми брошенная, она наконецъ погибла подъ ударами средне-азійскихъ завоевателей. Такова была ея многовѣковая борьба, таковъ ея тысячелѣтній подвигъ послѣ Ѳеодосія, не смотря на беззащитность длинныхъ границъ отъ Иллиріи до Аравіи, на развратъ народа, на мертвенность правительственныхъ формъ, завѣщанныхъ древнимъ міромъ, на скудость народонаселенія, нѣсколько разъ почти уничтоженнаго моровою язвою или мечомъ непріятеля, и наконецъ на то бѣдственное состояніе, въ которомъ уже засталъ ее Ѳеодосій послѣ бѣдствій, постигнувшихъ ее во времена Декія и Валента. Но этотъ подвигъ не замѣченъ исторіею.

Не такова была судьба Западной имперіи. Она была почти со всѣхъ сторонъ окружена широкими морями или свободнымъ

Океаномъ, не поддававшимся никогда римскому владычеству, но охранявшимъ римскую область. Сухопутная граница ея была обнесена крутою стѣною Альпійскихъ горъ, и одно только недолгое ложе Рейна открывало непріятелю легкій доступъ въ предѣлы Галліи. Провинціи были еще пощажены дикарями, за исключеніемъ сѣверной Италіи, нѣсколько разъ пострадавшей, и рейнскаго прибережья, опустошеннаго Германцами. Ничтожные набѣги Пиктовъ и Скоттовъ не представляли важной опасности для Британніи. Большая часть Галліи не видала непріятеля. Испанія цвѣла далеко отъ сѣверныхъ враговъ. Морскіе набѣги Саксовъ и Франковъ или Мавровъ африканскихъ могли испепелить прибережныя деревни, но не могли не только потрясти государства, но даже и угрожать ему. Таково было положеніе Западной имперіи послѣ Ѳеодосія. Враги ея были тѣ-же самыя германскія или сарматскія племена, которыя безуспѣшно нападали на востокъ, и эти племена утратили большую часть своихъ силъ въ борьбѣ съ Византіею или въ началѣ побѣдоносныхъ Гунновъ. Личними врагами Риму были только Франки и Алеманны, которыхъ сила едва ли равнялась одной Персіи, была незначичельна въ сравненіи съ приливомъ славяно-аварскимъ и совершенно ничтожна передъ Исламизмомъ въ его первой порѣ. И за всѣмъ тѣмъ внутреннее чувство подвигло варваровъ на западъ. Оставляя въ покоѣ близкія, беззащитныя, богатыя области Востока, они бросились на Италію, огражденную неприступными горами, на Галлію, защищенную своею отдаленностью, лѣсами, болотами и племенами германскими, на Испанію, опоясанную моремъ и Пиренеями, наконецъ на Африку, страну принадлежащую какъ будто чуждому міру, едва доступному для жителей сѣвера. Внутреннее чувство завоевателя было оправдано скоростью завоеванія: не прошло столѣтія послѣ великаго Ѳеодосія, и Римской имперіи не стало. Такова была ея судьба такова ея гибель, очевидно, не отъ внѣшнихъ враговъ, но отъ внутренняго безсилія. Слабость ея высказывается съ особенною яркостью въ участи Испаніи, землѣ почти неприступной извнѣ, а внутри перерѣзанной во всѣхъ направленіяхъ горными преградами, и завоеванной, въ теченіе немногихъ лѣтъ, нѣсколькими десятками тысячъ дикарей, уцѣлѣвшихъ отъ долгаго, неуспѣшнаго странствованія по остальной Европѣ. Причины этой слабости лежатъ въ прежней исторіи римскаго Запада, въ исторіи не политической, но духовной.

Критика, которая до сихъ поръ не удостоила своего вниманія или не замѣтила великаго вопроса о разницѣ въ судьбахъ Западной и Восточной имперій, тщетно бы стала искать объясненія въ причинахъ внѣшнихъ, въ разницахъ географическихъ и тому под. Географическое положеніе римской половины было выгоднѣе, чѣмъ византійской; физическія свойства жителей превосходнѣе, средства къ защитѣ многочисленнѣе и надежнѣе. Правда, что востокъ былъ торговѣе и богаче; но роскошная Африка или благословенная страна запиренейская, или хлѣбородная Британнія, или Галлія, отъ Средиземного моря до Сѣвернаго, были ли обижены природою, или совершенно лишены торговли, или опустошены непріятелемъ? Правда, что положеніе Рима не такъ выгодно, какъ положеніе Византіи; однако онъ могъ завоевать міръ и долго управлять имъ; но Римъ былъ уже брошенъ императорами, жившими по большей части въ Равеннѣ (а иногда въ Миланѣ). Но и Византія была не случайнымъ явленіемъ, а плодомъ жизни, и такая же жизнь создала бы новую столицу въ средоточіи Западной имперіи, на берегахъ Роны или въ Южной Галліи, близко къ Рейну, для отпора непріятелямъ, и къ Средиземному морю, для сбора легіоновъ. Когда имперія раздѣлилась на двѣ половины, обѣ половины очевидно казались равносильными въ глазахъ Діоклетіана и потомъ Ѳеодосія. Въ борьбахъ междоусобныхъ побѣда обыкновенно оставалась за Западомъ; но эта западная половина была неспособна къ жизни самобытной. Разница, доказанная послѣдовавшею исторіею, не могла быть оцѣнена современниками, потому что она была чисто духовная и плодомъ прежней духовной жизни; а человѣкъ узнаетъ тайну духовной силы или духовнаго безсилія только тогда, когда она высказалась явленіемъ историческимъ.

Востокъ былъ искони богатъ умственною, самобытною дѣятельностью. Вѣка завѣщали вѣкамъ сокровища мысли, науки или искусства. Трудъ многихъ столѣтій былъ увѣнчанъ Элладою, принявшею мысль отъ Египта и Финикіи и страны заевфратской и слившей ее въ одинъ высокій идеалъ человѣческаго совершенства, въ одну побѣдную пѣснь человѣческой личности. Учители Эллады сдѣлались ея учениками и приняли въ себя новое начало жизни: стремленіе къ развитію всѣхъ способностей души человѣческой, всего его внутренняго существа. На востокѣ эллинскомъ государства были слабы и ничтожны, люди сильны и внутренно богаты. Западъ былъ созданъ грубою и одностороннею государственностью Рима. За то Римъ былъ великъ, какъ государство; а люди, захваченные въ его мертвящія объятія, были внутренно скудны и ничтожны. Душа человѣческая не облагораживалась подъ римскимъ владычествомъ; умъ не обогащался стремленіемъ къ высшей цѣли и принимая усовершенствованія жизни вещественной, не впитывалъ въ себя гордой любви къ просвѣщенію. Галлъ и британскій Кумри и Кельто-Иверецъ оставались по прежнему дикарями, но дикарями отчасти огражденными римскою полиціею, отчасти заключенными поневолѣ въ границахъ римскаго устава. Востокъ, подпавши власти римской, обогатился новымъ знаніемъ, плодомъ древняго просвѣщенія, знаніемъ права, и принялъ его въ свою умственную сокровищницу не какъ мертвую букву, но какъ мысль живую и требующую еще развитія. Безжизненная на Западѣ, наука права продолжала жить на Востокѣ и живить его.

Поприще древняго міра кончилось самоубійствомъ его оскудѣвшихъ началъ (знанія въ Элладѣ, внѣшней правды въ Римѣ). Новый свѣтъ блеснулъ для человѣчества, новое животворное начало влилось въ душу человѣка; но великое явленіе имѣло не одинакія послѣдствія на Востокѣ и на Западѣ. Эллинская половина имперіи быстро наполнилась ревностными христіанами, готовыми на всемірную проповѣдь и страданія за истину и на глубокое изученіе истины, примиряющей знаніе съ жизнію. Христіанство для Эллина было послѣднимъ, божественнымъ подвигомъ его личнаго развитія, ученіемъ, принятымъ извнѣ, но принятымъ во внутренніе глубочайшіе тайники его духа. Римская половина имперіи позже и медленнѣе приняла христіанство. Оно имѣло и на Западѣ своихъ, хотя и немногочисленныхъ, мучениковъ, своихъ учителей (изъ коихъ однако жъ лучшіе были или пришельцы съ Востока или ихъ первые ученики); но дѣйствіе его было органичено, требованія не всеобъемлющи. Христіанство на Западѣ имѣло, какъ и скудное просвѣщеніе Запада, характеръ внѣшности, умиряя и облагораживая жизнь, но не пробуждая спящихъ силъ духа человѣческаго. Самый кругъ дѣйствія его былъ тѣснѣе, чѣмъ на Востокѣ; онъ захватывалъ только города*), уже проникнутые римскимъ началомъ и принявшіе отъ завоевателей не только законы, но и часть своихъ жителей и языкъ. Села долго оставались чуждыми проповѣди христіанской, сохраняя свой языкъ, свои обычаи и свое идолопоклонство.

Это доказываетъ самое имя *pagani* (селяне), данное идолопоклонникамъ, и отсутствіе памятниковъ христіанскихъ на народныхъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ личность человѣка оставалась въ прежнемъ униженіи, и вѣра принимала характеръ общественной религіи, утрачивая характеръ мысли и живого знанія. Когда наконецъ христіанство обняло собою все пространство Имперіи, оно стало мало-по-малу проникать и въ отдаленныя села, и въ пустыни, и въ общій бытъ. Но оно не нисходило и не могло низойти вполнѣ до селянина. Жизненный процессъ, происходящій по всей Западной имперіи, заключался въ постепенномъ романизованіи отдѣльныхъ провинцій, въ постепенномъ вымираніи мѣстныхъ языковъ и бытовъ и въ постепенномъ расширеніи началъ, истекающихъ изъ Италіи. При такой шаткости и переходномъ состояніи духовенство оставалось поневолѣ при томъ языкѣ, при тѣхъ началахъ, которыя содержали въ себѣ болѣе силы и прочности, т.-е. при римскихъ. Поэтому оно заключалось въ кругѣ правительственномъ и, ускоряя уже начатый процессъ романизованія областей, оно оставалось чуждымъ народу и лицамъ, составляющимъ народъ.

Христіанство обращалось въ институтъ. Вся заслуга западнаго духовенства (за немногими исключеніями, принадлежащими къ областямъ древняго просвѣщенія) ограничилась развитіемъ не гражданственности (ибо на ней тяготѣло римское право), но судопроизводства церковнаго (напр. положенія объ апелляціяхъ и т. под.) и правительственной части въ дѣлахъ церковныхъ. Таковъ подвигъ всѣхъ лучшихъ епископовъ на Западѣ: таково стремленіе западнаго христіанства, выраженное въ эдиктѣ Граціана о первосвященникѣ, въ положеніяхъ многихъ соборовъ и въ постановленіи Ѳеодосія (мужа западнаго) о католичествѣ и о христіанствѣ въ смыслѣ государственнаго исповѣданія. Но все это стремленіе оставалось безплоднымъ. Высшая область гражданскаго и государственнаго права оставалась неприкосновенною. Она все еще принадлежала міру древнему и завѣту римскаго образованія. Восточная страна продолжала личное развитіе человѣка и въ кругѣ мысли боролась побѣдоносно съ мысленнымъ вліяніемъ прежняго эллинства. Западная, принявъ и благословивъ наслѣдство римскаго права, отняла у себя тотъ кругъ дѣйствія, который одинъ еще былъ для нея доступенъ. Въ ней христіанство было мертво*), какъ и самое гусударство. Таково свидѣтельство всѣхъ современниковъ.

Внутреннее правленіе государствомъ и вся его гражданская жизнь уже давно упали на крайнюю степень безпорядка и униженія. Вся имперія отъ нильскихъ водопадовъ до предѣловъ горней Каледоніи представляла безконечный рядъ законныхъ угнетеній, правительственныхъ обмановъ, правомѣрныхъ нарушеній всякаго человѣческаго права, а часто и наглыхъ разбоевъ. Но на востокѣ областная жизнь была не уничтожена.

Насмѣшки Антіохійцевъ надъ Юліаномъ, частыя возмущенія и другія болѣе или менѣе безпорядочныя проявленія городовой или областной силы доказываютъ, что даже государи (не говоримъ уже о мѣстныхъ правителяхъ были принуждены къ осторожному обхожденію съ народами, не совсѣмъ забывшими свою историческую славу.

Личность не утратила всѣхъ своихъ правъ. Были просвѣщеніе старое и гордое сознаніе просвѣщенія; были обычаи и преданія; была умственная дѣятельность, внушающая уваженіе правителямъ и обуздывающая безграничность своеволія. Страданія народовъ доходили иногда до крайности; но злоупотребленія власти встрѣчали часто опасный отпоръ или строгое наказаніе. Живая кровь еще не застыла въ жилахъ государственнаго тѣла. Не то было на темномъ Западѣ. Тамъ не было ни обычаевъ, ни гордости, ни преданій, ни просвѣщенія личнаго, ни жизни областной. Злоупотребленія мѣстной власти не встрѣчали препонъ, безуміе правительственнаго корыстолюбія, высасывавшаго потъ и кровь подданныхъ для временнаго обогащенія императорской казны, не знало пощады. Народное безсиліе не смѣло сопротивляться; народное тупоуміе не умѣло залѣчивать язвы, нанесенныя слѣпымъ правленіемъ. Богатства природныя оставались неразработанными въ нѣдрахъ земли; богатства, оставленныя въ наслѣдство промышленностью вѣковъ минувшихъ, исчезли безвозвратно. Казнію надобно было удерживать горожанъ отъ бѣгства въ села и пустыни, казнію надобно было удерживать поселянъ отъ бѣгства къ варварамъ. Не было ни духа, ни умѣнія для собственной защиты; не было сокровищъ для найма защитниковъ-иноземцевъ. Мертвая имперія была готовою добычею для перваго вооруженнаго пришельца.

Таковы причины различія въ судьбахъ двухъ половинъ римскаго міра. Онѣ были чисто духовныя и проистекали изъ духовной исторіи народовъ. На Западѣ полудикіе подданные имперіи не умѣли и не хотѣли защищаться противъ дикарей, къ которымъ они были близки по собственному невѣжеству; на Востокѣ каждая область билась до послѣдней капли крови, каждый шагъ земли былъ дорого купленъ завоевателемъ, каждый гражданинъ, потомокъ Эллина-просвѣтителя, или міровластителя Римлянина, или даже Сирійца, гордящагося своимъ древнимъ преданіемъ, предпочиталъ смерть игу варвара. Государство было слабо и не могло окрѣпнуть, потому что уже благословило именемъ вѣры мертвыя формы, завѣщанныя древностью, и потому что, можетъ быть, невозможно историческимъ народамъ отказаться отъ всей своей исторіи и всей своей славы и обновиться въ жизнь чисто-человѣческую. Но люди еще были крѣпки. Они могли, хотѣли и умѣли сражаться за свое просвѣщеніе и свою народную гордость. Зато еще долго горсть Грековъ могла побѣждать полчища непріятелей; и тѣсное приморье Палестины или мелкіе горные округи сохраняли въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ свою независимость среди разлива мусульманъ-завоевателей; а Испанія (кромѣ южнаго приморья) покорилась почти безъ боя горсти варваровъ, удивленныхъ своею собственною побѣдою. Свобода мѣстная или имя римское уцѣлѣли на Западѣ только въ странахъ древняго просвѣщенія, какъ, напр., въ южной Италіи и Сициліи, или въ областяхъ, не вполнѣ утратившихъ свою народность и свое преданіе, какъ напр. Арморика, или дебри кумрійскаго Валлиса или, можетъ быть, горы иберской Кантабріи.

Германцы-завоеватели Запада.—Өеодорикъ. — Царство Готовъ и Лонгобардовъ въ Италіи.

Окончательное значеніе переселенія народовъ въ Европѣ во время паденія римской имперіи есть перенесеніе германской аристократіи изъ западно-славянскихъ областей въ романизованную область Кельтовъ и Иберцевъ. Между тѣмъ какъ славянскія области, освобожденныя своимъ восточнымъ казачествомъ (Гуннами), получили жизнь или по крайней мѣрѣ зачатки жизни самобытной, издавна стѣсненной то Кельтами, то Сармато-Аланами, то Германцами, западная Европа утратила навсегда свою древнюю самобытность и осуждена была на долгую борьбу, кончившуюся не освобожденіемъ прежнихъ стихій, но органическимъ срощеніемъ туземнаго и пришлаго въ новыя органическія тѣла, общественныя или государственныя. Все движеніе Германцевъ было издавна движеніемъ дружинъ. Въ незапамятной древности эти дружины, селяся въ пустынныхъ земляхъ, часто возвращались къ быту общинному, или къ быту мѣшанному, въ которомъ многія начала естественной общины сливались съ условными началами дружины, отличаясь отъ быта чисто-общиннаго сильнымъ развитіемъ личности и ея себялюбивыхъ правъ. Но вѣковое воспитаніе неправой власти наложило на Германцевъ свою неизгладимую печать. Они были аристократіею правительственною и насильною (какъ всякая аристократія по своему началу) въ земляхъ славянскихъ. Они не хотѣли и не могли согласиться на утрату своего высокаго значенія и на вступленіе въ жизнь народную и чисто человѣческую *). Славяне въ движеніи своемъ послѣ освобожденія являлись часто завоевателями (таково невольное послѣдствіе насилія даже и отраженнаго насиліемъ), по большей же части они искали земель пустопорожнихъ и, такъ сказать, мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ жизни и человѣчеству.

Этимъ объясняется безпрестанный приливъ Славянъ въ земли Восточной имперіи по призыву византійскихъ императоровъ. Вообще замѣчательно глубокое сучувствіе Славянина съ природою. Онъ ее понимаетъ, онъ съ нею говоритъ; онъ ее признаетъ живою, но неполною въ отсутствіи высшей жизни—человѣческой.

Примѣчанія.

2. „О колѣнѣ Ефраимовымъ“. Судьи, XII, 6.

3. „Любовь Самуила къ Саулу“: вѣроятно. 1 Царствъ, XVI, 35.

„Книги Самуила (по 70-ти 1 и 2 Царствъ) полны отзвуковъ Пятикнижія“. Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ—неясно... Можетъ быть то же, что говоритъ, напр., Nöldecke, Altest. Litt. 50. Sie (эти книги) schildern uns das. Hebr. Volk noch völlig in s. alten. art... Die theokr. Standpunkt tritt nicht einmal bei der letzten Bearbeitung stark hervor. Bunsen: Bibel-Werk, 499 стр. V т., говоритъ: Jene Rede (Sam. 1, 12) erinnert ganz an die Reden im Deuteronom.

8. Объ употребленіи имени Израиля послѣ раздѣленія ср. Ewald: Gesch. d. V. Jsr. 3, 412.

12. „Азбурзъ, Азбургъ“. Ср. Spiegel. Er. A. Kunde 1, 162—3. Азбургомъ называетъ Снорре (Edda) Азгардъ. О послѣднемъ ср. Müller: Alt-D. Rel. 158. пр. 1-ое.

13. „Егаръ-Сагадуѳа“. Принято почитать это слово за арамейское въ противоположность еврейскому „Галедъ“. Но это не исключаетъ возможности признанія арійскихъ элементовъ въ т. наз. арамейскомъ нарѣчіи. Ср. Renan: Histoire des L. Sém. 59 и сл. и особенно Chwolson: Ssabier 1, 312.

14. „Мешіа и Мешіанэ“. Бундегешъ перев. Windischmann въ его Zoroastr. Studien. Сомнительно, чтобы Хаомо могъ быть почитаемъ „Учителемъ“; хотя онъ и является олицетвореннымъ собесѣдникомъ и наставителемъ Зороастра. Ср. однако Pauly R. Enc. s. v. Magi (1366 ст.) и s. v. Achaemenes 1, 16 и сл.

„Калки Аватара“. 10-й Аватаръ Вишну.

15. „Бога Хона“. Хонъ, божество финикійское; по Берозу—Хроносъ.

„Разсказъ о Ѳивахъ, которыя высились надъ водами“. Вѣроятно—празднованіе корабля „Ѳебахъ“. Бругшъ: Ег. Хронологія. Хотя упоминаемый здѣсь разсказъ взятъ неизвѣстно откуда, тѣмъ не менѣе сов. вѣрно, что преданіе о потопѣ у Египтянъ очень сомнительно. (Ср. Діодора 1, XIX о частномъ потопѣ при Озирисѣ.) Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что Египтяне не могли сохранить память о потопѣ, какъ бѣдствіи, потому что они слишкомъ привыкли видѣть въ разливахъ Нила явленіе благое (Ewald, Lepsius и др.). У Lenormant (Hist. Anc. de l'Orient) встрѣчаемъ попытку доказать, что первоначальное преданіе о потопѣ преобразилось въ разсказъ объ истребленіи людей за грѣхи ихъ въ концѣ царствованія бога Ра. Т. 1, стр. 78 и сл. Нѣкоторые производятъ еврейское слово „тебахъ“ отъ египетскаго корня. Gesenius: Евр. Лекс. s. v.

16. „Аль-Борузи“. Гара Березаити—по зендски. Хотя въ представленіяхъ Иранцевъ эта гора миѳическая, тѣмъ не менѣе она связывается составителями Авесты и Бундегеша съ истоками двухъ рѣкъ, которыя сами связываются съ представленіемъ объ Ефратѣ и Тигрѣ (Spiegel, E. A., 1, 1192).

18. „Одни уста были у всей земли“. Бытія, XI, 1.

20. „Доданимъ“. Авторъ признаетъ ихъ за Пелазговъ вѣроятно по сходству имени ихъ съ Додоной Пелазгической.

О „Яванъ“ принято думать что они „Греки“-Іонійцы Но Wilson тоже считаетъ ихъ Бактрійцами. Ср. Schlegel: Ramajana 1. 2 ч. 168.

21. „Нимврода“ усматриваютъ въ миѳическомъ лицѣ Издубара. О немъ говоритъ Lenormant. H. O.: on l'appelle provisoirement Jsdubar. P. e. que les découvertes ultérieures nous révèleront que ce groupe de signes équivaut á Évéchous de Berose. Évéchous м. б. „abal Khoush“—сынъ Куша. IV, т. 66.

22. „Кушиты, племя легко смыкающееся въ госуд. формы“. Lenormant также сопоставляетъ появленіе Нимврода съ основаніемъ государства тоже кушитскаго въ Египтѣ. Представителемъ кушитскаго начала въ смѣшанномъ составѣ Египта Бунзенъ (Aeg. Stelle, IV, 9) почитаетъ верхнее царство съ Ѳивами-столицей; и хотя въ историческомъ отношеніи Ѳивы слѣдуютъ за Мемфисомъ, но они культурно имъ предшествуютъ: они для Мемфиса—das uralte heilige Theben (1, 105).

„Передъ глазами Иранцевъ, оставившихъ намъ свидѣтельство о немъ“. Здѣсь подъ Иранцами явно подразумѣваются носители библейскаго преданія: Терахиты (племя Авраама) по мнѣнію автора, Арійцы.

25. О древнемъ Мероэ. Ср. Rawlinson. Herodotus II, 34 прим.

26. Spiegel (I. A. 3, 546) говоритъ: Wir müssen gestehen das uns die Existenz von Kasten in Eran zu allen Zeiten unwarscheinlich ist. Онъ признаетъ у Иранцевъ классы-сословія; и хотя Авеста исчисляетъ только при класса, но „dass gleichwohl noch eine vierte Klasse in Eran vorhaben war ist nicht zu bezweifeln“. 3. 550.

30. Нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія древности первоначальныхъ пещерныхъ храмовъ долины Верхняго Египта. Но если сохранившіяся храмовыя пещеры какъ Египта, такъ и Индіи не особенно древни въ своемъ настоящемъ видѣ, тѣмъ не менѣе X—въ вѣроятно судилъ о нихъ такъ же, какъ Lenormant: Hist. A. III, 391. „Ceci semble indiquer que si les architectes Egyptiens l'adopterent (le spéos) en Nubie, de préférence à tout autre (type), ce fut pour se conformer à un antique usage religieux des populations de la contrée“.

32. „Тауѳа или Хона“. Здѣсь не отождествляются эти отличныя другъ отъ друга божества, они только сопоставляются въ роли посредниковъ между богами и людьми. Хонъ, Хонсъ, Хунсу почитается греками за Иракла. По Макробію онъ избилъ Гигантовъ и тѣмъ способствовалъ развитію человѣческаго рода. Онъ и Тауѳъ, оба, по мнѣнію Бунзена (Aeg. Stelle 1, 461), сидеральнаго характера. На этой страницѣ сдѣлана рукою автора замѣтка: „Хонсъ, Хорсъ, Ганеса—богъ счастія, сынъ Шивы“.

33. „У Маговъ вавилонскихъ“. Едва ли этотъ обычай не мидо-персидскаго происхожденія, какъ и сами Маги не были исконные Вавилоняне, хотя Movers считаетъ ихъ искони общими Ирану и Ассиріи.

„Отчасти изъ Геродота“. III, 21.

33. „Садикъ“ почитается отцомъ Кабировъ, божествъ планетарныхъ, и покровителемъ мореплаванія. Греки его отождествляли съ Гефестомъ. Онъ почти отождествляется съ Беломъ, высшимъ божествомъ Семитовъ Междурѣчія.

34. „Мисраимъ“. Хотя Гезеніусъ, Бунзенъ и др. объясняютъ это имя изъ еврейскаго языка и почитаютъ его двойственной формой (Верх. и Ниж. Египты), тѣмъ не менѣе это объясненіе не окончательно установившееся. Delitzsch: Com. z. Genesis 295: ein schwerlich aus dem Semitischen zu erklärender Name Aegyptens. Иногда онъ употребляется для одного Нижняго Египта. Исаія, XI, 11.

„По торговлѣ своей“. Исаія, XLIII, 14, говоритъ о Халдеяхъ, какъ мореплавателяхъ; ср. Lassen: Ind A. Kunde 2, 299. Относительно нахожденія балокъ знаемъ лишь объ одномъ случаѣ таковаго, и то въ Ниневіи. Дерево, изъ котораго эта балка—тутовое (Maulbeer—Baum-Holz). Nineveh und. s. Ueberresten Layard’a, пер. Meissner’a, стр. 212. Вавилонъ получалъ потребное дерево, кромѣ Ливана, съ острова Тилоса въ Персид. заливѣ. Weber: W. G, 1, 388.

35. „Мерисъ и Нинъ“. Не совсѣмъ понятно, что хотѣлъ этимъ сказать авторъ. Въ какомъ смыслѣ онъ почитаетъ сказаніе о Мерисѣ (Гер. II, 13) за самое древнее объ Египтѣ? Мериса теперь отождествляютъ съ Аменемгой III, 12 дин. Но Раулисонъ думаетъ, что Геротодовъ Мерисъ есть Менофресъ, относящійся къ 14 вѣку до Р. Х. Что же касается до времени Нина, то изъ сопоставленія этого мѣста съ тѣмъ, что говорится раньше, видно, что авторъ хочетъ опредѣлить время, въ которое могла царствовать династія, олицетворяемая имъ. По Раулисону видно, что древнѣйшая историческая дата, почерпнутая изъ памятниковъ, относится къ 19 вѣку до Р. Х. (Herodotus, 1, 373), почему отнесеніе династіи, такъ сказ., доисторической, къ 3-му тысячелѣтію представляется вполнѣ вѣроятной (ср. Lenormant, стр. 132).

39. „Іолофы, у которыхъ божество Саг-абехъ“. (?).

43. „Боги, побѣжденные Тифономъ“. Bunsen: Aeg. 1, 513.

45. Дзогакъ (Dahaka), по Авестѣ, живетъ въ Bawri, Вавилонѣ. Его эмблема—змѣй.

46. „Астарта“. Въ Авестѣ является богиней не Астарта, а Анахита (Ardvisura—Anahita), отождествляемая съ финикійской Астартой. Movers, Phön. 1, 606, считаетъ, что корень этого имени и.-европейскій. Объ Остарѣ ср. Grimm: Myth. 267, 268 и W. Müller: Gesch. u. Syst. d. Alt Deutsch. Religion 91 стр.

47. „Общій „л“ грубый“. Oppert (gramm. Sanscr.) такъ опредѣляетъ этотъ звукъ: „le „l“ Védique apartient aux cérébrales“.

48. „Народъ уже поклонялся Вишну и Шивѣ, это видно и изъ самыхъ „Ведъ“. Colebrooke: Essays 1, 132, говоритъ: „Brahman is no divinity in the Vedas. Vishnu is not at all prominent; the name of Siva is not known., and Rudra, the nearest correspondent of the modern Siva is of quite a different character from the latter. Wilson тоже отрицаетъ знакомство Ведъ съ Шивой, хотя менѣе категоричеси (Rig Veda. Introd XXVI—XXVII). „Siva kommt

im Veda nicht vor—говоритъ Lassen (I. A. 1, 781), но приводитъ въ примѣчаніе мнѣніе Goldstücker'a: „jedoch viele Stellen der schwarzen Iagur Veda beziehen sich anf ihm...“.

51. О „Какшивантѣ“. Kakschivat... his mother was bondmaid of King Anga's queen. Coleb. Essays. 1, 21.

„Передникъ Кава“. Spiegel, 1, 540. III, 641. E. A.

„Нила“. Bohlen: Indien. II, 458.

58. „Невозможно отдѣлить первоначальныхъ стихій“. Изученіе клинообр. письменъ только что начиналось, когда написаны были эти строки (начало 40-хъ годовъ). А. С-чу были извѣстны во всякомъ случаѣ труды Гротфенда и Лассена. Ср. письмо къ А. О. Смирновой, т. VIII.

61. „На берегахъ Финикіи произошли многія столкновенія племенъ“. Ср. Chwolson: Ssabier 1, 329. Harte Kämpfe zwischen d. Ariern u. Phöniciern олицетворяются борьбою ассир. Demarus-Tamura съ финик. Понтусомъ по Санхоніатону. E. v. Bunsen: Ueber d. Einh. d. Rel. I. Band.

64. „Сѣверный Эриданъ“. Герод. III, 115 гл. The name Eridanus may still survive in the Rhodaune which flows by Dantzic. Students Anc. Geogr. Bevan Smith 32. „Эридана Италійскаго“. Страб. V, 9. Rawlinson. Herod. 2, 416.

66. „Праздникъ Сакей-сѣней“. Свойственъ культамъ асс. вавил. и персидскому. У Персовъ въ связи съ Анаитой или Танаитой. Авторъ считаетъ его праздникомъ иранскимъ и какъ таковой, вошедшимъ въ обиходъ еврейскій черезъ Иранцевъ-Терахитовъ.

„Авраамъ помогалъ... противъ родственныхъ ему Семитовъ“. Бытія, XIV, 9 и сл.

О Іосифѣ и его дѣятельности въ Египтѣ Lenormant (H. A.) говоритъ: Depuis que les monuments de la vallée du Nil sont mis au jour et éxpliqués, on a reconnu avec quelle surprenante éxactitude elle (la Bible) dépeint l'etat social de l'anc. Egypte. etc VI, 158.

71. Гиксосы современны Манеѳ. 17-й династіи, но они не составляютъ ее. 17-я дин. царствовала въ Ѳивахъ и была подвластна Гиксосамъ.

„Между династіями XVII и XVIII не видать перерыва“. Трудно согласить это съ сказаннымъ выше, что Гиксосы составляли именно XVII династію. Вѣроятно описка въ первомъ случаѣ.

„Ахмозисъ“—Аахмесъ.

„Памятники временъ Сезостриса упоминаютъ съ похвалою объ Анофисѣ“. Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду надпись Рамзеса II въ Танитѣ: „Въ годъ четырехсотый въ день мѣсяца Месора царя Нуба (Апофиса)“. Ср. Бруг. Хронологія. Хотя похвалы здѣсь, собственно говоря, нѣтъ, но это упоминаніе о царѣ Гиксосѣ показываетъ уваженіе къ нему.

„Озортазенъ“ по чтенію Шамполіона и Росселина.

„Процвѣтаніе астрономіи при Озимандіасѣ“. Діодоръ, I, 50.

72. „Осимандіасъ“ имя царя, приписываемое разнымъ лицамъ отъ I дин. (Бунзенъ) до Рамзесовъ. Здѣсь оно употреблено, согласно разсказу Страбона (8, 16), безотносительно къ опредѣленному историческому лицу. Оттого онъ и указанъ въ числѣ мемф. государей.

73. О „Сезортозенѣ“ ср. Bunsen: Aeg. 2, 309 и сл.

78. Пара-Брахма — universal deity, univ. spirit. Wilson. R. Veda 3, 199; Пра-Богъ, Urgott, по Юнгманну (Wörterbuch) у Чеховъ.

82. The proficiency of the Javanas in astrronomy was known to Warahamihira. He has mentioned it with applaunse. Colebr. Essays, 2, 361.

88. Въ библіотекѣ А. С-ча сохранилась книга подъ названіемъ „Записокъ Китайскихъ“ съ франц. 1786 г. Ср. съ ней I т. 148 стр. и сл. относительно сказанія о Фу-ги или Фо-ги. Злой духъ называется Ку-Кугъ. Фу-ги имѣлъ видъ змѣя съ человѣч. головой или, наоборотъ, человѣка съ змѣиной головой. Онъ изобрѣлъ Кіа и Хе, орудія музыкальныя (стр. 183); онъ же изобрѣлъ буквы. Этотъ змѣиный характеръ Фу-ги (по мнѣнію автора—кушитскій) далъ вѣроятно автору мысль объ отождествленіи его съ позднѣйшимъ Буддой, представителемъ кушитскаго начала, почитаемаго въ Китаѣ подъ именемъ Фо или Фо-ти.

91. „Гоанъ-ти“ и „Чи-Ісу“. Тамъ же стр. 190.

96. „Молитва царя Ю“. Въ точномъ смыслѣ эту надпись нельзя называть молитвенной. Бунзенъ Aeg. S. V.a 286 признаетъ ее несомнѣнно подлинной и самого Ю—несомнѣнно историческимъ лицомъ.

97. Бунзенъ относитъ царствованіе „Ю“ именно къ этой эпохѣ (ср. Aeg. Stelle).

98. Ву-вангъ, или У-уангъ основатель династіи Тшеу, умеръ по вышеупомянутой книгѣ Кит. Записокъ въ 1116 г. до Р. Х. (V, 48). Принятіе титула Ти приписывается Тсе-ше-Гоангу, сожигателю книгъ. Тамъ же говорится, что титулъ „Ти“ никогда раньше не употребляется, хотя въ перечисленіи императоровъ Яо и Шинъ зовутся Ти-Яо и Ти-Шинъ.

100. Культъ Шивы распространенъ преимущественно на югѣ Индіи за линіей, идущей отъ Бомбея до Мадраса. Ср. Schlagintweit: Indien.

104. Второй династіей ассирійской называетъ авторъ первую историческую династію чисто-ассирійскую. Ассирія историческая не распространялась до предѣловъ легендарной Ассиріи Семирамиды.

106. Троя въ Ликіи есть гор. Τλῶς; въ этомъ имени л и р употребляются одинаково. Арна, по Стеф. Виз., древнее названіе города Ксанѳа. Было ли оно названіемъ и рѣки? По Страбону, эта рѣка называлась Сирбисъ. По поводу производства слова „Ликія“ отъ „Великій“ любопытно указаніе Гезихія, что Ликія значитъ Гигантія. Ср. Кондаковъ: Памят. Гарпій, 31. Это названіе (Гигантія), откуда бы ни происходило, имѣетъ связь съ представленіемъ великаго. Геродотъ говоритъ, что древнее имя Ликійцевъ было Μιλύες. I, 173. О защитѣ Ксанѳа у него же 176 гл.

107. „Лицо человѣческое возвышено до божественности“. Вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду миѳъ о Белерофонѣ (Ганемидѣ) и др., напр. Сарпедонѣ.

109. Саки служили на перс. корабляхъ. Гер. VII, 64 и сл.
Ассаракъ, братъ Лаомедона.

110. Лаомедонъ, сынъ Ила, царь троянскій. Гераклъ разрушилъ при немъ Трою. Танталъ жилъ первоначально у горы Сипила въ долинѣ Герма. Его называютъ то Лидійцемъ, то Фригійцемъ.
„Беленомъ Великимъ“, т.-е. Ликійскимъ.

110. „Амазонокъ“ (ср. Cuno, Skythen). Царица ихъ Пентесилея убита Ахилломъ, равно и Мемнонъ.

111. „Поясъ Венеры“. Ошибочно сказано, что „часто воспѣвается“ въ Иліадѣ. О немъ говорится только въ XIV п. ст. 214—7. Съ нимъ сопоставляютъ магическое покрывало Левкотеи въ Одиссеѣ.

„Прія-Лайми у Запад. Славянъ“. Не ошибка ли вмѣсто „у Литовцевъ“?

112. „Эзопъ“. Одни почитаютъ его уроженцемъ Ѳракіи, а другіе Фригійцемъ. Такъ какъ послѣдніе несомнѣнно сродны Ѳракійцамъ, а Ликійцевъ авторъ причисляетъ къ тому же племени, то эта ошибка его въ сущности не измѣняетъ дѣла.

114. „Никто не замѣтилъ...“ Вѣроятно въ смыслѣ „не оцѣнилъ“.

„Скифъ Абарисъ“. Er ist Vertreter d. vorgestellten Verbindungen d. Apollocultus mit einem nördlich wohnenden Volke. O. Müller: Dorier. 1, 267. Prolegomena 227. Lobeck Aglaophamus 313 и сл.

„Вліяніе Ирана на Африку“. Говорится о Гиксосахъ, которыхъ авторъ считаетъ Арійцами.

115. Дедалъ почитался Аѳиняниномъ, изъ рода Эрехтидовъ.

116. „Ѳивы-Діосполисъ“. Хотя теперь принято производить имя егип. Ѳивъ отъ слова, означающаго „столицу“, тѣмъ не менѣе остается вопросомъ, всѣ ли города, носившіе имя Ѳивы, были тоже столицами. Если нѣтъ, то обязательно ли производство это для Ѳивъ Египетскихъ?

117. „Вакха Аѳинскаго“—точнѣе Элевзинскаго Загрея.

118. „Критяне поработили Аттику“. Основной мотивъ миѳа о Тезеѣ и Минотаврѣ.

119. Что Амфиктіонъ привелъ съ собою Куретовъ и Лелеговъ—повѣствуетъ Аполлодоръ I, VII.

122. Стремленіе къ равенству съ дорійской братьей выражается, по мнѣнію автора, вѣроятно въ происхожденіи Тезея отъ матери изъ Арголиды.

Таинства Элевзинскія связаны съ Ѳракіей черезъ Эвмолпа и Триптолема.

123. „Душевнаго голоса, изливающагося въ духовной молитвѣ, Эллада не знала“. Ср. Nägelsbach: Homer. Theologie 211 и сл. Онъ указываетъ на то, что во всемъ Гомерѣ встрѣчается только одинъ случай молитвы, не имѣющей непосредственно утилитарную цѣль: это молитва Гектора о сынѣ. Ил. 6, 476. Слова для „молитвы“ въ соб. смыслѣ нѣтъ: Ευχαι ist eine Gelübde. Λιταί dagegen ist special das Bittgebet.

124. „Аѳина (истинная владычица позднѣйшей Эллады)“. На отдѣльномъ листкѣ, не входящемъ въ текстъ записокъ, авторъ начертилъ: „Великая ошибка считать Аполлона богомъ строительнымъ; это качество принадлежитъ одной Аѳинѣ (сличи Гомера, который безъ этого пониманія не имѣетъ смысла). Область ихъ:

Аполлонъ		Лицо въ отдѣльной вдохновенности, богомолецъ, воинъ; поэтъ, оракулъ, художникъ; родъ
Аѳина	Общество, ремесло, городъ.	Мудрость политическая, фаланга, порядокъ, всякое усовершенствованіе въ жизни; ничего иносказательнаго или вдохновительнаго, ни одного оракула.

Родовая Троя—Аполлонъ.

Благоустроенная Эллада—Аѳина.

„Южный Посейдонъ изгналъ“. Ил. XXI, 195 ст.

„Зевесъ находится въ зависимости отъ Океана“. Ил. XIV, 301 ст. Онъ Θεῶν γὲνεςις.

125. О Семелѣ—примѣчаніе, пропущенное въ текстѣ: „это толкованіе сказано мнѣ во снѣ“.

126. Педаса и Педасосъ собственно не въ Ликіи. Первая въ Каріи, второй въ Мизіи. Но подъ Вендами ликійскими авторъ подразумѣваетъ то племя ѳракійскаго корня, которое объединяло многія области М. Азіи въ древнѣйшія времена, а не только географическую Ликію.

128. „Дедалъ прилетаетъ съ Юга“. Сказаніе объ аттич. происхожденіи Дедала почитается нѣкоторыми учеными за позднѣйшее. Preller G. M. 1, 345.

„Амфіонъ какъ виртуозъ“. Онъ прилаживалъ приносимыя Зетосомъ камни для построенія Ѳиванской стѣны посредствомъ звуковъ свирѣли, чему научился у Гермеса.

131. Древнее искусство въ Египтѣ выше позднѣйшаго. Позднѣйшіе историки выдумали Сезостриса древнѣйшаго“. Точнѣе смѣшали Рамезесовъ съ Озортазенами 12-й дин.

132. При-Ефратскія страны по надписямъ—Нахараина.

„Геродотъ о столбахъ Сезостриса“ (11, 106) „и о Колхидѣ“. Въ настоящее время существованіе такихъ столбовъ не подвергается сомнѣнію. Еще Тутмозисы ставили таковые; самые дальніе походы были совершены при Тутм. III (18 дин.). О возможности колонизаціи Колхиды ср. къ Гер. II, 103 примѣчаніе Рауллисона. Сопоставляя Рамезеса Міамуна съ Рамезесомъ III, авторъ впалъ въ ошибку, поставивъ одного на мѣсто другаго.

134. „Гроза его оружія достигла Индостана“. Едва ли это вѣрно. Ср. о сношеніяхъ Египта съ Аравіей и Индіей во времена Тутмозисовъ у Lenormant, II, 186.

135. Севекотеръ по-египетски Шабатока.

Тархака почитается то внукомъ, это племянникомъ Сабакона, библейскаго Шабака.

„Стефинатисъ“ еллинизированное „Таф-лахта“. Одинъ изъ такъ назыв. додекарховъ, возставшихъ противъ эѳіопской власти. Онъ былъ прадѣдъ Псаметиха, Brugsch: Егип. хрон. 692. Lenormant: Hist. II, 365.

137. Сравн. Bunsen: Aeg. St. I, 798. Авторъ смѣшалъ въ ссылкѣ на Порфирія восковые фигуры со свѣчами.

144. Ср. о Посейдонѣ Беритскомъ. Movers. Rel. d. Phön. 661—664.

Сидоняне въ XVI вѣкѣ основали на мѣстѣ Карѳагена городъ Камбе. Этотъ городъ опустѣлъ и на его мѣстѣ Тиръ построилъ въ 872 г. гор. Картъ-Гадешатъ. Lenormant, VI, 612.

144. „Невріе Геродота“ (IV, 42). Передано неточно: „Они видѣли восходъ сначала съ лѣвой, а послѣ съ правой стороны“.

146. „Деркето и Астарта“. Данное здѣсь опредѣленіе этихъ двухъ богинь совершенно соотвѣтствуетъ высказанному о нихъ мнѣнію Movers: Phön, 1, 601 и сл. Хотя Фмникійцы не употребляли названія Деркето, но здѣсь вѣроятно дается лишь намекъ на типъ той богини, которая хотя и объединялась общимъ именемъ съ Астартой сидонской (numen virginale), но была совершенно ей чужда.

151. „Простодушно проситъ прохода на Сѣверъ“. Числа, XX, 17 и XXI 22 и Судьи I, 34; ср. также Исходъ XIII, 17—характеристика невоинственности Израильтянъ.

153. „Превосходство туземной конницы“. I. Навинъ XI, 6, 16; XVII, 16.

155. „Ибстанъ“, по 70-ти „Исевонъ“.

162. „Ассирія и особенно Вавилонъ вели войну... религіозную“. Этотъ вопросъ подробно разработанъ у Movers'a: Rel. d. Phön 640 и сл.

164. Эсты и Летты состоятъ изъ стихій кельто-кумрійскихъ. Ср. „Parrot“ Liwen, Letten, Esten.

166. „Скиѳы себя называютъ „Сколоты“. Гер. IV, 6.

167. Діодоръ: II, 43.

169. „Vishnu“. Hitzig, die Philistäer, считаетъ его первообразомъ Аполлона. Второй Белъ сопоставляется Митрѣ. Самое божество „Белъ“ Раулинсонъ отличаетъ отъ „Баала“· Ср Herodotus, 1, 255, прим. 8.

„Афганъ“. Лассенъ считаетъ Афганцевъ древнимъ самостоятельнымъ племенемъ, среднимъ между Иранцами и Индусами. I. A. I, 431 и слѣд. О значеніи борьбы между Лунной и Солнечной династіями говоритъ Бенфей (Erschi. Gr. 273), что это вопросъ, который критическая исторія никогда не будетъ въ состояніи разрѣшить; но что если давать историческое значеніе оной, то исторія собственно Индіи должна начаться съ 1400—1360 до Р. Х.

170. Относительно времени Будды между Буддистами разнорѣчіе. Нѣкоторые относятъ его къ 2320 г. до Р. Х.; другіе (цейлонскіе лѣтоп.) къ 543, и даже 520 г. (въ Ассамѣ). Принято теперь относить жизнь Будды къ 6-му столѣтію.

171. „Саманокоддомъ“ у Сіамцевъ произошло д. б. изъ „Cramana-Gautama“. Köppen: Buddha 2, 93.

„Школа Санкхія“. Endzweck d. Philosophie ist ihm (основателю) die Befreiung v. Schmerze. Koeppen 164; Colebrooke: Rel. of the Hindu's 142 и сл. и 281 и сл.

172. „Въ Гегелизмѣ возникло Яинство“.—Штраусъ.

173. „Отношеніе Шиваизма къ Буддизму“, ср. Burnouf: Introd 522. Tantras. Хотя онъ отвергаетъ исконное сходство этихъ двухъ религій и придерживается взгляда В. Гумбольда (ü. Kawisprache), тѣмъ не менѣе онъ же говоритъ: Le seul point sur lequel se rencontrent ces deux doctrines, c'est la puissance, qu'elles attribuent aux efforts personnels de l'homme, puisque semblable au Buddha le Jogin çivaite ne doit rien qu'à lui même, et c'est uniquement par la pratique d'un ascétisme tout individuel qu'il s'élève au dessus du monde (554 стр.).

177. „Китай“. Перечень династіямъ по „Запискамъ Китайскимъ“:

Гіа.
Шангъ или Инъ.
Тшеу . . . . 1222 г. до Р. Х.
Тсинъ . . . . 148 „ „ „ „
Ганъ . . . . 206 „ „ „ „

	По Рожд. Хр.
Ганъ послѣдній	238
Тсинъ Восточный	265
Сонгъ	420
Тси	480
Леангъ	502
Тшинъ	560
Сонгъ	590
Тангъ	618
Леангъ послѣдній	911
Тангъ ”	924
Тсинъ ”	937
Ганъ	948
Тшеу послѣдній	951
Сонгъ	960
Юэнъ	1280
Мингъ	1368
Тай-Тсинъ	1644

178. Му-Вангъ. 6-й императоръ изъ династіи Тшеу около 1000 г. до Р. Х.

179. О затменіяхъ солнца, исчисленныхъ Китайцами съ древнѣйш. временъ, Кит. Зап. т. III.

180. „The era of Nabonassar which has no astronomical importance (B. C. 747) must be regarded.. as almost certainly marking the date of a great revolution. Rawl.: Herod. 1, 411.

187. Бактрія—авторъ всегда пишетъ Вактрія, что облегчаетъ словопроизводство отъ „Вач“—„вѣщать“—говорить. Сохраняемъ однако правописаніе обыкновенное, какъ утвердившееся.

189. Іеу-Вангъ былъ 14-й изъ династіи Тшеу. Его относятъ къ 781 г. до Р. Х. Погибъ отъ юнгъ-тійскихъ Татаръ въ 770 г. Погромъ былъ настолько силенъ, что сынъ его, Пингъ-Уангъ, долженъ былъ перенести столицу, которую назвалъ Ло-Янгъ (Зап. Кит. 4, 59).

„Сарданапалъ“. Assur-Nirar est le Sardanapale des Grecs. Lenormant, IV, 213.

190. Вмѣсто „Алекторъ“ надо поставить „Алектріонъ“. Нерадивый слуга Ареса, обращенный имъ въ наказаніе за недостатокъ бдительности въ пѣтуха.

„Египетъ отбилъ потокъ сѣверныхъ завоевателей“. Выраженіе это не совсѣмъ точно, ибо Египетъ былъ завоеванъ Ассаргадономъ и вторично разоренъ Ассурбанипаломъ. Этимъ былъ положенъ конецъ династіи Эфіопской.

191. Бет.-Шеанъ—Скиѳополисъ. Ср. 2, Мак. XII, 29.

„Ашкера“ собств. „ашера“. Фаллическія эмблемы. О возможности шиваитскихъ элементовъ въ культахъ сирійскихъ. ср. Hitzig: Philistäer. passim.

192. „Ключъ къ нимъ найдется вѣроятно.. “ Указаніе на время написанія этой части Записокъ.

„Богомъ Хономъ“ по Санхоніатону.

195. Навуходоносоръ опустошилъ Египетъ дважды, особенно же въ 567 г. Взятіе Самаріи теперь въ точности отнесено къ царствованію Саргона, сына его—721—704 до Р. Х.

197. Нельзя не обратить вниманія на почти буквальное сходство сказаннаго авторомъ о религіи еврейской съ тѣмъ, что высказано по тому же предмету много лѣтъ спустя у Lenormant, въ его Hist. Anc. de l'Orient, 6, 184 и сл.

199. Останавливаемъ вниманіе читателей на этомъ мѣстѣ. Это программа всего труда.

„Арбакъ у Ктезія и Діодора". Ср. Spiegel: E. A. 2, 257.

201. О родинѣ и эпохѣ Зороастра. Ср. Spiegel: Avesta 2, 208.

202. Объ отношеніи Зенда къ древне-Персидскому ср. Lassen и Westergaard: Keilinschr. 253 и слѣд. Съ этою книгой авторъ былъ несомнѣнно знакомъ (1845 г.).

203. „Магатъ". Ср. Pott Etym: Forsch III, 989 и сл.

204. Въ сравненіи русскихъ словъ съ санскритскими, слово „го" сопоставляется съ санскрит. „go"—„корова". Но слово это вѣроятно происходитъ отъ gu-tönen, возглашать, прославлять, а также мычать; оттуда мычащая—корова. Pott. Et.: Forsch. 2. 2. 738.

205. „Мазандеранъ". Spiegel не даетъ этому имени никакого объясненія.

207. „Вавилонъ—змѣепоклонникъ, по Евреямъ". Дан. XIV, 23. (Неканоническая часть по евр. тексту).

208. „Соосдухинъ" Не искаженіе ли это имени Assur-edit-ilana, побѣдившаго Фраорта въ 632 г.?

209. „Потомки Агамемнона владѣли равниною". Страбонъ, III, 3.

210. Соображенія о происхожденіи имени „Геркулесъ" указываютъ на спѣшность работы автора и на ея черновое состояніе. Все сказанное имъ не теряетъ значенія, если взять исконное греческое имя „Гераклъ". Выраженіе: „Геркулъ было принято въ смыслѣ круга годового" надо конечно понимать не въ лексическомъ смыслѣ, а въ томъ, которое можно извлечь изъ пониманія значенія этого божества, какъ божества солнца въ его годовомъ оборотѣ. Матеріалы для уясненія этой стороны Геракла-бога можно найти у Pauli R.—Enc. III, стр. 1186 и сл.

212. „Кіаксаръ"; по др.-Перс. Увакшатра „Spiegel". По Масперо: Hist. anc. des peuples de l'Orient 509.—„Khvakhshatra". Второе чтеніе близко подходитъ къ предлагаемому Х—вымъ.

213. „Вздоръ о ходѣ солнца". Вѣроятно разсказъ Финикійцевъ, упомянутый выше,—изъ Геродота.

216. У Шпигеля говорится лишь объ остановкѣ Кай-Кавуса у горы Isprùj. Бѣлые Девы, по Фирдуси, dev-i-safed. Spiegel, I, 586.

219. Крезъ объявляетъ войну „неправую", по мнѣнію Геродота.—1, 71.

220. Вслѣдствіе завоеванія Киренаики Карѳагенъ сталъ платить дань (временную) Дарію. Lenormant: H. A.

221. „Государственные законы назывались...". По Библіи — Даніилъ, Есѳирь. Раулисонъ допускаетъ возможность того, что во время взятія Вавилона, царствовалъ у Мидійцевъ Астіагъ или сынъ его (что несогласно съ Геродотомъ), какъ подручникъ. Rawl.: Herod. 1, 340 и слѣд. „Кажется Кіаксаръ?".

„Мидійскіе Пишдадіи“. Мож. быть, по отношенію Густаспа (Vischtaspa) къ Зороастру авторъ почитаетъ ихъ Мидійцами.

Киръ, по Геродоту, внукъ Астіага; по Ктезію, онъ убилъ мужа дочери Астіага и женился на ней.

222. „Вахтри—говорящій“. Здѣсь авторъ даетъ слову Бактрія другое толкованіе, чѣмъ то, какого держался прежде по Wilson'у — Бахтеръ, Востокъ (Ariana ant. 126).

„Даги“. Ездра, I, IV, 9.

223. „Эремъ“ у Потта „аремъ“. Ср. его замѣчанія объ этомъ словѣ Etym. Forsch. I, 698. О „Давусъ“ ср. J. Grimm. G. D. S. 132—133.

„Персы уважаютъ другіе народы“ и т. д. Геродотъ, I, 132.

224. „Есть причины предполагать, что каждое сословіе имѣло... царя“ (?)

Шпигель думаетъ, что первоначально было три сословія, но онъ признаетъ существованіе четырехъ, основателемъ которыхъ былъ Yima (Джемшидъ).

226. Lenormant думаетъ, что Киръ былъ индиферентъ въ вѣрѣ.

227. „О, если бы весь Израиль былъ пророкомъ!“. Числа, XI, 29.

„Лат. Seco“; пропущено въ прежнихъ изданіяхъ „шигъ, санскрит.—язвить, убивать“. Ср. Pott. Et. Forsch. 21, 593. Въ сравненіи рус. словъ съ санскр. слову „сѣчь“ дано то же производство.

Ср. о положеніи женщинъ у германцевъ. Grimm. R. A.

228. „Камбизъ—Кобадъ“. Авторъ, какъ видно изъ предыдущаго, почитаетъ эти имена тождественными. Египтяне писали „Камбатесъ“.

„Серахъ“ (Зарай). Нѣкоторые его почитаютъ за египет. „Озоркона“. Паралип., XIV, 9.

„Основаніе еллинскаго царства“. Вѣроятно имѣется въ виду Псаметихъ.

„Ничтожное указаніе З. Авесты“. Вѣроятно упоминаніе царя Гистаспа.

230. „Требованіе Дарія отъ Кареагена“ (?) и т. д. Не знаемъ, откуда взятъ этотъ фактъ. Lenormant признаетъ, что Кареагенъ платилъ дань Дарію; а Movers говоритъ объ отмѣнѣ персид. царями человѣческихъ жертвъ въ Финикіи (Relig. d. Phön. 303).

231. Поводомъ войны со Скиѳами Spiegel полагаетъ желаніе завладѣть хлѣбородной страною. Массагеты—Скиѳы, Герод. 1, 201; Обычаи Массагетовъ, 1, 216; Скифовъ, IV, 61.

Иногда Яксартъ называется Танаисомъ. Этому перенесенію имени даютъ разныя объясненія. А. Гумбольдтъ объясняетъ его такъ же, какъ и Х-въ, только черезъ Аланъ, а не Массагетовъ.

234. Отвѣтъ Кира Спартанцамъ объясняетъ Геродотъ, какъ основанный на ихъ торговыхъ обычаяхъ; но онъ можетъ быть объясняемъ и политическимъ строемъ.

О судьбѣ пословъ Дарія въ Аѳинахъ и Спартѣ ср. прим. Раулписона къ Гер. VII, 133.

236. „Лже-Минерва“—возвращеніе Пизистрата. Ср. Grote: Hist. of Greece IV, 139 прим.

„Астарта Бактрійская“ т.-е. Анагита (Танаита), впослѣдствіи смѣшавшаяся съ Астартой.

237. „Персы и Саки въ Мараѳонской битвѣ“. Гер. VI, 113.

238. „Торжествующій младенецъ“. Вѣроятно говорится о Кирѣ, который, по однимъ преданіямъ, возсталъ противъ Астіага еще очень юнымъ.

239. Шпигель указываетъ еще и на враждебность подчиненныхъ народовъ ко все болѣе и болѣе развивавшейся, такъ сказ., монополизаціи власти въ государствѣ персидскимъ племенемъ.

242. Аѳиняне—туземцы, а не пришельцы. Геродотъ, VII, 162. „Мы самый древній народъ въ Греціи“ ἀυτόχθονες, γηγενεῖς по друг. писат.

„Избирательная монархія“ выраженіе не точное, ибо до архонта Гиппомена (714 г. до Р. X.) эта должность была наслѣдственная, пожизненная до 752 г. и только съ этого времени всѣ эвпатриды могли быть на нее избираемы. Grote: H. of Greece. III, 66.

„Раздѣленіе на филы“. На отдѣльной бумажкѣ сохранилась слѣдующая замѣтка А. С-ча:

Дѣленіе Аттики:

4 филы по занятіямъ противополагались 10 Клисѳеновымъ филамъ мѣстнымъ:

1. Фила—Діасъ—Гелеонты (жреческая).
2. Аѳинесъ—Эгикоры (торг. и ремесленная).
3. Посейдонесъ—Аргадіасъ (пахари и пастухи).
4. Эфестіасъ—Оплитесъ (воины).

Каждая фила дѣлится на 3 (неразобрано), т.-е. состоянія:

Эвпатридесъ—родовитый, живетъ въ Аѳинахъ.
Геоморъ — землевладѣлецъ, слобожанинъ, горожанинъ мелкихъ городовъ.
Деміургъ—бродячій, рабочій во всѣхъ занятіяхъ.

1-е. Дѣленіе на филы=восточ. дѣленію на касты.

Въ филахъ, какъ въ кастахъ (?), цари.

2-е. Дѣленіе на (неразобр.)=Спартанскому на:

Спартанцевъ—Эвпатридовъ.
Періековъ—Геоморы (въ огранич. смыслѣ: горожане мелкихъ городовъ).
Гелотовъ—(работниковъ, слугъ и рентарей на чужой землѣ).

Организація Спарты будетъ тогда только ожесточенное дѣленіе на (неразобрано) и относится къ аѳинской, какъ индустанское къ персидскому. Первое же дѣленіе на филы сохранилось у Аѳинянъ-автохтоновъ и сгибло у Спартанцевъ-дружинниковъ, пришельцевъ, въ которыхъ всѣ сдѣлались оплитами. То же дѣленіе подозрѣваю въ древней Руси.

243. „За трупы Аргивцевъ“. Геродотъ XI, 27; Grote: H. G. I, 377.

Характеристика Аѳинъ Спартанцами у Ѳукидида, 1, 70.

„Древнее предсказаніе“ (?) Не имѣется ли въ виду то изреченіе Дельфійскаго оракула, о которомъ говоритъ Гротъ (IV, 164), что Спартанцы были къ Аѳинянамъ: „hostile from a mistaken feeling of divine injunction“.

244. „Разрушенныя и опустошенныя Ѳивы“. Выраженіе это не точно, если относится къ городу, а не къ области, подвергшейся опустошенію за измѣну.

246. Принадлежитъ къ свѣтлому символизму Ирана“. Ср. прим. Раулисона къ Геродоту XV 54.

Берзилъ (?).

По разсказамъ Персовъ, Персей былъ Ассиріецъ, сдѣлавшійся Грекомъ. Герод. VI, 54.

255. „Заратустра у Платона. Алкив. I, 90.

257. Въ Македоніи греческій языкъ является въ дорической формѣ. Buttmann Gr.Sprachlehre 1, 7, прим. 12. Объ аристократическомъ строѣ общества въ Македоніи, ср. G. Curtius: G. G. III. 397. Геродотъ говоритъ, что Дорійцы были нѣкогда Македонянами. Тамъ же III. 396.

258. „Колѣну Эолійскому“. Ср. G. Curtius, G. G. 1, 397.

259. „Незадолго до того времени ими умиренной“, при соперничествѣ Александра II и Птоломея.

264. Разсказъ I. Флавія о посѣщеніи Александромъ Іерусалима, по Эвальду, совершенно не достовѣренъ. „Es versteht sich von selbst (?) dass diese Erzählung schon ihrer ganzen Haltung nach sehr ungeschichtlich ist. Gesch. Isr. IV, 240. Сущность событій отъ этого не измѣняется.

267. Греческія надписи. Ср. Lepsius Briefen aus Aeth. 364.

„Колонія Іудейская въ Абиссиніи. По Людольфу, Семиты проникли въ Абиссинію еще до Іисуса Навина. Renan, H. Gén. Syst. 1, 319, относитъ проникновеніе семитическихъ элементовъ въ Эѳіопію къ „une haute antiquité“.

„Приливъ новыхъ военныхъ силъ при Грекахъ“. Имѣется ли здѣсь въ виду эпизодъ изъ исторіи Псаметиха, вызванный появленіемъ Грековъ въ Египтѣ, или завоеваніе Эѳіопіи Птоломеемъ Эвергетомъ ?.

268. „Царя Эргаменеса“. Аркаменъ, современникъ Птоломея Филадельфа. Lepsius: Briefen. 112, 205. О жреческомъ строѣ государства въ Мэроё, Тамъ же. 217.

270. „Антіохъ, жившій въ Римѣ“ въ качествѣ заложника. Ливій, XLI.

271. Lassen: Gr. und. I. S. Königen. считаетъ, что царство Теодота основано до 256 г., года основанія царства Парѳянъ.

Монеты бактрійскіе и и.-скиѳскія изображены у Wilson'a: Ariana ant.

272. Эра Саковъ, по М. Мюллеру (Indien), относится къ 78 г. до Р. Хр. и означаетъ не изгнаніе Саковъ, а восшествіе на престолъ Канишки, царя Саковъ. Нѣкоторые ученые считаютъ, что Викрамадитія (Великій) жилъ не въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Хр. (Lassen), а въ 6-мъ по Р. Хр. (Weber: Ind. Literatur—Gesch).

273. Ср. Wilson: Aryana. 349.

274. „Эмблемы шиваитскія“. Ср. Wilson: Ar. ant., Lassen: I. Sk. Könige 188.

„Формъ Пракрита“. Lassen тамъ же 172 и сл.

276. „Вагара Мигира“ умеръ, по М. Мюллеру, въ 587 г. по Р. Хр. Ahura-Maja. Die spätere Tradition d. Maja in den westlichen Länder... versetzt-Weber: Ind. Litt. 225, 5. Онъ его считаетъ за Птоломея.

278. „Китайскіе разсказы о землѣ Вановъ“. Гдѣ?

279. „Парута, Асагарта, Парѳива“. Ср. Коссовичъ: Inscriptiones. Glossarium. Парута у него „parika—anterior“.

О религіи Парѳянъ ср. Rawlinson: VI-th Or. Monarchy, 499 и сл.

Принято теперь почитать Парѳянъ болѣе Туранцами (?) чѣмъ Арійцами, благодаря участію скиѳскаго элемента въ образованіи Парѳіи—государства. Rawlinson по этому поводу говоритъ, что самое имя „Скиѳъ“ означаетъ не столько племя, сколько образъ жизни—скитальцевъ. Были, впрочемъ, и осѣдлые Скиѳы. Arsaka по нѣкоторымъ источникамъ Скиѳъ, по другимъ—Бактріецъ.

282. Діодоръ II. 16—19.

О писателяхъ двора Викрамадитьи ср. Weber: Ind. Litt. 189 и сл.

283. „Выгнавъ касту Кшатрій“. Nach den Puranen ist die Kriegerkaste sch seit langer Zeit ausgerotet. Benfey (Ersch u Gr.), 220.

„Шаманской примѣси“=кушитской. (?).

284. „Слова Аякса“. Иліада, VII, 95.

286. „Неоплатонизмъ“. О его миѳологіи и отношеніи къ ученію объ эманаціи. Cp. Plotin Enneades, trad. Bouillet, II, 535; I, 496 и 500.

Авторъ не зналъ Шопенгауера.

289. „Шаманъ“ и т. д. раннее проникновеніе Буддизма въ Монголію несомнѣнно. Koeppen, Budha 2 т.

290. „Гаутама“ имя, принятое Буддой при посвященіи (nomen professionis monasticae) „Нараяна“. Значеніе этого слова ср. Colebrooke Rel. H.

Матасіендра-Локешвара. Ср. выше, стр. 174.

291. „Два Шакіямуни“. Это ошибка, происшедшая отъ неточности хронологіи Будды.

292. Борьбу Брахманства съ Буддаизмомъ Лассенъ относитъ къ болѣе позднему времени.

293. „Бабериды думаютъ о примиреніи Джаинства съ Мослемомъ“. Авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду султана (шаха) Акбара † 1605 г.

294. Точное символическое значеніе Дагопы (ступа, топа) еще не вполнѣ выяснено. Koeppen, Buddha I, 535, считаетъ ее за водяной пузырь, эмблему пустоты, ничего, Нирваны.

295. Наиры, выходцы изъ З. Ирана въ Индію. Rawlinson VI-th. Monarchy.

„Поліандрія“ у жителей Тибета. Lassen, 2,875. То же и у Тодовъ и въ Деканѣ.

„Женскія божества В. Иранцевъ“. Танаисъ—Анагита. Nanaia или Nana. Lassen. 2, 891.

„Обычай Западнаго поморья“ у Ликійцевъ. Гер. I, 173.

298. „Борьба двухъ ученій“.Lassen, 2, 1082.

302. „Власть евнуховъ и Лао-Тзеу“ (?).

„Надпись въ Сиганфу“—у d’Herbelot: Bibl. Suplément.

„Китай былъ въ сношеніяхъ съ Константинополемъ“ Древнѣйшее извѣстіе о сношеніи Китая съ Западомъ, по Гезеніусу и Лассену, у прор. Исаіи (XLIX, 12): народъ Синнимъ, приходящій издалека. Они думаютъ, что Китайцы приходили торговать съ Вавилономъ.

303. „Уйгуры“. Нѣкоторые считаютъ ихъ отдѣльнымъ племенемъ (Klapproth: Fundgruben d. Or. 2, 167), другіе (Schmidt; тамъ же, 6, 321) названіемъ общимъ у Монголовъ для инородцевъ вообще. Объ отношеніи ф.-турецкихъ нарѣчій къ и.-европ. и послѣднихъ къ семитическимъ, ср. Cuno: Skythen.

306. „Походъ критскихъ царей въ Сицилію“, Ср. миѳъ о Миносѣ въ погонѣ за Дедаломъ.

Имя Италіи по осскскому нар. „Vitellium“.

307. Мнѣніе о кельтскомъ происхожденіи Умбровъ подробно разсмотрѣно у Гротефенда: Alt.-Italien.

309. „Имя Разена, не бывшее именемъ государства“. По Діон. Гал. (1. 30, р. 80) самъ народъ себя называлъ „Ρασέναι“.

310. „Тагесъ“ божественное лицо, вышедшее изъ земли въ Тарквиніяхъ и научившее Этрусковъ богопочитанію и другимъ тайнамъ—libri Tagetis.

311. „Молчаніе Ксанѳа“. Геродотъ называетъ брата Лида Тирсеномъ, а Кс. Торребомъ. Принято вообще, что эти два имени тождественны.

„Лидія, хранительница чистаго Зороастризма“ (?).

313. „Руны—таинственныя“. Grimm· G. d. D, S. 110 и сл.

Трудно понять, что значитъ. „оставивъ слѣды свои“ и т. д.

Числовыя знаки у Ассирійцевъ. Ср. ассир. клинообр. тексты проф. Никольскаго. Вып. I.

314. „Послѣднее предположеніе довольно вѣроятно по характеру миѳологіи“. Принадлежалъ ли Юпитеръ (Тина) къ числу 12 боговъ (consentes) или былъ тринадцатымъ—въ точности неизвѣстно. O. Müller: Etrusker, II, 83.

315. „Сабеллы—уменьшительное“. Этимъ именемъ назывались только мелкія общины. Pauli: R. E. s. v. Sabini.

317. „Книги Нумы“ открыты были въ 181 г. до Р. Х.

„Сабинскій культъ“. Ср. Preller: R. M. 18 и сл. Нума—представитель онаго. Плутархъ (Нума, 8) допускаетъ въ его установленіяхъ только безкровныя жертвы. Впрочемъ издревле существовали жертвы не только животныхъ, но и человѣческія, которыя вѣроятно авторъ почитаетъ не сабинскаго происхожденія.

„Отсутствіе „д“ въ этрусскомъ языкѣ“. O. Müller: Etr. 2, 294.

318. „Семо-Санкусъ—Юпитеръ“. Что это божество вполнѣ соотвѣствовало понятію о высшемъ божествѣ—это несомнѣнно. Но сопоставленіе его съ Юноной—сомнительно. Впрочемъ эта фраза вся неясна.

„Соранусъ и Феронія“. Соранусъ—прозвище Аполлона Сорактскаго. Но Preller (R. M. 239) думаетъ, что гора получила названіе отъ древняго бога, который, сопоставляемый съ Фероніей, а она съ Юпитеромъ-Анкеуромъ, былъ болѣе или менѣе тождественъ съ послѣднимъ. Iuno-Feronia Orelli, inscr. 1314, 15, 17.

„Священное число 4 у Сабиновъ. Нума учредилъ: 4 авгура, 4 понтифекса, 4 весталки и т. д.

320. „Нума напоминаетъ Пиѳагора“. Таковымъ хотѣлъ его представить Плутархъ.

„Таинственный младенецъ“. Вѣроятно воспитанный Эгеріей юноша—Virbius. Klausen: Aen. 959 стр.

320. Оски почитались позднѣйшими Римлянами представителями грубости и невѣжества. Языкъ народный, patois, назывался lingua osca.

„Свидѣтельство еллиновъ“. Греки долго называли Римлянъ Опиками-Осками и ихъ отношенія, нѣсколько презрительныя къ Оскамъ, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ Оскамъ въ точн. смыслѣ. Ср. Grote: Hist. of Greece, III 466a.

„Оскскіе наемники въ Сициліи“. (?).

322. „Молдо-Валахія—оскская колонія“. По Страбону, Оскскій народъ исчезъ, а языкъ пережилъ народъ, оставшись въ роли „patois“. Если есть сходство между формами м.-валашскаго языка съ оскскимъ, то, вѣроятно, это происходитъ отъ того, что римскіе солдаты принесли съ собою въ Дакію и сосѣднія страны простонародную рѣчь.

323. „Эпотрійцы родня Слав. Иллирійцамъ“. Діонисій Гал. почитаетъ Эпотра сыномъ иллир. царя Ликаона. Ихъ часто сопоставляютъ съ Хаонами, племенемъ ѳракійскаго корня.

325. „Подъ учеными, объяснившими имена Діомедъ и др.“ авторъ подразумѣваетъ Клаузена и его книгу: Aeneas u. die Penaten.

326. Поклоненіе Вестѣ“. Хотя культъ Весты и связывается у Римлянъ съ преданіями объ Энеѣ, тѣмъ не менѣе замѣчательно, что у Гомера (кромѣ гимновъ) она не упоминается какъ божество. Klausen почитаетъ ея культъ, занесеннымъ въ Италію Энеидами. Ср. 166 и сл.

„Конный строй“. Троянцы у Гомера и Гезіода называются укротителями коней. За Ганимеда Зевсъ уплатилъ конями. Кони Лаомедона. У Римлянъ существовали издавна Troiae lusus, конныя игры—карусель. Ср. Pauli, R. E. s. v.

327. „Лавиніумъ и Альба сохранили первенство“, ср. Niebuhr: Vorles. 1, 110,

„и рѣзкія особенности быта и языка“. Это вѣроятно надо понимать въ смыслѣ отличія Лат. союза съ Альбой во главѣ отъ той части Лаціума, которая не была колонизована Альбою, и Римъ въ томъ числѣ—то, что древніе называютъ „populi Albanenses“. Хотя Римъ и былъ основанъ изъ Альбы, но онъ не былъ колоніей Альбы.

330. Urbs—срубъ. Любопытно для узаконенія смысла сравнить W. Helbig: die Italiker in der Po-ebene. 45 стр.

331. „Rea“. Нибуръ считаетъ, что это имя означаетъ просто „die angeklagte“.

332. „Эпоха Ромула осталась не въ почетной памяти у Патриціевъ“ (?). Jedenfalls war R. nicht als Held und Gott der Palatin hervorgehoben wie er später als solcher alle Könige überstrahlte. Pauly R. E. 6. 1, 547. О смерти Ромула ср. Preller: R. M. 704, убитъ громомъ (апоѳеозисъ); убитъ сенаторами.

Тибръ, по древнимъ сказаніямъ, назывался Rumon. Preller: R. M. 695.

333. Авторъ, говоря „о границѣ, не уступающей даже Юпитеру“, обагренной кровью брата, имѣлъ въ виду, вѣроятно, извѣстный разсказъ объ основаніи Капитол. храма Юпитера, на мѣстѣ котораго находился храмъ Терминуса, и видитъ въ немъ указаніе на высокое понятіе о границѣ, въ жертву каковому Ромулъ принесъ даже брата.

334. „Одинъ взглядъ на войско оскверняль первосвященника“: flamen dialis. Gühl u Kohner: d. Leben der Gr. u R. 2, 308.

Всѣмъ жрецамъ воспрещалось употребленіе желѣза какъ въ священнодѣйствіяхъ, такъ и въ собственномъ обиходѣ. Preller: R. M. 116.

„Униженіе женщинъ въ отношеніи правъ гражданскихъ“. Bei der strengeren Ehe tritt die Frau in das eigenthümliche Verhältniss das man mit alt—Deutsch. Ausdruck Kindschaft nennen könnte. Niebuhr: Vorl. ü. R. A. 577. Mommsen: R. G. I, 54.

337. „Для древняго Грека мертвый“ и т. д. Die Strafen u. Belohnungen—von denen in früherer Zeit nicht die Rede ist und nicht sein könnte. Preller: G. M. 1, 640. Diese φυγαί sind ewig, aber ἀφραδέες, ohne die Fähigkeit zu denken. Nägelsbach Hom. Theol, 404. Ср. у Виргилія схожденіе Энея въ Аидъ.

338. „Споръ, принадлежащій собственно Рамнамъ“. Это мнѣніе основано вѣроятно на борьбѣ Горацієвъ и Куріацієвъ (Нибуръ считаетъ Горацієвъ Луцерами).

339. „Vicus Tuscus“—мѣстность около теперешней церкви S. Giorgio in Velabro.

„Луцеры введены въ сенатъ Тарквиніемъ Древнимъ“. Нибуръ считаетъ его Латиняниномъ, а Сервія—Этрускомъ.

340. „Стихія эллинская при Тарквиніи“. Его отецъ, Демаратъ, Грекъ; по матери онъ—Этрускъ.

„Фокейцы“. Klausen: Aen. 603.

342. „Названіе Аркадцами Тирреновъ“ (?).

343. „Пиѳагора, Геліодота и др.“. Это имя „Геліодотъ“ можетъ быть объяснено только какъ относящееся къ Пиѳагору. По сказаніямъ позднѣйшимъ, Пиѳагора почитали сыномъ Геліоса-Аполлона. Ср. Grote: H. G. IV, 525—29. „Мемнонъ“. Одиссея, II, 522.

„Колоніи Сидонскія приписываются потомкамъ Венеры“, т.-е. вѣроятно въ сказаніяхъ греческихъ (?).

344. „Сибилла, иногда вдохновлявшая Пиѳагора и Нуму“. По Плутарху.

„Римъ принимается въ союзъ городовъ Этрусскихъ“. Ср. О. Мюллеръ: Etrusker, I, 119.

345. Стосемидесяти-лѣтнее безкумирное поклоненіе Римлянъ. Варронъ у Aug. de C. D. IV, 31.

346. Въ гаруспиціяхъ особенную роль играетъ небесный огонь — молнія „Тарквиній Гордый обратилъ плебеевъ въ рабство“. Es ist möglich dass er die Plebejer als seine Frohnknechte gebrauchte. Niebuhr: Vorl. 1, 196.

„Убѣжище — Asylum“. По Нибуру не включало въ себя плебеевъ, а только кліентовъ.

347. Языкъ царскаго времени не понятенъ Римлянамъ позднѣйшихъ вѣковъ. Ср. Моммсенъ, R. G. 1, 204—5.

348. „Преторство-консульство — Рамны и Тиціи. По Нибуру, первое время они представляли патриціевъ и плебеевъ: Брутъ—плебей.

355. „Церера, покровительница Плебса“. Liv. II, 41; XXXIII, 25; Preller: R. M. 434.

359. „Киммеріи въ Италіи“. Pauli: R. E. s. v.

Геродотъ, IV, 49.

360. „Угроза плебеевъ переселиться въ Веи. Liv. VI, 4 (?).

361. „Амбигатъ“. Liv. V, 34.

„Торговые Венды“ т.-е. Лигурсгкія племена, почитаемыя авторомъ за смѣсь Вендовъ съ Кельтами. Ср. выше.

„Таковъ смыслъ сказанія“. Liv. VI, 34.

365. Галаты перешли черезъ Геллеспонтъ въ 279 г. до Р. Х.

366. „Нарушеніе народныхъ правъ въ лицѣ посланниковъ“. Ср. Mommsen: R. G. 1, 304. Послы ввязались въ борьбу Этруссковъ съ Галлами подъ Клузіумомъ.

369. „Молохъ—Милитта“. Movers: Rel. Phön. 451—2. Израиль-Іеуда, тамъ же, 130.

370. „Гормуздъ Буддаистовъ“. Христіанскія сказанія. Köppen: Buddha, 2, 88.

371. Римъ не могъ уничтожить безчеловѣчнаго поклоненія Карѳагена. Ср. Lenormant: H. A. VI, 658.

374. „Ксантиппъ“ у Полибія, I, 32 и сл. 36.

376. Филиппъ тайно помогалъ Ганнибалу. Mommsen. R. 9, I, 672.

377. „Этолійцы“. Свидѣтельства о нравахъ Этолійцевъ собраны въ R. E. Pauli, I, 491.

378. „Египетъ еще хранилъ жалкую независимость“. Это вѣрно только относительно послѣднихъ Лагидовъ. Ср. Liv. XIV, 38.

379. „Бѣлозора“. Шафарикъ: Sl. Altert. 1, 254. Откуда взято извѣстіе, что она столица (?).

380. О характерѣ римскаго опредѣленія possessio, см. Savigny: das Recht des Besitzes § 1.

381. „Provincia“. Это слово производится различно. Нибуръ тоже отъ proventus—Steuergut.

385. „Тотъ или теотъ (люди)“. Такъ какъ этотъ корень встрѣчается одинаково какъ въ германскихъ, такъ и въ кельтскихъ нарѣчіяхъ, то на немъ едва ли можно строить выводы въ пользу той или другой національности Тевтонцевъ. Ср. Pott: Et. Forsch, 2, 2, s. v.

Въ фастахъ Капитолійскихъ подъ 222 г. de Galleis, Insubribus et Germaneis. Dieffenbach: Origines, 133.

386. Сходство, замѣченное древними между Кимврами и Лигурами. Плутархъ, Марій, XIX и др.

387. „Понтъ“. Хотя Понтійское царство дѣйствительно окрѣпло въ эпоху Діадоховъ, но оно основано было раньше при Артаксерксѣ 2-мъ сатрапомъ Фригіи Аріобарзаномъ.

391. „Рѣчь еллиновъ о Римѣ“. Моммсенъ (R. G.1, 676) почитаетъ вторую войну съ Филиппомъ дѣломъ высокаго безкорыстія со стороны Римлянъ. Того же мнѣнія и Нибуръ. Но онъ видитъ въ услужливости Рима желаніе снискать тѣ именно похвалы, которыя изложены въ упомянутой рѣчи, такъ какъ Аѳины еще въ то время пользовались великимъ обаяніемъ.

397. „Венера“. Въ ея отношеніи къ загробному міру она называлась Libera-Libitina. Иногда отождествляется съ Прозерпиной. Preller находитъ впрочемъ указаніе на такой же культъ ея и у Грековъ. Gr. Myth, 277, I т.

399. Прим. „Аквилея покланялась“ и т. д. Ср. Венелина: Крит.-ист. изслѣдов., т. 2, 124 и сл.

402. Та-Тсинъ. Римъ у Китайцевъ, ср. ниже.

406. Проповѣдь была не безуспѣшна. Victoribus victi leges dederunt. Seneca.

„Племя Гомеритовъ... начало новаго ученія“—магометанства.

„Ицатъ царь Адіабены“. Ср. Jost: Gesch d. Judenthums, 2, 225 и 1, 341.

„Въ Дамаскѣ большинство женщинъ“. Моммсенъ (въ русск. переводѣ), т. V, стр. 482.

413. „Славяне жили со всѣми особенностями“ и т. дал. Шафарикъ: S. Alt. 2, 340.

„Райнъ“, городъ Баваріи, при впаденіи Леха въ Дунай.

414. „Народъ Паннонскій“. Ср. Нибура: Vorl. ü. R. G. 3, 154.

„Были оплотомъ Имперіи“. Pauli: R. E. 5, 1124 стр.

„Завѣщая потомкамъ преданія“. Вѣроятно тѣ, которыя сохранились у Нестора и др. слав. лѣтописцевъ.

415. „Имена городовъ“. Ср. Шафарика, S. A. 1, 254.

419. „Отвратительнаго ряда“, не отдѣльныхъ лицъ, а именно—ряда.

422. „Виндонумъ“ описка вмѣсто „Vindomum“ совр. „Fulham“.

423. „Не Римъ... но Эллада“ и т. д. Ср. Валуева: Ист. Сборн., стр. 256.

424. „Свидѣтельство самихъ Нормановъ“. Ср. Antiquitates americ. (1837 г.), стр. 201 и сл.

430. „Тетрикъ“—privatus diutissime vixit. Евтропій, XI, 13.

432. „Темные слухи доходили до Китая“. Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду борьба Гунновъ и Аланъ. по кит. ист. ср. Гиббона: Decline, III, 315.

„Генеръ и Квасиръ“. Послѣднее имя поставлено ошибочно вмѣсто „Ніордра“. Ср. W. Müller, Alt-d. Rel. 210.

„Венедское блато“. У Птоломея „Венедскій заливъ“. Ср. Гильфердинга: Балт. Слав. 16. Названіе „Сарматскій океанъ“ встрѣчается у того же Птоломея. Cuno: die Skythen, 144 стр. Sarmaticum mare, Tac. Germ. 45. Такъ какъ имя Балтія (искаж. Basilia) восходитъ до Питеаса (320 до Р. Х. de Pythea mass. Fuhr, стр. 62) то авторъ видимо почитаетъ „Балтійское“ древнѣйшимъ названіемъ и, слѣдовательно, славянское наименованіе основнымъ. Шафарикъ не соглашается на производство этого слова отъ „блато“, S. A. 1, 453.

433. „Цари отъ Фрейра“. Müller, 270, прим. I.

Множество словъ славянскихъ въ шведскомъ языкѣ. Sshafarik, S. A. 1, 439 и сл.

434. „Rocas et Navego“. Ior. XXIII.

„Boz rex Antarum“. Ior. XLVIII. „Роксаланскій“ здѣсь ошибка, исправленная ниже.

„Оіорпата“—Амазонка. Cuno: Skythen, 197 стр.

436. „Траяна нападеніе на Индію“. Онъ жалѣлъ, что не можетъ, по старости, идти въ Индію съ построеннымъ имъ флотомъ. Rawlinson: Sixth O. Monarchy, 312 и сл.

439. Въ „Первоначальныхъ лѣтописяхъ Китая“ Шунъ былъ усыновленъ Яо. Зап. Кит. 1, 234.

442. „Нѣмцы въ среднихъ вѣкахъ“ и т. д. Въ книгѣ „Исторіографія“, изданной въ 1722 г. и переведенной съ итальянскаго, Вандалы изображаются Славянами. Хотя книга итал. происхожденія, но въ перечнѣ источниковъ поименовано много нѣмец. писателей.

443. „Герулы“. Дикіе ихъ обычаи описаны Прокопіемъ.

Саксы появляются впервые какъ морскіе разбойники въ 286 г. по Р. Х.

445. „Свидѣтельство Саксона“. Ср. т. V, стр.

„Бѣлбогъ“. Ср. Гильф. Ист. Б. С.

„Чернобогъ и Сива“. Shar. Turner: Hist. of the A. S. 1, 130.

„Нападеніе Мавровъ на Испанію“. Ср. Pauli: R. E. IV, 1662.

„Происхожденіе ихъ“, тамъ же, 1664.

446. „Оденатъ“ носилъ титулъ: princeps Saracenorum.

446. О Сассанидахъ. Ср. Rawlinson: Seventh O. Monarchy.

456. Траянъ издалъ общій законъ противъ замкнутыхъ обществъ (гетерій), подъ каковую категорію могли быть подводимы и Христіане. Неандеръ: K. G. 1, 53 в.

458. „Китай принимаетъ римскихъ пословъ“. Ср. Gibbon: Decline II, 80. Въ 166 г. по Р. Х. китайскія лѣтописи говорятъ о посольствѣ изъ царства Та-Тсинъ отъ государя An-thun (Антонинъ), d'Herbelot: Bibl. Or. 2.

Намѣреніе воевать съ Римомъ выражалось, можетъ быть, въ походѣ китайскаго военачальника до береговъ Каспія во времена Траяна (тамъ же).

459. „Огузъ-Ханъ“. Oppert: Presb. Iohannes 131. Hammer: Purg Gesch d. Ilchané, говоритъ о лѣтосчисленіи „oghusiche Aera“ въ Трансоксіанѣ. II, 358.

Слово „Будда“ буд—будичь разбуженный. Сближеніе съ Путъ, явно, не основательно.

460. „Самбу-Крипа“ отъ „Swajambu“—самосущій.

461. A'Hérbélot. B. O. Suplément, стр. 29 и сл.

462. Мнѣніе, смѣшавшее Гіонг-ну съ Гуннами, идетъ отъ De Guignes. Оно потеряло вѣсъ въ ученомъ мірѣ. Ср. A. Remusat: Obs. sur la triade Suprême.

„Славяне получили добродѣтели отъ Гунновъ“. Прокопій, b. goth. III, 14.

464. Эта опечатка напоминаетъ мнимую ошибку въ хронологіи, которая была подмѣчена Грановскимъ въ полемикѣ съ Хомяковымъ; и которая была тоже простая опечатка... ср. соч. Х—ва III, 141.

465. „Князь прикарпатскихъ Антовъ“. Здѣсь исправлена авторомъ ошибка, по которой Бой былъ названъ кн. Роксалановъ.

466. Хотя Сигурдъ и Зигфридъ тождественныя лица; тѣмъ не менѣе Зигфридъ является лишь въ Нибелунгахъ и тамъ не носитъ названіе Гунна.

„Hunaland“. Ср. Grimm, D. M. Hunne.

Rosomanorum gens infida. Iorn. XXIV.

467. У Іорнанда послѣдняя жена Аттилы носитъ имя Ildico. Thierry (Attila) думаетъ, что это искаженное нѣмецкое имя. Здѣсь вмѣсто Іорнанда слѣдовало бы указать на Амм. Марц. подъ 453, который утверждаетъ, что онъ былъ убитъ женщиной, подкупленной Аэціемъ.

„Плѣнъ Ерманариха у царя Исмара“. Saxo. VIII.

468. „Фрейръ, посягнувшій на престолъ Одина“. Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду Эдда. Skirnisför. Все это мѣсто въ Запискахъ не совсѣмъ понятно.

470. „Герулы — предки Литовцевъ“. Конечно только въ томъ смыслѣ, что они подъ именемъ Гирровъ и Скирровъ владѣли частью Литовской земли (?).

474. Ср. безпристрастную оцѣнку его у Гиббона.

478. „Медіоланскій соборъ 355 г.“. Этого нельзя принимать въ буквальномъ

смыслѣ. Хотя по существу сказанное вѣрно. Подъ общимъ выраженіемъ „Мед. соборъ“ надо понимать совокупность соборныхъ дѣяній торжествовавшей при Констанціи партіи. Hefele (Conc. Gesch. I, 696) выражается о папѣ Либеріи такъ: „damit hatte er nur das Nicänische Wort, nicht den Orthodoxen Glauben aufgegeben.

482. Граціанъ отказался отъ облаченія Pontifex’a. Neander: K. G. I, 445.

486. „Деньги Гунновъ—Ефталитовъ и Саковъ Бактрійскихъ“. У Wilson’a, Ariana Antiqua. Plates.

487. „Гуниваръ“. Іорн. LII.

489. „Персеваль-Передуръ“. Ср. Gervinus: Gesch d. D. Dichtung, 1, 571 и сл.: princeps Venetorum (?).

491. „Гапта“, имя родоначальника царей готѳскихъ — „Origo Amalorum“. Іорн. XIV.

499. „На Западѣ кругъ дѣйствія Христіанства былъ тѣснѣе: оно захватывало города“ и т. д. Что Христіанство вообще распространялось сначала въ городахъ—несомнѣнно; но на Востокѣ уже рано существовали христіан. общины и въ селахъ. Ср. Неандера: K. G. I, 44 а (хорепископы, періодевты). О состояніи религіозномъ поселянъ въ 5 вѣкѣ на Западѣ ср. Boissier: fin du Paganisme, 2, 95: описаніе праздника св. Феликса въ Нолѣ. Законъ Гонорія 399 г. объ уничтоженіи языческихъ храмовъ „по селамъ“.

500. „Въ ней христіанство было мертво“. Авторъ этимъ, кажется, хотѣлъ сказать, что оно слишкомъ прилѣплялось къ государственности, которое, сравнительно съ вѣрой, начало не живое. G. Boissier: fin du Pag. 2, 423, говоритъ объ „Attachement de l’Église pour l’Empire“. Выводъ же этотъ онъ основываетъ на писателяхъ исключительно западныхъ — S. Augustin, l’histoire d’Orose et le traité de Salvien.

ГПБ Русский фонд
38.41.4.82
/6